

Надежда Фелотова

Макрыло
Готов ты или нет

Хрупкому миру недолго осталось держаться. Тучи сгущаются над Геоном: вечный соперник не дремлет, а давний союзник не спешит откликаться на зов. И вот уже пылает в ночи древняя цитадель, бьются сердца, оживают легенды, неся на своих крыльях ярость и смерть...

Буря идет.

И совсем скоро придет время битвы — готов ты к ней или нет.

Глава 1

Головной корабль вошел в бухту первым — неспешно и величаво, как полагается королевскому фрегату. Белые дуги парусов упруго трепетали в такт попутному ветру, горделиво приподнятый вверх бушприт сверкал над волнами остро заточенной иглой, дрожали лазурные, вышитые серебром флаги на мачтах, и небо над ними, раскаленное зноем, казалось выцветшей голубой фланелью. Сейчас, в полдень, всё вокруг казалось выцветшим — и пестрый, переполненный народом порт, и розоватые прибрежные скалы, и поднимающиеся на холм, к городским стенам, запруженные повозками дороги, и сами эти стены, и город, белеющий куполами за крепостным валом желтого песчаника, — одно лишь пронзительно-бирюзовое море не проиграло битву солнцу. Оно и ярко-голубые, пляшущие по ветру полотнища флагов на мачтах высоких гостей. Посольство Геона прибыло в Алмару.

— Что за пекло! — вполголоса обронил граф Бервик, утирая лицо платком. Адьютант его сиятельства, стоящий позади, подавил тяжкий вздох: мокрый как мышь в своем плотном мундире, застегнутом на все пуговицы, он не разделял графских страданий. Его сиятельство по крайней мере мог себе позволить снять камзол, а его адъютанту этого ни при каких обстоятельствах не полагалось...

Бервик, щурясь, приставил ладонь к глазам. Небольшая посольская флотилия вот-вот готовилась войти в порт Джумы — большого приморского города на юго-восточной оконечности Алмары, откуда им предстояло караваном двинуться на Кирам. И сам Бервик, и его изнемогающее от жары сопровождение, утомленные трехдневным морским путешествием по беспокойному морю, предпочли бы заночевать в Джуме, но, увы, времени на дорогу было не в избытке. «Хорошо бы до темноты добраться, — думал граф. — И успеть хоть немного передохнуть... Слава богам, лучезарный аль-маратхи осчастливил мир своим рождением в конце сентября! По летнему времени мы спеклись бы еще на подходе к Джуме». Его сиятельство вновь отер с лица пот. Город-крепость Кирам, центр одноименной провинции, был лишь отправной точкой грядущего почти недельного пути по Золотой дороге. Из него посольство Геона должно было двинуться в столицу через торговый Бэйет, затерянную в песках Хаттафу, Дагхаби — величественный город храмов и центр духовной жизни Алмары, и только потом, наконец, прибыть в столицу. Неделя — не год, да и великолепный Тигриш, эта «шкатулка чудес», того стоил, но всё же... Будь здесь хоть вполовину не так жарко!..

Бервик, мельком оглянувшись через плечо, сочувственно крикнул.

— Держись, Лэнгли, — сказал он несчастному адъютанту. — Мы почти на месте. И по крайней мере от качки боги нас скоро избавят.

Тот вздохнул уже в голос — морской болезнью он не страдал, а вот зной переносил плохо. Графу же, как представителю древнего южного рода, и здесь было проще. Качка! Так ведь караваном верблюжьим идти — не мягче... Подумав об этом, адъютант окончательно пал духом. Бервик, заметив это, качнул головой.

— Иди вниз, — сжалившись над мучеником, сказал он. — Пока до берега доберемся, пока пришвартуемся — около часа у тебя точно есть. Сними мундир да опрокинь на себя пару ведер, полегчает.

— Но как же...

— Не геройствуй. Нам еще до ночи в седлах преть, а запасного адъютанта у меня нет.

Иди! И пришли мне сюда Франко.

Лэнгли упорствовать не стал. Его сиятельство оглянулся на мостик, в очередной раз утерся насквозь просоленным платком и облокотился о борт. Лицо его из утомленного сделалось напряженно-сосредоточенным. Жара, несмотря на все связанные с нею неудобства, была всё же наименьшим из зол. То же касалось и грядущей дороги, к тяготам дальних поездок Бервику было не привыкать. Однако столь важную миссию он принял на себя впервые.

В конце сентября правителю Алмары, лучезарному аль-маратхи Селиму Тринадцатому, прозванному в народе Мудрым, исполнялось пятьдесят. И этот факт, ввиду значимости даты, определенно взывал к чему-то большему, нежели трехдневная череда пышных празднеств, коими Тигриш обыкновенно чествовал своего владыку. Нынешнее торжество должно было затмить своим величием все предыдущие — и в желающих нагреть на этом руки недостатка не было. Со всего света в столицу Алмары стекались торговцы диковинками, хозяева передвижных зверинцев, авантюристы и авантюристки всех мастей; почтенные купцы, предвидя солидную прибыль, от сброда не отставали, а владельцы постоянных дворов Тигриша в предвкушении потирали руки, готовясь принять их всех — хватило бы места. Посольства союзных держав одно за другим прибывали в Алмару на кораблях, доверху нагруженных дарами, и держа в уме перспективы добрососедства, замешанного на взаимной выгоде. Одним словом, всё было как всегда, разве что с большим размахом... Геон, конечно, не остался в стороне — и как ближайший сосед, и как давний союзник — только задача, поставленная перед главой его посольства, существенно отличалась от привычного всем обмена подарков на привилегии.

— Дело вам предстоит непростое, граф, — сказал верховный маг Геона в ночь перед отправкой посольства, когда все путевые грамоты были подписаны, дары — погружены, а будущий посол мира в лице его сиятельства явился в апартаменты его светлости для уточнения последних деталей. — Необходимо убедить Алмару в нашей лояльности. Полнейшей лояльности, а если потребуется — даже преданности. В разумных, тем не менее, пределах.

— Насколько разумных, ваша светлость? — уточнил Бервик. — Смею заметить, Алмаре не впервой торговаться, а слабость позиций восток чует за милю.

Верховный маг печально вздохнул и развел руками.

— Полагаю, — после небольшой паузы ответил он, — расстановка сил не в нашу пользу, и так или иначе мы окажемся в положении просителя — что неприятно, но, увы, неизбежно и в какой-то мере связывает нам руки. Однако хорошую мину при плохой игре, если постараться, сделать можно...

— Нужно, ваша светлость, — задумчиво протянул собеседник. — Иначе нас оберут до нитки, не предоставив в обмен ничего. Селима Тринадцатого не на пустом месте прозвали Мудрым — вспомните хоть его договор с Ветрами Пустыни! Алмара получила разветвленную сеть безопасных караванных троп и серьезную защиту с юга, тогда как шарарцам, кроме номинально очерченных границ и еще более номинальной независимости, мало что перепало.

— Шарарская пустыня получила вполне реального принца, — напомнил эль Гроув, имея в виду брачную договоренность между Алмарой и Шараром — клановым союзом, чьи вожди именовали себя Ветрами Пустыни и испокон веков властвовали над ней, даже невзирая на гнет всеильного соседа. — Конечно, младший сын он и в песках младший, но

все-таки. Жаль, ее высочество принцессу Идееллу не удалось в свое время просватать за старшего!

Бервик неопределенно повел плечом. Сестра наследного принца была замужем за вторым сыном правителя Алмары, что в любом случае не играло особой роли — принцесса в интригах была не сильна, и на ее помощь вряд ли стоило бы рассчитывать, случись ей даже стать женой самого аль-маратхи, ане его невесткой. С другой стороны...

— Принц Юсуф любящий муж, — проговорил его сиятельство, — и всегда благоволил Геону. К тому же он глава монетного двора и, подобно своему отцу, предпочитает золото стали. Что касается продвижения наших интересов в Алмаре, то тут ее высочество, конечно, не помощник. Но хотя бы на приватную встречу с ее супругом, полагаю, я могу рассчитывать.

— Разумеется, — склонил голову эль Гроув. — Чего от нас в первую очередь как раз и ждут.

— То есть, на заступничество принца Юсуфа чересчур полагаться не стоит?

— Утверждать не берусь, но скорее всего. Что в любом случае не исключает необходимости этой встречи.

— Так же, как и многих других встреч?.. — задумчиво протянул его сиятельство. — Проторенной дорожкой, понимаю... Наш посол в Алмаре, принц Юсуф, первый советник Селима Мудрого, его старшие помощники, и далее, далее, далее. Остается только надеяться, что вес многочисленных подарков не пустит ко дну всю нашу флотилию. Но все-таки, ваша светлость, — на кого из алмарской верхушки я должен сделать главную ставку? Само собой, последнее слово за аль-маратхи, но даже если я удостоюсь высочайшей аудиенции, вряд ли от этого будет толк.

Герцог эль Гроув, помолчав, улыбнулся.

— А кого бы вы сами выбрали, граф?

— Главу почтового двора, — без колебаний отозвался Бервик. И досадливо поморщился: — Только, боюсь, одного моего желания тут мало. Вы ведь знакомы с шафи ан Махшудом и куда лучше моего знаете, что это за человек. Положа руку на сердце, я совершенно не представляю, как к нему подступиться. Мзду он не берет, на подарки его тоже не купишь — он безраздельно предан Селиму Тринадцатому и живет только его интересами... В случае с ан Махшудом даже об аудиенции нечего и мечтать!

— Соглашусь, — не без сожаления кивнул достойный мэтр. — Встретиться с шафи вы сможете только в том случае, если он сам того захочет — на что, прямо скажем, я бы не рассчитывал. Почтовый двор Алмары даст фору даже моей тайной канцелярии, а что касается ан Махшуда... Он верный раб своего повелителя, но раб умный, хитрый, и с поистине бульдожьей хваткой. Пока он сидит у трона, Селиму Мудрому опасаться нечего — чего я, увы, никак не могу сказать о нас. Понятия не имею, что знает шафи о грядущей войне и о Дымке, но что-то ему определенно известно. А вот что именно, и как он планирует это использовать, предугадать невозможно.

— Но попытаться стоит?

— Безусловно. Хотя я бы предпочел точно знать... Но тут всё зависит от нестигаемого шафи, так что нет смысла тратить время на пустые догадки. Подведем итоги. Всю необходимую информацию вы от меня уже получили, с остальным разберетесь на месте. Кроме того, секретарь нашего посла в Тигрише, что по торговым делам, вынужден оставить должность, и вместе с вами завтра отправится тот, кто его заменит — Угге Ярвис, один из

моих старейших агентов и в высшей степени компетентный человек. Ближе к почтовому двору он вас, конечно, не сделает, однако...

— Ярвис? — прищурился граф. — Знакомое имя. От него так и веет золотом. Купец, или я ошибаюсь?

— Нисколько, — краем губ одобрительно улыбнулся эль Гроув. — Семейство Ярвисов не первое десятилетие состоит в торговой гильдии Лессина, причем отнюдь не в последних рядах. Что, как вы понимаете, тоже нам на руку. Угге знает расклад, и трех дней пути, полагаю, ему вполне хватит, чтобы поделиться своим знанием с вами.

— Благодарю, ваша светлость.

— Не стоит. От успеха вашей миссии в Алмаре напрямую зависит судьба Геона, не время трястись над кадрами!.. Надеюсь, Ярвис будет вам полезен.

Палуба накренилась, и Бервик машинально стиснул пальцами скользкое дерево борта. Потом обернулся в сторону капитанского мостика и мрачно хмыкнул себе под нос. Угге Ярвис, маленький юркий человечек с обширной лысиной и хитрыми лисьими глазками, что сейчас обливался потом за спиной капитана, действительно оказался бесполезен. И «расклад», состоящий из ветвистого хитросплетения левых поставок, устных договоренностей, рискованных сделок, тайных прожектов и запутанных схем сбыта выдал такой, что любо-дорого — правда, касалось всё это в основном торговли. Разумеется, золото всегда и везде правит бал, однако полученная информация в чистом виде пока что немногого стоила. Её следовало еще пристроить к делу, каковое, увы, долгого планирования с подсчетом возможных рисков не предполагало: сроки пребывания посольства в Тигрише были заранее оговорены, а что такое неполные две недели?.. «Только общую расстановку сил прикинуть да мосты навести, — хмуро подумал Бервик. — И то еще постараться придется — с их-то восточной неторопливостью... Сюда бы эль Гроува!» Вспомнив о Птицелове, его сиятельство только вздохнул про себя. Верховного мага Геона и главу тайной канцелярии поставить во главе посольства не представлялось возможным по многим причинам.

— Лево руля! — прогрохотало с мостика. — Держать на Первый причал! Прямые паруса убрать!..

Фрегат накренился еще больше. В лицо графу полетела мелкая соленая взвесь, и он, поморщившись, чуть отстранился от борта. Сапоги заскользили по палубе. «Где Франко? — с некоторым раздражением подумал он. — Мы вот-вот причалим. Или у Лэнгли на радостях всё из головы вылетело?»

— Ваше сиятельство! — словно в ответ на его мысли, раздалось из-за спины. Бервик обернулся. Обнаружившийся позади Франко Д'Ориан, бывший соученик графа и один из гвардейцев ближнего круга его высочества, на которого они оба возлагали большие надежды, вытянулся во фронт: — Прошу прощения за задержку, были небольшие трудности в трюме.

— Не течь, я надеюсь? — фыркнул граф.

— Нет, ваше сиятельство. До этого, слава богам, не дошло, хотя не скажу, что кое-кто плохо старался — ваш «особый подарок» сломал замок на клетке и попытался то же самое проделать с бортом. Совсем измучился, бедняга, трехдневную качку и темноту не всякий взрослый дракон выдержит, а он всего полгода как из скорлупы...

Наткнувшись на смеющийся взгляд Бервика, гвардеец смущенно умолк, не договорив. Как всякий наездник, Франко Д'Ориан к драконам относился с большим пиететом, но сейчас в нем скорее говорил обычный человек, души не чающий в детях — без оглядки на вид. А «особый подарок» по сути и был ребенком, разве что драконьим, и суровый

северянин всю дорогу носился с ним как курица с яйцом, ненавязчиво оттирая от клетки грума и веселя соратников. Впрочем, прохаживаться на этот счет последние предпочитали потише и подальше от «заботливого папаши» — могло и аукнуться...

Бервику возмездие не грозило, однако он все-таки притушил веселье и только спросил:

— Отловили?

— Конечно, ваше сиятельство. Но замок на честном слове держится, придется в порту чинить: телега не трюм, как бы не сбежал все-таки!.. Пока железным прутом заложили, да вряд ли его надолго хватит.

Граф кивнул, принимая к сведению.

— Тогда клетку сгружайте последней, — подумав, распорядился он. — И грум от решетки пускай ни на шаг не отходит. Я поговорю с комендантом, может, новую клетку сможем достать, покрепче... Зверь не покалечился?

— Ни царапины, ваше сиятельство. Я лично осмотрел.

«Ну еще бы», — про себя хохотнул Бервик. А вслух сказал:

— Хорошо. Тогда займись подготовкой к разгрузке. Повозки и конное охранение до Кирама должны уже ждать на берегу, но с местными лучше держать ухо остро, сам понимаешь.

— Будет исполнено, ваше сиятельство, — Франко Д'Ориан щелкнул каблуками и, дождавшись кивка командира, испарился. Он был человек дела и, подобно главе посольства, впервые взял на себя такую большую ответственность, которую просто обязан был оправдать. Бервик понимающе усмехнулся ему в спину. Потом прикинул расстояние до берега, оглядел свои мятые штаны, мокрую от пота рубаху — и заторопился вниз, к каютам.

Первый причал, в отличие от остальных трех, обслуживал только приближенных ко двору светлейшего аль-маратхи и посольства союзных держав, так что обычной портовой суеты, вместе с ее шумом и грязью, здесь не было и в помине: никаких праздношатающихся, никакой суеты, всё к удобству дорогих гостей. Новоприбывших встречал сам комендант порта Джумы с присными, отряд городской стражи, несколько десятков пустых подвод, три десятка верблюдов и две дюжины верховых лошадей. Посольство сошло на берег и спустя время, необходимое для разгрузки, отправилось в город, во дворец наместника, откуда уже в три часа пополудни караваном выступило на Кирам.

После шумной, многолюдной Джумы, раскинувшейся перед путешественниками яркой восточной шалью и почти сразу растаявшей за их спинами как мираж, Кирам показался блеклым, до странности тихим и каким-то заброшенным. Маленький город-крепость, обнесенный высокой стеной почерневшего и спекшегося в монолит песчаника, стоял на страже Золотой дороги, ведущей из Кирама еще через три провинции прямо в столицу, и жизнь здесь была иной. Суровой, по большей части скрытой от посторонних глаз, но оттого не менее интригующей — впрочем, удовлетворить свое любопытство на этот счет Бервику возможности не представилось. Посольство прибыло в Кирам незадолго до полуночи, и кроме почетного караула у ворот да двух шеренг неподвижных стражей на стенах графу ничего увидеть не удалось. Приняли их как должно, разместили в гостевых покоях без проволочек и со всем удобством, покои же окружили бойцами внутренней стражи, так что даже не будь его сиятельство так вымотан долгой дорогой и рискни он высунуть нос из своих апартаментов, далеко бы он всё равно не ушел. Посему, едва притронувшись к ужину, он камнем упал в постель и уснул, а на рассвете, давясь зевотой, вновь забрался в крошечный

шелковый паланкин на спине верблюда и отправился далее.

Далее, по прошествии суток, была еще одна ночевка — в очередной крепости, по виду ничем не отличавшейся от предыдущей, потом еще день пути под раскаленным солнцем, и следующая провинция, Бэйет, где изнывающий от жары напополам со скукой граф наконец увидел настоящую Алмару. Пеструю, многоликую, полнокровную, в чем-то даже избыточную, насквозь пропитанную истинным духом востока — такую, какой не увидишь ни на побережье, ни на каменистых подступах к пустыне. Ослепительно голубое небо, ослепительно белые стены домов, такая же ослепляющая роскошь во всем... А еще — бессчетное множество людей, приезжих и местных, никогда не пустеющие улицы, звонкие голоса торговцев, пение цитр уличных музыкантов, воловий рев, конское ржание, скрип колес и пыль — вездесущая, желтоватыми клубами стелющаяся над дорогой и норвящая забиться всюду, где только найдет лазейку. К сводящей с ума жаре посольство за несколько дней кое-как притерпелось, но пыль проклинали с утра до вечера все как один, даже привычный к разездам Бервик: она скрипела на зубах, оседала на коже, просачиваясь сквозь плотные стенки паланкина, и порой доставляла столько неудобств, что в сравнении с ними меркли все прелести Бэйета. А оных было немало. Бэйет, богатейшая и самая крупная провинция Алмары, красотой и роскошью своей затмевала прочие; с ее рабовладельческими рынками поспорить мог только Эйсер, богатству ее торговой гильдии завидовал Лессин, а простиравшиеся на многие мили фруктовые сады не знали себе равных на двух континентах: когда на вторые сутки Золотая дорога выбралась за крепостные стены и запетляла меж зеленых холмов, все будто захмелели от аромата цветущих фруктовых деревьев. Чего только здесь не было! Персики и абрикосы, апельсины и слива, гранаты и айва, медовые груши, финики, фиги... Сады Бэйета плодоносили дважды в год, принося в казну немалую долю годового дохода целой страны — так же, как и сменившие их виноградники и простирающиеся до самого горизонта пыльно-зеленые поля олив, так же, как золотящиеся поля пшеницы — Бэйет был не только торговой колыбелью Алмары, но и ее житницей. Жаркое солнце согревало этот благословенный край, мутные желтые реки, ветвящиеся искусственными каналами, вдоволь поили землю, и плодам этой щедрости могло позавидовать даже Разнотравье, кормившее не только Геон, но и многих его соседей. Алмара и тут была первой. И редко какой иноземный гость, идущий с караваном по Золотой дороге, мог заглушить в себе предательский голос зависти, хоть и замешанной на восхищении — было, чему завидовать!

Глава нынешнего посольства, подобно многим, тоже не избежал этого недостойного чувства, и потому испытал даже некоторое облегчение, когда земли Бэйета кончились, и после ночевки в пограничной крепости караван вступил в Хаттафу, провинцию настолько пустынную и скудную, что даже не верилось в такое соседство. Только что вокруг зеленели холмы — и вот уже нет ничего и в помине, ни садов, ни полей, ни рек, одна только каменистая, присыпанная серовато-желтым песком пустыня да бескрайнее небо над головой, такое яркое, словно это оно вытянуло из земли все краски. Ни зверя, ни человека. Лишь редкие буро-коричневые пятна ядовитого кустарника зулл да одинокая юркая ящерка, скользнувшая в расщелину между камней — непонятно, была или пригрезилась?..

— В Северных горах больше жизни, — вынес вердикт Франко Д'Ориан, подавленный окружающим запустением. Чахлый оазис, у которого караван встал на привале, являл собой такое же печальное зрелище, поэтому Бервик молча кивнул в ответ. А Угге Ярвис только улыбнулся, отведя в сторону взгляд плутоватых глаз. Этот маленький человек с потной

лысиной никогда не смотрел в глаза собеседнику, взгляд его всегда был в движении, перебегая от одного предмета к другому, — и графа это порядком раздражало. Он и от самого Угге был не в восторге, пусть признавал его очевидную пользу.

— Вы не согласны с главой охраны, господин Ярвис? — чуть приподняв бровь, поинтересовался его сиятельство, когда Франко отошел к лошадям. Угге неопределенно качнул головой.

— Отчасти. Хаттафа не радуется красивым видом, увы, но что касается жизни... Даже самый зоркий глаз склонен обманываться.

Бервик окинул взглядом занесенные песком каменные торосы и с сомнением хмыкнул. Может, глаза его и уступали орлиным, но не до такой же степени?

— Полагаю, — насмешливо обронил он, — беспощадное солнце ослепило всех, кроме вас, господин Ярвис. В таком случае пожалейте увечного — и где же обман?..

Угге, тихо хихикнув себе под нос, утер лысину.

— Утверждать не берусь, ваше сиятельство, однако факты — вещь упрямая. Иной раз они безжалостнее цифр! Вам, конечно, известно, что золотиносный Бэйет не всегда был столь прекрасен?

Граф кивнул. Еще пару-тройку столетий назад нынешняя житница Алмары производила столь же гнетущее впечатление, что и соседняя Хаттафа. И на то, чтобы это исправить, ушел не один год тяжелой работы, не один сундук золота и бесчисленное множество человеческих жизней. Жирный чернозем, в котором прорастало любое брошенное зерно, сюда везли караванами из других провинций — иной раз даже из-за моря. И реки, коих на каменистых пустошах не было и в помине, тоже поворачивали вспять отнюдь не боги.

— Да, — сказал Бервик, — я помню, что от щедрот природы Бэйету перепали сущие крохи, и вся эта благодать — рукотворная. Что ж, предприятие обошлось недешево, но так или иначе оно того стоило.

— Согласен, ваше сиятельство. И все же, склоняясь пред мудростью предков лучезарного аль-маратхи, осмелюсь спросить: что мешало им вслед за Бэйетом дать новую жизнь Хаттафе?.. Несколько крепостей — и больше ничего, кроме камней да песка, на многие мили! У Алмары хватило сил и средств поднять Бэйет, хотя он втрое больше Хаттафы, и не хватило ни того, ни другого, чтобы употребить эту провинцию себе во благо? Забегая вперед — для Дагхаби, границ которой мы достигнем к ночи, ничего не пожалели. А эту территорию, при более чем доступных возможностях, оставили как есть. Не видится ли вам, ваше сиятельство, в этом некая странность?..

— Пожалуй, — граф с любопытством прищурился: — Разумного объяснения я не нахожу, однако вам, похоже, повезло больше?

— Помилуйте, ваше сиятельство! — с наивной и вместе с тем хитрой улыбкой всплеснул руками Ярвис. — Где мне, мелкой песчинке, судить о промысле богов и их помазанников на земле? Да, факты есть, но прочее лишь домыслы. Я только хотел сказать, что пустыня не равна пустоте — по крайней мере, ветер может с этим поспорить!

Вернулся Франко Д'Ориан, и Угге под каким-то невнятным предлогом ускользнул в сторону колодца, хотя там в нем явно не нуждались. Бервик не стал его останавливать. И оборванную на середине беседу после тоже продолжать не стал — но остаток пути через Хаттафу провел в раздумьях. Угге Ярвис, по собственному заявлению эль Гроува, был одним из его старейших агентов, а значит, человеком куда более информированным, чем большинство служащих тайной канцелярии — да другого, в свете последних событий,

Птицелов с посольством бы не отправил. И по всему выходило, что к болтовне Угге прислушаться стоило. «Если бы только эта лысая обезьяна выражалась яснее! — с досадой думал граф. — Уж мне эти тайники, без шифра дороги не спросят! А я разбираю его говорильню, будто заняться мне больше нечем... Конечно, чужих ушей в караване хватает, полсотни столичной стражи, еще полсотни — бойцы наместника, да и в сотне Франко, уж то наверняка, хоть пара человек да сидит на двойном довольствии — да только никого из них тогда, на привале, и близко не было. К чему говорить загадками?» Ответа на этот вопрос у его сиятельства не нашлось, с Ярвиса тоже спрос был невелик, так что пришлось разбираться с намеками Угге самостоятельно.

Такое пренебрежение целой провинцией, пусть и не бог весть какой огромной, действительно было странно. Восток всегда и всё обращал на пользу собственным интересам — взять хоть тот же Бэйет — и «забыть» о Хаттафе не мог по определению. А раз так, значит и ее он использовал. Другой вопрос — как? Не на это ли намекал Ярвис, разглагольствуя об обмане зрения и о том, что пустыня-де не равна пустоте?.. Собственно, с последним утверждением трудно не согласиться, и пример тому — ближайший сосед Алмары, Шарар, точнее, как раз Шарарская пустыня. Песчаные барханы, сотня оазисов, несколько десятков караванных троп — да, побогаче, чем в Хаттафе, и территории не сравнить, но то на то и выходит! А ведь Шарар безжизненным не назовешь. И людьми он богат, и всем прочим не обижен: кланы Ветров Пустыни не дадут соврать... Здесь мысли графа споткнулись. Ветер? Обманчивая пустота? Да быть не может! Неужели Ярвис имел в виду подземные города, по образу и подобию Потаенного мира Шарарской пустыни? «Если судить по намекам, очень на то похоже. Но где Шарар и где Хаттафа? Да и пустынные свое без боя не отдали бы, так что хоть где-то, хоть как-то это бы обязательно всплыло. Разве что новодел... Но ведь это же сколько работы! Да еще и по факту двойной, раз никто о ней до сих пор не узнал, — такое масштабное строительство в обстановке строжайшей секретности вести куда тяжелее. Даже один город и тот все жилы вытянет! Если правда — как они это провернули? Ведь через Хаттафу идет Золотая дорога, а это и караваны с утра до ночи, и любопытных глаз да ушей в плепорции... Нет, слишком уж фантастично — тайный город, растущий под покровом ночи в недрах земли! Это даже звучит как какая-то шутка». Его сиятельство задумался еще крепче. Время для шуток определенно было не самое подходящее. И как бы ему ни претил Угге Ярвис, одно не оставляло сомнений — дело свое этот человек точно знает. Может быть, он и имел в виду нечто другое, говоря о ветрах и пустыне, но это всё равно что-то значило! Вот только что? И насколько важно оно для Геона?..

На ночлег в Хаттафе посольство не встало. Караван шел весь день, с одним коротким привалом в том самом оазисе, и вскоре после полуночи пересек границу провинции — проигнорировав ее пограничную крепость, что только усилило смутные подозрения Бервика. Похоже, с ночью в Хаттафе что-то всё же было нечисто... Парой часов позже караван вошел в предместье Дагхаби, откуда уже на рассвете должен был отправиться напрямик в столицу, и тратить драгоценные минуты отдыха на безуспешные попытки что-то выведать Бервик счел нецелесообразным. Без того хватало забот, причем куда более насущных. «Уже завтра к вечеру мы будем в Тигрише, — думал он, лежа без сна в гостевой спальне дома наместника Дагхаби и уставившись в потолок. — А послезавтра сиятельному аль-маратхи исполнится пятьдесят... И у меня будет всего десять дней на то, чтобы вернуться в Геон не с пустыми руками. Как же добраться до главы почтового двора? Чем его прельстить? Как заставить себе

поверить? Так мало времени и почти не на кого опереться! Будь на моем месте эль Гроув...» Его сиятельство философски вздохнул. Верховного мага Геона тут не было.

Зато кое-кто другой, пусть и не столь искусный в интригах, по счастью, был. Про себя вознес краткую молитву Танору — о том, чтобы хоть эта карта оказалась счастливой, глава посольства перевернулся на бок и закрыл глаза.

Загадку Хаттафы он отложил до лучших времен.

Дагхаби миновали быстро, одним днем — и саму провинцию, и величественный храмовый город в самом ее сердце, по традиции носящий то же имя. Центр религиозной жизни Алмары был местом закрытым для иноверцев, чужеземные караваны здесь не останавливались — собственно, даже наместник провинции жил на отшибе, у самой границы с Хаттафой, и должность свою занимал лишь номинально. Настоящая власть в Дагхаби принадлежала жрецам. Всё, что успел увидеть глава посольства сквозь отогнутый краешек полога, это вымощенные серым булыжником ровные мостовые, пустынные улицы и несвойственное для засушливой Алмары обилие зелени, в которой утопали белоснежные громады храмов. Последних тут была без малого сотня. «К чему так много?» — про себя подивился Бервик, однако мысль эту озвучивать не стал. В чужой монастырь, как известно, со своим уставом не ходят, особенно если этот «монастырь» — алмарский... Боги востока жестоки и своенравны. Да и жрецы их ненамного мягче, прогневить боевитых храмовников не рискнет, пожалуй, сам аль-маратхи! И трудно вменить ему это в вину: на востоке жречество испокон веков контролирует почти все сферы жизни, не гнушаясь вмешиваться даже в политику, а уж о том, чтобы занять трон — не важно, по праву крови или по праву сильного, — без согласия храмовников Первого круга нечего даже думать. Неудобные властителям Дагхаби теряются в вечности, а не согласные с их волей долго не живут. «Надеюсь, меня эта участь минует, — подумал Бервик, взглянув на тяжелый узорчатый ларец, покоящийся под левой рукой. — И еще больше надеюсь, что стараниями эль Гроува Геону его щедрость зачтется». Граф огладил внушительную свинцовую печать и улыбнулся. Дары всей алмарской верхушке, включая членов правящей семьи, ехали в обозе, но самый главный и ценный, предназначавшийся Селиму Тринадцатому, вез лично глава посольства. О том же, что драгоценный груз из себя представляет, знало лишь четверо: королева Геона, ее верховных маг, ее внук и его правая рука в лице графа Бервика. То, что пряталось в недрах ларца, не имело цены. И лишиться такого козыря в борьбе за благосклонность Алмары посольство не должно было ни при каких обстоятельствах...

Караван шел ходко. Золотая дорога, ровная и широкая, стелилась в глубокой низине между холмами, храня людей и животных от палящего солнца, и уже на закате глазам путешественников открылась равнина Тигриша. Окруженная со всех сторон кольцом невысоких гор, опоясанная широкой лентой реки, она пламенела в последних лучах солнца всеми оттенками алого и пурпурного — огромная, круглая, сверкающая, точно начищенное медное блюдо. И венчал ее заключенный в кольцо крепостных стен город, носящий ее имя. Звезда востока, шкатулка чудес, великолепный Тигриш — столица Алмары была ее самой ценной жемчужиной. Бервик, откинув полог, оглядел долину с высоты перевала и восхищенно прищелкнул языком.

— Боги свидетели, в жизни не видел такой красоты! — послышалось слева, и граф, повернув голову, добродушно фыркнул. Замерший в седле Франко Д'Ориан, этот суровый гвардеец и бесстрашный боец, сейчас был похож на ребенка, застывшего перед витриной

дорогой лавки с игрушками. Впрочем, его можно было понять.

— Не могу с вами не согласиться, — раздалось позади, и мускулистый лоснящийся мул с Угге Ярвисом на спине подъехал ближе к верблюду главы посольства. — Долина Тигриша всегда производит впечатление. Однако в стенах столицы не советую зевать по сторонам: шедевры восточного зодчества, увы, частенько проигрывают древнему искусству местных ловцов удачи.

Глава охраны, замороженный видом, рассеянно кивнул. Бервик снова фыркнул:

— Ваш безжалостный прагматизм, господин Ярвис, способен развеять любую грёзу. Уже приходилось сталкиваться со столичными умельцами?..

Тот с долгим согласным вздохом развел руками.

— Сочувствую, — всё еще посмеиваясь, обронил граф. — И льщу себя надеждой, что нам повезет больше — храни небо гостеприимство лучезарного аль-маратхи и его городскую стражу. Франко! Очнись! Нам на эти красоты еще не один день любоваться, а солнце вот-вот сядет.

— Виноват, ваше сиятельство!

Д'Ориан, опомнившись, встряхнулся и поворотил коня.

— Сузить колонну! — разнеслось над перевалом. — Поднять флаги! Грузовое охранение — кучнее! Замыкающим — выстроиться полукругом! Головные вперед!..

Караван возобновил движение. Глава посольства, опустив полог, откинулся на подушки внутри паланкина и обхватил руками драгоценный ларец. Тигриш. Почти что прибыли, и, слава богам, без потерь. Хорошо бы подарки судьбы на этом не кончились!

«Десять дней, — прикрыв глаза и покачиваясь в такт верблюжьим шагам, думал Бервик. — Десять коротких дней, которые могут решить исход войны... Светлые боги, дайте мне сил и мудрости, чтобы исполнить мой долг, — и да стоит Геон вечно!..»

Праздник урожая прошел без обычной пышности. Геон, ослабленный прошлогодней засухой и памятуя о непостоянстве фортуны, не спешил радоваться вновь наполненным закромам: урожай собрался пусть недурной, но отнюдь не гомерический, часть его следовало приберечь к весне, а значит, распускать пояса было рано. Большой бал в королевском дворце Мидлхейма отложили до лучших времен, ограничившись торжественным ужином для членов монаршей семьи, традиционный карнавал заменили на небесные огни, а обязательные пожертвования из казны в главные храмы столицы сократили до благовидного минимума. Не сказать, чтоб верховным жрецам это пришлось по вкусу, но покрыть им было нечем: правящий дом подал пример всему Геону, отказавшись от привычных увеселений, и выражать недовольство по этому поводу было бы не слишком умно.

Народных гуляний, впрочем, отменять не стали.

— Есть в этом празднике нечто первобытное, — задумчиво обронил Рауль Норт-Ларрлайн, стоя у перил западной галереи дворца. Лежащая внизу столица, расцвеченная бутонами гигантских костров на площадях, смотрела на него из темноты диковинным зверем с сотней пылающих глаз. Стоящий рядом с принцем герцог эль Гроув кивнул.

— Как и в любом другом древнем празднике, ваше высочество, — отозвался он, глядя в темноту. — Времена меняются, но люди — нет. Много столетий назад наши предки вот так же плясали вокруг костров, славя божественную силу света и принося в жертву ненасытному пламени свои немудрящие дары — в надежде, что новый день даст им тепло и пищу... А много ли у нас, нынешних, с ними разницы? Ввергни человека во тьму — с него мигом слетит вся шелуха цивилизации! И тем быстрее, сдастся мне, чем выше до этого он стоял.

— Больше падать?..

— Образно говоря, да. Извечное крестьянское «не до жиру, быть бы живу» — спасительная философия, ваше высочество! Простые люди озабочены простыми вещами. Хотя, глядя сейчас на эти костры, и я отчего-то ощущаю в душе странное ликование. Значит ли это, что герцог от крестьянина недалеко ушел?

Принц рассмеялся.

— Память предков неистребима, ваша светлость, как и сама человеческая природа! К тому же сегодня, слава богам, Геону есть что праздновать.

Верховный маг кивнул вновь. Потом прислушался к мелодичным звукам клавесина, долетающим из распахнутых окон парадной гостиной ее величества, и улыбнулся.

— Ваша супруга — поистине кладезь талантов. Редкая музыкальность! Помнится, одна из моих тетушек — светлая ей память — тоже была равнодушна к клавесину. Но звучал он в ее руках грудой кастрюль. Не исключаю, что ранняя глухота моего дядюшки и явилась следствием горячей любви его супруги к музицированию... По счастью, вам, ваше высочество, это не грозит. Однако не пора ли нам вернуться?

— Пожалуй, — бросив последний взгляд на костры в темноте, согласился Рауль. — Вернуться и откланяться. Час уже поздний, а у ее величества был трудный день. Следует побереечь ее здоровье.

— Полностью согласен, ваше высочество.

Они вернулись в гостиную как раз вовремя — клавесин умолк, и герцогиня Янтарного берега, обернувшись к королеве, интересовалась у той, что еще ее величеству хотелось бы

послушать. Стефания Первая, полулежащая в кресле в окружении ближних фрейлин, в ответ только неопределенно шевельнула рукой.

— Что угодно, без разницы, — со скучающим видом обронила она. Невестка, опустив глаза, потянулась к нотным листам. — Амалия! Вина!

Госпожа де Вей, верная наперсница королевы, поднесла государыне золотой кубок. Вино шло вразрез со строгой диетой, назначенной ее величеству придворным лекарем, но спорить с государыней осмеливался только ее верховный маг, да и то лишь наедине, чем Стефания сейчас и пользовалась. Весь август ее мучили мигрени, в начале осени их сменила подагра — почти два месяца деятельная государыня вынужденно провела в постели, и на ее характере это сказалось не лучшим образом. К тому же, день праздника урожая выдался хлопотным без всяких балов. Королева устала. Не столько физически, сколько морально — и присутствие нелюбимой невестки только усиливало раздражение, которое она даже не старалась прятать. От вошедшего в гостиную Рауля это не укрылось. Он улыбнулся венценосной бабушке, послал супруге ободряющий взгляд и, опустившись в кресло подле королевы, сказал:

— Сыграйте «Маскарад», дорогая. Прелестная вещица и, что говорить, проверена временем.

— Временем? — с оттенком недовольства переспросила королева, отняв от губ кубок. — Вы полагаете, ваше высочество, что кроме пыльных древностей мне уж совсем ничего не интересно? «Маскарад»! Он всем до смерти надоел еще пятьдесят лет назад!

Рауль, оценив ее настроение, мягко улыбнулся вновь:

— Увы, ваше величество, я всегда имел склонность к замшелой классике, и это первое, что пришло мне в голову. Но вы, как известно, всегда тонко чувствовали музыку — скажите же, чем мы можем вас порадовать, и я уверен, ее светлость непременно... Может быть, «Весна»? Или «Алмарская шаль»?

Стефания Первая беззвучно фыркнула.

— Ваш дед, мир его праху, от ваших предпочтений остался бы в полном восторге, — процедила она. — И то, и другое я сотни раз слышала. Или с тех пор ни один композитор не написал ничего хоть сколько-нибудь путного?..

Принц в замешательстве развел руками. Потом бросил взгляд на сидящего по другую руку государыни верховного мага и вслух предположил, что, быть может, герцог как известный ценитель искусства окажется более сведущ в этом вопросе, — на что получил в ответ лишь очередную снисходительную гримасу.

— Его светлость, смею думать, искусство тоже меряет временем, — заявила Стефания, даже не взглянув на открывшего было рот эль Гроува. — Может, оно и верно, не знаю, но за полвека и лучшее вино способно превратиться в уксус. Дайте мне что-нибудь новое! Только не такое тоскливое, уж будьте любезны!

Она, передернув плечами, пригубила из кубка, а наследный принц, переглянувшись с верховным магом, едва заметно качнул головой. Королева была не в духе. «И пока ее недовольство музыкой не перекинулось на нас, пора уносить ноги», — про себя вынес вердикт Рауль. Судя по лицу эль Гроува, его светлость с его высочеством был более чем согласен.

Однако ни сказать, ни сделать они ничего не успели. Амбер Норт-Ларрмайн, чуть повернув голову и всё так же не поднимая глаз на государыню, проговорила кротко:

— Новое? Как пожелаете, ваше величество. Надеюсь, вам понравится «Шторм», ему еще

нет и месяца...

И опустила пальцы на клавиши, не глядя в развернутый перед нею фрейлиной нотный лист. Последовавший за этим акустический удар заставил вздрогнуть всех, кто находился в гостиной. Фрейлины едва не задохнулись в своих туго затянутых корсетах, ошеломленная статс-дама застыла за спиной ее величества, не донеся руки до опустевшей золотой чаши, верховный маг подпрыгнул в кресле, а принц едва не опрокинул поднос, с которым склонился перед ним невозмутимый лакей — тоже, как выяснилось, не до такой степени невозмутимый. «Шторм» полностью оправдал свое название. В нем ревел ветер, рвались облака под трескучими жалами молний, раскаты грома мешались с грохотом камнепада, бились о скалы черные волны; буйство стихии звучало в каждой натянутой струне, эхом иступленной ярости отражаясь от стен, подавляя своей непредсказуемой, всепоглощающей мощью — такое неуместное в этой окутанной мягким сумраком роскошной гостиной, такое чужое всем этим замершим в испуганном недоумении людям, что даже самый стойкий из них не мог шевельнуть и пальцем. Герцог эль Гроув, стеклянными глазами глядя перед собой, бездумно вслушивался в дикую какофонию звуков, и перед глазами его вновь вставали костры, летящие искрами в черное небо. «Шторм» был не вызовом, не угрозой, но чем-то тем самым «первобытным» и вечным, поспорить с которым могли одни только боги. Голос природы звучал в нем, и пусть этой музыке не суждено было стать «замшелой классикой», но все «Маскарады», «Алмарские шали» и прочие времена года казались в сравнении с ним ничего не стоящей кружевной чепухой...

Буря стихла внезапно, оборвавшись на грозном пике, и стало слышно, как монотонно бьется в стекло одинокая осенняя муха. Клавесин умолк. А спустя долгую минуту в притихшей гостиной раздался голос королевы:

— Недурно. Беспорядочно и чересчур много экспрессии, но уж всяко лучше пыльного старья... А теперь оставьте меня. Я хочу отдохнуть.

Праздник урожая согласно вековой традиции отмечался двадцать первого сентября. Двадцать второго, пятьдесят лет назад, на свет появился нынешний правитель Алмары, Селим Мудрый. А двадцать третьего, ближе к вечеру, наследный принц Геона получил из Тигриша весточку от соратника: Бервик писал, что посольство добралось благополучно и, милостью богов, первый камень в основу будущего моста согласия между двумя державами заложен. Драгоценный ларец был доставлен в целостности и вручен юбиляру на торжественной церемонии в присутствии всего двора, включая других иноземных посланников, а его содержимое ожидаемо произвело фурор. «Дар Геона поистине бесценен и затмил собой все прочие, — писал Бервик. — Причем не только в глазах самого аль-маратхи, но и его жрецов Первого круга — что, полагаю, победа куда более весомая. Наше посольство и весь наш дипломатический корпус обласканы с головы до ног, а вашему покорному слуге даровали обещание светлейшей аудиенции в конце недели, по завершении празднеств...»

Рауль, прочтя эти строки, не смог сдержать победной улыбки. Начало положено! И какое начало! «Храни боги эль Гроува и его коллекцию, — исполненный ликования, подумал принц. — Брось мы под ноги Алмаре хоть половину своих провинций, всё равно не вышло бы лучше. Учение Шабб-Сияра, в подлиннике, — конечно, алмарское жречество потеряло покой! И как только Птицелов исхитрился добыть этот полумифический раритет?» Принц качнул головой. Не испытывая к верховному магу ни сердечной теплоты, ни особенного доверия, его высочество тем не менее признавал его безусловный талант

политика. Однако как коллекционера Рауль ценил эль Гроува гораздо меньше — в основном потому, что искусство, даже самое высокое, в его глазах было лишь развлечением, а древние редкости — сентиментальной блажью. Но теперь, похоже, пришла пора менять мнение...

Учение Шабб-Сияра, великого алмарского ученого древности, известного богослова и основателя Бар-Шаббы, так давно считалось утерянным, что многие сомневались в самом факте его существования. Никто из живущих не видел его воочию. И даже фанатичные алмарские жрецы много лет полагали сей труд навсегда утраченным, возводя его в ранг артефакта, — как выяснилось, зря. Данстен эль Гроув сумел отыскать потерянную реликвию, и много лет она, окутанная плотной завесой тайны, служила венцом его коллекции редкостей, пока не пришла пора явить ее свету — пускай и вынужденно. Да, учение Шабб-Сияра не имело цены. Но благополучие Геона для его верховного мага было превыше всего: как никто понимая значение этой жертвы, эль Гроув без колебаний возложил ее на алтарь мира. И Алмаре, принявшей бесценный дар, теперь было не отвертеться. «Заставить Селима Тринадцатого вступить с нами в военный союз никакие сокровища мира не смогут, — думал принц, разрывая письмо Бервика на мелкие кусочки, — однако долг платежом красен. Тигриш это знает. И лучезарный аль-маратхи теперь при всем желании не сможет просто дать нашему послу от ворот поворот, отделившись устной благодарностью, — так уронить лицо перед всем миром, своим народом и собственным жречеством равносильно прямому отказу от власти. Он должен показать, как велика для него честь обладания святыней».

Рауль Норт-Ларрлайн удовлетворенно сощурился. Потом смял в кулаке обрывки письма, поднялся из-за стола и, подойдя к камину, отправил бумажный комочек в пасть пламени. О том, сколь щедрый дар Геон преподнес Алмаре, теперь известно всем на двух континентах — как, надо полагать, и то, что послу ее величества дарована высочайшая аудиенция со всем из нее вытекающим... Но письмо касалось и других, не менее важных вопросов, о которых до поры знать никому не следовало. Не только светлейший аль-маратхи явил представителю союзной державы свою благосклонность — его поддержали жрецы Первого круга. Впервые за два столетия иноверцу выпала немыслимая честь посетить священный город Дагхаби, дабы припасть к истокам мудрости и света, и даже сам Бервик в письме старался как можно меньше касаться этой темы, чтоб не спугнуть удачу. Прознай о решении алмарских храмовников хоть один из их иноземных сподвижников, на Дагхаби можно было бы поставить крест. «И такого удовольствия я Мэйнарду Второму точно не доставлю», — подумал Рауль, глядя в огонь. Дождавшись, когда бумага превратится в пепел, он кочергой поворошил угли и поднялся. Взглянул на часы в углу кабинета — была уже половина восьмого. Пора идти переодеваться к ужину. «Надеюсь, эль Гроуву я нынче вечером не понадобится, — подумал Рауль, направляясь к дверям. — Тем более, что вести из Алмары он от своего человека тоже наверняка получил... Угге Ярвис. Мда. Ну, если он хоть на треть так хорош, как меня уверяли, Натан таки дожмет Алмару. Торговля и политика — две стороны одной медали. Только бы о грядущем паломничестве в Дагхаби никто не прознал!»

Сегодня его высочество ужинал в покоях супруги. И пусть на сей раз ни верховный маг со своими записками, ни кто-либо другой герцога с герцогиней не тревожил, ужин прошел в неловком молчании. Амбер, без того никогда не отличавшаяся особенной живостью нрава, этим вечером была молчаливей обычного, ела мало и на супруга почти не поднимала глаз. Как ни старался Рауль, застольный разговор откровенно не клеился. К третьей перемене

блюд его высочество, исчерпавший всё свое красноречие и озадаченный поведением супруги, благоразумно оставил попытки ее расшевелить.

— Что с вами, дорогая? — спросил он, когда им подали кофе и ликеры, а за спиной последнего лакея закрылась дверь. — Вы нездоровы?

Амбер медленно покачала головой.

— Нет, ваше высочество, — тихо отозвалась она, не поднимая глаз от своей чашечки. — Я хорошо себя чувствую.

— Рад это слышать, — с сомнением в голосе проговорил Рауль. — Однако вы за целый вечер не проронили ни слова. Что-то случилось? Не приведи боги, плохие вести из дома?..

Герцогиня снова качнула головой. И, как показалось Раулю, после некоторого усилия над собой все же подняла голову. Лицо ее было бледным.

— Дома всё хорошо, ваше высочество, — сказала она. — Благодарю за беспокойство. И я совершенно здорова, просто... Ах, ваше высочество, я вчера поступила дурно! Этот «Шторм»! Он ужасен, он мне и самой не нравится, и я не должна была его играть!

— Амбер, — несколько опешив от такого всплеска эмоций, он подался вперед, — моя дорогая, поверьте, такой пустяк...

— Пустяк или нет, но мне следовало сдержаться! А теперь я не смею смотреть в глаза ее величеству и... Она никогда, никогда меня не простит!

Амбер вдруг тихо, совсем по-детски всхлипнула и закрыла лицо руками. Рауль, одновременно обеспокоенный и тронутый до глубины души ее отчаянием, отодвинул свой стул и встал.

— Ну, полно, моя дорогая, — мягко проговорил он. Подойдя к супруге и остановившись за ее креслом, принц обхватил ладонями ее узкие плечи. — Вы не сделали ничего дурного, поверьте. Вы ведь мне верите?

— Да, но... ее величество...

— Ее величество, — с легкой усмешкой обронил Рауль, — высказала свое пожелание — и оно было исполнено. Разве нет?

— Да, но этот «Шторм»...

— Своеобразная вещь, согласен. Но что касается ее величества — прошу вас, не стоит так переживать! Моя дорогая, вы при дворе недавно и еще мало знаете государыню, однако поверьте моему опыту — если бы ей эта музыка *действительно* не понравилась, остановить вашу игру ей не помешал бы и настоящий шторм! Кроме того, ее величество ценит в людях характер. А тех, кто хоть раз осмеливался проявить его в высочайшем присутствии, при дворе очень немного. Так что если королева и сердится на вас сейчас, то, уверяю, у нее это скоро пройдет.

— Правда?..

Амбер подняла голову и посмотрела на мужа растерянным взглядом. Принц улыбнулся.

— Ну разумеется. Говорю вам как ветеран дворцовых войн с выслугой в двадцать лет! — он фыркнул и, подумав, добавил: — Но, наверное, в будущем такого повторять не стоит — разве только поступит конкретное пожелание... Чего я бы не стал исключать. В этом вашем «Шторме» определенно что-то есть!

Герцогиня неуверенно улыбнулась в ответ.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Но мне всё равно очень стыдно. Не знаю, что тогда на меня нашло? Я и сыграть-то хотела совсем другое.

Она сокрушенно вздохнула.

— Не берите в голову, — Рауль отпустил ее плечи и выпрямился. — Вчера у нас у всех был нелегкий день. Налить вам ликеру?

— Да, пожалуйста...

— Малинового? — заговорщицки подмигнув, уточнил Рауль. Бледные щеки Амбер порозовели. Герцогиня Янтарного берега питала слабость к этой ароматной ягоде, и принцу это было хорошо известно.

— Да, — отозвалась она. — Спасибо, ваше высочество. Вы... у вас сегодня больше нет никаких неотложных дел?

Рауль, наполняя свою чарку следом за чаркой супруги, отрицательно качнул головой.

— Кроме вас — ни единого, дорогая. И после вчерашнего столпотворения я, признаться, очень рассчитывал сегодня на тихий вечер у камина в вашем несравненном обществе — если вы, конечно, не возражаете.

— О, несколько, ваше высочество!

— Вот и прекрасно, — сказал Рауль, делая глоток ликера. — Тогда для начала предлагаю партию в нарр. Позавчера вы уложили меня на обе лопатки, и я жажду реванша!..

Он рассмеялся, а щеки Амбер зарумянились еще больше.

— Простите, ваше высочество, — сконфуженно пробормотала она. Принц, всё еще улыбаясь, протянул руку к шнурку колокольчика.

— За что? Достойному сопернику не грех и проиграть, — он позвонил и, вернув чарку на стол, подал супруге руку. — Впрочем, сегодня я настроен исключительно на победу! Норт-Ларрлайн я в конце концов или нет?

— Безусловно, Норт-Ларрлайн, ваше высочество, — с готовностью подтвердила Амбер. И, чуть помедлив, лукаво улыбнулась. — Как и я теперь, верно?..

Верховный маг Геона, стоя перед зеркалом, расчесывал свою знаменитую бороду. Черная как смоль, мягкая, словно шерсть мериноса, она была гордостью эль Гроува и являлась при дворе не иссякающим источником шуток и домыслов. Поговаривали, что бороду верховный маг определенно красит — такой глубокий цвет в его-то годы, и ни единого седого волоса?.. Дамы шептались, что не обходилось и без коклюшек на ночь: уж слишком ровно, одно к одному, лежали кольца тугих завитков, сами собой волосы так не вьются!.. А некоторые смельчаки и вовсе высказывали предположение, что борода его светлости раньше принадлежала кому-то другому, — Впрочем, прознавший об этой версии граф Бервик, известный насмешник, во всеуслышанье объявил, что никогда в подобное не поверит и вообще, по его глубокому убеждению, достопочтенный мэтр уже родился с бородой, причем длиной не менее трех дюймов!.. Как бы то ни было, ни одна из крамольных догадок фактами не подтверждалась. А роскошная борода верховного мага — может, и крашенная, но уж точно не накладная — являлась первой среди себе подобных не только при дворе, но и, пожалуй, во всей столице.

Деревянная расческа с особой формы зубцами, чуть сбрызнутыми сандаловым маслом, в последний раз прошла сверху вниз по рядам крупных черных колец. Данстен эль Гроув отступил от зеркала и зорко оглядел дело рук своих. Увиденное его удовлетворило. А тихо звякнувший сигнальный колокольчик над кроватью заставил отложить расческу — подойдя к стене справа от изголовья, герцог возложил раскрытую ладонь в центр висящей над прикроватной тумбой небольшой картины и, коротко надавив, повернул раму. Позади холста в стене что-то щелкнуло. Его светлость поднял с тумбы свечу и заглянул в открывшийся

тайник с двумя круглыми отверстиями для пневмопочты — вечерний отчет, как всегда, прибыл точно ко времени. Улыбнувшись, герцог наклонил колбу, вытряхнул из нее свернутые в трубочку листочки и, вернув кронштейн в исходное положение, отжал рычаг. Колба со свистом ухнула вниз. Его светлость закрыл тайник. И с довольным прищуром крикнул — пневматическая почта, относительно недавнее изобретение придворных инженеров, не переставала его радовать. По долгу службы вынужденный с утра до ночи общаться с огромным количеством людей, верховный маг Геона как никто ценил уединение. Поэтому возможность получать опосредованно хотя бы отчеты, коих было неизменное множество, воспринял с большим энтузиазмом... Огладив бороду, его светлость покинул спальню и, перейдя в гостиную, уселся за стол. Разложил перед собой листочки, мельком взглянул на часы — половина двенадцатого — и углубился в чтение.

Ровно в полночь в центре королевской опочивальни закружился серый смерч. Стефания Первая, откинувшаяся на гору подушек, почувствовала прикосновение холодного ветра к коже, услышала знакомый сухой щелчок и улыбнулась.

— Данстен, — открывая глаза, сказала она. Шагнувший из воронки герцог эль Гроув нырнул рукой в карман черного камзола.

— Он самый, ваше величество, — ответил он, просовывая голову в цепочку амулета. — Или вы ожидали кого-то другого?..

Королева рассмеялась и хлопнула ладонью по одеялу рядом с собой.

— По тебе можно сверять часы, — заметила она. И взглянув в его улыбающееся лицо, приподняла брови: — Не верю своим глазам, Данстен, — ты в кои-то веки принес мне хорошие новости?

— Истинно так, душа моя!

Резво вскарабкавшись на кровать, его светлость откинулся спиной на высокое изголовье мореного дуба и победно взглянул на королеву. Та, не сдержавшись, фыркнула — вид у достопочтенного мэтра сейчас был что у кота после крынки сметаны.

— Неужто Мэйнард Второй решил сменить свою политику на мирную? — насмешливо предположила королева. Верховный маг мечтательно вздохнул и покачал головой:

— Увы, ваше величество, на это мы смело можем не рассчитывать. Но вести из Алмары пришли добрые: ваш щедрый дар лучезарному аль-маратхи был оценен по достоинству. Посол Геона получит аудиенцию, и я имею все основания полагать, что результаты ее Данзару не понравятся. Кроме того — только пока что это хранится в строжайшей тайне — граф Бервик удостоился чести посетить Дагхаби.

— Священный город? Как ему это удалось?!

— Имя Шабб-Сияра открывает любые двери, — тонко улыбнулся эль Гроув. — А наш посол проявил себя с наилучшей стороны: его прочувствованная речь на церемонии вручения даров, по слухам, произвела впечатление даже на цепного пса Селима Тринадцатого — и не мне вам говорить, что значит для нас благосклонность шафи ан Махшуда. Если Бервик сумеет удержать его расположение, то этот бой мы выиграем. Конечно, многое зависит от жрецов, да и сам аль-маратхи, как ни крути, имеет право голоса, причем решающее, но тем не менее!..

Стефания удовлетворенно сощурилась.

— И впрямь отличные новости, — сказала она. — Твой протезе меня приятно удивил — положила руку на сердце, я опасалась обратного. Все-таки молодость, отсутствие должного опыта...

— Опыт дело наживное, душа моя. Тем более, Бервик все же не птенец бескрылый, да и наши агенты в Алмаре его страхуют. Но главное — у него есть талант и чутьё! Остальное приложится.

— Будем на это надеяться. Рауль уже знает?..

— Само собой. Гонец графа опередил моего на добрую четверть часа, — верховный маг весело хохотнул. — Так что сегодняшнее разгромное поражение у камина его высочество, думаю, переживет!

Стефания недоуменно наморщила брови.

— Поражение? У камина?..

— Я говорю об игре в нарр, ваше величество, — герцог и герцогиня до нее большие охотники. Хотя, вынужден заметить, его высочеству несколько недостает терпения: час назад он как раз с треском продул очередную партию.

— О боги! Нарр? Да что же им, заняться больше нечем?!

Эль Гроув, пряча улыбку, покосился на каминные часы.

— Осмелюсь предположить, душа моя, — заметил он, — что фишки наверняка уже убраны, а бои переместились в спальню герцогини. И в данный момент, полагаю...

Стефания громко фыркнула:

— Ради всего святого, мэтр, увольте меня от подробностей!.. Спальня! А что с того толку?!

Она передернула плечами. Данстен эль Гроув терпеливо вздохнул про себя — несмотря на безупречное поведение невестки, королева ее не жаловала, причем в последнее время даже не давая себе труда это хоть как-то скрывать. И одной из причин тому была как раз пресловутая спальня: наследник престола был женат уже почти год, а результатов этой женитьбы пока не предвиделось. Супружеским долгом герцог и герцогиня Янтарного берега не пренебрегали, оба были молоды и, согласно вердикту главного королевского лекаря, более чем здоровы. Однако порадовать венценосную бабушку им до сих пор было нечем. И дело не в том, что Стефания так уж мечтала о правнуках — к младенцам ее величество относилась спокойно — но возраст и ухудшающееся здоровье заставляли ее все чаще задумываться о том, что останется после нее.

— Уму непостижимо! — сердито проговорила Стефания. Ее приподнятое настроение вмиг улетучилось — как всегда случалось в последнее время, стоило кому-либо заикнуться об Амбер. — Почти год брака! Обоих вот-вот коронуют! А им всё игрушки!

— Позвольте, ваше величество, но...

— Во имя богов, Данстен! Какое тут может быть «но»?! Мой старший сын увидел свет спустя ровно девять месяцев от первой брачной ночи! Потому что я знала свой долг!

— Разумеется, ваше величество, и всё же...

— Надоело мне ждать и входить в чье-то там «положение»! — кипятилась Стефания. — У них было достаточно времени, чтоб притереться друг к другу! Они вполне ладят, лекари в голос клянутся, что герцогиня совершенно готова подарить мужу наследника — так где же он? Для того, чтобы зачать дитя, особых стараний не требуется, а уж от женщины так тем более! Вот я в свое время...

Верховный маг всплеснул руками.

— Ваше величество! — умоляюще вскричал он. — Заклинаю вас, дайте же мне сказать хоть слово!

Королева, метнув в его сторону свирепый взгляд, умолкла. И демонстративно

отвернулась. Эль Гроув опустил глаза, чтобы не рассмеяться: так похожа сейчас была Стефания Первая на обиженного ребенка, которому пообещали сладкое яблоко в карамели, а вместо него подсунули печеную картофелину на палочке... Герцог примирительно кашлянул и взял королеву за руку.

— Душа моя, — мягко сказал он. — Прошу, успокойся. У меня и в мыслях не было с тобой спорить. Конечно, ты во всем права, а уж о твоей преданности долгу мне известно лучше, чем кому бы то ни было во всем Геоне!.. Но ты слишком строга к его высочеству и ее светлости — отсутствием наследников они обеспокоены ничуть не меньше твоего. И, поверь, всеми силами стараются это исправить.

— Что-то не слишком заметно, — насупленно буркнула Стефания. Эль Гроув улыбнулся в бороду.

— Отчего же? По мне, заметно и еще как. Или вчерашний «Шторм» тебя в этом не убедил?..

— Ради всего святого, Данстен! При чем здесь музыка? Впервые слышу, что она способствует деторождению!

Верховный маг, уже не таясь, рассмеялся.

— Душа моя, это же не причина, а следствие. Герцогиня Янтарного берега плоть от плоти своего отца, а эль Моури слишком рассудочны для таких эскапад — так что за вчерашнюю встряску ответственна исключительно кровь Норт-Ларрмайнов. И если до конца месяца лекари не подтвердят мои слова, можешь собственноручно обрить мне бороду!

Стефания ахнула.

— Данстен! Ты не шутишь? Она и вправду...

— Именно, душа моя. Боги услышали твои молитвы: герцогиня в положении, пусть сама об этом еще не догадывается. Я лично проверил — не волнуйся, исключительно с безопасного расстояния и со всеми предосторожностями... Искра жизни еще совсем крохотная, но сомневаться в ней не приходится.

— Слава Танору! — выдохнула королева. Герцог согласно кивнул.

— Слава Танору, — всё еще улыбаясь, эхом откликнулся он.

Некоторое время оба молчали, глядя на весело пляшущий огонь в камине.

— Нынче ты и впрямь добрый вестник, Данстен, — наконец проговорила Стефания. — Остается молить богов, чтобы они и дальше были к нам благосклонны. А что Дымка? Первый алхимик нашел противоядие?

— Пока нет, душа моя. Но полдела уже сделано, загадка разгадана — и, зная герцога эль Хаарта, я готов снова поставить на кон свою бороду, что в самом скором времени...

— Опять твоя борода! Это уже какая-то мания, Данстен! Свет на ней клином сошелся, что ли?

— Отнюдь, ваше величество. Хотя...

Его светлость демонстративно задумался, и королева, хохоча, швырнула в него подушкой.

Глава 3

Домой герцог эль Хаарт вернулся засветло, чего с ним давно уже не случилось. Остановил экипаж у ворот, выслушал слегка удивленные приветствия привратника и медленно направился пешком по тисовой аллее к дому, с удовольствием вдыхая терпкий, с дымной горчинкой, воздух. Стоял всего лишь конец сентября, но листва с тисов уже почти вся облетела: во владениях магов особого буйства зелени и летом ждать не приходится, что уж говорить об осени?.. Однако после беленых стен лаборатории, стоящих перед глазами первого алхимика с утра до вечера, даже негустая сень над головой и заросли чертополоха радовали сердце.

Со стороны дома, что вот-вот уже должен был показаться в конце аллеи, до магистра долетели голоса госпожи Делани и ее подопечного. Кендал улыбнулся, услышав звонкий смех младшего сына. «Как хорошо, что Вивиан оставили ее непонятные страхи, — подумал он. — Другого такого воспитателя мы бы нашли еще очень нескоро. Бесспорный талант к преподаванию!» На словесную похвалу его светлость был скуп, полагая, что чаще всего она идет во вред тому, кого хвалят, однако мастеров своего дела искренне уважал — и госпожа Делани была из их числа. Мелвин, в отличие от старшего брата, всегда отличался редкой живостью нрава, он ни минуты не мог усидеть на месте, любое занятие ему быстро прискучивало — кроме, разве что, игры в прятки — однако воспитательница и это сумела обратить во благо. И даже ее категорическое неприятие наказаний не смогло поколебать ее авторитета в глазах воспитанника. Герцог эль Хаарт придерживался несколько иных взглядов, но в процесс преподавания не вмешивался: метод госпожи Делани, пусть он и отличался от общепринятого, тем не менее давал свои плоды.

Аллея кончилась, и глазам его светлости предстало омытое недавним дождем крыльцо. У его нижней ступеньки, присев бок о бок на корточки перед широкой лужей, замерли Мелвин и его воспитательница — а по коричневой глади воды, обгоняя друг друга, скользили два самодельных кораблика. Ореховые скорлупки с мачтами из спичек, одна с красным бумажным флажком, вторая с зеленым, теснились бортами у самого центра лужи, сиюсь обогнать друг друга. Кендал приостановился, наблюдая. Кораблик под зеленым флагом, судя по всему, принадлежащий госпоже Делани, шел изящно и плавно — тогда как его соперник под красным флагом двигался короткими рывками, так и норовя сбиться с курса. Вот он в очередной раз вздрогнул всей скорлупкой, рванулся вперед — и, зарывшись носом в воду, перевернулся.

— Так нечестно! — завопил Мелвин, сжимая покрасневшие кулачки. — Я говорил, моя скорлупка тяжелее! Она всегда тонет!

— Разве?.. — задумчиво отозвалась воспитательница, чуть шевельнув пальцами. — Что ж, давай проверим...

Кораблик с зеленым флажком, повторяя маневр поверженного противника, тоже резко дернулся вперед — и через мгновение на поверхности колыхались уже две скорлупки. Мелвин, выпятив нижнюю губу, тяжело засопел.

— Если слишком торопиться к победе, — сказала госпожа Делани, выуживая оба кораблика из лужи, — можно споткнуться. И остаться ни с чем у самого финиша.

— И ничего я не торопился...

— Разве? — повторила воспитательница с таким искренним удивлением, что

наниматель у нее за спиной не смог сдержать улыбки. Мелвин засопел еще громче. — Ну, значит корабль затянуло в водоворот, капитан. И эту гонку вы проигра...

— Нет! Давайте еще раз, госпожа Делани! Я сделаю правильный ветер!

Герцог ностальгически качнул головой. «Истинный эль Хаарт, — подумал он. — Все-таки мы совершенно не умеем проигрывать». Он бросил взгляд на пламенеющие уши младшего сына и, подумав, попятился. Очевидно, это еще одна игра-занятие, Мелвин учится управлять потоками воздуха. Не стоит сейчас им мешать.

— Хорошо, — услышал его светлость, уже заворачивая за угол дома, — скоро ужин, и я не прочь сравнять счет. Хочешь мою скорлупку, раз эта слишком тяжела для тебя?..

— Нет!

Посмеиваясь, Кендал обогнул дом. Прошел по усыпанной палыми листьями дорожке, выбрался на задний двор и взбежал по ступеням крыльца черного хода. «Два брата, — думал он, открывая дверь, — и такие разные, несмотря на одну мать! Не удивлюсь, если и равный счет этого торопыгу не устроит. Нейлар, пожалуй, ничью посчитал бы вполне справедливой». Вспомнив старшего сына, герцог задумчиво шевельнул бровью. Вот уж кому-кому, а Нейлу ничья в таком случае не грозила бы — терпения, в отличие от братца, ему всегда было не занимать...

Ужин в малую столовую был подан к восьми часам, как обычно. После все перешли в гостиную. Герцог и герцогиня расположились в креслах у камина, а госпожа Делани со своим подопечным — позади, на широком диване, в компании большой детской книжки с картинками. Мелвин уже неплохо освоил чтение и сейчас, устроившись под рукой воспитательницы, старательно, хоть и по слогам, услаждал ее слух «Приключениями поросенка Пиля». Его светлость, вполуха прислушиваясь к голосу сына, потягивал травяной отвар. Ее светлость, опершись локтем на шелковый валик и подперев голову рукой, смотрела в огонь.

Семнадцать лет, думала Вивиан. Семнадцать лет в этой клетке чужой жизни, без всякого смысла и радости, и еще столько же впереди, пока Мелвин не вырастет и не покинет отчий дом. А после? Такая же тоскливая старость, только уже один на один с человеком, который... Взгляд герцогини, устремленный в камин, переместился на мужа и почти сразу уперся в ковер.

Кендал эль Хаарт, такая блестящая партия, как говорил отец!.. «Будущий глава рода, богат, знатен — чего тебе еще надо, глупая ты девчонка? — повторял он из года в год, и вся родня поддакивала в унисон. — Ладно бы стар был да страшен как смертный грех — так ведь нет! Ну что тебе не так? Чего ты ждешь? Хочешь остаться старой девой, как твоя тетка Мэриам?» Вивиан было восемнадцать и участь синего чулка ее совсем прельщала. Но она ждала — любви, которой к завидному жениху совсем не испытывала. Она знала Кендала с детства, в конце концов он был ей дальней родней, и неплохо к нему относилась, но выйти за него замуж?.. За этого зануду, скучного до зевоты, с которым у нее нет ничего общего и который отказывается понимать слово «нет»? Никогда!.. «Так ему и скажу, когда снова явится, — в конце концов решила она. — Должна же в нем хоть когда-нибудь проснуться гордость?» Кендал просил ее руки шесть раз, и Вивиан несколько не сомневалась, что седьмой последует непременно. Так бы оно, вероятно, и произошло, но человек предполагает, а боги располагают — началась война. Верхнего Предгорья, где жили Кентоны, она коснулась лишь краем, в виде наводнивших его беженцев и множества

перевалочных госпиталей, через которые непрерывным потоком шли обозы с ранеными. Вивиан с матерью, как многие другие женщины и девушки, дежурили в госпитале их маленького городка трижды в неделю, стирали бинты, помогали белым сестрам в уходе за ранеными, и вопрос замужества строптивой девицы Кентон временно отошел на второй план. Тем более, что назойливому поклоннику в столице и без того было чем заняться — Кендал эль Хаарт в то время служил одним из алхимиков в королевском госпитале. Спустя два года после начала войны он ушел на фронт, еще через год скоропостижно скончался его отец, и Кендал стал главой рода, вместе с титулом и состоянием приняв на себя немалый груз новых забот. В Предгорье он не появлялся, и пусть Вивиан всё же изредка получала от него письмо-другое, о чувствах новый герцог эль Хаарт больше не упоминал. «Верно, образумился наконец», — не без облегчения решила она. Господин и госпожа Кентон, придя к тому же выводу, вздохнули с сожалением — такая блестящая партия! — но сочли, что их дочь еще молода и успеет устроить свою судьбу... Так и вышло. Летом последнего года войны, отправившись вместе с матерью в Нижнее Предгорье, навестить одинокую тетюшку Мэриам, Вивиан встретила Итана Эшби. И поняла, что ждала не зря.

Это была любовь с первого взгляда. Вивиан даже предположить не могла, что можно быть настолько счастливой — и одновременно такой несчастной. Увы! Ее избранник, в отличие от нее самой, не был магом. И пусть его это несколько не смущало, но Вивиан знала силу своего дара — разве могла она отдать ему на растерзание того, кто был для нее всех дороже? И разве могла она сказать «нет» человеку, которого любила всем сердцем?.. Долгие несколько месяцев она боролась с собой, то паря в золотом сиянии Пятого неба, то сгорая в пламени нижнего мира, однако победа осталась за веселым художником. Вивиан сказала «да». Родители ее были против — как зять Итан Эшби в подметки не годился Кендалу эль Хаарту, к тому же, он не был магом, а господин и госпожа Кентон не хуже их дочери понимали, что это значит. Однако помешать влюбленным родня не успела — они, не дожидаясь благословения, обвенчались тайно. Итан увез жену в Белую усадьбу, и даже то, что семья сочла ее брак опасным мезальянсом, а отец навсегда отказал непокорной дочери от дома, вычеркнув ее имя из семейной книги, не умалило счастья Вивиан. Никогда еще она не чувствовала себя такой живой, такой свободной, такой любимой. Итан боготворил ее, и она отвечала ему тем же, со всем пылом горячего молодого сердца. Да, они были счастливы! Каждый день, каждую минуту, так счастливы, как, казалось обоим, никто никогда не бывал до них — и тем страшней оказалась расплата за эту беспечность...

Всего через три месяца после свадьбы Вивиан поняла, что она ждет ребенка. И если Итан, узнав об этом, буквально летал от счастья, то о себе она такого сказать не могла. О, конечно, дитя было желанным, но горевшая в нем искра дара не давала Вивиан покоя. Об амулете, хранившем жизнь ее мужа, теперь не могло быть и речи — как не могло быть и речи о том, чтобы его снять. Вивиан, не в силах разорваться надвое, несколько раз порывалась уехать из Белой усадьбы, хоть к той же тетюшке Мэриам, но Итан не дал ей этого сделать. Несмотря на стремительно ухудшающееся здоровье, он не желал отпускать возлюбленную от себя. Вивиан стоило немалых трудов убедить его хотя бы временно переехать в охотничий домик, подальше от нее, но толку от этой затеи оказалось немного: тоскуя по жене, он использовал любой предлог, чтобы появиться в усадьбе. «Жизнь слишком коротка даже без всякой магии, — твердил он в ответ на слезные уговоры Вивиан. — А без тебя, любовь моя, она и вовсе теряет смысл. Я хочу быть с тобой — столько, сколько позволят боги, хочу быть рядом, когда наш ребенок появится на свет, и я знаю, что ты

хочешь того же. К чему мучить друг друга? Человек не вечен, и счастье тоже. Не гони меня прочь, любимая! Поверь, лучше мне от этого не станет».

Боги позволили Итану Эшби услышать первый крик его сына, но на этом их милости кончились. Силы хозяина Белой усадьбы, без того не слишком крепкого здоровьем, были подорваны окончательно, и ни амулет Вивиан, вернувшийся на свое место, ни спешно вызванная в усадьбу сердобольная тетушка Мэриам, обосновавшаяся в охотничьем домике и взявшая на себя заботу о младенце, уже не могли спасти положения. Молодой, недавно еще такой полный жизни мужчина угасал на глазах. Доктора разводили руками. Вивиан не отходила от Итана, вслед за ним тая как свечка и моля богов не отнимать у нее мужа — но всё было тщетно. Дождливой сентябрьской ночью смерть исторгла несчастного из объятий рыдающей супруги, и Белая усадьба погрузилась во тьму. Мрак воцарился и в душе Вивиан. Ее счастье ушло вместе с возлюбленным, не за что больше было бороться, нечего было желать, и даже маленький Нейлар не в силах был ее утешить. Всё потеряло смысл. Война закончилась, Геон победил, однако госпожа Эшби даже не заметила этого. Дни напролет она сидела у колыбели, не видя и не слыша ничего вокруг себя, и если бы не экономка вместе всё с той же тетушкой, жена и сын покойного вряд ли надолго пережили бы его самого...

Но беды любят ходить рука об руку: смерть Итана Эшби повергла в уныние не одних обитателей Белой усадьбы. Слуги, крестьяне — все любили молодого хозяина и столь же сильно боялись магии, поэтому весть о потере Вивиан вызвала в них отнюдь не сочувствие. А уж когда местный врач, лечивший всю округу, обмолвился при жене о том, что дескать, чахотка чахоткой, но «бедняга Эшби вполне бы дожил до пятидесяти, не вмешайся этот проклятый дар», горечь утраты окончательно превратилась в ненависть. Нимало поспособствовал этому и управляющий Белой усадьбы — поняв, что хозяйке решительно ни до чего нет дела, он почувал свободу, и результат не заставил себя долго ждать. Крестьяне роптали под гнетом самозванца, но терпели. Что им еще оставалось? Отмеченной даром хозяйки они боялись как огня, а больше жаловаться было некому. Супруг экономки, господин Бэрр, тогда был еще жив — через жену он пытался достучаться до Вивиан, а когда понял, что всё без пользы, взялся за ее тетушку. Однако робкая старая дева только лишь перепугалась до смерти, прослышав о зреющем крестьянском бунте, и единственное, на что ее хватило — письмо к брату с просьбой о помощи. Но тот был категоричен. «Я предупреждал Вивиан, что ничем хорошим этот поспешный брак не кончится, — писал он в ответном письме. — Она меня не послушала. Она отказалась от моего благословения, а значит, и от моей защиты. Ты мне сестра, Мэриам, и я пришлю за тобой экипаж, но ни мою дочь, ни ее сына я в своем доме видеть не желаю». Тетушка, заливаясь слезами, передала это Вивиан, однако та в ответ лишь пожала плечами. На все последующие просьбы уехать из Белой усадьбы вместе — у Мэриам был собственный скромный доход, от брата она не зависела и готова была приютить племянницу — вдова только качала головой. «Это мой дом, тетя, — повторяла она. — Если хотите уехать — я вас не держу. Но мы останемся здесь, рядом с Итаном». Бедная тетушка, слыша эти слова, приходила в ужас. Она была добрая женщина, любила племянницу и, не имея своих детей, за эти долгие месяцы душой прикипела к Нейлу. Но ей было страшно и за него, и за себя. И тогда Мэриам прибегла к последнему средству: она послала письмо Кендалу эль Хаарту. «Молю вас, дорогой кузен, — писала она, — как главу рода и доброго друга нашей семьи — помогите нам! Мы в ужасном положении, Вивиан, бедняжка, совершенно разбита и до сих пор не в себе после смерти

мужа, а я слишком стара и слаба, чтобы хоть как-то это исправить. Брат отказал нам в защите из-за старых обид, и если бы дело было только во мне — что ж, я бы, наверное, покорила воле богов, но чем виноват несчастный младенец? Заклинаю вас, дорогой кузен, вмешайтесь! Проявите хоть толику сострадания! Больше нам просить некого».

Письмо ушло в столицу курьерской почтой, господин Бэрр лично отвез его на станцию. А через два дня грянул гром. Крестьяне, доведенные до отчаяния самоуправством «новой власти», все-таки взбунтовались. Дом управляющего, стоявший пятью милями ниже по реке, был окружен беснующейся толпой, хозяина вытащили из постели, выволокли во двор и повесили на собственных воротах, сам дом предали огню, а захмелевшая от свершенного возмездия толпа двинулась к Белой усадьбе. Свистя, улюлюкая и подбадривая друг друга воинственными выкриками, народные мстители добрались до нее уже затемно, и в свете факелов высокий беленый дом предстал перед ними тихий, застывший, словно смирившийся со своей судьбой. «Сбежала!» — со смесью разочарования и облегчения пронеслось по толпе. И в ту же минуту окутывающая пустынный двор темнота вдруг ощерилась сталью. Несколько десятков вооруженных бойцов, неведь как и откуда взявшихся, слаженно шагнули навстречу замершим в изумленном оцепенении людям — а потом, разделившись, пропустили вперед высокую фигуру в запыленном дорожном камзоле.

— Я герцог эль Хаарт, — ровно произнес незнакомец, глядя сквозь толпу. — Хозяйка этого дома находится под моей защитой по праву рода. И каждый, кто осмелится сделать еще хоть шаг, пожалеет об этом.

Дрожащий свет факелов алыми бликами играл на обнаженных клинках у него за спиной. Крестьяне, оробев, начали переглядываться. Такой встречи они не ожидали. И пусть они не знали этого человека, пусть в его спокойном голосе не слышалось угрозы, но даже последний деревенский дурачок понял бы, что его карта бита. Десяток сонных охранников управляющего не шел ни в какое сравнение с полусотней наемников, что сжимали в руках отнюдь не вилы. Да, бунтовщиков было вчетверо больше, — однако они были не воины, и умирать никому из них не хотелось.

— Мне известно, что привело вас сюда, — вновь нарушил молчание герцог. — Как и то, что главный виновник уже понес наказание — справедливое или нет, решит королевский суд Предгорья... Но что будет с теми, кто нарушит покой Белой усадьбы, решать мне. Расходитесь. Смертей на сегодня довольно.

Мужчина, всё так же не глядя ни на кого, расправил плечи. На груди его тускло блеснул черный оникс на длинной серебряной цепи амулета, и те, кто стоял ближе всех, интуитивно отшатнулись назад. «Маг», — прошелестело в толпе. Древки факелов и черенки вилок в руках бунтовщиков задрожали. Маг! Еще один! Этого и без отряда увешанных оружием бойцов было слишком много. Крестьяне, струхнув, попятились...

— Мудро, — коротко обронил Кендал эль Хаарт, глядя вслед улепетывающим бунтовщикам. А когда последний селянин скрылся из виду, повернулся к своему сопровождению: — Окружить дом. Выставить караулы. Навряд ли кто-то из них рискнет вернуться, но не будем испытывать судьбу.

Убедившись, что его приказ выполнен, он поднялся по увитому порыжевшим плющом крыльцу и вошел в дом. Там было темно и тихо, лишь в гостиной на столике у дивана горела свеча. На диване в глубоком обмороке лежала несчастная тетушка Мэриам, над ней хлопотала экономка. Услышав за своей спиной шаги, женщина вздрогнула и затравленно обернулась.

— Всё в порядке, — успокоил герцог. — Милостью богов, мы успели вовремя. Где ваша хозяйка?

— Наверху, ваша светлость. В детской...

И сам бунт, и счастливое избавление от его возможных последствий прошли словно бы мимо Вивиан. Туман, окутавший ее сознание в ночь гибели мужа, не спешил рассеиваться, и даже появление в доме нежданного гостя с целым взводом солдат не произвело на нее никакого впечатления. Кендал эль Хаарт, по примеру тетушки, предложил вдове оставить Белую усадьбу, в ответ получил отказ, но упорствовать не стал.

— Что ж, это ваш дом и ваше право, — сказал он. — Но мой долг, как главы рода, обеспечить вашу безопасность. Завтра я возвращаюсь в столицу, а моя охрана останется здесь, пока...

— В этом нет необходимости, — отрешенно прошелестела Вивиан.

— Поверьте, есть. Ваши крестьяне — не единственные в округе. Война закончилась, но на дорогах всё еще полно мародеров, — герцог умолк на мгновение и добавил устало: — Если до себя вам дела нет, подумайте хотя бы о сыне!

Впервые за всё то время, что они были знакомы, в его словах, обращенных к ней, сквозило осуждение. Вивиан не ответила и на следующий день, когда герцог зашел к ней проститься, лишь чуть кивнула головой — но сизая мгла, окружавшая ее, вдруг всколыхнулась и начала таять. Сын. Ведь у нее есть сын!.. Итан ушел, но оставил ей частицу себя, этого маленького человечка, глядящего на нее из колыбели, — которого она едва не погубила вслед за его отцом! Да как же она могла?! Слезы покатались по щекам Вивиан. Склонившись над колыбелью, она подхватила на руки спящего Нейла и прижала его к груди. «Прости меня, Итан, — думала она, глядя на семейный портрет, висящий над кроватью. — Прости, любовь моя! Горе лишило меня разума, но я возьму себя в руки, обещаю. Больше я не забуду. Я всегда буду помнить о нем... Ради тебя».

Как ни просила тетушка, ее племянница так и осталась жить в Белой усадьбе. «Но по крайней мере, теперь я могу быть спокойна, — говорила Мэриам, месяц спустя прощаясь с экономкой. — Слава богам, Вивиан наконец пришла в себя, а дорогой кузен позаботился о том, чтобы ей ничего больше не грозило. И новый управляющий, которого он подыскал, кажется, вполне приличный господин, не чета предыдущему... Теперь я могу вернуться домой. Но прошу, милая госпожа Бэрр, не забывайте меня! Пишите! Я буду очень скучать по вам и по малышу Нейлару!» Женщины, утирая слезы, обнялись. За многие месяцы, проведенные под одной крышей, они очень сблизились и расставались теперь не без горечи, пусть даже одна из них была магом, а другая нет. Старушка уехала — ее брат, как и обещал, прислал за ней экипаж. А спустя еще пару месяцев Вивиан получила письмо из столицы.

«Недавно я был проездом в доме ваших родителей, — писал Кендал эль Хаарт. — И мне посчастливилось застать у них вашу тетушку. Терять близких тяжело и больно, я сам через это прошел и глубоко соболезную вашей утрате, но я рад, Вивиан, что вы все-таки нашли в себе силы перебороть горе. Я не знал вашего покойного супруга, но не сомневаюсь, что он был человек достойный, коли уж вы любили его, и что он оставил о себе добрую память — однако трудно жить лишь ею одной. Вы еще молоды, Вивиан, у вас впереди целая жизнь — и у вас есть сын. Это очень много, поверьте. Не корите себя за то, что случилось, увы, нашу судьбу пишут боги, а не мы сами... Боль утихнет со временем. И вы еще будете счастливы — если сами того захотите. Я рад, что смог помочь вам в трудную минуту, и тещу себя надеждой, что ваш покой никто больше не потревожит. Я провел в стенах Белой усадьбы

лишь одну короткую ночь, но кухня Мэриам отзывается о ней с большой теплотой и, признаться, мне хотелось бы увидеть ее снова — и усадьбу, и вас — если вы, конечно, сочтете это возможным...»

Отказать в такой малости человеку, спасшему ей жизнь, Вивиан не могла. А его письмо, полное искреннего участия, тронуло ее — и вскоре герцог вновь переступил порог Белой усадьбы. Он провел там неполную неделю, и все это время держал себя так безупречно, что Вивиан, поначалу несколько тяготившаяся необходимостью терпеть его присутствие, понемногу оттаяла. Кендал эль Хаарт, этот сухарь и зануда, оказался вовсе не так уж скучен — трудно сказать, то ли война наложила на него свой отпечаток, то ли сама Вивиан повзрослела, но как бы то ни было, эти несколько дней пролетели для нее незаметно. Герцог держался с ненавязчивой предупредительностью, о былых притязаниях не вспоминал, обществом своим чрезмерно не докучал — одним словом, вел себя как благодарный гость, не претендующий на что-то большее. В конце концов Вивиан даже поймала себя на мысли, что, пожалуй, будет не против, если когда-нибудь он заглянет в Белую усадьбу еще. Она не призналась бы в этом даже себе самой, но ей было тоскливо одной в этом пустом доме, без Итана, без тетушки Мэриам; соседи с нею не знали, родители не желали видеть ее, боль утраты все еще жила в ее сердце, и присутствие рядом кого-то, кто не осуждал ее, не жалел и ни словом не напоминал о трагедии, грело Вивиан душу. Кроме того, искренний интерес герцога к ее маленькому сыну был ей приятен, как матери: Нейлар, ребенок застенчивый и робкий, поначалу дичился гостя, но спокойное дружелюбие Кендала вскоре это исправило.

— Славный малыш, — говорил он в последний вечер перед отъездом из Белой усадьбы, глядя на спящего у него на коленях Нейла. Мальчик чему-то улыбался во сне, крепко сжимая в ладошке амулет с черным ониксом, который ему отдали поиграть. — Ни разу не слышал, чтобы он плакал. Сколько ему, вы сказали? Год?

— В следующем месяце исполнится полтора, — ответила Вивиан. — И он правда редко плачет. Такой уж характер.

— Занятно, — герцог осторожно потянул на себя цепь, и малыш, не просыпаясь, недовольно свел бровки домиком. — Ну, ну, не сердись, отбирать не стану... Боюсь, Вивиан, амулет мне придется оставить здесь. Ваш сын определенно не собирается с ним расставаться.

— Дети любят блестящие вещи, — улыбнулась она. — Но не беспокойтесь, мы это как-нибудь уладим. Тетя как раз перед вашим приездом прислала нам целую коробку игрушек.

— Кухня Мэриам? Понимаю, — по губам его светлости тоже скользнула улыбка. — Она в мальчике души не чаёт. Признаться, и мне будет его не хватать...

Следующим утром Кендал эль Хаарт уехал. А еще через месяц посыльный доставил в Белую усадьбу небольшой сверток: в нем, обернутая бархатом, обнаружилась точная копия амулета его светлости, которой Нейлар чрезвычайно обрадовался, и письмо, адресованное Вивиан. Оно было недлинным.

«Надеюсь, имениннику понравился мой подарок, — писал герцог. — Только будьте осторожнее с цепью, она тяжелая и малышу в ней легко запутаться — впрочем, уверен, вы не допустите этого. И, хочется думать, не вернёте мне амулет, дочитав письмо до конца.

Не буду ходить вокруг да около: я люблю вас, Вивиан. Так же, как прежде. Воспоминание о том времени, что я провел в вашем доме, рядом с вами и маленьким Нейларом, до сих пор согревает мне сердце. Но я боюсь даже мысли о том, что недавние события могут когда-нибудь повториться. Да, в тот раз я успел — в последний момент и не

иначе как чудом, но чудеса редки, и если что-то случится с вами, я не смогу себе этого простить. Вернись вы под родительский кров, мне было бы спокойнее, но я понимаю, что это невозможно, — и мне ничего более не остается, как вновь предложить вам свой. Будьте моей женой, Вивиан! Я знаю, вы не любите меня, но, видят боги, я сделаю всё, чтобы это исправить, и даже если не выйдет — обещаю, вы не пожалеете, что когда-то сказали мне «да». Мой дом, имя, титул, мое состояние — всё это будет вашим. Вы никогда и ни в чем не будете знать нужды. Одно ваше слово — и я весь мир положу к вашим ногам, вы это знаете. Я люблю вас. И единственное мое желание — быть рядом с вами, слышать ваш голос, видеть вашу улыбку и знать, что никакие житейские бури отныне вас не коснутся. Если вы не готовы принять мое сердце, примите хотя бы руку: позвольте мне заботиться о вас, позвольте стать вашим мужем и подарить вашему сыну достойное будущее. Нейлар получит всё, чего он, волею обстоятельств, был лишен — семью, отца, поддержку рода, мать, которой не придется выбиваться из сил, чтобы дать ему пропуск в жизнь... И это меньшее из того, что я могу ему дать. Если будет на то ваша воля, я с радостью назову его сыном не только на словах — Нейлар станет моим наследником, следующим герцогом эль Хаартом, и во всем Геоне не будет двери, что не откроется перед ним.

Не думайте, что я пытаюсь купить вас на посулы. Что бы вы ни решили, мои чувства к вам останутся неизменны, и я в любом случае надеюсь на то, что вы разрешите мне в будущем участвовать в судьбе Нейлара. Жизнь обошлась с ним сурово, отняв у него отца, так пусть хоть во всем остальном он не знает горя! Подумайте об этом и о моем предложении, Вивиан. Обещаю, на сей раз оно будет последним, и если вы все-таки откажете мне, я не стану вас больше тревожить. Я хочу, чтобы вы были счастливы. А со мной или без меня — решать только вам».

Вивиан бросила письмо в огонь. Первым ее порывом было немедленно отправить в столицу ответ, долженствующий раз и навсегда избавить герцога от иллюзий, а ее саму — от его посягательств, и она даже начала писать этот ответ, но так и не закончила. Ей отчего-то вдруг стало жаль этого серьезного, взрослого, сильного человека, так и не сумевшего преодолеть единственную свою слабость. Может, он и был слишком настойчив, но всё равно не заслуживал такой оплеухи. В конце концов, сердцу не прикажешь — ей ли об этом не знать?.. Вивиан, глядя, как письмо его светлости рассыпается в прах, медленно опустилась в кресло. Ответить всё же придется. Вот только что? Раньше подобный вопрос даже не пришел бы ей в голову, однако теперь...

Да, их чувства друг к другу не изменились, но изменилась сама Вивиан. Не было больше той избалованной девчонки, легко бросавшейся словом «нет» в ожидании счастья, она умерла вместе с тем, кого принесла в жертву своему дару, но у нее остался сын. «Славный малыш», как, помнится, назвал его Кендал. Вивиан перевела взгляд на ковер — Нейл, сосредоточенно сопя и хмуря темные бровки, обматывал серебряной цепью шею большого плюшевого медведя, что прислала ему тетя Мэриам. Хозяйка Белой усадьбы откинулась затылком на подголовник кресла и прикрыла веки, чутко прислушиваясь к позвякиванию амулета. В сущности, какая разница, вдруг подумалось ей. Для нее всё уже кончено. Кендал или кто-то другой... или вообще никого... Но Нейл? Он только начинает жить. А она обещала Итану... Перед глазами знакомо за клубился серый туман, и Вивиан, тряхнув головой, выпрямилась. «Если до себя вам дела нет, подумайте хотя бы о сыне» — всплыли в памяти сухие, с оттенком горечи, слова его светлости. Что ж, возможно, это был дельный совет?..

Она написала герцогу, что за ответом он может приехать лично — и не прошло и трех дней, как Кендал эль Хаарт вновь переступил порог ее гостиной. Вивиан, сидящая у камина, указала ему на кресло напротив.

— Прошу, садитесь, — сказала она. — Сейчас подадут чай. Жаль, что вы опоздали к ужину.

— Ничего страшного, — сказал гость, опускаясь в кресло. — Я не голоден. И, признаться, сначала все же хотел бы...

— Да, понимаю. Вы приехали не за тем... В таком случае тоже не стану ходить вокруг да около — я не люблю вас. И не могу обещать, что когда-нибудь полюблю.

— Вряд ли кто может, — невозмутимо отозвался тот. — Но отказать мне вы могли и письменно. Значит ли это, что вы готовы принять мое предложение, Вивиан?

Она, глядя ему в глаза, чуть прищурилась.

— А вы действительно готовы взять меня в жены, Кендал? Зная то, что знаете?.. Любить, ничего не получая взамен, дать свое имя чужому ребенку и быть ему отцом — не являясь им?.. Вы уверены, что у вас получится?

Герцог и бровью не повел.

— Разумеется, коль уж я сам это предложил. Понимаю ваши сомнения, Вивиан, но, поверьте, я не склонен переоценивать свои возможности. Кроме того, я получу вас — а это сложно назвать «ничем». Я знаю, вы не питаете ко мне особенно сильной симпатии, но всё же я вам не противен. Этого мне достаточно.

Она невесело рассмеялась.

— Не смею вас разубедить. А что же насчет Нейлара?

— А что насчет него? Я так понял, вы не возражаете, чтобы мальчик сменил фамилию.

Вивиан расправила плечи.

— Нет, — ровно произнесла она, глядя в лицо своему гостю. — Я на этом настаиваю.

Ее слова прозвучали жестко, почти цинично, но в спокойных серых глазах, обращенных к ней, не шевельнулось и тени уязвленного самолюбия. Кендал эль Хаарт склонил голову.

— Вы хорошая мать, Вивиан, — проронил он. — Нейлару с вами повезло — как, надеюсь, повезет и с отцом. Не старайтесь, вы меня не обидите. Разумеется, я понимаю, что вами движет лишь любовь к сыну, а отнюдь не интерес к моей скромной персоне. Но я люблю вас. И, как я уже сказал, этого достаточно.

Она, усмехнувшись, покачала головой.

— Мне никогда вас не понять, Кендал... Что ж, в таком случае можете объявить о помолвке. Надеюсь, вашего энтузиазма хватит на то, чтобы сдержать хоть половину своих обещаний.

Герцог мягко улыбнулся в ответ.

— Вы можете не любить меня, Вивиан, — сказал он, — но вы меня знаете. И слово я дал не затем, чтобы взять назад...

Он выполнил всё, что обещал. Спустя полгода, в тот же день, когда жрец Танора объявил Кендала с Вивиан мужем и женой, семейная книга эль Хаартов пополнилась сразу двумя записями, и имени Нейлара Эшби не значилось ни в одной из них. Герцог дал мальчику своё и иначе, как сыном, с той минуты не называл. А Вивиан стала герцогиней эль Хаарт. Со всем, что к этому прилагалось, и даже больше: новый брак, это самопожертвование во имя сына, оказался вовсе не тем погребальным костром, на который Вивиан полагала взойти с высоко поднятой головой — ей не было плохо с Кендалом. Да, она

его не любила, но он действительно не был ей противен. Ни днем, ни ночью, и последнее явилось для Вивиан большим ударом. Она уже была замужем, она знала, что ей предстоит, и ложась в одну постель с человеком, к которому ничего не чувствовала, приготовилась молча терпеть — но всё пошло не так. Страдать и мучиться ей не пришлось. Кендал оказался чутким, умелым любовником, а Вивиан была молода, и тело, давно не знавшее мужской ласки, предало ее. Ей было хорошо. А ведь не должно было быть!..

Той ночью она заснула в слезах, исполненная стыда и отвращения к самой себе и чувствуя себя падшей женщиной, предавшей любовь. Знал ли об этом Кендал? Скорее всего, но у Вивиан не было сил думать еще и о его чувствах. Жертва, которую, как ей казалось, она принесла, на поверку обернулась к ее же удовольствию. Вся столица была у ее ног. Муж ее обожал. Брак ее, заключенный по расчету и без любви, оказался удачным — но понимание того, что всего этого она не заслужила, точило Вивиан хуже болезни. А тот, ради кого она пошла на это, по странной прихоти богов день ото дня становился всё больше похож не на собственного отца, а на того, кто теперь называл его сыном. Конечно, в Нейле тоже текла кровь эль Хаартов, Вивиан это понимала, но иногда, глядя на свое дитя, чувствовала себя не матерью, а мачехой. А Нейл тянулся к герцогу. Он встречал его у дверей, ходил за ним хвостиком, забираясь к нему на колени, стоило только Кендалу сесть, и Вивиан тяжело было это видеть. Однажды вечером, когда муж задержался на службе, трехлетний Нейл раскапризничался и долго не засыпал. Вивиан перепробовала всё — и колыбельные, и книжку сказок, но ничего не помогало. Малыш хныкал у нее на руках и вертелся в своей кроватке, а успокоился только тогда, когда внизу, в холле, знакомо хлопнула дверь. «Папа!..» — сказал Нейл, и сердце Вивиан болезненно сжалось. «Нельзя так говорить, Нейлар!» — вырвалось у нее. Мальчик растерянно посмотрел на мать. Он видел, что она сердится, не понимал, почему, и уже собирался спросить, однако в следующую минуту в детскую вошел герцог эль Хаарт, и малыш забыл о матери. Правда, о запрете не забыл и «папой» его светлость больше не называл...

Когда Нейлу исполнилось тринадцать, он получил свой амулет. Герцог сам проводил обряд закрытия силы и волновался не меньше сына, но всё прошло хорошо — только Вивиан, взглянув на сияющие лица обоих, опустила глаза. Тогда она впервые почувствовала свое полное одиночество. Сын вырос, он больше в ней не нуждался, а муж... Кендал всё так же любил ее, и как бы Вивиан ни противилась этому, ее замерзшая душа тянулась к его теплу. В тот вечер она вновь пришла к нему в спальню, как много лет назад, — а спустя неполный год на свет появился Мелвин. Одиночество ненадолго отступило. После Нейла Вивиан больше не хотела детей, но рождение второго сына ее не расстроило, скорее наоборот, а материнский инстинкт затмил собой и неотступное чувство вины, и всё остальное. Однако проходило время, Мелвин рос, и всё потихоньку возвращалось на круги своя. Вернулись мучительно-сладкие сны, проникнутые золотистым сиянием летних сумерек и мерным шумом сосен, вернулась тоска — а вслед за ней и холодный туман, окутавший Вивиан в ночь смерти первого мужа. «Приступы», как называл их герцог, случались по несколько раз в год и длились недолго, но приходиться в себя после них с возрастом становилось всё тяжелее. Вивиан боялась тумана, но ничего не могла с ним поделать. Не смог этого и Кендал, хотя, видят боги, старался как никто. В конце концов они оба просто смирились.

А потом в их дом явилась Кассандра Д'Элтар — и круг замкнулся.

Кора на одном из поленьев в камине с треском лопнула. Герцогиня эль Хаарт, вздрогнув, моргнула и выпрямилась.

— Все в порядке, дорогая? — услышала она.

— Да... Просто немного задумалась, — Вивиан, стараясь не встречаться взглядом с мужем, повернула голову к дивану и обнаружила, что он пуст. — А где Мелвин?

— В детской. Госпожа Делани увела его еще с полчаса назад. Ты ведь сама пожелала им доброй ночи, разве не помнишь?

— Да? — вяло удивилась герцогиня. — Забавно. Действительно, не помню. Уж не заснули ли я, часом?..

Она принужденно рассмеялась и бросила взгляд на каминные часы. Стрелки показывали начало одиннадцатого. Всего лишь?.. «А чувство такое, будто бы давно за полночь», — подумала Вивиан. И все-таки посмотрела на мужа: тот, закинув ногу за ногу и откинувшись в кресле, задумчиво перебирал пальцами страницы какого-то справочника, лежащего на коленях. Взгляд его, как недавно ее собственный, был устремлен в огонь. Герцогиня, поколебавшись, поднялась.

— Ты не против, если я оставлю тебя, Кендал? — спросила она. — Уже десять. Я хотела лечь сегодня пораньше.

Муж отстраненно кивнул.

— Конечно, иди. Я еще почитаю...

— Только не засиживайся надолго, — сказала Вивиан, — ты и так мало спишь. Завтра суббота — ты дома?

— Еще не знаю. Спокойной ночи, дорогая.

— Спокойной ночи, — на прощание привычно коснувшись ладонью его локтя, Вивиан вышла из гостиной и прикрыла за собой дверь, в душе ощущая какую-то странную неудовлетворенность. Кендал любил тихие семейные вечера у камина и дорожил ими — не в последнюю очередь потому, что служба его редко их позволяла. Но в последнее время эти краткие минуты отдыха словно утратили для него всю свою прелесть. Конечно, он работает на износ, и еще эта проклятая Дымка... «Она занимает все его мысли, — думала Вивиан, медленно поднимаясь по лестнице. — Она и Нейл. Этот боевой факультет! Что за внезапная фантазия!» Растерянность герцогини, вызванная необъяснимым равнодушием мужа, сменилась тревогой. В том, что Нейлару не место среди бойцов, она была с герцогом совершенно согласна. И даже, по его примеру, пыталась убедить сына всё же обратить внимание на алхимию, но так ничего и не добилась. «Впрочем, что тут удивительного, — не без горечи подумала она. — Если уж он даже Кендала не послушал». Печально было это осознавать, но увы, мнение отца всегда стояло для Нейла на первом месте. Герцогиня, вздохнув, миновала последнюю ступеньку лестницы и остановилась перед дверью своей спальни. Опустила ладонь на ручку, потянула — да так и не вошла. Желание «лечь пораньше», озвученное мужу, было лишь предлогом сбежать из гостиной, на самом деле спать ей совсем не хотелось. Конечно, склянка с настойкой лурии, год как поселившаяся на ее прикроватном столике, легко могла это исправить, но... Вивиан разжала пальцы. Повернула голову, прислушалась к тишине и, подобрав юбки, свернула по коридору к детской. Дверь ее была приоткрыта, по паркету тянулась узкая полоса света. Герцогиня

заглянула в комнату. На столе у окна тускло горела лампа; Мелвин спал, как всегда разметавшись во сне и сбросив на пол подушку, а его воспитательница, сидя в кресле у едва тлеющего камина, переворачивала очередную страницу какой-то книги. Ее гладко причесанные рыжие волосы медью сияли в свете свечи. Вивиан неслышно попятилась. И тут ей не было места. «Наверное, я сама виновата, — думала герцогиня, машинально поворачивая назад. — Сначала Нейл, потом Мелвин... Дети тянутся к тем, кто их любит».

Поравнявшись с комнатой старшего сына, Вивиан остановилась. Постояла немного, подумала — и, войдя, щелкнула пальцами. Над узким письменным столом у стены зажглась свеча в настенном канделябре. Кровать, стол, пара стульев, платяной шкаф, старый сундук в углу, под вешалкой, расписанный полустертыми фигурками зверей — когда Нейл был маленьким, там лежали его игрушки... «Давно пора убрать его в детскую, — подумала Вивиан, подходя к сундуку. — У Мелвина есть свой, но от второго, полагаю, он тоже не отказался бы. А сюда лучше поставить этажерку или комод. Надо сказать завтра Кендалу». На стенной полке у вешалки нашлась вторая свеча, Вивиан зажгла и ее. А потом, сама не зная, зачем, потянула на себя крышку сундука.

Игрушек там внутри, конечно, не было — мальчик вырос. Рассеянный взгляд герцогини скользнул по истертым корешкам перевязанных бечевкой книг, по стопке старых тетрадей, сдувшемуся кожаному мячу с прорехой в боку — и остановился на старой деревянной шкатулке с фигуркой грифона на крышке. Ее когда-то подарила любимцу покойная тетушка Мэриам. Надо же, Нейл сохранил ее? Вивиан обхватила ладонями исцарапанные бока шкатулки и, покрутив ее в руках, открыла. Пусто. Ну разумеется, вспомнила она, ведь подарок-то был с секретом! Герцогиня вернулась к столу, поставила на него шкатулку и села. Да, точно, тут было двойное дно... Она провела ладонью по вытертой бархатной подкладке и улыбнулась, нащупав хитро спрятанный рычаг. Наверное, механизм давно заржавел от времени, подумала Вивиан, и в тот же миг под пальцами что-то щелкнуло.

Открывшийся тайник не был пуст. На дне его, устланном белыми носовыми платками, покоилась потемневшая от времени серебряная цепь с амулетом из черного оникса. Вот, значит, куда подевалась любимая игрушка?.. Улыбка застыла на губах ее светлости. Ей вспомнилась гостиная Белой усадьбы, освещенная пламенем камина, сидящий в кресле герцог эль Хаарт и спящий у него на коленях годовалый Нейлар с крепко зажатым в кулачке амулетом. «Славный малыш»... «Надеюсь, имениннику понравился мой подарок»... Она полагала, что всё это лишь игра, очередная попытка герцога заполучить ее — но она ошибалась. Как сильно она ошибалась!.. Вивиан протянула руку, обхватила пальцами холодный камень и потянула амулет из шкатулки; уголок носового платка, застряв между звеньев цепи, потянулся следом, платок упал ей на колени, но герцогиня не заметила этого. Она как зачарованная смотрела на черный оникс, и в тусклом блеске граней ей виделось то, что она много лет не желала замечать. Привязанность мужа к «чужому ребенку», всегда казавшаяся ей неестественно-вынужденной, на самом деле была настоящей. Кендал любил сына. И Нейл это знал, в отличие от матери. А она запретила ему называть его папой...

Рука с зажатым в ладони амулетом предательски дрогнула. Вивиан опустила плечи. Впервые за все эти семнадцать лет в душе ее шевельнулась слабая тень раскаяния. Кендал когда-то назвал ее хорошей матерью — но разве это было так? Разве мать — хорошая ли, плохая — может настолько ненавидеть своего ребенка, чтобы пытаться лишить его радости любить и быть любимым? «Вы еще будете счастливы — если сами того захотите». Она не захотела. И в фанатичном служении разбитому сердцу, растворившись в своем несчастье,

едва не сделала несчастным собственное дитя. Может быть, неосознанно, и всё же... Незнание не освобождает от ответственности. А знание, вдруг подумалось ей, делает эту ношу еще тяжелее. Кендал сдержал слово — но чего ему это стоило?.. Герцогиня опустила голову. Провела пальцем по граням холодного, мертвого камня и, придвинув к себе шкатулку, осторожно уложила амулет обратно на дно тайника. Если бы она знала, что в нем найдет, она никогда бы его не открыла. Остается надеяться, Нейл не заметит, что цепь кто-то трогал. «Прости меня, мой славный малыш, — с горькой улыбкой подумала Вивиан. — Твоя мать — дурная женщина. Но, милостью богов, с отцом тебе все-таки повезло».

Вновь нащупав секретный рычаг, ее светлость уже собиралась закрыть шкатулку, когда взгляд наткнулся на выпавший из нее платок. Хорошо, что не слетел на пол, про себя порадовалась герцогиня, протягивая к нему руку. Жесткий от крахмала белый батистовый квадрат негромко хрустнул под пальцами, и Вивиан растерянно наморщила брови. Что это? Монограмма?.. Две буквы, «Н» и «Х», криво вышитые синей шелковой нитью в углу платка, не оставляли никаких сомнений: это были инициалы ее старшего сына. Но Вивиан никогда не заказывала ему ничего подобного — не говоря уж том, что самая неопытная мастерица и то сделала бы свою работу лучше. Где Нейл взял эти платки? Ну не сам же вышил! Герцогиня развернула находку. Тонкий, едва уловимый аромат жимолости коснулся ноздрей, и ответ пришел в то же мгновение. Кассандра Д'Элтар... Перед глазами Вивиан, как в ожившем сне, вдруг возникла библиотека, освещенная десятком свечей, напряженная фигура мужа, застывшего у дивана, испуганный взгляд госпожи Делани и две головы на кожаных подушках, склонившиеся друг к другу: одна русоволосая, коротко стриженная, вторая — в россыпи темных кудрей. «Вивиан, назад! Ты ее добьешь!» — хриплый, взволнованный голос с трудом достиг ее сознания, но ответного отклика не вызвал. Приросши ногами к полу, Вивиан неотрывно смотрела на белое как мрамор лицо незнакомки, на сомкнутые голубоватые веки над полукружьями черных ресниц и на свесившуюся вниз тонкую девичью руку. Искра жизни, гаснущая во тьме... Эта девочка тоже не была магом. Как Итан. Густой сизый туман потянулся к застывшей на пороге Вивиан своими холодными щупальцами. Как Итан... Она убила его...

«Вивиан!»

Свечи начали меркнуть. Пол под ногами зашатался, комната вдруг отодвинулась назад, что-то громко хлопнуло — и всё вокруг окутал непроглядный мрак. Живой, клубящийся призрачными кольцами, он жадно тянулся к Вивиан, душа ее в объятиях ужаса, и как она ни старалась вырваться, ничего у нее не выходило. Что-то приподняло ее над землей — неумолимое, невидимое во тьме, и повлекло куда-то, как ветер несет сорванный с дерева лист. Итан... Я не хотела, я не должна была... Это я во всем виновата...

— Вивиан!

Всё тот же голос, донесшийся словно издалека, нарушил окутавшее ее безмолвие. Чьи-то руки стиснули ее плечи — коротко и сильно, почти до боли. Герцогиня вздрогнула.

— Вивиан! Очнись! Ты меня слышишь?

Она моргнула, приходя в себя. Сквозь мутную серую пелену перед глазами медленно проступало лицо склонившегося над нею мужа. Оно было бледным и встревоженным. Вивиан шевельнула пересохшими губами.

— Кендал, — пробормотала она, и герцог, коротко выдохнув, на миг прикрыл веки. Пальцы, судорожно сжимавшие ее плечи, ослабили хватку.

— Слава Танору, — услышала Вивиан. — Не пугай меня больше так, дорогая... Что ты

тут делаешь? Я думал, ты давно уже спишь.

Она неопределенно пожала плечами. Кендал эль Хаарт, повернув голову, окинул взглядом комнату. Заметил открытый сундук под вешалкой, покосился на стоящую на столе шкатулку и наморщил брови:

— Ты что-то искала здесь?

— Нет, — прошепстала жена. Пальцы ее разжались, и смятый платок упал в подставленную ладонь мужа. — Так... Просто зашла... Положи это обратно, Кендал. И закрой шкатулку, пожалуйста. У меня голова кружится.

Герцог не глядя бросил платок на стол.

— Пойдем, я уложу тебя в постель, дорогая, — сказал он, помогая ей встать. Герцогиня кивнула и, покачнувшись, на миг прикрыла глаза. — Так сильно кружится?..

Вивиан кивнула снова.

— Кендал, — прошептала она, — почему это со мной происходит?

— Туман вернулся?

— Да, — по ее телу прошла легкая судорога. — Обними меня, Кендал! Мне страшно! Я не хочу опять, как тогда... Не хочу!..

В голосе ее звучали слезы. Герцог мягко привлек жену к себе.

— Ш-ш. Все будет хорошо, — проговорил он со своей обычной спокойной уверенностью, и Вивиан, обессиленно ткнувшись лбом в его плечо, прерывисто вздохнула. Тепло его рук и легкий, чуть терпкий запах сандала и кедра привычно рассеивали тревогу. — Это пройдет, любовь моя. Мы справимся. А сейчас пойдем, тебе нужно лечь. Хорошо?

Вместо ответа до него долетел еще один тихий вздох. Вивиан подняла на мужа свои светлые, чуть затуманенные глаза и улыбнулась — печально, словно бы с сожалением.

— Когда-нибудь ты устанешь от меня, Кендал. И поймешь, что оно того не стоило.

Герцог медленно покачал головой. А потом, склонив голову, ласково коснулся губами ее лба.

— Оно того стоило, — отозвался он.

Настойка лурии всегда действовала безотказно: не прошло и получаса, как герцогиня эль Хаарт уснула. Ее муж, посидев рядом еще немного, поправил одеяло у нее на плече, прикрутил колесико лампы и вышел из спальни. Лицо его было мрачным. «Второй приступ за последние несколько недель, — думал он, закрывая за собой дверь. — Конечно, осень, обострения мы всё равно бы не избежали, однако... Гори она синим пламенем, эта усадьба! Не стоило нам туда ехать!» Он обернулся на закрытую дверь за спиной, и серые глаза, еще недавно лучившиеся спокойствием, тревожно блеснули в полумраке. Второй приступ. И невозможно предугадать, когда за ним последует третий — Кендал многое бы отдал, чтобы этого не случилось, но опыт прошлых лет надежд ему не оставлял. Это обязательно повторится. А значит, нужно быть готовым. Быть рядом. Если не успеть вовремя вывести ее из этого состояния, она провалится в туман надолго. «Как тогда», — мысленно повторил Кендал недавние слова жены. Он даже думать не хотел о том, что однажды вернувшись домой может найти там то же, что нашел когда-то в Белой усадьбе в ночь крестьянского бунта. Та женщина, неподвижно замершая у колыбели, была не Вивиан. Пустая оболочка с таким же пустым взглядом — она дышала, двигалась, даже произносила какие-то слова, но живее от этого не становилась. Скорее, наоборот. И это было страшно вдвойне. Одни боги знают, что помогло ей тогда вернуться — тогда и год назад, после того, как она перешагнула порог библиотеки, но в следующий раз сил может не хватить. И если грани сомкнутся...

Герцог тряхнул головой. «Пора заканчивать с почетным караулом в лаборатории, — подумал он. — В конечном итоге, мой домашний кабинет оснащен не хуже. Кое-что перевезем из корпуса, наладим почтовый канал связи напрямую... Короне важен результат, а не моё присутствие во дворце с утра до ночи. Здесь я сейчас нужнее. Приступы обычно случаются в темное время суток, и госпожа Делани при всем желании не сможет помочь — даже если поймет, что происходит». Его светлость скользнул невидящим взглядом по приоткрытой двери детской. Помочь!.. Да разве тут поможешь? Алхимики разбираются в человеческих хворях, но болезнь тела — не болезнь души. За эти семнадцать лет Кендал перепробовал все средства, однако навсегда избавить Вивиан от проклятого тумана так и не сумел. Любое сильное переживание, любое воспоминание о былой трагедии — и муť прошлого вновь поднималась со дна, застилая свет... Герцог вспомнил мертвенно-бледное лицо жены и открытую шкатулку рядом с ней, на столе. Не она ли явилась причиной нового приступа? «Значит, тем более нужно убрать с глаз долой», — решил он. Вернулся в спальню старшего сына, закрыл сундук, задул свечу на полке над ним и вновь подошел к столу. Взгляд его упал на черный оникс в тяжелой квадратной оправе, и по губам скользнула тень улыбки. Та самая копия? «А я-то считал, что она пылится где-нибудь на чердаке, — подумал он. — Однако вряд ли это могло хоть сколько-нибудь взволновать Вивиан». Хмуря брови, герцог поднял со стола измятый платок. Разгладил ладонью и сухо крикнул, увидев в правом нижнем углу криво вышитую монограмму. Инициалы Нейлара, и чьей рукой они вышиты, можно даже не гадать. Теперь всё ясно. «Кассандра Д'Элтар, — отстраненно подумал он. — Мда. У каждого мальчишки свои сокровища...» Его светлость встряхнул платок, на миг уловив исходящий от него слабый аромат жимолости, аккуратно сложил по линиям сгиба и вернул в тайник, к остальной дюжине, прикрыв серебряной цепью. Тихо щелкнул рычаг секрета, крышка шкатулки захлопнулась. Кендал эль Хаарт задул вторую свечу и вышел из комнаты, плотно прикрыв за собою дверь.

Рабочий кабинет его светлости, который он сам и все его домашние привыкли называть лабораторией, по сути, именно ею и являлся. Не в последнюю очередь как раз поэтому единственное окно кабинета было забрано частой решеткой и оборудовано двумя парами ставен, а дверь — тяжелая, железная, в свое время изготовленная на заказ и оборудованная хитрым тройным замком — всегда была на запоре. Входить в святая святых не разрешалось никому за исключением герцогини (иногда его светлости во время какого-нибудь сложного опыта был необходим ассистент) и магистра щита — если обстоятельства требовали полной приватности. Но в любом случае, ключ от лаборатории существовал в единственном экземпляре, и дубликатов ни у кого из перечисленных не имелось. Лучшее хранилище для опасных воспоминаний!

Герцог, войдя и повернув ключ в замке, огляделся. Куда бы пристроить шкатулку? В шкафах места нет, полки бюро слишком узкие, на стеллаже с инструментарием она будет только мешать... Задумчивый взгляд его светлости упал на запертые ставни. А вот это, пожалуй, сгодится! Он подошел к окну, машинально проверил задвижки и поставил шкатулку на подоконник. «Здесь целее будет», — подумал он. И невольно улыбнулся, глядя на расправившего крылья резного грифона на крышке. Когда-то фигурка была покрыта яркой цветной эмалью — время стерло ее почти полностью, обнажив дерево, однако сказочное чудовище своего горделивого достоинства не утратило. Наоборот, в нем словно прибыло воинственности, и даже отколотый кончик клюва смотрелся не увечьем, но почетным

шпрамом, которые, как известно, лишь украшают бойца... Неудивительно, что у Нейлара не поднялась рука отправить ветерана на пенсию! Герцог, всё еще улыбаясь, добродушно качнул головой. Потом, не устояв перед искушением, ногтем щелкнул деревянного стража по его щербатому клюву и вышел. «Надо будет завтра разобрать тот сундук, — думал он, шагая по темному коридору. — Неизвестно, что еще там может найтись. Лучше подстраховаться, не дожидаясь очередных сюрпризов! Уверен, Нейлар поймет». Кендал еще раз заглянул к жене, убедился, что она крепко спит, и, успокоенный, вернулся в гостиную. Время было еще не позднее, часы в холле едва пробили четверть двенадцатого, а на завтра он уже совершенно точно решил остаться дома, так что можно было позволить себе еще параграф-другой...

Как водится, десятком страниц дело не ограничилось. Полностью ушедший в чтение герцог очнулся задолго после полуночи, отвлекшись на скрип дверных петель и тихий шорох юбок. Вивиан?.. Он быстро вскинул голову и не без облегчения улыбнулся:

— А, госпожа Делани! Что-то случилось?

— Нет-нет, ваша светлость. Простите, если помешала. С Мелвином все хорошо, он спит, я только зашла за книгой.

Воспитательница, очевидно, не ожидавшая застать хозяина здесь в столь поздний час, смутилась и неловко спрятала руки за спину, словно нашкодивший ребенок. Кендала это почему-то развеселило.

— За книгой? — насмешливо-удивленно переспросил он, вздернув брови. — Воистину, ваша жажда знаний не знает границ! Неужели недра моих шкафов так быстро иссякли?..

Щеки госпожи Делани залил предательский румянец.

— Нет, — отозвалась она, опуская глаза. — Я за другой книгой, ваша светлость. Вон той.

Она шевельнула плечом в сторону дивана и герцог, повернув голову, увидел забытую там детскую книжку — на ее обложке был изображен щекастый розовый поросенок в синей шапочке с помпоном.

— Мелвин читал ее нам сегодня вечером, — напомнила воспитательница. — Книга старая и корешок совсем расклеился, я хотела починить.

— А почему не в библиотеке? Там ведь удобнее.

Женщина вздохнула.

— Там холодно, — честно призналась она. — Я подумала, раз уж в гостиной всё равно растоплен камин... Но это ничего страшного, ваша светлость. Я возьму ее в детскую, у Мелвина крепкий сон и он привык к шелесту страниц. Еще раз простите...

Она торопливо шагнула к дивану, подхватила книжку и тут же исчезла — его светлость, уже открывший было рот сказать, что ее присутствие ему совсем не мешает, даже слова вымолвить не успел. «Однако! — в некоторой растерянности подумал он, глядя на то место, где еще секунду назад стояла воспитательница. — С такой скоростью перемещения в пространстве ей прямая дорога в сигнальные гонцы! Не пойму, боится она меня, что ли?» Он озадаченно хмыкнул себе под нос. Бояться хозяина у госпожи Делани объективно не было ни единой причины. Может, конечно, ему показалось, да и час поздний, плюс неожиданность — как в тот раз, в большой бальной зале, когда ей пришла фантазия сесть за рояль... Вспомнив об этом, Кендал эль Хаарт задумчиво нахмурил брови. Нет, понял он, страх все-таки был, только к нему ли конкретно он относился? Госпожа Делани женщина привлекательная. И если ему нет до этого дела, то вовсе не факт, что все прочие, как однажды выразился Айрон, такие же «кроты слепые», как он сам. В конце концов, в истории

почти каждой семьи нет-нет да и найдется хоть одно воспоминание о юной хорошенькой гувернантке, не устоявшей перед хозяином, — или, наоборот, о хозяине, презревшем брачные обеты!.. Кокеткой госпожу Делани никак не назовешь. Быть может, кто-нибудь из ее предыдущих нанимателей в свое время пытался, так сказать, расширить круг ее обязанностей — вот она и опасается теперь оставаться с мужчиной наедине? Что ж, резонно. Пусть в данном конкретном случае неоправданно... Его светлость зевнул и захлопнул справочник. «Надо завтра распорядиться, чтобы на вечер в библиотеке оставляли побольше дров, — думал он, поднимаясь. — Октябрь на носу, ночи и впрямь уже холодные. Не хватало мне еще из-за какого-то сластолюбца лишиться хорошего работника!» Неодобрительно качая головой, герцог придвинул решетку плотнее к камину, потушил свечи и вышел из гостиной.

Весь первый этаж тонул во мраке. Кендал прошел через холл, поднялся по лестнице и свернул по коридору к своей спальне. Проходя мимо детской, ускорил шаг — так, на всякий случай — и уже через несколько минут, зевая, улегся в постель. Всё-таки хорошо, думал он, откидываясь на подушки, что завтра не нужно будет вставать с петухами. Повод, конечно, для этого подобрался не лучший, но в чем-то эль Гроув прав. Нужно давать себе отдых. «Да и Вивиан будет спокойнее, — подумал он, закрывая глаза. — Первые дни выхода из тумана самые тяжелые. Проклятая Дымка! Из-за нее я совсем перестал появляться дома — и вот результат!» Лоб его светлости прорезала глубокая морщина. Не только душевная травма жены и смертоносное детище данзарских черных алхимиков, управы на которое до сих пор не нашлось, тревожили сердце. Нейлар. Далеко, за много морских миль от Геона и дома, в Бар-Шаббе, откуда он так и не смог его забрать, на боевом факультете, от которого его не вышло отговорить...

Школьный табель Нейлара эль Хаарта за третий курс, вместе с официальным письмом о переводе, граф Бервик привез королевскому алхимику лично. Почему — Кендал понял еще до того, как гость произнес первое слово. Похоже, предприятие не увенчалось успехом.

— Мы сделали всё, что было в наших силах, ваша светлость, — тут же подтвердил мрачную догадку Бервик. — И не пожалели ни средств, ни влияния, чтобы глава боевого факультета пошел нам навстречу, однако...

— Он отказался это сделать? — приподнял бровь герцог. Бервик качнул головой.

— Отнюдь. Достопочтенный мэтр внял голосу здравого смысла и отдал соответствующие распоряжения. В качестве противника в решающем испытании против вашего сына выставили не адепта на курс старше, как заведено, а одного из преподавателей. Учитывая весьма скромные успехи адепта эль Хаарта по части рукопашного боя, глава факультета счел эту меру достаточной. Однако мэтру Герви выйти из схватки победителем не удалось.

— Но это же просто смешно! Преподаватель проиграл адепту? Да еще и третьекурснику?

— Этого я не говорил, — гость, вздохнув, развел руками. — Видите ли, ваша светлость, победа не обязательна. Главное, что требуется от претендента, — продержаться до конца схватки, время которой строго регламентировано. Увы, с этим ваш сын более чем справился. Его глухую оборону противник пробить не смог, как ни старался: а он старался, поверьте, мэтр Герви — один из наших людей.

— И что же, других не нашлось?

— Нашлось, — согласился Бервик, глядя себе под ноги. В воздух повисла короткая

пауза. — Памятуя об известных сложностях, связанных у адепта эль Хаарта с работой в близком контакте, мы подстраховались и на этот счет... Но, к сожалению, с еще меньшим успехом. Адепт Рексфорд вашему сыну проиграл.

— Райан? — первый алхимик сердито передернул плечами: — Ну еще бы! На что вы надеялись, срамливая между собой двух друзей?

Гость поднял голову, и хозяин дома умолк.

— Адепт Рексфорд, — проговорил Бервик, — совершенно солидарен с вами, ваша светлость, относительно того, что на боевом факультете его товарищу делать нечего. Расчет был верный — и на близкий контакт, и на узы дружбы, и на эффект неожиданности. Поддаваться адепт Рексфорд не собирался. И работал в полную силу, причем, надо сказать, куда жестче мэтра Герви.

— Но проиграл? Как?

— Не знаю. Меня там не было, а те, кто был, включая самого Рексфорда, до сих пор не могут понять, каким образом едва дышащий человек смог вдруг уложить на обе лопатки противника вдвое сильнее его самого. Звучит дико, согласен, но факт остается фактом. Что же касается пресловутого «Как?» — боюсь, на этот вопрос вам сможет ответить только ваш сын. Хотя, полагаю, вряд ли захочет.

— Посмотрим, — хмуро обронил герцог. — Хорошо, допустим, ваш Герви не смог пробить защиту, а Райан Рексфорд пал жертвой какого-то запрещенного приема. Но кроме них двоих на факультете хватает бойцов!

Гость невесело усмехнулся.

— Разумеется, ваша светлость. Но не могли же мы выставить против вашего сына их всех? Настолько вопиющее нарушение правил вышло бы боком не только главе факультета... Однако еще кое-то про запас у нас все-таки был. И третьей схватки ваш сын предсказуемо бы не выдержал — но обстоятельства сложились не в нашу пользу. Не знаю, что привело тогда в экзаменационный зал барона Норвиля, но оспорить его вердикт не решился никто из комиссии. Слово исполняющего обязанности архимага оказалось решающим, и адепт эль Хаарт получил свой заслуженный перевод. Что мы могли сделать? Хьюго Норвиля не купишь и не запугаешь — вы с ним знакомы и знаете, что он за человек.

— Да, — с отсутствующим видом обронил герцог. — Я знаю.

То, что он услышал, звучало странно и неправдоподобно — однако же подтвердилось в самом скором времени, когда его светлости пришло письмо из Бар-Шаббы, от мэтра Моссдена. Преподававший искусство рукопашного боя адептам первого, второго и третьего курсов, мэтр всегда присутствовал на переводных испытаниях на боевой факультет. И его письмо практически слово в слово повторяло недавний рассказ графа Бервика. Очевидцу, да еще и не посвященному в суть всей этой рискованной кампании, трудно было не поверить. И пусть Бервик, перед тем, как откланяться, заверил герцога, что сделает всё от него зависящее, чтобы адепт эль Хаарт не продержался на боевом факультете дольше полугода, его светлость отнесся к этим заверениям без энтузиазма. «Может, я все-таки был не прав, отказав Нейлару в таланте? — мучительно размышлял герцог. — В конце концов, я не боец! А он — давно уже не тот маленький мальчик, что так нуждался в защите. Не зря ли я вообще всё это затеял?»

Зря или нет, но Кендал эль Хаарт привык прежде всего доверять собственным глазам. И в конце августа, когда вся семья собралась в Белой усадьбе, ее молодому хозяину представился случай доказать, чего он стоит: зная, что сын каждое утро тренируется с кем-

нибудь из своей охраны на заднем дворе, герцог поднялся пораньше, дождался, пока занятие почти подойдет к концу, надел балахон и вышел из дома.

Нейл, увидев его, машинально отразил удар атакующего справа и поднял руку, останавливая тренировку.

— Доброе утро, отец, — сказал он с некоторым удивлением в голосе.

— Доброе утро, — отозвался герцог. — И вам, господа. Оставьте мне кто-нибудь шест — и можете быть свободны... Я основательно заржавел за год в своей лаборатории, и мне не помешает размяться — надеюсь, ты не против такой замены, Нейлар?

— Нисколько, — сын, улыбнувшись, пожал плечами: — Один соперник вместо трех? Как по мне, очень выгодный обмен!

— Вот и славно, — обронил его светлость, принимая протянутый кем-то из охранников шест. Покрутил его в пальцах, привыкая, качнулся с пятки на носок — и без дальнейших прелюдий перешел в наступление. Однако внезапность атаки не застала сына врасплох, как бывало. Нейл, словно предвидя ее, качнулся назад, пропустил над собой край бамбуковой палки и, змеей скользнув в сторону, закрыл блок. Второй выпад его противника разбился о воздух. Сразу последовавший за ним третий тоже не достиг цели. Атакующий раз за разом уходил от удара, изгибаясь не хуже собственного шеста, что когда-то не мог толком удержать в руках, ставил блок за блоком, просчитывал каждый обманный маневр и не давал к себе подобраться. Он не нападал, нет. Но любая попытка герцога пробить его защиту неизменно оканчивалась ничем. Шест лишь впустую рвал воздух. И даже тот единственный раз, когда Кендалу удалось-таки почти достать противника, победы ему не принес — сокрушительный удар бамбуковой палки пришелся не в плечо обороняющегося, но в самый центр возникшего вдруг словно из воздуха шеста. Раздался глухой скрежет, палка в ладони атакующего мелко задрожала, непостижимым образом овившись на миг вокруг второго шеста, потом рванулась из пальцев, и не перехвати ее герцог свободной рукой, дело точно кончилось бы вывихом. «Непостижимо! — промелькнуло у него в голове. — Все они были правы, и Моссен, и Бервик, и, пожалуй, Норвиль... Но как?!» Тряхнув онемевшим запястьем, его светлость поймал встревоженный взгляд сына и не удержался от соблазна этим воспользоваться. Отступив на исходные, он сжал шест в ладони здоровой руки и, оттолкнувшись от земли, рванулся вперед по короткой дуге. Удар по диагонали не раз выручал его во время оно — но увы! Нейлар просчитал и этот маневр. Шесты, скрестившись, громко затрещали, а последовавший за этим упругий толчок, болезненной вибрацией прошив ноющее запястье, отбросил его светлость назад. Бесполезно, понял Кендал. Можно плясать здесь хоть час, напрасно изводясь на мыло, — эту защиту и впрямь не пробить. «Бедный мэтр Герви, — сочувственно подумал он. — Боюсь, у вас просто не было шансов». Качнув головой, он сделал еще шаг назад и медленно опустил шест. Тревога в глазах сына, погасшая было, вспыхнула вновь.

— Отец? Всё в порядке? Ваша рука...

— Ничего. Милостью богов, не отвалится, — с легкой усмешкой отозвался герцог, растирая запястье. — Не беспокойся, Нейлар. Но если не возражаешь, давай на сегодня закончим — похоже, заржавел я куда сильнее, чем думал!..

Он рассмеялся, и сын ответил ему чуть смущенной улыбкой. Очевидно, он все-таки ощущал себя немного виноватым. Кендала обуревали примерно те же чувства — и часом позже, за утренним кофе, который им обоим подали в беседку, он все-таки нашел в себе силы в этом признаться.

— Мне совестно перед тобой, Нейлар, — помолчав, сказал он. — За то, что не верил в тебя и не хотел тебя слушать, но в особенности — за этот экзамен. Я так сильно противился твоему решению, что, к стыду своему, позабыл о всякой порядочности! По моей личной просьбе тебе дали не одного противника, а двух, включая многострадального мэтра Герви. Это было против правил, но глава факультета пошел мне навстречу — слава богам, барон Норвиль все-таки на этот раз оказался в нужном месте в нужное время... Я не хотел, чтобы ты поступил на боевой факультет. Не хотел видеть тебя бойцом — да и сейчас не хочу, врать не буду. Ты мой сын, Нейлар, и я боюсь за тебя, боюсь того, что неминуемо ждет тебя на войне, но я признаю свою ошибку. И обещаю, что больше никто не станет совать тебе палки в колеса: будь тем, кем решил, в конечном итоге, это твоя жизнь! Надеюсь только, что ты все-таки сможешь меня простить. Я лишь хотел уберечь тебя, пускай и выбрал для этого самый неприглядный способ.

Нейл, склонив голову, мягко улыбнулся.

— Я знаю, отец, вы всегда желали мне только добра. И про войну знаю, Райан сказал мне, и про экзамен тоже. Не за что мне вас прощать — любой на вашем месте поступил бы так же! Может, оно и было неправильно, но ведь, выходит, пошло на пользу? Я не обижаюсь на вас, правда. И если завтра рука вам позволит...

— Составить тебе компанию на тренировке? — с пониманием закончил за сына герцог. — Конечно, я буду рад. Правда, если с атакой дела у тебя обстоят так же, как и с защитой — боюсь, растянутыми связками я уже не отделаюсь!

Он весело фыркнул, а Нейл, наоборот, погрустнел.

— В том-то и дело, отец, — тяжело вздохнув, признался он, — с атакой у меня беда. Фаиз потому и велел на защиту ставить, там, на экзамене.

— Фаиз? Это тот, кто взял над тобой шефство?.. — задумчиво прищурился Кендал, вспомнив письма мэтра Мосседена. Сын кивнул. — Что же, по части защиты твой друг не ошибся и, надо отдать ему должное, сумел снять этот блок. Странно только, что с нападением он, при таких-то талантах, не справился.

— Да он и не пытался. Сказал, не хочет зря время тратить, мол, всё одно без пользы... Только Фаиз мне не друг.

Его светлость насмешливо вскинул брови:

— А кто? Хотя бы не враг, я надеюсь?

— Я тоже, — фыркнул Нейл. И поморщился: — Если честно, я его терпеть не могу! Но он лучший боец в школе, так что...

— Да, я заметил, — Кендал, сделав глоток кофе, посмотрел на сына: — И не его ли заслуга в том, что Райан Рексфорд проиграл тебе в поединке?

Нейл уткнулся взглядом в стол. Ясно. Его светлость медленно покачал головой.

— Ситуации, конечно, бывают разные, Нейлар, — помолчав, сказал он. — И уж точно не мне сейчас читать тебе мораль, но всё же... Запрещенные приемы — дорожка скользкая. Хотя бы потому, что дают твоему сопернику право вернуть должок, и происходит это обычно тогда, когда ты к этому совсем не готов. Хотя, признаться, мне любопытно — что же там все-таки был за прием?..

Нейл в ответ с только сожалением развел руками.

— Простите, отец. Я не могу сказать. И показать тоже — я дал слово. Но не беспокойтесь, больше никто не пострадает, это была вынужденная мера, запасной вариант на самый крайний случай. Да и не уверен я, если честно, что смогу это повторить, — чудо,

что у меня вообще хоть раз получилось!

Его светлость раздумчиво кивнул.

— Что же, — проговорил он, — тебе виднее, сын. И раз уж ты дал слово, придется его сдержать. Надеюсь, больше таких «крайних случаев» тебе не представится. Однако твой наставник проделал большую работу — за что же ты его так не любишь?

— Да сволочь он! — забывшись, припечатал Нейл. — Простите, отец. Но, клянусь богами, если б вы знали Фаиза, вы бы меня поняли!

Герцог благодушно махнул рукой. О «драконовских методах» сыновнего наставника, благодаря мэтру Моссдену, он был наслышан. И даже несмотря на их очевидную продуктивность, сына вполне мог понять. Он перевел разговор на дела усадьбы и больше за весь свой короткий отпуск Бар-Шаббы не касался.

Но думать, конечно, думал. И тогда, и теперь. Кендал смирился с тем, что сын вырос, принял его решение и его выбор, но спокойствия ему это не принесло. Новым архимагом, как и предсказывал Бервик, стал Уэйн Теллер, этот медоречивый фанатик, тень грядущей войны неотвратимо напознала на Геон с юга... «И еще Алмара, — тревожно думал Кендал эль Хаарт, без сна лежа в постели и прислушиваясь к монотонной песне дождя за окном. — С чем вернется наше посольство? И вернется ли? От востока всего можно ожидать». Он мимолетно нахмурил брови, вспомнив клеймо «сволочи», которым Нейлар наградил своего наставника. Похоже, талантливый адепт ан Фарайя к своему ученику тоже никакой симпатии не испытывал — и всё же едва ли не за руку привел его на боевой факультет. Такая благотворительность не свойственна Алмаре. Уж если она дает, то потом всегда требует отдачи с процентами.

Не придется ли и Нейлару в свой срок платить по счетам?..

Дождь лил пятый день кряду. Бар-Шабба намокла как мокрая птица, спряталась за разбухшими ставнями и дверями жарко натопленных гостиных, пережидая ненастье. Улицы ее опустели, еще не до конца облетевшая листва тополей жалко поникла: холод и сырость вновь воцарились на острове после короткого жаркого лета.

Адепт эль Хаарт, по самый нос закутавшись плащ и перепрыгивая через лужи, торопился в «Орел и полумесяц». Сегодня они с Зигги уговорились вместе поужинать, а он и так уже сильно опаздывал. Пересекая площадь, Нейл бросил взгляд в витрину закрытой часовой мастерской: начало девятого! Бедняга Зигги ждет целых полчаса и, вероятно, уже близок к голодному обмороку. «Вот дался мне этот обратный штопор! — сердито подумал Нейл, перескочив через очередную лужу и скривившись от вспышки боли в бедре. — Ладно бы получалось как следует, а так и прием не обкатал, и завтра буду что хромая лошадь. Воистину — не дали боги ума, сам не вырастет!» Он тихо выругался себе под нос и свернул в переулок. Блестящая от дождя вывеска с изображением орла, сидящего на нижнем роге большого белого полумесяца, призывно замаячила впереди, подсвеченная желтым светом из окон. Нейл ускорил шаг. Опаздывать он не любил, да и живот давно сводило от голода — сегодня он даже пообедать толком не успел. Впрочем, как и вчера. И позавчера. Пока отдышишься после занятия, пока доползешь до столовой, пока ложку в руки сумеешь взять — и конец перерыву! Слава богам, здесь не Даккарай, хоть поужинать по-людски можно: три трактира, даже в город ехать не надо, и как минимум в двух из них вполне пристойно кормят. Как только Сандра в даккарайских застенках целый год выдержала, подивился адепт эль Хаарт. Потом вспомнил торчащие над воротом рубашки острые ключицы подруги и сочувственно крикнул — теперь, спустя месяц своего пребывания на боевом факультете, он понимал ее как никто. «А еще говорят, что это художник должен быть голодным, — подумал Нейл. — Угу! Судя по порядкам некоторых военных учреждений, голодным должен быть боец... Не иначе как для того, чтоб повергать врага в ужас одним своим видом».

Нейл взбежал по ступенькам. Укрывшись под защитой широкого ажурного козырька, сбросил насквозь промокший плащ, отряхнул — хотя лучше было бы выжать — и толкнул дверь. Тепло двух огромных каминов окутало его с порога, заставив зажмуриться от удовольствия, ноздри затрепетали, лоя ароматы кухни. Еще бы в ботинках не хлюпало, подумал он, и совсем было бы хорошо! Молодой человек перекинул через локоть мокрый плащ и окинул взглядом залу.

— Нейл! Я здесь!

Адепт эль Хаарт, повернув голову, улыбнулся — за столиком у центрального окна сидел Зигмунд де Шелоу и приветственно махал ему рукой. Правда, для голодного человека вид у него был подозрительно довольный. «Не стерпел, все-таки, — понял Нейл. — Ну да тут уж я сам виноват, нечего опаздывать». Он пробрался по узкому проходу между двумя рядами столов и упал на стул напротив товарища.

— Извини, Зигги. Не рассчитал со временем. Ты, гляжу, уже отужинал?..

Де Шелоу смутился и зачем-то отодвинул в сторону стоящую перед ним тарелку с одиноким листочком салата, оставшимся от недавнего пиршества.

— Тебя всё не было, — оправдываясь, пробормотал он, пряча глаза, — вот я и подумал... Но для десерта я место оставил!

Нейл добродушно фыркнул.

— Надеюсь, и в меня влезет, — потирая руки, сказал он. — Хотя, сдается мне, мой желудок за этот месяц усох до размеров наперстка. Что порекомендуешь? Только такое, чтоб побыстрее принесли!

Зигги посоветовал телячьи отбивные с горошком и утиный паштет, Нейл передал заказ подавальщику — и вскоре желудок его, наполнившись, блаженно умолк. Кормили в «Орле и полумесяце» всегда на совесть.

— Как учеба? — разливая чай, спросил Зигмунд. Нейл скорчил постную мину:

— Как обычно. Моя коллекция синяков сегодня пополнилась еще парочкой. Хотя, справедливости ради, один из них я себе сам посадил... Этот обратный штопор! Вроде простой прием, а поди ж ты — третий день бьюсь, да никак не выходит.

Зигги вздохнул и подвинул товарищу сахарницу. Сам он учился на факультете наук, с боевыми дисциплинами дело имел в последний раз еще на третьем курсе, но друга жалел всей душой: синяков в свое время и его спина повидала немало. К тому же, выглядел Нейл откровенно плохо.

— От тебя одни глаза остались, — рискнул заметить Зигмунд. — Может, не стоит так надрываться? Ведь только сентябрь.

— Почти октябрь, — хмурясь, поправил адепт эль Хаарт. — И до зимы мне хотя бы на шаткий середняк надо выйти, иначе квартальный зачет я не сдам. А мэтр Герви и так от меня далеко не в восторге — вот уж не думал, что он такой злопамятный!

— Ну, — пробормотал де Шелоу, — его можно понять...

— Да брось, Зигги! Ну не справился мэтр с заданием — так его же за это не наказали? — Нейл раздраженно поморщился. — И, кстати говоря, мордой в землю тоже не уткнули. Было бы из-за чего злиться... Ай, да пусть его! Ты-то сам как? Нашел ту свою монографию?

Зигмунд, поскучев, отрицательно мотнул головой.

— Нет. Это какая-то мистика, Нейл! Она дважды упомянута в описи — и никто из архивариусов знать о ней не знает!

— Хм! Даже мэтр Иеронимус?

— Даже он. Как такое вообще может быть? Мэтр Иеронимус помнит все книги и свитки, хранящиеся в наших архивах едва ли не со времен основания школы! Он может их все перечислить по списку и в алфавитном порядке — даже те, что не имеют решительно никакой ценности, а редчайшая монография о Сердце Хаоса вдруг как-то прошла мимо него?.. И ладно бы она была утрачена — все же почти полторы сотни лет — я бы понял... Но тогда в описи была бы отметка о списании. А ее нету!

Зигмунд Де Шелоу, порозовев от волнения, беспомощно всплеснул руками. Натура ищущая и склонная к анализу, он с самого детства живо интересовался загадками мироздания, главной из которых почитал собственный дар, и природа магии занимала его не на шутку. Именно от него Нейл узнал о Пятнах Хаоса — теории весьма спорной, во многом идущей вразрез с основополагающими, но тем не менее имеющей своих приверженцев. Еще на первом году обучения определившись с темой своей дипломной работы, Зигги сделал всё, чтобы к пятому курсу изучить непопулярную теорию вдоль и поперек. Всё свободное время он проводил за чтением, библиотекари Бар-Шаббы знали его в лицо и по имени, а материала к будущему диплому в его комнате за четыре года скопилось столько, что ее смело можно было переименовывать в архив. Зигмунд по крупицам собирал информацию,

не брезгуя даже откровенными байками и покрытыми паутиной легендами, — беспокойная душа искателя не знала отдохновения, и даже врожденная робость его отступала на задний план, когда дело касалось сокровенного Знания. Однокурсники, равно как и большинство преподавателей факультета наук, смотрели на изыскания адепта де Шелоу с добродушной снисходительностью, не принимая всерьез ни их, ни его самого, но Зигги это огорчало лишь постольку-поскольку. Даже подними его на смех весь белый свет, от своих идей он бы не отступился — он ими жил и он в них верил. Нейлу импонировала такая цельность. Да и сама теория Пятен Хаоса, с его точки зрения, была любопытна хотя бы тем, что самим своим существованием попирала суть божественного происхождения дара. «Ведь есть же хроники, Нейл! — запершись на все замки и для верности накрыв комнату куполом, горячо убеждал товарища Зигмунд. — Есть древние свитки и клинопись! Взять хоть наш континент — до пришествия Нортов он ведь не был пустыней, там жили люди, у них был свой язык, своя письменность... Но магов среди них не было! Ни одного упоминания, Нейл! За тысячу лет! А восток? Ведь там то же самое! Везде то же самое! Боги создали землю и всё живое, пусть так, я не спорю, — только отчего же с магией они так припозднились? И в них ли было дело, если уж на то пошло?.. Все святые книги говорят о том, что боги даровали человеку Силу, но ни в одной не указано ни времени, ни места, ни обстоятельств, тогда как Дни Хаоса — непреложный факт, многократно описанный во всех мировых хрониках! Причем описанный в подробностях, почти неизменных от континента к континенту... — Зигги, прикрыв глаза, цитировал по памяти: — «И был гром, и были молнии, и моря вышли из берегов, поднявшись до неба, и дрожала земля, исходя черными трещинами, и горы изливались огнем, и семь дней и еще дважды по семь бушевал ураган, сея каменный дождь, и бежали звери, а вместе с ними люди, от страшной гибели...» Факты, Нейл! Всё это факты, а не страшные легенды, Дни Хаоса потрясли самые устои мира, оставив на нем шрамы, многие из которых не затянулись по сей день — и если верить летописям, именно после этого «боги ниспослали людям свой дар», то есть, магию. Кто-то считает, что в утешение, кто-то — что в наказание... А я так скажу — не было никакого божественного промысла! Землетрясения и ураганы потревожили некий источник Силы, и она вырвалась наружу, осколками разлетевшись по миру на крыльях ветра. А Пятна Хаоса — ничто иное, как места упокоения этих осколков! Иначе как объяснить то, что в иной местности магов почти не рождается, а кое-где — да взять хоть наш Мидлхейм или алмарский Якиф — редко какая семья уберется от этой беды?.. И это включая миграцию! Разве можно счесть это простым совпадением?!» Нейл в ответ привычно качал головой и помалкивал. Когда Зигмунд садился на своего любимого конька, ни собеседник, ни поддержка оного ему обычно не требовались. «Зигги только дай свободные уши, — смеялся Райан Рексфорд, — не слезет, пока до смерти не заговорит!» Сын магистра щита, как и большинство окружающих, к теории Пятен Хаоса относился весьма скептически. Однако Нейл с выводами не торопился. Зигги, при всей своей увлеченности темой, опирался исключительно на те самые «факты», да и звучали его выводы вполне складно. Другое дело, что несмотря на всё это теория продолжала оставаться теорией...

Однако де Шелоу не сдавался. И усевшись наконец за написание дипломной работы, вгрызся в руины прошлого столь рьяно, что удача просто не могла ему не улыбнуться: в одной старой библиотечной описи, многие десятилетия покрывавшейся плесенью в архивах, он нашел упоминание о «Сердце Хаоса». Ничего конкретного, только название, но оно говорило само за себя, и окрыленный адепт де Шелоу бросился на поиски. К несчастью,

онь не увенчались успехом: на полке, указанной в описи, искомого труда не обнаружилось. На всех остальных тоже. А библиотекари и архивариусы в ответ лишь разводили руками — и это в Бар-Шаббе, чья государственная библиотека хранила как зеницу ока даже счета за чернила, не говоря уж о чем-то большем!..

Нейл, бросив в чашечку два куска сахара, взглянул на поникшего друга.

— Может, загубили свиток да боятся признаться? — предположил он. — Сам знаешь, сырость, плесень...

— Угу, — безрадостно буркнул Зигги. — Это всё для аудиторий да наших казарм, а книгохранилища пестуют как новорожденное дитя: и тепло там, и сухо, и обработка стен соответствующая, уж я-то знаю! За четыре года сверху донизу все излазил.

— Тогда и впрямь странно, — задумался друг. — Потерять тоже вряд ли могли. А в нижнем архиве смотрел?

— Что ты! — горестно отмахнулся де Шелоу. — Разве кто мне позволит? Туда даже мэтр Иеронимус только по пропуску...

Он, не договорив, умолк и устался в свою чашечку, хмуря брови. Нейл крикнул.

— Зигги, даже не думай, — поняв, что за мысль посетила неутомимого искателя, предостерег он. — Если уж старшему архивариусу отказали в свободном доступе, тебе там вообще ловить нечего! Пропуск — значит охранные печати на входе. Спаси боги, попадешься, отчислят без разговоров. Оно тебе надо?

— Нет, конечно, — вздохнул Зигмунд. — Да я всё понимаю, Нейл, просто... Не дает мне покоя это «Сердце»! Нутром чую, что-то там есть — и тут такая беда!

Его круглое добродушное лицо совсем опечалилось. Нейл сочувственно покачал головой. Потом подумал, огляделся и, навалившись грудью на стол, понизил голос:

— Зигги, а если золотом? Оно, говорят, здорово прочищает память!

— Золотом? — заморгал друг. — Хочешь, сказать, денег за монографию предложить?.. Кому? Мэтру Иеронимусу?!

— Необязательно. Пыль со стеллажей в нижнем архиве точно не он вытирает, а жалование у простых архивариусов явно так себе. Тебя они знают, да и, в конце концов, это «Сердце» вообще не обязательно из библиотечного корпуса выносить! Прочешь его ты и там можешь, уж всяких кладовок в архивах без счета. А память у тебя хорошая.

Зигги задумался. Помешал ложечкой чай, сделал пару глотков и чуть просветлел лицом.

— Наверное, можно попробовать, — неуверенно улыбнувшись, пробормотал он. — Не знаю, правда, как у меня получится, я ведь раньше с подкупом дела не имел...

Нейл тихо фыркнул себе под нос. Зигмунд де Шелоу, что правда то правда, человеком был крайне законопослушным и совестливым — однако Нейл не сомневался, что жажда знания так или иначе решит эту проблему.

— Всё у тебя получится, Зигги, — сказал он, откидываясь на спинку стула. — А сейчас давай-ка ударим по десерту, пока силы еще остались!

Лакомка Зигмунд расплылся в улыбке и, вытянув руку, призывно махнул подавальщику.

— Сегодня у них на десерт морковный торт с кремом, — доложил он. — Пальчики оближешь! Райан говорит, что даже в «Трилистнике» его так хорошо не готовят. Кстати, он о тебе спрашивал, Нейл, — что, мол, не заходишь? И с нами в город больше не ездешь...

— Да я бы и рад, дружище, — с фальшивым сожалением отозвался адепт эль Хаарт, разводя руками, — только когда? Я без всяких разъездов каждый вечер чуть не ползком до комнаты добираюсь. Уж Райану ли не знать, что такое боевой факультет?

— Так ведь он же ездит, и ничего!

— Так ведь я — не он, Зигги, — обронил Нейл. И обернулся к подошедшему подавальщику: — А вот и десерт! Возьмем еще чаю?

— Можно...

Они славно провели остаток вечера в компании друг друга и двух кусков морковного торта, который впрямь оказался выше всяких похвал, и расстались на площади вскоре после одиннадцати. На прощание Нейл выразил надежду, что после сдачи квартальных зачетов свободного времени у него станет побольше, и видеться они смогут чаще — все трое. «Ты извинись за меня перед Райаном, — сказал он. — Сам видишь, пока мне не до веселья. Но я постараюсь заглянуть к нему на днях». Зигмунд кивнул и, натянув капюшон плаща до самого носа, исчез в темноте по направлению к своей казарме. Нейл остался стоять под дождем, глядя ему вслед. Обмануть менталиста трудно, будь на нем хоть два амулета, — конечно, Зигги прекрасно понял, что ни к кому Нейл «заглядывать» не собирается. Наверное, и предыдущую ложь разглядел... Лицо адепта эль Хаарта сделалось задумчиво-хмурым. Времени на кутеж у него теперь и впрямь было не в избытке, но оно все-таки было. И Нейл с удовольствием прокатился бы в город хоть с тем же Зигги — на Береговую, в термы, или в одну из многочисленных курилен, да мало ли мест — однако без Райана тогда не обошлось бы. А это в корне меняло дело.

...Последние две недели перед переводными экзаменами адепт эль Хаарт до сих пор вспоминал как страшный сон: Фаиз не пугал его, обещая отсутствие всякого человеческого отношения, он действительно превратил его жизнь в кошмар, рядом с которым меркли все прошлые издевательства. Он спустил с ученика не три шкуры, а все десять, выбил из него даже ненависть, оставив одни рефлексy, но так или иначе своего добился. Нейл выдержал — одним богам известно, как, и до экзамена его допустили с отличной характеристикой. «Рано праздновать, — охладил его вымученную радость ан Фарайя. — Валить тебя будут только в путь и всеми возможными способами. Комиссия куплена, глава факультета тоже, так что готовься к худшему. Работать будем от защиты, как планировали, и спаси тебя боги сунуться с инициативой! Они знают, что нападение — не твоё, и наверняка попытаются на этом сыграть, так что у тебя две задачи: держать оборону и не вестись на провокации... И береги силы, эль Хаарт! Нутром чую, у буревестников не один камень за пазухой». Предчувствие Фаиза не обмануло. Мэтр Герви, что весь сентябрь мелочно мстил Нейлу за свой тогдашний позор, так и не смог проделать брешь в защите соперника, однако экзамен на этом не кончился. «Полагаю, — посоветовавшись с остальной комиссией, вынес вердикт глава боевого факультета, — засчитать адепту эль Хаарту победу по результатам схватки будет слишком поспешным решением. Да, он хорош в обороне. Однако что касается атаки? Боец должен уметь нанести удар! И адепту эль Хаарту придется доказать, что он в состоянии это сделать. Учитывая обстоятельства, соискателю дается перерыв в десять минут, чтобы перевести дух, а комиссия пока подберет ему достойного соперника». Он кивнул координаторам из числа младшего преподавательского состава, и Нейла вывели из зала. Оказавшись в маленькой смежной каморке, где хранился тренировочный инвентарь, молодой человек тяжело опустился на скамью у стены и закрыл глаза. Он выстоял, но это далось ему нелегко. Гудели ноги, ломило в плечах, ныли запястья — мэтр Герви заставил его попотеть. Еще полчаса простоять в обороне он смог бы, конечно, но ведь теперь от него требовали прямо противоположного, того, к чему у него не было ни малейшей способности!

— Три месяца псу под хвост, — пробормотал Нейл, откидываясь затылком на стену. —

Только мучился зря...

— Думаешь?.. — раздалось вдруг над правым плечом. — А я вот время провел недурно. Нейл, вздрогнув, подпрыгнул на лавке.

— Фаиз?!

Ан Фарайя, неизвестно откуда взявшийся в запертой снаружи камерке без окон, согласно хмыкнул.

— Не ори, — велел он, оглянувшись на дверь. — Услышат — оба отхватим, и мучиться ты после этого будешь недолго, но качественно, это я тебе гарантирую... Вытри сопли. Времени у нас мало. Я узнал, кого они выставят против тебя.

— Какая разница? — отмахнулся Нейл. — А то ты мою атаку не видел! Я и двух минут не продержусь — против кого угодно!

— Продержишься, — отрезал алмарец. — Если перестанешь ныть и заткнешься! Согласен, нападение у тебя трещит по швам, и Рексфорду ты как соперник в подметки не годишься — там и мне-то повозиться пришлось бы, но...

— Райан?..

— Заткнешься ты или нет? Да, Райан, а ты чего ждал? Они всё предусмотрели. Почти, — в черных глазах алмарца промелькнула тень торжества. — Вчера Рексфорд тоже держал экзамен. И ему на нем неплохо прилетело в правое подреберье. Драться, само собой, ему это никак не помешает, но бок он будет беречь.

— И как ты тогда предлагаешь к нему подобраться?

— Никак, — раздраженно чихнул Фаиз. — Я тебя, идиота, чему учил? Заставь его закрыться справа, и он откроется слева! Туда и бей, дубина! Да так, чтобы наверняка — прием ты знаешь. Я надеялся, что до него не дойдет, но тут уже без вариантов. В честном бою Рексфорд тебе не по зубам.

Нейл, не ответив, опустил голову. Райан. Он и правда вчера держал экзамен — последний, так что ему теперь делать здесь?.. Значит, всё было утверждено заранее. И номер Второй знал, что от него потребуется. Дружба дружбой, а служба службой? Нейл невесело усмехнулся. Ну да. С Азатом ведь было то же самое. Нет у буревестников друзей, есть только хозяйева и прочая мелочь, там, где-то внизу, на земле.

— Брось, Фаиз, — сказал он. — Зря это всё, сам же знаешь. Паршивый я боец, никакие запрещенные приемы тут не помогут...

Ан Фарайя свирепо раздул ноздри. Коротко выплюнул себе под нос какое-то неразборчивое ругательство и, шагнув вперед, навис над своим учеником. Жесткие пальцы с силой стиснули шею Нейла, заставив его вскрикнуть от боли и поднять голову.

— Слабак, — прошипел Фаиз. — Знать бы, так вовсе за тебя не брался. Или молочной росы в тебя влил, коли уж ты только под ней мужиком становишься! В глаза мне смотри, тряпка! И вспоминай — ночь вспоминай, пруд свой и ту тварь, что ты тогда на меня спустил... Или это был какой-то другой эль Хаарт?

Нейл застыл, глядя в потемневшее от гнева лицо алмарца. Давешний страшный сон, что он всё никак не мог вспомнить, вдруг ясно и четко воскрес в памяти: ночь, отражение луны в воде, Сандра — и еще кто-то, невидимый, неосязаемый, притаившийся во мраке за спиной. Так вот кто был той бесплотной тенью! Вот что означало это непонятное «заглянуть за грань»!..

— Вижу, вспомнил, — ан Фарайя наклонился еще ниже, почти касаясь лбом его взмокшего лба. — А теперь послушай меня, эль Хаарт, — ты не паршивый боец, ты трус! Ты

сам себя боишься, и тебе легче подставиться под удар, чем предупредить его, но есть кое-что, чего ты боишься больше: то, что ты прятал от меня там, в темноте, то, что заставило тебя напасть первым... Да, я видел твою атаку, иначе не стал бы с тобой возиться. Всё ты можешь! Так вытри сопли, подними свою трусливую задницу и покажи наконец, чего ты стоишь!

Фаиз сжал пальцы еще сильнее, так, что у Нейла потемнело в глазах. Сбросив с себя оцепенение, он дернулся всем телом, отшатнулся к стене — и, проморгавшись, понял, что никто его больше не держит. Он был один в пустой комнате. Алмарец исчез. Тяжело дыша, Нейл потряс головой, и почти в то же мгновение дверь в зал распахнулась. «Отдохнули, адепт? — услышал он голос кого-то из младших преподавателей. — Тогда прошу на выход. Вас уже ждут».

Райан проиграл ему этот бой, нечестный с обеих сторон и оттого еще более тяжелый. Нейл сделал всё, как велел ему наставник. Он измотал соперника глухой обороной, провел обманный маневр, заставив его открыться, и нанес тот самый удар, которому Фаиз учил его две недели «на всякий случай» — короткий, молниеносный и невидимый глазу, запрещенный прием какой-то восточной школы, неизвестный ни Рексфорду, ни, похоже, кому-либо из комиссии... Он победил. Он подтвердил свое право на серый мундир бойца. Но глядя на скорчившегося у его ног соперника вдруг понял, что не чувствует ничего, кроме безмерной усталости. Иссякли последние силы, а с ними и все чувства — ни радости от победы не было, ни вины перед Райаном, ни сожалений о том, что победил он обманом. Хотелось просто закрыть глаза и исчезнуть, оказаться где-нибудь подальше отсюда, неважно, где, неважно, как... Нейл не вслушивался в голоса приемной комиссии, долетавшие до него глухо, обрывками, словно издалека, он даже не удивился внезапному появлению в зале барона Норвиля и без всяких эмоций выслушал невнятные поздравления с зачислением на боевой факультет — всё, на что его хватило, так это поклониться мэтрам и покинуть зал. Как вернулся в казарму, Нейл не запомнил. Он запер за собой дверь, задернул шторы и растянулся на кровати, даже не снимая ботинок. В голове было пусто. Спустя пару часов кто-то постучал в дверь — раз, другой, да так и ушел, не дождавись ответа. Нейл лежал и смотрел в потолок. Ближе к вечеру в дверь поскреблись снова, и голос Зигмунда де Шелоу позвал его по имени — Нейл не отозвался. Интересно, зачем вообще приходил, отстраненно подумал он, прислушиваясь к затихающим шагам в коридоре. Поздравить? Так было б, с чем... Молодой человек закрыл глаза и уже без всякого удивления услышал над головой короткий сухой смешок.

— Что, эль Хаарт, помирать собрался на радостях?..

— Мне кажется, я уже умер, — обронил Нейл. — А ты, похоже, все-таки умеешь проходить сквозь стены. Что тебе нужно, Фаиз?

Он услышал, как тихо скрипнула соседняя кровать, чиркнуло о кремень огниво, и зашипела, разгораясь, курительная трубка. Ан Фарайя, как всегда, не торопился с ответом.

— Спасибо, — помолчав, сказал Нейл. Алмарец хмыкнул.

— Сочтемся, — ответил он. По комнате поплыл сладковатый дым. — Что лежишь-то как на похоронах, эль Хаарт? Ты получил, что хотел. Вроде радоваться должен.

— Вроде должен, — согласился Нейл. — Да вот не получается что-то. Как там Райан?

— Да что ему сделается? Отдышался, получил по шапке за несостоятельность и теперь разрывается между тем, чтобы все-таки дать мне в морду, и... — он, умолкнув на мгновение, снова хмыкнул. — Молодец, Рексфорд. Предсказуемо выбрал второе.

Из коридора послышались шаги. Ручка двери, вздрогнув, дернулась несколько раз. «Нейл! — донесся с той стороны голос Райана. — Ты здесь?» Адепт эль Хаарт открыл глаза. Подумал, стянул с шеи свой амулет и беззвучно щелкнул пальцами, накрывая спальню защитным куполом. Фаиз, сидящий на соседней кровати с трубкой в зубах, понимающе хохотнул.

— Зря, — блестя глазами, заметил он. — Открыл бы, эль Хаарт. То-то была бы сцена!..

— Хватит с меня на сегодня «сцен», — сказал Нейл. — Я устал. Зачем он пришел, Фаиз?

— Извиняться, конечно. Ну и прощупать на предмет того, кто его сдал и как тебе удалось его вырубить. Насчет первого можешь сказать, это теперь ничего не изменит. Ты зачислен. А что касается второго — забудь тот прием, эль Хаарт, и никогда не повторяй его больше. Если спросят, прикинься дураком, это у тебя отлично получается... А спросят обязательно, и не только Рексфорд. Он, кстати, через пару часов вернется, и советую ему все же открыть.

— Зачем? Я не хочу его видеть.

— Не будь идиотом. Рексфорд тебе еще пригодится, тем более, что я умываю руки. Собственно, я и пришел сказать, что снял с себя шефство — дальше сам, эль Хаарт, сам! Я тоже устал и в основном от тебя.

— Взаимно, — улыбнулся Нейл. И спросил, помолчав: — Фаиз, это ты привел Норвиля в зал сегодня?

Тот фыркнул.

— Я не настолько всемогущ. Да и ты, прямо скажем, не тот трофей, ради которого я полез бы из шкуры вон. Насчет приема — ты меня понял?..

— Понял. Даю слово, никто о нем не услышит и никто его больше не увидит. Я — криворукий дурак, которому просто повезло... — Нейл снова закрыл глаза. — Только никогда больше не лезь ко мне в голову, Фаиз.

— Вот как? Это почему же?

— В следующий раз я уже буду знать, куда бить.

Бывший наставник расхохотался, и впервые за всё время их знакомства в его смехе не было обычной издевки. Райан, постояв за дверью еще пару минут, ушел. Следом за ним ушел и Фаиз — так же, как появился, тихо, незаметно, словно бы растворившись в воздухе. Осталось только примятое покрывало на кровати напротив да слабый запах дурманной травы.

Ан Фарайя на счет Райана не ошибся — едва начало темнеть, как адепт Рексфорд вернулся, и в этот раз Нейл впустил его. Сказал, что крепко спал и не слышал стука, выслушал многословные извинения за то, что случилось на экзамене, извинился в ответ и уверил, что всё в порядке. «Я понимаю, ты не мог отказаться, — сказал он, глядя в лицо товарищу. — Забудь, Райан, дело прошлое, и я ведь все-таки поступил... Как насчет ужина? Возьмем Зигги, прокатимся в «Трилистник» или «Приют менестреля!» Я угощаю». Рексфорд отказываться не стал, и вечер они провели втроем — последний вечер. На следующий день адепты Бар-Шаббы разъехались по домам, все лето Нейл провел в Белой усадьбе, а вернувшись осенью в школу, полностью сосредоточился на учебе. Раз в неделю он ужинал с Зигги в том же «Орле и полумесяце», но Райана присоединиться не звал и в город с друзьями больше не ездил. Отговаривался усталостью, занятиями, отсутствием времени, но на самом деле... На самом деле он просто больше не хотел иметь ничего общего ни с Райаном, ни с

его «буревестниками». Конечно, Зигги тоже был из их числа, но скорее вынужденно — такой редкий дар не скроешь, и пускай уж он лучше служит на благо своей стране, чем кому-либо еще! У Зигмунда де Шелоу попросту не было выбора. А вот у Райана Рексфорда определенно, был. Нейл не держал на него зла — ни за ту историю с днем рождения, ни за экзамен, но... Райан знал, кто такой Азат, так же, как знал, что им придется встретиться в тренировочном зале лицом к лицу, но не сказал ни слова. И вот этого молчания Нейл ему не простил.

«Только прятаться до конца жизни у меня вряд ли получится, — думал он теперь, стоя под дождем посреди площади. — Надо все-таки взять себя в руки. Не знаю, где там Райан может мне «пригодиться», но Фаиз хоть и сволочь, а разбирается в людях... К тому же, наши отцы — близкие друзья. Бегать от Рексфорда здесь, в Бар-Шаббе, не трудно, но рано или поздно учеба кончится». Нейл философски вздохнул про себя. Пусть он и научился врать, держать хорошую мину при плохой игре у него до сих пор получалось не очень.

Он запахнул полы мокрого насквозь плаща и, шлепая по лужам, заторопился к своей казарме. Взбежал на крыльцо, отряхнулся, взялся за ручку двери... И, вдруг почувствовав спиной чей-то взгляд, обернулся. Темная улица была тихой, безлюдной, но знакомое ощущение чьего-то незримого присутствия заставило молодого человека поежиться. «Демон был побрал Фаиза с его «гранями», — рванув на себя дверь, раздраженно подумал он. — Еще не хватало мне теперь начать бояться темноты!»

Проснулся Нейл среди ночи, весь мокрый от липкого пота и жадно хватая ртом воздух. В ушах шумело, сердце тяжело и быстро вздрагивало в груди, каждым своим ударом болезненно отдаваясь внизу живота. Опять! Во имя богов, когда же это кончится?.. Он, тяжело дыша, сел на постели. Потом отбросил к стене сбившееся в комок одеяло и, спустив ноги на пол, сжал ладонями пульсирующие виски. На соседней кровати потревоженно заворочался сосед.

— Нейл? Хорошо всё?..

Сонный голос с гортанным островным акцентом окончательно вернул адепта эль Хаарта к реальности.

— Прости, Саян, — выдохнул он в темноту. — Кошмар приснился...

Сосед чуть слышно вздохнул в ответ и затих. Человеком он был деликатным и терпеливым, да и к ночным побудкам, похоже, за месяц уже по привычке. «Надо думать, на мое счастье, — подумал Нейл. — Кто-нибудь другой, наверное, давно придушил бы подушкой». Губы молодого человека скривились в невеселой, вымученной усмешке. Новый его сосед, маленький кривоногий эйсерец, был воплощением спокойствия и невозмутимости — ни дать ни взять бронзовый божок — однако он все-таки был человеком из плоти и крови. А человеку свойственно ценить свой сон. Нейл растер горящее лицо руками. Сон! Он уже начал забывать, что это такое. Приснись ему в самом деле какой-нибудь кошмар, он, видят боги, только обрадовался — но нет. Грезилось ему совсем другое. И если раньше оно не слишком его беспокоило, то теперь... Это было невыносимо. Тело, познавшее радость плотских утех, медленно сводило его с ума, и он ничего не мог с этим поделать: стать мужчиной оказалось куда как проще, чем им быть. Если бы он только знал!..

Нейл, морщась, поднялся с кровати, протянул руку к полке, сдвинул неплотный ряд книг и нащупал у самой стены пузырек с настойкой корней лурии — он терпеть ее не мог, но сейчас другого выхода не было. Несколько часов до рассвета, хоть ненадолго бы забыться сном! Опорочив склянку, адепт эль Хаарт вернулся в постель. С этим надо что-то делать, подумал он. Так дальше нельзя, иначе он докатится до того, чтобы вновь пойти на поклон к Фаизу. Тому, конечно, валяние в ногах понравится, и спектакль он досмотрит не без удовольствия, но после занавеса предсказуемо пошлет бывшего ученика подальше — и хорошо, если без комментариев, с этого змея станется разглядеть истинную причину... Нет, это не выход, только позориться зря. Но что делать с проклятыми снами, которые стыдно вспомнить и невозможно забыть?.. Раньше они просто волновали жаркой фантазией, приятно щекоча воображение и оставляя после себя неясный зуд в душе и легкое томление в теле, но сейчас предвкушение обернулось знанием, а желание — необходимой потребностью, и с каждым днем выносить это становилось всё тяжелее. Напряжение накапливалось, а сбросить его не получалось: отвары успокаивающих трав не помогали, физические нагрузки тоже — как ни тяжела была учеба на боевом факультете, она не шла ни в какое сравнение с давешним «курсом молодого бойца», что устроил адепту эль Хаарту его бывший наставник. Собственно, оный «курс», наверное, и отсрочил неизбежное — три минувших весенних месяца в преддверии перевода Нейл провел на последнем издыхании, весь июнь в Белой усадьбе он приходил в себя, а после, когда суровая школа ан Фарайя чуть забылась, пришла весточка от Сандры, и все его помыслы сосредоточились на ней одной.

Воронка, ночные тренировки, постоянный страх, что узнает отец... Конечно, изредка те мучительные сны всё равно его посещали, но он как-то справлялся своими силами. Только Бар-Шабба — не Белая усадьба. И эта спальня принадлежит не ему одному, а в школьном банном корпусе частных кабинетов не предусмотрено... Само собой, средства, подавляющие влечение, существовали всегда — но спокойствие ценой полной мужской несостоятельности в будущем Нейлу было не нужно. «Хоть женись, ей-богу, — всплеском отчаяния промелькнуло в голове. — Так было бы, на ком!..» Чувствуя, как тяжелеют веки, Нейл откинулся на подушку и нащарил рукой край одеяла. Настойка уже начала действовать. Но пить ее каждую ночь не станешь, иначе через пару-тройку недель превратишься в бревно, неспособное в уме сложить два и два. «Надо что-то делать, — уже засыпая, думал адепт эль Хаарт. — Надо... что-то...»

Утро он встретил с больной головой, пересохшим горлом и сознанием того, что эту битву в одиночку ему не выиграть. Даже страх, живший где-то глубоко внутри и окончательно обретший форму после его девятнадцатого дня рождения, отступил, скрывшись в тени негасимого зова природы. «К демонам эти метания, — думал Нейл, поднимаясь по ступеням учебного корпуса под опостылевшим дождем в толпе таких же серых, нахохлившихся балахонов. — К демонам всё, я не могу так больше! Я живой человек! То, что было, не повторится, но дальше так продолжаться не может!..» Будто в подтверждение этому, он продел в учебном поединке сопернику много слабее его самого — не в рукопашной, нет, а на практическом занятии по боевой магии — и зал покинул с уже готовым решением в душе. Если этого не избежать, что ж, будь что будет. Но в этот раз он обойдется без чьей-либо помощи. Он знает, что нужно для того, чтобы решить его проблему, пока он окончательно не впал в ничтожество, сделавшись рабом собственных желаний. Он знает, где это взять. И он возьмет — сегодня, потому что такими темпами завтра для него наступит где-то между сумасшествием и робой алхимика... Едва дождавшись, пока отзвенит последний колокол, адепт эль Хаарт вернулся в казарму, вынул из сундука туго набитый кошель, вызвал к воротам наемный экипаж и отправился в город, на Береговую линию.

Было еще только начало пятого, и в кулуарах «Золотой хризантемы», как в большинстве веселых домов в такое время, наплыва клиентов не наблюдалось. Убранная алыми, с золотом, драпировками зала встретила Нейла пустыми столиками, а хозяйка заведения, мадам Роксана, вышедшая к гостю на звон дверного колокольчика, искренне удивилась, услышав, зачем он явился. Впрочем, как женщина деловая и многоопытная, замешательство своё она сумела вовремя скрыть.

— Конечно, сударь, — только и сказала она. — Устроим всё в лучшем виде! Вы у нас не впервые, я вас помню, и всех моих малышей видели — кого бы вам хотелось?..

Единственное, чего сейчас хотелось Нейлу, — выспаться по-человечески, поэтому он в ответ лишь пожал плечами. Местных девушек, благодаря Райану как завсегдатаю «Золотой хризантемы», он и вправду знал наперечет, но на выбор после очередной бессонной ночи оказался попросту неспособен.

— Всё равно, госпожа, — с плохо скрываемой неловкостью в голосе ответил он, и мадам, опустив ресницы, понимающе улыбнулась. — Мне подойдет любая из тех, кто свободен.

— Тогда вам повезло, сударь, — проворковала хозяйка, потянув за один из витых шелковых шнурков за стойкой. — Молли обычно нарасхват, но сейчас... Она вам понравится, не сомневайтесь. Молли, душечка!..

Где-то на втором этаже приглушенно зазвенел колокольчик, и мелодичный девичий голосок откликнулся эхом:

— Да, мадам?..

— К тебе новый гость! — отозвалась хозяйка «Золотой хризантемы» и вновь посмотрела на Нейла. — Ступайте наверх, сударь, комната четыре. Приятного вечера! Если захотите вина или фруктов, или чего-нибудь еще, просто скажите Молли.

Адепт эль Хаарт, всё еще пряча глаза, буркнул в ответ что-то благодарно-невразумительное и заторопился к лестнице. Мадам проводила его смеющимся взглядом — сколько таких неопытных юнцов она повидала на своем веку!.. Однако (тут госпожа Роксана, посерьезнев, сдвинула брови) конкретно этот был ей не просто знаком. Относительно него имелись вполне конкретные распоряжения.

— Дорис! — позвала она, дождавшись, когда дверь комнаты под номером четыре захлопнется за спиной гостя. — Поди сюда, лентяйка! Мне нужно отлучиться ненадолго, побудешь за меня...

Нейл, войдя и закрыв за собой дверь, огляделся. Погруженная в мягкий полумрак комната была просторной, уютной — и почти целиком розовой. Плюшевые портьеры, пушистый ковер на полу, шелковое покрывало кровати, цветы на столике у камина, стекла колб масляных ламп — всё было розового цвета. И девушка, сидящая на коленях у низкого чайного столика, тоже была бело-розовая, в облаке льняных локонов. Только глаза у нее были голубые.

— Привет, милый, — улыбнувшись, сказала она. — Я Молли. Хочешь чаю?

— Нет, — пробормотал Нейл. Вся эта пастораль в кружевах и нежных оттенках сбила его с толку — обитель жрицы любви он представлял себе несколько иначе. Девушка улыбнулась снова и, склонив голову набок, предположила:

— Тогда вина?..

Нейл качнул головой. И вновь покосившись на кровать, внутренне поморщился — та была с балдахинем. Да что же, без него никак нельзя обойтись?.. Взгляд его, скользнув по розовой комнате, натолкнулся на диван с высокой спинкой. Сойдет. Нейл, не глядя на девушку, стянул балахон, сделал несколько шагов вперед и опустился на мягкое шелковое сиденье.

— Я не хочу пить, Молли, — сказал он. — И есть тоже. Я толком не спал уже почти месяц. Ты знаешь, зачем я пришел, — делай, что нужно, разговаривать нам необязательно.

Еще недавно он и в мыслях не смог бы этого произнести. И прозвучали его слова, пожалуй, чересчур сухо и резко — однако Молли словно бы не заметила этого. Она опустила руку, что уже протянула к графину на столике, и поднялась.

— Бедняжка, — сказала она, сочувственно глядя на Нейла. — Я понимаю... В этой вашей школе совсем нет девушек, а это, наверное, тяжело, да?..

Нейл против воли улыбнулся.

— Тяжело. Но будь они там, было бы еще хуже.

— О! Понимаю, — повторила она. А потом шагнула вперед, провела руками по плечам — и воздушное бледно-розовое платье мягко соскользнуло с ее тела. — Но это ничего, милый. Другие девушки тоже есть.

Она была красивая. С белой матовой кожей, тонкой талией и небольшой, но округлой, почти совершенной формы грудью с маленькими золотисто-розовыми кружками ареол. Очень красивая. И она пахла розами, а не жасмином.

— Пойдем в постель, милый? — спросила она. Нейл снова качнул головой. Кровать, балдахин — всё это он уже видел и повторения не хотел.

— Можно и здесь, — сказал он, откидываясь на спинку дивана. Девушка улыбнулась.

— Конечно, — сказала она, легко перешагнув через кипу шелковых оборок. А в следующее мгновение — Нейл сам не понял, как — она уже сидела у него на коленях, положив руки ему на плечи, и ее губы касались его губ — нежно, как крылья бабочки, и тихий голос шептал ему что-то ласковое, такое же теплое и розовое, как она сама. Мягкая, словно из бархата, ладонь коснулась его шеи, и Нейл вздрогнул.

— Нет, — отрывисто бросил он, стиснув пальцами ее запястье. — Руки... уברי руки...

— Как скажешь, милый.

— И не называй меня так...

— Хорошо, — прошелестело у него над ухом. Негромко звякнула пряжка ремня, Молли приподнялась и с тихим протяжным вздохом медленно опустилась вниз. — Тс-с... Всё хорошо... Так хорошо...

Она вновь прерывисто вздохнула, сжав коленями его бедра, и он не смог сдержать стон. Да, Молли не могла не понравиться. Молли знала, что нужно делать.

И всё было иначе: не болезненный жар с неутолимой, иссушающей жаждой, не ослепляюще острые всполохи темного серебра, не сладкая лихорадка агонии — только теплые волны удовольствия, поднимающиеся всё выше и выше, захлестывающие с головой, заставляющие забыть обо всем... А потом всплеск, словно удар о скалы, и тишина. Благословенная тишина — и ничто.

Обратно в казарму Нейл вернулся уже затемно. У него едва хватило сил снять плащ и ботинки: как был, в балахоне, штанах и рубаше он упал в постель и уснул. Сон его был глубок, прохладен и темен как самая черная ночь — а его сосед впервые за весь сентябрь не проснулся в четвертом часу, проклиная всё на свете, и не спрашивая, стиснув зубы, что случилось. Саян Нга-Унур был истинное дитя своего народа, и поколебать его душевное равновесие было непросто. Но возможно.

Однако, хвала всем богам, просить коменданта о смене комнаты ему всё же не пришлось: кошмары, изводившие его соседа, а заодно и его самого, их общую спальню больше не посещали. А «Золотая хризантема» в лице Молли приобрела постоянного и очень щедрого клиента — к всеобщему удовлетворению.

Райан Рексфорд привык всегда и во всем быть на шаг впереди остальных. Даже его позывной как буревестника по факту был лишь формальностью: здесь, в Бар-Шаббе, среди соратников Райан являлся, безусловно, первым. Этого было достаточно, да иначе и быть не могло — при всех своих амбициях сын магистра щита понимал, что вровень с графом Бервиком он все равно никогда не встанет. Номер Второй так номер Второй! К чему заикливаться на таких мелочах?

Первым он был и на курсе, из года в год подтверждая своё несомненное лидерство высшим баллом в любой дисциплине, а потому у мэтров кредит доверия имел неограниченный. Что позволяло без лишних мытарств совмещать учебу и службу: на систематические прогулы адепта Рексфорда преподаватели закрывали глаза, а он, в свою очередь, всегда имел возможность отблагодарить их за это. Вот и теперь, в четверг, в самый разгар дня, пока его однокашники дружно отмораживали зады в аудитории, Райан Рексфорд катил в наемном экипаже по главной улице города, и мысли его были далеки от дел

школьных. Взгляд чуть прищуренных глаз номера Второго задумчиво скользил по проплывающим за окошком домам. На главной улице в основном располагались дорогие лавки, аптеки и конторы солидных дельцов — и если раньше, какой бы ни была погода, здесь было не протолкнуться, то теперь... Рексфорд качнул головой. Мокрые серые тротуары были пусты, лишь ветер гонял по ним облетевшую листву. Люди встречались редко, всё больше конторские или рассыльные, да и те снаружи не задерживались — только вот дело было не в осени, дожде и разгулявшемся ветре. Вслед за новой властью пришли новые порядки.

— И то ли еще будет, — пророчески обронил Райан, хмурясь. А потом усмехнулся: воистину толпа это стадо баранов! Дай им пастуха и веди, куда хочешь, заставь прыгать с обрыва — прыгнут...

Уэйн Теллер, новый законно выбранный архимаг, в «пастухи» годился как никто. Но ни его пламенные речи вкупе с редким ораторским искусством, ни сокрушительное личное обаяние, ни уж тем более фанатичные мечты о «всеобщем равенстве» никогда бы не подняли его так высоко, не вмешайся Данзар. Именно он посадил Теллера в кресло архимага и, вероятно, уже совсем скоро его устами начнет диктовать свои условия. Одно непонятно — ведь Данзар всегда делал ставку на магов! А утопические фантазии Теллера с политикой Мэйнарда Второго ни в одной точке не сходились, что же он так вцепился в этого проповедника?.. Светлые брови Райана Рексфорда сошлись на переносице. Он не первый раз задавал себе этот вопрос. Экипаж чуть накренился, сворачивая в переулок, и номер Второй, мельком глянув в окно, откинулся на сиденье. Данзар, не Данзар, а Уэйн Теллер отнюдь не красовался на публику, раздавая предвыборные обещания. Став архимагом, он взялся за дело всерьез и сразу: не прошло и месяца, как те, в чьих руках была сосредоточена реальная власть в Бар-Шаббе, полезли на стену — да поздно!..

Начал новый глава совета с очистки улиц. Он разогнал всех лоточников и коробейников, определив им место на городских рынках, а нищих и попрошайек чохом отправил в работные дома — под известным соусом заботы об их же благе. К чему терять всякое человеческое достоинство, живя подаванием и копаясь в отбросах, когда можно приносить пользу себе и другим, причем отнюдь не бесплатно?.. Сброд, не привыкший работать, роптал, даже несмотря на казенное жилье, стол и жалование, но куда ему было деваться? Недовольных быстро утихомирили, в государственную казну потек увеличивающийся с каждым днем денежный ручеек — а вслед за побирuşками да уличными торговцами пришла очередь городской стражи. Ее, разумеется, с улиц не убрали. Но укомплектовали на появившиеся средства отрядами нового образца, являвшимися, по факту, личной гвардией самого Теллера. Набирали в них по большей части молодых и резвых, в каждом отряде магов и не обладающих даром было строго поровну, а подчинялись они не главе городской стражи, а исключительно архимагу. Купить их было нельзя, но это еще полбеды — вторая ее половина заключалась в том, что теперь и обычному стражнику дать на лапу не представлялось возможным. За этим неусыпно следили те самые молодые да резвые: теперь всем отрядам городской стражи вменялись в обязанность совместные патрули, а при обнаружении любого намека на незаконие стражники должны были докладывать об этом не своим командирам и их непосредственному начальнику, но в первую очередь — главе квартального «летучего отряда» имени Уэйна Теллера... Если же вдруг какой-то упрямый храбрец с шевроном на плече осмеливался в обход всех запретов протянуть руку за отступными, его тут же брали за химок. В первый раз — предупреждение,

строгий выговор и солидный штраф, во второй — пинок под зад с насиженного места, вернуться на которое он мог лишь осознав и покаявшись, да и то очень нескоро. Назад прощграфившегося принимали только с условием сильного понижения в чине, должность его отдавали другому, не запятнавшему чести мундира, и пробиться обратно к кормушке ему уже не светило. Честность и неподкупность повсеместно поощрялись, если не сказать — культивировались, в рядах городской стражи алмарской плесенью расцвело стукачество, доносы и подсиживания, а преступления, без оглядки на то, кто их совершал, предавались огласке. Последнему нимало способствовали газетчики, сидящие на довольствии всё у того же архимага — и это помимо непрерывного потока пропаганды, льющегося со страниц всех городских изданий. Надо ли говорить, что уже к августу представители теневой стороны Бар-Шаббы всюю забили тревогу? Сначала их лишили уличных торговцев и нищих, исправно плативших дань, потом — всех прикормленных командиров стражи, потом спустили на них свору молодых волкодавов из летучих отрядов, а в конце концов и вовсе прижали так, что ни вздохнуть ни охнуть! Решить вопрос по старинке, заслав кому следует ларчик-другой звенящих благодарностей, не вышло: «гонцы доброй воли» один за другим отправлялись за решетку, их щедрые дары — в казну, а попытка личного воздействия на главную проблему путем дипломатических переговоров тоже не увенчалась успехом. Новая власть на контакт не шла. Зато не ленилась показывать зубы — несколько столкновений с пресловутыми летучими отрядами Теллера ясно дали понять «уважаемым людям», что праздник кончился. Собрав с помощью городской стражи всю информацию о расстановке сил по ту сторона закона, представители архимага взялись за кнуты и вожжи, не считаясь со средствами, и преуспели. Мудро поддержав самое слабое звено и получив в свое распоряжение полный расклад по делам их конкурентов, Теллер убил сразу двух зайцев: избавился от серьезной угрозы, попутно прибрав к рукам все ей принадлежащее, и поставил победителя на жесткий контроль. Единственный выживший в этой короткой войне уличных шаяк не успел порадоваться тому, как хорошо он разыграл карты, пойдя на сделку с правосудием... Нет, ни его самого, ни его людей не тронули. Но всё, что раньше принадлежало его более зубастым конкурентам — то, что он под прикрытием закона полагал в итоге закрепить за собой, — отошло государству. Ему же посоветовали не поднимать шума и сидеть, не высовываясь, там, где укажут: во избежание, так сказать, повторения недавних печальных событий. Грехи-то записаны! И то, что у него их поменьше, чем у ныне покойных соратников, вины его не умаляет. Последний главарь последней шайки возражать не рискнул. Да и какой у него у был выбор? Так же, как у нищих, законопаченных в работные дома, так же, как у прижатой к ногтю городской стражи, — никакого... Улицы Бар-Шаббы очистились от сброда. Газеты пели Теллеру осанну, горожане восхищались его хваткой и собственной прозорливостью — ведь это они его выбрали! — а дельцы средней руки, держатели лавок, трактиров и мастерских, вздохнули с облегчением. Конечно, они всё равно платили налоги, теперь даже несколько большие, чем при Хонзе, но без еженедельных поборов «ловцов удачи» так на так выходило дешевле.

Правда, нашлись и недовольные. Те, что были как раз не «средней руки», — Уэйн Теллер, из всех углов вычищая скверну и неся на крыльях своих летучих отрядов справедливость и трепет, ни на минуту не забывал о тех, ради кого он, собственно, всё это начал. Надежды, возложенные на него лишенными дара, он оправдал в полной мере. Он сделал улицы безопасными, он дал неимущим жилье и работу, он строил больницы и школы за счет казны, но самое главное — в первый день сентября он издал закон о нормированном

рабочем дне. Теперь, если хозяин желал, чтобы работник задержался на службе сверх оговоренного времени, он должен был за это заплатить.

Простой люд возликовал. Чего, однако, нельзя было сказать о тех, кто обеспечивал его работой, — и в первую очередь это касалось крупных купцов и промышленников. Они открыто выражали свое недовольство, отказываясь следовать букве закона, но летучими отрядами их было уже не запугать, эти люди могли себе позволить собственную охрану, отлично обученную и вооруженную до зубов. Кроме того, дела они вели честно. И точно так же, как мелкие торговцы, платили налоги — только исчислялись оные в совсем других цифрах, составлявших немалую долю государственного бюджета, так что идти на прямой конфликт с таким серьезным противником архимагу было чревато...

Экипаж, разбрызгивая воду из луж, свернул в очередной переулочек, пролетел, замедляясь, еще сотню локтей, и встал.

— На месте, сударь! — сквозь шум дождя донесся до Райана голос возницы. Адепт Рексфорд, нырнув пальцами в карман жилета, запахнул плащ и выбрался из повозки.

— Держи, — сказал он, бросив вознице монету. — Вернешься за мной через час.

— Сделаем, сударь! — монета улеглась в поясной кошель, а кучер, прищелкнув языком, тронул поводья. Ему уже приходилось возить этого молодого господина, и он знал, что платит тот щедро — особенно если не задавать лишних вопросов... Экипаж, покачиваясь на рессорах, скрылся за углом, а Райан Рексфорд, надвинув капюшон, быстрым шагом пересек мостовую и толкнул скрипучую дверь неприметной лавчонки, притулившейся между чьим-то закрытым складом и мастерской сапожника. На обшарпанной грязноватой вывеске над входом была изображена книга.

Седой старик в больших роговых очках, склонившийся у стойки над раскрытым фолиантом, поднял голову на тихий звон колокольчика и расплылся в улыбке:

— Добрый вечер, господин Рексфорд!

— Добрый, мэтр Лавелио, — улыбнулся в ответ Райан. — Как торговля?

— Как видите, — хозяин книжной лавочки развел руки в стороны. Райан, окинув взглядом пустой темноватый зал, понимающе хмыкнул. — Тишь да гладь, жаль, что за это не платят... В такое ненастье и за вином-то не всякий пойдет, а уж книги?.. Да вы проходите, проходите! Я и чайник сейчас поставлю.

Он закрыл свой талмуд и засуетился за стойкой. Райан скинул плащ.

— Чай подождет, мэтр Лавелио. Что там мой заказ?

— О, не извольте беспокоиться! Всё прибыло еще утром — я как раз собирался послать вам записку. Вы идите в читальню! Посылочка ваша вас там дожидается, где обычно. А чай я тогда попозже сам принесу...

Молодой человек кивнул и скрылся за книжными стеллажами. Старик вынул из-за стойки спиртовку, побряхтывая, разжег, водрузил сверху чайник и, вспомнив о своих обязанностях, торопливо заковылял к двери. Мэтр Лавелио был одним из старейших резидентов Геона в Бар-Шаббе — увы, и в буквальном смысле тоже, так что память уже начинала его подводить. Задвинув засов на двери, мэтр вернулся к стойке и, поглядывая на закипающий чайник, вновь погрузился в чтение.

Номер Второй, пройдя через зал и крохотную комнатенку с парой столов да десятком стульев, которую хозяин именовал «читальней», остановился у книжного шкафа. Привычно протянул руку к шестой полке сверху, потянул на себя книгу в зеленом переплете и, дождавшись, когда скрытый механизм придет в движение, шагнул в открывшийся проход.

Шкаф за его спиной сам вернулся на место. А гость, оказавшись темном чулане без окон, стянул с шеи амулет и щелкнул пальцами. В стенном канделябре зажглась свеча. Взгляд Райана скользнул по столу в центре комнаты: его «заказ», он же «посылочка», он же — ворох конвертов с красной сургучной печатью на срезе — аккуратной стопкой высился в центре стола. «Надо было извозчику через два часа назначить, — подумал Райан, озабоченно хмурясь. Не глядя, бросил плащ на вешалку в углу, придвинул к столу стул и сел. — Впрочем, ладно. Если что, подождет, не сахарный. А вот чаю и впрямь было бы неплохо! Вечно тут у Лавелио холод собачий». Адепт Рексфорд подышал на озябшие ладони и, встряхнувшись, подвинул к себе конверты.

Мокнуть под проливным дождем в переулке возчику не пришлось — когда было нужно, номер Второй умел всё делать быстро. К назначенному сроку он уже ждал экипаж на тротуаре через дорогу от книжной лавочки.

— Молодец, — бросил он, забираясь внутрь. — Точно ко времени.

— Обижаете, сударь, — донеслось с облучка. Рексфорд беззвучно фыркнул себе под нос. Нашарил в кармане жилета пару монет — заслужил! — и, задвинув штормку на окне, откинулся на сиденье. Чаю он так и не выпил, зато письма разобрал, новые распоряжения к сведению принял и отчеты утренней смены все просмотрел. Жаль только, ничего для себя утешительного ни в одном из них не увидел. «Не просидим мы тут до зимы, — хмуря брови, думал номер Второй. — Теллер с промышленниками бодаться недолго будет, подомнет, как всю прочую мелочь, а после возьмется за нас. Целая школа готовых заложников — грех не воспользоваться!» Губы его на мгновение сжались. Этот вариант развития событий номер Первый полагал самым вероятным из всех возможных, поэтому его агентам в Бар-Шаббе еще летом был отдан приказ подготовить пути отступления. При прокладке ходов из школы в город адепт Рексфорд, понятно, не присутствовал, но конечный результат по прибытию оценил и счел в целом удовлетворительным. Спешка, разумеется, дала о себе знать, но так или иначе... «Выведем всех, — думал номер Второй, покачиваясь на сиденье. — Главное, чтобы никто в последний момент не заартачился. Демоны б взяли Теллера с его ересью!» На лицо адепта Рексфорда легла тень. Новый архимаг, наводя порядок в Бар-Шаббе, ее высшую школу тоже сторонкой не обошел. И многие адепты, поддавшись силе его харизмы и вдохновенным речам о постройке «нового мира», уже всерьез начинали к нему прислушиваться...

Однако дело было не только в них. Они все-таки еще колебались, тогда как кое-кто, похоже, всерьез вознамерился сорваться с крючка. Адепт эль Хаарт, пробившийся на боевой факультет с помощью Фаиза ан Фарайя (чтоб его, змея, вместе с Теллером демоны драли!) общение с другом прекратил, как отрезал. Каких удочек только не забрасывал Райан в попытке вернуть сына первого алхимика назад в ближний круг — всё было без пользы. Нейл здоровался с ним при встрече, вежливо поддерживал разговор, если им случалось за обедом оказаться за одним столом, иногда передавал приветы через Зигги — и всё на этом. Адепта Рексфорда он знать больше не хотел. И демон бы с ним, невелика потеря, да только... Райан заскрипел зубами. Герцог эль Хаарт пересмотрел свое мнение о будущем пасынка и велел больше его не трогать — пускай, мол, учится — но ответственности буревестников за его жизнь это не отменяло. Спаси боги, повторится та прошлогодняя история! Хоть волос с его головы упадет!.. «Очередной оплошности нам не простят, — сказал номер Первый номеру Второму. — И вам тоже. Не выпускайте его из виду ни на минуту. Нейлар эль Хаарт должен вернуться домой в целостности и сохранности, иначе вы тоже можете не возвращаться». Приказ

был предельно ясен. И Нейла пасли с утра до ночи, но насколько было бы проще, как раньше, всегда иметь его при себе! «А если, когда всё случится, он просто пошлет меня куда подальше и откажется уходить? — напряженно размышлял Райан. — Отчиму один раз он уже отказал, а мне больше не верит. Разве что Зигги?.. Нет, от этого тьюфяка в пиковой ситуации никакой помощи, одна суета. Тьфу! Послали же боги дурня на мою голову! В душу ему плюнули, понимаешь ли, забыть он никак того экзамена не может! И ладно бы завалил его, так нет — а всё равно я крайний! Я ему бой продул, я со всех сторон огреб — и я же теперь пляши вокруг этой обиженки!.. И ведь сплясал бы, не растаял, да толку? Ведь всё уже перепробовал, видят боги! Не в ногах же у него ползать?!» Номер Второй едва удержался, чтобы не сплунуть от досады. Учитывая положение дел, вероятность «ползанья в ногах» день ото дня становилась всё реальней.

В школу Райан вернулся затемно, продрогший и в далеко не лучшем расположении духа. Поужинал в «Короне», поднялся к себе и, машинально проверив тайник за камином, обнаружил в нем свернутый трубочкой тощий конверт. Кто-то из буревестников принес, пока командира не было. Райан, приняв хмыкнул: судя по приторно-сладкому аромату духов, что шел от бумаги, весточка была из «Золотой хризантемы». Вскрыв конверт, он пробежал глазами короткую записку — и его хмурое лицо просветлело. Ну наконец-то!

— Умница, Рокси, — пробормотал номер Второй, смятая записку вместе с конвертом и бросая ее в огонь. Еще в самом начале сентября, в первый свой визит в «Золотую хризантему» после каникул, он имел с ее хозяйкой небольшой приватный разговор касаясь адепта эль Хаарта. «Окажи мне услугу, Рокси, лапочка, — сказал он. — Помнишь моего друга — того, что ходит к тебе цедить лимонную воду без всякой закуски?.. Так вот, рано или поздно он придет за другим. И когда явится — подсунь ему Молли! Клиент он денежный, без особенных закидонов, а за мной не задержится, ты же знаешь». Мадам обещала. Ничьим резидентом она не являлась, но слабость к деньгам питала немалую, а платил адепт Рексфорд щедро. «Я постараюсь, — сказала госпожа Роксана. — Если только этот скромник вправду придет... И что с ним не так, я не пойму?»

С Нейлом всё было в порядке. Нынешним вечером он это доказал, явившись таки в «Золотую хризантему», о чем хозяйка заведения и поторопилась сообщить.

«Не выдержал все-таки, — удовлетворенно думал адепт Рексфорд, глядя в огонь. — Что же, надеюсь, наш неофит остался доволен. Дадим ему пару недель привыкнуть — а там... Молли немного разговорит, даром что дура-дурой! И никуда этот гордец от меня не денется».

Кони неслись сквозь ночь словно птицы: превосходные алмарские рысаки вороной масти, поджарые и стремительные, рядом с которыми все прочие лошади казались неповоротливыми черепахами. Дробно стучали подковы по Золотой дороге, в начищенных металлических бляхах упряжи отражалась луна — не привычный серп, как в Геоне, но серебристая тонкостенная чаша, полная звезд. На востоке всё иначе, подумал Бервик. Разве что кроме людей, они везде одинаковы.

Правитель Алмары исполнил свое обещание, даровав послу мира личную аудиенцию, и теперь пришел черед жрецов Первого круга сдержать слово. Впереди, таясь во мраке, ждал Дагхаби: священный город, закрытый для чужаков, «колыбель истинной веры»... Впустить иноверца внутрь осененных благодатью стен было сродни святотатству — пусть не перед богами, а лишь перед их последователями — поэтому Бервику отвели ночь. Предпоследнюю его ночь в Тигрише, почти перед самым отъездом, и это тревожило его сейчас куда сильнее, чем то, что охрана его была втрое меньше почетного сопровождения. Десяток, включая Франко Д'Ориана — в противовес тридцати молчаливым всадникам в черных хламидах и таких же черных чалмах. Лица этих людей до самых глаз были закрыты платками, одежда не имела никаких опознавательных знаков, а между собой они переговаривались отнюдь не на алмарском, но на каком-то странном змеино-шипящем наречии, которое графу было незнакомо. Скорее всего, шарарцы, решил он, вспомнив телохранителей шафи ан Махшуда. Те, правда, рта при господине в присутствии посторонних не открывали, но что-то было в них неуловимо схожее — в том кольце очень смуглых, рослых, бесшумнодвигающихся мужчин, что окружали главу почтового двора, куда бы он ни направлялся, и этих, закутанных в черное с головы до ног. Молчаливость, обманчиво ленивая, упругая грация хищников... Шарар был славен своими наемниками, но служили они одной Алмаре. И даже боевитый Берс вряд ли смог бы с ними поспорить. «О наших гвардейцах и говорить не приходится, — отстраненно подумал граф, глядя поверх головы своего коня. — Даже без численного перевеса. А трем десяткам сынов пустыни четверти часа хватит, чтобы похоронить нас всех за ближайшим барханом, и даже небесное железо меня не спасет». Бервик качнул головой. Принц, в преддверии отъезда посольства, почти силком всучил другу собственную кольчугу, как он сказал, «на всякий случай». Роста они были одинакового, телосложения схожего, разве что Рауль Норт-Ларрлайн был немного шире в плечах, и небесное железо село на графа как влитое. Жаль, если пропадет зря! Его сиятельство невесело усмехнулся, что, впрочем, для всех остальных осталось незамеченным — одет он был точно так же, как его молчаливые спутники. Гости Дагхаби не должны никому бросаться в глаза. Им надлежит слиться с ночью и укрыть лица. Что ж, резонно. Еще бы не было так темно!.. Стиснув в ладонях поводья, Бервик опустил взгляд на луку седла. Слабого света юного, едва народившегося месяца только-только хватало, чтобы не потерять из виду дорогу. Холмы по обе стороны от нее тонули во мраке. Не на что тут смотреть. Только будет ли, на что взглянуть в Дагхаби — разумеется, кроме многочисленных храмов, ни в один из которых его всё равно не впустят? Что он там найдет и найдет ли вообще?

Неизвестность — худшее из зол. Бервик не знал, чем его встретит священный город, не знал, доберется ли он до него, но хуже всего было то, что он понятия не имел, сыграла его рискованная ставка или же нет. Сундук, предназначенный главе почтового двора, опустел в два

дня. Стараниями Угге Ярвиса и Ирвина Деверелла золото, что было в нем, обрело иную форму и нашло своих хозяев — вернее, хозяек, — но результатов «разведки боем» Бервик не увидел и по сей день. А день этот уже кончился, грядущая ночь будет последней. Если не удалось... Если всё было напрасно... Его сиятельство на миг прикрыл веки. А потом, подняв голову, вновь уставился слезящимися от ветра глазами вперед, во тьму. Если так, бесстрастно подумал он, то упокоиться под барханом — еще не самое страшное будущее. Без Алмары войны Геону не выиграть. «И если судьбе будет угодно вручить жезл победителя Мэйнарду Второму, я не хочу это видеть».

Пара головных всадников, переглянувшись, резко повернула коней с дороги. Остальное сопровождение безмолвно последовало их примеру. Франко Д'Ориан, чуть сжав коленями бока скакуна, метнул взгляд на своего командира, но Бервик только чуть шевельнул плечом. Нервы его, без того в последние дни натянутые до предела, звенели от напряжения, но сеять панику он не имел права. Да и какой был в том смысл теперь? «Нас одиннадцать, их тридцать, — промелькнуло в голове. — Мы не знаем, где мы, они — знают. Нам всё равно не уйти живыми, если ан Махшуд отдал приказ». Граф выпрямился в седле и вслед за шарарцами пришпорил коня. Тонкий месяц над головой скрылся за мелкой тучкой. Мрак, наполненный свистом ветра и глухим стуком подков, окутал со всех сторон — густой, непроглядный, пахнувший лошадиным потом и пылью. «Светлый Владыка, вершитель судеб, склоняюсь перед тобой! Даруй мне свою защиту, а с нею — мудрость, а с ней — смирение, чтобы услышать и принять волю твою...»

Чернота впереди сгустилась еще сильнее. А потом всколыхнулась вдруг дымной завесой, вздрогнула — и опала, сотней крошечных солнц ослепив глаза. Заржали кони. И граф, вскинув голову, увидел над собой край крепостной стены, усеянный ярко горящими факелами. Застонали массивные цепи подъемной решетки, протяжно заскрежетали петли ворот — священный город приветствовал полночных гостей. Бервик, щурясь, опустил голову в жесте благоговейной покорности — и улыбнулся. Не губами, которых всё равно никто не увидел бы под черным платком, но всем своим существом, исполненным ликования.

Молитва была услышана.

Высокие деревья, теряющиеся верхушками крон в черном небе, вставали вдоль дорожки почетным караулом. Шелестел под сапогами песок, издали эхом доносился звон колокола и заунывная песнь Неспящего стража — одного из тех, кто нес ночную службу под куполом главного храма Дагхаби. Громко и мерно стрекотали цикады. Священный город жил и дышал, пусть даже в отличной от мирской тональности.

Бервик шел по коридору. По живому, исчерна-зеленому коридору меж двух шеренг древесных стволов, подсвеченному лишь дрожащими пятнами факелов, что держали в руках шестеро рослых шарарцев: трое впереди, еще трое за спиной. Куда они вели его, граф не знал. И рассчитывать ему, кроме себя, было не на кого — его гвардейцы вместе с Франко Д'Орианом остались далеко позади, в рощице одного из многочисленных храмов, в окружении двух дюжин молчаливых бойцов с закрытыми лицами, а вокруг была ночь. И город, ревностно хранивший свои тайны...

Жрецы Первого круга встретили гостя лично. Все четверо — одинаково невысокие, высохшие как мумии, облаченные в парчовые хитоны, расшитые золотом. До зеркальной гладкости бритые головы, тяжелые серьги в ушах, серебряные посохи с навершиями в виде священных животных — по одному на каждого из богов-покровителей... В Геоне никто не

прятал лиц, и властителей Пятого неба это касалось тоже: с алтарей и храмовых гобеленов на верующих смотрели лики почитаемых ими божеств — всемилостивого Танора, сурового Антара, легкокрылой Сейлан — что на востоке сочли бы варварством и поруганием святыни. Облик алмарских богов был навсегда сокрыт в извечном сиянии благодати, изображать их где бы то ни было почиталось тяжелейшим грехом, и даже старшим жрецам позволялось не больше, чем их многочисленной пастве. Четыре аватара: черный ястреб, дикая горная кошка, пустынная змея с раздутым капюшоном и морской шипохвост — четыре стихии, четыре бога. И их проповедники на земле.

— Дагхаби приветствует тебя, странник, — сказал гостю Первый из Первых в круге, жрец в багряном одеянии с посохом в виде атакующей кобры, и граф в ответ согнулся в поклоне — таком глубоком, что смог разглядеть каждую пылинку на носках своих сапог. — Открой свое сердце Свету, да сияет он вечно! Слово Шабб-Сияра вновь звучит с алтарей. Ты принес нам благовую весть — прими же ответный дар и войди под своды священного града, чистый душой и помыслом!

Не поднимая глаз, граф выпрямился.

— Да будет моя душа открыта Свету, — по-алмарски произнес он, интуитивно копируя певучие интонации Ирвина Деверелла, — а ум мой чист и ясен в предвечном сиянии... Мой дар меркнет в сравнении с тем, что я получил в ответ. И нет для меня большей чести, чем склониться перед величием Четырех, на краткий миг припав к истоку их мудрости.

Первые в круге одобрительно переглянулись. Конечно, перед ними был иноверец — но протокол он знал. И говорил с большим чувством. Жрецы, сделав знак главе сопровождения, расступились и пригласили гостя следовать за собой. Они вели его по Дагхаби — пустынными улицами и тенистыми священными рощами, мимо храмов, что сияли в ночи огнями бесчисленных жаровен, мимо величественных постаментов красного мрамора, сейчас казавшегося совсем черным, мимо молебных беседок и жертвенных холмов... Изредка процессия останавливалась возле очередного дома очередного бога и благоговейно внимала доносящимся изнутри песнопениям: то есть, внимали жрецы, остальные лишь склоняли головы, храня почтительное молчание и ожидая, когда можно будет вновь двинуться дальше. Впереди шли Первые в круге, за ними Бервик, за ним его охрана, а замыкали это шествие все те же тридцать закутанных в черное всадников, правда, теперь уже пешие. И этот почетный конвой не был единственным — в густой тени деревьев и зданий нет-нет да и угадывалось смутное движение. Десятки пар глаз следили за чужаками из мрака, скользя по границе света и тени, невидимые, неслышные, почти бестелесные — стражи Дагхаби несли свою службу.

Процессия остановилась в густой роще неподалеку от западных ворот, тех самых, что несколько часов назад распахнулись навстречу гостям. Жрецы, чей долг благодарности был теперь выполнен, по очереди осенили графа благословением Света и откланялись. А от оставшихся на месте трех десятков черных теней отделилось шесть, похожих между собой как близнецы. В руках у них были факелы.

— Идите за нами, мушир, — по-алмарски произнес один из шарарцев, чуть поклонившись Бервику. — Вас ждут.

Граф шагнул вперед. Франко Д'Ориан двинулся было следом, но все тот же боец коротко качнул головой.

— Ждите меня здесь, — предвосхищая возможные вопросы и возражения, сказал посол мира. — Я скоро вернусь.

Гвардейцы нехотя подчинились. А его сиятельство вслед за первой тройкой проводников ступил на тонущую в черно-зеленом мраке дорожку. Пылающие головки факелов отбрасывали на нее причудливые тени, тянущиеся к подошвам его сапог словно живые хищные щупальца, а по обеим сторонам тропы скользили во тьме тени иные, совсем неразличимые глазу, но уже из плоти и крови... Бервик не думал о них. Мерно шагая вперед, он глядел прямо перед собой, усилием воли сдерживая нетерпение. Он ждал этой встречи с тех самых пор, как его нога ступила на сходни Первого причала, ждал и боялся — не столько самой встречи, сколько того, что ему в ней откажут. Но теперь время пришло.

Тропа круто вильнула вбок и кончилась у подножия залитого лунным светом холма. Каменной короной его венчала резная беседка. Шарарцы, остановившись, подняли факелы вверх.

— Вам туда, мушир, — сказал старший из шестерки, указав на беседку. Бервик отстраненно кивнул, даже не взглянув на него. И двинулся вперед — один. Его немногословное сопровождение осталось ждать внизу.

Беседка была пуста. Граф медленно обошел ее изнутри, вглядываясь в клубки теней по углам, и остановился у гранитного постамента с широкой жертвенной чашей в центре. По краю ее были выбиты полустёршиеся от времени буквы и символы. Древне-алмарский, даже пытаться не стоит хоть что-нибудь разобрать, подумал Бервик. И затылком почувствовав вдруг чье-то присутствие, поднял голову.

— Да осенит вас благословение Четырех, — ровно произнес он, не оборачиваясь. — И да сияет Свет...

— ...отныне и вовек, — закончил за него негромкий голос, в котором сквозила улыбка. — И вам того же, граф, пускай мы с вами разной веры.

— Вера? — раздумчиво отозвался его сиятельство, не сводя глаз с жертвенной чаши. — Да, она у каждого своя, но свет и тьма едины в тысяче лиц! Благодарю, что все-таки нашли для меня время, шафи.

— Боюсь, вы не оставили мне выбора, — усмехнулся голос, и Бервик наконец обернулся. Из сумрака у восточной стены беседки, пронизанного нитями лунного света, навстречу ему выступила невысокая жилистая фигура в черном. Острые плечи, резко очерченные скулы, нос, похожий на загнутый птичий клюв, и знакомый прищур миндалевидных глаз — глава почтового двора не скрывал лица, как те, что ему служили.

Шафи ан Махшуд улыбнулся.

— Должен признать, — сказал он, — ваше бесстрашие меня впечатляет. Взять штурмом гарем, да еще и настолько успешно? На это не каждый осмелится.

— Клянусь богами, досточтимый шафи, я никогда...

— Конечно, сами вы там не были, я знаю, — кивнул ан Махшуд. — Иначе наша встреча состоялась бы гораздо раньше и, увы, совсем в другом месте. Однако вы сделали всё, чтобы обратить на себя внимание Старшей в гареме и ее любимой невестки. И, не буду скрывать, стали первым из иноземцев, кто удостоился чести встретиться с матерью светлейшего альмаратхи... Нет-нет, не трудитесь, о том, что ни ее лица, ни ее самой вы не видели, мне тоже известно. Алмара не слишком богата растительностью, но в садах Дворцового холма ее более чем достаточно, лучше места для приватного разговора вряд ли найдешь. Отличный выбор, должен заметить.

— Согласен, — склонил голову граф. Вспомнил тенистые висячие сады, поражающие

обилием благоуханной цветущей зелени, лабиринт высокой живой изгороди и две дорожки по обеим ее сторонам. Бервик и впрямь не видел, с кем говорит, лишь слышал. Шелест шелка, скрип песка на дорожке под легкими неторопливыми шагами и голос — негромкий, задумчивый, изредка задававший вопросы. Мать светлейшего аль-маратхи говорила мало. Но, несмотря на это, по окончании беседы граф пришел к однозначному выводу — не все женщины на востоке так уж тихи и покорны. В мягком голосе его собеседницы звучало истинно королевское достоинство. И пусть она так же, как ее сын, не сказала просителю ни «да», ни «нет», он чувствовал — в этот раз его действительно выслушали.

Мурад ан Махшуд чуть шевельнул бровью.

— «Согласен»? Стало быть, место предложили не вы?

— Я не настолько хорошо знаком с Дворцовым холмом, и уж точно не мне диктовать условия Старшей в гареме. По совести, я и предположить не мог, что мне окажут подобную честь! Однако если доброта светлейшей аль-авалу может быть истолкована превратно, я готов подтвердить, что инициатива нашей с ней встречи целиком принадлежала мне. Меньше всего на свете я желал бы доставить неудобства той, что подарила Алмаре ее повелителя.

— Как это по-рыцарски, — в голосе шафи вновь промелькнула улыбка. — Не беспокойтесь, граф. У аль-авалу нет секретов от сына, и он знает, что она предана ему всей душой. В конечном итоге, это была лишь одна короткая беседа!

— Отрадно слышать, — вновь склонил голову посол мира. Заодно приняв к сведению, что больше так делать не стоит — ни ему самому, ни кому бы то ни было еще.

Глава почтового двора, обведя взглядом темную беседку, опять остановил его на своем визави.

— Я читал ваши письма, граф, — сказал он. — И к Старшей в гареме, и к ее невестке. О содержании вашего разговора с аль-авалу мне тоже известно — впрочем, вряд ли вас это удивит. Скажите, вы всерьез полагали, что такой рискованный шаг сможет перетянуть чашу весов на вашу сторону?

Бервик поднял голову.

— Нет, — глядя в лицо шафи, спокойно ответил он. — Но я надеялся, это сможете сделать вы.

— Любопытно. Только с чего бы? Если мой повелитель не счел нужным ответить на вашу просьбу так, как вам того хотелось, разве его верный раб может хоть что-нибудь изменить?..

Граф отстраненно пожал плечами.

— Светлейший аль-маратхи воистину мудр, — сказал он. — Во многом, и, в частности, в том, что не принимает решений, не рассмотрев их со всех возможных сторон и не приняв к сведению голоса тех, кто стоит на страже его интересов. О вашей верности повелителю ходят легенды — так же, как и о вашем непревзойденном чутье. Решаете не вы, я знаю, да и как может быть иначе? Однако свое мнение у вас есть. И если верно всё, что я слышал о вас, оно редко бывает предвзятым.

— Лесть? Вы разочаровываете меня, граф.

— Думаю, вы к этому уже привыкли, шафи, — Бервик, подняв взгляд к небу в ажурных прорезях крыши, улыбнулся. — Но правда тоже порой звучит как лесть, а что касается разочарований... Единственная, кого я боюсь разочаровать — это моя королева. И Геон. Потому что меня он в таком случае переживет ненадолго. Думаю, вы знаете, что я имею в

виду.

— Возможно, — протянул шафи, испытующе глядя на него снизу вверх. — Но хотелось бы конкретнее.

Граф коротко усмехнулся.

— Времени, чтоб растекаться мыслью по древу, у меня давно уже не осталось, так что извольте: я говорю о войне. И о Дымке. Алмаре пока не пришлось столкнуться с багровой смертью лицом к лицу, но стоит ли считать это удачей?.. Ваши люди участвовали в облаве на распространителей Дымки в Бар-Шаббе, весной, и о ее результатах вам известно не хуже меня. Как и о том, полагаю, что помянутая облава была не единственной, а запутавшиеся в сетях все как один по крови принадлежали востоку. Мы не допускаем и мысли, что Дымка была рождена Алмарой, а значит, кто-то другой очень старается бросить на нее тень.

— Предположим. И что же из этого следует? Означенный «кто-то» намерен обвинить во всем нас?

— Нет, шафи. Нас. Алмаре, мнится мне, отведена будет иная роль — невинно осужденного, оклеветанного молвой и потому обязанного восстановить свое честное имя единственно возможным способом... Алмара и Геон всегда жили в мире, но нет беспощадней врага, чем преданный друг, не так ли? — его сиятельство усмехнулся снова. Ан Махшуд в ответ чуть прищурился.

— Да, что и говорить, расчет верный, — согласился он. — Вопрос только — чей?..

Бервик повернул голову.

— Осмелюсь предположить, что ответ известен нам обоим, шафи.

Глава почтового двора неопределенно хмыкнул.

— Допустим, — после паузы обронил он. — Так чего же именно Геон хочет от Алмары? Договор военного союза?

— Нет. Ее величеству известно мнение светлейшего аль-маратхи на сей счет. Мы не просим вас сражаться на нашей стороне. Единственное, о чем мы просим — не поднимать меч против нас.

— Значит, договор о ненападении...

— Да, — Бервик сделал паузу и добавил: — На ваших условиях.

Мурад ан Махшуд задумчиво склонил голову к левому плечу. Помолчал. И сказал наконец:

— Понимаю. Но в таком случае и вы должны понимать, граф, что если Алмара пойдет Геону навстречу, это недолго будет оставаться тайной. И тот, кто планировал подставить нас обоих, не оставит пощечину без ответа. Потерпев поражение на востоке, он немедленно нанесет удар северу, чтоб окончательно не растерять своих позиций.

— Разумеется, — без всяких эмоций кивнул собеседник.

— И у Геона достанет сил выдержать этот удар?..

— Достанет даже отразить. Если драться придется один на один.

— Вряд ли на это стоит рассчитывать, — шафи прошелся по беседке от перил до перил, то исчезая в тени, то вновь появляясь, и остановился по другую сторону жертвенной чаши, прямо напротив Бервика. — Думаю, больше нет смысла в туманных намеках, граф, давайте называть вещи своими именами. Данзар в одиночку не воюет. Норт-Прентайсам хватило самой первой войны, чтобы понять преимущество целого кулака перед единственным пальцем, — а значит, вам придется иметь дело как минимум еще и с Берсом. Тогда как у вас самих армии наемников нет.

— Нет. Но есть герцогство Лилии.

— И много ли оно способно дать?..

— Может, и немного. Но для того, чтобы поставить точку в прошлой войне, этого оказалось достаточно.

— Ну, раз собственные тылы Геона столь надежны, — зачем же вам в таком случае мы?

Бервик ответил не сразу. Тоже склонил голову к плечу, скользнул рассеянным взглядом по каменному ободу жертвенной чаши...

— Даже в самые худшие времена Геон не отворачивался от друзей. Алмара — наш союзник. И мы нужны друг другу — как хорошие соседи, каждый из которых никогда не посмотрит на чужое поле как на своё. Мощь Востока и Юга несоразмерима, и Данзар, в нынешних своих границах, никогда не осмелится бросить вам вызов. Однако если он подомнет нас, он получит весь континент. Он станет вдвое сильнее. И, вполне вероятно, на этом не остановится.

Шафи ан Махшуд насмешливо приподнял брови.

— А если вдвое сильнее станете вы? Что остановит *вас*?

Бервик расправил плечи.

— Верность слову, — коротко уронил он. — Которое мы никогда не бросали на ветер — вы знаете это, шафи.

Тот не ответил. Долгую минуту они молча смотрели друг другу в глаза, пока в призрачной темноте на краткий миг не сверкнула улыбка, и Мурад ан Махшуд не произнес:

— Да, граф, я это знаю. И я вас услышал...

Посольство вернулось в Геон пятнадцатого октября. Стоял солнечный, безветренный полдень, в Синеи бухте было не протолкнуться от кораблей, а в порту — от людской толпы. Королевский причал, расположенный наособицу, как оказалось, тоже не был пуст. Посольство встречали.

Граф Бервик, стоя на носу головного фрегата, улыбнулся, заведя в плотной толпе серебристо-голубые мундиры. Потом поднял взгляд вверх — и улыбка его стала шире. Над головами гвардейцев реял штандарт герцогства Янтарного берега — наследный принц, пользуясь тем, что он еще не король, лично решил встретить друга. «И узнать все подробности из первых уст, не дожидаясь королевского совета, — посмеиваясь, подумал граф. — Норт-Ларрмайны не любят ждать». Он одобрительно прищурился. Бервики с Норт-Ларрмайнами не состояли в родстве, однако его сиятельство тоже всегда предпочитал штурм долгой осаде. И пусть сообщение о том, что переговоры увенчались успехом, его высочество получил еще неделю назад, нетерпение друга Бервик сейчас понимал лучше чем кто-либо.

— Франко! — позвал он, не оборачиваясь. Адьютант его сиятельства, стоявший по левую руку от командира, внутренне весь передернулся от досады. «Франко», «Франко»!.. Только и слышно было всю дорогу, а за какие заслуги, спрашивается? Глава охраны посольства — Франко, по Алмаре разъезжать — Франко, среди ночи куда-то сорваться с одним жалким десятком — опять Франко, чтоб ему ни дна ни покрывки! Вот где справедливость?.. «Кругом кумовство, — безрадостно подумал Лэнгли. — Служишь, служишь, по всему Геону носишься как пастушья собака, язык вывалив, верность блюдешь почище иной жены, заманчивые предложения одно за другим отменяя, а карьеру делают те, кому просто повезло когда-то занять соседнюю койку!» Он уязвленно вздернул подбородок. Франко Д'Ориан и Натан Бервик вместе учились, тогда как нынешний адъютант его

сиятельства, на свою беду, окончил военную школу Даккара три годами ранее. И на протекцию по старой памяти, увь, претендовать не мог.

— Слушаю, ваше сиятельство! — раздалось слева. Лэнгли поморщился. Легок на помине, подумал он, с подчеркнутым равнодушием глядя прямо перед собой. Ему было обидно.

Граф, обернувшись на голос, насмешливо фыркнул. Вид у Франко Д'Ориана сейчас был такой счастливый, будто возвращался он не на службу, а по меньшей мере к любимой женщине после пяти лет походов. Что, в общем-то, было объяснимо: на обратном пути главу охраны до полусмерти замучила качка. «Иной раз людям нервы только на пользу, — отметил Бервик. — А стоит немного расслабиться — и пиши пропало».

— Скоро причалим, — сказал он. Бледное лицо гвардейца расцвело улыбкой, и граф с трудом удержался от смеха. — Я вижу, тебя наконец отпустило?

— Так точно, ваше сиятельство!

— Не может не радовать... В таком случае отдай приказ готовиться к высадке. Его высочество ждет на причале.

— Будет исполнено, ваше сиятельство! — с готовностью отрапортовал Д'Ориан, разворачиваясь на каблуках, и адъютант графа мысленно закатил глаза. Вот горазд же выслуживаться, горный медведь!.. Раздражение, копившееся внутри с первого дня миссии, все-таки на мгновение прорвалось наружу, и Бервик его заметил.

— Лэнгли, Лэнгли, — благодушно протянул он. — Не там ты ищешь соперников! Полно, я к тебе слишком привык, чтобы менять на кого-то другого. Так что сотри с лица эту кислую мину — не дай боги, его высочество примет ее на свой счет.

Пойманный с поличным на недостойных мыслях адъютант испуганно моргнул и вытянулся во фрунт.

— Ваше сиятельство! Я вовсе не...

— Ох, Лэнгли...

— Виноват, ваше сиятельство!

Граф, фыркнув в воротник плаща, махнул на него рукой.

Не прошло и получаса, как маленькая посольская флотилия пришвартовалась у Королевского причала. Оставив разгрузку на Франко Д'Ориана, Бервик первым спустился по шатким сходням и склонился в почтительном поклоне перед наследным принцем Геона. Рауль Норт-Ларрлайн, пряча улыбку, кивнул в ответ.

— С возвращением, граф, — сказал он. — Надеюсь, путешествие было приятным?

— Благодарю, ваше высочество, вполне, — ответил тот, выпрямляясь. Ему подвели коня. — Хотя, признаться, дома всё же лучше!

Они рассмеялись и, оседлав лошадей, в кольце гвардейцев двинулись в сторону городских ворот. Пахло морем, солью и осенью. Как хорошо — после долгих недель изматывающей жары!.. Его сиятельство, на миг прикрыв глаза, вдохнул полной грудью и расплылся в улыбке не хуже главы своей охраны. Принц сочувственно крикнул:

— Несладко пришлось?

— Прямо скажем, бывало и получше. Но, милостью богов, это уже позади, — Бервик удовлетворенно скользнул ладонью к груди. Там, надежно укрытый тонкой кольчужной сеткой небесного железа, ждал своего часа плотно запечатанный пакет. Договор о ненападении, скрепленный печатью Селима Тринадцатого — посол мира с честью исполнил возложенную на него миссию. — Надеюсь, в столице все благополучно, ваше

высочество?

— И в столице, и во дворце, — кивнул Рауль. — Можно сказать, ты почти ничего не пропустил... Что Ирвин? На волю не рвется?

— Где там! — хохотнул основатель Братства Погреба. — Пожалуй, назад в Геон его тащить на аркане пришлось бы. Верите ли, едва его узнал — записной алмарец в шальварах и золоте, а уж перстней на пальцах больше, чем самих пальцев! Плюс место личного секретаря посла уже почти в кармане — так что, боюсь, на родине мы его ой как не скоро увидим.

— Ну, — задумчиво обронил принц, — оно, пожалуй, и к лучшему. Где личный секретарь посла, там и посол...

Граф, скосив глаза на друга и повелителя, шевельнул бровью.

— Похоже, за три дня в дороге я все-таки пропустил немало?

— Чуть там, чуть здесь, — пожал плечами Рауль и, заметив тень тревоги в глазах соратника, успокаивающе опустил веки: — Но исключительно доброе, не беспокойся. Обсудим во дворце, после совета — государыня ждет нас обоих в малом зале, — он помолчал и добавил: — Я рад, что ты вернулся, Натан.

Бервик опустил веки. Вспомнил удушающей зной, сухую усмешку шафи ан Махшуда, постоянное напряжение и страх не успеть, не справиться, не оправдать...

— Признаться, я тоже, ваше высочество, — тихо отозвался он, и наследный принц молча, понимающе кивнул в ответ.

Оставив порт за спиной, процессия миновала Восточные ворота и двинулась через столицу к дворцу. Мидлхейм, залитый неярким солнцем, как всегда шумный и многолюдный в разгар дня, уже коснулось дыхание осени — зеленые скверы и парки расцвели всеми оттенками оранжево-желтого, красные клены налились густым, сочным багрянцем, воздух был прохладен и свеж, а под ногами лошадей сухо шуршали опавшие листья.

— Октябрь в этом году на диво хорош, — заметил Бервик.

— Пожалуй, — согласился Рауль с рассеянной полуулыбкой. Круг конного охранения, еще недавно тесно сжимавший двух товарищей со всех сторон, вступив на мостовую Центральной улицы, разошелся в стороны, и теперь можно было говорить свободнее. — Так что, Натан?.. Дорого нам встала Алмара?

— Милостью Танора, до нитки всё же не обобрали, — негромко откликнулся граф. — Хотя дали, конечно, всего ничего, если не считать договора о ненападении. В случае войны Алмара обязуется ни словом, ни делом не поддерживать наших противников и, не вступая, однако, в конфликт с нашей стороны, выставляет под знамя Геона две тысячи своих бойцов из числа вспомогательных войск...

— Наемники?

— Само собой, — усмехнулся недавний посол, — регулярными частями Селим Тринадцатый рисковать не намерен. Наемники. И хорошо, если шарарцы, на что, впрочем, лично я не рассчитываю... Платит им Алмара. Обмундирование, снаряжение — тоже за ее счет, с нас только необходимое довольствие.

— Неплохо.

— Как посмотреть. За погибших солдат контрибуцию платить уже нам. А по окончании войны, в случае победы Геона, последний обязуется возместить союзнику все расходы — в двойном размере.

Принц уязвленно крикнул.

— Ну и аппетиты, — пробормотал он. — Впрочем, по части торговли восток всегда

давал фору даже Лессину, чего-то подобного следовало ожидать... Но это ведь не всё, Натан, так?

— Угадали, ваше высочество. Нам пришлось согласиться на встречный акт доброй воли: при угрозе самой Алмаре Геон должен без промедления предоставить ей необходимую помощь — неважно, в человеческом или ином эквиваленте, и Селим Тринадцатый ничего за это не будет должен.

— Однако!

— Увы, ваше высочество. Я изворачивался как мог, но это было одним из главных условий.

— Понимаю, — хмуро кивнул Рауль. — Что ж, ты в любом случае вернулся с победой, Натан! Будем надеяться, что еще и на Алмару Мэйнард Второй не полезет.

Принц улыбнулся другу, и тот ответил ему усталой улыбкой. Потом взглянул вперед, на выплывающий из-за поворота к Центральной площади величественный храм Танора, и пытливо сощурился:

— Вы сказали, что я «почти ничего не пропустил», ваше высочество. Это радует, но всё же?..

Рауль тихо фыркнул.

— Всё в порядке, Натан, — уверил он. — Даже более чем. На границах спокойно, а ее величество, хвала Танору, пребывает в полнейшем здравии — и, надо сказать, весьма приподнятом настроении. Боги услышали наши молитвы. В июне еще один Норт-Ларрлайн увидит свет.

Бервик шевельнулся в седле, и его узкое лицо осветилось радостью, смешанной с чувством глубокого внутреннего облегчения. Правду сказать, этой новости он ждал не меньше, чем Стефания Первая. Династия должна продолжаться. И чем Норт-Ларрлайн больше — тем лучше.

— Поздравляю, ваше высочество, — искренне сказал он. — И вас, и ее светлость, это большое событие! Надеюсь, герцогиня хорошо себя чувствует?

— О, прекрасно! — хохотнул Рауль. — Мы всем двором сдуваем с нее пылинки, а государыня печется о ней, как о родной внучке, почти не отпуская от себя. Боюсь, если так пойдет и дальше, моя измученная вниманием супруга в конце концов сбежит обратно под отцовское крыло.

Бервик рассмеялся. Зная Трея эль Моури, такой исход был маловероятен.

— Не думаю, что ее светлости это хоть на миг пришло бы в голову, — весело отозвался он. — Но я рад, правда, рад! Однако это ведь тоже не всё, ваше высочество?

Принц добродушно качнул головой.

— Нет. Это было «здесь». А что касается «там»... Третьего дня пришла весточка из Алмары. Сразу после вашего отплытия посол Данзара просил у светлейшего аль-маратхи договор союза. Военного, как мы и предполагали.

— И?.. — внутренне напрягся граф.

— Ему было отказано.

Рауль, улыбаясь, взглянул в лицо соратнику, однако на сей раз никакой радости в нем не увидел. Просветлевшее было лицо Бервика тронула тень, брови нахмурились, а в черных глазах промелькнула тревога. Принц медленно выпрямился в седле.

— Натан? Что-то не так?

— Всё так, ваше высочество... Всё так, да только...

— Только что? Геон получил своё, Данзар — нет, разве не этого мы добивались?

— Разумеется, ваше высочество, — Бервик на мгновение отвел взгляд, и по спине наследного принца пополз предательский холодок. — Но если где-то прибыло, значит, где-то убыло! Мэйнард Второму дали от ворот поворот, и не исключено, что сейчас ему уже известно — по какой причине. А значит...

— Значит, времени почти не осталось? — тихо проронил Рауль. Друг усмехнулся криво.

— Боюсь, ваше высочество, теперь его не осталось совсем.

Пышные празднества по случаю юбилея правителя Алмары подходили к концу. Всю неделю столица гудела пчелиным ульем, не затихая ни днем, ни ночью, и не только гости Тигриша, но и его жители, включая самого виновника торжества, понемногу начинали от этого уставать. Что уж говорить о тех, кому безудержное веселье лишь прибавило работы?..

Граф Бервик, лежа на подушках внутри просторного паланкина, плыл над землей сквозь людскую толпу. Солнце вот-вот готовилось опуститься за крепостную стену, и нестерпимый зной уже начал спадать — чего, однако, нельзя было сказать о давке на мостовой. Если бы не плотное кольцо стражи вокруг, его сиятельству пришлось бы несладко. Он в жизни своей не видел такой прорвы народа, сосредоточенной в одном месте, и ни за что не рискнул бы покинуть Дворцовый холм, пока столпотворение на улицах хоть немного не поредет, однако служба как всегда диктовала свои условия. В пятый день празднеств подданные светлейшего аль-маратхи услаждали взор повелителя его любимой забавой — гонками на колесницах, и происходило сие масштабное действо на главной арене Тигриша, в самом центре столицы. Помимо многочисленной свиты Селима Тринадцатого, во главе с ним самим, членами его семьи и охраной, приглашение на гонки получили самые видные люди государства, наиболее уважаемые жители Тигриша и, разумеется, все дипломатические корпуса в полном составе. Послам Лессина, Ритены, Эйсера, Данзара и Берса, включая официального представителя Геона в Алмаре, отведены были ложи на главной арене, и, как ни сожалел граф Бервик об этом факте, его маленькое посольство тоже обязано было там присутствовать. Чего, учитывая обстоятельства, граф предпочел бы избежать. Гонки колесниц, бесспорно, редкое по красоте зрелище и нигде, кроме Алмары, его не увидишь — но время, время!.. Первая неделя пребывания его сиятельства в Алмаре подходила к концу, а похвастать ему до сих пор было нечем. Да, бесценный дар королевы Геона светлейшему аль-маратхи не остался без ответа, и уже в понедельник Селим Тринадцатый даст послу мира аудиенцию, а жрецы Первого круга примут его в стенах своего священного города, только... Всё это — пыль, пускай даже золотая. Ее к союзному договору не пришьешь, как сказал бы герцог эль Гроув. «А надо», — подумал Бервик.

Дар Геона повелителю Алмары не был единственным: его старшие сыновья, его первый советник и глава его военного двора тоже не остались обделенными. Принцу Джамалу, наследнику престола, был преподнесен клинок редкой работы в компании двух дюжин метательных ножей и шитой золотом перевязи, принцу Юсуфу — главе монетного двора, второму сыну правителя и супругу принцессы Иделлы, урожденной Норт-Ларрлайн, — украшенные эмалью и золотом напольные часы, что показывали не только время, но и год, месяц и даже фазы луны, а младшему, принцу Амиру — молодой дракон-штурмовик, еще не поставленный под седло. Первый советник аль-маратхи, известный коллекционер драгоценностей, получил редкую жемчужину — самую большую на двух континентах. Шафи ан Беркету, главе военного ведомства, вручили великолепного скакуна-иноходца... Лишь шафи ан Махшуд, глава ведомства почтового, не получил ничего, хотя на его долю казной Геона выделено было немало. «Осмелюсь заметить, — сказал на это Бервику Угте Ярвис, — что подарок — он и есть подарок. Не слишком ли сурово вы обошлись с шафи, ваше сиятельство? Ан Махшуд, конечно, мзды не берет — но обидеться может». Граф в ответ только коротко хмыкнул. Глава почтового двора был его главной целью — и брать эту

крепость обычной осадой Бервик не собирался. Цепной пес Селима Тринадцатого, Мурад ан Махшуд, просителей за свою жизнь навиделся, и на золото, в любом его эквиваленте, неподкупного шафи было не взять. А вот на интерес... Впрочем, чтоб вызвать оный, нужно было еще постараться. В аудиенции графу Бервику шафи ан Махшуд вполне ожидаемо отказал, а отсутствие привычных подношений воспринял ровно, если не сказать равнодушно. Поэтому его сиятельство, оставив на время в покое почтовый двор, обратился к истокам — в лице первого помощника секретаря его благородия геонского посла.

Помощник секретаря, он же Ирвин Деверелл, сын барона Деверелла, был его старым другом. Этот член Братства Погребя, давным-давно пристроенный верховным магом Геона в дипломатический корпус в Тигрише и до сих пор верный наследному принцу, в Алмаре находился уже шестой год — обычаи перенял, расклад сил знал и влияние какое-никакое имел, несмотря на обманчиво скромную должность. На момент прибытия в столицу посольства Геона он был в отлучке, но как раз нынче утром вернулся и незамедлительно прислал другу записку с приглашением к ужину. Бервик, конечно, предпочел бы обед, а еще лучше — завтрак, но от добра добра не ищут... Все пять часов, отведенные на гонки колесниц, он провел как на иголках и в финале аплодировал победителю едва ли не жарче самого аль-маратхи: ему не терпелось поскорее убраться отсюда. Время поджимало. А вернуться в Геон с пустыми руками он не имел права — равно как и желания...

Дорога от главной арены до Дворцового холма заняла больше двух часов, так что на ужин его сиятельство опоздал. Однако покои первого помощника секретаря встретили его роскошно накрытым столом, раздутыми углями шааширов, парой рабов с опахалами — и поднявшимся с усыпанного парчовыми подушками низкого дивана другом.

— Натан! Я уж и не надеялся сегодня тебя увидеть!

Стройный молодой человек в синих шелковых шальварах, длинной белой рубаше с широкими рукавами и распашном халате, подпоясанном шелковым кушаком, шагнул навстречу гостю. Бервик, улыбаясь, крепко пожал протянутую ладонь.

— Ирвин, дружище, — отозвался он. И оглядев товарища с головы до пят, весело покачал головой: — Ну, я гляжу, ты теперь совсем алмарец! Не тяжело?..

Сын барона Деверелла, правильно истолковав его насмешливый взгляд, звякнул золотыми браслетами на запястьях.

— Своя ноша не тянет, — смеясь, отозвался он, делая приглашающий жест рукой. — Добро пожаловать в мою скромную обитель.

Бервик расхохотался. «Скромную»? Покои первого помощника секретаря утопали в роскоши. Занавеси на окнах тончайшего шелка, мебель эбенового дерева, вся изукрашенная искусной резьбой, серебряная посуда на низком столике...

— А ты тут неплохо устроился, — резюмировал граф, опускаясь на диван. Ирвин Деверелл щелкнул пальцами, и словно из ниоткуда перед его сиятельством возникла девушка — с лицом, укрытым полупрозрачной вуалью, и широким серебряным подносом, уставленным яствами. Последние выглядели аппетитно, как и та, кто их преподнес.

— Вот где, скажи, справедливость? — взглянув на девушку, обронил его сиятельство. — Блестящую карьеру дипломата во время оно все предрекали мне — а плоды ее пожинаешь ты!

Помощник секретаря фыркнул. Вернувшись к дивану, удобно устроился в россыпи подушек, протянул руку к подносу и заметил:

— Пока что, увы, «пожинаю» я лишь то, что падает. Однако надеюсь на лучшее:

посольский секретарь уже в летах, и его благородие не слишком-то им доволен в последнее время, так что...

— ...подсидеть беднягу особого труда не составит? — не без ехидства закончил за товарища Бервик. Тот, пряча улыбку, качнул головой.

— Ты все такая же язва, Натан. А терпение ее величества, судя по всему, с годами возросло многократно, раз уж тебя до сих пор от двора не отлучили за твои шуточки... Хотя я, признаться, даже по ним соскучился. Что его высочество? Жаль, я не смог присутствовать на его бракосочетании, — как всё прошло?

— О, в полном соответствии канону, — граф принял из рук всё той же девушки серебряную чашу, сделал глоток и вздохнул. — Щербет?..

— Мы в Алмаре, друг мой, — в тон ему вздохнул помощник секретаря. — И даже стены дипломатического корпуса, увы, нашим порокам не защита! К тому же, тебе еще два дня вариться в самой гуще правоверных — и спаси тебя боги, если кто из них учует хотя бы намек на запах вина! Угощайся. Ради такого случая наш посол даже одолжил мне на вечер личного повара — а он в своем деле мастер. Попробуй кускус с курагой. И фаршированный бараний язык — так и тает во рту.

— Уже заметил, — жуя, невнятно отозвался гость. — А вон там что? В синей миске?

— Паста из печеных баклажанов. Тоже очень рекомендую. Самира! — он перешел на алмарский. — Подай гостю мутабаль. И подвинь пахлаву поближе, мой друг, сколько помню, всегда был равнодушен к сладкому...

Девушка, склонив голову, поставила поднос на столик перед его сиятельством, взяла в руки широкую синюю миску и, опустившись перед диваном на колени, с почтением поднесла ее гостю. Граф одобрительно прищурился. Ирвин Деверелл протянул руку к шнуру колокольчика, раздался тихий мелодичный звон, двери покоев бесшумно распахнулись, и в комнату впорхнула еще одна девушка — в такой же полупрозрачной вуали и такая же хорошенькая, как первая. Черные брови его сиятельства поползли кверху.

— Да ты никак целый гарем себе завел! — восхитился он. Помощник секретаря развел руками:

— Женщины не вино, это не возбраняется. Правда, с гаремом ты всё же хватил. Да и не заводил я ничего, этих милых пташек мне подарили.

Бервик присвистнул.

— И ты взял? А где же тот благородный мечтатель, что всей душой противился рабству и пел оды свободе?.. Эй, любезный! Кто вы и куда вы дели моего друга?

— Увы, — со вздохом отозвался Ирвин, — на государственной службе не место мечтам! А уж о свободе в Алмаре и вовсе говорить не приходится, учитывая богатство ее рабовладельческих рынков. В чужой монастырь, как известно...

— Знаю, знаю, — граф скосил глаза на девушку у своих ног, и, улыбнувшись, спросил ее на хорошем алмарском: — Самира, так?.. Что, ваш хозяин вас не обижает?

Густые черные ресницы рабыни опустились еще ниже, смуглые бархатные щечки порозовели.

— Нет, мушир, — едва слышно прошелестела она в ответ. — Господин очень к нам добр.

Голос у нее был нежный, с переливами — и впрямь пташка. Бервик вздохнул про себя. Рабства он тоже не одобрял, да и воспитан был в иных традициях, однако...

— Хоть всё бросай да иди к послу в секретари, — вполголоса обронил он.

— А как же его высочество? — вкрадчиво напомнил друг.

— Его высочество тоже человек, поймет!

— Жениться тебе надо, Натан, — возведя очи горе, тоном проповедника изрек помощник секретаря, и оба фыркнули в голос. Его сиятельство ополоснул руки в высокой чаше с водой, вытер их о поднесенную Самирой салфетку и откинулся на подушки.

— Пожалуй, оно и к лучшему, что в Алмару все-таки отправили тебя, — заметил он. — Иначе был бы я уже поперек себя шире — и точно с гаремом! Нет-нет, милая, с пахлавой пока погодим. А вот шаашир, пожалуй, сейчас как раз был бы к месту... Ну что за прелесть, клянусь богами! Любое желание — и молча. В Геоне такого днем с огнем не сыскать.

Он принял из рук рабыни шелковую трубку шаашира и, обхватив губами мундштук, прикрыл глаза. Ирвин щелкнул пальцами — вторая невольница поднесла трубку и ему.

— Если хочешь, — устроившись рядом с другом и выпустив в потолок струйку ароматного пара, проговорил он, — я пришлю к тебе кого-нибудь из них сегодня ночью.

— Там поглядим, — отозвался Бервик. — Как служба-то в целом, Ирвин?

— Не жалуясь, — сказал помощник секретаря. Потом сделал знак рабам за спиной опустить опахала, взмахом руки выставил их вон и улыбнулся вскинувшей на него взгляд Самире: — Сыграй нам на цитре, птичка. А Наири станцует.

Девушки поднялись с колен и одна за другой вышли в центр комнаты. Откуда-то в руках первой появилась цитра. Тонко зазвенели серебряные браслеты на запястьях и щиколотках танцовщицы, сладко, тягуче запели струны...

— Они знают только алмарский? — вновь прикладывая к губам мундштук, уже на родном языке тихо спросил гость. Хозяин качнул головой.

— Наири да, — так же тихо отозвался он. — А Самира, похоже, обучена куда лучше. Но по губам она читать не умеет, не беспокойся, я проверял.

— Хорошо...

Помолчали, пуская по очереди пар к потолку и глядя на танец.

— Я слышал, — делая очередной вдох, обронил помощник секретаря, — что сиятельному шауки Рифат-ан-Кериму пришлось по душе оказанное ему уважение. Та жемчужина и впрямь такая огромная?

— Почти со сливу, — ответил Бервик. Причем чистую правду — редкая грушевидная жемчужина, некогда украшавшая ожерелье предыдущей королевы Геона, матери покойного супруга Стефании Первой, равных себе по красоте и размеру не знала. И первый советник Селима Тринадцатого был очевидно рад заполучить ее себе в коллекцию. — Значит, по душе, говоришь?..

Ирвин кивнул.

— Весьма. Почти так же, как то, что главе почтового двора не обломилось и гнутой подковы, — он качнул головой. — Высокая ставка, Натан. Очень высокая! Досточтимый шафи ан Махшуд крепкий орешек — может, стоит все же зайти с другой стороны трона? Думаю, Рифат-ан-Керим в протекции не откажет.

— Не сомневаюсь. Аудиенцию он мне уже назначил, даже просить не пришлось. Конечно, первый советник есть первый советник, и на повелителя своего он имеет влияние, только не забывай, кто Рифат-ан-Кериму приходится ближней родней!.. Перед выборами в Бар-Шаббе мы здорово прижали Хаддад-ан-Керима — и пусть Норвиль кресло архимага не получил, но и его соперник с ним за компанию вылетел на обочину. Алмара помнит всё. И хоть осыпь мы сиятельного шауки золотом с головы до ног, подношение он примет, а нашу

сторону нет... Однако его злорадство в отношении обделенного подарками шафи — это интересно. Правая рука светлейшего аль-маратхи так не любит левую?

— На дух не переносит. И это взаимно — но на людях, конечно, оба поют друг другу осанну.

— А что их господин?..

— Светлейший аль-маратхи не слепой, но ему их игры на руку. Не удивлюсь, если он сам же эту взаимную неприязнь и подпитывает время от времени, чтобы не расслаблялись.

— Мудро, — хмыкнул Бервик, не сводя глаз с изгибающейся танцовщицы. — Но, сдается мне, к главе своей тайной канцелярии он всё же прислушивается больше. Крепкий орешек, говоришь? Хм! И так-таки ни единой слабости?

Помощник секретаря невесело усмехнулся:

— Разве что безусловная верность своему повелителю, но это явно не то, что ты хочешь услышать... Увы, друг мой. Железный шафи чужд праведности и пороку в равной степени. Деньги для него — пыль. Семьи у него нет. А всё, что есть — почтовый двор, что дрожит перед ним до последнего человека, да с десятков учеников.

— А! Стало быть, ученики?..

— И не мечтай, порочное дитя свободы, — понимающе усмехнулся Деверелл. — Для того, что ты себе вообразил, шафи вполне хватает его рабынь — среди которых, кстати, он ни одной не выделяет, да и мрут они с завидной периодичностью. А ученики... Это не армия любовников, это стая волков. И зубы у них не хуже, чем у наставника, — не говоря уж о том, что каждый из них чей-то сын.

— Так мальчики из видных семей?

— И приближенных к трону. Отдать своего отпрыска на обучение ан Махшуду — большая честь. Средний сын наместника Бэйета, Карима Зуфар-ан-Сани, младший сын одного из командующих армией, Анзора ан Фарайя... Только «мальчиков» там раз-два и обчелся. Большинство учеников шафи уже перешагнули двадцатилетний рубеж.

— Погоди, — шевельнулся граф. — Ты сказал — ан Фарайя?..

Товарищ кивнул, и его сиятельство задумчиво сощурил глаза. Так Фаиз ан Фарайя — сын командующего армией? И не просто один из агентов почтового двора Алмары, но ученик самого ан Махшуда?.. Тогда многое становится понятным. И оттого еще более сложным: взаимодействие разведок вещь вполне обыденная и даже местами удобная, но одно дело — штатный резидент, и совсем другое — практически личная гвардия! «Да, — промелькнуло в голове номера Первого, — у Рексфорда есть чутье. Не зря он, выходит, этого алмарца третий год подряд обхаживает». Брови его сиятельства чуть нахмурились. А ведь обхаживает-то, получается, не один Рексфорд! Кто как не адепт ан Фарайя обеспечил сыну первого алхимика Геона место на боевом факультете? Алмара ничего не делает просто так. А уж Алмара в лице шафи ан Махшуда — тем более.

— Ирвин, — бросив взгляд на девушек в центре комнаты и отняв от губ мундштук, улыбнулся граф, — а прелестная Наири тоже умеет играть на цитре?

— Конечно, — друг понял, что ему хотели сказать. — Самаира, птичка! Наш гость желает увидеть и твой танец тоже...

За пару часов до восхода солнца из покоев первого помощника секретаря главы официального посольства Геона в Тигрише выпорхнула легкая, похожая на тень девичья фигурка. Кутаясь в серый шелк, она скользнула мимо клюющих носами рабов у дверей и

растворилась в темноте одного из бесчисленных коридоров дипломатического корпуса. Третий поворот направо, через галерею, второй поворот налево, неприметная дверь вниз, к переходу, крутые обкатанные ступени, едва освещенные редкими факелами... Самаи спешила. Ее хозяин всегда поднимался с рассветом, и не позднее, чем через час, она должна была вернуться.

Весь Дворцовый холм был изрыт тайными ходами как многосемейная кротовья нора. Часть из них — та, что оканчивалась в покоях светлейшего аль-маратхи — от прочих отсечена была крепкой каменной кладкой, немногочисленными обитыми железом дверями и сонмом молчаливой стражи, остальные же, подобно юрким ручейкам, стекались на запад. Туда, где царил иной повелитель. Самаи, быстрее ветра преодолев несколько каменных переходов, пронеслась через зыбкий сумрак огромного зала и нырнула во тьму под аркой. Тьма, секунду назад неподвижная, потревоженно колыхнулась.

— И да прольется свет, — торопливо шепнула девушка, низко склоняя голову, — и да откроется путь...

— ...тому, кого ждут, — откликнулось глухое эхо. Далеко впереди путеводной звездой вспыхнул фонарь. Рабыня вновь ускорила шаг. В отличие от тех, кто денно и ночью нес свою службу в дворцовых катакомбах, она не любила темноты и всегда ступала под землю не без внутренней дрожи — но того, кто ждал ее там, наверху, она боялась сильнее. Достигнув фонаря, висящего на крюке у подножия винтовой лестницы, Самаи взлетела по ступеням к одинокой узкой двери. Застыв у самого порога, перевела дух, обхватила пальцами холодное железное кольцо...

— Входи, — тотчас же донеслось с той стороны, и девушка привычно вздрогнула. А дверь распахнулась — беззвучно, не скрипнув ни единой петлей. Самаи проскользнула в комнату. Здесь тоже было сумрачно, зато тепло: очаг в дальнем правом углу жарко пылал, алыми всполохами скользя по каменным стенам. Рабыня, не поднимая глаз, опустилась на колени, и за спиной ее, холодным сквозняком мазнув по щиколоткам, все так же беззвучно захлопнулась дверь.

— Мой господин...

— Ты опоздала, — раздался над ее головой сухой, чуть клекочущий голос.

— Простите, мой господин! Мушир и его гость засиделись за полночь, а после мне было велено...

— Знаю. Разделить с этим гостем ложе. Сдается мне, где-то ты всё же наследила, Самаи. Это печально. Очень печально, а ведь я потратил на тебя столько времени.

— Мой господин! — цепенея от ужаса, прошептала рабыня, вжимаясь в холодный пол. Ответом ей был короткий смешок.

— Ну, ну. Не дрожи. Живой ты послужишь лучше, птичка, — так, кажется, тебя называет хозяин?.. И сегодня ты была при нем неотлучно весь вечер?

— Да, мой господин. Но он велел нам с Наири танцевать и играть на цитре по очереди... Они говорили между собой, хозяин и его гость, но так тихо и быстро...

— И наверняка на своем языке. Странно было бы ожидать иного. Тебе многому еще предстоит научиться, Самаи... Хорошо, а после? Когда ты осталась наедине с гостем?

— Он говорил мало, и всё больше обо мне, — вздохнула рабыня, но чуткое ухо собеседника уловило в ее голосе нотки неосознанного торжества. «Женщины! — недовольно подумал он. — Учи, не учи... Нет, «птичка», не тебя на ложе послали, скорее наоборот! Похоже, помощнику секретаря нужна еще одна рабыня, порасторопнее».

— Ясно, — сказал он. — Значит, ничего?

— Почти, мой господин. Я не уверена, но... Мой господин прав, я плохо читаю чужой язык по губам, но я прочла имена — светлейшего аль-маратхи, сиятельного шауки Рифат-ан-Керима...

— И, надо полагать, моё?

— Да, господин... И еще два других: Зуфар-ан-Сани и ан Фарайя. Последнее назвали дважды.

— Хм. А потом?

— Гость спросил хозяина, умеет ли Наири играть на цитре, и хозяин велел мне танцевать.

— И танцевала ты долго, — снова понятиливо хмыкнул собеседник. — Потому что дальше пошел совсем другой разговор, а в танце читать по губам куда как сложнее, чем сидя с цитрой в руках. Что ж, Самира, могу тебя поздравить — твоему хозяину открыли глаза на кое-какие из твоих умений! Жаль. Очень жаль.

— Мой господин!..

— Возвращайся назад, — коротко обронил тот. — Как бы тебя не хватились. И постарайся проявить усердие, пока окончательно не разочаровала меня.

— Слушаюсь, мой господин! — выдохнула рабыня, поднимаясь с пола. Глаз на собеседника она так и не подняла — пятясь, отступила к двери, толкнула ее рукой и исчезла. «Самира, Самира. Такая исполнительная, но так медленно учится», — подумал шафи, качнув головой. Потом поднял взгляд вверх, к стене слева от двери, где стоял, сложив руки на груди, высокий шарарец в черных шальварах, подпоясанных таким же черным кушаком. Поймав взгляд господина, шарарец шевельнул плечом, и правая его ладонь легла на костяную рукоять кинжала, торчащего из-за кушака.

— Нет, — подумав, все-таки сказал шафи ан Махшуд в ответ на безмолвный вопрос. — Пусть идет. Умереть она всегда успеет...

Как и было обещано графу Бервику, Селим Тринадцатый принял его по окончании торжеств и выслушал весьма благосклонно — не сказав, однако, ни «да», ни «нет». В истинно восточной традиции он всю беседу держался где-то посередине, кивая и внимая, а по окончании аудиенции туманно высказался в том ключе, что, мол, дело непростое и требует времени на осмысление. В сущности, ничего другого Бервик от правителя Алмары и не ждал, но грызущее изнутри беспокойство подавил с трудом. Да, дело требовало времени — но у него, в отличие от светлейшего аль-маратхи, этого времени почти не осталось. Неделя! И никаких подвижек!

Номер Первый вернулся в свои покои мрачнее тучи. Посидел, подумал и послал записку Ирвину Девереллу. Посетившая его идея — последняя соломинка, на которую, впрочем, тоже надежд было мало, требовала дополнительной информации... Первый помощник секретаря ответил без промедления, и тем же вечером двое друзей вновь сидели на низком диване, утопая в россыпи подушек и укутанные клубами ароматного пара, а Наири играла для них на цитре. Самиры не было — хозяин услал ее к Угге Ярвису, так сказать, в качестве приветственного дара. Вытянуть что-либо из ушлого лессинца у нее все равно не выйдет, а так хоть будет под присмотром. И подальше от того, что ее не касается.

— Может, Ярвису ее и подарить? — задумчиво обронил Ирвин. — Хотя, пожалуй, он мне за это спасибо не скажет...

— А смысл? — пожал плечами граф. — Эту сбагришь — другую пришлют. И отказаться от дара ты всё равно не сможешь. Уж лучше знакомое зло.

— Тоже верно, — без энтузиазма согласился помощник секретаря. Помолчал и спросил: — С аль-маратхи, я так понимаю, ничего?

— Да. И не будет, если не подтолкнуть. На Рифат-ан-Керима надежды нет, ан Махшуд выжидает, а время идет. Поэтому скажи-ка мне, дружище Ирвин, — кто еще имеет влияние на светлейшего? Дети? Жёны, наложницы?..

— Сыновья точно нет, — подумав, отозвался Деверелл. — Наложницы тем более, в гареме конкуренция почище, чем в ближнем круге вельмож. Жёны? Постольку-поскольку. Из семи разве что две имеют вес — старшая, мать первых наследных принцев, и любимая — от нее у аль-маратхи две дочери. Но на вторую я бы не рассчитывал, по слухам, все ее достоинства исчисляются гибким станом да хорошеньким личиком.

— Значит, старшая жена?

— Аль-катифу Зейнаб умная женщина. Она сумела сохранить расположение мужа и стать ему не только женой, но и другом... Правда, ее влияние на аль-маратхи простирается всё же не так далеко, как, полагаю, ей бы самой хотелось. Другое дело светлейшая аль-авалу!

— Мать Селима Тринадцатого? — наморщил брови Бервик. Друг кивнул. — И что, к ее мнению повелитель может прислушаться?

— Может. Только тебе, друг мой, это никак не поможет. Здесь не Геон! И в гарем ни тебе, ни мне не пробраться, даже не пробуй. В лучшем случае ты провалишь миссию и лишишься головы, а в худшем — мы точно потеряем союзника. Такого оскорбления правитель Алмары не потерпит.

Его сиятельство, шурясь, молчал. Долго молчал, задумчиво покусывая янтарный мундштук курительной трубки и хмурия брови, — он и сам понимал, что вторгаясь в святая святых рискует практически всем. Однако...

— Мне отступать некуда, Ирвин, — в конце концов сказал он. — Или я вернусь к ее величеству с договором о ненападении, или не вернусь вообще. Моя жизнь ничего не значит. А Геон без союза с Алмарой так на так долго не протянет. Так что выкладывай всё, что тебе известно о двух этих достойных женщинах — привычки, увлечения, слабости, соперники и сторонники... Всё! А там, милостью богов, разберемся.

Товарищ, вздохнув, исполнил его просьбу. Граф внимательно выслушал и принял к сведению. На долю женской части семейства светлейшего аль-маратхи, памятуя о бесправном положении женщины на востоке, послу мира не было выделено ничего — однако то, что предназначалось в дар главе почтового двора, до сих пор покоилось в недрах тяжелого опечатанного сундука под охраной Франко Д'Ориана и его гвардейцев. Вернувшись в свои покои, посол мира недрогнувшей рукой сбил печать. А на следующий день, заручившись поддержкой нового секретаря посольства Геона по торговым делам в лице Угге Ярвиса, взялся за дело.

Отступать ему действительно было некуда.

За узким решетчатым окном, что больше напоминало бойницу, пламенел закат. Небо, расцвеченное всеми оттенками багряно-розового, раскинулось над долиной Тигриша — чистое, румяное, безоблачное. Ночь обещала быть теплой и звездной. Глава почтового двора светлейшего аль-маратхи Селима Тринадцатого, стоя у окна, невидящим взглядом скользил по далеким гребням гор. Застывшие, лилово-пурпурные, они в этот зыбкий сумеречный час

казались миражом. Шафи бросил короткий взгляд на небо и нахмурился. Отблески солнца уже погасли на вершинах гор, значит, времени на раздумья почти не осталось. Нужно решать, и решать сейчас. Он покосился в сторону стола за своим левым плечом. Там лежал ворох сегодняшних донесений. И практически в каждом фигурировало одно и то же имя: Бервик.

Мурад ан Махшуд был известен своим чутьем не только в стенах Дворцового холма, но и далеко за его пределами. И чутье это никогда его не подводило. Бервик! Что это — бесшабашная отвага молодости или отчаяние безысходности?.. Он умен, этот молодой человек. Он хитер и расчетлив. И он предан своему повелителю до последнего вздоха — не королеве Геона, даже не ее наследнику и собственному господину, но Геону. Своей стране, зависшей в шаге от пропасти. «Достойный преемник эль Гроуву, — подумал шафи. С верховным магом союзного государства ему уже приходилось встречаться, и мнение о нем он составил пускай не лестное, но честное. — Молодому ястребу было у кого поучиться. И так же, как наставник, он пойдет на всё — особенно теперь». Темные брови шафи медленно сошлись у переносицы. Учение Шабб-Сияра, эта бесценная реликвия... Не врученные дары... И те, что, напротив, были вручены — тем, кто их не ждал, тем, кого никто не принял в расчет... Рисковый шаг, по краю той же пропасти, принесший больше, чем святая книга! Что ж, всегда найдется тот, кто не знает или не хочет знать, что невозможное действительно невозможно. Особенно если у него есть цель, затмевающая всё вокруг. Тонкие губы ан Махшуда на миг дрогнули в неясной улыбке. Цель... Против нее порой бессильны даже боги, что уж говорить о людях?

Он почувствовал, как позади беззвучно открылась дверь, и обернулся. Высокий шарарец в черном, застыв на пороге, согнулся в глубоком поклоне.

— Они выехали в Дагхаби, мой господин, — тихо сказал он. — Только что, по Золотой дороге. Мы ждем приказа.

Глава почтового двора вновь бросил взгляд на стол. А после, всё для себя решив, отошел от окна.

— Седлайте коней, — коротко бросил он. — Я еду.

Шарарец, еще раз согнувшись в поклоне, исчез за дверью.

Осень и впрямь выдалась дивная, под стать ушедшему лету. Дождей было мало, ветры веяли теплые, а солнце не торопилось кутаться в серую шаль облаков — его лучи скользили по бескрайнему ковру вилоры, устилавшему Даккарайскую пустошь, и вся она горела золотом. В желтое, оранжевое, красное оделись деревья на улицах кадетского городка, порыжевшие кусты гратии вокруг площади обсыпало крупными гроздьями ягод, алых как кровь и, увы, несъедобных, с тихим шорохом осыпались на тротуары листья, мягко кружась в воздухе, а сам воздух, сделавшись прозрачной стеклом, сладко пах дымом далеких костров.

«Другое дело! — думала Кассандра, глядя со спины Яра вниз, туда, где в самом сердце пустоши темнела древняя цитадель. Серые горы, синее небо, черные камни мостовых, все в ярких кляксах опавшей листвы — никогда еще Даккарай не казался ей столь прекрасным. — Вот это я понимаю — осень! Никакой грязи да ураганов! И вилора еще нескоро отцветет». Наездница улыбнулась. Новый учебный год не шел ни в какое сравнение с предыдущим не только из-за погоды. В душе Кассандры наконец-то установилось то самое равновесие, о котором когда-то говорил ей мастер Тайрин. Былые страхи, неуверенность в собственных силах, гнетущие воспоминания и неотступное чувство вины — всё ушло, растворилось в последних летних сумерках, оставив вместо себя лишь спокойствие и радость новому дню. Больше ничто не заслоняло ей неба. Конечно, Кассандра всё равно скучала по дому, и по Нейлу тоже скучала, едва ли не больше, чем раньше, но то была уже не тоска заблудившегося в ненастье звереныша, что грезит о теплой и безопасной норе — теперь это было скорей предвкушение радости скорой встречи. Мир Кассандры снова обрел четкие границы, все бреши были залатаны, а тыл незыблемо надежен, как в детстве. И она была счастлива. Даже в Даккарае, со всеми его побудками в половине седьмого утра, дежурствами и нарядами вне очереди... У нее были крылья. А впереди ждало будущее — пускай неясное еще, но полное новых надежд и открытий.

В военной школе Даккарае начался новый учебный год, и дни полетели один за другим. Первые недели сентября, после летней домашней вольницы, всем кадетам приходилось солоно, и Кассандра не стала исключением, однако потихоньку жизнь вернулась в прежнюю колею. Лекции, зубрежка, плац, прокливаемая всеми жареная селёдка — и небо, и ветер, и снова поводья в руках. Последнее оправдывало всё! «Еще бы почаще нас выпускали из клетки», — с сожалением подумала Кассандра, поднимая взгляд от школы вверх, к мелким кучерявым облакам. Они не заслоняли солнца. И в их легкой скользкой тени трепетали крылья — драконы наездников первого курса кружили над пустошью, медленно выстраиваясь клином. Как быстро пролетел час! Вздохнув про себя, кадет Д'Элтар натянула повод и ткнула коленом в лопатку Яра. Разведчик недовольно прижал гребень. Назад в строй ему не хотелось. Кассандра была с ним полностью солидарна, но их общее мнение капитана Рид интересовало в последнюю очередь, так что...

— Давай, давай, поворачивай, — буркнула наездница, вертя головой. Сегодня они были во втором крыле, возглавляемом Кайей, и Кассандра не хотела подставлять подругу.

— Йар-р-р! — скрипуче высказался дракон. Получил новый тычок коленом, укоризненно скосил глаза на Кассандру и все-таки начал набирать высоту.

Они успели вернуться в клин до того, как он разошелся надвое. Яр, привычно заняв свое место подле самочки-разведчика по имени Сау, словно невзначай задел ее крылом и,

рисуюсь, горделиво встопорщил гребень — гляди, мол, экий я молодец! Та флегматично повела длинной шеей. Сидящая у нее на спине кадет эль Тэйтана захихикала:

— Бедняга! Ну, не отчаивайся, может, когда-нибудь все-таки повезет!.. А, Сау? Как думаешь?

Самочка томно оглянулась на широкогрудого штурмовика позади, и Кассандра, фыркнув, утешительно похлопала своего дракона по лопатке:

— Не бери в голову, Яр! Эти женщины сами не знают, чего хотят.

— Кто бы говорил, — отпустила шпильку Орнелла. И заметив, как знакомо нахохлилась ее пара, невинно хлопала ресницами: — Что? Я что-то не так сказала?

Кассандра скорчила в ответ сердитую гримасу. Герцогиня эль Тэйтана и раньше-то не давала себе большого труда держать язык за зубами, но в последнее время, по мнению подруги, вконец распоясалась. Ненавистный ей кадет Д'Освальдо получил отставку еще весной, и Кассандра, которой из-за него проели целую плешь, вздохнула с облегчением — увы, ненадолго. Клифф, в отличие от Энрике, никуда не делся. А посвящение в самую большую тайну подруги и вовсе развязало Орнелле руки — вместе с языком. «И зачем я только ей про Нейла рассказала? — в очередной раз с досадой подумала Кассандра. — Нет, она, конечно, помогла, и без нее мне бы до Белой усадьбы нипочем не добраться, но...»

— Уймись ты уже наконец, — прошипела она раздраженно. — Хватит мне воздыхателей приписывать на пустом месте! Клифф мой друг! И Нейл тоже!

— Не слишком ли много у вас друзей, ваша милость?..

— А у вас, ваша светлость? — не стерпела Кассандра, очень кстати вспомнив Зигмунда де Шелюу. — Или это мне каждую неделю целый том поэтических вздохов на двадцати листах присылают? И что-то не заметно, чтоб вы были против!

Орнелла, поперхнувшись улыбкой, недовольно сверкнула на подругу глазами.

— Ладно, — после сердитой паузы буркнула она. — Уела...

Подумав, герцогиня хотела добавить что-то еще, но тут над головами выстроившихся в ровный клин первокурсников раздался повелительный голос капитана Рид, и дальнейшие препирательства пришлось отложить на потом. Чему на самом деле втайне порадовались обе. У Кассандры ехидные намеки подруги уже сидели в печенках, а что касалось Орнеллы... Нет, сердце ее, разумеется, целиком и полностью принадлежало Ричарду де Кайсару, но Зигмунд — это было другое. Что именно, она и сама затруднялась сказать. Дружба, как у Кэсс с этим ее «братом»? Да нет, вряд ли. Лыстящее самолюбию безусловное обожание без каких-либо попыток завладеть предметом страсти? Уже теплее, но всё равно не то. Поди разберись! Единственное, что Орнелла знала наверняка — с Зигмундом ей было интересно. И письма он писал красивые, умные, без всяких слюнявых пошлостей, как некоторые незадачливые поклонники из родного Предгорья. Орнелле нравилось читать эти письма. И Зигмунд тоже нравился. Совсем не так, как Ричард, но всё же. «Много тут некоторые понимают!.. — уязвленно подумала она, косясь на подругу. — «Поэтические вздохи»! Даже если и так, что с того? Уж всяко лучше бесконечных семейных баек от Вэдсуорта!» Она независимо вздернула подбородок. А после, вновь вспомнив Клифффорда, насмешливо фыркнула. Может, сын герцога эль Хаарта и был Кассандре другом на самом деле, но уж кадет Вэдсуорт по ней определенно сох — на это у Орнеллы глаз был наметанный. Друг он ей, как же! «Одна радость, — подумала герцогиня, — Вэдсуорт хоть иных спектаклей не разыгрывает, в отличие от этого деревенского хама с пустым карманом и далеко идущими планами... Умница Кэсс, что дала ему от ворот поворот!» Губы кадета

эль Тэйтаны дрогнули в мстительной полуулыбке. Она на дух не выносила кадета Д'Освальдо — и он, надо отдать ему должное, платил ей той же монетой.

Нынче была суббота, и занятия по летному делу у первого и третьего курсов проходили в соседних загонах. В два часа пополудни обе тренировки завершились, и кадеты потянулись к ангарам по смежным коридорам — первокурсники ведя зверей в поводу, старшие, как заведено, в седлах. Клиффорд Вэдсуорт, на повороте поравнявшись с Кассандрой, весело помахал ей рукой. Та улыбнулась в ответ.

— Привет, Клифф! — сказала она.

— Привет. Как полетали?

— А! Как всегда...

— ...мало? — проницательно закончил за нее он, и девушка в ответ сморщила нос.

— Легко тебе говорить, — заметила она. — Вы-то из седел не вылезаете!

— Да уж, — сокрушенно вздохнул он, — скоро ходить разучимся.

Они рассмеялись и разошлись в стороны, каждый по своему коридору. Энрике Д'Освальдо, чей штурмовик в паре с драконом Реджинальда Стрэттона шел замыкающим через три хвоста от Вэдсуорта, хмурым взглядом проводил сначала одну, потому другую спину.

— Что, старина, все-таки сорвалось?.. — услышал он и, поторопившись натянуть на лицо маску безразличия, оглянулся через плечо.

— Что сорвалось?

— Да брось, — понимающе усмехнулся Стрэттон. — Я не Клифф. И, кстати говоря, ставил на тебя, хоть это и не по-родственному.

Энрике не удержался от смешка. Семейство Вэдсуортов, подобно неукротимой вилоре, прорастало везде — мало какой из родов Геона мог похвастаться отсутствием родственных с ними связей. Правда, Стрэттоны были им из ближайшей родни, и Клиффорд с Реджинальдом приходились друг другу троюродными кузенами.

— Простите, что не оправдал надежд, дорогой граф, — насмешливо проронил Энрике. Стрэттон пожал плечами.

— Какие ваши годы, дорогой барон, — философски отозвался он. И добавил сочувственно, пусть и в своей обычной суховатой манере: — Наплюй. Не в одной соли счастье. А Клиффу скорее всего тоже вряд ли обломится — наши отцы спят и видят, как бы отдать за него Вирджинию.

Кадет Д'Освальдо расхохотался:

— Вот отчего такие ставки! А я-то уж было поверил в святые узы дружбы!

Вирджиния Стрэттон приходилась его товарищу родной сестрой.

— Одно другому не мешает, — практично заметил Реджинальд, глядя на что-то в соседнем коридоре. — Ну да там поглядим. Старина Клифф, сколько помню, к отцовским планам всегда относился без энтузиазма... А ты не кисни. Другие найдутся, не в Даккарае, так еще где.

Энрике неопределенно шевельнул плечом. Другие, конечно, имелись, даже искать не надо было — хоть та же дочь графа Вэйделла, хранителя третьей южной заставы. Возьми он ее в оборот, и недели ждать не пришлось бы, вот только приданое за дочь графа давал совсем скромное, и даже хорошенькое личико потенциальной невесты этого недостатка не компенсировало. К тому же, девица Вэйделл была откровенно глупа. А ее жеманство, глупые

вопросы невпопад по поводу и без и пронзительно-визгливый смех, точь-в-точь как у матери, вызывали у Энрике одно раздражение. Само собой, от жены требуется рожать детей и вести хозяйство, если подумать, мозги для этого необязательны — но не до такой же степени?.. Будь Вэйделлы хоть вполовину так же богаты, как Д'Элтары, Энрике, возможно, и наступил бы себе на горло, но увы. Поэтому кокетство графской дочери он предпочел галантно не замечать...

— Кстати говоря, — голос друга вернул его из прошлого в настоящее, — с Д'Элтарамы ты всё же удивил меня, старина! Нет, куш солидный, не спору — но ведь есть и потяжелее. Причем под самым боком.

Энрике недоуменно наморщил лоб.

— Ты это о чем, Морковка?..

Кадет Стрэттон кивнул в сторону правого коридора, в котором один за другим исчезали первокурсники.

— Да всё о том же. Только вместо соли там всё Верхнее Предгорье — плюс герцогский титул. Это помимо остального, на которое половина Геона облизывается.

Энрике выпрямился в седле. Проследил за коротким жестом товарища и, наткнувшись взглядом на длинную золотую косу, весь передернулся. Эта самодовольная кошка?

— Да я лучше с голоду сдохну! — не сдержавшись, выплюнул он сквозь сжатые зубы. Реджинальд Стрэттон, чуть приподняв огненно-рыжие брови, понимающе хмыкнул.

— Послушной супругой она вряд ли станет, — протянул он, — но, в конце концов, не кротостью единой... Де Кайсар, конечно, идиот, но тебе оно было бы только на руку. Зря шипишь, Энрике, игра стоит свеч. Каменоломни, рудные шахты, пара золотых приисков — и, заметь, никаких папаш с мамашами, чахнувших над приданым!

— Так что же сам не женишься? — усмехнулся Энрике. Он уже кое-как совладал с собой. Будущий граф Стрэттон развел руками:

— Обязательства, друг мой, обязательства. Увы!

— Угу, — саркастически кивнул Энрике. — Рассказывай... Кстати, при чем тут де Кайсар? Вроде нормальный парень.

— Этот рыцарь в сияющих доспехах? — снисходительно проронил Стрэттон. — Я тебя умоляю, идиот он и есть! Так ты не знаешь?..

— О чем?

В ангар кадет Д'Освальдо как всегда вошел замыкающим. Лицо у него было задумчивым, но в темных глазах поблескивало тщательно скрываемое торжество. Де Кайсар! Так вот, значит, что позабыла в Даккарае эта финтифлюшка? Следовало бы догадаться — какой из нее наездник, смех один! «Ну, попадись ты мне теперь на узкой дорожке, — мечтательно думал Энрике, ведя своего дракона к стойлу и поминая Ричарда де Кайсара самыми добрыми словами из всех, что знал. — Только попадись — и попробуй сказать хоть слово! Уж я найду, чем ответить...»

Сигнал к отбою прозвучал как всегда в десять, но в комнате под лестницей на первом этаже женской казармы лампа горела еще долго — почти что до самой полуночи. Сельвия под чутким руководством Кассандры чахла над учебными картами, Кайя зубрила историю, Орнелла, отгородившись от соседок раскрытым учебником, вдохновенно сочиняла ответное письмо Зигмунду де Шелоу. Так что по кроватям подруги разошлись поздно — и почти тут же уснули. Все, кроме Кассандры.

Де Шелоу писал Орнелле не реже раза в неделю, и обычно конверт со штемпелем и гербом Бар-Шаббы ждал ее на столе каждую субботу после полудня. Нынешняя не стала исключением. Еще вернувшись с занятия по летному делу, Кассандра увидела возле лампы знакомый треугольник из плотной коричневой бумаги и вся взбудоражилась — писем этих ждала не только та, кому они предназначались. До самого Зигмунда кадету Д'Элтар дела не было, да и писал он, по ее мнению, какую-то чушь, то насквозь заумную, то, еще хуже, сплошь в романтических вензелях — что только Орнелла во всем этом находит?.. — но иногда он упоминал о школе. И о своих друзьях. Пусть мало, пусть без особых подробностей, но всё же именно от него Кассандра узнала, что адепт эль Хаарт, оказывается, учится теперь на боевом факультете. Сам Нейл ни слова ей об этом не сказал. Почему? Забыл, не счел нужным вспомнить, или у него на это просто не хватило времени? Да, конечно, их единственная встреча была совсем короткой, и больше он не пришел, но... «Неправильно всё это, — думала Кассандра, лежа без сна и глядя в потолок. — Несправедливо! Почему Орнелле можно дружить с магом, а мне нет? В чем разница? Кому какое дело?» Обиженно хмурясь, девушка перевернулась с левого бока на правый. Пальцы сомкнулись вокруг медальона. В сегодняшнем письме де Шелоу упомянул о том, что его товарищ третьего дня принял присягу, и они «славно отметили» это большое событие. Что было несправедливо вдвойне: Кассандра, а не Орнелла должна была узнать об этом первой; она, а не какие-то там маги, должна была быть рядом с Нейлом в такой важный день! Она тоже боец! И его лучший друг!.. «Который даже написать ему не может без того, чтоб он опять не получил по шапке, — мрачно пронеслось в голове наездницы. — Правильно Нейл меня дурой тогда назвал. Не влезь я к ним в окно позапрошлым летом...» Она еще сильнее стиснула в ладони медальон, так и не закончив мысль. Ну не влезла бы, и что? Написать-то всё равно не смогла бы. Отец Нейла чуть не с собаками стережет! «Вот кто из нас двоих девица, право слово? — недовольно подумала она. — Даже папа и тот уже обо всем забыл, а герцог... Что ему, больше всех надо? И ладно бы Нейл был в меня влюблен, как де Шелоу в Орнеллу, так нет же!» Она тихо и гневно засопела в подушку. Родители Зигмунда, в отличие от его светлости, сыновнему увлечению никак не препятствовали и у себя герцогиню эль Тэйтана принимали всё лето с распростертыми объятиями. Они сами, конечно, не маги, но сын-то их маг! И, между прочим, влюбленный по уши — Нейл так сказал, значит, правда. «Так почему им можно, а нам — нет?!»

Кадет Д'Элтар перевернулась на спину. Ее душила обида. И немного — зависть. Она покосилась в сторону соседней койки и неслышно фыркнула. Спит! Конечно, ей-то что! Ей никто не указ! Хоть один маг, хоть десять!.. «А я теперь жди целый год, — подумала Кассандра. — И еще неизвестно, чего». Она протяжно вздохнула и отбросила в сторону одеяло. В комнате было жарко — стараниями всё той же герцогини. Орнелла не выносила холода, и если вне казармы еще держалась, то в собственной спальне «дрожать почем зря» отказывалась наотрез, благо, на отоплении в Даккарае, в отличие от многого другого, не сэкономили... Кассандра поднялась с кровати и, бесшумно скользнув к окну, потянула в сторону задвижку. Хоть на пять минут проветрить, дышать же нечем! И как только Кайя с Сельвией могут спать в такой духоте?..

Створка, тихо скрипнув, подалась вперед. Кадет Д'Элтар прикрыла глаза. Горящих щек коснулась ночная прохлада, волосы взъерошил легкий порыв ветра, в комнату проникло дыхание осени — мягкое, влажное, наполненное запахами сырой земли, опавших листьев и дыма... Дыма? Кассандра открыла глаза и принялась. Нет, это не костры, да и кто станет

их жечь посреди ночи? Может, показалось? Девушка вновь втянула носом холодный воздух, и брови ее нахмурились. Вокруг было темно и тихо, однако в воздухе отчетливо тянуло гарью!

— Орнелла, — шепнула она, не поворачивая головы и напряженно вглядываясь в ночь. — Проснись! Кажется, что-то горит...

— Ммм?.. — донеслось справа. Разбудить герцогиню эль Тэйтана было не так-то просто. Кассандра рывком распахнула окно. Нет, не показалось: удушливый запах гари стал сильнее. Да что такое?

— Орнелла! — уже громче позвала она. И вздрогнула — над спящим кадетским городком оглушительно взревел горн. Протяжный прерывистый рев сложился в знакомый сигнал: три длинных гудка, один короткий, пауза, два длинных, один короткий... Учебная тревога? Или всё-таки пожар? Хотя, в сущности, какая разница!

— Орнелла! — уже в полный голос воскликнула она, метнувшись к столу. Зашипел, разгораясь, фитиль масляной лампы. — Девочки! Вставайте!

Над головой послышался шум. Казарма проснулась, захлопали двери. Кассандра, торопливо влезая в штаны и набрасывая мундир уже поверх рубахи, бросила тревожный взгляд в окно: окна мужских казарм, минуту назад такие темные, вспыхивали одно за другим. А ночь стремительно наполнялась топотом ног и отрывистыми командами.

— Тревога?.. — хрипло донеслось от койки Кайи. Кассандра кивнула:

— Похоже. Орнелла! Вставай!

Кадет эль Тэйтана, отчаянно зевая, села в постели. Слипающимися глазами посмотрела на уже одетую подругу, на двух других, торопливо натягивающих мундиры, перевела взгляд на темное окно и тоскливо выругалась.

— Опять? Да сколько можно? Позавчера ведь только поднимали... Фу, откуда так дымом несет?

— Вставай, — бросила Кайя, застегивая последнюю пуговицу. Потом шагнула к подоконнику и с лязгом хлопнула раму. Орнелла, кривясь, сбросила с ног одеяло.

Горн взревел снова. Он ревел и ревел, не переставая, и это уже было совсем не похоже на сигнал учебной тревоги. Девушки переглянулись, но сказать никто из них ничего не успел — в передней громко хлопнула дверь, и голос капитана Рид, ничуть не приглушенный стенами, коротко, резко скомандовал:

— Пожарная тревога! Всему составу, кроме караульных, собратся вниз! Шевелитесь! Минута пошла!..

Горели продовольственные амбары. Пока еще не все, но сухая осень и поднявшийся к ночи ветер сослужили Даккараю плохую службу — огонь распространялся быстро, перекидываясь с одной крыши на другую. Амбары стояли близко. И к тому моменту, как дозорные подняли всех по тревоге, заняться успела едва ли не треть из них. Бочек с водой и песком, имевшихся на заднем дворе хозяйственного корпуса как раз на этот случай, уже не хватало — слишком жарко разгорелось пламя, так что к колодцам протянулись живые цепи кадетов, передающих друг другу наполненные ведра. Школьная обслуга, приставив к еще не тронутым огнем пристройкам длинные лестницы, теснилась на крышах, сбивая искры. Командиры, закатав рукава мундиров и прикрыв нижнюю часть лица мокрыми шарфами, вместе со старшекурсниками заливали пламя. Оно шипело, выплевывая в ответ густые клубы черного дыма, что ел глаза и мешал видеть, и не столько затухало, сколь отступало: по

задним стенкам пристроек, от крайних амбаров к центральным.

— Быстрее! Шевелитесь!

— Ведра на крыши!

— Нужно больше воды!.. Капитан! Майер наглотался дыма...

— В сторону! Где дежурные из лазарета? Шарфы плотнее и не лезьте в огонь!

— К зерну и маслу ползет... Слишком быстро, не успеем! С обеих сторон зажимает!

Капитан!..

— Обслуга — вниз, снимайте засовы! Амбары открыть! Первый курс, оставить цепь! На первый-второй рассчитайсь! Вы — на мешки, вы — на бочки! Третий курс! Обеспечить коридор!

— Еще воды на правый край!..

Клиффорд Вэдсуорт, подхватив очередное ведро, выплеснул его в огонь и отшатнулся назад, смаргивая выступившие слезы. Такого едкого дыма ему еще видеть не приходилось. Да что же там такое горит?! Он поправил сползающий с носа край шарфа и обхватил пальцами дужку нового ведра. Не чувствуя рук, поднял его — и услышал рядом чей-то надрывной кашель. Рон?

Опорожнив ведро, Клиффорд сунул его куда-то за спину, где его тут же подхватили чьи-то руки, и завертел головой.

— Рон! — позвал он. Ему ответил новый взрыв хрипящего кашля. — Капитан Хилл! Де Ласси...

— Вывести за периметр! — из колышущейся черноты вокруг, расцвеченной оранжевыми сполохами, долетел голос куратора. — Сдать в лазарет и назад! Бегом!

— Так точно! — выдохнул Клифф, обхватывая за плечи согнувшегося в приступе кашля друга. — Рон, идиотина! Где твой шарф?

— Да ну его... к демонам... — прохрипел Рональд, держась за горло. — Еще... хуже... только...

Его снова согнуло напополам. Клифф, выругавшись сквозь зубы, поволок угоревшего вон со двора. Кругом было черно и тесно от людей. Лязгали ведра, причитали женщины из числа школьной обслуги, топотали кадеты, снующие взад и вперед — кто торопливой рысью, налегке, с пустым ведром, кто согнувшись под тяжестью набитого зерном мешка.

— С дороги! — услышал Клиффорд и едва успел дать крен влево, чтобы не попасть под катящуюся бочку с маслом. Очевидно, амбары уже не спасти, промелькнуло в голове. «Да и боги с ними, — подумал он, оглянувшись назад. Пламя со всех сторон подбиралось к центральным хранилищам. — А вот если масло полыхнет, нам мало не покажется...» Он еще сильнее стиснул ходящие ходуном плечи кадета де Ласси и ускорил шаг. Протолкавшись сквозь толпу, выволок товарища в проулок, оттащил подальше на мостовую — к другим таким же бедолагам, вокруг которых уже суетились дежурные из лазарета, и повернул назад. У самых ворот наткнулся на очередную бочку, что катили две первокурсницы, все черные от сажи — одной из них оказалась Кассандра. Помочь бы им с бочкой, да капитан велел «бегом»...

— Клифф! — услышал он за спиной, влетая в широко распахнутые ворота, но когда обернулся, черный дым уже вновь заволок всё вокруг. Кто-то сунул ему в руки тяжелое ведро. Заплескалась вода, зашипело обугленное дерево.

— Еще на левый край!..

— Пять бочек осталось! Скорее!

— Бросайте, не успеем...

— Рид, Хилл, отводите своих! Амбары рушатся! Всем отступить за периметр!..

— Вэдсуорт! Назад!

Сиплый голос куратора утонул в оглушительном треске ломающихся перекрытий. К черному небу взметнулся высокий сноп искр, и Клиффорду в лицо дохнуло жаром, таким нестерпимо горячим и едким, что из глаз потекли слезы. Мокрый тяжелый шарф пополз вниз. И почти в то же мгновение предплечье Вэдсуорта стиснули чьи-то пальцы.

— Оглохли вы, что ли? — глухо рыкнул над ухом голос капитана Хилла. — На выход, кадет!

Куратор оттолкнул ученика от себя, к воротам, и исчез в дыму. А Клифф, почти ничего не видя из-за едких слез, сделал несколько шатких шагов вперед, по инерции, споткнулся обо что-то и полетел на землю. «Что-то» жалобно пискнуло и зашлось в булькающем кашле. Демоны!.. Зубами вцепившись в шарф, что держался на честном слове, кадет Вэдсуорт зашарил руками вокруг себя. Нащупал содрогающееся в конвульсиях тело, определил, где у него ноги, а где голова и уперся коленями в землю.

— Не вдыхай глубоко, — коротко велел он, подхватывая тело под мышки. И поволок его за собой, надеясь, что направление выбрал верно — перед глазами всё плыло.

— Клифф!

Голос Кассандры пробился сквозь окружающий шум. Тело, висящее в руках Вэдсуорта, стало легче. Кэсс? Что она здесь делает? Ведь первокурсников первыми должны были отвести на исходные!

— Клифф, ты в порядке? Давай, я помогу...

Она была совсем рядом. И, судя по тому, как хорошо ее было слышно, — без шарфа на лице. Клифффорд потряс головой и несколько раз с силой моргнул, смахивая ручьем текущие слезы. Виднее не стало, а вот голова закружилась.

— Клифф?..

— Держи его, — невнятно буркнули слева. — И выводи отсюда, этого я сама как-нибудь... Да шевелись ты, бочки сейчас взлетят!.. Капитан Рид! Кто-нибудь! Помогите!

Кассандра, оставив хрипящего кадета на попечение Орнеллы, метнулась под бок товарищу. Подставила ему плечо, обхватила рукой за пояс и потащила к воротам, то и дело оглядываясь назад. Клифф был тяжелый, его болтало из стороны в сторону, как пьяного, но он хотя бы шел сам, а тот, второй... О, слава богам! Капитан Рид!

Отчаянные призывы Орнеллы всё же услышали. Мимо Кассандры в черный туман скользнули несколько человек в мундирах — один в синем, двое в коричневых, а ее саму вместе с Клифффордом подхватили с обеих сторон и буквально вынесли на мостовую. Несколько мгновений спустя к ним присоединилась кадет эль Тэйтана. Того, об кого в дыму споткнулся Вэдсуорт, унесли в сторону лазарета. «Надеюсь, живого», — подумала Кассандра, всё еще цепляясь за Клиффа. Глаза у нее тоже слезились, а в горле першило.

Орнелла, тяжело переводя дыхание, огляделась: проулок за поворотом, ведущим к складским помещениям, был весь забит народом. Кадеты толклись на мостовой, надсадно кашляя и высматривая своих, многие сидели прямо на камне, откинувшись спинами на стены домов, между учениками сновали кураторы, считая подопечных по головам. Синие и голубые офицерские мундиры почернели от сажи. Еще несколько человек выволокли из настезь распахнутых ворот, за которыми клубился дым. В сторону лазарета на руках пронесли безвольно обвисшее тело, и Орнелла отвела взгляд.

— Ты как, Кэсс? — спросила она, поворачиваясь к подруге.

— Ничего... Помоги мне с Клиффом, он на ногах не стоит.

Вдвоем они усадили молодого человека на землю и прислонили к стене. Кассандра стянула с его лица спекшийся от жара шарф.

— Клифф, — позвала она. — Клифф, ты меня слышишь?

— Слышу, — просипел он, шаря вокруг слепым взглядом. Глаза его были мутные, красные, и из них непрерывно текли слезы. — Только не вижу... Ничего не вижу... С тобой всё хорошо?

— Да, — она сжала ладонями его руку. — И с тобой тоже будет. Я сейчас позову кого-нибудь, тебе надо в лазарет. Орнелла, посиди тут, ладно?

Та кивнула. И проводив взглядом спину подруги, опустилась рядом с Вэдсуортом. Выглядел он плохо, одна радость — хоть не хрипел, как тот, второй... Орнелла, устало закрыв глаза, откинулась затылком на стену.

И вздрогнув всем телом, больно ударилась локтем о камень, когда со стороны складских помещений раздался оглушительный хлопок — это взорвались оставшиеся в амбаре бочки с маслом. Гулкое эхо пронеслось по притихшим улицам. А следом, откуда-то со стороны драконьих ангаров, донесся пронзительный взрѳв боевого рога — одинокий, короткий, вдруг захлебнувшийся собственной трелью. Переполненный людьми проулок на мгновение замер.

— Тревога?.. — прошептала Орнелла. Плечо Вэдсуорта, упиравшееся в ее собственное, словно окаменело.

— Нет, — отрывисто уронил он. — Рожок... Кого-то из караульных, возле ангаров...

Мертвая тишина вокруг всколыхнулась топотом ног, отрывистыми выкриками и лязгом стали. Сидящие на земле кадеты, из тех, кто уже успел прийти в себя, повскакивали на ноги. Орнелла, испуганно озираясь по сторонам, вцепилась в локоть Клифффорда. Что происходит? С чего все вдруг так всполошились?

— Опять где-то горит? — вырвалось у нее. — Боги! Да сколько же можно?!

— Нет, — повторил кадет Вэдсуорт, и что-то в его голосе заставило герцогиню еще сильнее сжать пальцы. — Никогда не видел такого дыма... И пристройки загорелись с краев, одновременно... Это не пожар. Это поджог! Чтобы весь Даккарай сбежался сюда, пока...

Кадет эль Тэйтана похолодела. Поджог? Да разве такое возможно — здесь, в лучшей военной школе Геона? Кому, во имя богов, такое могло прийти в голову и, главное, зачем?!

Словно в ответ на этот вопрос ночь откликнулась исступленным ревом сотни драконьих глоток. Орнелла побледнела. «Чтобы весь Даккарай сбежался сюда, пока...» Пока что?

— Драконы, — прошелестела она, широко раскрывая глаза. — Наши драконы! Боги-хранители, Клифф!

Горы, неприступной стеной окружавшие Даккарайскую пустошь, казались совсем черными. Такими же, как небо — ночь нынче была безлунная. «Быть дождю, — подумал Энрике, задрав голову кверху. — Эвон как заволочло. И почему именно сегодня?» Он, поморщившись, перебросил копьё из левой руки в правую и поднял воротник плаща. Осень! Как она ни хороша в этом году, но конец октября есть конец октября, да еще ночью в горах... Кадет Д'Освальдо окинул взглядом тонуший во мраке хребет Орлана. К рассвету похолодает сильнее. А смена, что придет через час, часовых не обрадует — вместо теплых спальных мешков в походном шатре их ждет новый пост. И что мастеру Тайрину вдруг пришла за фантазия поставить весь лагерь в клинки?..

Энрике зевнул и переступил с ноги на ногу. Он любил ночные вылеты, даже зимние, когда дрожать на посту приходилось куда как сильнее: его манил простор горных высей, не скованных крепостными стенами, и пьянило чувство собственной причастности к боевому братству — пусть это был не реальный поход, а всего лишь его учебная имитация, но всё же! Здесь было иначе, чем в школе, и он уже был не кадет, но воин, пусть пока не имевший за плечами ни одного сражения. Никаких лекториев, никакой зубрежки, только бескрайнее небо над головой, древко копья в руке и драконья спина под седлом — это была настоящая жизнь. Иной Энрике для себя не мыслил. Конечно, учебный вылет с ночевкой лагерем не совсем то, о чем, бывало, долгими зимними вечерами им с братьями рассказывал отец, однако Энрике нравилось представлять себе, что всё это по-настоящему. Что от него зависит чья-то жизнь. Что где-то там, во тьме, выжидая, затаился враг...

Поднявшийся ветер сухо зашуршал стеблями вилоры, принеся на своих крыльях запах костра. Кадет Д'Освальдо чихнул в рукав — то ли пыльца, то ли пепел забились в нос — и обернулся в сторону лагеря. Там горели бивачные костры, но вокруг них почти никого не было, основной состав импровизированного ударного корпуса был рассредоточен по гребню. На соседнем, в полумиле от их лагеря, мерцали такие же костры — интересно, «противнику» тоже не судьба сегодня хоть на час прикорнуть?.. Вспомнив разочарованное лицо Рональда де Ласси, не попавшего в число счастливых на нынешний вылет, Энрике хмыкнул. Хоть на одну короткую ночь вырваться из Даккарая мечтал каждый его кадет, однако весь курс никогда не уводили, делили надвое, и те, кто оставался, завидовали уходящим черной завистью. Но сегодня, пожалуй, де Ласси и Вэдсуорту, наоборот, свезло, подумал кадет Д'Освальдо. И снова зевнул. Где там уже смена? Может, с подветренной стороны гребня будет чуть теплее?

— Интересно, — вполголоса пробормотал Энрике, — хоть пару галет да плоток-другой кофе нам перепадет? Одно дело — спать. Но до утра в ночь таращиться на пустое брюхо?..

— Ничего, — отозвался из темноты голос второго дозорного. — Небось не впервой. Хотя от кофе я бы сейчас не отказался! Зуб на зуб не попадает.

— Так а я о чем...

Кадет Д'Освальдо, кутаясь в плащ, передернул плечами. И застыл, наострив уши: позади послышались шаги и негромкие голоса. Сменные часовые, ну наконец-то! Энрике обернулся и вновь нетерпеливо переступил с одной ноги на другую. Он был голоден, уже не чувствовал ног, и ему до смерти хотелось кофе.

Впрочем, не только ему одному. Недовольства, вызванного внезапным распоряжением

главы совета мастеров, что всегда сопровождал кадетов и временных их командиров из числа младшего офицерского состава на учебные вылеты, в голос никто не высказывал, однако внезапная смена плана ни у кого не вызвала энтузиазма. Сезар Тайрин это знал. Но чутье — то самое, что спасло его жизнь и жизни многих других наездников на прошлой войне, не позволило ему поступить иначе. «Что-то грядет», — думал он, стоя на самом краю узкого каменного выступа, что венчал собой гребень хребта Орлана. Там, далеко внизу, призрачно вспыхивали крошечные искры огней на дозорных вышках школы. Тихо было вокруг. Спала Золотая Чаша, ветер волнами гулял по ковру вилоры, сухо шелестел по стылому камню скал, монотонно гудел в расщелинах камней — всё было мирно, всё было как всегда. Лишь где-то в глубине души шевелилось знакомое беспокойство. Сезар не знал, откуда оно берется, но одно помнил твердо: чутье не обманешь.

— Ваше превосходительство, — голос одного из младших офицеров спугнул тревогу. Сезар обернулся. — Караулы сменили. Второй лагерь ждет указаний. Прикажете инициировать атаку?

— Нет, — помедлив, отозвался глава совета мастеров, вновь обращая взор к спящей пустоши. — Держите готовность в обе стороны. Дозорных сменять каждые два часа, проверка караулов раз в час и... Погасите костры.

— Но, ваше превосходительство!..

— Выполнять, — коротко приказал Сезар, щурясь от ветра. Офицер, не сочтя себя вправе спорить, склонил голову и отошел.

Стены ангаров трещали, роняя на землю багровые искры. Языки пламени ползли вверх по каменной кладке, ревели в стойлах обезумевшие от жара и смрада драконы. Звери бились о стены, грызли стальные прутья решеток, силясь вырваться на свободу, но раз за разом терпели поражение. Так же, как люди по ту сторону. Кадеты и офицеры, в перепачканных сажей одинаково черных мундирах, плясали вокруг ангаров, заливая стены водой из ведер и пытаясь добраться до заложённых тяжелыми засовами ворот — но всё было тщетно. Пламя не затухало, лишь только больше чадило, а те, кому удалось прорваться к воротам, не успели их даже коснуться — вздрогнув вдруг всем телом, словно ужаленные, они один за другим осели на землю. Бросившиеся им на помощь следом поймали по арбалетному болту, и только чудом и тех, и других удалось выволочь с притоптанных пяточков у ангаров, укрыв в тени. «Не соваться!» — прозвучала команда, и на нее эхом откликнулись точно такие же, летя от одного ангара к другому. Капитаны дали приказ отступить. К воротам было не подобраться, их косили на подходе, и упорствовать не было смысла, только зря положишь людей. Невидимые в ночи и в густом душном мареве стрелки вершили свое черное дело. А огонь поднимался всё выше и выше, изрыгая клубы едкого дыма, — от воды было только хуже, она прибывала пламя, почти не гася, а дым, удушливый, ядовитый, нестерпимо жег глаза и выворачивал легкие наизнанку в приступе кашля. Он бил по цели куда сильнее арбалетных болтов, и скрыться от него было некуда. Защитников Даккарая, измотанных, полуслепых и хрипящих, становилось всё меньше с каждой минутой. И с каждой минутой шансы на то, что драконов удастся спасти, таяли всё быстрее. Ангары были сложены из камня, а крыши их крыты железом, но балки и перекрытия были деревянными, не говоря уж о том, что черный дым проникал в любую щель...

Капитан Рид, во главе длинной цепи первокурсников, лица которых, как у нее самой, были обмотаны шарфами, почувствовала за спиной движение воздуха и быстро обернулась.

Возникшая из черноты позади невысокая жилистая фигура вскинула руку в обожженной перчатке — знакомым резким движением. Тускло блеснуло под слоем сажи серебряное крыло на рукаве. Капитан Хилл, куратор третьего курса, сделал шаг вперед, и его плечо на миг коснулось плеча капитана Рид.

— Продолжайте сбивать, — услышала она. — Пламя не должно добраться до крыш. Драконы выдержат еще с четверть часа. Только не подпускайте кадетов близко к ангарам! Целят по ним.

— А вы?..

— На перехват. Эти твари сидят по периметру и, похоже, их не больше полусотни. Не снимем, так отвлечем, оружейные уже открыли... Береги детей, Миллисент. И себя тоже. Второй курс вас прикроет.

— Но...

Ее короткий протестующий возглас ушел в пустоту. Капитан Рид сжала зубы. Вокруг под отчаянный вой драконов полыхали ангары, позади грохотали бесполезными ведрами с водой первокурсники — еще совсем зеленые, насмерть перепуганные, давящиеся кашлем, а где-то там, впереди, за черной завесой, притаилась смерть. Диверсия!.. Как только эти выродки пробрались сюда, минуя стены?! «И хватит ли нас даже на эти полсотни? — подумалось ей. — Они посеяли панику, вывели из строя едва ли не половину всего состава — да еще этот проклятый дым!» Взгляд Миллисент Рид скользнул по затянутому багрово-черной дымкой пятаку, и слезящиеся глаза медленно сощурились. Там, в дыму, скользили чьи-то неясные тени. Одна, две, пять... «Без драконов нам не выстоять, — поняла она, — а запасные входы в ангары слишком узки даже для разведчиков. Разве что выпустить зверей из стойл?» Она выругалась про себя: если их выпустить, они передавят друг друга в проходах до того, как вышибут ворота изнутри. Отбить бы хоть первый ангар! Четверть часа, всего лишь пятнадцать минут — третий курс может не успеть.

Миллисент, смаргивая слезы, вскинула голову к небу. Хребет Орлана в двадцати минутах лёта. Пятьдесят наездников-выпускников и Сезар... Он один стоит сотни.

— Марстон! — обернувшись назад, позвала капитан. — Освальдо! Ко мне!

Цепь первокурсников дрогнула, теряя звенья, и названные кадеты приблизились к своему куратору.

— Время на исходе, — глядя на них, сказала капитан Рид. — Нельзя больше ждать. Даже если удастся вызволить драконов, они вряд ли смогут сражаться, да и нас потрепали знатно. Нужны свежие силы.

— Мастер Тайрин?.. — выдохнул Джесси. Он всегда был способным парнем. Капитан коротко кивнула:

— Да, Джесайя. Нужно подать сигнал. Дозорных на главной вышке, похоже, уже можно списать со счетов. Кто из вас двоих бывал на каменном страже?

Кадеты одновременно обернулись назад, в сторону купола главного здания.

— Я нет, — сказала Кайя.

— Я был, — сказал Джесси.

Капитан Рид кивнула.

— Там, на заливке дракона, сразу под восьмым шейным гребнем, спрятанная ячейка, — быстро сказала она. — Подождите сигнальный огонь. Чего бы вам это ни стоило.

— Есть, капитан! — нестройным хором откликнулись они и исчезли во тьме. Кто-то из ближних кадетов, застыв с ведром в руках, вскинул голову.

— «Даже если»?.. — услышала Миллисент. — Капитан Рид! Наши драконы... они...

— Люди важнее, — бросила госпожа офицер, отворачиваясь. — Не размыкать цепь! Шевелитесь! Огонь не должен добраться до крыши!

Кассандра стояла последней в цепи, позади Орнеллы, но хриплый голос капитана Рид все-таки достиг ее ушей. «Люди важнее» сказала капитан. И то, как она это сказала, заставило кадета Д'Элтар покрыться холодной испариной. Значит, драконов уже не спасти? Значит, они обречены — все, и Яр тоже?.. Перед мысленным взором Кассандры на миг возникла умильная морда разведчика, тянущаяся передними зубами к ее косе, и руки, сжимающие дужку ведра, задрожали. Вода пролилась на землю. Кайю и Джесси отправили за подмогой, но пока они доберутся до главного корпуса, пока поднимутся наверх, пока подадут сигнал... Звери задохнутся в стойлах. Или сгорят заживо, если спасатели не успеют за огнем. Что толку от этой воды?! Кассандра в отчаянии закусил губу, вертя головой по сторонам. Клубы дыма, мутные желтые пятна огня, кольшущиеся тени — слева, справа, то исчезающие во тьме, то вновь появляющиеся. Свои или чужие? Орнелла сказала, что Клифф назвал тот, первый пожар, поджогом. И капитан Хилл, прежде чем раствориться в ночи, помянул каких-то «тварей». И слово «диверсанты» Кассандра тоже слышала, еще когда бежала вместе со всеми к драконьим ангарам. Враг был не у ворот, как любили ввернуть историографы из учебников. Он был уже здесь, внутри. Прямо сейчас. Невидимый во тьме, смертельно опасный, плюющийся из темноты арбалетными болтами... Поймав себя на этой мысли, кадет Д'Элтар наморщила брови. «Плевался» враг очень точно. И это в условиях почти полного отсутствия видимости? Ведь дистанция с той стороны явно побольше будет!

Она прищурилась: тени впереди принялись сужать круг. Нет, не свои, поняла Кассандра и вздрогнула, когда в паре дюймов от ее щеки пронесся арбалетный болт. Стреляли сзади. Наверное, кадеты второго курса — ведь капитан Хилл говорил что-то про оружейные?.. «А у нас кроме кортиков ничего, — мельком подсадовала она. — Взались драться, так выдали бы уже арбалеты всем! Не одни старшекурсники стрелять умеют!» Над ухом снова стремительно вжикнуло. И почти одновременно с этим со стороны невидимых в дыму складских помещений донеслись приглушенные расстоянием звуки боя. Очевидно, третий курс во главе с офицерами вычислил засаду. Подступающие к ангару размытые тени замерли на миг и попятились, в воздухе вновь засвистели болты. Какой-то из них нашел свою цель — замешкавшись на долю секунды и не успев скрыться в спасительном тумане, одна из теней дернулась и черной кляксой расплылась по земле. На лицах первокурсников, передающих друг другу ведра с водой, одновременно промелькнуло торжество, смешанное с облегчением. Им всем было страшно. Даже под защитой старших.

— Отступают! — долетел до Кассандры шепот Орнеллы. Кадет Д'Элтар не ответила. Слишком легко они сдались, подумалось ей. Или не сдались вовсе? В двадцати футах ничего не видно — а ну как в обход пошли? «Сзади и с флангов, конечно, нас прикрывают, — промелькнуло в голове, — но ведь не только нас! Драконьих ангаров семь, и каждому нужен щит. Даже если этих, чужих, много меньше...» Она не успела закончить мысль. Беспокойный взгляд синих глаз, мечась по опустевшему, тонущему в дымном мареве пятачку перед третьим ангаром, словно споткнулся. И поймав вдруг что-то до странности знакомое, напряженно застыл. Тьма впереди на самом деле не была пуста. Она двигалась — медленно, осторожно, по одной ей известной траектории, множа черные пятна. Но лишь одно из них оставалось неподвижным.

Темная, с призрачно размытыми контурами фигура у выхода в восьмой коридор замерла над землей сгустком мрака. Чуть склоненная голова, вытянутые вперед руки... Кассандра подалась вперед, смаргивая едкие слезы. Она видела это когда-то. Такую же застывшую в ночи фигуру, то же движение раскрытых ладоней, плетущих знакомый узор...

— Ложись! — придушенный крик вырвался из горла за миг до того, как тягучая воздушная волна, прокатившись от прутьев решетки, достигла третьего ангара. Орнелла, обернувшись на голос, выпустила из рук дужку ведра и полетела на землю, сбитая с ног рванувшейся к ней подругой. Цепь первокурсников разметало в стороны.

— Кэсс?!

— Тихо, — шепнули ей в самое ухо. — «Морской волной» ударил, гад... Лежи! Не двигайся!

— Зачем? — ничего не видя и еще меньше понимая, прохрипела Орнелла.

— Может, пронесет, — услышала она торопливый шепот, — и он не станет подходить ближе... Демоны! Прижмись к земле, он ладит вторую волну!

Кадет эль Тэйтана не успела ничего возразить. Сверху, взметнув в воздух стену горячего черного пепла, обрушилась новая волна: упругая, сносящая всё на своем пути, она пронеслась над землей, сбивая с ног тех немногих, кто не лишился чувств после первого удара. Зажмурившись и уткнувшись лицом в грязь, Орнелла прислушалась к внезапно наступившей тишине. Ни криков, ни лязганья арбалетных рычагов, ни глухих отрывистых команд, слетающих с губ капитана Рид, — даже драконы примолкли.

— Кэсс...

— Тихо! — едва слышный голос Кассандры дрожал от напряжения. — Все легли. И если он не решит проверить... Да чтоб тебя разорвало, сволочь!

Кадет Д'Элтар еще теснее прижалась к подруге, почти вдавив ее в землю собственным телом.

— Закрой глаза и не двигайся, — хрипло велела она. — Пусть думает, что победил. Над каждым стоять он уж точно не будет. Тс-с! Идет! Совсем близко, слышишь?..

Орнелла, сквозь тяжелое дыхание подруги разобрав тихое поскрипывание гравия со стороны ангара, послушно затихла. А потом, почувствовав вдруг странную, тягучую слабость, судорожно сглотнула. К горлу подкатила тошнота.

— Кэсс, — задыхаясь, жалобно позвала Орнелла. — Мне плохо...

Та не ответила, только навалилась сверху еще сильнее. И, застыв, плотно сомкнула веки. Скрип гравия под чьими-то сапогами слышался всё ближе. Значит, все-таки решил удостовериться, подумала Кассандра. «Или добить?» — мелькнула в голове предательская мысль. Девушка отогнала ее усилием воли. Нет, их тут слишком много, а он один. И даже если чужаки привели с собой несколько магов, им на семь ангаров всё равно никак не разорваться — а ведь есть еще третий курс, где-то там, у складов! «Кайя и Джесси уже должны были добраться до главного здания, — думала Кассандра. — А до хребта Орлана рукой подать...»

Медленные, словно крадущиеся шаги приблизились уже почти вплотную. Кадет Д'Элтар, уткнувшись носом в висок подруги, выровняла дыхание. Знакомый холодок пополз по ногам, перекидываясь на спину: сила, выпущенная на волю, собирала свою страшную жатву. Тихо поскрипывали подошвы. Маг прошел мимо, совсем рядом, едва не коснувшись лица Кассандры краем длинного балахона, и девушка почувствовала, как тело медленно наливается свинцовой тяжестью. К зябкой дрожи присоединилась слабость. «Не обязательно

жить с магом под одной крышей, чтобы отправиться на тот свет раньше срока», — всплыл в голове голос Нейла. Кассандра тогда лишь отмахнулась от его слов. А теперь у нее на глазах один-единственный чародей в несколько минут уложил на землю сорок человек — может быть, не убил, но обездвижил надолго. А вдруг тех чародеев двое? Или трое? В Даккарае нет ни одного мага! «И если с обычными бойцами мы еще как-нибудь справимся, то против этих у нас шансов нет». Ушей вновь коснулся звук неторопливых шагов. Маг, обойдя лежащих вповалку защитников третьего ангара, повернул назад. Мысли Кассандры начали путаться. Только бы в этот раз подальше прошел! Только бы... Кадет Д'Элтар, стиснув зубы, от холода вот-вот готовые застучать друг о друга, вся превратилась в слух. Да что же он еле тащится, гад?! Двух жизней ждать не хватит!..

Над головой стремительно вжикнул одинокий арбалетный болт. Шаги замерли. А потом заторопились, чавкая по грязи, куда-то по направлению к четвертому ангару. Слава богам, ушел! Кассандра, про себя вознеся благодарственную молитву Танору, открыла глаза. Холод, уже почти сковавший ее по рукам и ногам, начал потихоньку отступать. Слабость тоже. Только зубы всё так же стучали. Отдышавшись, девушка осторожно приподняла над землей тяжелую голову — вокруг, беспорядочно разбросанные по земле словно тряпичные куклы, лежали кадеты. Первый курс, второй — не разберешь, кто где, все вперемежку. Дар... «Вечно голодный зверь, не знающий жалости» — кто это сказал и когда?..

Совсем рядом раздался чуть слышный стон, и кадет Д'Элтар, опомнившись, тряхнула головой. Орнелла? «Слава богам, живая, — склонившись над лежащей ничком подругой и уловив ее редкое дыхание, поняла Кассандра. — Значит, и остальные так или иначе в себя придут». Она, на миг прикрыв глаза, коротко выдохнула. И вздрогнула, когда позади вновь рванулся к небу отчаянный рев. Драконы! Ведь огонь гасить больше некому! Кассандра, быстро обернувшись, выругалась сквозь зубы: крыша уже занялась. Капитан Хилл сказал, что драконы продержатся четверть часа, но когда это было? И сколько ее осталось теперь, той «четверти»?.. Кадет Д'Элтар окинула взглядом поле павших, перевела его на лежащую без сознания подругу, и брови ее, нервно сведенные к переносице, задумчиво дрогнули. Капитан Рид, Орнелла, все остальные — они оказались беззащитны перед сорвавшимся с цепи зверем, но Кассандре-то он был знаком! Он не смог убить ее тогда, год назад, не смог заставить лишиться чувств сегодня, а значит... Значит, у Яра и прочих драконов третьего ангара есть еще шанс!

— Ничего ты мне не сделаешь, — просвистела девушка, решительно припадая к земле. И поползла вперед, не оборачиваясь. С Орнеллой всё будет в порядке — вражеский маг где-то близко, но вряд ли он вернется сюда, он сделал свое дело. А других, тех, кто пришел вместе с ним, стрелки второго курса отбросили назад, прямо в руки третьему. «Я должна успеть», — думала Кассандра, задыхаясь под плотным шарфом. По щекам ее катились слезы, над головой, треща и сыпля искрами, трепетало пламя, но черный дым уходил вверх, и у самой земли всё же было полегче. Быстрее, еще быстрее... Обогнуть угол, прижаться к земле, застыв на мгновение... Скользя змеей, миновать торец ангара... Снова застыть, превратившись в слух... Рев драконов мешал сосредоточиться, лижущий стены огонь обжигал лицо, трепетал под ветром, жадно тянулся к мундиру. Кассандра, болезненно щурясь, на миг сомкнула опухшие веки. Ворота. Там, за последним углом, футах в пятнадцати от нее. Только бы не столкнуться ни с кем на пяточке!

Досчитав до пяти и выровняв дыхание, кадет Д'Элтар открыла глаза. Короткая передышка не помогла — слезились они нещадно. «Ну, хоть зрение осталось при мне», —

подумала Кассандра, вспомнив Клиффа. А потом, чуть подавшись вперед, взгляделась в черную муть, застилавшую пятак. Чисто. И слабость совсем ушла, значит, мага поблизости точно нет. Девушка быстро вскинула голову: судя по огненной короне, венчающей крышу, балки уже занялись.

— На счет три... — пробормотала Кассандра, упираясь в землю коленом и приподнявшись на локтях. — Раз, два...

«Три» потонуло в ударившем в стену реве. Над головой затрещало. Кассандра пригнулась и, одним движением оттолкнувшись от земли, растворилась в густой черноте, окружающей третий ангар.

Каменный страж, овившийся вокруг шпиля, полыхал над пустошью иссиня-багровым слепящим пламенем. Трепещущее под ветром, оно казалось живым, и сам дракон тоже. Распахнув гигантские крылья, разинув оскаленную пасть, полную острых клыков, он словно вот-вот готовился ринуться вниз, навстречу врагу.

Сезар Тайрин приподнялся на стременах.

— Хардинг! — зычно крикнул он. — Ты и твоя десятка — круг над школой! Если начнут отступать, берите в клещи, никого не найдете — ищите нас!.. Сандер! За мной!

— Так точно! — хором откликнулись названные офицеры. Клин в полсотни драконьих голов разделился на два крыла. Правое, малое, взмыло вверх к облакам, а левое во главе с мастером Тайрином дало крен в сторону и пошло на снижение. Энрике Д'Освальдо, пригнувшись в седле, стиснул коленями лопатки штурмовика. Ноздрей коснулся удушливый запах гари. Сигнальный огонь так не пахнет...

— Декстер и Форест! — раздалось впереди. — Откололись на левый край! Пятерка за ними — вдогон! Седьмой квадрат, выход в учебный городок! Проверить, есть ли раненые, и обеспечить прикрытие!.. Хэйворд, Стрэттон и пятеро за ними — девятый квадрат, загоны!.. Тэвиш! Круг над казармами, проверьте охрану!.. Остальные за мной!

Дракон главы совета мастеров ушел в крутое пике. Кадет Д'Освальдо пригнулся еще ниже, почти слившись со своим зверем в одно целое и неотрывно глядя вниз. Даккарай несся навстречу с головокружительной быстротой. Запах гари стал сильнее. А через минуту, показавшуюся Энрике вечностью, он увидел и его источник: густые клубы черного дыма над драконьими ангарами. Они горели — все. «Только бы пустые!» — про себя взмолился Энрике, пытаясь разглядеть хоть что-то в густом дыму. Оставшаяся девятка наездников перемахнула через пустую стену, взяв курс на ангара. Мелькнул внизу темный кадетский городок. И почти в то же мгновение по ушам Энрике хлестнул сиплый, отчаянный рев. Драконы!

— Разойтись по периметру! — прогремело в воздухе. — Закройте лица! Зверей не сажать — держите круг на бреющем, по-над завесой, ниже не опускайтесь! Счет на тридцать — если не вернусь, командование берет на себя капитан Сандер!

Штурмовик Сезара Тайрина, взлетев вперед на гребне воздушной волны, на миг завис над ангарами — и, сложив крылья, камнем рухнул в самый центр черного облака. Кадеты натянули поводья, выстраивая своих драконов в линию. Энрике бросил взгляд вниз. Ни зги не видно. Сплошной дым, запах гари, проникающий даже через вдвое сложенный шарф, тускло-оранжевые пятна, там, во тьме, — и отчаянный рев драконов. Почему их не вывели? Что происходит? Кадет Д'Освальдо поднял глаза на пылающего в ночи каменного стража. Его увидят даже на перевале и в горных крепостях. «И его никогда не зажгли бы из-за

простого пожара, — подумал Энрике. — Значит, дело плохо». Вытянув шею, он оглянулся на капитана, но лица его было не разглядеть из-за темноты и плотного шарфа. Какой-то странный он, этот дым, подумал Энрике. И с огнем тоже что-то нечисто — с каких это пор камень так хорошо горит?..

— Тридцать секунд! — услышал он голос капитана Сандера. — Время вышло! Всем сойтись в центральной точке, ориентир на меня!

Кадеты развернули драконов.

— Собраться в кулак! — командовал капитан. — Все вместе одним ударом — вниз, в двух футах недолета разойтись в стороны! Ваша цель — ангары! Открыть ворота и выпустить зверей! При сопротивлении со стороны врага бейте на поражение!.. За мной!

По примеру Сезара Тайрина, он дернул на себя повод, и черный дракон, сделав в воздухе крутую петлю, нырнул в туман. Энрике вновь пригнулся к седлу.

— Пошел! — коротко выдохнул он, поддав коленом в лопатку своего штурмовика. Зверь рванулся вперед и вниз, следом за остальными, живой кулак вошел в черную толщу дыма с размаху, пробивая ее насквозь — и рассыпался, не пройдя половины пути. Навстречу восьмерке кадетов, чудом успевшей уйти от лобовой атаки, из мрака метнулся хрипящий драконий рой. Штурмовики и разведчики, попеременно, неоседланные и без наездников, взмыли в небо, заполошно хлопая крыльями. Никак не меньше полусотни, промелькнуло в голове Энрике, и держатся стаяй, значит, все из одного ангара. «Тогда запертых осталось шесть».

— Начать с первого! — эхом откликнулся на эти мысли голос капитана Сандера. Ни его самого, ни своих семерых товарищей Энрике уже не видел — из-за густого дыма, в одночасье заволокшего всё вокруг, он и хвост собственного дракона мог разглядеть с трудом. Впрочем, учебный городок каждый старшекурсник знал вдоль и поперек, и любой из семи драконьих ангарах нашел бы даже во сне, с завязанными глазами... Кадету Д'Освальдо достался четвертый — к первому и второму до него успели двое других из восьмерки, а ворота третьего оказались широко распахнуты, значит, он был уже пуст. Энрике, резко натянув поводья, кубарем скатился со спины дракона почти у самых ворот четвертого ангара: дерево их почернело от копоти, массивные петли и скобы раскалились докрасна, а сам ангар полыхал словно бумажный.

— Тяго! В караул! — не оглядываясь, велел Энрике. Штурмовик сложил крылья и медленно двинулся вдоль стены, высматривая врага, а его наездник шагнул к воротам. Нестерпимый жар дохнул в лицо. Тяжелый засов, обжигая ладони даже сквозь толстые кожаные перчатки, вздрогнул в пазах. Изнутри каменных стен донесся нестройный драконий хор — такой исступленно-отчаянный, что Энрике оглох на мгновение. «Почему их не выпустили?!» — сжав зубы и наваливаясь плечом на словно припекшийся к пазу засов, подумал молодой человек. И тут же понял, почему — когда возле самого уха знакомо вжикнуло, а в дюйме от его головы в обугленное дерево до середины вошел арбалетный болт. Демоны!.. Энрике, сбивая прицел, стремительно шатнулся влево, потом вправо, потом поднырнул под заевший засов и, обхватив его руками, рванулся вверх отпущенной пружиной. Позади снова вжикнуло. А следом раздался глухой треск — новый болт вонзился в подставленный щит за спиной Энрике. Мельком оглянувшись, кадет Д'Освальдо увидел Джесси Марстона. За правым плечом первокурсника болтался арбалет, лицо застыло от напряжения — громоздкий щит парню был не по росту, но, верно, что нашел, то и взял...

— Снимай, — не оборачиваясь, выдохнул Марстон, — я прикрою.

— Их много?.. — Энрике вновь навалился плечом на засов. Джесси дернул щекой:

— Не знаю. Вроде бы нет, но с ними маги — наших у третьего ангара всех положили, и два десятка со второго курса. Там ваши помогают вытаскивать. У других ангаров, наверное, то же самое, — щит его снова вздрогнул. — Да откуда же ты стреляешь, падашь?!

Засов, проиграв неравную битву, вылетел из пазов. Энрике отшвырнул его в сторону.

— Бросай щит! — велел он. — Надо открыть пошире... У, демон!

Он обеими руками взялся за раскаленное железное кольцо и взвыл: ладони обожгло даже сквозь перчатки. Кадет Марстон, схватившийся за второе кольцо, зашипел от боли.

— Давай, на себя, — прохрипел Энрике. Тяжелые створки поползли в стороны, раскрываясь. В воздухе мелькнула еще пара арбалетных болтов, но ни один из них не достиг цели — оба кадета, пригнувшись, уже исчезли внутри ангара.

— По очереди, — бросил Энрике, метнувшись вперед по проходу между двумя рядами стоил. Проход весь был затянут сизым маревом, а за решетками бесновались драконы. — Начинаем с конца, там балки вот-вот обрушатся... Ты правых, я левых — понял?

— Да, — коротко отозвались за спиной.

Кадет Д'Элтар, вцепившись в поводья обеими руками и прилипнув к драконьей спине, неслась вперед сквозь черную пелену. Пелена была густой, непроглядной, но иногда в ней встречались прорехи, сквозь которые всё же можно было рассмотреть хоть что-то из творящегося внизу. Только радовало это мало. Потому что ровным счетом ничего хорошего там, на земле, не происходило.

Кассандра видела полыхающие ангара, лежащих позади них без чувств людей, видела скользящие в дыму тени своих и чужих; воздух вокруг нее серебрился стежками арбалетных болтов, ревели за толстыми каменными стенами драконы, звенела в узких проулках между складами сталь — третьекурсники вместе со своими командирами отбивали у врага фут за футом, но, по-видимому, не слишком успешно... Вернувшись на помощь Даккараю с дальней гряды Кассандра видела тоже. Наездники, пригнувшись к спинам драконов, стремительными тенями мелькали вокруг: кто-то, скатываясь с седел на землю, распахивал двери горящих ангаров, кто-то помогал оттаскивать раненых, кто-то кружил, плюясь метательными ножами, над складами, где кипел ожесточенный бой, — и лучшей помощью, что могла предложить им Кассандра, было отправиться в лазарет, где наверняка не хватало рук. Что еще она могла сделать? Кроме кортика, оружия у нее не было, боевого опыта тоже, да и на Яре она держалась одним лишь чудом: третий ангар они покинули последними, когда все остальные драконы уже были выпущены, и единственное, что успела сделать Кассандра, — набросить на разведчика узду. Седлать его уже не было времени, и так еле ушли из-под рухнувшей балки. Будь Яр хотя бы штурмовиком, он сам бы сошел за оружие, но увы!..

Кадет Д'Элтар понимала всю свою бесполезность. И тем не менее упрямо продолжала кружить над учебным городком — загон за загоном, крыша за крышей, проулок за проулком... Она искала. Того, кому не нужна была сталь, того, отголоски чьей силы она чувствовала то там, то здесь — короткими вспышками слабости, давно уже ставшей привычной. Маг все-таки был один. Двое, пожалуй, справились бы с ангарами куда быстрее, а трое или больше почти наверняка предали бы Даккарай огню без всякой поддержки с тыла — к такому выводу Кассандра пришла очень скоро. И это вселило в нее надежду. «Раз он один, в такой неразберихе подобраться к нему будет просто, — думала наездница, взглядом

слезящихся глаз мечась от одной прорехи в дыму к другой. — Главное, вычислить, где засел! А уж потом...» Что потом, она не очень себе представляла. Но, стиснув зубы, продолжала искать — и в конце концов нашла.

Темная фигура в балахоне замерла на козырьке крыши угольного склада: неподвижная как статуя, окутанная дымом, словно черным плащом. Снизу, с земли, разглядеть ее было трудно, даже если знать, что ищешь. А самый жаркий бой, судя по звукам, шел чуть левее, в проулке между шорней и оружейным складом, и наездники мастера Тайрина почти все были сосредоточены там. Они не видели мага, им было не до него. Зато ему самому и смотреть было не надо... «Попался, гад!» — торжествуя подумала Кассандра, зависнув над крышей склада на брыкающемся Яре. Разведчик, как все драконы, силу чуял издалека и приближаться к ее источнику не желал ни под каким видом, однако у его наездницы были другие планы. Сжав в кулаке туго натянутые поводья и вытянув шею, Кассандра впилась воспаленными глазами в черный силуэт на козырьке. Чародей стоял к ней спиной. Он был очень занят — надо полагать, поддержкой своих, там, внизу. Спрыгнуть бы потихоньку на крышу, подкрасться поближе, чтобы наверняка! «Но тогда если не услышит, так непременно почувствует, — мысленно заскрипела зубами девушка. — Нейл говорил, дар всегда чует жертву». Она стиснула коленями лопатки дракона — Яр вновь заупрямился, протестуя выгибая шею. Плохо без седла, бока скользкие. Да и далековато все-таки, ярдов пять, не меньше, как бы не промахнуться... Кассандра почувствовала, что задыхается. Проклятая слабость вернулась, а следом и противный озноб. Слишком близко, поняла Кассандра, и дальше будет только хуже: ее сопротивляемость магии выше, чем у других, но и этому есть предел.

Маг впереди поднял руки, и у Кассандры закружилась голова. Слишком близко! Правая рука кадета Д'Элтар дернула на себя поводья, левая метнулась к ножнам.

— Йар-р!.. — упираясь, проскрежетал разведчик одновременно с взмывающим в воздух кортиком. Сердце Кассандры бухнулось в пятки — темная фигура впереди, резко присев, обернулась. Руки ее вновь взлетели кверху, в дымном воздухе что-то сверкнуло короткой слепящей вспышкой... «Промазала!» — мелькнула обреченная мысль. Пульсирующий синеватыми молниями стусток света метнулся от козырька прямо в грудь дракону. Яр, рыкнув, дал крен влево, в последний момент избежав столкновения, — правда, уже один. Отсутствующее седло и гладкая чешуя не оставили Кассандре шансов. С размаху ударившись о крышу и только чудом не напорвшись ни на один из шипов, она вскинула лицо к небу. Где он? Ведь только что был здесь!

— Яр!

Нет ответа. Сбежал, испугался силы — все звери ее боятся. Мелкая противная дрожь в коленях поползла выше, ноги стали ватными, а голову потянуло вниз. Борясь с собой, Кассандра из последних сил вцепилась в ближайший железный шип: в глазах расплывался туман, из самого сердца которого на нее медленно надвигалось колышущееся черное пятно. Маг. В этот раз он обойдется без всяких волн и уж наверняка удостоверится, что кадет больше не встанет.

— Яр!.. — сипло выдохнула Кассандра, понимая, что сама себя уже не слышит. Шип заскользил в пальцах. Маг был совсем рядом, наверное, в какой-нибудь паре шагов — а может, уже и ближе. Нельзя было соваться в одиночку!

Что-то обжигаяще холодное коснулось шеи. Пальцы, цепляющиеся за шип, разжались.

— Йар-р-р!

Свирепый клекот, перешедший в раскатистый рык, всколыхнул угасающее сознание. В лицо, на миг отняв возможность дышать, ударил резкий порыв ветра. Следом раздался чей-то короткий вопль, и Кассандру швырнуло назад, спиной на холодные листы крыши. Голова ее, мотнувшись в сторону, ударилась о что-то твердое, тут же откликнувшееся в правом виске острой вспышкой боли, и наступила темнота.

Барон Д'Освальдо перевел коня через шаткий мостик и вновь взгромоздился в седло. Тронув поводья, поднял голову — багровое полотнище с гербом рода Алваро трепетало над медленно отворяющейся створкой ворот. На второй заставе его уже заметили и торопились встретить. Карлос, подъехав ближе, прищурился и приветственно махнул рукой появившемуся на стене командиру гарнизона. Тот склонил голову в ответном жесте. «Однако, где же Астор? — подумал барон. — Должны были сразу доложить. Или маркиза ошиблась, нет его там?»

Он поддал пятками в бока коня. Своего друга и соседа Карлос видел последний раз еще летом — в самом конце августа. В сентябре, пока снимали урожай, обоим было не до встреч, а в начале октября барон серьезно повредил спину, упав с лошади, и почти весь месяц провел в постели. Ему и сейчас было еще тяжело ходить, однако верхом было полегче, да и обстоятельства, увы, к сиденью дома не располагали... Новость, еще вчера обрушившаяся на Геон что гром среди ясного неба, взбаламутила всю южную границу, и за последние два дня в поместье Освальдо перебивали, пожалуй, уже все хранители — кроме Астора Д'Алваро. Поэтому, не дождавись друга, Карлос поехал к нему сам. Но дома не застал: вышедшая к гостю маркиза Д'Алваро неуверенно предположила, что ее супруг, должно быть, на заставе. «Но я н-не знаю точно, — словно оправдываясь, добавила она, опуская глаза. — Я... м-мы давно его н-не видели». Барон поспешил извиниться за вторжение и откланялся. Не без смутного чувства неловкости — очевидное смущение маркизы некстати всколыхнуло в памяти обрывки слухов, уже который месяц бродивших по границе. Поговаривали, что в семействе Д'Алваро не всё гладко, что маркиз почти не бывает дома и что рождение наследника его отнюдь не обрадовало. Предположения на этот счет строились самые разные — от приданого молодой маркизы, которое оказалось не в пример меньше обещанного, до ветвистых рогов на голове ее немолодого супруга. Барон Д'Освальдо, не выносивший сплетен, во все эти рассказы не вслушивался, однако и он был не без глаз: на счастливых молодоженов Астор с Лавинией действительно походили мало. «Что-то там, кажется, и впрямь не слава богу», — подумал он, разворачивая коня ко второй заставе. Чужая семейная жизнь его не касалась, а вот друга увидеть было необходимо. «Поди, уже знает, — думал барон, подъезжая к мостику. — У него ведь в Даккарае племянница. Только что ж тогда ко мне носу не кажет? Даже Дэшел и тот приехал!» С хранителем девятой заставы, бароном Дэшелом, у Карлоса были давние разногласия, однако оба предпочли о них забыть в нелегкий час — тогда как маркиз Д'Алваро, лучший друг и ближайший сосед, не соизволил прислать товарищу даже записки.

Почему — это Карлос понял спустя четверть часа, когда миновал ворота, бросил поводья кому-то из бойцов второй заставы, вместе с Фабио прошел меж рядами драконьих стоек и остановился у центральной решетки. За ней, под боком дремлющего штурмовика, скорчилась знакомая фигура.

— В стельку? — спросил барон, уже зная ответ. Тяжелый сивушный запах он почуял еще на входе в стойла.

Фабио мрачно кивнул:

— Ночью Рамоса в деревню посылал... Так что сами понимаете, ваша милость. Теперь дай боги к вечеру проспится.

— А ты куда глядел?

— Туда же, куда и все, — дернул плечом командир гарнизона, и барон понимающе сощурил глаза. На границе уже которую ночь было беспокойно. Да еще Даккарай... Карлос покосился на бледное, сосредоточенное лицо Фабио и сочувственно крикнул. О том, что командир гарнизона второй заставы безответно влюблен в его дочь, он знал. «И что тем девчонкам надо?» — в который раз подивился он про себя. А вслух сказал:

— Ничего, ничего... Обойдется. Рано их хоронить. А списки, уж верно, скоро придут.

Тот не ответил, только невесело улыбнулся. Потом вслед за бароном обернулся к решетке и устало махнул рукой:

— Я ведь с ним двух караульных вчера оставил. Рамоса и еще одного из бойцов, чтоб приглядели. А толку? К утру первые двое кривые что твоя сабля, а третий — вот. Хоть сам его стереги! Так ведь на мне застава, а остальные с хранителем связываться не хотят...

Фабио, умолкнув, скривился. «Хранитель! — внутренне кипя, подумал он. — Соломы на лежанке!.. И с вина уже на самопляс крестьянский перешел, куда как прекрасно!» Не сдержавшись, командир гарнизона сплюнул себе под ноги. Его скуластое лицо на мгновение исказила гримаса бессильного гнева. Он и сам был не прочь опрокинуть чашу-другую, но не каждый же день! И не с утра же до ночи!

— Мда, — снова крикнул барон. — Узнаю Астора. Уж если ему что упёрлось — вынь да положь... Который день так?

— Боги с вами, какой там «день»! Третий месяц пошел, как не просыхает!

— Ясно. Караульщики-то его где? Тоже в сено слюни пускают?

— Так он им и дал, — хмуро отозвался Фабио, сдвигая засов на двери стойла. — В наряде, оружие чистят. Мутные еще, конечно, но с командиром не сравнить.

— Зови сюда, помогут.

Фабио молча кивнул и вышел. А хранитель первой заставы, потянув на себя решетку, шагнул через порог. Штурмовик, открыв глаза, поднял тяжелую башку.

— Что, Неро? — добродушно буркнул барон в ответ на вопросительный взгляд желтых глаз. — Сам-то не окосел еще?..

Он не глядя потрепал зверя по загривку и втянул носом спертый воздух стойла. Сплошная сивуха, причем далеко не лучшая... Карлос неодобрительно прищелкнул языком и опустил на корточки у лежанки.

— Астор! — позвал он. — Астор, слышишь? Вставай!

Хранитель второй заставы даже не шелохнулся. Карлос, нависнув над другом, встряхнул его за плечи раз, другой, и, вздохнув про себя, выпрямился. Бесполезно, бревно и то поживее. Совсем дело плохо. Почти до края допил, а с чего бы? Про Даккарай он, выходит, не знает еще?.. Д'Освальдо нахмурился. На его памяти соседа вот эдак сносило с дороги, должно быть, лет двадцать назад. «Так ведь то Ирлин», — подумал барон, вспомнив хорошенькую малышку, которую его друг привез домой с предыдущей войны. Астор любил ее. И когда девушка сгорела в две недели от лихорадки, маркиз пил месяц без просыпу — пожалуй, еще почище нынешнего. Но сейчас-то все живы-здоровы! Жена молодая, любимая, наследник долгожданный... Карлос озадаченно качнул головой. «Третий месяц не просыхает» — это, получается, с самого сентября? Или с августа? На ум ему вновь пришли досужие сплетни. Неужто в них всё дело? Или злые языки в точку попали? «Да быть не может! — подумав, решил он. — Пустые пересуды! И Астор, в конце концов, не слепой же!» Первенец маркиза Д'Алваро увидел свет в последний день лета, и барон Д'Освальдо вместе с Фабио на правах

ближайших друзей прибыли в поместье тем же вечером, поздравить счастливых родителей. Маркиза, понятное дело, к ним не спустилась, но ее дитя согласно традиции вынесли гостям — новорожденный Алонсо Д'Алваро был копия батюшки. «Значит, не то», — подумал Карлос. Что с детьми у его друга не ладилось, он знал, но на глаза тоже не жаловался, да и с маркизой Д'Алваро был знаком — какие там шашни на стороне, помилуйте боги! Она не из тех, кто будет хвостом крутить во все стороны, да и, по совести, красоткой ее не назовешь. «Сын его, — подумал Карлос, выпрямляясь, — даже гадать тут нечего... Но от радости в бутылку с ногами не лезут. Мда. Знать бы, так раньше приехал».

Позади послышались шаги. Барон Д'Освальдо обернулся через плечо: это вернулся командир гарнизона. За его спиной маячили двое давешних горе-караульщиков с помятыми физиономиями. Хранитель первой заставы поднялся на ноги.

— Убери со двора бойцов, чтоб не глазели, — сказал он Фабио. — И воды прикажи прикатить пару бочек. А вы двое идите сюда. Подсобите, мне одному несподручно...

Маркиз Д'Алваро мешком висел на плечах пришибленного капрала Рамоса и одного из солдат заставы. Худой, заросший, с опухшим бурым лицом и в затертом по швам, заляпанном жиром камзоле он был похож на бродягу. На то, как его выволакивали из-под бока Неро, он никак не отреагировал, и даже бодрящий ноябрьский холод в чувства его не привел. Пьян был хранитель мертвецки. Командир гарнизона бросил задумчивый взгляд на две большие бочки с водой, что уже прикатили по его приказу, и с сомнением кашлянул.

— Способ, конечно, дельный, так ведь он на ногах не стоит! На мерзлую землю класть — идея так себе, ваша милость. Не мальчик, все-таки, заморозим. Если вообще не захлебнется спьяну.

Барон пожал плечами.

— Ну не к столбу же позорному привязывать? — резонно возразил он. Карлос только что отвесил другу пару крепких оплеух, но ничего ими не добился: приходит в себя маркиз Д'Алваро отказываясь наотрез. — Ничего. Этим двоим стеречь его было велено — так же дело будет. Потерпят с хранителем заодно, небось не околеют. Денщик его здесь?

— Да, ваша милость.

— Вели ему в караулку принести пару пледов потолще, — барон задумался на минуту, напрягши память. — Еще яиц с полдюжину, бренди, помидорного соку, масла, хрена и перцу. Черного. Хотя можно и красного. И лаврового листа сухого связку малую. Кофе тут не особо поможет...

— Гарет! — позвал Фабио. Денщик его сиятельства тут же материализовался по правую руку. — Всё слышал?

— Так точно!

— Выполнять, — командир гарнизона покосился на бочки. — А поливать кто будет, ваша милость?

— Ты да я, кто ж еще, — откликнулся барон. — Сбивай крышки. Я Астора знаю, дай боги чтобы двух бочек хватило... Эй, вы! Держите крепче! Фабио, давай, с двух сторон!..

Неполных два часа спустя, когда обе бочки вычерпаны были до самого доньшка, а горячая смесь из яиц, бренди и жгучих специй, приготовленная Гаретом по рецепту барона, влита в кого следует, экзекуторы переместились в караулку. Денщика маркиза услали в поместье за чистым бельем и одеждой для господина, Фабио взялся варить похлебку, а барон, затребовав себе перо и бумагу, присел к окну. Маркиз Д'Алваро, таки приведенный в

чувство, сгорбился на краю узкой койки. Его бил озноб.

— С-скоты, — сипло прошипел он, стуча зубами. — Полегче-то нельзя было? Вы меня чуть на тот свет не отправили!

Фабио, мешающий варево длинной ложкой, хмыкнул.

— Да где уж нам до вас, ваше сиятельство, — заметил он, не оборачиваясь. Хранитель второй заставы дернулся было, но, тут же издав страдальческий стон, стиснул ладонями виски. Голова раскалывалась от боли. Бренди бы... Хоть чарку-другую... Маркиз бросил алчущий взгляд на стенной шкаф над печкой, потом скосил глаза на барона и только вздохнул — какой там бренди! У Карлоса разговор короткий, хмельного даже понюхать не даст, а вот еще одну бочку вполне себе может обеспечить. Вспомнив недавний ледяной душ, его сиятельство весь передернулся. А после, побледнев, резко склонился над жестяным тазом, пристроенном на коленях. Отрезвляющее баронское средство было редкой гадостью — что на вкус, что в действии.

— Карлос... — долетело до барона от койки. — Есть у тебя... совесть? Ведь обещал же... больше меня этой дрянью... не пичкать...

Окончание фразы прервал новый булькающий стон. Барон Д'Освальдо и бровью не повел.

— Обещал, — согласился он, посыпая песком вторую записку и сворачивая в трубочку первую, уже просохшую. — Так и ты обещал в такой штопор больше не уходить. И что? Сдержал слово?

— Да шел бы ты!..

— И не надейся. Фабио, похлебка готова?

— Почти, ваша милость, но крупа еще жестковата.

— Сними с огня да замотай в полотенце, сама дойдет. На-ка вот, — он накапал воску от свечки на срез первой записки, запечатал и протянул ее Фабио. — Пошли с кем-нибудь из сменных бойцов ко мне, на первую. Я тут до ночи застряну, так предупредить бы... А эту жене. Будь другом, свези уж лично, она и так места себе не находит — ну, сам понимаешь! За заставу не беспокойся, я пригляжу.

Тот молча кивнул, принял обе записки и вышел. Астор, утирая губы дрожащей ладонью, приподнял голову:

— С каких это пор командир моего гарнизона у тебя в гонцах бегаёт, Карлос?..

Хранитель первой заставы повернул голову и смерил друга тяжелым взглядом.

— Да с тех самых, как ты мундир свой в вине утопил. Самому-то не стыдно — на старости лет так позориться?

— Тебе что за печаль? Небось не на твои пью!

— Угу. И повод есть?.. — прищурившись, обронил барон. Маркиз открыл было рот, вновь собираясь послать его куда подальше, но ему не дали. Карлос Д'Освальдо, рубанув воздух ладонью, грузно поднялся с табурета: — Хватит подпрыгивать, навоевался!

Он подошел к печи, снял с полки над ней пару мисок и поднял крышку закутанной в полотенце кастрюли. По караулке поплыл запах жирной бараньей похлебки с луком — вполне аппетитный, но маркиза Д'Алваро тут же вновь согнуло над тазом. Хранитель первой заставы, покосившись в сторону койки, качнул головой:

— Эк тебя полощет. Ел-то когда в последний раз?

— Н-не помню, — прохрипели в ответ.

— Ясно. Ну да ничего. Сейчас лаврового листа пожуеть, продышишься — да за стол

сядем. Где тут у вас ложки-то...

— Я это есть не буду! — передернулся Астор, вновь приподнимая голову и тут же роняя ее обратно.

— Будешь, — невозмутимо отозвался барон, берясь за черпак. — А потом в порядок себя приведешь, кофе с лимоном выпьешь — и домой. И чтоб на заставе я тебя не видел, покуда не проспишься.

Маркиз медленно выпрямился и опустил таз на пол. Темные как у друга, запавшие глаза недобро сощурились.

— Знаешь что, Карлос...

— Да уж знаю, и побольше твоего, — не дав ему договорить, резко обернулся тот. — Жизнь не в радость — так на дело ее отдай, коль невтерпёж! Ты из норы-то своей вылез да оглянись вокруг! Которую неделю над хребтом данзарские передовые дозоры выются, вот-вот приказа об усилении ждем!.. Даккарай на четверть выгорел, насилу отбили — и до сих пор неизвестно, какой ценой!.. Горные крепости третьего дня на особый режим перевели!.. Перевооружение полным ходом, война у ворот, а он zenки залил и не тронь его, горемыку! Жемчуг ему мелкий! Тьфу!

Хранитель второй заставы окаменел. Война? Передовые дозоры и приказ об усилении? Горные крепости?

Даккарай?..

— Карлос! — хрипло выдохнул он, впившись взглядом в раскрасневшееся от гнева лицо товарища. — О чем ты говоришь?! Что с Даккараем?!

Барон передернул плечами.

— Не знаю, — глухо уронил он. — Никто толком не знает, сплошь слухи одни... Вроде диверсия. И потери большие, но убитыми или ранеными — демон его разберет. Школу закрыли до выяснения, комиссию из столицы, говорят, направили, и целый гарнизон в помощь. Всё пограничье списков ждёт, у алтарей ночует — один ты пьешь!..

Он бессильно всплеснул руками и отвернулся. Загремели в ящике ложки. Маркиз Д'Алваро, тяжело дыша, вновь стиснул ладонями виски. Не будь ему так плохо, он решил бы, что всё услышанное — лишь хмельной бред, но увы. Новости, похоже, были не менее реальны, чем сам Карлос. Вот почему он к Абель не кого-то из сменных послал, а Фабио, понял Астор. Вот почему тот без слов заставу бросил... «Списки... И Кайя... Демоны! Кэсс!»

— Когда это случилось, Карлос? — подавив нарастающую панику, спросил маркиз.

— Вчерашней ночью.

— И ты только сейчас...

— Спасибо скажи, что вообще приехал, — бросил тот. Грохнул на стол полные миски, швырнул следом ложки и вновь оседлал табурет. — Мне, по совести, и сейчас-то не до тебя! Так что не буди лиха, садись да ешь!

Он дернул щекой и принялся за еду. Хранитель второй заставы, покачнувшись, поднялся. Доковылял до стола, опустил на стул напротив друга, глянул в миску — опять затошнило — и отвернулся к окну. Лучше бы кофе, подумал он.

— Какое сегодня число?

— Второе, — отозвался барон, мерно черпающий из своей миски густое жирное варево. — Ноября, если что.

— Ноября?.. — вырвалось у Астора. Друг мрачно хмыкнул. — А... год?

— Ну, с годом уж ты хватил. Как за два месяца-то не помер — уже загадка! Тот же год, тот же. Ешь давай. Еще неизвестно, с чем Фабио вернется, как бы его следом за тобой от кувшина оттаскивать не пришлось. И что я Кайю за него не выдал? Была бы здесь сейчас, ну не наездник, так что ж? Зато живая.

— Во имя богов, Карлос!.. — дрогнул маркиз, вспомнив собственную племянницу, о которой вот уже пять минут изо всех сил старался не думать. — Ничего же еще не известно!

— А что тут знать-то? — тот хмуро зыркнул на друга исподлобья и отодвинул пустую посуду в сторону. — Кто бастардов будет беречь? Они и в мирное время никому не сдались, а уж в такой каше...

— Сам же сказал — слухи!

— Нет дыма без огня, — обронил барон Д'Освальдо. И уткнув локти в столешницу перевел взгляд на окно. — А полыхало, говорят, знатно.

— Да кто говорит-то?!

— Бойцы из горных крепостей и стражи перевала — те, что снялись на подмогу, как сигнал увидали, — они ведь в школу раньше охранного гарнизона и комиссий столичных поспели. Всем-то замок на губу не навесишь... Ешь. Жир застынет. А я пока кофе сварю, — хранитель первой заставы, оторвав взгляд от окна, тяжело поднялся и отошел к печи. Хранитель второй, пересилив себя, склонился над миской. — Ждать нам, полагаю, недолго осталось. Второй день пошел, уж должны были разобраться, что там стряслось и чем кончилось. А даже если и нет — Геон гудит, матери с ума сходят, тут долго в молчанку-то не поиграешь! Так что, верно, вот-вот списки пришлют...

— Надеюсь, — невнятно отозвался Астор, ложка за ложкой пихая в себя похлебку. — Как там Абель?

— Не спрашивай. Вторую ночь не спит. Да я и сам в том же порядке — Энрике-то ладно, ему полгода учиться осталось, считай, офицер готовый. Но Санто с Кайей? Первый курс же, совсем ещё зелень!

— Угу.

— Прости, забыл, — барон, поставив кофейник на огонь, вернулся к столу. — Племянница твоя тоже на первом?

— Да, — глядя в стол, кивнул Астор. — Знать бы!..

Он тряхнул головой и, скривившись от вспышки боли, одним движением отодвинул от себя миску. Последнее его восклицание относилось не только к спискам убитых и раненых, которые сейчас с замиранием сердца ждала южная граница. Кассандра! Если бы он только знал!.. Они с Руэйдом отослали ее в Даккарай, чтобы уберечь, — но вышло только хуже. Даже если с Кэсс всё в порядке, если диверсия в школе ее не коснулась, много ли в том радости? Она кадет, будущий наездник, а их слишком мало, чтобы держать в тылу. Рано или поздно их пошлют умирать. И когда придет черед Кассандры, ни ее отец, ни дядя уже ничего не смогут сделать. «Что нам стоило оставить в покое этих несчастных детей? — в отчаянии подумал Астор. — Магия — зло, но даже ей не сравниться с войной!»

— Значит, на мир уже нет надежды, Карлос? — глухо спросил он, не глядя на друга.

— Похоже, что так.

— А договор о ненападении?..

— С Данзаром? — короткий презрительный смешок. — Брось! Им обещания нарушать не впервой. Да еще со сворой берсийских псов под боком — чую, жарко нам придется, Астор. Как бы не в последний раз.

— Не каркай, — перебил маркиз Д'Алваро. — Отобьемся уж как-нибудь, слава богам, опыт есть.

— У нас. А дети?

— Карлос, ради всего святого! Не напоминай ты!..

Барон, хмуря брови, качнул головой.

— Самому бы забыть, — буркнул он и вернулся к печке. Сняв с огня закипевший кофейник, взял с полки кружки. — Ты дома-то когда был последний раз? В сентябре?

— Не помню.

— Понятно, — Карлос разлил по кружкам дымящийся кофе. — Ну, ничего, за два-то месяца, чай, имя твоё там не забыли. Дождемся твоего денщика — и ездай...

— Никуда я не поеду!

— Поедешь.

— Ты опять? — набычился маркиз. — Это мой дом. И, на минуточку, моя застава!

— Угу. А еще тут всегда есть кого за добавкой послать?.. — барон передернул плечами и сдвинул брови: — Без шуток, Астор — хватит! Последнее здоровье бутылке оставишь! А если завтра в бой?

— Надо будет — пойду, — огрызнулся тот. — Что ты пристал ко мне? «Ездай» да «ездай»! Мне и тут неплохо!

— Я вижу, — обронил хранитель первой заставы, ставя перед другом кружку. — Поездай, Астор. Себя не жалко — так хоть жену пожалей. Небось, сидит там одна, не знает уже, что думать.

Маркиз, не сдержавшись, с иронией хохотнул. Если он и был в чем-то уверен, так это в том, что Лавинию его отсутствие могло только порадовать.

— Не беспокойся, — обронил он, — ей чем я дальше — тем лучше...

— Так на кой ляд тогда женился?

— Сдуру, — мрачно проскрипел маркиз Д'Алваро, отводя глаза. Друг хмыкнул.

— Понятно, — повторил он. И добавил: — Дело твоё, только поздно уже локти грызть, Астор. Лучше не станет. И кончай хлобыстать, пока не аукнулось! Ты чего хочешь — в ящик сыграть раньше времени? Добро! Ползи назад в стойло, уж верно, кто-нибудь посочувствует!

— Карлос!..

— Нишкни. Заварил кашу — так нечего теперь другим ложку пихать, сам и расхлебывай. Ездай домой, говорю, довольно позориться. И перед женой извинись, нелишне будет.

— «Извинись»? Да я видеть ее не могу!

— Не можешь — не смотри, — спокойно отозвался барон. — Не ты первый, не ты последний. Но она мать твоего сына, и она носит твое имя — унижая ее, ты унижаешь себя. Не дело, Астор.

— Кто бы говорил... — буркнул тот. — Хватит читать мне мораль, без тебя разберусь.

— Это как вчера и позавчера?..

— Да не буду я больше пить, не буду! — раздраженно дернулся маркиз Д'Алваро. — Только оставь ты уже меня в покое! Заняться тебе больше нечем? Если...

Он, не договорив, умолк и приподнялся на стуле. Взгляд хранителя второй заставы, устремленный в окно, вспыхнул одновременно тревогой и неясной надеждой. Барон выпрямился:

— Фабио?

— Да.

В поместье Алваро его хозяин вернулся уже за полночь. В ворота въехал, низко опустив капюшон, чтоб не встречаться глазами с бойцами внутреннего гарнизона, у крыльца спрыгнул на землю, покачнулся и бросил поводья зевающему денщику:

— Сведи на конюшню да иди спать. Камин сам растоплю.

Гарет, набегавшийся за день, прозевал «Будет исполнено, ваше сиятельство» и вместе с лошадьми исчез в темноте. Маркиз Д'Алваро медленно поднялся вверх по ступенькам крыльца. Толкнул дверь, шагнул через порог и, оказавшись в темной передней, прислушался. Дом спал. Что же, по крайней мере, встреча с супругой ему сейчас не грозит... Стянув плащ Астор не глядя швырнул его в колченогое кресло у лестницы, кое-как одолел ее и, дохромав до спальни, с облегчением прикрыл за собой дверь. Чувствовал он себя скверно, пусть и получше, чем утром, — руки тряслись, голова трещала словно готовясь лопнуть, а дыхание сбивалось от малейшего усилия. Ни глотка бренди Карлос ему сделать так и не дал. Правда, здесь была не застава, и сейчас спуститься в погреб Астору уже никто бы не помешал, но... «Тогда точно сорвусь, — подумал он, облизнув пересохшие губы и с трудом отогнав навязчивое желание опохмелиться. — А остановить будет некому». Отлипнув от двери, маркиз с третьей попытки зажег свечу и занялся камином.

Фабио вернулся ни с чем. Ни на первую заставу, ни в поместье Освальдо списков так и не прислали. Может быть, завтра... Маркиз Д'Алваро, почувствовав знакомый холодок, потянувшийся к сердцу, на миг прикрыл глаза. Карлос был прав. Груб, но прав. Пока его друг бесился от злости, заливая вином горечь поражения, мир катился в тартарары. Снова. Как двадцать лет назад. Только тогда Астору некого было беречь, кроме своей страны, а теперь... Кассандра! В преданном огню Даккарае, совсем юная, совсем одна! «Будь проклят этот Данзар!» — вновь подумал маркиз, с ненавистью глядя в огонь. Пальцы его, сжимающие кочергу, свело судорогой. Слухи о диверсии до сих пор оставались слухами, да и о причастности ближайшего соседа к трагедии на Даккарайской пустоши никем не упоминалось, но вывод был очевиден. Конечно, Данзар! Несвойственная сезону активность по ту сторону Туманного хребта и гарнизоны горных крепостей Геона, переведенные в режим повышенной готовности, говорили об этом прямо. Приказа об усилении южных застав их хранители ждали не зря... Но боги с ними, с заставами и крепостями! Даккарай! «Как эти ублюдки только сумели до него добраться? — думал Астор. — И для чего им это было нужно? Жалкие полсотни офицеров, остальное — неоперившийся молодняк!..» Оставив кочергу, маркиз тяжело поднялся с колен и подошел к окну. Прижавшись лбом к холодному стеклу, вгляделся в ночь — там, внизу, в центре голой лавровой рощи, темнел домашний храм Антара. Его узкие окошки-бойницы призрачно светились желтым. Кто зажег свечи у алтаря? Гарет?.. «А должен был я», — промелькнуло в голове. Маркиз опустил глаза. После чего, сомкнув веки, мысленно воззвал к суровому богу войны и неба, моля о прощении. И снисхождении — не к себе, но к тем, чьи крылья еще не окрепли для бури. Кассандра... Кайя... Энрике, Санто и другие — те, чье будущее уже предопределено... «Храни наших детей, Владыка Неба! Возьми нашу силу в обмен на их удачу, укрой их облаками от вражьей стрелы, заслони крылом, освети их путь в поднебесье! Они всё, что у нас есть, — и мы отдали их тебе. Защити наших детей! И да восславят они величие твоё, как славили мы, наши отцы и деды — сталью наших мечей и кровью наших врагов...»

Маркиз Д'Алваро, открыв глаза, обернулся к двери — где-то там, за ней, в глубине

притихшего дома спал его собственный сын. Которого он видел первый и последний раз в день его рождения: нелепое крошечное существо со сжатыми кулачками и сморщенным красным личиком, не вызывающее ничего, кроме растущей пустоты в душе. Астор вновь кинул взгляд вниз, сквозь стекло, и отошел от окна. В комнате, несмотря на растопленный камин, всё еще стоял промозглый холод. Пока воздух прогреется как следует... Да, собственно, почему бы и нет?..

Дверь, ведущая в правое крыло дома, была не заперта. Стараясь не скрипеть половицами, его сиятельство миновал короткий пролет и остановился меж двух дверей, одна напротив другой, в самом начале тонущего во мраке коридора. Правая, за которой было темно, была только чуть приоткрыта, зато левая распахнута настежь и освещена мягким светом масляной лампы. Стало быть, детская, подумал Астор и оказался прав. Просторная комната с веселым набивным рисунком на обоях встретила его теплом, сонной тишиной и неясными шорохами из колыбели под белым крахмальным пологом. Маркиз Д'Алvaro, поколебавшись, приблизился и осторожно раздвинул складки ткани, боясь даже слабым шумом обнаружить свое присутствие, — однако, как выяснилось, осторожничал он зря. Младенец не спал. И выглядел, надо сказать, уже совсем не таким жалким, каким смутно запомнил его отец. Астор задумчиво склонил голову набок. Вылитый дед, подумал он, глядя на сына. Имя своё тот получил по праву: Д'Алvaro, во плоти, хоть клеймо ставь — только глаза светлые. «Наверное, в мать», — подумал маркиз, зачем-то протягивая к ребенку руку. Младенец зашевелился, суча ножками под кружевным одеяльцем, и устоялся на стоящего над ним человека. Человек был ему незнаком. Он смотрел на него сверху вниз, задумчиво хмуря брови, долго смотрел — а потом склонился над колыбелью, неловко просунул ладонь ему под голову и взял его на руки. Тоже неловко, и ладони у него были непривычно грубые, шершавые, но Алонсо не заплакал. Завозился, устраиваясь удобнее, и цепко ухватил незнакомца за палец. Маркиз Д'Алvaro тихо фыркнул.

— А ты не промах, — обронил он, глядя на сына. Тот держал крепко и смотрел победителем. — Да, наша кровь... Ну, и что мне теперь с тобой делать, приятель?

Младенец смотрел на него, поблескивая глазенками из-под кружевной оборки чепчика. Совсем крохотный, но такой до смешного серьезный, что Астор не удержался от улыбки. Ребенок улыбаться еще не умел, поэтому только крепче сжал его палец. А маркиз, краем уха уловив вдруг тихий скрип дверных петель, выпрямился и вскинул голову.

— В-вы? — услышал он. И криво усмехнулся, увидев застывшую у косяка жену. — Что в-вы здесь д-делаете?..

С распущенными волосами, в длинной ночной рубашке замершая на пороге Лавиния сейчас казалась призраком — только широко раскрытые глаза были живые, и в них плескалась тревога. Астор опустил интуитивно выставленное вперед плечо.

— А что вас так удивляет? — помолчав, вопросом на вопрос ответил он. — Это пока еще мой дом. Или вы надеялись меня здесь больше не увидеть?

Маркиза, чье внимание было целиком сосредоточено на ребенке, сделала шаг вперед.

— Зачем в-вы его взяли? — выдохнула она. — Отдайте!

— С какой это стати?

— Отдайте! П-пожалуйста!.. — тревога в ее глазах сменилась отчаянием. — Он же ни в чём перед вами не виноват! Делайте со мной что хотите, только отдайте... Не трогайте его!

Насмешливая полуулыбка сползла с лица маркиза Д'Алvaro. Он развернулся к колыбели, опустил в нее ребенка и, выпрямившись, в два шага оказался напротив жены. Та

втянула голову в плечи, но с места не сдвинулась.

— Что хочу, говорите? — нависнув над ней, переспросил маркиз. — Да неужели?..

Лавиния зажмурилась. Он стоял так близко, что она кожей чувствовала его неровное горячее дыхание, но страх за сына был сильнее.

— Т-только не здесь, — обреченно прошелестела она, — п-пожалуйста...

На долгую минуту в комнате повисла тишина.

— «Не здесь»? — наконец услышала она пустой, тихий голос. — Что «не здесь»? Вы сами-то себя слышите? И кто я по-вашему, животное? Или питаюсь невинными младенцами? Во имя богов, Лавиния, он ведь и мой сын тоже!..

Маркиз Д'Алваро рывком отстранился от жены, покачнулся и, задев плечом косяк, нетвердым шагом покинул детскую.

Даккарай пах гарью. И пеплом — жирным, черным, больше напоминавшим сажу. Им было покрыто всё вокруг пожарища на месте продуктовых амбаров и учебный городок — почти целиком. Пепел лип к сапогам, пачкал плащи, въедался в кожу. Брала его только едкая щелочь.

Граф Бервик прибыл на пустошь еще до полудня следующего дня, воронкой, опередив комиссию и спешно собранный охранный гарнизон: защитники Даккарая и те, кто пришел им на помощь, всего несколько часов как совладали с огнем. Граф еще застал дымное облако над учебным городком, такое же жирное и черное, как облотивший прутья загонов пепел. Рассеялось оно только к вечеру. И этого времени Бервику хватило с лихвой, чтобы подтвердить худшие опасения правящего дома. Диверсия. И в том, кто ее устроил, сомневаться не приходится... Следом за графом, той же воронкой, были один за другим отправлены пятеро его лучших агентов, так что уже через час в Мидлхейм полетел гонец с донесением принцу и образцом сажи — в алхимический корпус, к герцогу эль Хаарту. Спустя полчаса он вернулся с приказом за подписью ее величества о немедленном закрытии школы. А новой воронкой, едва ли не след в след, прибыл первый заместитель верховного мага и второй после него человек в тайной канцелярии — в помощь графу. Означенная «помощь» Бервику по большей части только мешала, но с этим пришлось смириться: не тот был момент, чтоб тянуть одеяло на себя.

Произошедшее в Даккарае явилось для Геона настоящей трагедией. Из пятидесяти человек офицерского состава в живых осталось меньше половины, а тех, кто не был ранен, можно было и вовсе пересчитать по пальцам одной руки. Сорок три дракона задохнулись в дыму — помощь пришла слишком поздно. Но хуже всего дело обстояло с кадетами. На ногах осталась жалкая сотня, и та неполная — несколько десятков притихших, испуганных юнцов, в основном учащиеся первого и второго курсов. Старших выкосило на треть, и это только убитыми.

«Почти сотня трупов, — думал Бервик, покидая переполненный лазарет. — Еще сотня тяжело раненых, еще полторы — временно недееспособных... Храни боги мастера Тайрина, если б не он, Даккарай превратился бы в одну большую братскую могилу». Лицо его сиятельства, без того хмурое, стало мрачнее тучи. Он скорбел о погибших офицерах, многие из которых были в прошлом его собственными преподавателями, но сейчас все его мысли занимали кадеты. Отпрыски лучших семей Геона, дети и внуки тех, кто стоит у трона, кто держит заслон на границах... Тех, кто слишком важен и *нужен*. В голове всплыл длинный список имен, и Бервик, мученически прикрыв глаза, опустил голову. Держать их в неизвестности больше трех дней не получится. Потери придется обнародовать, иначе все главы родов соберутся на пустоши, под стенами цитадели, и давешняя диверсия покажется правящему дому сущим пустяком!..

Он толкнул двери и вышел на крыльцо. Была уже глубокая ночь, с черного беззвездного неба холодной моросью летел дождь. Его сиятельство скользнул затуманенным взглядом по площади, сделал пару шагов вперед и привалился плечом к стене. Беспроигрышный ход, думал он, уставившись в темноту. Данзар просчитал всё. Он посягнул на святая святых, зная, что север никому этого не простит, а уж тем более — вечному врагу. «Они хотят, чтобы мы сделали нужные выводы, — думал граф. — И напали первыми. С агрессором не

церемонятся... На Алмару надежды никакой, Селим Тринадцатый получил своё и в распри не полезет, пока не дойдет до большой крови, а её величеству со дня на день предъявят счет, и кто по нему будет платить?» Бервик громко скрипнул зубами. А потом, уловив краем уха чьи-то мягкие шаги, повернул голову.

— Вы здесь, граф, — сказал Доуэл Прайт, первый заместитель верховного мага Геона и та самая непрошенная «помощь». — Это хорошо. Мы кое-что нашли. Думаю, вам это будет интересно.

— Мне интересно всё, — сдержанно отозвался Бервик, выпрямляясь. К тайникам эль Гроува он относился с прохладцей, зная уровень их мастерства, а Прайт так и вовсе был одним из лучших агентов его светлости. — Что у вас? Подкоп?

— Учитывая мага, это было бы лишним. Всё проще — воронка. И предварительные снятые ориентиры.

— Значит, этот маг был здесь раньше?

— Именно, ваше сиятельство.

— Надо думать, под чужой личиной?

— Несомненно. И скрыв амулет. Однако, на наше счастье, кое-кто из совета отличается редкой памятью на лица...

Доуэл Прайт улыбнулся краем губ, и в этой улыбке промелькнуло холодное удовлетворение.

— Прошу, следуйте за мной, граф, — склонив голову, проговорил он. Бервик отлип плечом от стены. «Воронка, — думал он, молча шагая за Прайтом. — Ориентиры... Если исключить подкоп, то скрытно проникнуть в военную школу, минуя стены, не представляется возможным. Значит, проводника диверсионной группы впустили? У главы караула нет таких полномочий. Их нет даже у членов совета. Неужели?..» Боясь спугнуть неясную догадку, граф оборвал собственные мысли на полужае. Мимоходом кивнув темной размытой фигуре возле фонтана, он проследовал за агентом эль Гроува через площадь, через покрытый слоем сажив двор хозяйственного корпуса, шагнул за порог черного хода и спустился по еле освещенной лестнице в погреб, временно приспособленный под мертвецкую.

Они все были здесь. Погибшие кадеты и офицеры Даккарая — в главном хранилище, а те, кто стал причиной их гибели — в винном подвале, рядом. Ровными рядами уложенные тела — тридцать восемь человек в одинаковых лосинах и куртках без каких-либо опознавательных знаков... Бервик следом за Доуэлом Прайтом вошел в винный подвал. Быстрым взглядом скользнул по влажным стенам, по узкому столу напротив двери, где лежало чье-то бездыханное тело, и отметил, что знакомых лиц прибавилось. Помимо закутанных в плащи первого заместителя главы Даккарая и его секретаря, взгляд графа выхватил из полумрака троих мужчин в форменных камзолах с шевронами тайной канцелярии. Эль Гроув не терял времени даром.

— Сюда, ваше сиятельство, — позвал Доуэл Прайт, сворачивая по узкому проходу к стене. Бервик подчинился. И остановившись возле стола, взглянул на лежащего поверх него человека. Тот до подбородка был укрыт простыней. Маг. Граф вспомнил тело в черном балахоне, нанизанное словно бабочка на острый шип крыши, — и свирепо скалящегося дракона-разведчика с задранной кверху гребнем, что свернулся кольцом вокруг лежащей без движения девушки-кадета. Зверя смог отогнать от наездницы только Сезар Тайрин, других он не подпускал. «И не он ли помог чародею найти свою смерть?..» Бервик скользнул

взглядом по лежащему на краю стола амулету стреснувшим поперек камнем — его нашли в кармане балахона мага-диверсанта. Что произошло там, на крыше? Жаль, мертвецы и драконы не могут говорить, а кадет Д'Элтар, надо думать, очнется еще нескоро.

Оставив это на потом, граф вопросительно взглянул в лицо Прайту. Тот понимающе прикрыл веки.

— Барон Эверли, — мягко произнес он, обернувшись к трясущемуся то ли от холода, то ли от нервов первому заместителю главы школы. — Не соблаговолите ли повторить для его сиятельства всё, что недавно поведали мне?..

— Да, конечно, — мужественно проблеял тот. И покосившись на стол, оттянул высокий крахмальный воротник мундира. — Я... Мне знаком этот человек, ваше сиятельство. Только лицо, имени его я не знаю и встречался с ним лишь раз, но его светлость...

Он сделал паузу и судорожно сглотнул. После чего, собравшись с силами, продолжил:

— Его светлость принимал его в Даккарае. Пару недель назад, должно быть... Но я не знал, что гость — маг, амулета на нем не было. Наверное, он прятал его под одеждой...

— Скорее всего, так и было, — ободряюще улыбнулся Бервик. — А вы не помните, кем он представился? Герцог эль Виатор упоминал об этом?

— Да, мимоходом... Его светлость обмолвился, что гость был купцом, вроде бы из Лессина. Я сначала решил, что это кто-нибудь из новых поставщиков, но после того, как его светлость предложил гостю пройти в свой кабинет...

Бервик, прищурившись, метнул быстрый взгляд на Доуэла Прайта. Тот ответил ему легким кивком. «В кабинет! Личный кабинет главы Даккарая, находящийся в главном корпусе, в самом центре военной школы, являющийся закрытым объектом государственного значения?.. — подумал его сиятельство. — Bravo, дорогой герцог! Вот вы и попались». Он поднял голову и вновь улыбнулся заикающемуся Эверли:

— Полагаю, барон, вы сочли, что гость был чьим-то отцом?

— Да, ваше сиятельство. Некоторые родители желают подробнее ознакомиться с условиями, прежде чем принять окончательное решение, и его светлость...

— Идет им навстречу?

— Да, ваше сиятельство.

— Понимаю. Кстати говоря, вы только что упомянули «новых поставщиков» — они так часто меняются?

— Не то чтобы очень, — опуская глаза, протянул барон, и граф внутренне хмыкнул. — Может быть, раз в год... Редко чаще, только если...

— Только если подворачивается более выгодное предложение, — закончил за него Бервик. Заместитель главы Даккарая вновь нервным движением потянулся к воротничку.

— Я... Поймите меня правильно, ваше сиятельство, я ведь всего лишь помощник его светлости, и не мне ему возражать. Но я был против, клянусь Антаром! Всегда! Ведь устав и... Поверьте, ваше сиятельство! Если бы мой голос имел значение...

— О, разумеется, барон. Я нисколько в этом не сомневаюсь.

Он снова взглянул на Прайта и, подцепив пальцами цепь амулета, задумчиво посмотрел его на свет. Первый заместитель верховного мага Геона улыбнулся Эверли.

— Вы оказали нам большую услугу, ваша милость, — почтительно проговорил он. — И ваша редкая память делает вам честь... Однако у вас выдался тяжелый день, и с моей стороны будет бесчеловечно лишать вас законного отдыха. Не смею больше задерживать. Адам, проводи его милость. Доброй ночи, барон!

— Доброй ночи, господин Прайт, — выдал из себя Эверли. Его похожий на тень секретарь молча согнулся в поклоне. — Доброй ночи, ваше сиятельство!..

Бервик, отвлекшись от амулета, учтиво склонил голову на прощание. А после, проводив взглядом спину барона, усмехнулся.

— У обоих рыльце в пушку, — вынес вердикт он. — Только его светлости на этот раз изменила удача... Герцог прибудет в Даккарай завтра?

— Да. Но не раньше полудня, об этом мы позаботились.

— Хорошо. Эверли хватит времени, чтобы вспомнить как можно больше подробностей, если, конечно, никто ему не помешает. И в последнем, учитывая его секретаря, есть смысл сомневаться — голову даю на отсечение, что этот тихоня исправно наушничает главе школы.

— Не беспокойтесь, ваше сиятельство, Адам присмотрит за обоими. Будьте уверены, Эверли доживет и до утра, и до очной ставки. Дальше его судьбу будет решать ее величество — хотя, полагаю, барон отделается легким испугом да потерей должности. Память у него и впрямь завидная.

— Согласен, — Бервик вернул треснувший амулет на стол. — В любом случае, держите меня в курсе.

— Непременно, ваше сиятельство. Доброй ночи.

— И вам, господин Прайт. Не беспокойтесь, обратную дорогу я найду сам.

— Как будет угодно.

Они одновременно склонили головы, прощаясь, и граф покинул винный подвал. Медленно поднялся по лестнице, прикрыл за спиной дверь черного хода и, остановившись на крыльце, втянул носом влажный холодный воздух, пропитанный запахом гари. «Очная ставка, — подумал он, вспомнив спокойный голос Доуэла Прайта. — Вот, значит, как?» Брови его чуть нахмурились. С одной стороны, этот очевидный намёк на то, что с главой Даккарая можно больше не церемониться, развязывал ему руки, но с другой... Давно ли эль Виатор впал в немилость? И так ли оно есть на самом деле? Верховный маг всегда отличался умением совмещать полезное с приятным, и даже то, что сейчас они с Бервиком делают одно дело, не мешает ему убрать с поля слишком резвую пешку. Его сиятельство, сощурившись, медленно качнул головой. Нет, тут спешить нельзя. И прежде чем брать за химок Герхарда эль Виатора, нужно удостовериться, что следом за какое-нибудь другое место не возьмут его самого.

Кивнув своим мыслям, граф спустился с крыльца и зашагал к воротам. Один из тех пяти агентов, что он привел в школу вместе с собой, был магом. И за сутки, надо думать, прийти в себя от прыжков воронкой туда-сюда уже успел. «Надо было двух брать, — про себя подсадовал Бервик. — Эль Гроув, вон, мигом мой промах учёл...» Он привычно поморщился. Верховному магу Геона было не привыкать учиться на чужих ошибках: своему первому заместителю он выделил целый десяток бойцов, и не обладающих даром среди них было только трое. Пожалуй, надо велеть гонцу прихватить из Мидлхейма на обратном пути кого-нибудь из собратьев по силе, решил его сиятельство, выворачивая в проулок. Краем глаза отметил встречное движение в густой тени ограды и сбавил шаг. Из темноты к нему скользнула всё та же размытая фигура, что он недавно оставил возле фонтана.

— Мы осмотрели кабинет главы, ваше сиятельство, — услышал Бервик. — Всё подтвердилось, он был отправной точкой диверсии.

— Еще что-нибудь нашли?

— Нет, ваше сиятельство.

Ну да, кисло подумал Бервик. После ищек Прайта в кабинете, уж верно, даже соринки на полу не осталось!

— Жаль, — обронил он. — Ну да ладно. Где остальные?

— Мэддокс заканчивает с учебным городком, Дантре и Крэйг еще не вернулись, Гренвиль в лазарете — рук не хватает, а он, вы знаете, смыслит в алхимии...

Бервик кивнул понимающе. Агент Гренвиль был тем самым единственным магом из его пятерки. Ну, пусть. Эликсиры мешать — не камни ворочать, сильно не перетрудится.

— Из Мидлхейма не было вестей? — спросил он. Агент с готовностью выпрямился:

— Только что прибыл гонец от магистра алхимии, ваше сиятельство. Он тоже в лазарете, вместе с Гренвилем.

— А! Саж!

— Так точно, ваше сиятельство. Прикажете сопроводить вас в лазарет?

— Это лишнее, — задумчиво отозвался граф. Обернулся в сторону почерневших ворот и мимолетно нахмурился: — Отправляйся в караул, к апартаментам барона Эверли. Дорогу знаешь?

— Так точно. Караул нести скрытно, ваше сиятельство?

— Да. Там уже стоит один из людей Прайта, не попадайся ему на глаза. К рассвету тебя сменят.

— Будет исполнено, — вновь склонил голову агент и бесшумно растворился в ночи. Бервик поднял воротник плаща. «Вздремнуть бы хоть пару часов, — подумал он, возобновляя движение. — Завтра сюда явится эль Виатор во всём блеске оскорбленной невинности, и мне понадобится свежая голова». Подавив зевок, граф встряхнулся и свернул по проулку в сторону фонтана.

Освободился он лишь незадолго до рассвета. Пока нашел в лазарете агента Гренвиля, пока отправил его в Мидлхейм, снабдив запиской к его высочеству и устным приказом доставить в Даккарай еще одного мага, пока выдернул из госпитальной лаборатории гонца первого алхимика, пока дождался возвращения остальных трех агентов и отослал спать вернувшегося с подкреплением из столицы четвертого... Одним словом, с тем же успехом можно было уже не ложиться вовсе. Зевающий в воротник граф оглядел забитый под завязку лазарет, прикинул, что дорога до кадетского городка, пусть там теперь и полно свободных кроватей, займет не меньше получаса в одну сторону — и притулился в углу, за ширмой, на деревянной лавке. Удобство его уже не заботило.

Однако стоило ему сунуть под голову скатанный валиком плащ и смежить веки, как проклятая ширма скрипнула, над головой раздалось тихое «Ой» — и открывший глаза Бервик встретился взглядом с невысокой хрупкой девушкой в серой защитной робе. Из под полы робы выглядывали носы кирзовых сапог. Кто-то из кадетов, понял граф. У лекарей на подхвате.

— Простите, — виновато прошелестела девушка. — Я не знала, что вы... Я только возьму бинты! Вы спите, спите!

Бервик неопределенно шевельнул плечом. Поспишь тут, как же, хмуро подумал он, снизу вверх глядя на незваную гостью. Коробки с бинтами стояли на самом верху стеллажа, в головах лавки, а росту в девице было всего ничего. Понаблюдав с минуту за ее мучениями, граф с тоской вздохнул про себя и сел. «Не судьба», — философски подумал он. После чего поднялся, шагнул к стеллажу и снял с его верхней полки две большие коробки.

— Эти? — спросил он. Девушка, смутившись еще больше, кивнула.

— Спасибо, — выдохнула она. — Извините... Вы устали, и лечь совсем негде, а я... Хотите, я принесу вам подушку?

Бервик только утомленно махнул рукой и вернулся к лавке. Ширма скрипнула снова, и кто-то еще в серой робе прошмыгнул к стеллажу и обратно. Да медом им всем тут намазано, что ли? «Надо было чулан какой найти, — запоздало подумал граф. — Потемнее. Или прямо в кабинете герцога на софе устроиться, точно ничего бы не пропустил». Откинувшись спиной на стену, он поднял взгляд вверх и обнаружил, что девушка с бинтами до сих пор здесь.

— Что такое, кадет? Достать вам еще одну коробку? Так вроде бы я взял последние.

— Нет-нет, что вы! — отчаянно конфузясь, пролепетала она. И, поколебавшись, спросила тихонько: — Вы... вы же граф Бервик, да?

— Он самый, — его сиятельство склонил голову набок. Отчего-то вдруг ее лицо показалось ему смутно знакомым.

— Вы меня, наверное, не помните. Я Сельвия Д'Ориан, мой старший брат служит в дворце, гвардейцем... Он говорил, что вы когда-то учились вместе.

— А! Франко? — улыбнулся граф, тотчас же вспомнив эту похожую на фею девушку с большими карими глазами и волосами цвета осенней листвы. — Служит. Не беспокойтесь, с ним всё в порядке.

— Это хорошо, — робко улыбнулась она. — Но я... Нам запретили пока что писать домой, а братец, наверное, волнуется. Такая была ужасная ночь! Столько людей погибло... Ваше сиятельство! Я понимаю, это дерзость с моей стороны, но всё же... вы не могли бы...

Бервик фыркнул. Д'Орианы всегда отличались редким простодушием.

— Я передам Франко, что вы не пострадали, — сказал он. — Как только вернусь во дворец.

— Спасибо, ваше сиятельство! — вспыхнув от радости, прошептала девушка. — И простите, что разбудила... Спасибо!

Она прижала к груди коробки с бинтами и исчезла за ширмой. Бервик насмешливо шевельнул бровью. Какое бесхитростное дитя. «И что ее отцу пришла за фантазия отправить дочь в военную школу?... — невольно подивился он, укладываясь обратно на жесткую лавку. — Совсем ведь ребенок, да и какой из нее солдат?» Он зевнул и закрыл глаза.

Гул голосов под потолком лазарета становился всё тише и тише, почти беззвучно уже скрипнула ширма, и кто-то, на цыпочках подкравшись к лавке, склонился над графом. А потом, жалостливо вздохнув, осторожно сунул ему под голову подушку. Его сиятельство улыбнулся во сне.

Герхард эль Виатор изворачивался как мог. А уж спектакль, разыгранный им по прибытии, был поистине шедевром самооправдания: герцог рвал на себе волосы, взывал к состраданию, апеллировал к заботе о будущем школы, призывал все кары небесные на головы диверсантов, каялся, превозносил, отпирался, клялся жизнью и всеми богами... На главу следственной комиссии в лице графа Бервика этот театр одного актёра впечатления не произвел, сама комиссия была проинструктирована заранее, так что прямо из Даккара герцог был отконвоирован в родовое поместье, временно лишенный всех полномочий и с приказом имения не покидать — до особого распоряжения. Притянуть эль Виатора еще и за растрату не смог даже Доуэл Прайт. Он вместе со своими ищейками перелопатил архив, изучив все расходные книги от корки до корки, но в результате вынужден был признать, что

зря тратит время. Герцог успел привести документы в порядок — надо полагать, еще год назад, когда на горизонте замаячила опала у правящего дома. Члены совета школы хором клялись, что знать ничего не знают, заместитель его светлости, барон Эверли, тоже не рискнул слишком уж распускать язык, лишь повторив историю про допуск в кабинет главы школы постороннего лица и то, что означенное лицо определено было одним из участников диверсии. Большого из него выжать не смогли. Да и не слишком старались — на пороге войны ссориться с одним из самых влиятельных семейств Геона было не лучшим решением. Оступившийся глава рода был признан косвенно виновным в произошедшей трагедии и отправлен под домашний арест с наказом в течение года вернуть семьям погибших кадетов оплату за их обучение в полном объеме — из собственных средств, но остальных эль Виаторов не тронули. Хотя могли бы, и повод был повесомее, чем злоупотребление служебными полномочиями: ответ на вопрос, как сильно должен быть наказан главный виновник и, собственно, по какой на самом деле причине, граф Бервик получил еще до начала разбирательств. Он писал его высочеству, но ответ пришел не от него — за личной подписью верховного мага и печатью королевы Геона.

«Сталь, — вот что прочел Бервик в короткой записке. — За контрабандой стоит эль Виатор. Подтверждено и доказано. Обнародованию не подлежит. За остальное спросить по всей строгости, удалить от Даккарая и столицы и приставить охрану. Семьи не касаться».

Уточнений больше не требовалось. Исполнив волю вышестоящих и проверив готовые списки убитых и раненых, Бервик дождался прибытия охранного гарнизона, назначил Сезара Тайрина временно исполняющим обязанности главы школы и отбыл в столицу. Доуэл Прайт со своими людьми выехал следом.

Мидлхейм встретил их настороженно, притихший и словно придавленный сверху грузом дурных предчувствий. А первый же королевский совет, на который собралось почти всё высшее дворянство, едва не закончился бунтом: по зачтении привезенных Бервиком списков шум в зале заседаний поднялся такой, что даже верховный маг своим знаменитым басом отнюдь не сразу смог его унять. Главы родов и представители древнейших семейств Геона галдели как стая чаек, требуя возмездия, — в том, чья воля послала на Даккарайскую пустошь диверсионный отряд, не сомневался никто. И пусть герцогу эль Виатору, надежно укрытому караулом в своем поместье, тоже наверняка долго икалось, но в имени главного виновника совет был единодушен — Данзар. Ответить немедленно!.. Кровью за кровь!.. Добиться тишины удалось с трудом, однако продержалась она недолго: услышав, что Геон в ближайшее время никому не намерен объявлять войны, едва совладавшие с собой отцы и деды, графы, бароны и герцоги вновь повскакивали с мест. Возмущению их не было предела. Многие из них со дня на день ждали из Даккарая заколоченные гробы, часть лишилась единственных наследников — и они рвались бой, закусив удила и не слушая никаких доводов. Наследный принц, а следом за ним и верховный маг потерпели поражение, пытаясь обуздать этот единый порыв, грозящий вот-вот превратиться в сбор ополчения, но, милостью богов, обошлось. До поры молча внимавшая общему гвалту Стефания Первая выпрямилась на троне, обвела взглядом взбудораженную толпу и коротко велела «прекратить свару». После чего холодно произнесла:

— Господа жаждут отмщения? Извольте. Но прежде чем я отдам приказ, мне придется напомнить всем присутствующим о том, что Геон не готов к войне. Перевооружение еще не закончилось, а страна едва только оправилась от прошлогодней засухи. Прикажете отослать на фронт необученных солдат? А после уморить голодом либо их, либо ваших крестьян?..

Войны не избежать, мы все это знаем, но на носу зима! А на счету сейчас каждый боец — части которых, пусть малой, мы только что лишились. Вы желаете, господа, отправить следом за ними и всех остальных? Граф Монтрел! Вы потеряли старшего сына — но что касается младшего? Вы готовы послать его на смерть следом за братом?.. Барон Доуби! Ваш единственный наследник погиб, но у вас есть племянники, и пусть учатся они не в Даккарае, но война коснется всех кадетов, в небе и на земле, — вы готовы остаться даже без этого утешения?.. Граф Декстер! Ваш сын жив, но тяжело ранен, — хотите ли вы его, едва вставшего на ноги, вновь бросить в бой?.. — она уперлась требовательным взглядом в бледное лицо Сэмюэла Декстера, и тот опустил глаза. — Мы разделяем боль каждого из вас и скорбим вместе с вами. А тому, кто поднял меч на ваших детей, это вернется сторицей — но не теперь. Геон умеет помнить. И с каждым днем его мощь растет. Разумеется, мы можем объявить войну сейчас, дав повод врагу оклеветать нас перед всем миром как захватчиков, — но не лучше ли взять себя в руки, смирив до поры своё горе?.. Нам еще есть, что терять, — ее величество умолкла на мгновение и закончила: — Я отдам приказ, если так решит большинство. Но и последствия мы разделим поровну. Кто из вас к этому готов?

Таких не нашлось. Члены совета, скрепя сердце, вняли голосу здравого смысла и вскоре разъехались по домам, Стефания Первая слегла с жестокой мигренью, а наследный принц Геона вместе с графом Бервиком и герцогом эль Гроувом переместились в апартаменты последнего. Угроза немедленного объявления войны пока миновала, но она, к сожалению, была не единственной.

— У нас мало времени, господа, — проговорил верховный маг, когда все трое заняли кресла вокруг камина в его роскошной гостиной. — Данзар ждет от нас решительных действий, а не дождавшись, наверняка предпримет попытку зайти с другой стороны. Даккараю, конечно, это уже не грозит, но он не единственная военная школа в Геоне — и пусть я не думаю, что Норт-Прентайсу хватит самонадеянности пойти проторенной дорожкой, на этот счет лучше подстраховаться.

— Я этим займусь, — кивнул принц. Эль Гроув благодарно кивнул.

— Если потребуется, — добавил он, разливая кофе, — вся тайная канцелярия в вашем распоряжении, ваше высочество. Прайт лично проследит за исполнением — можете обращаться к нему напрямую в любое время дня и ночи...

— Так и сделаю, — Рауль принял из его рук чашечку, а верховный маг Геона, помолчав, продолжил:

— Мэйнард Второму не с руки делать первый шаг к барьеру, так что, увы, скорее всего произошедшее на Даккарайской пустоши — лишь первая ласточка. Ее величество, как вы знаете, уже отдала приказ об усилении наших горных крепостей, и в самое ближайшее время точно такой же приказ получают все наши пограничники. Которые, боюсь, не лучше членов совета — необходимо позаботиться о том, чтобы хранители не наломали дров.

— Не отвечать на возможные провокации?.. — протянул Бервик. — Да, этот пункт лишним не будет, особенно учитывая южную границу. Там уже третью неделю подозрительное шевеление над хребтом. Пока хранители успешно его игнорируют, но уже завтра утром списки из Даккарая станут достоянием общественности, и предугадать ответную реакцию нетрудно. Юг горяч и вспыльчив. Достаточно одной стычки, пусть даже на условно нейтральной территории — и нам швырнут в лицо перчатку.

Рауль Норт-Ларрлайн вернул свой кофе на столик.

— На южной границе найдутся трезвые головы, — сказал он. — Как минимум одна так

уж точно. И эта голова, по счастью, кое-чем обязана правящему дому в моем лице... Д'Освальдо, несмотря на скромный титул, имеет вес среди соратников. К тому же дети его, согласно спискам, более чем живы.

— Сыновья оба ранены, но не тяжело, — дополнил граф. — А дочь так вообще отделалась легким испугом.

— Тем более, — раздумчиво кивнул принц. — Я нынче же напишу барону. И, полагаю, поддержку с его стороны мы получим.

Верховный маг одобрительно прищурился.

— Значит, за юг мы можем быть относительно спокойны, — сказал он, обведя взглядом лица своих собеседников. — Восточная граница, принимая во внимание Алмару, защищена лучше всех других. Северная... Насколько мне известно, граф, вам всё же удалось встряхнуть тамошних хранителей, да и соседство с герцогством Лилии дает надежду на лучшее. А вот с западом другая ситуация.

Молодые люди переглянулись. Эль Гроув, заметив это, качнул головой:

— Понимаю, Норт-Прентайсы всегда приходили с юга. И то, что сейчас происходит над Туманным хребтом, Геон видит не в первый раз. Но Мэйнард Второй не слишком дорожит традициями: диверсия в Даккарае и его ставленник в кресле архимага самое яркое тому подтверждение. В конечном итоге, не зря же Данзар вдруг озаботился флотом? И не под его ли дудку теперь пляшет Бар-Шабба?..

— То есть, вы предполагаете обманный маневр? — наследный принц шевельнулся в кресле. — И нам имеет смысл ждать основного удара на западе?

— Определенно, ваше высочество. Но южной границе в любом случае расслабляться не следует.

Его высочество вновь переглянулся с Бервиком.

— Что ж, — помолчав, обронил он, — это, конечно, догадки, но в них есть свой резон... Однако что касается Бар-Шаббы? В ее высшей школе, полагаю, устроить резню по примеру Даккарая не представляется возможным, но тем не менее. Не вижу смысла тянуть с этим дальше — наши адепты должны вернуться домой.

— Полностью согласен, ваше высочество, — эль Гроув посмотрел на Бервика. — Ваши люди готовы?

— Давно, ваша светлость, ждут только приказа. Номер Второй еще в сентябре утвердил план действий на этот случай с главой вашей резидентуры в Бар-Шаббе.

— Очень хорошо. Тогда нужно дать знать обоим, чтобы адепты готовились по сигналу покинуть остров.

Граф склонил голову, принимая к сведению. Верховный маг сделал еще один крошечный глоток кофе:

— Сборы, согласование и подготовка отхода займут некоторое время, — проговорил он, взглянув на принца. — До двух дней, я полагаю.

Рауль Норт-Ларрмайн качнул головой.

— Постарайтесь уложиться в один, — сказал он. — Время дорого. Повторения того, что случилось на Даккарайской пустоши, мы допустить не должны.

За окном тяжело и лениво падал первый снег. Саян Нга-Унур, с ногами забравшись на подоконник и прилипнув носом к стеклу, замороженно следил за крупными белыми хлопьями, что летели с неба. Уроженец жаркого Эйсера, где зимы-то как таковой не бывало, а уж снега — тем более, он ждал его прихода в Бар-Шаббу каждый год. И каждый раз с каким-то детским восторгом. «Скоро всё станет белым, — думал он, счастливо жмурясь. — На Береговой снова зальют каток...» Плоское лицо адепта Нга-Унура расплылось в мечтательной улыбке, а узкие глаза превратились в две щелочки. Каток был его тайной страстью.

Позади громко хлопнула дверь. Саян, торопливо вернув лицу подобающее выражение, обернулся.

— Здравствуй, Нейл, — сказал он. — Там снег.

— Я знаю, — отозвался сосед. Потом сбросил на коврик у двери блестящие от влаги ботинки, швырнул мокрый плащ на крюк и стянул через голову балахон. На приветствие он не ответил.

— Я заварил свежий чай, — подумав, сказал адепт Нга-Унур. — Будешь? Еще горячий.

— Нет.

Несколько удивленный Саян склонил голову набок. Весь третий курс ему вынужденно пришлось провести бок о бок с шумным заносчивым берсийцем, приходившимся племянником кому-то из соправителей и оттого порой просто невыносимым, так что нового соседа Саян высоко ценил — даже несмотря на былые ночные побудки, которые, впрочем, уже успели забыться. Нейлар эль Хаарт всё время посвящал учебе, гости у него бывали редко и такие же тихие, да и человеком он был спокойным, вежливым. А тут ни «здравствуй» в ответ, ни «спасибо». И бледный какой-то. Уж не заболел ли? Саян, бросив прощальный взгляд за окно, сполз с подоконника и, подумав, снял с полки две чашки. Оглянувшись на соседа — тот уже растянулся на своей койке поверх одеяла, заложив ладони за голову. «Странный сегодня», — подумал адепт Нга-Унур, протягивая руку к спиртовке. Но так и не донес: на полу у входа что-то блеснуло, и Саян, близоруко сощурившись, увидел соседский амулет. Верно, соскользнул с шеи хозяина следом за балахоном. Эйсерец, оставив спиртовку, просеменил к двери. Нагнулся, поднял цепь с пола и взглянул на прозрачный зеленовато-желтый хризолит в центре серебряного квадрата.

— Лууны нуд, — пробормотал он, любясь чистотой камня. С койки адепта эль Хаарта послышался шорох.

— Что?.. — рассеянно отозвался Нейл. — Ты что-то сказал?..

Саян шагнул к изголовью кровати и смущенно вытянул руку.

— Лууны нуд, — повторил он с гортанным островным акцентом. — Драконий глаз, у нас он называется так. Ты обронил. Возьми.

Лицо соседа на миг стало еще бледнее. Он застыл, не сводя глаз с амулета, потом молча кивнул, забрал его и отвернулся к стене. Саян, озадаченно пожав плечами, вернулся к столу. Адепт эль Хаарт и впрямь вел себя странно. «Наверное, с учебой не так что-нибудь», — поразмыслив, решил эйсерец, разжигая спиртовку.

Нейл, уставившись в стену, отстраненно прислушивался к тихому бульканью воды. Вот скрипнула ручка чайника, брякнула о столешницу кружка... Драконий глаз. На эйсерском

так даже не выговорить. Демон бы взял тех драконов — с Даккараем в придачу!.. Вновь вспомнив о Даккарае, Нейл стиснул зубы.

Нынче вечером они с Зигги, как обычно, собирались встретиться в «Орле и полумесяце» за ужином, но не случилось. Явившись в трактир к семи и напрасно прождав товарища едва ли не час, адепт эль Хаарт встревожился. Уж куда-куда, а к столу де Шелоу никогда не опаздывал. «Не случилось ли чего?» — думал Нейл, шагая обратно к казармам. Зигмунд нашелся в собственной комнате, живой, здоровый, но в совершенно растрепанных чувствах. Виной тому оказалось письмо из столицы, от матери — то, что адепт де Шелоу в нем прочел, заставило его позабыть обо всем, включая и голод, и друга.

— Это какой-то ужас, Нейл! — горестно повторял он, потрясая зажатым в кулаке конвертом. — Как такое возможно?! В самом сердце Геона, на Даккарайской пустоши!.. Диверсия! Боги-хранители!

Нейл, от одного упоминания Даккарайской пустоши тут же принявший сторожевую стойку, внутренне вздрогнул.

— О чем ты, Зигги? — глядя в расстроенное лицо де Шелоу, выдохнул он. — Что происходит? Да говори ты толком!

Зигмунд, шмыгнув носом, подчинился. Всплескивая руками и через слово поминая богов, он рассказ товарищу последние новости Мидлхейма — точнее, одну, затмевающую все прочие. В военной школе Даккарая третьего дня произошла диверсия — точнее, наверняка это еще не известно, но так говорят... Еще говорят о больших потерях, о том, что Даккарай выгорел едва ли не дотла, о целом гарнизоне, спешно отправленном на пустошь, о задохнувшихся в собственных стойлах драконах... Ужас, ужас!

— Школа закрыта королевским указом, — потерянно бормотал Зигмунд, — и весь Геон ждет списков погибших — говорят, среди них почти что одни кадеты... Боги-хранители, Нейл! Ведь там же *она*!..

Адепт эль Хаарт молча смотрел на друга. Зигги, конечно, говорил о герцогине эль Тэйтана, в последнее время чуть меньше, чем полностью занимавшей все его мысли, и беспокоился по большей части тоже лишь только о ней. Но такая «она» среди кадетов первого курса была не единственной. «Сандра», — холодея, подумал Нейл. И на долю секунды представив себе окруженного стеной пламени кадета Д'Элтар, едва не взвыл следом за де Шелоу о богах и хранителях. Сандра! И драконы — да разве бы стала она спокойно смотреть, как гибнет ее собственный? Ведь полезла бы, непременно полезла спасать, как когда-то его самого, в окно библиотеки!.. Нейла прошиб холодный пот. Он слишком хорошо знал свою подружку, чтобы надеяться на лучшее.

— Как же так, Нейл? — беспомощно глядя на него, лепетал де Шелоу. — Ведь цитадель Даккарая неприступна! Она доверху набита бойцами! Как такое вообще могло случиться?!

— Не знаю, Зигги, — с трудом вытолкнул из себя адепт эль Хаарт. И с еще большим трудом нашел в себе силы добавить: — Держись. Мало ли что говорят. Нужно дождаться, когда... С ее светлостью все хорошо, я уверен.

Слова утешения прозвучали сухо и неубедительно, но Зигмунд это вряд ли заметил. Он едва не плакал от расстройства. Нейл заставил его принять успокаивающих капель, посидел с ним еще немного и ушел. Он долго бродил по Пику, сначала под дождем, потом под сменившим его мокрым снегом, пытаясь не думать о том, что услышал, но выходило плохо. Умом Нейл понимал, что у страха глаза велики и рано впадать в отчаяние — маркиза де Шелоу в письме озвучила сыну лишь только слухи. Списков погибших из Даккарая в столицу

еще не прислали, и вовсе не факт, что когда пришлют, в них окажется имя Кассандры Д'Элтар. Однако доводы рассудка не в силах были заглушить тревогу: мысли Нейла, путаясь, всё время сворачивали на одно и то же, а перед глазами стояли обугленные руины Даккарая. Промокнув до нитки, адепт эль Хаарт вернулся в свою казарму. Что еще он мог сделать?

Надо было послушать отца, думал Нейл, лежа на покрывале и глядя в стену. И Райана, он ведь говорил, что миру недолго осталось. Но кто мог предположить тогда, полгода назад, что первой под удар попадет Даккарайская пустошь? Кому это вообще могло прийти в голову? И его светлость, и номер Второй, оба кивали на Бар-Шаббу. Начаться всё должно было здесь! А если не здесь, так где угодно, только не *там!*.. Адепт эль Хаарт сжал в кулаке амулет. Будь его воля, он был бы уже на пути домой, пусть и не представлял, что сейчас стал бы там делать. Ждать, так же, как ждет весь остальной Геон? Так это можно и в школе. Но пока обнародуют списки, пока эта новость во всех подробностях дойдет до Бар-Шаббы... «Зигги рехнется от нервов, — мрачно подумал Нейл. — И я с ним заодно. Вот что мне стоило быть помягче с Райаном?!» Вспомнив о старшем товарище, молодой человек скрипнул зубами от досады. Пусть адепт Рексфорд и числился среди буревестников только вторым номером, Нейл не сомневался, что о содержимом пресловутых списков он узнает первым в Бар-Шаббе. Если уже не узнал. «И если б я жалом почем зря не вертел, то и мне перепало бы, — злясь на себя, думал адепт эль Хаарт. — А теперь? Не могу же я вот так запросто явиться к нему с расспросами? И даже если удастся подбить на это Зигги — в лучшем случае мы узнаем, жива ли его драгоценная герцогиня». Нейл дернул щекой и перевернулся на спину. До подруги Сандры ему не было дела. А вот до нее самой было, и еще какое, — да что с того пользы? Проклятая неизвестность!

Молодой человек закрыл глаза. И на мгновение представив в конце длинного списка имя «Д'Элтар», поежился. Нет, решил он. Иногда чего-то всё-таки лучше не знать...

«Приют Менестреля», как и большинство заведений Береговой линии в разгар дня, был почти пуст. Только за столиком у окна степенно вели беседу двое купцов, да опущенная бархатная занавесь укромной ниши в углу говорила о том, что внутри кто-то есть.

Райан Рексфорд, развалясь на подушках, покусывал мундштук шаашира. Время от времени он вдыхал в себя горячий ароматный пар, но расслабления это не приносило. Пару бокалов вина было бы куда лучше — или хотя бы щепоть того же нуиса... Подумав об этом, он с досадой поморщился. Ничего, что могло хоть сколько-нибудь затуманить разум, номер Второй сейчас позволить себе не мог. Подобно остальным буревестникам он третий день находился в подвешенном состоянии, каждую минуту ожидая сигнала. Новости из Геона были хуже некуда. А вчера ночью Рексфорду наконец попал в руки список потерь на Даккарайской пустоши — одно имя громче другого! — и время потекло еще медленней, с каждой новой песчинкой всё больше натягивая без того замершие на пределе нервы. «Когда? — вгрызаясь в мундштук, думал Райан. — Сегодня? Завтра? Почему нет сигнала, что они тянут?» Он запрокинул голову к потолку и, закрыв глаза, выдохнул вверх белую струйку пара. Он не любил ждать. А неизвестность действовала на него хуже красной тряпки на быка. С тех пор, как номер Первый сообщил ему о том, что произошло в Даккарае, Рексфорд почти не спал. Он еще раз снесся с главой резидентуры верховного мага и вновь уточнил все детали, он перевел в режим повышенной готовности всех буревестников, он проверил тайные ходы из школы и пути отступления на случай возможной погони, едва удержавшись, чтоб не наведаться к гроту на берегу, где загодя были спрятаны лодки... И всё это он успел

за двое суток, на трети, вчерашние, обеспечив себе двадцать четыре часа бессмысленного и оттого еще более мучительного ожидания. Сигнала не было, даже обнародованные нынешним утром списки ничего не изменили. А ведь еще до вечера они разлетятся по всему Геону — и Бар-Шабба уж точно не останется в стороне! «Во имя богов, чего они ждут, там, в столице? — про себя бесился Райан. — Чтобы и нас всех перерезали? Нет, это, конечно, вряд ли, слишком много свидетелей и велик шанс зацепить кого-то из тех же Алмары или Эйсера, но...»

По ту сторону низкого столика тихо зашуршала парча, и адепт Рексфорд, открыв глаза, выпрямился отпущенной пружиной. Пора?

— Тьфу ты! — не сдержавшись, плюнул он, увидев лицо незваного гостя. — Фаиз! Ты когда-нибудь научишься хотя бы стучать?!

Уже успевший устроиться на подушках со всем удобством алмарец приподнял брови.

— Куда стучать? — лениво поинтересовался он. — В занавесь?..

— Можно подумать, дверь что-то бы изменила, — раздраженно огрызнулся Райан. Ненависти к Фаизу он, в отличие от Нейла, никогда не испытывал, но бесил его заносчивый алмарец знатно, причем еще с самой первой встречи. Это, разумеется, приходилось скрывать. И терпеть все выкрутасы ан Фарайя как должное, пусть иной раз и хотелось вместо улыбки в ответ хорошенько врезать ему промеж глаз. Однако служба не позволяла. Да и как боец Райан до Фаиза не дотягивал, только зря синяки собирать... Кое-как взяв себя в руки, адепт Рексфорд вновь откинулся на подушки.

— Что ты здесь забыл? — спросил он, исподлобья взглянув на алмарца. Ан Фарайя неопределенно пожал плечами.

— А ты? — вопросом на вопрос ответил он, набивая узкую курительную трубку. Поджег, раскурил и, заметив промелькнувшую в глазах приятеля голодную зависть, фыркнул. — Что, Рексфорд, совсем прижало? И вина, я смотрю, на столе нет... — он покосился на графин рядом с шаширом и брезгливо сморщил нос: — Фруктовая вода? Папенька таки прикрыл золотую жилу, или ты решил взять пример с нашего святоши?

«Лучше бы ты с него пример взял, — мрачно подумал Райан. — И держался от меня подальше вместе с этой своей ехидной улыбочкой». Он приложил к губам мундштук, сделал вдох, выдохнул пар и буркнул:

— «Нашего»!.. Да теперь уж скорей твоего. Поздравляю, можешь гордиться собой — парня ты мне испортил. Ну скажи, наконец, что за шлея тебе под хвост попала? Эль Хаарт теперь от меня шарахается как от чумы!

Фаиз хохотнул.

— Тут уж ты сам постарался, — заметил он, пуская колечки. — Нечего виноватых искать.

— Ну разумеется, опять я крайний!

— А кто еще? — алмарец сунул под локоть подушку. — Умиляешь ты меня, Рексфорд. Тебе не приходило в голову, что даже такой сопле, как эль Хаарт, могут не понравиться твои игры?

— Зато твои, я гляжу, пришлись ко двору, — обронил Райан. И добавил задумчиво: — Одного только не понимаю — тебе-то он был на кой? Вкусы поменялись, или просто меня решил позлить, а, Фаиз?

Губы алмарца изогнулись в снисходительной усмешке.

— А ты всё о себе да о себе, — обронил он. — Впрочем, как обычно...

Ан Фарайя потянул из трубки, расслабленно выпустил в лицо приятелю белую дымную струйку и, заметив, как дрогнули его ноздри, хмыкнул.

— Хочешь? — предложил он, протягивая трубку Райану. — Благотворительность — не моё, но на тебя же смотреть жалко.

— Нет, — скрипуче отозвался тот, сжимая зубами мундштук. Фаиз ехидно осклабился, но промолчал. К потолку снова мягко поплыли колечки дыма. Сладковатый дурманящий запах быстро заполнял нишу, и Райан, прикинув, что через каких-нибудь полчаса ему и курить не понадобится — так развезет — выпрямился на подушках.

— Ты что хотел-то, Фаиз? — спросил он. Вместо ответа алмарец снова пожал плечами. — Ну, раз ничего, тогда приятно тебе отдохнуть. А мне пора.

Не дожидаясь ответа, он поднялся, бросил на стол пару монет и вышел. Ан Фарайя проводил его смеющимся взглядом. Потом сгреб под спину побольше подушек и протянул руку к стакану с фруктовой водой. Бедняга, подумал он. Из последних сил держится, службу блюдет. А жаль. Хоть раз бы сорвался!..

Фаиз сделал пару глотков теплой, переслащенной медом воды, поморщился и шевельнулся на подушках, услышав по ту сторону дверной занавеси тихий знакомый шорох.

— Гаяр? — позвал он. Бархатные складки колыхнулись, и в нишу проскользнул один из его соседей по комнате, широкоплечий адепт с перебитым носом.

— Да, мой господин, — поклонился он.

Фаиз открыл глаза.

— Сколько тебе говорить — называй меня на людях по имени! — недовольно бросил он, перейдя на шарарский язык. — Или хотя бы не на алмарском!

Тот виновато опустил голову.

— Простите, мой господин, — тоже по-шарарски отозвался он. — Прикажете проследить за...

— А! — отмахнулся ан Фарайя. — Это лишнее. Куда Рексфорда понесло, я и так знаю. Третий день на взводе, а напряжение сбить нечем — в «Хризантеме» за ним без тебя приглядят... Что эль Хаарт? До сих пор снег месит?

— Нет. На занятиях, как обычно.

— Вот как, — пробормотал Фаиз, с сомнением шурясь. «Как обычно» — это на его бывшего ученика было непохоже. Особенно после вчерашних брожений по темноте, не разбирая дороги. Причину искать долго не пришлось — о происшествии в Даккарайской военной школе Фаиз уже знал, как и о том, что Нейла на этот счет тоже просветили. «Ну, с де Шелоу понятно, — думал он, машинально прихлебывая больше похожую на сироп фруктовую воду. — Он весь в любовных метаниях и трясется за свою герцогиню. А эль Хаарту-то с чего дергаться? Из чистого патриотизма? Чушь. Может, он и сопля, но уж точно не сентиментальная. И что такое война, еще не знает». Алмарец потянул к губам свою трубку. Даккарай... Нет, дело не в диверсии, а в самой школе. «Там ведь обучают наездников?» — промелькнуло в голове. А следом вспомнился залитый лунным светом чахлый сад, заброшенный пруд — и огромная крылатая тень с оскаленной пастью. То был дракон. Не настоящий, живой, но вполне способный убить. Скорее всего, фантом. «Только овеществленный, — еще больше сощурился ан Фарайя. — Такого без практики не создашь даже во сне». Он поставил стакан на стол, разжег погасшую трубку, выпустил одно сизое колечко, другое... Драконы. Интересно, кого мог ждать в саду посреди ночи пугливый мальчишка? Уж не одного ли из тех, кто сейчас заперт на Даккарайской пустоши?..

Бархатная занавесь колыхнулась вновь, и в нишу проскользнул второй его сосед по комнате. Фаиз, оторвавшись от своих размышлений, поднял голову:

— Салим? Ты почему пост оставил?

— Виноват, — молодой человек привычным движением опустился на колени перед господином и, сунув руку за пазуху, протянул Фаизу запечатанный свиток. Ан Фарайя, нахмурившись, сел. Взял подношение, сбил печать, прочел короткое донесение и выругался.

— Возвращайся на Пик, — пружинисто поднимаясь на ноги, бросил он. — Гаяр остается со мной. В школе будем к вечеру, если ситуация изменится, сообщу.

— Будет исполнено, — не поднимая на него глаз, отозвался Салим. Встал, поклонился и вышел. Гаяр, всё так же стоящий навтыжку, проводил его взглядом.

— Что-то случилось, мой господин? — по-шарарски спросил он. Фаиз сумрачно передернул плечами.

— Пока нет, — обронил он. И ничего больше не объясняя, вышел, на ходу набрасывая плащ.

Хозяйка «Золотой хризантемы», взглянув на аккуратный столбик монет, поджала губы. Этот жест неодобрения относился не к деньгам — сумма была внушительная. Десять золотых, и еще пять получит Молли. Однако...

— Что такое, Рокси? — заметив ее сомнения, приподнял брови Райан Рексфорд. — Цены с сентября поднялись?

— То и дело, что с сентября, — сухо отозвалась мадам. — Прошло всего два месяца, сударь, а ведь вы обещали!..

— Два месяца — не два дня. Молли крепкая девочка, переживет.

— Она-то да, — нахмурилась мадам. — Но после вас... и этих ваших... она не сможет работать почти три недели! А вы знаете, сударь, каким успехом она пользуется у гостей, — это же чистое разорение!

Рексфорд понимающе хмыкнул и добавил к десятку золотых еще пять. Хозяйка веселого дома заколебалась.

— Не знаю, сударь, — протянула она, — мне всегда так жалко бедняжку Молли...

— А мне сейчас станет жаль моих денег. Не наглей, Рокси. И хватит корчить из себя любящую мамашу! Молли внакладе не останется.

Мадам, тяжело вздохнув, отперла ящик под стойкой, смела в него монеты и дернула за шелковый шнурок. На втором этаже зазвонил колокольчик.

— Только из уважения к вам, сударь, — сказала госпожа Роксана. — И, надеюсь, до весны вы теперь как-нибудь дотерпите. Молли, дорогуша!

— Да, мадам?

— К тебе господин Рексфорд. Будь лапочкой.

Она кивнула гостю, и тот взбежал вверх по лестнице. Хозяйка заведения, проводив его взглядом, снова вздохнула. Молли, конечно, была ей не дочь, да и за грядущий простой в работе одного из самых востребованных лепестков «Золотой хризантемы» клиент заплатил щедро, но всё же... «Маги, — хмурясь, подумала мадам, — всё у них не как у людей!» Она заперла ящик под стойкой и осуждающе качнула головой. По роду своей деятельности госпоже Роксане не впервой было сталкиваться с мужскими причудами, но то, ради чего несколько раз в год к ней приходил адепт Рексфорд, вызывало у нее самую сильную неприязнь. «Не плати он так хорошо, — подумала мадам, передернув плечами, — в жизни

бы я не позволила... Ну неужели нельзя как-нибудь по-другому?!» Протяжно вздохнув в третий и последний раз, хозяйка веселого дома спрятала ключ от ящика за корсаж и потянулась к расходной книге.

Гость спустился вниз через час — расслабленно улыбаясь и что-то насвистывая себе под нос. Отвесил поднявшейся из-за стойки мадам шутливый поклон, ущипнул ее за щечку, сказал примирительно: «Ну, не дуйся, Рокси! С ней всё в порядке, а я теперь вернусь нескоро» — и был таков. Хорошо, если нескоро, подумала госпожа Роксана, прислушиваясь к затихающим в передней шагам. А после, дождавшись, когда дверной колокольчик прощально звякнет, подобрала юбки и заторопилась на второй этаж. Не верить на слово постоянному клиенту резона у нее не было, но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать!.. Поднявшись по лестнице и нажав на ручку двери с номером четыре, мадам шагнула через порог тонущей в полумраке комнаты. Там было тепло и тихо. Весело плясал огонь в камине, бросая дрожащие отблески на розовый ковер, розовые шелковые обои, балдахин над кроватью — тоже розового бархата... Всё здесь было розовое, кроме Молли. Госпожа Роксана, зябко поежившись при виде распростертого на кровати тела, закрыла за собой дверь и, просеменив к постели, склонилась над девушкой. Без чувств, но, слава богам, дышит.

— Бедная моя овечка, — прошептала мадам, глядя на Молли. Та была белая как мел, ни дать ни взять покойница. Назавтра, конечно, станет получше... Хозяйка поправила подушку под головой девушки, до самого подбородка укутала ее пуховым одеялом и, скользнув взглядом по спальне, невесело усмехнулась — на краю туалетного столика лежало пять золотых монет.

Покинув веселый дом, номер Второй прямо от порога взял экипаж. Сигнал он пропустить не мог, кто-нибудь из буревестников нашел бы его что в «Приюте менестреля», что в «Золотой хризантеме», но всё равно слишком разгуливаться не стоило. «Поужинаю на Пике», — решил адепт Рексфорд. И откинувшись на сиденье, задернул шторку. Внутри экипажа стало темно.

Время, проведенное с Молли, пусть большую его часть девчонку, как обычно, пришлось уговаривать, нервам определенно пошло на пользу — трехдневное напряжение сняло как рукой. Райан, прикрыв глаза, вспомнил жалящие нити темного серебра и улыбнулся. По телу мягкой тягучей судорогой прошла знакомая дрожь. Хорошо... Как только эль Хаарт держится, чтобы не повторить? «Не такая уж он и сопля, выходит», — с некоторым уважением подумал Райан. Хотя лично ему это было скорее в минус, нежели в плюс: подсовывая приятелю Молли, номер Второй рассчитывал если не на срыв, то хотя бы на известный талант звезды «Золотой хризантемы» по части выуживания из клиента всей его подноготной — в постели с Молли все как один очень скоро принимались трепать языком. Все, кроме Нейлара эль Хаарта, чтоб ему икалось. Он целый месяц дважды в неделю являлся в комнату под номером четыре, но кроме «здравствуй» и «до свидания» Молли редко что от него слышала. Рексфорд, пришедший к ней за отчетом в конце октября, поинтересовался насчет другого, но и там уцепиться оказалось не за что. «Нет, он ничего такого не просит, — задумчиво говорила Молли. — Ему, знаешь, чем проще, тем лучше, и вообще поскорей бы уйти. Что ни предложу, в ответ только «нет» да «нельзя»! Кровать он не любит, «милым» его не называй, до шеи дотрагиваться не смей... Я один раз забыла, так он мне чуть руку не сломал! — она, обиженно надув губки, продемонстрировала Райану уже сходящие

желтоватые синячки на запястье. — Но он, правда, сам расстроился. Полчаса извинялся, говорил, что не хотел делать мне больно, а на следующий день — гляди, что прислал!.. — она вытянула вперед вторую руку, на запястье которой сидел широкий серебряный браслет, весь усыпанный крупными розовыми опалами. Стоил он явно недешево. — Прелесть, скажи? Ну как было не простить! Да и вообще... Друг твой, конечно, чудной немного, но всё равно милый. А что молчит — так, может, не привык еще?»

Номер Второй кисло поморщился. Теперь уж и не привыкнет, подумал он. Еще бы хоть пару месяцев — глядишь, разговорился бы. «А то и не словом, но делом, — промелькнуло в голове. — Знаем мы этих тихонь!» Он вновь подумал о Молли и вздохнул с сожалением — её придется оставить здесь. А другую пойдя еще найди, не до потаскух же трущобных опускаться? Да и столица... Нет, слишком опасно. Под носом у тайников верховного мага бдительность терять нельзя, они с номером Первым и так на ножах, Птицелову только дай повод! Райан покачал головой. Удовольствие удовольствием, но рисковать ради него карьерой — глупость. В сущности, за пристрастие к темному серебру его и непосредственный начальник по голове не погладит...

Наемный экипаж доставил адепта Рексфорда на Пик, к самым воротам школы. Прямо от них Райан отправился в «Орел и полумесяц» — он не только не спал три дня, но и почти не ел. А после «Золотой хризантемы», даже без всякого серебра, аппетит у него всегда прорезывался волчий. Найдя свободный столик и сделав заказ, Райан скептически окинул взглядом залу. Обычно он ужинал на Береговой, в заведениях самого высокого разбора, и лишь изредка — на Пике, в «Короне», самом приличном трактире из трех имеющихся, однако нынче всё золото он оставил мадам Роксане. Пришлось ужиматься. Впрочем, как выяснилось, готовили в «Орле и полумесяце» на удивление недурно. Адепт Рексфорд отдал должное телячьим биточкам с хрустящим картофелем, залил их крепким сладким кофе и покинул трактир в самом приподнятом настроении — которое спустя всего четверть часа ему непоправимо испортили.

Уже у самых казарм Райан нагнал двух каких-то закутанных в плащи мэтров, что обсуждали последние новости. Номер Второй, по привычке прислушиваясь, замедлил шаг. Мэтры, поглощенные беседой, по сторонам не смотрели, на улице давно стемнело и вновь стал накрапывать дождь вперемешку со снегом, так что обошлось без свидетелей: Райан проводил парочку едва ли не до крыльца преподавательского корпуса, а после, круто развернувшись, почти бегом бросился назад. Вернулся в казарму, взлетел по лестнице, и, оказавшись в своей комнате, шагнул к столу — там лежали вечерние газеты. Зашуршали пахнущие типографской краской страницы. Зима наконец-то пришла в Бар-Шаббу, в дворянском собрании готовятся к Снежному балу... Состоялось открытие новой школы на Западном побережье... Забастовка ткачей на мануфактуре Кромби прекращена, владелец пошел на уступки... А, вот! Рексфорд, ногой придвинув стул, сел и склонился над газетным разворотом. «Мы скорбим вместе с Геоном, — прочел он обращение архимага Бар-Шаббы к согражданам. — И это воистину горе — лишиться самого цвета нации, срезанного на взлете! Не существует слов, способных хоть сколько-нибудь умалить ту боль...» Номер Второй жадно заскользил взглядом по строчкам. «В трудный час не для одной страны — для всего мира... мы полагаем своим долгом поддержать... и, не считаясь с расходами, обезопасить...» Дойдя до конца статьи, Рексфорд беззвучно выругался. Уэйн Теллер не изменил себе, целый разворот витийствуя о «чудовищном преступлении против самоё жизни», но в сухом остатке его речь сводилась к одному: принимая во внимание

случившееся, высшая школа Бар-Шаббы обязана не допустить угрозы тем, кого взяла под крыло.

Оставив стул, номер Второй метнулся к камину — но тайник за ним оказался пуст. Почему нет сигнала?! Счет идет уже не на дни, на минуты! «Нельзя больше ждать, — напряженно думал Райан, меряя шагами комнату. — И нужно решать сейчас — остаться или... Демоны! Что происходит? Почему Мидлхейм молчит?!» Остановившись, он бросил взгляд на темное окно. Ночь вот-вот опустится. Если в ближайший час сигнала так и не прозвучит, придется брать ответственность на себя — что в прошлый раз только чудом не вышло боком. А ведь тогда речь шла об одном человеке, не о семидесяти... Светлые брови Райана Рексфорда сошлись на переносице. Да и гори оно всё синим пламенем!

Он решительно шагнул к двери, нажал на ручку — и отшатнулся назад, едва не столкнувшись нос к носу с Фаизом ан Фарайя. Плащ алмарца был мокрым насквозь и пах рыбой.

— Уже знаешь, — вместо приветствия обронил Фаиз, окинув Райана цепким взглядом. Потом сделал шаг вперед, легко втолкнул его обратно в комнату и, увидев разбросанные по столу газеты, усмехнулся: — Не жди. Вам оборвали канал.

— Демоны!..

— Не сказал бы, но сработали точно не хуже. У тебя всё готово, Рексфорд? Выдвигаться надо не позже полуночи — Теллер уже отдал приказ, и мы должны проскочить до того, как его наемники стянут цепью всё побережье.

— Мы?

Алмарец усмехнулся снова.

— Резать нас, конечно, не стали бы, — сказал он. — Но жизнь — не единственная ценность... Твоих сколько, полсотни?

— Семьдесят три человека вместе со мной.

— И сколько из них бойцов? Хоть треть наберется?

— К чему этот допрос, Фаиз? Или тебе наша помощь нужна? С каких это пор?..

Ан Фарайя снисходительно фыркнул.

— Вам бы самим той помощи хватило, — проронил он. И добавил без всякого перехода: — Общий сбор там же, под мостом Альбатроса?

— Откуда ты... — начал Райан и тут же умолк. Смуглое лицо ан Фарайя на миг исказила гримаса раздражения.

— Оттуда, — сказал он. — Шифры надо чаще менять. Но в штабе архимага о мосте вроде пока не знают — в отличие от всего остального. Кто-то из ваших, с третьего курса, чересчур близко к сердцу воспринял песни Теллера.

— Кто? — застыл Райан.

— Мне что за печаль? Спроси де Шелоу, найдет... Правда, вряд ли это поможет: точки выхода, в отличие от точки сбора, командирам летучих отрядов уже известны. Не выйдет без шума и крови, Рексфорд. Вас есть кому прикрыть, я знаю, но на твоём месте слишком на охрану не полагался бы — им точно будет чем заняться помимо кучки школяров! — Фаиз мельком взглянул на часы. — В любом случае, нет времени менять точку. И целый лодочный флот ты за пару часов у берега не соберешь. Двигайте утвержденным маршрутом. Мы встретим возле моста — если успеете до полуночи.

Райан нахмурился. По всем договоренностям, бойцы из числа местной резидентуры эль Гроува должны были обеспечить адептам охрану и безопасный коридор до самого моста

Альбатроса. И даже если ан Фарайя сказал правду насчет обрубленного канала связи... «Мне в любом случае обязаны были сообщить об этом, — напряженно подумал Райан. — При чем свои! Договор о ненападении не предполагает всесторонней поддержки, тем более, война еще не объявлена».

Номер Второй поднял голову и посмотрел в лицо своему гостю.

— С чего вдруг такая забота, Фаиз? — прямо спросил он. — Алмаре нет от нас никакого проку. А тягой к благотворительности она, как и ты, не страдает. Наша выгода здесь очевидна, так в чем же ваша?

— В работе на перспективу, — невозмутимо отозвался ан Фарайя. — Но это не значит, что я положу своих людей ради твоих, — помни о полуночи, Рексфорд. Дольше ждать мы не станем.

Фаиз, как недавно сам Райан, бросил пасмурный взгляд за окно и развернулся к двери.

— Шевелись, — отрывисто бросил он. — Осталось неполных четыре часа, а вам еще нужно добраться до места.

Тихо щелкнул замок, и номер Второй остался один. Глядя на носы своих сапог, он стоял, застыв посреди комнаты, и думал. Верить или нет? С одной стороны, в войне каждый за себя, и та самая «работа на перспективу» вполне может оказаться ловушкой. Но с другой... Место сбора Фаиз и так уже знает. «И не может не понимать, что о его визите я сразу же сообщу наверх, — подумал Райан. — Это напрасный риск. А нам так на так выбирать не из чего. Ан Фарайя может подставить нас — но может и не подставить. Зато если мы останемся, сдавшись на милость Теллера...» Мысль свою он не закончил — во втором случае вариантов развития событий не предполагалось.

Райан вспомнил фамильный девиз номера Первого и невесело улыбнулся. «Не надейся на удачу» — что ж, в отличие от него самого его сиятельство может позволить себе эту роскошь. «А нам больше рассчитывать не на что», — подумал он, уже всё для себя решив. И, обернувшись к камину, взглянул на часы. Фаиз говорил о полуночи, а уже половина девятого, и на дорогу до берега лучше заложить побольше времени — значит, на всё про всё осталась жалкая пара часов? Нужно отдать приказ буреветникам, отправить Зигги к третьекурсникам на поиски заблудшей овцы, уничтожить все документы и письма... «И не забыть главного, — скрипнул зубами номер Второй. — Эль Хаарт. У Молли он был вчера, ужинает он рано, значит, сейчас или в библиотеке, или у себя, больше ему быть негде. Только бы не уперся в последний момент!» Подумав об этом, Рексфорд мрачно сощурился. Да пусть упирается сколько хочет! «Надо будет — связанного понесем, — решил он. — Семью десятками голов из-за его попорченных чувств я рисковать не намерен».

Однако вязать никого не понадобилось — Нейл пришел сам. Практически следом за ан Фарайя, еще успев застать Райана в его спальне и существенно облегчив жизнь всем буреветникам. Вид адепт эль Хаарт имел бледный, но собранный и, похоже, с былыми обидами все-таки справился.

— Райан, — шагнув через порог, начал он. — Надо поговорить. Я...

— Слышал о Даккарае? — с ходу перехватил эстафету Рексфорд. Нейл, помедлив, кивнул.

— Да, Зигги вчера рассказал мне. И я...

— Нынче ночью мне очень понадобисься, — снова перебил номер Второй. Ему было не до разговоров. Однако разбрасываться нежданнами подарками судьбы тоже не стоило, поэтому он, смилив нетерпение, положил младшему товарищу руку на плечо, взглянул ему в

глаза и сказал: — Нейл, дружище, я был не прав. Очень не прав, и мы оба это знаем, но сейчас есть вещи поважнее. Мы все должны покинуть Бар-Шаббу. Немедленно. Если ты...

Адепт эль Хаарт не дал ему закончить.

— Я готов, — только и сказал он. — Что нужно делать?

Стрелки каминных часов в комнате адепта Рексфорда только что сошлись на десяти. Сам хозяин, не так давно велевший другу: «Подожди меня здесь, я скоро», уже вернулся и сейчас торопливо скармливал пламени какие-то бумаги. Нейл, сидя на кровати у него за спиной, молча глядел в огонь. Хорошо, что они с Райаном живут в разных казармах, подумал он. На улице холод собачий, а так не придется возвращаться к себе за плащом. Остальное — да пусть его, можно оставить. Одежда, книги, полупустой кошель... Сушая ерунда. А письма из дома он еще в прошлом году завел привычку сжигать по прочтении. Новый сосед, может, и был не чета старому, но адепт эль Хаарт не считал нужным зря рисковать — так что теперь уйти мог налегке и со спокойной душой. «Скорей бы!» — подумал он, бросив взгляд на часы. Потом перевел его на старшего товарища и опустил вниз, к носам своих сапог.

Нейл был рад спешке — по многим причинам. Прошлой ночью спал он плохо, урывками, и рассвет не принес ему спокойствия: охваченные пламенем стены Даккара занозой сидели в мозгу, заслоняя всё остальное. На лекциях, куда адепт эль Хаарт отправился в надежде хоть немного отвлечься от своих бед, он слушал вполуха и отвечал невпопад, на тренировке у мэтра Эллезара, пустив огненный шар не по той траектории, он едва не спалил ко всем демонам зал, а во время занятия по рукопашному бою окончательно настроил против себя мэтра Герви, слишком резко сделав выпад и выбив преподавателю локтевой сустав. Тренировку пришлось прервать на середине. Пострадавший, шипя сквозь зубы, отправился в лазарет, а ученики по казармам — благо, урок рукопашного боя в этот день шел последним., однако Нейл, в отличие от однокашников, домой не пошел. Послonyaлся по Пику, посидел с полчаса в «Веселой кружке» над миской жиденской похлебки и в конечном итоге капитулировал. Он уже знал из газет, что списки погибших на Даккарайской пустоши предали огласке нынешним утром — но ни в одном из печатных изданий Бар-Шаббы подробностей не сообщалось. Может быть, позже, а может, никаких имен и вовсе не опубликуют, думал адепт эль Хаарт. В конце концов, где Бар-Шабба и где Геон с его драконами? А письмо отцу, даже курьерской почтой, будет идти два дня, да потом пока еще дождешься ответа... «Без вариантов, — вынужден был наконец признать он. — Остается только Райан».

Поднимать из праха давно почившую дружбу Нейлу не хотелось, особого смысла в этом он тоже не видел, что бы там ни говорил Фаиз, но сейчас, похоже, другого выхода не было. Между личной обидой и знанием он выбрал второе. Поэтому уплатил по счету и отправился к Рексфорду — мириться, по пути прикидывая, как бы так аккуратнее вытянуть из номера Второго проклятый список. Зигги тут был не помощник, если не сказать хуже: что Орнелла эль Тэйтана жива и даже не ранена, де Шелоу уже знал, о чем, сияя, доложил товарищу еще утром, страхи его развеялись, а значит, теперь ничего не мешало ему увидеть то, что никому вообще знать не следовало. Менталист Зигги был сильный. В его присутствии Нейл не то что о Сандре, он и о драконах на всякий случай старался не думать, но в нынешних обстоятельствах выдержка могла ему изменить. Однако как же тогда быть со списками? Райан умен, чтобы вывести товарища на чистую воду ему вообще никакого дара может не понадобиться! «Ладно, — так ничего путного и не придумав, мысленно махнул рукой адепт эль Хаарт. — Разберусь по обстоятельствам».

К его удаче, ни лгать, ни изворачиваться не пришлось. Да и необходимость в

пресловутых списках тоже отпала: еще до рассвета, по словам Райана, они будут дома. А уж отец наверняка всё знает в подробностях — и расспросить его можно будет без всякого риска. Скорей бы только!..

— Я могу тебе чем-нибудь помочь, Райан? — спросил он, вновь бросив взгляд на часы. Время ползло еле-еле. Рексфорд, не оборачиваясь, покачал головой.

— Пока отдохай, — отозвался он, вытряхивая в камин содержимое какой-то шкатулки. — Силы нам всем еще пригодятся... Если голоден — пошурши на полках возле стола, вроде там были галеты. И кофе. От него, кстати, я тоже не отказался бы.

— Я сварю, — с готовностью выпрямился Нейл. Есть ему не хотелось, а томительное ожидание без возможности хоть чем-то себя занять порядком действовало на нервы. Адепт эль Хаарт поднялся, подошел к столу и принялся за ревизию полок. Найдя банку с кофе, разжег спиртовку и уточнил:

— Покрепче?

— Пожалуй...

Снова запахло горелым. Любопытно, что он там жжет, подумал Нейл, но вслух интересоваться не стал. Сварил кофе, разлил в две кружки и, уже протягивая первую Райану, отвлекся на стук в дверь.

— Открыто! — через плечо бросил Рексфорд. В комнату проскользнул один из его сокурсников — Нейл не помнил имени этого адепта, но, взглянув в его сосредоточенное лицо, пришел к выводу, что он тоже наверняка из буревестников. Номер Второй повернул голову.

— Всё готово? — коротко бросил он. Гость кивнул. — Хорошо. Я тоже почти закончил. Где Третий?

— У себя, собирается. Обещал подойти вот-вот. С третьим курсом он разобрался — Торнстон.

— Надо же, — непонятно протянул Райан, щурясь. — Кто бы мог подумать. Такое крыло потеряли! Ну да всего расклада он, по счастью, не знал. Жаль только, с собой взять придется, оставлять нельзя... Кто с ним сейчас?

— Шестой, — гость устало присел на краешек койки, и Нейл, оценив его голодные глаза, сунул ему в руки свою кружку с кофе. — Двенадцатый боится на всякий случай, но в сознании я Торнстона тащить бы не стал, боком выйдет. Мозги там хорошо промыты, как бы шума не поднял.

— Согласен, — поморщился Райан. — Хотя парень-то он здоровый, далеко не унесешь...

— Шестнадцатый унесет, — подумав, сказал буревестник. — Он вдвое больше. Только обездвижить надо как следует.

— Это уж как водится, — без улыбки хмыкнул Рексфорд. — Влейте в него что-нибудь по сильнее — только не переборщите. Он нужен живым. Допил?

— Угу...

— Тогда займись. Шестого с Двенадцатым, как освободятся, пришли ко мне. И поторопи де Шелоу — выдвигаемся через сорок минут.

— Понял.

Адепт с благодарным кивком вернул Нейлу пустую кружку и вышел. Номер Второй подобрал с пола шкатулку, бросил ее в открытый сундук и пристрастным взглядом скользнул по спальне.

— Вроде бы всё, — пробормотал он. Нейл, присевший на табурет у стола, покосился на ворох газет.

— А это, Райан?

— Это не важно, — отмахнулся тот, напряженно думая о чем-то. Потом захлопнул сундук и тоже подошел к столу. — Если не трудно, дружище, свари еще кофе! Лучше побольше, мы на ногах третьей сутки, глаза закрываются. Да ты и сам, вон, скоро носом клевать начнешь. Тоже не спал, что ли?

— Уснешь тут, — невнятно отозвался адепт эль Хаарт, отворачиваясь к полкам. — Зигги вчера такую истерику закатил — я уж решил, что вся Даккарайская пустошь до голых камней выгорела и вот-вот придет черед столицы. Пожар-то был или молва поторопилась?

Он загремел банками. Номер Второй, зевая, кивнул:

— Был и еще какой, но кроме драконов да пары десятков наглотававшихся дыма кадетов от огня никто не пострадал. Хотя это еще повезло, прямо скажем, — стены были облиты смесью горючего масла и корня игневицы, насилу пламя сбили, а полностью потушить смогли вообще только к утру.

— Игневица? Она же насквозь ядовитая!

— Знаю. Там многие еще не скоро видеть и дышать нормально начнут... Ну да ничего, обойдется. Твой отец весь алхимический корпус бросил на эликсиры для Даккарая. Насколько я знаю, ни одного человека игневица в могилу не уложила. А вот драконов жалко — почти полсотни! На войне пригодились бы, а тут пропали зря.

Он хмуро покачал головой. Нейл, которого так и подмывало продолжить расспросы, с трудом взял себя в руки. Лучше заткнуться, пока не попался, да потерпеть несколько часов, решил он и занялся приготовлением кофе. Райан Рексфорд, помолчав, взглянул на товарища.

— Нейл, старина, — начал он. — Время у нас еще есть, так что пока сюда не набежало народу... Прости дурака, а? И за экзамен, и за всё остальное. Надо было тебя предупредить, знаю, да только...

— Брось, — перебил адепт эль Хаарт. — Я не буреветник и мог испортить всё дело — кому от этого стало бы лучше? Забудем, Райан. Правда.

Он поставил наполненный кофейник на огонь и, подняв глаза на друга, протянул ему руку:

— Ничего не было, ладно?

— Договорились, — склонил голову Рексфорд, пожимая протянутую ладонь. — Мир?

— Мир. Где, ты говорил, у вас тут галеты?..

— Да демон его разберет, — неуверенно отозвался Райан. Он тех галет не ел. «Хотя наши скоро от ветра шататься начнут, — подумал он, — подкрепиться им точно не помешает». Кивнув своим мыслям, номер Второй уже собирался помочь товарищу в поисках, когда его внимание привлек тихий шорох от входа. Быстро повернув голову, Рексфорд увидел лежащий на коврике у двери конверт. Верно, просунули в щель над полом. И точно не буреветники. «Хорошо, если не ан Фарайя с очередным сюрпризом, — промелькнуло в голове. — Хотя куда уж больше!»

Он шагнул к двери, подобрал письмо и, вскрыв, пробежал глазами недлинную записку.

— Да чтоб тебя! — сквозь зубы прошипел он.

— Что случилось? — обернулся от стола Нейл. — Мы... остаёмся?

Райан качнул головой:

— Нет. Но как бы к лодкам не пришлось прорываться с боем — те, кто должен был нас

страховать, все брошены на летучие отряды Теллера. Они постараются увести их подальше, но выйдет или нет — поди знай...

Он умолк, комкая в руках письмо главы резидентуры Геона в Бар-Шаббе. Придется справляться своими силами. «А нас, тех, кто в бою на что-то годится, и двух дюжин не будет, — мысленно поминая всех демонов нижнего мира, думал Райан. — Причем вместе с эль Хаартом. На защиту Фаиз его натаскал, не поспоришь, да толку? Ведь не дай боги зацепят!»

Подойдя к камину, номер Второй бросил письмо в огонь и обернулся на младшего товарища. С другой стороны, подумал он, на безрыбье ведь и рак рыба?

«Защита нам тоже может понадобиться», — вынужденно признал он.

С Пика ушли легко и тихо — Зигмунд де Шелоу, благодаря своему редкому дару, не только нашел предавшего собратьев по крылу, но и узнал, где их готовятся встретить. Так что по запасным ходам в сторону северной оконечности острова двинулись три группы бойцов эль Гроува, обряженные в серые ученические балахоны, а спустя четверть часа с другой стороны школы и совсем в другую сторону выдвинулись уже настоящие адепты. В таких же балахонах с опущенными капюшонами, тем же числом — на юг. Три группы по двадцать с небольшим человек, координируемые буревестниками из числа таких же адептов, покинув школу, разошлись в стороны, двигаясь вниз параллельными улицами — так было быстрее и безопаснее.

Нейл шел вместе с Райаном и Зигги. Оставив за спиной Пик, их отряд довольно скорс влился в пределы жилых кварталов и, успешно преодолев их, двинулся вниз, в сторону Береговой линии. Адепт эль Хаарт, поняв это, встревожился.

— Райан! — шепнул он. — На Береговой и в будни не протолкнуться, а сегодня пятница! Там же тьма народу!

— На то и расчет, — бросил номер Второй. — Хочешь что-то спрятать — положи на самое видное место... Не дрейфь, старина. Проулками пойдем, не по центральному променаду. Не отставать!

Последнее относилось к пыхтящим позади адептам. Райан мельком обернулся на них, взглядом пересчитал по головам — все на месте. Остается надеяться, что и кураторы двух оставшихся групп не сплхуют. «Но пока вроде тихо, — подумал он. — Глядишь, прорвемся». На случай, если какую-либо из групп возьмут в клещи, у буревестников имелся особый сигнал, но адепт Рексфорд от души надеялся, что до этого не дойдет. Пускай самых ценных детей Геона он собрал в собственном отряде, терять остальных ему тоже не хотелось. У Райана были большие планы на будущее, а оно почти целиком зависело от результатов нынешнего задания. «Только бы нас на берегу не приняли», — мелькнула предательская мысль. Номер Второй отогнал ее усилием воли. На алмарцев в таком случае особенно полагаться не стоило, даже несмотря на обещание помощи: собой ан Фарайя точно рисковать не будет. И людьми тоже, это он обозначил предельно ясно. «Договоренности договоренностями, — без энтузиазма подумал Рексфорд, — но приказ у Фаиза такой же, как у меня. Сберечь своих».

Береговую линию пересекли стремительно, темными переулками, один за другим скользя из тени в тень. Потом спустились к порту — тоже окольными путями, чтоб не попасться кому-нибудь на глаза, и уже почти возле самых доков свернули вправо. Места пошли безлюдные, вокруг было хоть глаз выколи, как всегда поздним вечером в ноябре, небо

над городом мерцало одними лишь звездами — а значит, всё шло как надо, и можно было немного выдохнуть. Райан уверенно вел свой отряд известной дорогой. Порт уже позади, думал он, не сбавляя темпа, осталось миновать окраинные склады, что сгорели несколько лет назад, пройти через заброшенную рыбацкую деревню, подняться по скалистой тропке — и вот он мост. Сразу за ним крутой спуск к берегу, а там уже грот и лодки... Еще раз обернувшись на своих спутников, номер Второй вынул карманные часы и посмотрел на циферблат. Четверть двенадцатого. «Будем на месте задолго до полуночи», — удовлетворенно отметил он. Убрал часы обратно в карман, сделал знак отряду ускорить шаг и первым нырнул в колючее облако кустарника, со всех сторон окружавшего подступы к старым складам. Их пролетели единым духом; следом мелькнула по обе стороны и растворилась в ночи разрушенная рыбацкая деревушка, и наконец перед беглецами открылся берег.

— За мной, — велел Райан, сворачивая направо, к скалам. Мост Альбатроса — неровная каменная арка с краю скалы над самым берегом, вся засиженная птицами, был уже виден в слабом свете луны. — Растянуться по одному! Нейл, пригляди за Зигги!

Адепт эль Хаарт кивнул, пропуская вперед тяжело дышащего де Шелоу. Зигмунд был самым упитанным из них всех, и недавняя гонка далась ему тяжело.

— Держись, Зигги, — ободряюще шепнул Нейл, помогая товарищу взобраться на уступ. — Уже, наверное, скоро...

— Хорошо бы, — невнятно отозвался тот. Он совсем выбился из сил. Нейл обернулся к остальным: большинство держалось неплохо, но двое первокурсников из середины выглядели не лучше Зигги. Адепт эль Хаарт пропустил их вперед. И, уже собираясь взобраться следом, неуверенно замер — знакомое ощущение чьего-то взгляда в спину кольнуло его в затылок острой иглой. Нейл повернул голову, вглядываясь в холодную неподвижную темень. Тихо. Наверное, просто нервы, подумал он. Или ан Фарайя — Нейл знал от Райана, что алмарцы должны были встретить их на месте. «Только вот до моста еще добрых две сотни локтей», — колеблясь, подумал он. Неприятное чувство чужого присутствия за спиной усилилось. Коротким движением плеча пропустив вперед себя еще пятерых из группы, Нейл медленно развернулся всем корпусом вправо. Потом влево. А после, нахмурившись, кивнул остальным и пристроился в хвост. На выступ он взобрался последним. Прижался спиной к скале, не сводя глаз с пустынного берега, прислушался — ничего. Однако предчувствие беды не проходило: теперь, казалось, невидимый «кто-то» смотрел ему не в спину, а прямо в лицо. Да что такое! Нет здесь никого, это же очевидно! Нейл, проигнорировав новый укол призрачной иглы, на этот раз в переносицу, решительно скользнул ладонью по камню. Уцепился за край узкой расщелины в скале, поднял ногу... И мягко опустил ее назад на тропу. Сквозь мерный шепот волн до него долетел едва слышный шорох — будто крупная ящерица скользнула брюхом по камню. А вот еще одна. И еще. Нейл, слившись с темнотой, затаил дыхание. Пять «ящериц», шесть, десять — целая дюжина! «След в след идут», — понял он и бросил взгляд на опустевшую тропу. Последний адепт группы Райана Рексфорда уже скрылся из виду. «Догонять поздно, заметят, — подумал Нейл, нашаривая лопатками расщелину. Она и впрямь была неширокая, только-только протиснуться, зато глубиной не меньше пары локтей. — Пропущу вперед, а там...»

Мысль свою адепт эль Хаарт не закончил. Ужом просочившись в густой мрак разлома, он замер и весь превратился в слух.

Первая тень скользнула мимо расщелины спустя всего пару минут, пусть они и

показались Нейлу вечностью. Следом за первой на фоне густо-синего неба мелькнула вторая. Потом третья, четвертая... Да, их была ровно дюжина, он не ошибся. Все они были магами, скорее всего — бойцами, и очень сомнительно, что алмарскими. А значит, по чью душу они пришли, можно было уже не гадать. Нейл, затаившись в своем убежище, дождался последнего, досчитал до десяти и осторожно высунулся наружу. Глаза уже привыкли к темноте: он увидел и тропу, и крутой каменистый подъем к мосту, и сам мост, освещенный луной. Первая тень, уже поравнявшись с аркой, приостановилась, ожидая остальных. «А ведь этот отряд может быть не единственным, — вдруг понял адепт эль Хаарт. — Нас почти сотня, дюжины бойцов на такую ораву слишком мало... А вот пары-тройки отрядов — в самый раз. Особенно если налететь из темноты да со всех сторон».

Нейл поднял взгляд вверх, на арку моста Альбатроса. Хорошо, что это только название, с реальным мостом было бы сложнее, отметил он, закатывая рукава. А потом прикрыл глаза, сосредотачиваясь, — и вскинул руки.

Внизу, на выбеленной лунным светом узкой полосе песка шевелились темные силуэты. Часть сгрудилась у самой воды, остальные сновали от грота к берегу, волоча за собой лодки. Фаиз ан Фарайя, невидимый в тени скалистого уступа, окинул их взглядом. Две из трех групп уже прибыли, осталось дожидаться последнюю — и можно уходить. Кажется, Теллер сегодня останется с носом? Алмарец повернул голову и чуть сощурился: из-под моста Альбатроса показалась узкая вереница адептов. Группа Рексфорда, легки на помине.

— Салим! — не оборачиваясь, позвал он.

— Да, мой господин, — прошелестело из-за левого плеча.

— Возвращайся к колодцу. Передай, что отправку можно начинать, мы скоро будем.

— Слушаюсь, мой господин.

За спиной послышался легкий шорох, и тишина сгустилась вновь. Ан Фарайя вытянул шею. Третья группа геонских адептов уже соединилась с остальными двумя. От грота тащили, по всей видимости, последнюю лодку. «Отчалил, — подумал Фаиз, — и мы следом...» На миг прикрыв глаза, он еще раз мысленно очертил обратный путь к «колодцу» — глубокому провалу в скале полумилей южнее, что спускался почти на сорок футов вниз, к подземной реке. Алмарцев лодки ждали там. На дорогу обратно, спуск и водный тоннель уйдет самое большое двадцать минут, а по выходу в море их уже будет ждать корабль. Миновать купол — и свобода, подумал Фаиз. Давно пора было завязывать с Бар-Шаббой.

Темные фигурки внизу забегали, засуетились. Ан Фарайя, отвлекшись от своих мыслей, нахмурился. Сделал полшага вперед, к самому краю, и вгляделся в темноту. Несколько лодок с адептами уже отчалило, остальные быстро заполнялись, вот-вот готовые двинуться следом, берег был чист — что не так?.. «Компас посеяли, что ли?» — с иронией, пусть и не без смутной тревоги подумал Фаиз, даже не догадываясь, насколько он прав и не прав одновременно.

— Мой господин, — воздух за правым плечом колыхнулся. — Мост!

Ан Фарайя резко вскинул голову, и в то же мгновение ослепительная сине-белая молния расколола небо. Мост Альбатроса, вздрогнув, на долю секунды словно бы приподнялся над землей — а потом с грохотом разлетелся на тысячу неровных осколков. Те, кто был на берегу, застыли на миг. «Щиты! — эхом пронеслось над толпой адептов. — Закройте контур!» Это был голос Райана Рексфорда. Ночь запестрела яркими вспышками силовых щитов.

Фаиз, выругавшись вполголоса, отшатнулся от края. А потом увидел. Пятерку размытых теней в клубах оседающей пыли, что рванулись от руин моста к берегу, — и несколько дюжин других таких же, словно просочившихся сквозь скалы по обе стороны грота. Твари, выследили таки.

— Гаяр! — сквозь зубы выдохнул он, срывая с плеч плащ. — Вниз! Ты по главной тропе, я срежу...

Они появились внезапно, со всех сторон — почти одновременно с грохотом рушащейся скалы.

— Щиты! — рявкнул номер Второй. — Закрывать контур!

Еще до того, как отзвучали последние слова приказа, буревестники успели его выполнить, и это дало им несколько драгоценных секунд форы: скользнувшие от скал тени пришли не с пустыми руками. Мерцающая голубоватыми всполохами сеть рассыпалась искрами, ударившись в стену щитов, прокатившаяся следом от грота «морская волна» тоже схлынула ни с чем. «Лишь бы стрелков не привели с собой, — подумал Райан, шаря взглядом по черной громаде скал. — Демоны! Значит, сели на хвост и вели нас от самого Пика?»

— Десятый! Восьмой! Стянуть сферу! — отрывисто велел он. — Семнадцатый и Двадцатый — обеспечить коридор! Лодки на воду! Гражданских в центр, сажайте по пять, шестым — куратора... Остальные держат цепь вместе со мной!

Ход операции был утвержден давно и до самых мелких деталей. Вероятность того, что они попадут в засаду, тоже учитывалась, и каждый буревестник знал свою роль: названные адепты, оттесняя испуганных соучеников в центр, перестроились. Заскрипели по мокрому песку днища лодок. Нападающие, заметив это, принялись сужать круг. «Еще немного — и пойдут на штурм, — понял Райан. — А наших отплыло меньше половины... Долго мы их на подступе не удержим».

— Зигги, в лодку! — приказал он, не оборачиваясь. — Двенадцатый! Головой отвечаешь!

— Понял, — донеслось до него сквозь шум прибоя. Рексфорд шевельнул плечами — сначала в сторону замершего слева буревестника, потом в сторону правого:

— Всем полная готовность! Шестой, Девятый, Одиннадцатый! Сунутся к воде — кладите сразу!.. Вторая линия — по моему сигналу щиты внахлест! Четвертый! Двенадцатый с грузом ушел?

— Так точно...

Рексфорд на миг прикрыл веки. Хоть де Шелоу удалось вывезти, промелькнуло в голове. А следом перед глазами на миг возникло лицо номера Первого. «...можете не возвращаться», — прозвучал в памяти бесстрастный голос, и Райан до онемения стиснул челюсти. Эль Хаарт, чтоб тебе провалиться! Где ты?!

Последний раз номер Второй видел сына магистра алхимии еще на тропе. И был уверен, что тот идет следом, вместе с другими, — однако на берегу выяснилось, что вместо семидесяти трех человек их уже семьдесят два. Нейлара эль Хаарта как корова языком слизнула. «Он вроде шел последним, — неуверенно припомнил один из адептов. — А нас всех пропустил вперед». Больше никто ничего сказать не мог. Когда он исчез? Куда? Как и зачем?.. Ни на один из этих вопросов ответа у Райана не было. Только догадки, одна другой хуже. Оступился на узкой тропе и свернул себе шею? Попал в руки псам Теллера? Переметнулся на сторону? Последнее, в конце концов решил Райан, все-таки вряд ли. «Но

где же он?!» — в бессильной ярости думал номер Второй, не сводя глаз с наступающих. Те не спешили. Однако потихоньку выстраивались в боевом порядке. Райан, перебросив узлы силового щита на правую руку, завел левую за спину.

— По моей команде, — хрипло выдохнул он. И весь подобрался, увидев, как небо над скалами вдруг посветлело. Секунду спустя к облакам взвился алый световой столб. Сигнал! «Значит, резидентуру эль Гроува завернули. Всю, и скоро здесь будет не три дюжины боевиков, а сотня. Чтоб тебя демоны драли, эль Хаарт! С этой лживой алмарской сволочью вместе!..»

— Осталось три лодки, — долетел до него голос номера Четвертого. — И две пустые, для нас. Может, рискнуть и рвануть скопом?

— Нет, — просвистел Рексфорд. — Поздно, всех срежут на отходе... Попробуем отшвырнуть.

— Их почти полсотни, Второй. Нас — всего дюжина.

— А за нами?.. — криво улыбнулся тот. — Ты знаешь приказ.

Он поднял голову. И уже готовясь отдать команду, увидел вдруг, как за спинами надвигающейся на них тройной шеренги бойцов в темноте вспыхнула желтая искра. Потом еще одна и еще — живым роем светлячков они вились по кругу, что с каждой секундой становился всё ярче и шире. Фаиз?..

— Все-таки пришли, — выдохнул Райан. И больше не медля, вскинул руку над головой: — Вторая линия, щиты на изготовку! Первая — градом! Вперёд!

Нейл, очнувшись, поднял голову и закашлялся. В носу было полно каменной пыли, на разбитых губах запеклась кровь. «Где я?» — подумал он, приходя в себя. Уперся коленом в землю, нашарил рукой бок мшистого валуна — и вспомнил. Мост Альбатроса, дюжину скользких к нему по тропе теней, удар «небесного грома», молнией расколовший каменную арку, брызнувшие во все стороны осколки... «Значит, одним из них мне в лоб и прилетело, — подумал он, с трудом поднимаясь на ноги. — Молодец, эль Хаарт! Щит-то выставить ума не хватило?.. Боги-хранители! Зигги! Райан!»

Тропа была вся завалена обломками. Нейл вскарабкался на валун, перепрыгнул с него на соседний и, поняв, что скакать ему эдак придется долго, взмахнул руками. Амулеты они сняли еще на Пике, так велел Райан. «Неизвестно, как оно повернется, — сказал тогда он. — Не до законов сейчас». Адепт эль Хаарт, вспомнив эти слова, поднялся в воздух. Плавной дугой перемахнул через нагромождение камней внизу тропы, потом саму тропу, и опустился на землю возле разрушенного моста. По другую его сторону тропа обрывалась крутым каменистым спуском — до самого берега. А на берегу кипел бой. «Чтоб мне провалиться!.. — обмер адепт эль Хаарт. — Накаркал!» Прижавшись спиной к основанию скалы, он взгляделся во тьму впереди: она переливалась разноцветными вспышками силовых разрядов, гулким эхом множа боевые выкрики и отрывистые команды, которых отсюда было не разобрать, так же, как лиц. Мечущийся взгляд Нейла скользнул по берегу. От него спешно отчаливала лодка. Еще две уже скользили по водной глади чуть впереди. С десятков темных фигур, застыв у самой кромки воды между землей и морем, держали растянутые до предела щиты. Еще пара, укрывшись за их спинами, плевалась в ночь огневыми шарами. «Наши, — понял Нейл. — Прикрывают отход... А Зигги? Райан? И прочие буревестники?» Он вновь перевел взгляд на поле боя и сдвинул брови. Ответ был очевиден.

Пронзительно-синяя вспышка почти что у самой воды ударила по глазам — и неровно

мигнув, вдруг погасла. Райан!.. Сердце Нейла бухнулось вниз. И остановилось, прервав полет, когда над затянутым копошащимся мраком берегом ослепительно вспыхнул ядовито-желтый шар. Пульсируя, он на долю секунды завис в воздухе и взорвался, разбрызгивая во все стороны живые горячие искры. «Осиный рой»? Фаиз! «Значит, не всё еще потеряно», — вихрем пронеслось в голове, и Нейл, выйдя из ступора, покатился с кручи — вниз, туда, где выла и рычала многоголосая тьма.

Чудом не раскроив себе череп о скалы, адепт эль Хаарт приземлился в стороне от общей свары. Потряс головой, рывком поднялся на ноги, покачнулся на миг — некстати прилетевший в лоб осколок дал о себе знать — и, пригнувшись, метнулся вперед. Туда, где дрожали в воздухе развернутые щиты, туда, где погасла синяя вспышка. С каждым шагом мерный шум прибоя становился всё тише, а треск и вопли всё громче — «осиный рой» Фаиза вершил свое дело. Жалящие желтые искры вились над головами, то резко пикируя вниз, то вновь взмывая к небу, путали ориентиры, сбивали прицел... Одна из них метнулась в лицо Нейлу и тот придушенно взвыл, когда щеку опалило огнем. Шатнувшись в сторону, он в последний момент ушел от новой атаки — и кубарем полетел на землю, споткнувшись о что-то. «Что-то» с отвратительным чавкающим свистом метнулось следом. Обвило ноги, поползло вверх, и Нейл, дернувшись, понял, что из этих объятий ему не вырваться: толстый блестящий корень, змеей обвив тело, спеленал его по рукам и ногам. Потом приподнял над землей, размахнулся...

— Гаяр! Брось, свои!

Знакомый голос, хриплый и властный, долетел откуда-то справа, над головой сверкнула ярко-желтая вспышка, и зловерный корень разжал кольца, со свистом втянувшись в песок. Нейл, задыхаясь, поднял глаза.

— Фаиз?..

Вынырнувший из темноты алмарец, без плаща, в разодранном и грязном балахоне, нагнулся и рывком поднял его на ноги.

— Где тебя демон носит?! — прошипел он. — К лодкам! Быстро!

Он развернулся назад.

— Фаиз! — в спину ему крикнул Нейл. — Где Райан?!

— Уже погрузили, — эхом донеслось из темноты. Долю секунды спустя там взорвался еще один ядовитый шар. Ночь наполнилась криками. Над головой Нейла пронесся блестящий от влаги корень — и растворился во тьме. Гаяр... Кажется, это один из соседей Фаиза, тот, с перебитым носом... Хотя кой демон разница? Райан! Что значило это «уже погрузили»?..

Забыв об алмарцах, проваливаясь по щиколотку в мокрый песок, Нейл побежал вперед, к дрожащим под ветром щитам. Один из держащих их буревестников повернул голову, свободной рукой материализуя силовой шар, но вовремя разглядел, кто перед ним.

— Нашелся! — крикнул он куда-то в сторону и кивнул Нейлу — давай, мол, быстрее. — Четвертый! Седьмой! Передайте по цепочке — отходим!

Адепт эль Хаарт проскользнул под щитом. Повинуясь новому короткому кивку, метнулся к первой из двух лодок, уже наполовину стоящих воде, запрыгнул внутрь — и едва не споткнулся о чье-то тело.

— Райан?.. — севшим голосом пробормотал он, опускаясь на колени перед другом. Тот не ответил. Он лежал на корме, закутанный в обгорелые ошметки плаща, запрокинув голову. Глаза его были закрыты.

Лодку качнуло, потом еще раз. Следом за Нейлом в нее запрыгивали остальные: кто-то сам, кто-то с помощью товарищей. Вторая лодка так же быстро заполнялась.

— Подвинься, — сказал Нейлу один из буревестников, кажется, номер Шестой. И добавил, словно пожалев его: — Ранен, но ничего критичного. Болевой шок, «гарпун» рикошетом задел, оклемается... Толкай!

Последние двое адептов, упершись руками в корму каждой своей лодки, оттолкнули их от берега и запрыгнули следом. Весел не было, но магам они и не требовались.

— Ветер! — скомандовали с соседнего борта. — Идем в паре! Направляющие — курс на выход из бухты! Восток прикроет!

Нейл, подняв взгляд от бледного лица Райана, обернулся назад. Берег удалялся, а с ним и Бар-Шабба, и школа, и Молли, и вся его прошлая жизнь.

— А как же алмарцы? — вдруг спросил он. — Их много? Я видел только двоих.

— Так двое и было, — отозвался из-за спины кто-то из буревестников. — Ан Фарайя да этот, как его...

— Но ведь это же самоубийство! Врага раз в пятнадцать больше!

Позади послышались добродушные смешки.

— Ну, теперь уж в десять, пожалуй, — хохотнул все тот же безымянный буревестник. Охнул, выровнял дыхание и добавил: — А вот насчет самоубийства согласен, псам Теллера не жить. Раньше-то ан Фарайя было не развернуться — мы мешали. Теперь беречь некого... Ты же у него учился, эль Хаарт! Не знал, с кем дело имеешь?

Нейл не успел ничего ответить. Желтые искры, мерцающие над уже далеким берегом, мягко погасли. Черные скалы на несколько долгих секунд слились с морем — и вдруг вспыхнули алым. Огненная волна, сметая всё на своем пути, покатила от берега, с каждым футом становясь всё выше и выше. Нейл, интуитивно отшатнувшись назад, прикрыл глаза рукой.

— Лютая сволочь, — обронил номер Шестой. — Но какая сила!..

— Слава богам, под раздачу попали не мы, — сказал кто-то из его товарищей. Номер Шестой согласно хмыкнул.

Лодки неслись вперед без весел и парусов, влекомые лишь силой дара. Геон покидал Бар-Шаббу. Луна скрылась за облаками, невидимые в сгустившемся мраке мелькнули по обе стороны борта каменистые языки бухты, словно края разорванного кольца. Нейл не заметил их. Сидя на корме рядом с Райаном Рексфордом он неотрывно смотрел назад, на полыхающий гигантским хищным цветком берег. Ему чудились крики горящих заживо людей, а перед глазами клубился пепел — еще недавно бывший из плоти и крови. «Не знал, с кем дело имеешь?» Он думал, что знал. А выходит, даже представить себе не мог...

— Демоны!.. — рыкнул кто-то над самым ухом, и Нейл, вздрогнув, очнулся. — С козырей зашли! Тормози!

Лодка, зарывшись носом в волну, резко встала. Адепт эль Хаарт обернулся.

Впереди, сбившись в кучу и мерцая силовыми щитами, колыхалась на воде дюжина лодок. А с трех сторон на них медленно надвигалась целая флотилия. Легкие парусники, не боевые фрегаты, но что с того радости, если на мачтах их трепетали флаги Бар-Шаббы, а вдоль бортов, мерцая в полутьме, тянулись полупрозрачные звенья «ловчей сети»?..

— Назад уже нельзя, — выдохнул номер Шестой. — А к куполу через них не прорваться. Живыми хотят взять, гады!

Никто из товарищей ему не ответил. Адепт эль Хаарт мазнул взглядом по

развевающимся флагом, по жалкой кучке лодок, набитых адептами, по мертвенно-бледному лицу Райана Рексфорда...

— Верните ветер, — сказал он, разворачиваясь к носу. — Надо к своим поближе.

— Что? — обернулся номер Шестой.

— Ветер, — повторил Нейл, закатывая рукава. — До купола и полмили не будет, нам бы только пробиться — и лучше единым фронтом.

— Да ты рехнулся, что ли? Или ослеп? Их же...

— Делай, как он сказал, — донеслось с соседнего борта. В отсутствие номера Второго командование переходило к Четвертому. — Нам надеяться не на что. Если есть хоть один шанс, какой угодно, надо его использовать... Ветер! К остальным — и закрыть контур! Быстро!

Номер Шестой, передернув плечами, молча дал знак своей команде. Лодки сорвались с места. Нейл уперся коленями в дрожащие деревянные борта и вывел ладонями в воздухе перевернутую восьмерку. По рукам его, от локтей к запястьям, побежали стремительные зеленоватые искры. «Не будет вам ни живых, ни мертвых», — подумал он, закрывая глаза. Это была последняя его мысль как человека.

Плотная толща воды — ледяной, тяжелой — окружила его, сомкнувшись над головой. Море... Свобода... Лунная рябь, скользящая по чешуе... И темные пятна над спинами, заслонившие свет. Вам тут не место! Мы здесь хозяева, это наш дом — и мы не ждали гостей!..

Круг охранных щитов вокруг лодок разошелся и сросся вновь, пропустив за периметр две последние. Капитан «Жемчужины», центрального парусника из числа морской пограничной стражи Бар-Шаббы, с недоумением пожал плечами и переглянулся со старшим помощником. Что это? Последняя отчаянная попытка вырваться? И они думают, щиты им в этом помогут?

— Сужаем петлю, — велел он. — Готовьте сеть.

— Так точно!

Старший помощник поднял руку. И уже открыл было рот, чтобы отдать команду, когда с марсовой площадки донеслось:

— Капитан! Море! Там, у входа в бухту!..

Старший помощник шагнул к борту. Вынул зрительную трубку, приложил к правому глазу — и прирос им к окуляру. Море у входа в бухту вело себя странно. Оно дрожало, кипело и пенилось горбатыми волнами, напоминающими китовьи спины. Но так близко у берегов Бар-Шаббы никогда не замечали китов — ее и другие морские твари, даже безмозглый криль, всегда обходили стороной!

— Капитан, — начал помощник и осекся, не договорив. Над волнами взметнулась туча искрящейся водяной пыли, и на мгновение выглянувшая из облаков луна осветила две черные тени, взмывшие к небу. Огромные, глянцево блестящие туши, распахнутые перепончатые крылья, оскаленные пасти... Морские драконы?! Это же миф, легенда, их никто не видел уже более двух веков!

— Капитан! — не своим голосом взвыл старший помощник, отшатнувшись от борта. Зрительная трубка покатила по палубе. А глубинные твари, каждая из которых размерами вдвое превосходила «Жемчужину», пересеклись в воздухе, словно пройдя друг сквозь друга, и ринулись вниз.

— Сети! — прогремело над мостиком. — Сбить!

Команда эхом разнеслась от борта к борту, от парусника к паруснику. Десятки дрожащих рук вскинулись кверху, блеснула силовыми звеньями «ловчая сеть», взлетая к цели, — и ушла в ночь, накрыв собой пустоту. Глухой булькающий рев ударил в уши. А следом на палубу упала черная тень — гигантская, невероятная. Крыло к крылу драконы настигли застывшую в ужасе флотилию и врезались в самый ее центр, разбив строй. Затрещало дерево. Корабли подбросило на взлетевшей волне, расшвыряло в стороны, закружило, сминая, словно бумажные...

Капитан «Жемчужины», оглушенный и почти захлебнувшийся, пришел в себя на покореженных досках мостика четверть часа спустя. Кругом, куда ни кинь взгляд, колыхались на черной воде обломки. Луна, сбросившая покрывало облаков, чертила дорожку по спокойному морю. Драконы исчезли, как не было их. Лодки тоже.

Кассандра, уставившись в потолок, равнодушно изучала взглядом тонкие трещины в штукатурке. Вокруг было тихо — лазарет спал. Изредка из коридора по ту сторону двери доносились шаги или далекий приступ кашля, а из-за стены — чей-то протяжный стон, но потом всё стихало снова. Скорей бы уже утро! Кассандра, вздохнув, перевернулась на бок. Спать ей не хотелось, а больше заняться было нечем.

Все ее недавние соседки по палате уже вернулись в казарму, последнюю как раз отпустили вчерашним утром. И пусть в их компании было не намного веселее, но теперь стало совсем уж тоскливо. Особенно по ночам. Днем кадета Д'Элтар навещали подруги — милостью богов, ни одна из них сильно не пострадала той памятной ночью. Сельвию «морская волна» отшвырнула в кусты далеко за ангаром, и сила ныне покойного мага ее не коснулась, Кайи в тот момент вообще не было в учебном городке, а Орнелла благополучно очнулась на третий день и без единой царапины. Одна Кассандра пришла в себя только через неделю. Первые несколько дней она чувствовала себя совсем скверно — ее мутило, кружилась голова, а тело, словно чужое, отказывалось ей повиноваться, но потом стало полегче. По крайней мере, она смогла есть и сама переворачиваться с боку на бок. Ходить ей не разрешали, да и получалось оно не лучшим образом, но за две недели, проведенные в лазарете, Кассандра так озверела от тоски и скуки, что лекарей давно перестала слушать. Стоило опуститься ночи, а госпиталю — погрузиться в сон, кадет Д'Элтар сползала с кровати и принималась за нарушение врачебных предписаний. Здоровье, подорванное силой мага-диверсанта, потихоньку возвращалось, и сейчас Кассандра вполне твердо стояла на ногах — она даже с боем вытребовала себе право навещать Клиффа, тоже умирающего от скуки в одной из общих палат... Однако в казарму кадета Д'Элтар все равно отпускать не торопились.

«На кой демон я им тут сдалась? — про себя сердилась она, елозя щекой по подушке. — Я же здорова! Ладно еще вначале...» Кассандра беззвучно фыркнула и перевернулась на другой бок. Потом вспомнила то, что было «вначале», и задумчиво почесала кончик носа. Вообще это было странно. Тогда, в библиотеке эль Хаартов, когда она забыла про амулет и взобралась на диван к другу, пытаясь его растормошить, она так же потеряла сознание — но в себя пришла через каких-нибудь несколько дней, а еще через два или три совершенно поправилась. Но сейчас? Отчего после этого диверсанта ей было так плохо — он ведь, в отличие от Нейла, даже не успел до нее дотронуться! Сила не выбирает и не милует, так почему один маг не смог убить ее, а у другого это почти получилось? Странно, очень странно. И спросить не у кого... Кассандра тяжело вздохнула. Почему время ползет так медленно?... Даже ночные наряды и дежурства в столовой теперь предстали перед кадетом Д'Элтар в новом свете — явись сейчас к ней в палату капитан Рид и отправь ее в караул под проливным дождем, Кассандра, наверное, расцеловала бы куратора в обе щеки! «Хотя какой теперь дождь, — подумалось ей. — Снег же выпал. Еще вчера». Девушка снова протяжно вздохнула и, дернув ногой, сбросила на пол одеяло. Ей хотелось на волю. Даже несмотря на то, что там, снаружи, за эти недели многое изменилось...

«Мы теперь на каком-то военном положении, — в первый же свой визит после того, как Кассандру разрешили навещать, поделилась с подругой Орнелла. — В Даккарай целый гарнизон из столицы прислали — из-за каждого угла мундиры торчат! На стенах они, у стен

тоже, вокруг кадетского городка целый лагерь разбит... Не нравится мне всё это, Кэсс! И гонять нас еще больше стали, даже в себя прийти не дали толком: теперь с утра до вечера то плац, то загон, и почти каждый день — свободные вылеты. Зачем? Даже если война — ну не пошлют же нас сражаться? Ладно еще старшие кадеты!..»

Вновь вспомнив об этом сейчас, Кассандра нахмурилась. В том, что первокурсников могут отправить на передовую, она очень сомневалась — много ли там от них будет проку? — зато Клифф учился как раз на последнем курсе. Если дойдет до войны, как боится Орнелла, из Даккара старших кадетов первыми отошлют на фронт, а там и не такие умирали, судя по рассказам дяди. А дядя? Он ведь боевой офицер!

«А Нейл?» — вдруг пришло ей в голову. В последнем письме Зигмунд де Шелоу писал, что его товарищ принял присягу. Уж явно не на верность Бар-Шаббе, адепт эль Хаарт гражданин Геона. А теперь еще и боевой маг — такой же зеленый, как она сама. «Что его вообще на факультет этот понесло? — в очередной раз подумала Кассандра. — Ведь алхимиком хотел стать, как его светлость! Только и слышно было: «отец, отец»... И тут на тебе! К мордобою его потянуло!» Она сердито нахохлилась. То, что о боевом факультете Нейл не сказал ей ни слова, Кассандру задело не меньше, чем удивило, однако беспокойство за друга в конечном итоге пересилило и первое, и второе. На бойцов она в Даккарае за время своей учебы нагляделась вдоволь — Нейлар эль Хаарт определенно был не той породы. А уж представить его на месте давешнего мага-диверсанта... Нет, кто угодно, только не Нейл! С его-то пунктиком насчет дара? Да он ведь без амулета даже червя дождевого не тронет! «А тут война, — подумалось ей. — И живые люди. Чушь собачья! Мы, конечно, целый год не виделись, да и человек меняется с возрастом, но чтобы настолько?» Кассандра с сомнением наморщила брови. Каких-то особенных изменений в друге в их последнюю встречу она не заметила. Разве что та история с каким-то трактиром и какой-то женщиной... Щеки девушки залил густой румянец смущения. В той своей исповеди адепт эль Хаарт, пожалуй, местами был чересчур откровенен. «И всё равно, — насупившись, упрямо подумала Кассандра, — это ничего не значит! Это другое, какие-то их мужские дела, и его ведь тогда опоили — а сам по себе Нейл бы в жизни никого не обидел! Уж я-то знаю!» Кадет Д'Элтар перевернулась на спину и вновь уперлась взглядом в опостылевший потолок. Ничего, после некоторых размышлений решила она. Пусть присяга, пусть боевой факультет! Тот адепт, весной, говорил, что бойцы Бар-Шаббы — «элита», и служат разве что при штабе, а там Нейлу вряд ли хоть что-то будет грозить, даже если война. «И его светлость, уж верно, беды не допустит, — подумалось ей. — Королевский магистр, все-таки. Да ему целая армия не помеха, будь он хоть три раза алхимик!» Кассандра, как и ее друг, свято верила, что герцог эль Хаарт при желании может горы свернуть — причем в самом что ни на есть буквальном смысле. «Еще бы и Нейл был такой же, — про себя вздохнула она. — Как его вообще на боевой факультет приняли? Они там, в этой Бар-Шаббе, совсем слепые, ей-богу!»

По ту сторону окна у нее над головой послышались шаги и чьи-то негромкие голоса. Ночной караул, подумала Кассандра, зевая. Интересно, свои или эти, из столичного гарнизона?.. Она свернулась калачиком, подложив ладони под голову, и уже начала было дремать, как внезапно почти под самым окном раздалось резкое, отрывистое:

— Стой, кто идет?!

Кадет Д'Элтар, вздрогнув, очнулась.

— Отставить, — услышала она, приподняв голову с подушки.

— Виноват. Здравия желаю, ваше превосходительство!

— Вольно.

Кассандра округлила глаза. Этот голос она узнала бы из сотни. Мастер Тайрин? Что ему здесь делать в такое время? Он теперь глава Даккарая, от ночных караулов временно освобожден, а ранен был совсем легко, к чему ему лазарет?..

— Всё спокойно? — спросил по ту сторону Сезар Тайрин.

— Так точно, ваше превосходительство!

— Благодарю за службу. Возвращайтесь в дозор.

— Так точно!

Два голоса слились в один, глухо застучали по брусчатке каблуки сапог — караульные разошлись в стороны. Кассандра выпрямилась в постели, чутко прислушиваясь: судя по наступившей тишине снаружи, сам мастер Тайрин остался на месте. Странно. Зачем тогда приходил?

До ушей ее долетел тяжелый вздох. И почти сразу — торопливый звук чьих-то шагов.

— Мастер Тайрин!..

— Тише. Как он?

— Совсем плохо. Мэтр Бенно говорит, не доживет до утра. Вы просили сообщить, если...

— Да-да. Я пойду к нему, а ты останься здесь. Встретишь капитана Рид, я послал ей записку. Проводи к нам, как придет.

— Так точно. Капитан Хилл в восьмой палате, мэтр тоже там.

— Хорошо.

Снова шаги — легкие, торопливые, скоро растаявшие в тишине. Где-то неподалеку хлопнула дверь, и Кассандра, цепляясь за железные прутья изголовья, медленно опустилась назад на кровать. Капитан Хилл? Куратор третьего курса, один из тех, кто принял на себя основной удар диверсионной группы в ту проклятую ночь?..

Кадет Д'Элтар обернулась к двери. Восьмая палата — так ведь это соседняя! «Вот, значит, кто там стонал, — поняла она. — Только при чем тут капитан Рид? Вроде они с капитаном Хиллом не родственники». Девушка зябко поёжилась и, подобрав с пола одеяло, закуталась в него с головой. «Не доживет до утра» — значит, еще одним офицером станет меньше, а их без того столько погибло, что даже считать-то страшно! А кадеты? Более или менее уцелел только первый курс, на два старших без слез не взглянешь. Орнелла на прошлой неделе выпросила у капитана семь ночных дежурств подряд — ее де Кайсар тяжело ранен, и она каждую свободную минуту проводит у его койки, Клифф только-только видеть начал, и еще не понятно, восстановится ли зрение полностью, а Рональд де Ласси, его друг и сосед, кашляет так, что даже с улицы слышно... Но они хотя бы живы, а вот других уже не вернешь. Демоны б взяли тех диверсантов и ту войну! Отчего людям во все времена не живется спокойно?!

Кассандра вновь свернулась калачиком, настороженно прислушиваясь к спящему лазарету. Знакомые шаги, скрип дверных петель... Тихие голоса за стеной, всё тот же глухой стон... Звон склянок... Опять шаги — дробные, быстрые, то и дело срывающиеся на бег. Капитан Рид?

— Я буду в своем кабинете, — приглушенно донеслось из коридора. — Загляните ко мне, когда...

Это был голос мэтра Бенно, заведующего лазаретом. Кассандра приподняла голову.

— Неужели совсем ничего нельзя сделать, мэтр? Ведь вы говорили, что у него есть

шансы!

— Были, Сезар. И я надеялся до последнего, но мы не боги. А их решение, увы оказалось не в его пользу.

Голоса смолкли, и по коридору, удаляясь, медленно зашаркали подошвы. Кассандра, стиснув в кулаках края одеяла, закрыла глаза. Почему ей не дают на ночь какой-нибудь снотворной настойки? Чего ради ей вообще понадобилось подслушивать под окном? Ведь могла бы не знать — а теперь... Бедный капитан Хилл!

Из-за стены донесся короткий жалобный вскрик. А наступившая вдруг следом за ним тишина — гулкая, звенящая — заставила кадета Д'Элтар зажмуриться еще сильнее. Капитан Хилл?.. Он?.. Будто в подтверждение этому из соседней палаты донеслись приглушенные рыдания. Кассандра зажала ладонями уши. Ей вдруг стало жутко — так, как не было даже там, на крыше, когда Яр ее сбросил, оставив один на один с неизбежным. Все люди плачут. Но когда плачут такие, как капитан Рид, это самое страшное...

Клиффорд Вэдсуорт, лежа без сна на своей койке, мысленно считал капли, одна за другой падающие в таз под рукомойником. Еще пару недель назад эти звуки бесили его до зубовного скрежета, но теперь он уже по привычке. И не к такому привыкнешь, если оно хоть сколько-нибудь отвлекает!..

Молодой человек, вздохнув, почесал переносицу, накрытую вместе с глазами плотной повязкой, — веки зудели тоже, но их трогать было нельзя. На ночь под них накладывали целебную мазь, и во имя скорейшего выздоровления болящему запрещалось даже моргать. Издав очередной тоскливый вздох, кадет Вэдсуорт поправил под головой сбившуюся комками подушку. Он мучился бессонницей уже которую ночь, всей душой завидуя соседям по палате, которые дрыхли без задних ног, — никто из этих счастливиц, в отличие от него самого, не покрывался зудящей красной сыпью от настойки лурии. «И что я такой невезучий? — с грустью подумал Клифф. Прочие снотворные средства его и вовсе не брали. — Вот положили бы меня к Рону! Он из-за кашля не спит, я из-за глаз — хоть было б с кем словечком перемолвиться!..» Молодой человек вспомнил друга и жалостливо качнул головой. По совести, Рональду было не до разговоров, он и дышал-то с трудом. Хотя сейчас все-таки стало полегче — в первые дни после пожара, по его собственным словам, он боялся во время очередного приступа выплюнуть собственные легкие. Кашлял кадет де Ласси и впрямь ужасно. И его товарищи по несчастью тоже. «Ну да ничего, милостью богов, обойдется, — подумал Клиффорд. — Мэтр Бенно говорит, что волноваться не о чем, скоро пойдут на поправку... Вот мне бы ещё пойти! Все бока отлежал, сил никаких нет! Лучше бы болтом зацепили, как Энрике, небось, давно бы уже бегал».

Кряхтя и морщась, кадет Вэдсуорт перевернулся набок. Он и впрямь отлежал себе уже всё, что можно. Скорей бы утро! Лазарет оживет, с глаз снимут бинты, после обеда обязательно заглянет Реджи или еще кто-нибудь из ребят, а перед самым отбоем забежит Кэсс... Молодой человек улыбнулся. С тех пор, как кадет Д'Элтар пришла в себя и ей разрешили вставать, она всегда приходила по вечерам, пожелать ему спокойной ночи. И этих коротких визитов Клифф ждал едва ли не больше, чем выздоровления. Скорей бы утро! А после — вечер!.. Он зевнул, поудобнее устраиваясь щекой на подушке — так, чтобы не задеть повязку. Может, все-таки получится заснуть? Говорят, помогает считать овец. Или вот хоть те же капли...

Он уже начинал дремать, когда истончившийся за время вынужденной слепоты слух

уловил тихий шорох шагов из коридора. Что-то в них было странное, неправильное и в то же время привычное. Кадет Вэдсуорт, стряхнув с себя сон, чуть повернул голову и наострил уши. Нет, не показалось — кто-то крался по коридору на цыпочках. Да еще, похоже, босиком. «Или я все-таки сплю?» — с легким недоумением подумал молодой человек, однако звук крадущихся шагов, на миг затихнув, послышался снова. Всё ближе и ближе... Дежурные так не ходят, лекари тоже. Неужели кто-то из кадетов, не выдержав лёжки, рискнул уйти в самоволку? И это-то ладно, можно понять, — но почему босиком? Зима на дворе!..

Едва Клиффорд успел об этом подумать, как дверные петли коротко скрипнули, кто-то прошлепал от порога к его собственной койке — и резво взобрался на нее с ногами, приткнувшись ему под бок. Это еще что за новости?!

— Клифф! — услышал ошарашенный кадет Вэдсуорт знакомый голос и повторно потерял дар речи. — Клифф, ты спишь?

— Кэсс?! — придя в себя, выдохнул он. — Во имя богов, что ты здесь делаешь?!

Вместо ответа она направила в темноте его руку и вцепилась в нее как утопающий. Молодой человек быстро приподнял голову над подушкой, вслушиваясь в окружающую тишину. Его соседи по палате спали, из коридора по ту сторону двери тоже не доносилось ни звука. Если бы что-то случилось, как тогда, в ночь диверсии, он узнал бы об этом задолго до прихода Кассандры. «Ничего не понимаю», — подумал Клиффорд, пытаясь отодвинуться к краю койки, но кадет Д'Элтар прилипла намертво. И не то чтобы ему это было неприятно, как раз напротив, — но ведь так же нельзя!

— Кэсс, — торопливо зашептал он. — Ты с ума сошла, это мужская палата, и обход каждые два часа — если тебя здесь кто-нибудь увидит в такое время...

— Ну и пусть, — девушка, шмыгнув носом, еще крепче перехватила пальцами его запястье. — Клифф, ох, Клифф, не прогоняй меня! Я не могу там одна, мне страшно!

Уходить она, по всей видимости, не собиралась. И о том, в какое положение ставит сейчас их обоих, явно не думала. Кадет Вэдсуорт сдвинул брови. Он знал Кассандру не первый день и давно привык к ее непосредственности — порой она была что дитя малое. Однако до какой степени, он понял только теперь. Конечно, она всего лишь искала утешения — не важно, от одиночества или приснившегося ночного кошмара — но кого это будет волновать? Если их застанут вместе, ночью, да еще и по факту в одной постели, скандал неизбежен. Даже если дело кончится браком, от репутации кадета Д'Элтар и всей ее семьи камня на камне не останется... Да, Клифф был бы счастлив назвать Кассандру своей. Но, видят боги, не такой ценой.

Свободной рукой нащупав плечо девушки, он коротко сжал его и прошепел:

— Бегом назад! Сейчас же!

— Не пойду!

— Кэсс, ради всего святого! Тебе нельзя здесь, как ты не понимаешь?!

Девушка вновь шмыгнула носом.

— Это ты не понимаешь! — отчаянно прошептала она. — Не могу я! Как я вернусь, когда он там... за стенкой...

— Кто «он»? — растерялся Клиффорд.

— Ваш капитан... Он умер, Клифф! Умер! Мэтр Бенно сказал, что они не боги, и капитан Рид... она так плакала, Клифф! А я не могу это слышать — и не хочу, не хочу!

Кассандра прерывисто всхлипнула и прижалась к нему еще теснее. Кадет Вэдсуорт,

оглушенный новостью, уже не обратил на это внимания. Капитан Хилл? Мертв? Как же так? Ранение было тяжелое, но ведь говорили, что есть надежда!..

Клиффорд любил и уважал своего куратора, так же, как прочие его товарищи — даже Декстер, которого капитан регулярно ловил на горячем в виде бутылки-другой. Прирожденный наездник, один из лучших в Геоне, герой войны, капитан Хилл командиром был строгим, но справедливым. И человеком большой души. «А теперь его нет, — подумал Клифф. — Как остальных... Чтоб тем диверсантам вечно гореть в пламени нижнего мира! Лучших забрали, твари!» В носу защипало, но молодой человек справился с собой. Довольно и всхлипывающей под боком Кассандры — которой здесь вообще не должно было быть. Вспомнив об этом, Клиффорд задвинул поглубже свое горе и поднял голову.

— Кэсс, — сказал он. — Ну, хватит. Его уже не вернешь, но ведь мы-то пока еще живы! Возвращайся в палату, а завтра...

Он собирался сказать, что утром они обязательно встретятся и поговорят — обо всем, о чем ей захочется, но не успел. Кассандра судорожно дернула плечом, сбросив его руку.

— Завтра? — громким шепотом воскликнула она. — А откуда ты знаешь, что будет завтра?! Может, еще одна диверсия? Или... или война? Не ври, что не слышал, как вдруг за нас принялись! Эта муштра, вылет за вылетом — тебе ведь наверняка тоже рассказали! И ты понимаешь, что это значит, ведь так же?!

— Кэсс...

— Это война — ведь так, Клифф? Она же начнется, и... те капитаны, кто остался... и мы... Зачем?! Кому это нужно?! Не хочу я никакой войны, и чтобы еще кто-то умер, и плакать, как капитан Рид, тоже не хочу!

Сказала — и тут же заплакала. Совсем как ребенок, что криком, слезами и этим своим по-детски беспомощным «не хочу!» пытается заглушить не столько страх, сколько знание — так, как он хочет, всё равно не будет... Клифф слушал тихие горестные причитания, и сердце его переполняла жалость. Он любил это перепуганное дитя, понимал его отчаяние — и тоже не хотел ни умирать, ни кого-то оплакивать. Поколебавшись, молодой человек скользнул рукой по одеялу.

— Кэсс, — повторил он, неловко глядя ее по голове, как маленькую. — Тише, не надо так... Мне тоже страшно. Правда. Может, и капитану Хиллу было, и другим офицерам, тем, что погиб, защищая нас... Разве они хотели войны? Вряд ли.

— Но... это... несправедливо!

Клиффорд невесело улыбнулся.

— Жизнь вообще местами ужасно несправедливая штука — но запасной у нас нет! Не знаю, кому нужна эта война, Кэсс. Не мне так точно. Но свой долг я знаю — и если понадобится, отдам его, не раздумывая.

— Как... как наши капитаны? Клифф!

— Я наездник. И ты тоже, Кэсс. Мы могли погибнуть в огне еще две недели назад, но мы уцелели. А значит, когда-нибудь придет и наше время вернуть долг.

— Долг... — всхлипнув, горько повторила за ним Кассандра. Спокойный голос товарища, даже несмотря на то, о чем он говорил, слегка привел ее в чувство. — Когда мы успели так задолжать? И кому?

Вэдсуорт пожал плечами:

— Геону, кадет Д'Элтар. Тем, у кого нет крыльев.

Из лазарета Кассандру отпустили лишь в самом конце ноября. Она вернулась в казарму — и к учебе, насчет которой Орнелла ни словом не погрешила против правды: гоняли кадетов так, что даже начало первого курса многие теперь вспоминали с приятной ностальгией. Спали они еще меньше, чем раньше, через день вскакивая среди ночи по тревоге, и, как когда-то мечталось Кассандре, почти не вылезали из седел — теория почти полностью уступила место практике. Только мало кого это радовало. Диверсия в Даккарае оставила шрам на сердце каждого, а отголоски ее в виде толпы сине-голубых мундиров, заполонивших школу, не давали отпустить и забыть. Всё вокруг поменялось. На смену осени пришла зима — ранняя и снежная, среди преподавателей почти не осталось знакомых лиц, а будущее приобрело привкус дымной горечи. Ничего хорошего впереди уже не ждало. Тень войны нависла над Даккараем грозovým облаком, и пусть пока еще ничего наверняка не было известно, каждый чувствовал — спокойных дней на их долю осталось немного. Об этом не говорили, а если все-таки заходила речь, старались поскорей сменить тему, вслух выражая надежду, что «всё как-нибудь уладится», но мало кто в это верил.

Кадетам вновь разрешили писать домой, пусть с запретом на разглашение подробностей о диверсии, и на Даккарай, три недели проведенный в полной изоляции, обрушился шквал писем. Родные и близкие будущих наездников, мужья и жены оставшихся в строю офицеров, что едва ли не месяц вынуждены были довольствоваться лишь сухими строчками официальных сводок, наверстывали упущенное — несколько вечеров подряд вся школа, склонившись над столами, скрипела перьями. Кассандре пришло два конверта из Мидлхейма — от родителей и герцога эль Вистана, как оказалось, еще не до конца к ней остывшего, и один конверт — с южной границы, от маркиза Д'Алваро. Орнелле вручили целый ворох писем, большую часть которых, со штемпелем Верхнего Предгорья, она сожгла, даже не распечатав. Правда, на оставшиеся пять — все из столицы, от одного и того же адресата — всё равно не ответила. Письма были от Зигмунда де Шелоу. А Зигмунд де Шелоу был магом.

«И не стыдно тебе? — выговаривала подруге Кассандра. — Бедняга там с ума сходит, а ты пары слов написать не переломишься! Ну что у тебя, руки отсохнут? Что с тобой?..»

Кадет эль Тэйтана в ответ только молча отворачивалась. И потому, что ей все-таки было стыдно, и оттого, что она ничего не могла с собой поделать. Каждый раз, стоило ей все-таки собраться с духом и взяться за перо, в памяти ее воскресали охваченные огнем стены драконьих ангаров и размытая фигура в балахоне, медленно надвигающаяся из темноты. Орнелла помнила ледяной холод и страх — животный, лишаящий воли, помнила ставшее чужим собственное тело, помнила тихий скрип гравия под уверенными, неторопливыми шагами... Тот человек тоже был магом. Да, чужим, да, диверсантом, но магом! «Как только Кэсс не боится? — исподтишка поглядывая на подругу, думала герцогиня. — Ладно еще Зигмунд, но этот ее «братец»! Вот уж правду говорят, что все Д'Алваро без царя в голове — ночь за ночью, один на один с магом, да еще и... Совсем ей жизнь не мила!» Орнелла не знала ничего о том, что случилось позапрошлым летом в библиотеке магистра алхимии, это Кассандра благоразумно оставила при себе. Но о многолетней дружбе с сыном герцога и об их ночных тренировках она подруге рассказала. И теперь, после всего, что им обоим довелось пережить, ее светлость на месте Кассандры поторопилась бы забыть Нейлара эль Хаарта как страшный сон — однако кадету Д'Элтар всё было как с гуся вода. Больше других пострадав от дара, едва не забравшего ее жизнь, она продолжала чуть что хвататься за свой медальон и через слово поминать Бар-Шаббу! Это какое же надо иметь бесстрашие — или глупость?..

— Не понимаю, — в конце концов прямо заявила Орнелла подруге, когда они обе стояли в ночном карауле у зала героев, и Кассандра вновь принялась стыдить ее за малодушие. — Как ты можешь, Кэсс? Они же маги! И Зигмунд, и... Боги! Во что ты вообще меня втянула?!

Кадет Д'Элтар закатила глаза.

— И ты туда же! — фыркнула она. — «Маги»! Ну да, и что с того? Я что-то не припоминаю, чтобы тебя это так беспокоило месяц назад!

— Скажешь тоже — месяц назад! Я же тогда не знала...

— О даре? — ядовито уточнила Кассандра, глядя на подругу колючим взглядом. — Или о том, что сила бывает опасна? Не смешите меня, ваша светлость! Вы просто трусили, так уж найдите в себе силы в этом признаться!

— Я не трусиха! — взвилась Орнелла. — А ты... Ты просто сумасшедшая, Кэсс! Как ты можешь их защищать?! Разве не один из них...

Кассандра вскинула голову.

— Нет, — отрезала она. — Тот, кто пришел сюда нас убивать, был не Зигмунд де Шелоу. И не Нейл. А те, кого он привел с собой, не были магами — что же ты тогда не переменялась к своему де Кайсару? Он боец — как те диверсанты, как мастер Тайрин, как я и как ты! — она перевела дух и неприятно усмехнулась: — Но маги — это, конечно, другое, да? Они же не такие, как мы? Жаль, тут нет Энрике, он бы тебе аплодировал стоя!

Орнелла уязвленно вздернула подбородок. Сравнение с кадетом Д'Освальдо задело ее самолюбие, а от холодной издевки, вдруг прозвучавшей в голосе лучшей подруги, неприятно засосало под ложечкой.

— Знаешь, Кэсс... — помолчав, начала герцогиня, но кадет Д'Элтар только махнула рукой.

— Знаю, — сказала она. — Можешь не продолжать. Время обхода — я в зал, ты по галерее.

Не дожидаясь ответа, Кассандра сняла с крюка масляный фонарь и исчезла во тьме за тихо скрипнувшей дверью. Орнелла, проводив ее взглядом, уставилась в пол. На душе у нее скребли кошки. Герцогиня эль Тэйтана не любила, когда с ней спорили, она с детства привыкла к тому, что ее мнение — единственно правильное, но сейчас она словно столкнулась сама с собой и совершенно запуталась. Они с Кассандрой были похожи в своей избалованности и в вытекающем из нее эгоизме, ни одна из них не привыкла поступаться собственным мнением ради кого-то другого, и, наверное, каждая сейчас по-своему была права... Знать бы только, чья правда сильнее?..

Кассандра, держа в высоко поднятой руке фонарь, медленно шагала вперед. Огромный зал тонул во мраке — зал героев, большинство из которых давно покинуло этот мир. Пятно света скользило по стенам, увешанным портретами в тяжелых золоченых рамах, выхватывало из темноты потускневшие от времени медные таблички с именами. Герои прошлого в сверкающих орденах мундирах — такие разные, со сталью в глазах и рассеянными полуулыбками на обветренных лицах, мужчины и женщины, еще живущие и давно всеми забытые... «Я наездник, — всплыли в памяти слова кадета Вэдсуорта. — И ты тоже». Этот негромкий голос, спокойный и уверенный, вспомнившись вдруг, заставил Кассандру опустить голову. Клифф говорил о долге так просто и буднично, словно его жизнь совсем ничего не значила. Он не смеялся по своему обыкновению, он был серьезен, наверное, впервые на ее памяти — и эта необъяснимая, пугающая серьезность, так же, как слезы

капитана Рид, до сих пор отдавались где-то глубоко внутри сосущей пустотой, что, бывает, охватывает человека в шаге от пропасти. Мир Кассандры, едва-едва вернувший свои границы, вновь опасно зашатался, и она не знала теперь, как вернуть всё обратно. «Да и возможно ли?» — подумалось ей. Ответ пришел сразу, и кадет Д'Элтар, зябко поежившись, еще крепче сомкнула пальцы вокруг ручки фонаря. Она назвала Орнеллу трусихой — но ведь, получается, сама-то была ничем не лучше?

Желтое колеблющееся пятно вновь заскользило по каменной кладке. Мерно шагая, Кассандра прошла вдоль восточной стены, свернула по южной и, замедлившись, в конце концов остановилась у самого центра западной — там, где висел портрет полковника Д'Алваро. Задрав голову, кадет Д'Элтар взглянула в знакомое лицо: смуглое, резко очерченное, застывшее словно в глубокой задумчивости на фоне голубоватых пиков Туманного хребта. «Дядя! — мысленно позвала она. — Ох, дядя! Почему ты не здесь? Ты бы всё объяснил, ты бы сказал, что я справлюсь!» Ищущий взгляд Кассандры обратился к лицу маркиза Д'Алваро, но темные, чуть прищуренные глаза его смотрели куда-то поверх ее головы. Это был только потрет. Игра красок, лишённая жизни, — настоящий Астор Д'Алваро был сейчас далеко, за много тысяч миль от Даккарайской пустоши. Кассандра, горько улыбнувшись, отвела глаза. Ей вспомнилось недавнее письмо с южной границы: короткое, написанное нетвердой рукой и полное раскаяния. Дядя писал о том, как он был не прав, называл ее «солнышком» и своей «дорогой девочкой», просил беречь себя, что бы ни случилось, и простить его, если она сможет... Он, конечно, имел в виду Нейла — похоже, папа так и не рассказал ему правды. «А если бы рассказал? — вдруг пришло в голову Кассандре. — А если бы не война?..» Она опустила фонарь, и западная стена опять погрузилась в тьму. Это уже не важно. Всё не важно, кроме размытого непредсказуемого «завтра», в котором может случиться всё, что угодно. Война! Дядя был к ней готов. И Клифф тоже, и даже Нейл, судя по этому его боевому факультету...

«А я?» — подумала Кассандра, глядя на раскачивающийся в руке в такт шагам масляный фонарь. И закусила губу — она задавала себе этот вопрос уже не в первый раз, и ответ, к сожалению, тоже был ей известен.

Большинство кадетов Даккарая уже покинуло лазарет. В палатах осталось около тридцати человек, половина которых вот-вот готовилась вернуться в казармы. Но кое-кому, увы, об этом приходилось только мечтать — и одним из них, к великому расстройству Орнеллы, был Ричард де Кайсар. Ранили его тяжело, чудом выжил, и пускай, по словам мэтра Бенно, самое страшное было уже позади, кадет де Кайсар почти все время находился в беспомощности: его пичкали сильными обезболивающими эликсирами напополам с настойкой лурии, чтобы он мог хоть немного поспать.

Визитеров к Ричарду пускали раз в день, минут на пять, дабы не утомлять болящего, и у его постели в такие моменты толпилась едва ли не четверть курса — где уж было Орнелле пробиться сквозь этот заслон? Да и что бы тогда о ней подумали? Ричард был ей не брат, не жених — даже не друг, как Вэдсуорт для Кэсс, а ведь и об этой парочке порой невесты что болтали! Нет, так рисковать кадет эль Тэйтана не могла. Поэтому, пойдя проторенной дорожкой, пустила в ход всё свое обаяние — и теперь не реже трех ночей в неделю проводила на дежурстве в лазарете. Забот там уже было немного, почти все пострадавшие в ночь диверсии вернулись в строй, и ничто не мешало ей быть рядом с Ричардом. И пусть в палате он лежал не один, не беда: и кадету де Кайсару, и кадету Декстеру, что занимал койку

в другом конце палаты, после ужина давали снотворное. А к моменту обхода Орнелла неизменно оказывалась на посту. Кто бы узнал, сколько времени она проводит там, где ей вроде бы нечего делать?..

Нынче была суббота. В другое время, случись кадету эль Тэйтана попасть на дежурство в ночь на воскресенье, она извелась бы на мыло от злости, но не теперь. Дождавшись сигнала к отбою и, как положено, обойдя вверенный ей участок, Орнелла проскользнула в знакомую палату на втором этаже. Света там не гасили — на всякий случай — но фитиль стоящей на полке у входа масляной лампы тлел еле-еле. Кадет эль Тэйтана, прихватив лампу с собой, перенесла ее на тумбочку возле кровати и придвинула поближе стул. Ричард спал беспокойно, тихо постанывая во сне; изредка по его бледному лицу пробегала судорога боли. «Бедный мой, — с нежностью подумала Орнелла, склоняясь над спящим. — Когда же станет легче? За что боги к тебе так несправедливы?»

Она взяла его руку и прижалась щекой к сухой горячей ладони.

— Ричард, — прошептала она, опуская веки. — Ах, Ричард! Лучше бы меня ранили вместо тебя!

Запекшиеся губы молодого человека шевельнулись. Не просыпаясь, он тихо вздохнул и что-то неразборчиво пробормотал. Орнелла, открыв глаза, с тревогой склонилась к самому его лицу.

— Ричард! Я здесь, рядом! Ты что-то хочешь сказать?

— Кларисса... — прошелестело в ответ, и ее светлость, вздрогнув, разжала пальцы. Рука де Кайсара упала обратно на одеяло. «Кларисса»? Эта... эта... Да сколько же можно?! Когда он забудет о ней? Синий чулок, чужая невеста, и имя-то до чего мерзкое — «Кларисса»! Всё равно что шипение змеи!

Орнелла резко выпрямилась на стуле. Ее душила злость.

— Да чтоб тебе пусто было, — просвистела она сквозь сжатые зубы. — Моль бледная!

Из темноты в противоположном конце палаты донесся негромкий протяжный смешок.

— Какие страсти, — прозвучал в тишине голос с сильным южным выговором. — И что, так-таки моль?..

— Кто здесь?!

Орнелла, подпрыгнув от неожиданности, трясущейся рукой метнулась к лампе. Колесико натужно закрипело, язычок пламени, разгораясь, взметнулся вверх — и глазам обмершей герцогини явился Энрике Д'Освальдо, собственной персоной: закинув ногу на ногу, он восседал на стуле у койки кадета Декстера, и от одного взгляда на это смуглое ухмыляющееся лицо сердце Орнеллы ушло в пятки.

— Вы?.. Какого демона вы здесь забыли?! — не помня себя, выдохнула она. Южанин широко улыбнулся.

— Пришел на перевязку и заодно решил заглянуть к другу, — чуть шевельнув плечом в сторону спящего Декстера, отозвался он. — А тут такая драма! Прошу вас, продолжайте же, не обращайтесь на меня внимания. Не то чтобы я большой любитель театра, но... Что такое? Вы забыли слова?

Орнелла вскочила.

— Убирайтесь отсюда! — в бешенстве прошипела она не хуже той самой змеи. — Убирайтесь немедленно, вы... вы...

— А если не уйду, то что? — всё с той же оскорбительной ухмылкой уточнил Д'Освальдо, впрочем, поднимаясь. — Вы позовете на помощь и окончательно похороните

свою репутацию? Соблазнительно, врать не буду. Жаль только, тогда мне скорее всего придется на вас жениться — а вы, прямо скажем, так себе партия.

— Да как вы смеете!.. — задохнулась Орнелла, сжимая кулаки. — Вы, отвратительная самодовольная ехидна, недостойная называться женщиной! Да как у вас только хватает наглости...

Молодой человек запрокинул голову и рассмеялся. Кажется, происходящее его откровенно забавляло. У Орнеллы потемнело в глазах.

— Если вы сейчас же не уберетесь... — начала она, но ее прервал уже знакомый короткий смешок.

— То смерть моя будет мучительно долгой. А я, конечно, честный человек, но не до такой уж степени! Ну, не пытите так, герцогиня. И не отчаивайтесь — чего только не случается в жизни? Может, когда-нибудь ваш рыцарь в сияющих доспехах все-таки снизойдет и до вас?..

Кадет Д'Освальдо ухмыльнулся, потом чуть склонил голову, прощаясь, и покинул палату. Дверь за ним мягко закрылась. Орнелла, дрожа от стыда и ярости, закрыла глаза. Боги! Какой позор! И надо же было такому случиться, чтобы его свидетелем оказался именно этот мерзавец!..

Ногти ее вновь до боли впились в ладони. Еще несколько минут назад герцогиня эль Тэйтана и представить себе не могла, что способна ненавидеть кого-то больше той, чье имя слетело с губ Ричарда де Кайсара, — но, как оказалось, это было большое заблуждение...

Алмара встретила своих птенцов ветром и солнцем. Ноябрь здесь был теплым, не чета стылой Бар-Шаббе, и адепты, настрадавшиеся от недельной качки, славили богов, спускаясь по сходням. Настроение у всех было приподнятое. Даже те, кто вздыхал об упущенных возможностях — все-таки высшая школа Бар-Шаббы равных себе не знала — в конечном итоге рады были вернуться домой. На день беглецы задержались в Джуме, чтобы прийти в себя, а после выступили караваном в Тигриш. Не все семьи, чьи дети учились в Бар-Шаббе, имели дома близ столицы, но еще до отбытия из школы Фаизу ан Фарайя поступил приказ — всех везти в Тигриш, на Дворцовый холм. Из полутора сотен вернувшихся адептов к почтовому двору отношение имела лишь пятая часть, и следовало позаботиться, чтобы непосвященные не сболтнули лишнего.

Повеление было исполнено в точности. Спустя неделю после того, как шафи ан Махшуду доложили, что корабль с алмарскими адептами пришвартовался в порту Джумы, двери личных покоев главы почтового двора распахнулись перед его лучшим учеником.

— Фаиз! — улыбаясь, Мурад ан Махшуд отложил перо. Адепт ан Фарайя, не поднимая глаз, почтительно опустил перед ним на одно колено.

— Мой господин, — сказал он и умолк. Говорить в присутствии шафи разрешалось только с его позволения. Ан Махшуд окинул взглядом запыленную черную хламиду ученика и его изможденное лицо:

— Ты плохо выглядишь. Добрались благополучно?..

— Да, мой господин. Остальные ждут в нижних покоях.

— Я знаю. Встань.

Тот поднялся на ноги — изящно и стремительно, как всегда, но далось ему это всё же с некоторым усилием, и от зоркого глаза учителя оно не укрылось.

— Ты устал, Фаиз, — качнув головой, обронил он. — Адептами займутся другие. А ты пока отдохни с дороги — западные комнаты в твоём распоряжении. Свою двойку можешь взять с собой. Я приду вечером, тогда и поговорим.

— Благодарю, мой господин, — Фаиз склонился перед шафи в глубоком поклоне и, повинувшись молчаливому кивку, вышел. Он вправду устал — и от напряжения последних дней в Бар-Шаббе, и от недельной морской болтанки, и от долгого перехода через пять провинций, которые они преодолели без остановок: адептов следовало доставить в Тигриш как можно скорее, не допустив даже намека на угрозу их жизни, так что пришлось поступиться не только удобствами, но и сном. Всю дорогу от Джумы Фаиз спал вполглаза, трясясь в крошечном паланкине на верблюжьей спине, одежда его насквозь пропиталась пылью и потом, и сейчас он ничего так не желал, как скинуть вонючее тряпье, помыться да растянуться наконец во весь рост на мягком ложе. Западные комнаты, подумал он и улыбнулся про себя — похоже, им остались довольны... Оставив за спиной покои шафи ан Махшуда, Фаиз миновал шарарский караул у дверей во внутренний двор и кивнул ожидающей на ступенях двойке:

— За мной.

Салим и Гаяр, склонив головы, поднялись. Они были шарарцы — каждый чуть выше него самого, чуть плечистей, чуть смуглее. И пусть в Бар-Шаббе оба считались его соучениками, на самом деле всё обстояло иначе: в отсутствие посторонних они называли его

«господином», стирали его одежду, выполняли его поручения, отвечали за его безопасность и личный комфорт... Райан Рексфорд, больше других осведомленный о положении дел в маленьком алмарском анклавe, полагал, что оба еще и греют Фаизу постель, но это было не так.

Пройдя через двор, все трое свернули на пустынную западную галерею, что вскоре окончилась парой высоких резных створок с очередным шарарским караулом по обе стороны — эта часть Дворцового холма негласно принадлежала ан Махшуду, а он другой охраны не признавал. Стражи, узнав любимого ученика железного шафи, согнулись в коротком поклоне и распахнули двери.

«Другое дело», — удовлетворенно отметил про себя Фаиз. Черета роскошных покоев, где глава почтового двора обычно селил важных гостей, являла собой резкий контраст с обиталищем адепта ан Фарайя в Бар-Шаббе. Отдельный внутренний дворик с бассейном оранжерея, несколько спален, просторная обеденная зала, усыпанная парчовыми подушками, даже баня — здесь было всё. И минимум на ближайшие сутки всё это принадлежало ему. Конечно, Фаиз и раньше бывал в западных комнатах, но впервые в качестве гостя. Что ж, разве он этого не заслужил?..

— Гаяр! — позвал он. — Что там с баней?

Его двойка всегда проверяла периметр прежде него самого — о каком бы месте ни шла речь, пусть хоть тысячу раз безопасном.

— Баня готова, мой господин, — долетело из-за ряда колонн. — И Рами вас ждет.

— Отошли, сам справишься, — велел молодой человек. Рами, старый раб-банщик, всем троим был хорошо известен и дело свое знал, но Фаизу за время его миссии по горло хватило лиц. Он жаждал покоя. И одиночества — эти двое не в счет, они просто тени... К тому же, банщик сразу из западных комнат наверняка отправится к шафи, а расстраивать учителя длинным списком синяков и глубокой раной на предплечье Фаиз не хотел — те, кто огорчал Мурада ан Махшуда, страдали обычно не в пример сильнее его самого. Гаяр же будет нем как рыба. Да и шов обработает заодно, что-то там, похоже, неладно.

Войдя в окутанную благоуханным паром маленькую баню, Фаиз стащил с плеч свою хламиду, следом сбросил сорочку и шальвары и вышвырнул грязный ком за порог.

— Салим, сожги это и найди мне чистой одежды! — приказал он, захлопывая дверь. Потом с протяжным вздохом наслаждения опустил в полную горячей воды купель — и зашипел. Предплечье обожгло огнем. Так глупо подставился, там, на берегу, и зашивали в спешке, под фонарем, в ходящей ходуном каюте, где из обеззараживающих средств была только морская вода да зола — где уж теперь надеяться на чудо? Само собой, едва корабль пришвартовался в Джуме, Гаяр раздобыл целую торбу целебных мазей и всю дорогу до столицы усердно пользовал ими рану своего господина, но, судя по ее нынешнему состоянию, момент был безвозвратно упущен. Только бы не заражение, подумал Фаиз.

— Посмотри плечо, — сказал он. — Оно мне не нравится.

Руки шарарца, намавливающие его шею, не замедляясь скользнули к груди.

— Я уже посмотрел, мой господин, — чуть слышно раздалось у правого уха. — Рана загноилась. Нужно вскрывать, чистить и шить заново.

— Демоны!..

— Я все сделаю, мой господин. У меня остались лекарства. Но понадобятся нить и игла, а Салим... Не уверен, что ему стоит это видеть.

Одна из его ладоней прижалась к ране, чтобы туда не попало мыла. Фаиз, прикрыв

глаза, понимающе хмыкнул. Значит, не показалось. И о банщике можно было не беспокоиться — другой «сосед» адепта ан Фарайя в первую очередь служил шафи... «Не зря сомневался, — мысленно резюмировал Фаиз. — Третья тень не моя. Господин верен себе». Он откинулся затылком на мраморный бортик купели. С тех пор, как Мурад ан Махшуд взял его на свое попечение, Фаиз бывал дома лишь короткими наездами, и сундук со сменной одеждой да кое-какими его личными вещами давно обосновался в одной из тесных комнатенок западного крыла, где ученик шафи жил во время своего пребывания на Дворцовом холме. Скорее всего, этот сундук прислали сюда — ведь ему как минимум нужно было во что-то переодеться. И швейный набор там тоже был.

— Шелковая нить подойдет? — спросил Фаиз.

— Да, мой господин. Но опий почти весь вышел, а будет больно.

— Неважно. Сколько тебе нужно времени?

— За четверть часа управлюсь, мой господин.

— Хорошо. Закончишь с мытьем, отошли Салима хоть за чем и найди мой сундук, он должен быть где-то здесь. Там есть иглы и нитки...

Осекшись, он скрипнул зубами — мыло все-таки добралось до раны.

— Простите, — прошелестело в густом от горячего пара воздухе над головой. — Надо было прикрыть. Сейчас.

Выпрямившись, Гаяр взял с полки полотенце, обернул его вокруг предплечья господина и осторожно затянул крепким узлом. Руки в густой мыльной пене вновь заскользили по плечам, смывая пот и разминая уставшие мышцы. Фаиз расслабленно улыбнулся. Хорошо... Казалось бы, такая мелочь — корыто с горячей водой после долгой дороги, но как же этого порой не хватает!

— Поднимитесь, мой господин, — услышал он и нехотя встал. В бане было тепло, но покидать купель всё равно не хотелось. Хотя вода в ней, верно, уже черная от грязи, не плюхаться же обратно, уподобляясь свинье? А пока Гаяр закончит, пока смоеет мыло, пока очистит купель и наполнит ее заново... Уснешь стоя, сам не заметишь. Да еще нужно заняться раной, вспомнил он и поморщился. Среди псов Теллера однако были неплохие бойцы.

— Опустите голову, мой господин. Как бы вода не попала в уши.

Фаиз, зевнув, исполнил просьбу. По телу, от макушки к щиколоткам, побежали потоки чистой горячей воды. Не поднимая век, он улыбнулся снова. Наконец-то от него больше не разит, как от того верблюда! До чего, все-таки, зловонная живность. Лошадиный пот, ясное дело, тоже не амбра, но... Он зевнул еще раз и открыл глаза. Дождался, когда Гаяр вытрет его насухо, завернулся в широкую простыню и шагнул из купели.

— Ополосни мне ноги, — велел он. — Да иди за нитками. И опий не забудь.

Гаяр, коротко поклонившись, вышел. Фаиз в ожидании его возвращения присел на край неширокого мраморного стола. Услышал из-за двери: «Салим! Господин устал. Приведи двух рабов посвежее, ты знаешь, как он любит» и усмехнулся.

— С двумя ты хватил, — обронил он, не глядя на вернувшегося шарарца. — Мне сейчас одного бы осилить.

— Осталось еще немного молочной росы, мой господин. Она вас взбодрит. В крайнем случае, можно списать на усталость... Салим ушел. Но он скоро вернется, надо поторопиться.

Гаяр опустил на край стола принесенный с собой узелок, развязал и поднес к губам

хозяйина край узкой склянки.

— Всё равно будет больно, но хоть не так сильно, — сказал он. — А после я дам вам молочной росы.

Фаиз в один глоток прикончил настойку опия, скривился от горечи, но с приступом подкатившей к горлу тошноты все-таки справился.

— Вот, запейте, — поднося следом широкий серебряный кубок, сказал шарарец. — Щербет, он сладкий. Скажете, когда мне начинать.

Фаиз в несколько жадных глотков осушил чашу. Лимон, мята, и много, очень много сахара.

— Давай, — выдохнул он, вновь закрывая глаза. Узел на предплечье ослаб, полотенце соскользнуло на пол. Горящей руки мягко коснулись кончики пальцев.

— Я постараюсь быстрее, — услышал Фаиз. — Потерпите, мой господин...

Когда глава почтового двора Алмары перешагнул порог западных комнат, была уже без малого полночь. Фаиз ан Фарайя пружинисто поднялся ему навстречу с широкой низкой софы, у которой стоял столик с фруктами, сладостями и большим шааширом на две трубки.

— Мой господин! — сказал он, опускаясь на одно колено. Бойцы его двойки, сидящие на полу возле столика, одновременно пали ниц, зарывшись лицами в ковер. Шафи улыбнулся ученику. Теперь Фаиз был похож на себя самого: лицо его, всё еще несколько бледное, уже не было таким землисто-серым, а насквозь пропыленную шерстяную хламиду он сменил на яркий шелк в любимых оттенках черного и солнечно-желтого.

— Ну, довольно, — проговорил ан Махшуд одновременно с тихим хлопком смыкающихся за спиной створок. И миновав несколько ступеней вниз, что вели к небольшой круглой нише в центре зала, опустился на софу. — Сядь. Выспался?

— Почти, — улыбнулся в ответ ан Фарайя. Вернувшись к софе, устроился в россыпи подушек чуть поодаль, распутал перевившиеся шелковые трубки и протянул одну из них учителю: — Мята, анис и зеленое яблоко. Рецепт одного моего знакомого — простовато, но освежает. Мне подумалось, вы захотите попробовать.

Шафи обхватил губами мундштук, втянул в себя ароматный пар и, выждав несколько секунд, кивнул.

— Недурно. Твой знакомый знает толк в сочетании вкусов, и судя по конкретно этому — родился он в Геоне. А если принять в расчет, что здесь нет ни капли дурмана... Сын первого алхимика, я не ошибся?

— Он самый, — рассмеялся Фаиз. — Тоже, кстати говоря, алхимик не из последних, пусть и пошел вразнос.

— Боевой факультет?

— Да, мой господин.

— И отец, насколько я помню, был резко против?

— Вряд ли его мнение с тех пор изменилось, — пожал плечами бывший адепт ан Фарайя. Вдохнул пар, выпустил к полу белую струйку и добавил: — А зря. Боец не боец, но, похоже, Геон обрел нового фантомага — первого со времен достославного мэтра Килгора. Правду сказать, его узкая специализация по сей день меня удивляет, и всё же...

— Драконы? — шафи сощурился. — Да, странный выбор для чародея. Однако куда более странно такое знание нюансов. Ты уже слышал о том, с чьей помощью адептам Геона удалось уйти?

Ан Фарайя, помедлив, качнул головой. Его учитель улыбнулся:

— Морские драконы. Пара. Судя по рассказам очевидцев, ни дать ни взять ожившая легенда — взявшаяся из ниоткуда и исчезнувшая без следа. Они в щепки разнесли отряд морской пограничной стражи, что встретил адептов на выходе из бухты. Твой подопечный, похоже, не так прост, как кажется.

В черных глазах по ту сторону шаашира на краткий миг промелькнуло удовлетворение.

— Вы правы, мой господин. В нем что-то есть. А драконы... — Фаиз негромко хмыкнул. — Полагаю, они куда как реальней, чем мы можем себе представить: диверсия в Даккарае эль Хаарта едва наизнанку не вывернула. Я не успел проверить, но слишком уж много совпадений. И овеществленный фантом он тогда, за гранью, поднял с полпинка.

— Практика?..

— Бьюсь об заклад. Причем далеко не во сне.

— Занятно, — шафи откинулся на подушки и задумчиво прищурил глаза. — Что говорить, древняя кровь иногда выкидывает коленца. Наследие Нортов!

— Разве эль Хаарты их потомки, мой господин?

— Все, кого они привели с собой из-за Алого моря, так или иначе состояли с ними в родстве. Те же эль Моури, к примеру, эль Виаторы или де Лало... Хотя что проку в давно забытом! Мы живем здесь и сейчас. Ты хорошо потрудился, Фаиз: среди наших адептов не нашлось ни одного, зараженного ересью Теллера. Даже сочувствующих и тех нет. Всех уже отправили по домам — дальше их судьбу будут решать отцы. Жаль, конечно, что так получилось с Бар-Шаббой, школ ее уровня больше нигде не найдешь... Ну да на всё воля богов, — шафи, умолкнув, обхватил губами янтарный мундштук, выдохнул длинную дымную струйку и улыбнулся: — Теллер, конечно, рвет и мечет — такой козырь прямо из-под носа ушел! Вслед за адептами Алмары и Геона под шумок ускользнул Лессин, а приказ закрыть границы острова настроил против архимага половину соседей и добрую четверть его собственных граждан. Но он, само собой, не сомневается в необходимости принятых мер — и это нам на руку. Чего нельзя сказать о Геоне.

— Почему, мой господин? Разве Бар-Шаббе есть что ему предъявить? — Фаиз тоже позволил себе улыбнуться: — Ну не морских же драконов!..

Шафи вновь приложил к губам мундштук.

— Никто не признал в них фантомов — адепт эль Хаарт, несомненно, знает толк в овеществлении, да и ночь была почти безлунная, много ли там разглядишь? Однако адепты Геона были единственными из всех, кто не ушел бескровно, — Теллер лишился трех летучих отрядов, полностью состоявших из отборных боевых магов, и этой потери он не забудет. Разумеется, ноту Геону Бар-Шабба выставить не может: во-первых, его адепты были в своем праве, и архимаг изначально не имел полномочий удерживать их в школе насильно, а во-вторых, ушел не только Геон. Той же ночью, примерно в то же самое время за ним последовали Алмара и Лессин — и доказать, кто именно проредил строй гвардии архимага, практически невозможно. Да и не рискнет сейчас Теллер высовываться, он сам понимает, что ему еще повезло: потеряй Геон в свалке хоть одного адепта, ноту бы выкатили самой Бар-Шаббе! Без того по краю ходил — потрепали школяров знатно.

Ан Махшуд, выдохнув облачко пара, из-под полуопущенных век взглянул на ученика, но лицо Фаиза не выражало ничего, кроме почтительного внимания. «Жаль, — про себя вздохнул шафи. — У тебя был шанс, мальчик». Он помолчал, вдыхая горячий ароматный пар со вкусом анисового яблока, и усмехнулся краем губ:

— Как бы то ни было, свидетелей не нашлось. Городской страже Бар-Шаббы достались

лишь обугленные скалы да пепел — впрочем, это тебе и без меня известно, не так ли?

Черные брови Фаиза непонимающе шевельнулись.

— Мне? Откуда, мой господин? О чем вы?

Глава почтового двора с сожалением качнул головой.

— О том, увы мне, что старо как мир... Геон остался бы в Бар-Шаббе, не вмешайся ты. Но я не давал тебе такого приказа. Ты рисковал — собой, когда ввязался в свару, к которой не имел отношения. Ради кого? Ради этого фантомага? Или кого-то из его приятелей?

Фаиз застыл.

— Мой господин, — выдохнул он, медленно выпрямляясь, — я вовсе не...

Тот лишь коротко шевельнул плечом.

— Довольно, — велел он. Голос его изменился, и по спине ученика привычно потянуло холодом. — Я слишком хорошо тебя знаю. Только вот ты, похоже, забыл, чему тебя учили — и для чего?..

Мурад ан Махшуд опустил трубку. А в следующее мгновение — Фаиз даже моргнуть не успел — лицо шафи возникло прямо перед его лицом, а пальцы правой руки сомкнулись в стальном захвате на его горле.

— Кем ты себя возомнил, щенок? — услышал он. — С чего ты решил, что тебе всё позволено? Думал, я не узнаю?

— Мой господин... прошу...

— Молчать! — прошипел ан Махшуд, сжимая пальцы. Его левая рука скользнула вниз, и молодой человек судорожно дернулся, когда ладонь учителя коснулась свежего шва на предплечье, под тонкой тканью рукава, а потом сжала его с такой силой, что у Фаиза на миг потемнело в глазах. — Поздно! У тебя была возможность признаться, но ты ее упустил. Ты предал моё доверие! Ты нарушил приказ, ты пытался скрыть это от меня и даже когда понял, что не вышло, всё равно продолжал цепляться за свою ложь, а теперь смеешь молить о пощаде?..

Пальцы на горле сошлись еще теснее, стало трудно дышать. Фаиз стиснул зубы — его, так же как остальных, шафи во время оно обучал сам, сопротивляться не было смысла. Таких бойцов, как Мурад ан Махшуд, Алмара знала немного, и пусть он не был магом, даже отсутствие амулета его ученику сейчас не помогло бы — а амулет был на месте.

— Ты забыл, кто сделал тебя тем, что ты есть? Кто дал тебе всё, что ты сейчас имеешь? Или тебе этого показалось мало?.. — в голосе шафи звучало ледяное презрение, а пальцы левой руки, сжимающие предплечье ученика, с каждой фразой все глубже вдавливались в свежую рану, причиняя невыносимую боль. — Где бы ты был, если б не я? Кем бы ты был? И после всего, что я для тебя сделал, ты счел себя вправе распорядиться собой, как тебе заблагорассудится?.. Ты хоть представляешь, сколько сил в тебя было вложено? Сколько стоит твоя голова? И разве я требовал невозможного? Я лишь просил тебя помнить о долге и беречь себя — но нет! Ты решил, что это не важно — в отличие от жизни такого же бесполезного щенка, как ты сам!

Стальной захват сомкнулся на пределе, и Фаиз, кусая побелевшие губы, непроизвольно выгнулся дугой. Лицо учителя начало расплываться в глазах.

— И после этого ты рассчитывал на снисхождение? — долетело до него словно издалека. — Надеялся слиться с Тенью? Ты?.. Неспособный держать на привязи собственный огонь?..

Шафи разжал пальцы, и Фаиз упал на подушки, жадно хватая ртом воздух. Он сумел

удержаться на грани сознания, но это обошлось ему дорого — горло саднило от безмолвного крика, которому не дали воли, а пульсирующая боль в предплечье волна за волной расходилась по всему телу. С трудом перевернувшись набок, чтобы ничто не касалось раны, Фаиз приоткрыл слезящиеся глаза. И всё еще почти ничего не видя, услышал тихий шорох парчи и холодный бесстрастный голос:

— Переночуешь здесь. Утром я пришлю лекаря, он осмотрит твое плечо... До полудня ты должен покинуть Дворцовый холм, до вечера — границы Тигриша. Я не желаю тебя здесь видеть. Возвращайся домой. А если кто-нибудь из твоих братьев по крови вздумает ночью пичкать тебя дурманом, чтобы унять боль, — на рассвете он лишится головы.

Он умолк. Прозвучали по гулкому мрамору неторопливые шаги, раскрылись и вновь сомкнулись двери западных комнат — Мурад ан Махшуд ушел. Его ученик, тяжело дыша, скорчился на софе. «Ты предал мое доверие»... По телу его прошла крупная дрожь. Это неправда. Он никого не предавал, и жизни его ничто не грозило, всего лишь пустячная царапина — неужели из-за нее его вышвырнут на улицу как ненужную вещь? Нет! Так просто не может быть!

— Мой господин, — прошелестело над головой тихое, словно дуновение ветра. — Рана открылась.

Да демон с ней, с раной, подумал Фаиз, зарываясь лицом в подушки. Моя жизнь летит в пекло — вся, а ведь я был уже так близок... Он почувствовал, как плеча коснулись чьи-то пальцы, и, вскинувшись, прошипел:

— Уйди!

— Вам плохо, мой господин, — не поднимая глаз, спокойно сказал Гаяр. — И опий кончился, а роса тут не поможет. Но я найду что-нибудь. До рассвета еще есть время.

Фаиз ан Фарайя, собравшись с силами, приподнялся на локте.

— Вон! — прошипел он, мазнув взглядом по двум склоненным черноволосым макушкам. — Вон! Оба! И если кто-нибудь из вас посмеет войти сюда до восхода солнца, пускай пеняет на себя!..

Молодые люди молча поднялись с колен. Дождавшись, когда последний из них исчезнет под тенью занавесей, что вели во внутренний дворик, Фаиз упал обратно на подушки и закрыл глаза.

До самого утра, скрипя зубами от боли, он пролежал на софе без сна. А утром, после обещанного визита лекаря, уехал, оставив в западных комнатах шелковый халат с засохшим бурым пятном на рукаве. Сундук со своими вещами он тоже не взял.

Мурад ан Махшуд, стоя у забранного косой деревянной решеткой окна, провожал взглядом спины трех всадников. Они выезжали через западные ворота — почти одинаковые, издалека похожие как близнецы. Лишь тот, чей конь шел чуть впереди, держался в седле прямой остальных. В такой же, как у прислужников, грубой шерстяной хламиде он уже ничем не напоминал вчерашний вихрь черного и желтого шелка, скользнувшего к ногам шафи со словами «Мой господин!» Черно-желтая пама, смертельно опасная змея, беззащитная перед солнечным светом...

Всадники исчезли за воротами, и лицо главы почтового двора сделалось сумрачным. Адепт ан Фарайя был у него на особом счету, и гнать его от себя ан Махшуд не хотел, пускай ему все же пришлось это сделать, — Фаиз был лучшим его учеником, в преданности его тоже сомневаться не приходилось, но шафи по своему опыту знал, что всё начинается с

малого. Сейчас он подставился под удар сам, завтра потянет за собой кого-то еще... И ладно бы он решился на это, выполняя приказ! Мурад ан Махшуд сдвинул брови. Свободомыслие он выбивал из своих учеников первым делом, зная, что ничего хорошего от этого ждать не стоит. Его слово было для каждого из них превыше всего, как для него самого — воля его господина. И уж от кого-кого, а от Фаиза шафи такой дерзости не ожидал. Конечно, мальчик еще слишком молод и горяч, но ан Махшуд полагал, что давно искоренил в нем последний росток неповиновения. Он был уверен — да так оно и было — что ученик покорен ему во всем. И тут это! «Кровь, — думал шафи, возвращаясь к столу. Рассеянно провел рукой по связке перьев, бросил взгляд на гору свитков и отвернулся. — Да, кровь всегда сильнее... Голос пустыни так просто не заглушить». Мурад ан Махшуд невесело усмехнулся. «Братьев по крови» он вчера помянул не на пустом месте: Салим с Гаяром были шарарцы, и Фаиз тоже — пусть только наполовину.

У Анзора ан Фарайя, одного из командующих непобедимой армии Селима Тринадцатого, не ладилось с наследниками мужского пола. Пять жен, множество наложниц — и всего два сына, не отличавшихся жизненной силой. Дочери у Анзора рождались всем на зависть, а вот сыновья, увы, обычно не доживали и до двух лет. Поэтому когда новая наложница, очередной трофеем эмуке ан Фарайя, доставшийся ему в стычке алмарской конницы с одним из воинственных шарарских кланов, оказалась на сносях, Анзор привычно воззвал к Четырем, моля о сыне. Боги откликнулись на зов. Родился мальчик. Крепкий, здоровый, не чета своим старшим братьям — и разочаровавший отца еще до своего появления на свет. Третий и последний сын Анзора ан Фарайя оказался магом. Будь это девочка, от нее бы сразу избавились, но мальчик?.. Как ни претило эмуке ан Фарайя сознание того, что его плоть и кровь отмечена проклятым даром, от решительных мер он все-таки воздержался. Старшие сыновья росли хилыми, любой сквозняк мог надолго уложить их в постель, и до возраста зрелости оба могли попросту не дотянуть, а горячей шарарской крови всё было нипочем. Что ж, если так угодно богам... Лучше наследник-маг, чем вообще никакого наследника, решил Анзор. Мальчика нарекли Фаизом, вписали его имя в семейную книгу — и отослали в одну из Башен Силы, где такие как он под присмотром воспитателей дожидались возможности вернуться домой. Фаиз провел там двенадцать лет. Мать его, не имевшая дара, умерла в родах, проклиная свое дитя и того, кто подарил его ей, а отец ни разу за все эти годы не навестил его: старшие братья успешно дожили до совершеннолетия, и младший уже никому не был нужен. Когда по прошествии двенадцати лет Анзору ан Фарайя сообщили, что его сын готов покинуть Башню, он с трудом вспомнил его имя. И озадачился, в полной растерянности, не представляя, куда теперь его деть. Мага в собственном доме Анзор иметь не хотел. Его старший сын только-только женился, в молодой семье ждали первенца — разумеется, надеясь на мальчика, — и держать рядом с собой чародея, которому всё равно время от времени придется снимать амулет, было слишком рискованно. А убивать — поздно. Маги, что бы там о них ни думал сам эмуке ан Фарайя, были ценным ресурсом, и за попытку лишиться государства оно следовало суровое наказание. Скрепя сердце, Анзор покорился судьбе. Он велел выстроить на задворках поместья отдельный небольшой дом со службами, купил пятерку рабов для обеспечения необходимых нужд сына — и сразу по возвращении домой Фаиз ан Фарайя попал из одной темницы в другую. Здесь не было воспитателей, но покидать границы его нового обиталища мальчику было строго запрещено: кроме рабов он неделями никого не видел, собственной семьи всё так же не знал и жил как волчонок, постепенно дичая, почти год всеми

забытый, — до того дня, когда в поместье ан Фарайя не явился неожиданный гость в лице шафи ан Махшуда. Глава почтового двора желал увидеть Фаиза. Зачем, Анзор не знал да не стал и спрашивать — терзаясь дурными предчувствиями, он отвел шафи к сыну и весь следующий час провел как на иголках, однако дело разрешилось самым великолепным образом. Мурад ан Махшуд пожелал взять Фаиза в ученики. Это была великая честь — и, что говорить, большое облегчение для всех ан Фарайя... Эмуке согласился без промедления, упал в ноги шафи, от всего сердца благодаря за щедрость, и наконец-то вздохнул свободно, когда его младший сын в тот же вечер покинул дом. Все остались довольны сделкой, включая Фаиза, пусть его тогда не особо и спрашивали. Шафи привез его в Тигриш, поселил в отдельных покоях на Дворцовом холме, вместе с другими своими учениками, и жизнь младшего ан Фарайя круто переменилась. Она была нелегкой и далеко не всегда приятной — учителем ан Махшуд был суровым и строго спрашивал с воспитанников за малейшую провинность, однако ни разу с тех пор, как Фаиз покинул отчий дом, ему не приходило в голову туда вернуться. В покоях шафи, под его неусыпным надзором, Фаиз прожил два года. Потом ан Махшуд отправил его в Каф-Хаттафи, сокрытый город, а когда ученику исполнилось семнадцать, вернул ко двору. Еще год спустя Фаиз ан Фарайя, уже агент почтового двора Алмары, стал адептом высшей школы Бар-Шаббы. Железному шафи ни дня не пришлось жалеть о своем выборе.

До вчерашнего вечера.

Мурад ан Махшуд поморщился. Отойдя от стола, растянулся на жесткой лежанке, щелкнул пальцами — молчаливый шарарец в черном поднес ему узорчатую пиалу — и прикрыл глаза. Шарар! Все его телохранители были оттуда родом, и еще ни один не разочаровал своего господина: стремительные как гюрза, сильные как львы, при всем при этом они отличались истинно собачьей преданностью. Может, уму их не хватало гибкости, но что с того? Гвардии ум ни к чему. А вот ученикам... Мурад ан Махшуд сделал глоток обжигающего желтого чая. От учеников своих он ждал иного. Он понимал, что не вечен. Когда ему сравнялось сорок, он озаботился поиском преемника, и Фаиз, единственный из всех, вселил в шафи уверенность, что он наконец-то нашел искомое. Острый, расчетливый ум, твердая рука, неколебимая преданность — и в довесок дар, которого сам ан Махшуд был лишен! Это ли не подарок богов?.. Конечно, Фаиз был полукровкой. Но тем и ценен. С обеих сторон он взял только лучшее — так думал шафи, наблюдая за тем, как взрослеет и мужает его ученик, и год от года укрепляясь в мысли, что выбор он сделал правильный... И оттого еще большим ударом для него стало открытие, что сам Фаиз отнюдь не жаждет пойти по его стопам. Он преклонялся перед учителем, был ему верен — но манил его не почтовый двор, а Песчаный замок. Сокрытое в песках сердце ордена Длинной тени, место, куда уходят, чтобы уже никогда вернуться, — лишь оно было ему желанно, и железному шафи не под силу было что-либо изменить. Даже то, что орден испокон веков служил Алмаре, увы, ничего не значило: хозяин Песчаного замка мог взять любого юношу, которого Тень сочтет достойным, будь то хоть наследный принц, — и никто не посмел бы ему возразить. Убийцы ордена не знали себе равных. Они существовали по обе стороны этого мира, между сном и явью, между живыми и мертвыми, и бросить им вызов рискнул бы лишь сумасшедший, которому нечего терять. Кому из живущих под силу тягаться с Тенью?..

Но всё равно — а может, как раз поэтому — Песчаный замок столетие за столетием будоражил молодые сердца. Сам ан Махшуд в юности был зачарован этой, как он сейчас понимал, наивно-романтической грезой, ничего общего не имевшей с реальностью, и во

время оно был к ней куда ближе, чем теперь его ученик, однако он всё же успел опомниться вовремя. Он прошел первое посвящение — так же, как два года назад его прошел и Фаиз, и лишь в последний момент понял, что это не его путь. Он отступил, благо, ему позволили, но за это пришлось платить. И платил Мурад ан Махшуд по сей день: теми, кого сам же возвращал под своим крылом, лучшими из лучших — такими, как Фаиз.

Однако Тень принимала лишь истинный дар. Ей мог служить только тот, кто не желал ничего иного, против воли в Песчаный замок не волокли никого. И шафи, смирившись со своим поражением, тем не менее не торопился отчаиваться. Мальчик еще молод, сказал себе ан Махшуд. Он толком не видел жизни, такие Тени всё равно не нужны, — а увидев, вполне вероятно, уже не захочет от этой жизни отречься. Жаль, что Фаизу не интересны женщины, семья и дети держат лучше многих оков, а уж у шафи хватило бы власти обеспечить преемнику хоть принцессу, прийдись та Фаизу по сердцу. Но нет так нет. Не сердцем единым — в конце концов, его самого остановило другое... Так что ставить на ученике крест Мурад ан Махшуд повременил. В Фаиза и впрямь вложено было немало. И в любом случае, прежде чем ему позволят уйти, он обязан отдать свой долг. Он и сам это знает.

«Но даже зная, всё равно пошел на риск, — думал глава почтового двора, мерно прихлебывая из пиалы. — Что это? Внезапный порыв, который больше не повторится? Самонадеянность на грани глупости? Или кое-что посерьезнее?..» Брови шафи нахмурились беспокойно, тревожно. Он действительно знал своего ученика лучше чем кто-либо, и для него было очевидно, что им двигало, — там, на скалистом берегу Бар-Шаббы. Фаиз прикрыл собой кого-то, кого не готов был терять. И будь это кто-нибудь из алмарских адептов, шафи бы только порадовался, однако нет. Это был Геон. Что в корне меняло дело. Качнув головой, Мурад ан Махшуд перевел тяжелый взгляд на окно. Так или иначе, в конце концов решил он, торопиться не стоит. Фаиз всегда был слишком цельной натурой, чтобы по одному велению сердца пустить прахом всё, к чему так стремился многие годы. Вспомнить хоть то, как он прогнал своего верного пса, попытавшегося облегчить его муки («Шарар, Шарар!..» — про себя усмехнулся шафи) — что-то ведь это значило? Нет, нет, торопиться нельзя. Нужно дать мальчику время как следует поразмыслить над тем, что он сделал. А потом посмотреть — стоит ли ему верить, и есть ли смысл рассчитывать на него в будущем. Человеческий язык может солгать, подумал шафи, но память... Память — нет.

Графство Алваро вместе со всей южной границей засыпало снегом. Зима в этом году пришла рано, еще в ноябре, но была мягкой и теплой: не трещал за окном мороз, не выл в дымоходах студеный ветер, а солнце, пусть бледное и далекое, не торопилось прятаться за облаками.

С низко клонящейся ветки персикового дерева, тихо шурша, ссыпался снег — и заискрился под солнцем бриллиантовой пылью. Маркиза Д'Алваро улыбнулась. «Как красиво!» — подумала она. И обведя взглядом заснеженный сад, уснувший до самой весны под белым пуховым платком, обернулась к плетущейся позади горничной.

— Дай мне его, Анни! — сказала она. Девчушка протянула госпоже плотно укутанный сверток. Наследник графства Алваро, несмотря на свои три месяца от роду, весил уже вполне прилично, так что просьбу хозяйки служанка выполнила с удовольствием. «И к чему было тащить дитя на улицу? — с легким недоумением подумала она. — Не лето, чай! Любит госпожа гулять — так и гуляла бы, уж нашлось бы кому за малышом присмотреть». Анни растерла варежками покрасневшие щеки и с сожалением оглянулась на дом. В отличие от госпожи, к прогулкам она была равнодушна. А зимой и подавно: куда уж лучше в тепле, у печки!..

Лавиния, взяв сына на руки, отвела в сторону край шали, и ее губы вновь тронула улыбка — на этот раз нежная, ласковая. Маркиза обожала сына.

— Смотри, милый, — проговорила она, — это зима. А это снег... В будущем году, когда ты станешь совсем большой, мы построим из него замок и будем играть. Тебе понравится.

Алонсо, по своему обыкновению сосредоточенно хмурия бровки, глядел на сад. Легкий порыв ветра смел с ближней ветки очередную порцию холодной белой пыли, несколько снежинок осело на щеки, и мальчик недовольно скривился. Это была его первая зима, и первое знакомство со снегом — так себе, надо сказать, знакомство. Лавиния, рассмеявшись, чмокнула сына в розовую пуговку носа. Он был ужасно смешной, когда сердился.

— Ну, что случилось? — весело проговорила маркиза. — Ты замерз, милый? Проголодался? Хочешь домой?

Алонсо с кряхтением завозился в своем коконе из пеленок, пухового одеяльца и намотанного поверх шерстяного платка, пытаясь выпростать руки. Мать, заметив это, покачала головой:

— Нет-нет, моя радость, на улице слишком холодно, твоим ладошкам мороз не понравится. Пойдем-ка и правда домой! Анни!

— Да, госпожа? — встрепенулась служанка.

— Беги к Пэт, скажи, чтобы поторопилась с обедом. Уже, наверное, давно за полдень... Нет, с ребенком я сама. Иди, иди.

Горничная не заставила себя уговаривать. Присела в поклоне, насколько позволяли многочисленные одежды, и была такова. Лавиния, проводив ее взглядом, обернулась на тихий сад. Даже в неярких лучах зимнего солнца он весь сверкал и переливался, слепя глаза. Как же красиво! Жаль только, не погуляешь подольше, морозец пускай и легкий, но Алонсо все-таки еще слишком мал... Она посмотрела на сына. Его блестящие глазенки внимательно следили за кружащимся в воздухе снегом. Может, он и был от него не в большом восторге, однако пугаться и плакать, как некоторые младенцы, даже не думал.

— Мой храбрый мальш, — прошептала Лавиния, прижавшись губами к щеке сына. Алонсо возмущенно запыхтел, уворачиваясь. — Ну всё, всё, мама больше не будет... Как же я тебя люблю!

Она поправила вновь упавший ему на лоб край шали и медленным шагом направилась по дорожке к дому.

Маркиз Д'Алvaro, стоя у окна своей спальни, смотрел вниз, на заваленный снегом двор. Только что через него к крыльцу пробежала девчонка-горничная, а теперь следом за ней из сада показалась и ее госпожа: Лавиния шла неторопливо, чему-то тихо улыбаясь и прижимая к себе обмотанный шерстяным платком сверток. Не иначе как Алонсо, подумал маркиз. Его супруга не спускала ребенка с рук — она, наверное, и спала бы с ним в одной постели, если бы не боялась придавить ненароком. Хотя насчет последнего Астор сильно сомневался, уж слишком Лавиния тряслась над сыном. Ну, с другой стороны, это естественно, все-таки мать...

Не дойдя до крыльца, маркиза Д'Алvaro остановилась, склонив голову к драгоценному свертку, а когда выпрямилась вновь, муж не сразу ее узнал: бесцветное личико Лавинии, разгумившееся от мороза, было сейчас почти красивым. А улыбка, на миг осветившая его, такой сияющей и безбрежно счастливой, что маркиз только крикнул. «Удивительное все-таки существо женщина, — подумал он. — Дай ей ребенка — и пусть хоть весь мир летит к демонам!» Недоуменно шевельнув бровью, его сиятельство отошел от окна и опустился в кресло. В отличие от супруги, к сыну он особых чувств не испытывал, хотя и полагал Алонсо забавным с этой его вечно серьезной мордашкой. Иногда Астор даже приходил к нему в детскую, сам не зная зачем и, как правило, ночью — чтобы домашние не лезли с помощью и чтобы не чувствовать затылком неизменно тревожный взгляд жены. После той встречи у колыбели, когда он всё же вернулся с заставы домой, Лавиния больше не пыталась встать между отцом и сыном, но беспокойство ее от этого только усилилось. Днем она почти не покидала детской, а если все-таки приходилось, брала ребенка с собой. Из страха за его жизнь или из любви, трудно сказать. Но в одном Астор не сомневался — в детской, когда он туда приходил, их всегда было трое. В самый глухой час, как бы тихо ни было в спальне по ту сторону коридора, он чувствовал — Лавиния не спит. Она ждет, затаив дыхание и прислушиваясь к каждому шороху, — ждет, когда муж вернется к себе, чтобы тотчас же вскочить и броситься к колыбели... Последнее маркиз знал наверняка, его жене редко хватало выдержки дождаться, пока он доберется до своей спальни и закроет за собой дверь. Откуда взялись эти ее непонятные страхи, Астору было неизвестно. Да, он не хотел сына и известие о его рождении воспринял не лучшим образом, но даже тогда, даже в самом беспросветном хмельном угаре ему ни разу не приходило в голову хоть пальцем тронуть ребенка. А вот Лавиния, очевидно, считала иначе. Что это — материнский инстинкт? Или нечто иное, касающееся не столько Алонсо, сколько ее самой?.. «Пора бы выяснить», — подумал Астор, откидываясь затылком на подголовник кресла и вытягивая ноги к огню.

Ноябрь дался маркизу тяжело, если не сказать хуже. Первую его половину он провел в полубреду, не в силах даже встать с постели — он и добрался-то до нее в ту ночь лишь благодаря отрезвляющему средству Карлоса. Однако к утру его действие кончилось, и пламя нижнего мира широко распахнуло перед Астором свои объятия: прошлый, двадцатилетней давности загул с этим не шел ни в какое сравнение. Маркиз не мог есть, а то, что в него все-таки впихивали, тут же просилось обратно. Он не мог спать — тело тряслось, как в

лихорадке, голова кружилась, а накатывающие один за другим приступы паники не давали даже закрыть глаза. С него градом лил пот, зубы стучали, любой звук отдавался в мозгу сверлящей болью, а мышцы, наощупь совсем каменные, приходилось разминать по несколько раз на дню — кто этим занимался, Астор помнил смутно, кажется, Гарет... Несколько раз приезжал доктор. Он привозил целебные настойки, притирания и горькие порошки, от которых ком стоял в горле, и с кем-то подолгу о чем-то шептался за дверью. Визиты его для маркиза были хуже каторги, но всё же от них был толк: к началу третьей недели этого непрекращающегося кошмара у него получилось впервые нормально уснуть, а к началу четвертой он даже смог есть что-то гуще бульона. Правда, пищу ему до сих пор давали перетертую — разумеется, без соли, специй и прочего, но он уже и тому был рад. Выкручивающие боли в ноге теперь напоминали о себе только ночью, понемногу вернулись крепкий сон и аппетит, и только одно до сих пор огорчало Астора — не проходящая слабость. Даже простой подъем по лестнице был для него подвигом. А уж о чем-то большем пока и думать было нечего: оружие в руках не держалось, на коня он мог взобраться только с помощью того же Гарета, а от тряски в седле, даже совсем недолгой, вновь начинала кружиться голова. Врач говорил о постельном режиме, взывал к возрасту и пошатнувшемуся здоровью, но маркиз Д'Алваро слушал его вполуха. Не было времени валяться в постели. Не мог он позволить себе такой роскоши — не теперь, когда война из далекой угрозы превратилась в почти что свершившийся факт!

Приказ об усилении застав, как и предсказывал Карлос, ждать себя не заставил: еще в середине ноября на южную границу прибыл резервный полк числом в без малого тысячу стрелков-пехотинцев. Их распределили поровну по всем девяти заставам, благо, места для лишней сотни бойцов хватило на каждой, но вместе с ними пришли и другие нововведения. Они касались и нового графика караулов, и смены патрулей, и — в немалой степени — вооружения. Стрелки привезли с собой арбалеты последнего образца, владеть которыми теперь вменялось в обязанность каждому стражу границы, и хранитель второй заставы не был исключением... День за днем Астор не уставал мысленно благодарить Карлоса, что вовремя отправил его домой, и Фабио, который поторопился пустить слух о свалившей хранителя лихорадке, — только стараниями друзей полковнику Д'Алваро не пришлось пожинать плоды своих хмельных подвигов. Как болящему ему его временная недееспособность пока прощалась. Но долго это продолжаться не могло: даже если в ближайшие несколько месяцев Геон не вступит в войну, неспособный оседлать дракона наездник обязательно привлечет к себе внимание. Комиссовать хранителя без возможности кем-либо его заменить, конечно, нонсенс. Однако есть еще тыл. И если он, Астор, до января не вернется в строй, о фронте ему придется забыть. Его привяжут к границе, к собственной заставе, и всё, что ему останется, — чтение сводок да прием беженцев, тогда как его друзья и товарищи встанут на линии огня, грудью встречая удар за ударом... Понимая это, хранитель второй заставы отмахивался от увещаний доктора, как от назойливого жужжания мухи. Чувствовал он себя уже сносно, бывало и хуже, осталось только вернуть твердость рукам и походке — а этого, лежа в постели, никак не достичь!.. Не обращая внимания на зудящий денщика, больше напоминающий бабьи причитания, Астор поднимался с рассветом, сам одевался, спускался с лестницы, совершал вокруг дома часовой променады, а после, передохнув и позавтракав, требовал оседлать коня — и отправлялся на заставу. Доезжал он до нее на одном упрямстве, а скрывшись за дверью обзорной башни, без сил валился на руки денщику, но в ворота въезжал, не шелохнувшись в седле, и по лестнице на

стену поднимался, чеканя шаг. Никто не должен был знать о его слабости. Он сам обязан был забыть о ней, это являлось его первостепенной задачей.

Но была и другая. Может, не столь остро стоящая, но всё же никак не меньшая по значимости, и имя ей было — семья. Придя в себя настолько, чтобы осилить скопившуюся за осень почту, Астор узнал, что с младшей его племянницей всё благополучно, а старшая до сих пор живет под крышей отчего дома: Крестобель летом приехала навестить родных уже с ребенком под сердцем, беременность переносила плохо, и врачи строго-настрого запретили ей дальние поездки. Виконт Ван-Оррин, как любящий муж, провел у Д'Элтаров всё лето, но в начале сентября вынужден был вернуться домой — условились, что как только его молодой жене станет лучше, она присоединится к нему. Однако беременность была тяжелой, и Крестобель редко покидала даже собственную спальню; после очередного врачебного консилиума, собранного баронессой, было решено оставить ее под опекой близких до самых родов. И это известие, несмотря на всё беспокойство о здоровье племянницы, заставило маркиза Д'Алваро вздохнуть с облегчением. В Геоне, вблизи столицы, Крестобель была в безопасности — а учитывая тот факт, что муж ее принадлежал к данзарской знати, да еще и имел офицерский чин, возвращение в Данзар и самой виконтессе Ван-Оррин, и ее супругу могло выйти боком... Более или менее успокоившись на счет старшей племянницы, мысли маркиза обратились к младшей. Собравшись с духом, он написал ей, и вскоре получил из Даккара ответ — немного скомканный и сумбурный, но всё же заставивший его выдохнуть во второй раз. Кассандра не была ранена в ночь диверсии, с нею действительно всё было в полном порядке, а его извинения она приняла спокойно, с короткой ремаркой «это уже всё прошло, дядя». Правда то была или нет, Астор не знал. Но надеялся на лучшее.

Однако Д'Элтарамии его семья теперь не ограничивалась. И пусть их с Лавинией язык не поворачивался так назвать, но она была ему женой, а их сын должен был стать следующим маркизом Д'Алваро и хранителем второй заставы — а значит, следовало прислушаться к Карлосу, пока еще не стало слишком поздно. Астор знал, что эта война будет для него последней — он страшился ее и ждал одновременно, но впервые задумался о том, что останется после него. И если уж Карлос, далеко не самый лучший муж и отец, счел нужным напомнить другу о чести и долге, это что-то да значило. Выходит, уже вся граница в курсе, что происходит за стенами поместья Алваро! И пусть досужие сплетники не смогли докопаться до правды, пусть Астору было плевать на них, но оставался Алонсо. Которому здесь жить и носить его имя. А честь рода ни для одного из Д'Алваро никогда не была пустым звуком — что он оставит сыну? Шепотки за спиной и мать, вздрагивающую при одном звуке имени его отца? Конечно, Алонсо совсем еще несмышленьщ, но дети быстро растут. И понимают куда как больше, чем кажется взрослым...

Смирение пришло не сразу. Как и запоздалое понимание того, что Лавинию ему ненавидеть, в сущности, не за что. Не ее вина, что отец ее — человек без чести и совести, и не она несет ответственность за этот брак. Нехороша собой? Так он в ее глазах ничем не лучше. Не любит? Так это взаимно. И все же она была ему послушной женой, она закрывала глаза на его поведение, она терпела его безразличие — да, лишь исполняя свой долг, но какая разница? Он и того ей не дал. «Вопрос, смогу ли теперь? — подумал маркиз Д'Алваро. — И примет ли?..»

Тело затекло. Астор потянулся и, выпрямившись, бросил взгляд за окно — там сгущались синие сумерки. Вечер? Значит, он опять заснул в кресле. И, кажется, прозевал

обед. Ну да зато проклятая слабость совсем не чувствуется — а это уже хорошо! Кликнув Гарета, он справился об ужине, впихнул в себя разваренные пресные овощи, залив их некрепким бульоном, а кофе велел подать вниз, в библиотеку. Денщик воспротивился было, но получил в ответ раздраженный рык с советом держать при себе свое ценное мнение и, скорбно качая головой, убрался, гремя подносом. А спустившись в кухню к своей благоверной, немедленно поделился с ней радостью — раз уж его сиятельство вновь в голос входит, сказал он, значит, совсем на поправку пошел!.. Пэт, взбивая в корыте мыльную пену, вслух понадеялась, что хорошо бы. Хозяйина, несмотря на его крутой нрав, прислуга любила и берегла. «Еще б у них с госпожою наладилось — и вовсе было бы славно!» — про себя вздохнула кухарка, принимаясь за мытье посуды. Его сиятельство только-только отужинал, и с кофе можно было не торопиться: пока он отдохнет, пока спустится вниз, пока доберется до библиотеки...

Однако маркиз Д'Алваро нынче вечером был на удивление бодр. Не прошло и четверти часа, как он уже входил в библиотеку: никакого кофе там, разумеется, не оказалось, но хотя бы камин Гарет таки догадался разжечь. «Когда-нибудь я его все-таки выгоню», — с неудовольствием подумал маркиз. И уже опускаясь в кресло, услышал из коридора быстрый шорох юбок. Пэт? Ну надо же, почти вовремя, что это с ней?

— Шевелись уже! — сварливо поторопил он. — Вас с Гаретом только за смертью посылать!..

Дверь приоткрылась, но вместо кухарки в библиотеку заглянула горничная.

— Вы звали, ваше сиятельство? — спросила она, опуская на пол большую корзину с бельем. Верно, несла в прачечную, понял Астор. И кофе ему еще ждать и ждать.

— Звал, — ответил он. — Да не тебя, а Пэт. Загляни на кухню, скажи, если кофе не будет через пять минут — пусть ищет себе новое место!

— Слушаю, ваше сиятельство, — присела та. Вновь взялась за ручки корзины, повернулась чтобы уйти и услышала:

— Анни!

— Да, ваше сиятельство?..

— Где твоя госпожа? У себя?

— В детской, — горничная смущенно потупилась: — Кормит маленького...

Маркиз удивленно приподнял брови.

— Сама? Неужели в шести деревнях не нашлось ни одной кормилицы?

— Нашлось, ваше сиятельство, а как же! Чуть не десяток, да только госпожа и слышать о них не хочет! Сама, говорит, очень даже прекрасно справлюсь...

— И что, справляется? — с некоторым сомнением в голосе уточнил Астор. Насколько он помнил, пышной грудью его супругу природа не наградила. Однако горничная, порозовев от смущения, кивнула, и ему оставалось только пожать плечами.

— Ну, хорошо, если так, — обронил он. — Ступай. Как закончишь с бельем, поднимись к госпоже и передай, что я жду ее в библиотеке. Это не срочно, пускай не торопится... И не забудь про кофе!

— Слушаю, ваше сиятельство, — горничная, снова присев, упорхнула, а маркиз Д'Алваро, удобно устроившись в кресле, сунул под спину подушечку. Зная Пэт, в пять минут она всё равно не уложится, многоопытно подумал он.

Наследник графства Алваро лежал в своей колыбели и сонно глядел вверх, на

деревянный круг под пологом, с которого свисали яркие тряпичные фигурки зверей. Эту игрушку ему подарила баронесса Д'Освальдо. «У моих сыновей в детстве были такие, — сказала она Лавинии. — Правда, самая первая и года не продержалась — едва Энрике научился стоять, он до нее добрался, и то, что осталось, проще было выбросить, чем чинить... Мальчишки! Всегда им интересно, что внутри». Лавиния, сидящая у колыбели, вспомнила это и улыбнулась. Ей самой о сохранности игрушки пока можно было не беспокоиться: Алонсо в свои три месяца умел только есть, спать и громко возмущаться несправедливости мира в лице мокрой пеленки, слишком крепких объятий или недостаточно быстро поданного ужина. Впрочем, сейчас ему жаловаться было не на что. Он только что плотно поел и, судя по слипающимся глазам, вот-вот готовился уснуть. Маркиза Д'Алваро, глядя на сына, умиленно вздохнула.

— Мое маленькое чудо, — прошептала она, потянувшись, чтобы поправить ему одеяльце, и Алонсо недовольно запыхтел. Он знал, что следом за вздохами по ту сторону полога обычно следуют тисканья и поцелуи — и хотя в целом был не против, но сейчас ему больше хотелось спать. Младенец, смешно сморщив нос, зевнул как котенок и закрыл глаза. Лавиния вздохнула снова, теперь с сожалением. А потом обернулась к неплотно прикрытой двери детской, и лицо ее приняло озабоченное выражение. Просьбу хозяина горничная передала своей госпоже еще добрый час назад. Прибавив, широко улыбаясь, что «его сиятельство нынче совсем как раньше» и что Пэт за кофе «ей-ей, нагорит!» Лавинии эти восторги остались непонятны, и встретиться с мужем лицом к лицу в темной библиотеке ей совсем не мечталось, но какой у нее был выбор?.. Маркиза Д'Алваро, бросив тоскующий взгляд на сына, нехотя поднялась. Она и так слишком уж долго тянула. Лучше спуститься вниз, пока его сиятельству окончательно не надоело ждать и он не явился сюда сам.

Оправив платье, Лавиния вышла из детской. К чему она вообще вдруг понадобилась супругу — ни с того, ни с сего? Что ему нужно? Всю осень маркиз Д'Алваро прекрасно без нее обходился — то есть, не совсем «прекрасно», конечно, если вспомнить начало ноября, и всё же... Лавиния растерянно нахмурилась. Помянутая осень пролетела для нее одним днем — вся растворившись в своем материнстве, маркиза почти не вспоминала о муже. А обнаружив после визита барона Д'Освальдо, что его сиятельство, оказывается, не был дома целых два месяца, нисколько не расстроилась. Исчезни он совсем, хоть куда, Лавиния бы только возблагодарила богов, но увы. Хранитель второй заставы вернулся в поместье той же ночью. А утром маркиза проснулась от странного шума в большом коридоре — там топали, гремели тазами, бегали туда-сюда... Явившаяся по звонку колокольчика горничная, в криво сидящем чепце и с испуганными глазами, сбивчиво пояснила, что его сиятельству «совсем худо», что уже послали за доктором, и что лучше бы госпоже «туда не ходить». Что случилось, она, похоже, сама толком не знала. Отвлечшись на голос кухарки, призывающей ее всё из того же коридора, горничная убежала, оставив маркизу Д'Алваро в полнейшей растерянности. Ночью, насколько она могла увидеть, ее супруг был вполне здоров. Так что же с ним вдруг стряслось?.. Не дождавшись завтрака, Лавиния покормила сына и все-таки пошла справиться о муже. Как бы там оно ни было, это был ее долг, да и воспоминание о недавней встрече в детской заставило маркизу ощутить легкий укол совести: пожалуй, к его сиятельству нынче ночью она и впрямь была несправедлива. Да, его внезапное появление в детской в такой глухой час, особенно если учесть, что раньше его туда вообще не тянуло, явилось для нее неожиданностью, но он имел на это полное право. И что плохого в том, что отец хочет видеть сына? Это естественно! «С чего я вдруг так перепугалась? — виновато

подумала Лавиния. — Налетела как наседка, а он всего-то взял малыша на руки. И положил ведь обратно, и...» Она вспомнила голос мужа — тихий, безжизненный, с непривычным оттенком горечи, когда он сказал, что Алонсо и его сын тоже, и ей стало стыдно. В конце концов, если бы не маркиз, у нее вообще не было бы детей!.. Подумав об этом и расстроившись окончательно, Лавиния направилась к спальне супруга, но у самой двери нос к носу столкнулась с доктором. Он как раз выходил. Заметив ее, старичок поторопился прикрыть за собой дверь, однако Лавиния успела увидеть склонившихся над ходящей ходуном кроватью Гарета с Пэт. Лица у обоих были красные, напряженные и встревоженные.

— Доброе утро, ваше сиятельство, — сказал доктор. — Нет-нет, пожалуй, вам пока не следует туда заходить, это зрелище не для женских глаз.

— Но к-как же... — пролепетала Лавиния. — Что случилось? П-почему мне туда нельзя? Я ведь п-просто...

— Понимаю, ваше сиятельство, — закивал врач, ненавязчиво оттесняя маркизу от порога. — Но поверьте, своему супругу вы сейчас ничем не поможете — вряд ли даже он вас узнает. Его сиятельство в горячке и бреде, он себя не сознает, а это опасно. Его денщик крепкий малый, он справится, не сомневайтесь.

— С чем сп-правится? — испуганно глядя на него, спросила Лавиния. — Что с его сиятельством? Чем он б-болен? Это что-то с-серьезное? Он может... может... с ним что-то м-может случиться?..

Задавая этот вопрос, она и сама не знала, что хочет услышать.

— Не беспокойтесь, ваше сиятельство, — устало улыбнулся доктор. — Случай, конечно, тяжелый, но не безнадежный. Думаю, через месяц-другой, при должном уходе... Жизни вашего супруга ничего не грозит, это я вам заявляю со всей ответственностью. А что до его болезни — она лишь следствие... м-м... чрезмерного потребления. С мужчинами такое случается. Увы, не все из них умеют вовремя остановиться, а хмельное — вещь коварная!

Из-за двери долетел глухой хриплый стон, и Лавиния непроизвольно поёжилась — в нем звучало страдание. Кажется, маркизу и впрямь было совсем плохо.

— Т-так это из-за вина? — поколебавшись, спросила она. — Н-но ведь... он и раньше, случалось... А тут... Разве так б-бывает?

Врач, глядя в пол, с неодобрением качнул головой.

— Бывает еще и не так, — сказал он. — Зависит от того, как много и как долго. Боюсь, ваше сиятельство, ваш супруг, празднуя рождение первенца, слишком увлекся и переоценил свои возможности. Однако не падайте духом — маркиз человек сильный, и, слава богам, фатально себе навредить все-таки не успел. Лечиться ему теперь придется долго, но о серьезной угрозе жизни речи не идет точно.

Маркиза Д'Алваро проводила доктора до крыльца, по пути выслушав целый ворох врачебных предписаний и половину благополучно забыв, а вновь поднявшись по лестнице, всё же попробовала еще раз войти к супругу, но дверь его спальни оказалась заперта изнутри. Выглянувшая на стук Пэт, совсем как старый доктор, поторопилась уверить госпожу, что всё будет в порядке — после чего вновь захлопнула дверь перед самым ее носом. Лавиния, мучимая неизвестностью и чувством вины, вынуждена была вернуться к себе. Вскоре ей все-таки принесли завтрак, а после обеда заглянула и Пэт — кухарка уже успела привести себя в порядок, но ее круглое лицо было озабоченным и расстроенным. На робкие расспросы Лавинии она только махнула рукой. «Ох, госпожа, — в сердцах обронила

она, — никого та беда не минует, будь он хоть голубых кровей, хоть не очень! Мужчины!.. У них на всё одно заделье — и в радости, и в горе, и просто со скуки! А нам слезы лей — да был бы толк!» Забрав поднос с остатками обеда, Пэт ушла, что-то горестно бормоча себе под нос, а маркиза Д'Алваро, вечером еще раз попытавшись увидеть супруга, снова ушла ни с чем. И следующим утром тоже. Почтительно, но твердо несчастную маркизу неизменно заворачивали с порога, и в конечном итоге она смирилась. Нельзя так нельзя. Может быть, муж и сам бы не захотел ее видеть — а ведь доктор говорил что-то о «полном покое»...

Впрочем, как выяснилось спустя пару недель, сам маркиз Д'Алваро к означенному «покою» отнесся прохладно. Едва только пойдя на поправку, он поторопился оставить постель, и теперь вместо мучительных стонов, что, бывало, будили Лавинию по ночам, она слышала знакомый протяжный скрип половиц — его сиятельство учился ходить заново. Совладав с коридором, он взялся за лестницу, а после, к вящему недовольству Гарета, завел привычку совершать обход вокруг дома. Каждое утро он спускался с крыльца и оправлялся в свой странный дозор, а Лавиния, что с появлением сына привыкла подниматься с рассветом, часто смотрела на него из окна со смесью недоумения и жалости. Маркиз выглядел ужасно. Он стал похож на скелет, обтянутый кожей, одежда висела на нем как на вешалке, а походка стала неуверенной и шаткой, словно у древнего старика. Как он себя чувствовал, его супруга могла только догадываться, но сомневалась, что хорошо. Медленным шагом, тяжело опираясь на трость, Астор Д'Алваро брел вперед — день за днем, утро за утром, в любую погоду, как бы ни было ветрено или дождливо. Зачем? Этого Лавиния не знала. А сострадание, рождавшееся в ее сердце каждый раз при виде этой согбенной покачивающейся фигуры, в какой-то момент уступило место иному чувству: когда в один ненастный день маркиз, поскользнувшись на раскисшей земле, все-таки не удержался на ногах и упал. Плетущийся позади денщик, что всегда сопровождал господина во время его прогулок, бросился было к нему, но его сиятельство, не поднимая головы, резко выбросил вперед руку, словно говоря: «Не подходи!» А потом нашарил в грязи свою трость, собрался с силами, встал — и побрел дальше. Лавиния, застыв у окна, провожала взглядом спину в мокром плаще. Привычная жалость медленно уступала в ней место затаенной гордости. Видят боги, муж ее был не подарок — но он действительно был сильным человеком. Он не сдавался, ни у кого не просил помощи; он сам, своими руками, шаг за шагом возвращал себя к жизни — и это не могло не вызывать уважения.

Последнее, в конечном итоге, победило в маркизе глубоко укоренившуюся неприязнь к супругу. А в один из последних дней ноября, случайно столкнувшись с его сиятельством в тот час, когда он должен был отдыхать после обеда, она с удивлением обнаружила, что больше его не боится. В тот день как раз должен был приехать доктор, и Лавиния, услышав снизу хлопок входной двери, поторопилась выйти ему навстречу — однако вместо гостя на верхней площадке лестницы повстречалась с собственным мужем. От неожиданности она уронила зонт, что забывчивый старичок оставил у них в свой прошлый визит, и маркиз Д'Алваро наклонился его поднять: медленно, с очевидным усилием, сама Лавиния справилась бы куда быстрее и лучше, но она вдруг вспомнила уткнувшуюся коленями в грязь фигуру под окном, выставленную вперед руку, неестественно прямую спину в испачканном мокром плаще — и осталась стоять. Муж, подняв зонт, протянул его ей.

— Сп-пасибо, — прошелестела Лавиния.

— Не за что, — пожал плечами, ответил он. Потом чуть склонил голову и направился по коридору к своей спальне. Жена молча смотрела ему вслед, не чувствуя ничего, кроме

жалости. Сильный человек в слабом теле... Ислишком гордый, подумалось ей, чтобы это признать.

Однако милее от этого муж ей не стал. Пусть страх перед ним у Лавинии прошел, пусть его все-таки было за что уважать, но оставался Алонсо. И неослабевающая тревога за сына, с которой маркиза ничего не могла поделать. Поэтому теперь, медленно спускаясь по лестнице вниз, она гадала — что ее ждет? Она снова что-то сделала не так? Он до сих пор сердится на нее за то, что она наговорила ему в детской? Он хочет вернуть ее родителям? А как же Алонсо? Он останется здесь? Его у нее заберут?.. На последней мысли маркиз сбилась с шага. Ребенок был для нее всем, центром ее мира, смыслом ее жизни, ее единственной радостью — и лишиться его для Лавинии было хуже смерти. Нет, только не это! Не может маркиз Д'Алваро быть таким жестоким! Беззвучно шепча страстную молитву Танору и мысленно обещая его сиятельству всё, что его душа пожелает, только бы он не разлучал ее с сыном, Лавиния на подгибающихся ногах добралась до библиотеки и, постучав, приоткрыла дверь. Её муж, сидящий в кресле у камина, повернул голову.

— Добрый вечер, — сказал он. — Входите, присаживайтесь. Кофе?

— Сп-пасибо, — пробормотала она, несколько сбитая с толку его дружелюбным тоном, — но м-мне пока нельзя кофе...

— Из-за Алонсо? — ничуть не удивился его сиятельство. — Ну, на этот счет можете быть спокойны, от благородного напитка здесь только одно название. Настоящий кофе, увы, мне тоже нельзя.

— О, — сказала Лавиния. И, войдя, после некоторых колебаний опустилась на краешек кресла напротив. Маркиз Д'Алваро, судя по всему, настроен был на мирный лад. Немного приободрившись, его супруга бросила взгляд на столик между двух кресел, где стоял кофейник, две чашечки, сахарница и молочник, и, чуть осмелев, спросила: — А разве к-кофе бывает... н-ненастоящий?..

— Еще как. Этот вот желудевый. Слабая замена, конечно, но лучше свекольного — и со сливками куда вкуснее, чем может показаться. Попробуете?

Лавиния нерешительно кивнула. Подождала, пока муж наполнит чашечку, сдобрит густую черно-коричневую жидкость доброй порцией сливок, и осторожно протянула руку. Такая внезапная забота супруга была для нее внове, точно так же, как его спокойный голос и вообще эта просьба о встрече — ведь они никогда, даже в те два коротких месяца затишья, не проводили вечеров вместе!

— Сахар? — спросил маркиз, и Лавиния на всякий случай качнула головой, хотя сладкое любила. «Да что с ним такое? — тревожно подумала она, делая маленький глоток. Напиток и впрямь был далек от кофе, но на вкус недурен. — Что он хочет? Только бы не Алонсо!» В душе вновь зашевелилось беспокойство. Чтобы хоть как-то его унять и ничем себя не выдать, Лавиния поставила чашечку на блюдце и, помолчав, спросила:

— Как в-вы себя чувствуете? Анни сказала, что сегодня в-вам лучше?..

— Не особенно, — его сиятельство наклонил к себе кофейник. — Но спасибо за участие. А что насчет вас?

Маркиза Д'Алваро недоуменно моргнула.

— М-меня?..

— Вы всем довольны? Вам всего хватает?

— Я... я да, — пролепетала она, — у м-меня всё хорошо... всё есть...

— Я рад, — задумчиво отозвался маркиз. Сделал несколько глотков кофе, вернул

чашечку на стол и посмотрел на жену: — Я хотел поговорить с вами, Лавиния. О вас, о нас, о нашем браке, который, боюсь, трудно назвать удачным... Почему вы за меня вышли?

Маркиза застыла с блюдцем в руках. Внезапность вопроса застала ее врасплох. Муж понимающе склонил голову:

— Знаю, переговорщик из меня так себе. Но все-таки? Вы совсем не знали меня, и я никогда вам не нравился, что, в общем, неудивительно. Вам так велел отец?

— Н-нет... То есть, да... — совсем запутавшись, Лавиния подняла на мужа растерянный взгляд: — Мы н-не спорим с батюшкой, и если он... Я н-не понимаю, ваше сиятельство! Разве это в-важно?

— А разве нет? — задумчиво глядя на нее, вопросом на вопрос ответил маркиз Д'Алваро. — Это ведь ваша жизнь, Лавиния. Почему вы все-таки связали ее со мной?

— Я... я п-просто... — она, не в силах выдержать этот странный взгляд, опустила голову. — Я думала, что мне п-повезло... И у меня будет семья, свой дом... д-дети... Думала, мы будем счастливы. Глупо, к-конечно...

Лавиния умолкла. И опустила голову еще ниже, сжав пальцами края фарфорового блюда. Зачем он спросил, зачем она это сказала? А если теперь... «Ох, нет, только не Алонсо! — в отчаянии подумала она. — Он заберет его у меня! Заберет!»

— Да, глупо, — услышала она, — учитывая того, кто достался вам в мужья. Но с этим уже ничего не поделаешь. Если бы не сын, я бы вернул вам свободу, однако теперь это невозможно. Я не должен был соглашаться на этот брак и вести себя так с вами не имел права — вы ни в чем не были виноваты. Я был плохим мужем. Не уверен, что смогу стать хорошим, но всё же... Хотя бы ради Алонсо я должен попытаться. Если вы мне позволите.

— Я?.. — прошептала Лавиния, уже совершенно не понимая, на каком находится свете. — Ради Алонсо?..

— Вы ведь любите его, не так ли?

— О, конечно! — с жаром воскликнула она, поднимая голову. — Больше всего на свете! Темные глаза напротив на миг сощурились.

— Что ж, — помолчав, сказал Астор Д'Алваро. — Значит, хоть что-то я всё же смог вам дать.

Лавиния смотрела на неподвижную фигуру в кресле, освещенную лишь пламенем камина, слушала мирное позвякивание фарфора и негромкий спокойный голос — не безжизненный, как тогда, в детской, скорее просто очень усталый, задававший один странный вопрос за другим, и всё никак не могла понять — к чему всё это? Зачем он ее позвал? С какой стати в нем вдруг проснулся интерес к ней, и не игра ли это — как в прошлый раз?.. Маркиз был не похож на себя прежнего, но ведь такое уже случилось, и теперь Лавиния, наученная горьким опытом, не спешила воскрешать былые надежды. Она всё так же не знала этого человека и не была уверена, что хочет узнать, но то, что он говорил, против воли находило отклик в ее душе. Он едва ли не впервые называл ее по имени, он спрашивал о сыне... Он сказал, что был плохим мужем, а она ни в чем не виновата, и у Лавинии немного отлегло от сердца.

— Значит, — ободренная его спокойствием, все-таки рискнула спросить она, — вы больше не сердитесь на меня? И н-не заберете у меня Алонсо?..

— Заберу? — переспросил маркиз. В голосе его промелькнуло искреннее удивление. — Боги с вами, куда и зачем? И почему я должен на вас сердиться?

Лавиния смущенно потупилась, пробормотав что-то о детской. Его сиятельство

невесело улыбнулся.

— Вон оно что, — сказал он. — Забудьте. Памятуя о том, в каком виде я вернулся с заставы, удивительно, как вы вообще гарнизон по тревоге не подняли! Вы так боитесь меня, Лавиния?

Она молча покачала головой.

— Это радует, — обронил его сиятельство. И добавил после короткой паузы: — Но за Алонсо всё же тревожитесь. Почему? Неужели вы думаете, что я могу причинить ему вред?

Маркиза уткнулась взглядом в ковер. Перед глазами ее встало окаменевшее лицо мужа там, в гостиной, когда она собиралась обрадовать его новостью о своем положении, потом разлетевшийся на осколки винный бокал, хриплый голос, больше похожий на рычание зверя, велящий ей «убираться отсюда», — и то утро, когда на свет появился Алонсо. «Поздравляю, ваше сиятельство! — сказал доктор, протягивая маркизу завернутое в пеленку дитя. — У вас сын!», и Лавиния, подняв взгляд на супруга, вздрогнула: вид у него был такой, словно в облике невинного младенца ему явилась собственная смерть. «Сын», — лишенным выражения голосом повторил он и вышел из спальни, даже не взглянув на ребенка. А потом исчез на два месяца — когда же вернулся... Лавиния поёжилась. Она вдруг вспомнила глухой голос, долетевший до нее от порога детской. «Что мне теперь с тобой делать?» — вот что он спросил. И ей стало страшно. Маркиз не был рад своему отцовству — откуда же ей было знать, насколько сильно?

— В-вы... — отчаянно заикаясь, пробормотала она, — в-вы ведь... н-никогда не хотели д-детей. Вы так рассердились, к-когда узнали... И сразу уехали, к-когда родился Алонсо, а п-потом... В-вы сказали — «что мне с тобой делать?» и... и я...

Она, не договорив, стиснула в ладонях вот-вот готовое треснуть блюдо. Его сиятельство молчал. Долго — так долго, что его супруга не раз и не два успела пожалеть о своей откровенности, однако когда он все-таки заговорил, тон его не изменился.

— Что ж, — сказал маркиз Д'Алваро. — Правда за правду: я не отличаюсь чадолубием и известие о том, что скоро нас будет трое, застало меня врасплох. Я привык жить один, а дети так или иначе многое меняют... Но, боюсь, мои слова вы поняли слишком буквально — до Алонсо я в жизни ни одного младенца в руках не держал, и действительно понятия не имею, что с ними следует делать. Ничего дурного у меня и в мыслях не было. Может, я не так привязан к сыну, как вы, но я никогда его не обижу. И другим не позволю.

Щеки Лавинии залил густой румянец.

— П-простите, п-пожалуйста, — жалко выдавила из себя она, не смея поднять глаз на мужа. — Я н-не знала... Я б-была неправа... Я д-думала, вы так н-не хотели ребенка, что...

— Что спал и видел, как бы от него избавиться? — с добродушной усмешкой закончил за нее он, и Лавинии захотелось от стыда провалиться сквозь землю. — Ну, это даже для меня слишком!.. Впрочем, вас тоже можно понять — вёл я себя тогда и впрямь не лучшим образом. В любом случае, не беспокойтесь об Алонсо. Не буду врать, его рождение в некотором смысле было для меня разочарованием, но теперь это уже в прошлом.

Лавиния моргнула.

— Разочарованием?.. — в замешательстве переспросила она, чуть приподнимая голову. Его сиятельство пожал плечами.

— Видите ли, — просто сказал он, — я-то ждал дочь.

Маркиза, широко раскрыв глаза, уставилась на мужа.

— Я д-думала, все мужчины мечтают о сыновьях, — вырвалось у нее. Астор Д'Алварс

снова пожал плечами.

— А я не все, — заявил он. И, очевидно, оценив выражение ее лица, тихо фыркнул себе под нос. — Впрочем, как я уже сказал, это дело прошлое... И дочь у нас с вами или сын, в сущности, не важно — в отличие от его будущего. Алонсо наследник графства Алваро и следующий хранитель второй заставы, тогда как нынешний, в моем лице, увы, наломал слишком много дров, чтобы пытаться теперь исправить всё в одиночку. Вы хорошая мать, Лавиния, но этого мало. Нужен еще отец. И семья, чью репутацию никто не ставит под сомнение — а с этим на нынешний день, боюсь, у нас дело обстоит плохо. Это моя вина, я знаю, но без вашей помощи мне ее не искупить.

Лавиния растерянно смотрела на супруга. Она еще не вполне пришла в себя после его упоминания о дочери и сейчас не могла взять в толк, что он пытается ей сказать. Репутация, семья, Алонсо... А разве с этим что-то не так? Они муж и жена — пред людьми и богами, сын их рожден в законном браке, кто в этом может усомниться?

— Простите, в-ваше сиятельство, — робко призналась она, — но я не понимаю... О какой п-помощи вы говорите? Что я д-должна сделать?

Маркиз Д'Алваро, помолчав, повернулся и посмотрел ей в глаза.

— Будьте моей женой, — неожиданно произнес он, и фарфоровое блюдо в руках Лавинии, вздрогнув, с треском распалось на две половинки. Если бы не маркиз, в последний момент успевший подхватить стоявшую на нем чашечку с кофе, платье его супруги неминуемо пришел бы конец.

— Кем быть?! — изумленно выдохнула Лавиния. Астор Д'Алваро вернул чашечку на стол и выпрямился в кресле.

— Женой, — спокойно повторил он. — Понимаю, это звучит странно, но не смотрите на меня, как на сумасшедшего. Конечно, мы и так женаты. Но, увы, скорей на словах, чем на деле... Речь не о супружеском долге — относительно этого можете быть спокойны, на ласку и любовь я не претендую. А вот остальное? Мы с вами живем в одном доме, но порознь, как чужие. Мы не общаемся, нигде не появляемся вместе и даже едим отдельно — может, это и не такая редкость, как принято считать, но в любом случае мало похоже на семью.

Маркиза медленно склонила голову набок.

— А в-вы хотите, чтобы было похоже? — неуверенно спросила она. — Как... как тогда, когда еще н-не было Алонсо?..

— Нет. Я хочу забыть о том, что было тогда. И в этот раз сделать всё правильно, — заметив промелькнувшую в глазах жены тень сомнения, он склонил голову. — Да, помню, на этом вы уже обжигались. Но больше такого не повторится, даю слово — а его цена вам известна. Подумайте над моим предложением, Лавиния. Я знаю, брак наш не из счастливых — что ж, не всякую войну можно выиграть... Но можно постараться хотя бы не проиграть.

В тот вечер маркиза Д'Алваро вернулась к себе около полуночи и в глубокой задумчивости. На сонные вопросы горничной, успевшей задремать в ожидании госпожи, ее сиятельство только вяло пожала плечами, справилась о сыне — тот мирно сопел под крахмальным пологом — и удалилась в спальню. «С платьем я сама, — сказала она, отсылая служанку. — Доброй ночи, Анни». Горничная присела в поклоне и вышла, про себя удивляясь странному поведению хозяйки.

А Лавиния, уже лежа в постели, без сна смотрела в потолок, привычно прислушивалась к тишине и думала — о сыне, о себе самой, об их общем будущем в этом доме и о его хозяине. Маркиз опять открылся ей с новой стороны. Что это, очередная маска? Или на сей раз все-таки его истинное лицо?.. Последнюю фразу мужа о войне, которую можно «хотя бы не проиграть», маркиза не поняла — однако кивнула, обещая подумать. И теперь мучительно размышляла о том, что со всем этим делать дальше. Маркиз, кажется, говорил искренне. Он дал слово — а уж в том, что держать свои обещания он умеет, Лавинии грех было сомневаться. Может быть, и здесь ему все-таки стоит поверить?..

Где-то внизу, приглушенное толстыми стенами, послышалось знакомое пение половиц. Скрип-скри-и-ип, скрип-скри-и-ип... Верить или нет? Оставить всё как есть или рискнуть ступить вновь в ту же реку, в надежде, что на этот раз вынесет к берегу? Лавиния, тихо вздохнув, закрыла глаза. Она разучилась мечтать, но надежда на лучшее все еще жила в ней, не смотря ни на что.

На следующий день, когда маркиз Д'Алваро вернулся с заставы и отдыхал у себя перед обедом, в дверь его комнаты постучали.

— Войдите, — сказал он. И обернувшись, увидел застывшую на пороге жену. Лицо ее было бледным, но в прозрачных глазах читалась невиданная доселе решимость.

— Я п-подумала, ваше сиятельство, — тихо сказала она в ответ на его вопросительный взгляд. — Н-над тем, что вы сказали. Если так б-будет лучше... д-для Алонсо... Я согласна.

Муж улыбнулся.

— Я рад, — отозвался он. И сделал приглашающий жест рукой. — Входите же. Обед уже вот-вот, и сегодня я распорядился подать его в столовую. Надеюсь, вы составите мне компанию?..

К середине декабря потеплело. Снежный ноябрь остался позади, но обычной для юга резкой оттепели не случилось, и пограничье радовало глаз белым сверкающим полотном, растянувшимся от Туманного хребта до самого Разнотравья. Дни стояли ясные, солнечные, до февральских метелей было еще далеко, так что никто не спешил оседать у родных очагов до весны — зима выдалась не хуже. На фронтах было спокойно, даже данзарские передовые дозоры, что большую часть осени мельтешили над хребтом как саранча, с наступлением холодов поумерили пыл, и хранители юга выдохнули с облегчением. Треволнения ноября тоже потихоньку стирались из памяти — охранный гарнизон до сих пор стоял в Даккарае, а раненые кадеты уверенно шли на поправку и один за другим покидали лазарет. Тень войны не рассеялась, нет, но к ней понемногу привыкли: всему свое время. И пока час не пробил, стоит радоваться каждому мирному дню, ведь одни боги знают, сколько еще их впереди осталось!.. Жизнь южной границы понемногу вернулась в привычную колею.

Игрались отложенные с осени свадьбы, звучали в жарко натопленных гостиных господских домов рояли и клавесины, скользили по гладко раскатанному снегу дорог вставшие на полозья возки и экипажи — от одного поместья к другому...

Зимний сезон был открыт. И главной его новостью явилась чета Д'Алваро, без которых теперь не обходился ни один званый вечер. Местные кумушки, всю осень перемывавшие косточки маркизу и его молодой жене, едва успели остудить языки, как их вновь пришлось вынуть из ножен: на свадьбе дочери барона Дэшела, куда Астор Д'Алваро, конечно, был зван, и где его, как всегда, не ждали, его внезапное появление произвело фурор. Явись он еще один, боги с ним! Но в двери парадной залы его сиятельство вошел, ведя под руку супругу, — и несмотря на худобу, вид имел столь цветущий, что даже счастливые молодожены померкли на его фоне. Смуглое, гладко выбритое лицо его над белоснежным воротничком мундира улыбалось, горделиво расправленные плечи слепили серебром эполет, а в чуть прищуренных глазах ясно читалось полное удовлетворение жизнью. Его молодая супруга, в бархате винного цвета — точь в точь родовой герб Д'Алваро — смотрелась рядом с ним совсем тоненькой и юной; рука ее в белой лайковой перчатке доверчиво покоилась на локте мужа, а вокруг гибкой шейки поблескивало кольцо из тяжелого старинного золота, украшенное плотным рядом крупных, один к одному, кровавых рубинов. Вдовствующая баронесса Дэшел, мать хозяина дома, наведя на украшение гостыи свой верный лорнет, немедленно опознала в нем семейную реликвию рода Алваро — в последний раз покойная маркиза надевала его, должно быть, больше полувека назад, сказала баронесса своей приятельнице, вдовствующей графине Овертон.

— Редкая драгоценность, нынче таких не делают, — авторитетно заявила она, не без ехидства покосившись в сторону едва не скрипящей зубами от досады графини Вэйделл. О несбывшихся мечтах последней заполучить маркиза себе в зятя знало всё пограничье. А рубины и впрямь были чудо как хороши. Слова старой баронессы быстро разлетелись по зале, и вскоре к маркизе Д'Алваро выстроилась целая очередь любопытных — всем хотелось разглядеть поближе и кольцо, и его хозяйку, ведь молодую маркизу до нынешнего дня знали в лицо лишь ближайшие соседи... Лавиния с честью выдержала этот шквал внимания. Она была немногословна, держалась скромно, улыбаясь тихой, чуть смущенной улыбкой, и мило розовела от комплиментов, изредка обращая к супругу взгляд своих удивительно прозрачных глаз — словно ища поддержки, что все сочли невероятно трогательным. Д'Алваро не остались на бал, откланявшись сразу после ужина, но вердикт общества был единодушен: прекрасная пара! А молодая маркиза — очаровательна!..

— Конечно, ей недостает лоска, — заметила баронесса де Фоли, — да и красавицей ее тоже не назовешь — но очень изящна. А какие манеры!

Визави баронессы, графиня Пэйтон, степенно кивнула.

— Пожалуй, — сказала она. — В свое время я была знакома с герцогиней эль Виатор — такое умение держать себя редко встретишь. Дочери, конечно, далеко до матери, но маркизу Д'Алваро, безусловно, повезло. Прелестное дитя, и сама скромность.

Ее товарки, качая веерами, хором с ней согласились. Одна только графиня Вэйделл, некстати вспомнив о рубинах и крахе своих матримониальных планов, чуть пожалала плечами.

— Мила, несомненно, — обронила она. — Разве только немного бесцветна... И слишком робка, но, думаю, это у нее скоро пройдет. Если только маркиз после ее сегодняшнего успеха вновь не запрет бедняжку дома!

Она с деланным сочувствием покачала головой, и стоящая позади нее баронесса

Д'Освальдо спрятала за веером насмешливую улыбку: в голосе графини, как бы она ни старалась это скрыть, звучала откровенная зависть.

Тайные чаяния супруги хранителя третьей заставы не сбылись. Астор Д'Алваро даже не думал сажать жену под замок, и через три дня после бала у Дэшелов они вдвоем вновь появились в обществе — на именинах барона Хардинга. Потом был музыкальный вечер у Лофтонов, потом празднование помолвки старшего сына графа и графини Пэйтон, потом званый ужин у Д'Освальдо... Они никогда не оставались на танцы и всегда уезжали намного раньше остальных гостей, но если первое ни у кого не вызвало вопросов по причине увечья маркиза, то о втором вдовствующая баронесса Дэшел, как-то раз явившись с визитом в поместье Алваро, со свойственной старости прямоотой поинтересовалась у Лавинии — а получив ответ, изумилась неподдельно.

— Его сиятельство еще н-не вполне оправился от болезни, — сказала ей молодая маркиза. И добавила: — Кроме т-того, ведь Алонсо... Он еще слишком мал и требует есть по шесть раз н-на дню, я н-не могу оставить его надолго.

Баронесса едва добралась до дома, чуть не приплясывая от распирающей ее новости, — и вскоре то, что маркиза Д'Алваро сама кормит сына грудью, разнеслось по всему пограничью. Молодые матери ахали, престарелые матроны одобрительно трясли буклями, вспоминая собственных покойных бабушек и то, что «в былые времена матери не спихивали детей на няnek да кормилиц, лишь бы скакать по чужим гостиным», а баронесса Д'Освальдо, заглянув к Лавинии, со смехом предрекла Геону скорую моду на материнское молоко. Лавиния ужасно сконфузилась. Несмотря на все уверения баронессы, что «это же ужас как мило, моя дорогая!», она даже поначалу отказалась ехать на вечер в поместье Освальдо, однако маркиз, узнав, в чем дело, лишь рассмеялся.

— Было бы о чем печалиться, — сказал он. — В конце концов, что с того? Вы кормите грудью своего ребенка, а не чужого.

— Да, н-но... Так ведь н-не принято...

— Подумаешь! — отмахнулся он. И взглянув в расстроенное лицо жены, вдруг заговорщицки ей подмигнул: — Помните, я однажды сказал вам, что я — не все?.. А знаете, почему?

Лавиния покачала головой.

— Потому что я Д'Алваро, — широко улыбаясь, сказал маркиз. — И вы тоже. А Д'Алваро закон не писан — разве вы этого не знали?.. Бросьте! Нашим провинциальным кокеткам на пользу вспомнить, что грудь дана женщине не только для декольте. Они родных детей видят реже соседских, чего ради на них равняться и стыдиться того, что естественно? Хочется вам кормить сына самой — так кормите, а на всех прочих плевать!

— К-как — п-плевать?.. — изумленно заморгала Лавиния.

— Далеко и со свистом, — не поведя бровью, заявил супруг и отправился переодеваться к ужину. Губы маркизы, глядящей ему вслед, против воли задрожали, не в силах сдержать улыбку. Его сиятельство умел подбодрить — в своей, конечно, манере... но ей эта манера нравилась.

Оказывается, ее муж умел и смеяться, и шутить — пусть Лавиния не всегда понимала его шутки; он умел быть внимательным, даже заботливым, и, похоже, все-таки научился признавать свои ошибки. Может, болезнь так на него повлияла, а может быть, рождение сына, пусть и хотел он дочь, — этого Лавиния не могла сказать наверняка, но одно она теперь знала твердо: слово Д'Алваро действительно стоит золота. Дни ее начинались с

тихого семейного завтрака, почти всегда оканчиваясь в жарко натопленной сумрачной библиотеке, под уютное потрескивание поленьев и желудевый кофе, который она почти полюбила, а общество мужа, столь тяготившее ее когда-то, теперь стало ей даже приятно. От него больше не тянуло холодом, он был с ней неизменно ласков и добр, а если где-нибудь в гостях Лавинию, еще не вполне освоившуюся в новой для себя роли, случалось, посещала неуверенность, мягкое ободрение во взгляде устремленных на нее темных глаз помогало ей с этим справиться. А то роскошное кольцо, что муж преподнес ей накануне свадебного приема у Дэшелов?.. «По семейной традиции, — сказал он, — эта драгоценность переходит от одной маркизы Д'Алваро к другой. Когда-то кольцо носила моя бабушка, потом мать — теперь оно ваше». Его сиятельство открыл тяжелый плоский футляр красного дерева, и Лавиния ахнула. Она в жизни не видела такой красоты.

Дав обещание, маркиз Д'Алваро крепко держал его. И Лавиния, преисполненная благодарности, изо всех сил старалась оправдать доверие супруга: она ездила с ним по соседям, принимала их у себя, и даже согласилась на няню для Алонсо, пусть маркизу и пришлось потратить на уговоры немало времени. «Моя дорогая, — терпеливо повторял он, — я знаю, как вы любите сына, но ведь вы не всегда сможете быть рядом! Пока он еще мал — да, а что будет, когда подрастет? Вы хозяйка целого графства, а это и без младенца на руках непросто. Пока я справляюсь сам, но рано или поздно необходимость заниматься делами поместья ляжет и на ваши плечи: дом, сады, пашни, всё это требует времени и сил. Кроме того, подумайте об Алонсо! Общение с кем-то кроме родителей пойдет ему только на пользу, вы же не хотите всю жизнь держать его под хрустальным колпаком?.. Да так вам и самой будет проще отпустить его от себя, когда придет время, — дети растут, Лавиния, хотим мы того или нет». Маркиза, жалобно вздыхая, в конце концов признала правоту супруга. Так в доме появилась няня Роуз, пухленькая хохотушка лет сорока, сама мать восьмерых детей. Дело свое она знала, и Алонсо понравилась — как и его матери, пусть успокоилось ее сердце все равно нескоро...

Впрочем, теперь мир Лавинии не ограничивался одной лишь колыбелью. Жизнь заиграла новыми красками, наполнилась теплом, все страхи были забыты, а зажигая по вечерам свечи в домашнем храме, маркиза Д'Алваро молилась лишь об одном — чтобы завтра было таким же, как вчера и сегодня.

Маркиз Д'Алваро, в отличие от жены, знал, что миру недолго осталось длиться. Ему знакомо было это затишье перед бурей, и он не питал иллюзий на его счет, а потому торопился вернуться в строй, строго следуя предписаниям врача — лишь с одной оговоркой, касавшейся постельного режима. К утреннему променаду вокруг дома и ежедневным посещениям заставы с середины декабря прибавились регулярные тренировки с бойцами внутреннего гарнизона, а перед самым январем еще и патрульные вылеты. Врач умолял его прекратить, Гарет нудел с утра до вечера, дескать, его сиятельство своими руками вгоняет себя в гроб, но Астор всё пропускал мимо ушей. Да, тяжело — но скоро придется еще тяжелее, и к этому он должен быть готов. «Умри, но сделай? — неодобрительно говорил Фабио, намекая на фамильный девиз рода Алваро. — Притормози, Астор! Ты едва на ноги встал — хочешь загреметь обратно на койку? Или боишься пропустить всё веселье? Так не беспокойся, без тебя не начнут — если сам раньше не свалишься, от излишней бдительности!» Хранитель второй заставы в ответ лишь раздраженно морщился. Этот заботливый хор уже сидел у него в печенках, а ему без того приходилось несладко. Помимо

офицерского долга на нем теперь висел еще и семейный, и необходимость таскаться по соседским гостиным, играя чужую роль, выматывала куда больше ночных патрулей. Маркиз не выносил светской толкотни и всех этих многолюдных сборищ, считая их бессмысленной тратой времени, но если раньше мог позволить себе их игнорировать, то теперь — увы. Подмоченная репутация требовала восстановления, а времени на это оставалось отнюдь не в избытке. «Заварил кашу — сам и расхлебывай», — сказал ему Карлос. Что ж, в чем-то он прав, решил маркиз Д'Алваро и взялся за ложку. Ноябрь почти целиком он провел в постели, так что время всё продумать и взвесить у него было: Астор определился с целями и задачами, выстроил необходимую стратегию, а когда вновь получил возможность действовать, пошел в наступление.

С Лавинией, к его удивлению, трудностей не возникло. То ли его жалкий вид, то ли ее мягкое сердце победили страх; к тому же, в некотором роде цель у них теперь была общая — а с заинтересованным союзником всегда легче договориться. Конечно, всего Астор ей не открыл, да и зачем?.. Лавинии вполне хватило полуправды. И слова Д'Алваро, которое, впрочем, ее муж так на так не собирался нарушать — это было и в его интересах. Определив для себя, что его супруга никакого отношения к эль Виаторам больше не имеет, он постарался взглянуть на нее с другой стороны, а когда рассмотрел поближе, понял, что не так всё и плохо. Точнее — совсем неплохо, а в рамках новой стратегии так даже хорошо. К счастью, Лавиния его не любила. И пусть до сих пор в его присутствии она робела, через раз отчаянно заикаясь, что вызывало у Астора привычное раздражение, во всем остальном хлопот с ней не было никаких: она благоразумно приняла его предложение, не выдвигая в ответ встречных требований, она действительно была хорошей, любящей матерью и, в сущности, очень удобной женой. Она не лезла ему в душу и под руку, вполне довольствуясь тем, что у нее уже есть, всё так же не спешила заводить свои порядки, и, в отличие от остальных, ни разу не сказала ему ни слова по части нарушения врачебных предписаний — за что Астор был ей отдельно благодарен. Само собой, Лавиния не слишком дорожила мужем. Но свою часть договора выполняла честно. И если исключить постоянных гостей да утомительные разъезды, обновленная семейная жизнь в конечном итоге показалась его сиятельству вполне недурной. Кроме того, в этот раз план сработал на ура, и цели своей он добился: светское общество юга, перед которым они с Лавинией месяц разыгрывали трогательную картину любви и единения, продержалось недолго. Как иначе? Семейная идиллия была налицо. Наследник графства Алваро, предъявленный свету в лице толпы властных матрон и их болтливых дочерей, сообщая был признан копией батюшки, маркизу Д'Алваро, найдя ее образцом скромности и безупречных манер, взяла под крыло вдовствующая баронесса Дэшел, чьего острого языка, несмотря на обманчивую дряхлость, опасалось всё пограничье, а недавняя шумиха насчет кормления грудью в обход деревенских кормилиц окончательно заставила светскую гидру сложить оружие. Последние отголоски сплетен почил в бозе. А в самом конце декабря, покидая вместе с женой очередной званый вечер, Астор наконец смог поздравить себя с безусловной победой. Да, удовлетворенно отметил он, на сей раз он всё сделал правильно.

«Продержаться бы еще месяц-другой, — думал маркиз, лежа в постели поздним вечером первого января. — Хоть до весны! Столько еще не сделано, а времени всё меньше и меньше — успею ли?..» Последняя его мысль относилась к жене. Да, их общая репутация была восстановлена, но бился Астор не только за это. Ему предстояло покинуть дом — скоро и, вполне вероятно, теперь уже навсегда, и он опасался, что одна Лавиния с целым

графством не справится. Вести дом ее, конечно, учили, но Алваро с его деревнями будет побольше. На управляющего надежды нет, этого жука только пусти к кормушке — по миру пойдешь. Значит, нужно постараться ввести жену в курс дела и разъяснить хоть азы ведения хозяйства: в конце концов, от этого зависит ее собственное благополучие и в немалой степени будущее Алонсо. Не приведи боги, примчится на помощь кто-нибудь из эль Виаторов!.. Подумав об этом, Астор скривился: нет уж, лучше отряд управляющих, чем один Герхард, что спит и видит, как бы прибрать к рукам еще один кусок пожирнее. Слава Танору, Лавиния совсем на него не похожа. Вспомнив о жене, маркиз улыбнулся. Кажется, он начинал потихоньку к ней привыкать — порой Лавиния даже забавляла его, совсем как Алонсо. Чего стоило хотя бы ее вытянувшееся лицо тогда, в библиотеке, когда он сказал, что вместо сына ждал дочь! Смех да и только, бедняжку чуть удар не хватил от изумления: она-то полагала, что мужьям жизни нет без наследников имени... «Хотя, в сущности, даже хорошо, что родился мальчик, — подумал Астор. — С девочкой Лавинию быстро бы в оборот взяли, а у Инес только дочери, женщине хранителем не быть. Зато у Герхарда трое сыновей и двое — уже офицеры, уж папенька расстарался бы пристроить кого-то из них заместником». Маркиз поморщился. Лавиния — это было одно. А вот ее родня, начиная с герцога эль Виатора, совсем другое, и никого из них в своем доме он видеть не желал.

В камине с громким треском лопнуло полено. Уже начинающий дремать Астор недовольно встряхнулся и, перевернувшись на спину, зевнул. Нынче домой он вернулся поздно, совсем по темноте — задержался на заставе, и отступившая было слабость вновь напомнила о себе. К тому же, третий день как сильно потеплело, все пограничье окутал густой влажный туман, и хранитель второй заставы хлебнул его от души еще с утра. К вечеру его предсказуемо начало познабливать, так что по возвращении в поместье маркиз вял голосу разума и сразу после ужина улегся в постель. Лавинию это известие огорчило — как догадывался Астор, не столько по причине беспокойства о его здоровье, сколько потому, что библиотека сегодня осталась закрытой, а их традиционный кофе у камина пришлось отложить до завтра. Он тихо фыркнул, вспомнив расколотое блюдце. Забавное дитя. И, похоже, в жизни не ела ничего слаще морковки, раз даже такая малость столь много для нее значит...

Маркиз Д'Алваро натянул на плечо край толстого одеяла и закрыл глаза. Дверь его спальни денщик, уходя, оставил приоткрытой, и сейчас из темной щели вслед за сквозняком до его сиятельства долетел отголосок колыбельной — маркиза согласилась на няню, но право лично кормить и укладывать сына оставила за собой.

Арфы запели, ты в колыбели среди цветов -
Мерно кивая, сон навевает болиголов.
Дивны их песни... Росы как перстни на стебельках.
Поздней порою небо ночное в твоих глазах...

Звездные руны, звонкие струны, старинный лес:
Рощи, ложбинки, луг и тропинки полны чудес,
Сон безмятежный, мирный и нежный, к тебе спешит —
Спи, мой родимый, птенчик любимый, в лесной тиши...

В детской, наедине с сыном, мучительное заикание всегда оставляло Лавинию. Голос

ее, мягкий и чистый, как ручеек, лился вольно — и Астору нравилось его слушать. Колыбельных у жены в запасе имелось немного, он давно все их выучил, но эта, пожалуй, была его любимая.

Лгать я не стану, скрыты туманом твои пути,
В грустную сказку ты без опаски спешишь уйти.
Знай, что повсюду в мыслях я буду с тобой всегда -
Пусть не угаснет в пору несчастий твоя звезда!

Боль и печали, дальние дали — пусть подождут.
С арфами вместе звездочки песню тебе поют;
Вечер так светел, ласковый ветер принес покой -
Спи, мой родимый, мальчик любимый, в тиши лесной...[1]

Маркиза Д'Алваро пела сыну, но первым уснул его отец. Во сне, окутавшем его словно еще одно мягкое и теплое одеяло, ему виделся лес — и летняя ночь, ласковая, дарящая спокойствие, как объятия матери. И чей-то негромкий голос вел его за собой: из зимы в лето, от свиста холодного ветра к пению птиц, туда, куда люди возвращаются лишь в краткий миг забытья — назад в бестревожное детство.

Пустошь за стенами заставы была укрыта туманом. До самых предгорий Туманного хребта, сейчас как никогда оправдывающего свое название, всё было затянуто густой молочной дымкой. Низко висящие облака почти сливались с ней, набрякнув над сокрытыми в сизом мраке горами, пустошью и спящей границей. Ночь стояла безлунная.

Командир гарнизона второй заставы, обойдя караулы, вернулся в башню. Подкинул в жарко пылавший очаг под лестницей еще несколько поленьев, протянул озябшие руки к огню — и зажмурился от удовольствия точно кот. Снаружи было промозгло и сыро, в такую погоду Фабио мерз сильнее, чем даже под самым студеным ветром. Оттепель... А со дня на день, к бабке не ходи, сызнава ударит мороз — и всё пограничье покроется ледяной коркой. Хорошо, если следом придут снегопады, подумал командир гарнизона, выпрямляясь. «Если же нет, так и будем кататься кто на спине, кто на заднице, до самого февраля!» Неслышно фыркнув себе под нос, он запахнул разошедшиеся полы плаща и подошел к бойнице. По другую ее сторону висела клубящаяся туманом мгла. Не видно ни зги, да и утром было не лучше. Может, хоть завтра слегка порассеется... Он широко зевнул и закашлялся — сырой холодный воздух наполнил легкие. «Терпеть не могу январь», — сердито подумал Фабио, поворачивая обратно к двери. Дозорные сменились в полночь, до рассвета еще часов шесть, можно пойти вздремнуть. Он улыбнулся, подумав о своей жарко натопленной комнатухе на втором этаже, где весело потрескивали дрова в железной печке. Сытный ужин, стакан другой горячего вина со специями, мягкая теплая постель — то что нужно после целого дня на ногах, да еще по такой погоде! Покинув башню, Фабио привычно пересчитал дозорных и, позевывая, направился к лестнице вниз.

Не дошел.

Далеко впереди, за стеной, за пустошью, на миг ослепив глаза, сквозь белесую дымку рванулся к небу высокий столб света — яркий, огненно-алый, словно одинокий язык пламени. Мгновенье спустя еще один точно такой взвился ввысь чуть правее. А следом за

ним и третий. У Фабио перехватило дыхание. Горные крепости на перевалах?.. «Сигнал!» — вихрем пронеслось у него в мозгу. Время, на долю секунды словно замедлившее свой ход, резко скакнуло вперед. Командир гарнизона пришел в себя.

— Тревога! — взревел он, одним гигантским прыжком достигая лестницы. — Общая тревога! Поднять всех! Стрелков на стены! Звонари — передать по цепочке! Наездники — в стойла!.. Красный сигнал!

Еще минуту назад темная, спящая застава всколыхнулась. Вспыхивали фонари, хлопали двери, грохотали по стылому камню лестниц подкованные железом сапоги, глухо взрыкивали почуявшие скорую свободу драконы — и над всем над этим гремел бешеный звон сигнальных колоколов. Сквозь вязкий кисель тумана он летел от одной заставы к другой, и одна за другой каждая из них стремительно наполнялась шумом и светом. Фабио, кубарем скатившись вниз, поймал за локоть пробегающего мимо бойца.

— Бегом на голубятню, — коротко велел он, — сообщи хранителю.

— Так точно!

На ходу затягивая болтающиеся ремни портупей, тот метнулся к лестнице. Фабио скользнул взглядом по двору. Там было тесно от снующих взад и вперед бойцов. Солдаты распахивали ворота драконьего ангара и двери оружейных, тащили на стену ящики со снарядами; стрелки резервного гарнизона, встрепанные и едва проснувшиеся, неровными ручейками текли вверх по лестницам, наступая друг другу на пятки.

— Кэйд! — возвысив голос, позвал командир гарнизона. — Рамос! Хоук! Ко мне!

Он поднял лицо к небу, краем глаза отметив, как названные капралы, бранясь, проталкиваются к нему сквозь гомонящую толпу. Красный сигнал. Данзар не стал ждать весны. «И выбрал лучший момент, демоны б взяли этот проклятый туман!..» Фабио, тряхнув головой, свел брови на переносице.

— Хоук, — повернувшись к первому из подоспевших командиров, отрывисто сказал он. — Где штатные маги?

— На стенах, оба.

— Одного отправь с донесением в столицу. Второй остается на главной стене. Передашь приказ — и в седло.

— Так точно!

Отдав честь, тот исчез среди спин. Командир гарнизона повернулся к следующему:

— Кэйд, седлай драконов — своего и Неро, и жди хранителя. За ним уже послали. Рамос!

— Здесь, ваше благородие!..

— За мной.

— Так точно!

Втроем они протолкались к распахнутым воротам ангара и разошлись по стойлам. Дракон командира гарнизона был уже взнуздан и оседлан, а рядом, придерживая решетку, торчал бледный ординарец. Отодвинув его плечом, Фабио шагнул в стойло.

— Привет, Саэта, — хмыкнул он, потрепав по шее нетерпеливо переступающего с лапы на лапу штурмовика. — Нынче нам будет где поразмяться, а?..

Дракон Фабио был самкой. Во времена их общего ученичества нынешнему командиру гарнизона пришлось выслушать по этому поводу немало насмешек, но первый же год в Даккарае показал, что сокурсники зубы скалили зря. Самки штурмовиков размером и силой не уступали самцам, а уж в бою... «Самцы бьются до победы, — сказал тогда Фабио его

куратор. — А самки — насмерть. Подождите, кадет. Те, кто сейчас над вами смеется, очень скоро начнут вам завидовать». И он был прав. С войны капитан Гуэрра вернулся живым во многом благодаря Саэте.

— Рамос! — крикнул Фабио, берясь за повод. — Шевелись!

— Так точно! — проорали из дальнего стойла. А следом, снаружи, вновь оглушительно грянули колокола. «Во-о-оздух!» — пронеслось над заставой. Командир гарнизона выругался.

— Наездники! — гаркнул он, взлетая в седло. — В небо!..

Саэта, повинувшись короткому движению поводьев, рванулась из стойла к широко распахнутым воротам. Скользнула через порог черной тенью — и, оттолкнувшись от земли, распахнула крылья. Следом за ней метнулось еще с полдюжины оседланных штурмовиков.

— Во-о-оздух!

Наездники второй заставы, во главе с командиром, ушли по прямой вверх. Фабио, сжав коленями бока Саэты, поверх ее головы взглянул на Туманный хребет — и стиснул зубы. Алые световые столбы, бледнея, гасли на глазах. «Значит, горные крепости пали, — подумал он, — и скоро наш черед...» Будто в подтверждение этому, неподвижная пелена тумана над пустошью пошла крупной рябью. Командир гарнизона приподнялся на стремянах:

— Наездники! В линию! Занять оборону! Брешь в четыре локтя!.. Стрелки — оружие наизготовку!

На миг отвлекшись от наливающегося грозовой темнотой тумана, Фабио скользнул взглядом по заставе. Драконы, уже успевшие подняться вверх, вытягивались цепью от башни к башне, теснясь крыльями с опоздавшими; внизу, на главной стене, выстроились бойцы вперемежку со стрелками, а с краю стены, за последним зубцом, неподвижно застыла фигура в сером форменном камзоле — один из двух штатных магов тоже был на месте. «По крайней мере, нас не застали врасплох», — промелькнуло в голове. Взгляд чуть прищуренных глаз Фабио вновь обратился к туману.

— На корпус, Саэта, — велел он, шевельнув поводьями, и дракон послушно выдвинулся вперед. — Еще... Еще...

Штурмовик, покинув строй, завис над самой стеной. Его наездник приподнялся в седле и вытянул шею, вглядываясь в сизое марево, что клубилось над пустошью. Рябь усилилась. Молочная пелена, мутнея с каждой секундой, запестрела юркими призрачными тенями: словно хлопья сажи они дрожали в тумане, то сливаясь в один плотный рой, то рассыпаясь по кругу. Уже почти здесь, всё ближе и ближе... Саэта, нагнув башку и вытянув шею, раздула ноздри. Из глотки ее рванулся низкий предупреждающий рык. А темный рой над пустошью вдруг разделился надвое и стремительно разошелся в стороны — вверх и вниз.

— Назад! — дернув на себя повод, Фабио обернулся на строй за спиной и гаркнул: — На первый-второй рассчитайсь!.. Четные — вверх! Идет двойная волна!

Голос его потонул в громком хлопанье крыльев. Наездники успели перестроиться — в последний момент, за миг до того, как небо над их головами потемнело еще больше, а ощерившуюся взведенными арбалетами стену накрыла ревущая черная тень. Драконы Данзара, прорвав туман, хлынули на вторую заставу. Ночь, на мгновение став совсем черной, расцветилась желтыми вспышками огневых шаров и короткими бело-голубыми всполохами — стрелки резервного гарнизона обрушили на врага всю мощь новейших разрывных снарядов. Надсадный звон колокола, бьющий сигнал «вторжение», смешался с воем и криками, со свистом тяжелых железных болтов и отрывистыми командами, с громким

треском силовых разрядов и щелканьем челюстей...

Фабио, сросшись с седлом, тенью проскользнул под брюхом атакующего данзарского штурмовика и увел Саэту в восходящий штопор — вторая волна не замедлилась, и там, вверху, он был сейчас нужнее. Тех, кто ударил в лоб, сдержат стрелки и магия, но остальные зашли по дуге, высоко над своими, и нельзя было дать им прорваться за стену. Саэта, сложив крылья и выпустив когти, стрелой прошла меж двух вражеских драконов, распоров одному крыло, а второму бок, и, не замедляясь, свечой взмыла к небу. Его не было видно: драконы, свои и чужие, уже схлестнулись в ближнем бою. «Слава богам, данзарские штурмовики иной породы, — промелькнуло в голове Фабио, — не спутаешь! Так-то и своим бы досталось по такой темноте». Это была его последняя связная мысль. Секунду спустя Саэта уже винтом вошла в самую гущу неприятеля. Короткое копьё с тяжелым зазубренным наконечником пришло в движение — жаля, вспарывая, рубя наотмашь, и острые драконьи клыки лязгали ему в унисон. Длинные черные когти рвали драконью плоть, громоздкая туша, такая неповоротливая на земле, вилась черным смерчем, раз за разом уходя от атаки — вверх, вниз, бросок по диагонали, удар тяжелой башкой в подвздошье, снова вниз и опять вверх, целя в незащищенное брюхо... В небе Саэте не было равных.

Возле самого уха свистяще, пронзительно вжикнуло. Фабио приник к драконьей шее, пропустив над головой еще один арбалетный болт, и сжал коленями бока Саэты — та, коротко взрыкнув, ушла в пике. Выровнялась, походя увернулась от летящего в грудь копья — и получив сокрушительный удар в бок, на встречном потоке влетела прямо в центр огрызающейся вражьей своры. Данзарский штурмовик, что сработал тараном, метнулся следом. Брешь сомкнулась. Саэта, свирепо рыча, завертелась волчком, пытаясь вырваться из окружения, а ее наездник, плюясь метательными ножами, вскинул голову: сверху, закрывая последнюю лазейку, опускалась тяжелая желтобрюхая туша. И снизу, судя по метущему хвосту Саэты, уже подпирают. Братся за арбалет поздно, пока взведешь, пока прицелишься... В петлю взяли, твари, и нож был последний.

Фабио выпрямился в седле. Вскинул окровавленное копьё, метнул его в нависшее над головой брюхо и, не дожидаясь, пока наконечник войдет глубоко, вонзил шпоры в бока дракона. Это был единственный и последний шанс вырваться. Саэта, взревев, отпущенной пружиной взвилась вверх. Раненый штурмовик, не сдержав удара ее тяжелой башки, дал крен влево — а справа, прямо в лоб едва вырвавшимся из петли, метнулась еще одна серая тень. Распахнутая клыкастая пасть, нацеленный прямо в лицо наконечник копья, рев Саэты — и сгусток мрака, рванувшийся снизу наперерез.

— Фабио! — хлестнуло по ушам. — Уходи штопором, мы прикроем!

Командир гарнизона второй заставы стиснул в ладонях повод и пригнулся к седлу. Саэта услышала приказ. Ночь свилась серпантинном, замелькали перед глазами лапы, крылья, хвосты...

— Стянуть строй! — неслось уже откуда-то снизу. — Рамос! Дави с левого фланга! Хоук, ты с правого! Остальным собраться в рогатку! По моей команде!..

Командир гарнизона уперся правым коленом в бок дракона, заворачивая его по короткой дуге, и взглянул вниз. Наездники второй заставы, выстроившись подковой, отходили назад против ветра, приманивая воспрявшего духом неприятеля и медленно растягивая «рогатку». В самом центре ее, всё тем же клубящимся сгустком тьмы, трепетал крыльями Неро. Фабио, переведя дух, натянул поводья.

«Видят боги, ты вовремя, Астор», — подумал он. И вновь вонзив шпоры в бока Саэты,

вместе с ней ушел в крутое пике.

[1] Стихотворение Игоря Сычева

Туман, влажный и тяжелый, стелился до самых гор, но высоко над землей видимость была получше. Барон Д'Освальдо, зависнув над шпилем сторожевой башни, взгляделся в пестрящую огнями ленту стены и сжал в кулаке поводья: центральным заставам приходилось несладко. Самый сильный удар пришелся на третью и четвертую, обе уже трещали по швам, однако на второй и пятой, похоже, дело обстояло немногим лучше. «Долго не простоят, — понял Д'Освальдо, глядя на соседнюю заставу. Над ней трепетала в воздухе до края растянутая «рогатка». — Умно, да толку? Двадцать хвостов против сорока! Разве что отшвырнут на потоке, ну, может, пятерку-другую из строя выведут — а дальше-то что?..» Барон нахмурился. План неприятеля был ему ясен — опрокинуть горные крепости Геона, врубиться тараном в самый центр южной границы, пробить брешь в заставах и обеспечить коридор для прохода основных войск. «Крепости пали, — думал Карлос, — значит, сейчас через перевалы ломит пехота и кавалерия. Доберутся нескоро, понятно, а всё ж мало радости! Если пробьют два бастиона подряд, пиши пропало». Он опустил взгляд вниз, на собственную заставу. Ее враг пристальным вниманием обошел: он был рядом, кружил во тьме, не приближаясь ближе чем на арбалетный выстрел, блокировал, но не нападал. «Надо полагать, с девятой и восьмой то же самое, — подумал барон. — На кой мы им сдались, только расплыться зря! Да, центр, центр...»

«Рогатка» над второй заставой на миг застыла в воздухе и стремительно выстрелила вперед, волной сметая с пути серый драконий клубок, заглотивший наживку. Часть его на потоке вынесло за стену, которая тут же расцветилась стремительными бело-голубыми вспышками, часть суматошно закувыркалась в воздухе, пытаясь выровнять траекторию и не попасть под раздачу, но остальные, увы, сориентировались быстро. И пусть от второй волны нападавших осталась теперь лишь половина, бойцам Д'Алваро и тех было за глаза... «Вторую не пробьют, Астор дело знает, — подумал барон, мрачно шурясь. — А третья с четвертой на честном слове держатся. Еще полчаса — и амба! Враг хлынет, не остановишь, а после с тыла зайдет, и всему пограничью небо с овчинку покажется».

В небе над второй заставой два десятка черных штурмовиков намертво сцепились с двумя десятками серых, превратившись в одно колышущееся пятно. Карлос сдвинул брови. И тряхнув головой, резко вытянул на себя повод.

— Онза! — коротко рыкнул он. — Домой!

Штурмовик у него под седлом, сложив крылья, мягко спикировал вниз — в самый центр заставы. Толстые лапы ударили в землю, присыпанную смерзшимися опилками, хранителя тряхнуло в седле, а у его правого стремени тут же материализовался ординарец.

— Гонец вернулся? — коротко осведомился барон, не спешиваясь. Ординарец вытянулся во фронт:

— Никак нет, ваше высокоблагородие!

— Угу. В сторону!..

Он, выпрямившись в седле, ткнул коленями в бока Онзы. Дракон пружинисто подпрыгнул и распахнул крылья, вновь поднимаясь в воздух. Ведомый хранителем, сделал плавный круг по-над заставой и завис над задней стеной: там, выстроившись в линию и готовая в любой момент сорваться по приказу, застыла дюжина штурмовиков с наездниками в седлах.

— Фернандес! — приказал барон. — Бери восьмерых и поднимайся ко мне. Да гляди, не слишком резко, чтоб с пустоши в глаза не бросилось...

— Так точно, — долетело снизу. Капитан Фернандес, отдав команду восьмерке ближайших наездников, поднял вверх своего дракона. Остальные по очереди последовали за ним.

— Добро, — коротко обронил хранитель. И перегнувшись через крыло Онзы, велел одному из оставшихся на стене:

— Дай знать командиру гарнизона. Мы будем на второй, если что, подадите сигнал. И пусть пошлет мага с запиской к Дэшелу: чтоб девятая, восьмая и седьмая потихоньку подтягивались к центру. По десятку хвостов с заставы должно хватить. Смогут дать больше — хорошо. И стрелки пригодятся, пускай берут, сколько смогут, хоть вторым седоком.

— Так точно!

Барон кивнул и развернул штурмовика. Девять наездников, полукругом зависшие в воздухе у него за спиной, одновременно выпрямились в седлах.

— На вторую, — скомандовал Д'Освальдо. — По задней стене, на бредущем, тень в тень... Поможем, покуда ещё есть, кому!..

Маркиза Д'Алваро, стоя у окошка в передней, смотрела, как течет по подъездной аллее расцвеченная факелами людская толпа. В широко распахнутые ворота поместья Алваро вливался нескончаемый поток людей и телег: как только стало известно о вторжении, старостам деревень был отдан приказ собрать всё население под защиту крепостных стен господского дома. Крестьяне, нагруженные детьми и узлами, всё шли и шли; скрипели телеги, блеяли овцы и козы, мычали коровы, натужно хрипели выючные лошади. Шестнадцать деревень! Целое графство! «Да где же их всех разместить? И как? — лихорадочно думала Лавиния. — На улице ведь не оставишь, зима... А дети?» Она мельком обернулась в сторону лестницы — ее собственный сын, не ведая тревог, спал наверху, в колыбели, под присмотром няньки. И как же хотелось сейчас Лавинии быть рядом с ним — но нельзя, нельзя!.. Маркиза, усилием воли оторвав алчущий взгляд от лестницы, вновь повернулась к окну и сдвинула брови. Так много людей, так мало места... Хоть палатки раскидывай, да только где же их взять?

От заставы, спугнув мысли, вновь долетел колокольный звон — неровный, отчаянный, а вслед ему эхом откликнулся уже почти ставший привычным драконий рев. Лавиния зябко повела плечами. И подняв взгляд от аллеи, к невидимой во мраке крепостной стене, стиснула пальцами холодную раму: наверху, в черном небе призрачно дрожали синевато-желтые сполохи. Там, всего в десяти милях от дома, рвали друг друга драконы и убивали друг друга люди. Там, растянувшись на мили, шел яростный бой. И ее муж тоже был там, где-то в темноте. Жив ли еще?..

Этой ночью маркизе Д'Алваро не суждено было сомкнуть глаз. Сначала долго не засыпал Алонсо, а после, едва наконец Лавиния улеглась в постель и потянулась задуть свечу, ночную тишь разорвал далекий колокольный звон. Маркиза застыла, вслушиваясь в тревожные звуки. Что это?.. Почему так громко, почему ночью?.. Ответ явился почти сразу — горничная, только-только покинувшая спальню госпожи, заполошно причитая, ворвалась обратно. Вид у нее был насмерть перепуганный.

— Анни? — Лавиния, ничего не понимая, села в постели. — Что случилось? Что с тобой? Где звонят?

— Не знаю... — пискнула та, метнувшись к кровати, и повалилась на колени, спрятав лицо в складках одеяла. — Ох, госпожа! Беда, беда!.. Ой, беда!

— Да что такое? — уже не на шутку взволновалась маркиза. — Анни! Да г-говори же ты толком! Что т-ты плачешь?

— А как не плакать-то, госпожа? Пэт сказала, так звонят, когда дело худо... Слышите, слышите?! Ай!

На миг подняв голову, девчонка, взвизгнув, снова зарылась лицом в одеяло. Лавиния торопливо спустила ноги с кровати. К несмолкаемому звону снаружи добавились хлопанье дверей и взволнованные голоса уже внутри дома. Кто-то, грохоча сапогами, взбежал по лестнице. Алонсо!.. Мысль о сыне прострелила маркизу от макушки до пяток. Забыв с всхлипывающей горничной, Лавиния слетела с постели, набросила пеньюар и как была, босиком, бросилась в детскую.

Алонсо был не один. Рядом, вся как-то пригнувшись и прикипев взглядом к темному окну, у колыбели застыла няня Роуз — в чепце и ночной рубашке. Женщина обернулась на скрип двери, и сердце Лавинии коротко сжалось в предчувствии чего-то нехорошего: лицо у няни было точь в точь как у горничной.

— Госпожа! — не дав хозяйке и слова сказать, воскликнула Роуз. — Вы слышите?..

— Да, — кивнула Лавиния, приподнимая полог. Наследник графства Алваро, похоже, единственный из всех на границе, сладко спал в своей колыбели. Чуть успокоившись, маркиза бросила растерянный взгляд в окно детской. — Т-ты знаешь, что это? Откуда звон? От Анни ничего не добиться, я н-не понимаю...

— На заставах звонят, госпожа, — ежась, словно от холода, отозвалась няня. — Анни грех виноватить, я такая же, как она, была в прошлую войну. И звонили так же...

— Война?.. — широко раскрыв глаза, ахнула маркиза. Она была всего лет на пять постарше своей горничной. — Как — в-война? Да что ты г-говоришь такое!

Позади, в глубине коридора, что соединял правое крыло с основным домом, послышались быстрые тяжелые шаги. Обе женщины, не сговариваясь, срослись плечами, прикрыв собой колыбель. Взгляды их обратились к двери. Спустя пару мгновений та распахнулась, и через порог шагнул маркиз Д'Алваро: в синем мундире, крест-накрест перехваченном на груди широкой кожаной перевязью, и высоких, выше колен, ботфортах, которых Лавиния никогда раньше на нем не видела. Волосы его сиятельства были заплетены в тугую короткую косу на затылке.

— Уже встали? — сказал маркиз, взглянув на жену. — Хорошо. Коня сейчас подадут, времени мало. Роуз! Приведи в чувство Анни, вы обе скоро понадобитсяе ее сиятельству.

Няня, неловко присев, выскользнула мимо него из детской. Лавиния, глядя на мужа, вцепилась пальцами в край колыбели — маркиз был до странности спокоен и деловит, что почему-то пугало куда как больше недавних причитаний горничной.

— Роуз сказала — «война», — пробормотала Лавиния. — Неужели это п-правда?..

Астор Д'Алваро шагнул к колыбели. Мельком взглянул на спящего сына и, повернувшись к жене, положил руки ей на плечи.

— Всё может быть, — сказал он. — Но сейчас не это важно. Послушайте меня. Лавиния. Меня ждуг на заставе. А вы остаетесь здесь — и вместе с вами всё наше графство. Я уже отдал приказ собрать все население Алваро в поместье, за управляющим тоже послали. Он вам поможет.

— С чем?.. — чувствуя слабость в ногах, прошелестела маркиза.

— С людьми. С крестьянами, арендаторами — наш с вами долг, Лавиния, дать им защиту и кров. Неизвестно, что я найду на границе, но лучше подготовиться к худшему, — маркиз, заметив, как побледнела супруга, на миг успокаивающе прикрыл веки. — Тише, тише. Не в первый раз, милостью богов, отобьемся. Но в любом случае, внутренний гарнизон остается здесь, а две стены лучше, чем одна...

Колокольный звон, плывущий в ночи, прервался на долю секунды и грянул снова — только теперь слившись с ревом и воем. Драконы! Лавиния вздрогнула всем телом. А маркиз Д'Алваро, метнув взгляд в окно, выпрямился.

— Пора. Вы всё поняли, Лавиния?

— Д-да, — с трудом шевельнув губами, выдохнула она. — Я п-поняла... Я всё сделаю...

— Умница, — он улыбнулся, коротко сжав ладонями ее дрожащие плечи. — Ну, удачи!

И, отпустив ее, вышел — не оглядываясь, всё тем же быстрым тяжелым шагом. Чуть погодя из передней до Лавинии донесся его голос, отрывисто раздающий какие-то приказы, потом снова захлопали двери, и всё стихло. Вернулась Роуз с трясущейся горничной, прибежала заполошная Пэт с красными глазами; снова прозвучало страшное слово «война», но маркиза, взглянув на колыбель, запретила прислуге говорить об этом, а себе самой — даже думать. «Только терзаться без пользы», — сказала она, ласково коснувшись локтя кухарки — судя по ее заплаканным глазам, денщик маркиза тоже отправился на заставу. Пэт, шмыгнув носом, покорно опустила голову. Спустя четверть часа в поместье приехал управляющий с семьей и личной прислугой, за ним потянулись первые крестьянские подводы, и скоро всем женщинам дома, включая хозяйку, нашлось, чем занять руки и мысли.

Если б еще не было столько народу!..

Лавиния, глядя на теснящуюся людьми подъездную аллею, медленно покачала головой. И обернулась к открывшейся входной двери — вернулся управляющий.

— Ваше сиятельство! — громко позвал он, вздев голову к верхней площадке лестницы. Стоящую у окна Лавинию в полумраке передней он не заметил. Маркиза, встревожившись, быстро шагнула ему навстречу.

— Я здесь, — сказала она. — Что случилось? Застава?..

— Пока держится, ваше сиятельство, — успокоил тот, наконец найдя взглядом хозяйку. — И подмога с первой подошла, уж как-нибудь наша простоит до подкрепления из столицы... Тут другое — народу собралось тьма-тьмущая, и это только четыре деревни! Еще две на подходе, а пристройки уже полны доверху. Скотина и снаружи не околеет, оттепель, а люди?..

Брови маркизы растерянно нахмурились.

— Да, — пробормотала она, мельком взглянув в окно. — Люди... И так много детей...

Лавиния с сомнением оглядела темную переднюю. Вспомнила о рассыпающемся на глазах левом крыле, вздохнула — нет, даже думать нечего! — а после, поколебавшись, подняла голову.

— Пэт! — крикнула она. — Анни!

Обе служанки, бледные, встрепанные, явились на зов так быстро, словно только его и ждали — и уставились на хозяйку со смесью испуга и неясной надежды. Смешно, промелькнуло в голове маркизы Д'Алваро. Будто бы мне не страшно, будто бы я могу одним мановением пальца вернуть всё, как было!..

Издали вновь донесся драконий рев, но Лавиния усилием воли подавила дрожь. И

посмотрела на служанок.

— На первом этаже все камины растоплены? — спросила она. Пэт кивнула:

— Все разожгли, как велено, госпожа, — кроме библиотеки. Вы сказывали ее не трогать.

— Да, да, — хозяйка задумчиво прищурилась, скользя взглядом по лестнице. — Библиотеку, кабинет и спальню его сиятельства закройте. Во всех остальных комнатах растопите камины тоже — в столовой, в гостевых покоях, везде... Женщин и детей возьмем в дом. Тесно будет, так что ж?..

Лицо управляющего непроизвольно вытянулось.

— Ваше сиятельство! — всплеснул руками он. — Помилуйте! Крестьян — да в господские спальни? Как можно!

Маркиза Д'Алваро, не глядя на него, опустила голову.

— Больше некуда, — тихо отозвалась она. — Его сиятельство в-велел принять и разместить — я д-делаю, что могу... И я не оставлю детей на улице. Пэт! Анни! Займитесь делом!

Кухарка с горничной, присев, разбежались в стороны — Пэт к дровянику, Анни наверх. Лавиния, всё так же не глядя на управляющего, обернулась к окну. Во дворе уже яблоку негде было упасть. Дом большой, даже без левого крыла уж как-нибудь женщин да детей впихнем, подумалось ей, а вот мужчины...

— Что, совсем нет м-места больше?

Управляющий, пожевав губами, не очень уверенно подтвердил, что совсем.

— Разве только бойцы посочувствуют, — добавил он после короткой заминки. — Может, кого-то на стену да в башни возьмут — тех, что из старых служак, меж крестьянами таких много. Не приведи боги, сгодятся на дело, если вдруг что! А прочих... — умолкнув на миг, он устало рубанул воздух ладонью: — А прочие не растают, не сахарные! Бивачных костров есть где разложить — что во дворе, что в садах, поместье обширное. Уж как-нибудь распределим, ваше сиятельство! Только насчет стены надо с командиром гарнизона решать, а мне не по чину, бойцам один маркиз Д'Алваро приказывать может.

Лавиния подняла на него глаза.

— А я? Меня они станут с-слушать?

— Как иначе, ваше сиятельство? Вы хозяйка. Здесь всё ваше, и гарнизон тоже... Прикажете заняться кострами?

— Да, — сказала Лавиния. — И пошлите кого-нибудь в лес, дров нам не хватит, а надо много. Женщин с детьми велите собрать перед домом — как комнаты будут готовы, мы примем... С командиром гарнизона я п-поговорю.

— Как будет угодно, ваше сиятельство.

Управляющий склонился в коротком поклоне и вышел.

Третьей заставой уже почти целиком завладел огонь. Он полз по стенам, устремляясь к сторожевым башням, лизал промерзшую землю, извергая кверху клубы удушливого черного дыма, а сверху сыпались всё новые снаряды. Хрупкие пузатые колбы, полные ядовитой горючей смеси, летели с неба и, разбиваясь, вспыхивали пламенем — хвала богам и первому алхимику Геона, теперь было известно, как можно его погасить. «Да что с того проку? Там, верно, у каждого по целой торбе ядер к седлу приторочено! — в бессильной злости подумал Астор. — Тут прибили — получите свежего!..»

Почувствовав ударивший в спину поток воздуха, хранитель второй заставы рывком развернул дракона, одновременно выстреливая копьем прямо в грудь подобравшемуся сзади и неосторожно открывшемуся вражескому штурмовику. Тот, вскинувшись, заревел от боли и по кривой ушел вниз. Еще один есть. Астор пригнулся к седлу, двойным ударом колена понуждая Неро подняться выше. Вильнул телом вбок, уходя от летящего копья, отразил собственным еще одно и пустил дракона в восходящий штопор. Неро, расшвыривая противника, винтом врубился в серый огрызающийся клубок у башни, что заседал на четверку наездников третьей заставы, и, разбив его, ушел в небо.

Поднявшись на десять взмахов, хранитель придержал зверя, давая ему отдых. Потом перевесился через седло, глянул вниз и выругался: поджигатели взялись за четвертую заставу. А со стороны пустоши всё перло и пёрло. Прав Карлос, им нужен центр — и коридор пошире... «А все заставы пустыми не оставишь», — скрипя зубами, подумал Астор, переводя взгляд на собственную. Там нападение схлынуло — еще когда со стороны девятой, восьмой и седьмой на помощь центру пришли три десятка свежих хвостов, каждый при двух седоках. Просьбу хранителя первой заставы поняли буквально, посадив к наездникам вторыми номерами стрелков, однако решение вышло мудрое. У наездника всего две руки, и в одной из них повод, а для того же арбалета нужны обе... «Жаль, мне самому это в голову не пришло, — запоздало подосадовал маркиз. — Меньше бы потеряли. Хотя если б не Карлос, и тем бы не отделались». Он выпрямился и хлопнул дракона по шее.

— Что, Неро, выдохнул? Давай вниз.

Штурмовик, нагнув голову, сложил крылья, и наездник приник к седлу. С первой заставы подмоги пришло немного, но там один хранитель стоил десятка, так что бойцы Д'Алваро отбились быстро — а вот их соседям не повезло. Третьей и четвертой пришлось солонее всех с самого начала, и даже инициатива барона Д'Освальдо положения не улучшила: на этом участке Данзар бил тараном. И стянул туда, кажется, чуть ли не полк — это только драконами... Проклятый туман! Как по заказу! Астор снова выругался, мазнув взглядом по пустоши. Белесая мгла шевелилась, волнами выплескивая к стенам третьей и четвертой застав отряд за отрядом. «Словно из прохудившейся бочки лезут, — в сердцах подумал маркиз. — Как только остальные заставы убереглись?..» Эта мысль, промелькнув в голове, потревожила тень какого-то неосознанного, неясного подозрения, но в следующую секунду Неро уже врубился во встречную волну неприятеля, и его наезднику сделалось не до того. Копье ожило в ладони. Мелькнул где-то справа и пропал в рычащем чешуйчатом облаке Онза с Карлосом на спине, следом метнулась тройка бойцов первой заставы. С закладывающим уши ревом пронесся над головой штурмовик капрала Рамоса — такой же бесстрашный и без царя в голове, как его наездник. Снизу, поднырнув под брюхом Неро, в дюйме от его левого крыла вхолостую щелкнул тяжелыми челюстями серый данзарский дракон — и, получив по глазам когтистой лапой, взвыл, отшатнувшись. «Сюда бы Саэту, — отметил Астор, вонзая копье в грудь ослепшего зверя, — она тебя, дурня, вообще без головы бы оставила». Острие копья, пробив кость, с коротким чавкающим звуком вошло в грудину. Штурмовик захрипел, суча лапами. У левого уха маркиза стремительно вжикнул метательный нож, и Неро, почуяв угрозу, изогнулся дугой. Щелкнули зубы, наездник подыхающего дракона с коротким вскриком повалился спиной на содрогающийся чешуйчатый хребет, лишившись руки, а уже вновь вскинувший копье Астор застыл: у седла, под безвольно повисшей в стремени ногой, он увидел бугрящуюся кожаную торбу. Колбы с горючей смесью! «И если всё это сейчас грянется оземь...»

— Неро! — глухо рыкнул маркиз. — Вдогон! Хватай!

Черный штурмовик, согласно всхрипнув в ответ, рванулся за падающим серым.

— Быстрее! Хватай же, ну!

Зверь, сложив крылья, выпустил когти. Рывок, мимо, еще один — почти достал... Есть! Челюсти Неро сомкнулись на горле собрата, распахнутые крылья тяжело, часто затрепыхались — обвисшая туша, размерами с него самого, потянула к земле.

— Держи! — велел Астор. Не оборачиваясь, метнул копьё в пикирующего справа вражеского штурмовика и, выхватив кинжал, опасно перевесился через седло. Тяжелый, демон, только бы Неро сдюжил!.. Лезвие ударило по крепежному ремню, взрезая сыромятную кожу, угрожающе зазвенели друг о друга тонкие стенки смертоносных шаров — и рука хранителя стиснула горловину торбы.

— Бросай, — выдохнул он. Штурмовик с облегчением разжал зубы, и убитый дракон мешком ухнул вниз, во двор третьей заставы. Слава богам, успели! Астор выпрямился, натягивая повод.

— Неро, вверх! Змеей!

Дракон, виляя из стороны в сторону, принялся стремительно набирать высоту. Астор пристроил торбу между колен и распустил шнур на горловине. По самый верх набита, то-то бы полыхнуло! Он запустил руку в мешок и сжал пальцами шершавый стеклянный шар.

— Умно придумали, сволочи, — пробормотал он, извлекая сферу, внутри которой перекачивалась густая черная жижа. — Не выскользнет, если вдруг что...

Неро издал глухой горловой рык и дал резкий крен вправо. Наездника тряхнуло в седле, звякнули склянки в торбе, и вскинувший голову Астор, даже не успев подумать, что будет, если хоть одна из них разобьется, едва успел пригнуться к драконьей шее — над головой пронесся стремительный желто-зеленый вихрь. Ухнул вниз, заложил петлю, пущенной стрелой сверкнул под крылом... «Легкая кавалерия подоспела, — понял маркиз, вертя головой. — Демоны!»

На заставы Данзар бросил тяжелых штурмовиков, но драконы-разведчики у него тоже были. И сейчас вокруг огрызающегося Неро Астор насчитал их почти полдюжины. «Изведут зверя на мыло, стянут петлю, и мы сами грохнемся — вместе со всем добром», — подумал хранитель, сжимая в ладони стеклянный шар. Копье осталось внизу, в боку одного из вражеских драконов, на арбалет не было времени, а ножами этих жужелиц только смешить, дай боги хоть одного по косой заденешь. Он придержал свободной рукой поползшую по седлу вниз торбу и прищурился, краем глаза отметив рванувшийся навстречу зеленый стрекочущий смерч.

— Неро, подпусти, — шепнул он, чуть отводя плечо в сторону. И досчитав до трех, резко выбросил вперед руку. Блеснула во тьме пузатая склянка, хрустко затрещало стекло — и вражеский разведчик, приняв прямо в грудь что есть силы пущенный снаряд, с пронзительным воем обратился в пылающий сгусток пламени. Остальные, уже сужавшие круг, сыпанули в стороны. Астор торжествующе хмыкнул. «Полезная дрянь, — одобрительно подумал он, глядя вслед бегущему развед-отряду. Снаряды для арбалетов нового образца тоже были огневые, но по части ущерба противнику вчистую проигрывали стеклянным шарам. — А если штурмовика?.. Возьмет целиком?» Он, прищурившись, глянул вниз. На третьей заставе кипел ожесточенный бой, четвертая тоже уже всюю полыхала, а в небе над ними обеими было тесно от драконов, серых и черных. Нет, понял Астор, слишком близко сошлись, в чужого метнешь — трех своих зацепишь. Он перевел взгляд на стену. Прут

носорогами, твари данзарские... «Зато своих там уж точно не будет», — подумал он, сгребая повод в кулак.

— Неро! К стене! Облаком!

Штурмовик, расправив крылья, мягко пошел влево и вниз.

Барон Д'Освальдо, рубящийся с краю над третьей заставой, увидел бесшумно пронесшуюся над головой тень цвета сажи и знакомое лицо, на краткий миг мелькнувшее в прорехе крыла. Неро?

— Астор! Куда?! — крикнул он, яростным выпадом отражая удар вражеского наездника и толчком колена бросая Онзу в восходящий штопор. — Астор!..

Друг даже не обернулся. А Неро, лавируя меж огрызающихся собратьев, забрал вверх, к левой сторожевой башне, обогнул по дуге метнувшегося навстречу серого штурмовика и, перемахнув через стену, исчез в тумане. Да он ума решился! Что он делает?! Барон, выругавшись, натянул поводья, разворачивая Онзу. И завертел головой, лихорадочно выискивая в густой каше из крыльев, спин и смазанных пятен лиц хоть одно знакомое. Оно нашлось не сразу, но всё же нашлось.

— Рамос! — гаркнул Д'Освальдо. — Ко мне! Быстро!

Капрал, в отличие от полковника Д'Алваро, услышал и поспешил на призыв: авторитет хранителя первой заставы распространялся не только на его собственных бойцов, и все знали, что просто так он приказы не отдает. Вырвавшись из окружения, Рамос взмыл вверх и осадил взмыленного дракона у самого бока Онзы.

— Так точно, ваше высокоблагородие, здесь! — выдохнул он, приподнимаясь на стременах. Барон тяжело и коротко мотнул головой за стену.

— Твой хранитель ушел туда. Только что. Один. Лети вдогон, найди — не прикроешь, так вытащишь... По прямой от третьей, от самых ворот — пошел!..

— Так точно! — гаркнул капрал. Ткнул коленями в бока своего зверя и с места увел его в крутое пике, вскоре скрывшись в густом молочном мареве. Наездники второй заставы не задавали вопросов. И в том, что Рамос костью ляжет, а командира найдет, барон Д'Освальдо не сомневался. Знать бы еще, что вдруг Астора понесло к демону в пасть!

Хранитель первой заставы, подняв дракона еще повыше, впился напряженным взглядом в копошащуюся неприятелем насыпь за стеной. В ключьях тумана ему почудилась слабая желтая вспышка, потом еще одна и еще. «Чтоб тебя! — в бессильной ярости подумал барон. — Под обстрел попал? Сбили?» Он мельком обернулся на своих. Рамос боец что надо, да справится ли? Самому бы пойти, но как заставы оставишь, на честном слове ведь держатся... Карлос стиснул в сведенном кулаке повод.

— Онза! — хрипло скомандовал он. — Назад! В штопор!

Штурмовик, взрыкнув, сложил крылья и повернул обратно к третьей заставе. До ее внешней стены оставалось всего с полсотни локтей, когда стрелки, толкущиеся у зубцов, одновременно стянулись к центру — и почти сразу от башен один к другому рванулись по дуге два ослепительных световых шара. С треском столкнувшись, они слились в одну дрожащую сферу и тут же распались на дюжину искрящихся шаровых молний. Магия. «Наконец-то!» — про себя выдохнул барон, прикрыв ладонью глаза. Уровень штатных магов границы он знал, пусть даром не владел, — да и пришли творцы молний из башен, через сигнальный канал.

Долгожданное подкрепление прибыло.

Когда Рамос нашел своего командира в тумане, хранитель второй заставы уже почти истощил запас трофейной торбы: у него оставалось всего четыре стеклянных шара. Остальные нашли свои цели, и только два пропали зря — после Астор пристрелялся. Почти дюжина тяжелых данзарских штурмовиков, разбитый и деморализованный строй пехоты, две оружейных телеги, не до конца собранная баллиста... Неро, слившись с ночью, тенью скользил во мгле, а его наездник вершил свое черное дело, забираясь всё дальше и дальше. Астор слышал шум со стороны заставных бастионов, сквозь туман видел, как за спиной вдруг ярко осветилось небо, и понял, что столица все-таки дала ответ — а раз так, торопиться назад пока нет нужды. Там Д'Освальдо, Вэйделл, Лофтон — хранитель четвертой заставы, там стрелки и маги, справятся без него. Здесь же — густая спасительная дымка и враг, не ждущий удара в спину. И осталось еще четыре шара. «Уж я найду, куда их пристроить», — мстительно шурясь, думал Астор, рея на брющем над ползущей вперед, от хребта, обозной колонной. Неро вновь была дана команда «облаком», и громоздкий штурмовик, распахнув крылья, невидимый ни для кого парил в белесом киселе тумана. Даже если кто-нибудь из обозных и заметил бы черную тень высоко над головой, он решил бы, что это проглянул вдруг клочок неба.

Хранитель второй заставы, лелея под рукой наполненный горючей смесью шар, вытянул шею, силясь разглядеть хвост колонны, и приподнялся в седле: замыкающее конное охранение уже было видно, а сразу за ним в молочной мгле начинали медленно проступать высокие древки знамен и штандартов — полковых, дивизионных, и было их много. Гораздо больше, чем южная граница могла сдержать. Астор застыл, позабыв про шар в вздетой руке. Две дивизии, четыре полка... «Быть того не может! — пронеслось в голове. — В глазах у меня двоится, что ли?»

Неро под седлом тихо заурчал, выгибая шею и кося желтым глазом куда-то вбок. Маркиз, очнувшись, быстро повернул голову. Стиснул пальцами позабытую сферу, уже готовясь метнуть, но вовремя опустил руку: из тумана им с Неро навстречу скользнула черная тень.

— Рамос? — хранитель второй заставы свел брови на переносице. — Что ты здесь делаешь? Граница...

— На замке, командир, — успокоил тот. Два штурмовика, обнюхав друг другу морды, встали крыло к крылу. — Подмога подошла, жаль, только маги, дракона в воронку не запихнешь. Но Мидлхейм на третью лучших боевиков прислал, и вроде еще на подходе — уж теперь у Данзара задница подгорит! Меня первый хранитель за вами послал. Прикрыть, если вдруг что.

— Лучше тумана и ты не прикроешь, — Астор вновь обернулся к мерно покачивающимся штандартам впереди и шевельнул плечом. — Смотри туда. Видишь?

Капрал, приподнявшись на стременах, крикнул. В его темных глазах промелькнуло изумление.

— Откуда? — вырвалось у него. — Да как они успели-то сюда за три часа?! Одно дело — драконы, но два пехотных полка!..

— Именно, — непонятно хмурясь, проронил хранитель. — Тут что-то не то, Рамос. И они торопятся, очень торопятся — там, у застав... На, держи!

Тряхнув головой, он запустил в торбу вторую руку и протянул капралу на раскрытых ладонях два стеклянных шара. Рамос понимающе хмыкнул — на партизанскую деятельность

командира он, пока добирался, уже успел наглядеться.

— Дельная штука, — обронил он, осторожно принимая хрупкие склянки и рассовывая их по карманам мундира. — Нам бы таких!

— Будут, — предрек Астор, тоже пряча в карманах два последних шара. — Попусту не бей, оставь на крайний случай, вдруг назад прорываться придется. А теперь вот что, Рамос, — бери правый край, я возьму левый, и поглядим поближе, что они нам привели. Да смотри, тише! Там, над завесой, жужелиц кишмя кишит.

— Видел уж, — согласно прогудел капрал, морща нос. К данзарским драконам-разведчикам у него еще с войны был длинный счет. — Сделаем, ваше высокоблагородие!

Астор кивнул, оба наездника одновременно тронули поводья, и штурмовики мягко разошлись в стороны. Капрал Рамос, как было велено, увел своего зверя направо, по длинной дуге, держась на полтора роста ниже края туманной завесы. Вверху, тонко стрекоча, стрижами носились данзарские разведчики, снизу ползли обозы, верховые, тяжело текла река пехоты в кирпично-коричневых, цвета земли, мундирах... Иногда среди них мелькали красные мундиры офицеров и черные — боевых магов. «А этих-то всего ничего! — торжествующе отметил про себя Рамос. — У нас теперь вдвое больше будет!»

Подумал — и осекся. А ведь и правда, магов уж слишком мало. «И бомбардиров нет, — вдруг понял он, на миг вскинув глаза к небу. — Ни одного, сплошь штурмовики да жужла зеленая! Это в глобальном-то наступлении?»

— Венто, — шепнул он, пригнувшись к самой драконьей шее. — Дай-ка ласточку!

Капрал чуть натянул повод левой рукой, и штурмовик послушно пошел зигзагом, то опускаясь, то вновь поднимаясь вверх, легко обходя высоко поднятые древки знамен и редко встречающихся на пути одиноких драконов воздушного охранения. Последнего было — одно название. То ли всех на заставы бросили, то ли... Мысли капрала споткнулись.

— Ниже, Венто, — бросил он, впившись взглядом в огни длинной пешей колонны. — Еще ниже... Демоны! Вот же хитрые твари!

Туман Данзару нужен был не для того, чтобы подобраться к границе незамеченным. Туман скрывал пустоту. Дивизионные и полковые штандарты, далеко растянутые цепи факелов — всё это был обман, под яркой чешуей ядовитого аспида скрывался обыкновенный уж. Главные силы уже были брошены в бой. «Они торопятся, очень торопятся» — всплыл в голове голос полковника Д'Алваро, и Рамос беззвучно выругался. Не на пустом месте-то в штурмовую атаку пошли!

С левого фланга, там, где скрылся во мгле хранитель второй заставы, раздался приглушенный расстоянием грохот, треск и хриплый драконий рев. Неро?.. Капрал, резко обернувшись, приподнялся в седле. В густом молоке завесы полыхнула ярко-желтая вспышка. Снова взревел штурмовик хранителя. Над самой головой, невидимые в тумане, пронеслись несколько данзарских разведчиков. «Полковник! — обмер Рамос, вонзая шпоры в бока своего зверя. — Сцапали, выродки!»

— Венто, штопор! — глухо рыкнул он, ослабив поводья. — Прямым насквозь! Быстро!..

Впереди опять полыхнуло — уже синевато-багровым. Дракон капрала с коротким горловым всхрапом взлетел на воздушной волне, заложил винтовой и пущенным арбалетным болтом ушел в плотный кисель тумана.

Королевский дворец Мидлхейма освещен был как днем. Везде горели свечи, повсюду сновали люди. Весть о вторжении разнеслась по нему быстрее лесного пожара, и в первый же час не осталось здесь ни одного человека, кто не был бы на ногах.

В малом зале заседаний, душном, переполненном, не смолкал гул голосов. Вокруг длинного стола, во главе которого сидела королева Геона, толпилось с полсотни особо причастных — остальных впускать не велели. Ворота в город, во избежание паники, был отдан приказ закрыть, придворных из числа дам и тех, кто по долгу службы не имел отношения к делу, разогнали по личным покоям, у входа в малый зал дежурил целый взвод гвардейцев, но дворец всё равно гудел и сотрясался. Весь корпус магистра щита был поднят по тревоге. Сам магистр, склонившись над картой по правую руку ее величества, что-то упрямо и сердито втолковывал второму заместителю верховного мага — тот в ответ только сунул брови. Напротив них, слева от Стефании Первой, так же склонились над столом верховный маг, наследный принц и граф Бервик. Лицо принца, лишённое всегдашней улыбки, было бледным и хмурым. За его спиной Первый маршал, возглавляющий боевой генералитет, одно за другим принимал спешные донесения сигнальных гонцов. Шум стоял невообразимый.

Кендал эль Хаарт переступил через порог малого зала и склонился в поклоне перед королевой. Та коротко кивнула в ответ, вскинув на него вопросительный взгляд, и толкущиеся у стола, заметив это, расступились, давая дорогу первому алхимику Геона. Герцога вызвали срочным гонцом практически сразу, как прибыло первое донесение с южной границы, а спустя полчаса весь его корпус тоже уже был на месте — хранителям юга требовалось не только оружие. Впрочем, относительно последнего, принимая во внимание данзарские колбы с горючей смесью, алхимику тоже было что сказать.

— Первая партия готова к отправке, ваше величество, — приблизившись к столу, доложил он. — Двадцать пять ящиков. Мы бы рады дать больше, но корпус и так работает на пределе возможностей.

— Благодарю, магистр, — отозвалась Стефания, взглянув на поднявшего голову магистра щита. — Граф Рексфорд, распорядитесь сей же час переправить взрывные шары на границу. Если окажется недостаточно...

— Мы готовим следующую партию, — правильно истолковав сделанную королевой короткую паузу, сказал Кендал эль Хаарт. — Но на это потребуется еще не меньше часа.

— Милостью богов, продержатся пока на том, что есть, — обронил магистр щита и, обернувшись через плечо, позвал: — Эванс!

К нему шагнул кто-то из заместителей. Отдав распоряжения, касавшиеся отправки ящиков с горючими колбами, граф отошел. Первый алхимик вновь склонил голову перед государыней:

— Прежде чем я вернусь в корпус, ваше величество, — не будет ли еще каких-либо указаний? Эликсиры и всё, что требуется для врачевания раненых, я уже велел присовокупить к партии шаров.

— Благодарю, магистр, — рассеянно кивнув, повторила королева. Внимание ее сейчас было сосредоточено на левой стороне стола, где вполголоса о чем-то спорили верховный маг и наследный принц Геона. — Можете идти. Вам сообщат, если...

Стефания Первая, не договорив, повернулась к спорщикам. Кендал эль Хаарт скользнул взглядом по их напряженным лицам, выражающим одинаково сильное недовольство друг другом, прислушался, но ни слова не смог разобрать, поэтому коротко поклонился ее величеству и развернулся к дверям. Через несколько шагов толпа мундиров вновь сошлась у стола за его спиной. Гвардейцы слаженным движением распахнули створки.

— Кендал, погоди! — донеслось позади сквозь несмолкаемый гомон голосов, и магистр щита присоединился к соратнику. — Мне тоже в корпус, пройдемся...

— Я думал воронкой, — сказал алхимик. — С галереи, там сейчас пусто.

— Знаю. Пешком не набегаешься, — Рексфорд передернул плечами и мимолетно обернулся на уже сомкнувшиеся за спиной двери в малый зал. На лице его отразилось угрюмое раздражение. Герцог это заметил, но промолчал. Плечо к плечу магистры быстрым шагом прошли по пустынному коридору и свернули на галерею. Там и впрямь не было ни души. В лицо его светлости приятно дохнуло холодом.

— Все так плохо, Айрон? — негромко спросил он, приостанавливаясь у перил. Магистр щита, вновь сердито передернув плечами, сгреб с перил пригоршню снега и растер им полыхающее лицо.

— Да, — уронил он. — Горные крепости пасть не успели, как через перевалы повалила данзарская рать. Уже насчитали пять полковых штандартов, три дивизионных и... И одни демоны знают, сколько их лезет еще!

— А разведка?

— Много там разберешь в тумане!.. Юг еще третьего дня накрыла оттепель, в трех шагах ничего не видно, и хранителей прямо к границе прижали, на полмили дальше не сунешься — кто рискнул, там и остался, — граф, умолкнув на миг, свирепо выругался. — А эль Гроув уперся как вол! Мои хоть сейчас готовы уйти на заставы, три сотни лучших боевиков только приказа ждут, а он тянет! Сотню жалкую еле-еле у него выцарапал! Не понимаю!..

Магистр снова выругался и потянулся к перилам. Кендал эль Хаарт, морща лоб, пытливо сощурился. Он вспомнил тревогу в глазах королевы, бледное, нервно подергивающееся лицо наследного принца и упрямо-хмурый тяжелый взгляд верховного мага. Вот, значит, в чем было дело?

— Данзар спустил на южную границу орду штурмовиков, — отрывисто выплевывая слово за словом, говорил между тем Рексфорд, — он пробивает брешь в центре наших застав, а от Туманного хребта ему вот-вот прибудет подмога. Пять полков! Они и без всяких драконов нас опрокинут! Что может моя несчастная сотня?! Отсрочить конец на полчаса-час?.. И, уж прости меня, Кендал, но что толку с твоих ящиков? Какой смысл в этих клятых шарах, если метать их все равно некому? Наездники не могут бросить заставы, их штурмовики — последний заслон юга, а разведчиков уже перебили больше половины — да их и было-то по два хвоста на бастион... Не понимаю! Не понимаю!

Забывшись, граф ударил сжатым кулаком по камню перил и отвернулся.

— Эль Гроув ничего не делает зря, — помолчав, сказал Кендал эль Хаарт. — Я тоже не понимаю, но прояви терпение, Айрон. Никто не позволит Данзару перейти границу.

— Можно подумать, он станет спрашивать!.. — зло прошипел магистр щита. А после, помедлив, с усилием выровнял дыхание и посмотрел на друга. — Нет, Кендал. Пусть терпит кто-нибудь другой, а с меня довольно.

По его раскрасневшемуся от гнева лицу прошла короткая судорога, и оно вдруг стало до неподвижности спокойным. Герцог сдвинул брови.

— Айрон! — охрипшим от волнения голосом выдохнул он. — Не смей! Без приказа, без высочайшего соизволения...

Граф стянул с шеи цепь.

— Приказы хороши до тех пор, пока есть кому их исполнять, — бросил он. — Ты это знаешь. Юг еле держится, Кендал, и коли уж ему суждено пасть, так пусть хоть возьмет с собой побольше гостей!

— Айрон!..

Вместо ответа тот вскинул руки и коротким резким движением вывел в воздухе мерцающий синими искрами остроконечный ромб. Первый алхимик шатнулся вперед, словно стремясь удержать товарища от прыжка в пропасть, но пальцы его нашли пустоту. Магистра щита уже затянула жадная пасть воронки. Тихий хлопок — и на заснеженной галерее Кендал остался один.

Рауль Норт-Ларрлайн бросил взгляд на разложенную перед ним карту. Она вся была испещрена синими, красными и зелеными стрелками, долженствующими показать расположение сил противника и позиции защитников южной границы. Последние даже на бумаге смотрелись неубедительно. А терпение его высочества вот-вот готовилось иссякнуть по примеру магистра щита.

— Нельзя больше ждать, мэтр, — глядя в лицо верховному магу и сдерживаясь из последних сил, повторил принц. — Мы сами подарим границу врагу, как вы не понимаете?

Данстен эль Гроув выдержал его злой, отчаянный взгляд, даже не шевельнув бровью.

— Сборные полки Разнотравья уже выдвинулись к границе, ваше высочество, — напомнил он. — И хранители пока справляются. Время есть.

— Оно есть *у вас!* — сквозь зубы прошипел Рауль. — А юг доживает последние часы — вашими стараниями! Резервный гарнизон уничтожен наполовину, а от лагеря Кинли до Туманного хребта — три пеших перехода! Очнитесь уже наконец, помощь нужна сейчас! Чего вы ждете?!

— Ваше высочество, я ведь уже объяснял. Западная граница...

Рауль не дал ему договорить. Терпеливо-снисходительный тон мэтра, каким обычно родители успокаивают детей, окончательно вывел его из себя.

— Западная граница? — отрывисто переспросил он, расправляя плечи. — Западная граница?! Вокруг нее на мили всё спокойно — или десятый сигнальный гонец вас в этом не убедил?! Сколько можно держаться за вероятность! Или вы готовы пожертвовать целым югом, лишь бы не признавать собственную ошибку?!

— Ваше высочество, уверяю...

Наследный принц, на миг свирепо раздув ноздри, отшатнулся от своего визави и всем корпусом повернулся к королеве.

— Ваше величество! — глухо воскликнул он. — Скажите же наконец свое слово! Счет идет на минуты, мы теряем людей и контроль над ситуацией, а к южной границе вот-вот подойдут данзарские передовые полки!.. Нельзя бездействовать! Позвольте магистру щита отправить хотя бы те три сотни в помощь первой!

Стефания молча переводила взгляд с внука на верховного мага и обратно. Они оба смотрели на нее — первый горящими мольбой и гневом глазами, второй — со спокойной уверенностью, которой она так привыкла доверять. На стороне герцога был опыт, а на стороне принца — ворох донесений с южной границы, которая и впрямь едва держалась. Но

выбрать нужно было что-то одно. Что? Послать столь тщательно оберегаемый магический резерв на юг, как того требовал Рауль, или придержать его, на чем настаивал Данстен, повторяя раз за разом «запад» и «обманный маневр»?

— Ваше величество! Одно лишь слово!..

— Ваше величество, повторяю — пока нет резона торопиться. Бойцы магистра щита в любую минуту могут понадобиться на западе...

Надо выбрать. Надо решить. Стефания шевельнула губами, чувствуя, как на плечи вдруг наваливается усталость. Духота, царящая в малом зале, мешала дышать и думать, путала мысли, а в висках, с каждой секундой становясь все сильнее, пульсировала боль.

— Ваше величество! — голос внука начал странно дробиться эхом, а его лицо, заслонившее свет, медленно расплывалось в глазах. Голова закружилась. Королева вновь шевельнула губами.

— Рауль... — хриплым невнятным вздохом вырвалось из груди. Стефания, задыхаясь, попыталась сказать еще что-то, но не смогла. Зал вокруг потек пестрыми кляксами, шум голосов начал спадать, и уже почти в тишине до королевы донесся испуганный голос внука:

— Ваше величество?!

Ответить не вышло. К лицу прилил жар, слабость от плеч передалась всему телу, в ушах зашумела кровь.

— Пропустите меня, — прозвучал над головой уже другой голос. — Ваше величество! Вы меня слышите?

Чьи-то горячие пальцы коснулись ее ладоней.

— Ваше величество! Прошу, поднимите руку, хотя бы одну... Посмотрите на свет!

Ярко-белое пульсирующее пятно возникло перед глазами. Свет был яркий, но почему-то не ослеплял. «Данстен» — хотела позвать Стефания, но язык отказался ей повиноваться. Голова, раскалывающаяся от боли, закружилась еще сильнее, пальцы рук начали неметь.

— Разойтись! — хрипло рыкнул над головой все тот же властный голос. — Распахнуть окна! Лекарей сюда, быстро! Королеве дурно!

Тишина, сгустившаяся было вокруг, всколыхнулась громкими тревожными выкриками, скрежетом отодвигаемых стульев, скрипом оконных рам и топотом ног. Ловкие пальцы, чуть подрагивая, быстро расстегивали пуговицы на воротнике платья. Горящих щек коснулся приятно холодный сквозняк. Дышать стало легче. Стефания еще раз шевельнула губами в попытке что-то сказать — и обмякла. Не было сил.

— Тише, тише, душа моя, — едва различимо прошелестело у самого ее уха. — Всё хорошо.

Знакомый голос, такой нежный и ласковый, дрожал так же, как пальцы. Нет, не хорошо, подумала Стефания, чувствуя, как множество рук приподнимает ее со всех сторон. Совсем не хорошо... Голова королевы Геона безвольно мотнулась в сторону.

— Осторожнее!

— Где лекарь?.. Дайте что-нибудь — плащ, покрывало, что угодно!

— Осторожнее, осторожнее!

— Второй удар...

— Дайте дорогу!..

— Мэтр эль Гроув! Лекарь здесь!

— Ваше величество... держитесь...

— Ваше высокопревосходительство, новое сообщение с южной границы!

— Дайте дорогу! Госпожу де Вей в королевскую опочивальню!..

— Ваше высочество! Ваше высокопревосходительство! Граница...

— Осторожнее, во имя богов!..

Сонм голосов, напряженных, встревоженных, слился в один непрерывный гул. Отяжелевшие веки сомкнулись.

Главный королевский лекарь, коротко сжав запястье Стефании Первой, выждал несколько мгновений и поднял голову:

— Без чувств, но, слава Танору, жива. Нужно немедленно уложить ее величество в постель, — он взглянул в побелевшее лицо наследного принца, сжимающего в ладонях вторую руку королевы, и мягко улыбнулся: — Прошу вас, ваше высочество... Здесь слишком душно. Обещаю, я сам и мои первые помощники будем при государыне неотлучно. Даже второй удар — еще не приговор.

Рауль Норт-Ларрмайн, кивнув, с видимым усилием разжал пальцы. Он смотрел, как королеву обступают придворные, как ее выносят из малого зала на сорванной с окна занавеси, и всё никак не мог отвести взгляд. «Второй удар». Первым это произнес эль Гроув. И то, что мелькнуло в его лице на какую-то долю секунды, сводило на нет все обещания главного лекаря. «Это конец, — безнадежно подумал Рауль. — Теперь уже точно».

Кто-то тронул его за локоть, и принц, вздрогнув, обернулся.

— Крепитесь, ваше высочество, — тихо сказал Бервик, глядя в глаза другу и повелителю. — Милостью богов, обойдется. Государыня сильнее нас всех вместе взятых, вам ли не знать?

Граф ободряюще сжал пальцами его локоть, и Рауль выдавил из себя кривую улыбку.

— Да, мне ли не знать... — обронил он, отводя взгляд. А после, все-таки взяв себя в руки, выпрямился. Стол позади Бервика уже вновь скрылся за спинами в военных мундирах; шум голосов, было притихший, опять начал набирать силу — все говорили почти одновременно, стараясь перекричать друг друга, толклись у стола, вороша бесполезные карты, размахивали руками... Первый маршал, стоя рядом с опустевшим креслом королевы, бегал глазами по строчкам измятого листа, что держал в руках. Рядом мялись адъютант его высокопревосходительства и кто-то из ординарцев — а чуть в стороне, заложив руки за спину и уставившись в пол, стоял герцог эль Гроув. Напротив него, также опустив глаза, замер Доуэл Прайт. Первый помощник верховного мага что-то быстро говорил его светлости, и эль Гроув кивал в ответ, не поднимая головы. Наследный принц отвел от мэтра разом отяжелевший взгляд и расправил плечи.

— Новое донесение с южной границы? — спросил он, разворачиваясь к столу и беря курс на Первого маршала. Бервик кивнул:

— Да, ваше высочество. Дела совсем плохи.

Тот молча кивнул. Провожаемый десятками глаз, миновал плотную стену спин, приблизился к пустому креслу и одним движением отодвинул его в сторону.

— Господин маршал, — спокойно сказал он, опуская ладони на лакированную столешницу. — Доложите обстановку.

Его высокопревосходительство, оторвавшись от чтения, поспешно выпрямился.

— Мы потеряли одного хранителя, ваше высочество, еще двое выведены из строя и не могут сражаться. Враг вот-вот прорвет оборону. Воздушное крыло генерала Бартона, два пехотных полка и кавалерия Разнотравья выступили на Туманный хребет, но доберутся дай

боги только через два дня. Резервный полк уничтожен. Юг просит помощи.

Рауль Норт-Ларрлайн кивнул снова.

— Западная граница?.. — спросил он, мазнув невидящим взглядом по обернувшемуся в его сторону верховному магу. Первый маршал неопределенно шевельнул плечами:

— Четверть часа назад был гонец. На западе без изменений.

— Хорошо. Дайте ответ южным хранителям — пусть держатся. Помощь будет. Где магистр щита?

Маршал и присные заозирались вокруг себя.

— Только что был здесь, ваше высочество...

— Граф, — коротко велел принц, — найдите магистра. Он говорил о трех сотнях, готовых к отправке, — пусть выдвигаются немедленно.

— Будет исполнено, ваше высочество, — поклонился Бервик. Кивнул одному из застывших у стены наизготовку буревестников, сыну барона Тауни и номеру Четвертому в общем списке, и уже шагнул было в его сторону, но плотный строй мундиров колыхнулся вправо, заслоняя дорогу, а в наступившей вдруг тревожной тишине послышались мягкие неторопливые шаги.

— Искать нет нужды, — сказал верховный маг, приблизившись к столу. — Магистр щита сейчас у себя в корпусе. Можете не торопиться, граф, — Рексфорда взяли при попытке втихую переправить полторы сотни боевиков на южную границу, не дожидаясь приказа. Мне велеть привести его сюда?

Принц неприятно сощурился.

— Не привести, а сопроводить, мэтр, — отозвался он. — И только после того, как он завершит начатое, добавив к тем ста пятидесяти бойцам еще столько же, как планировал. Граф Бервик проследит за этим лично. Граф! Идите воронкой, так будет быстрее.

— Как прикажете, ваше высочество, — отозвался тот. Те, кто стоял перед ним, разошлись, освобождая дорогу, и его сиятельство вместе с номером Четвертым скрылись за дверью в углу, полускрытой бархатной занавесью. Верховный маг покачал головой.

— Вы делаете большую ошибку, ваше высочество, — глядя в лицо наследному принцу, серьезно и грустно проронил он. — Боюсь, она дорого обойдется Геону.

Рауль Норт-Ларрлайн едва заметно нахмурился.

— Вы полагаете, мэтр? Дороже, чем *уже* обошлось всем нам ваше пустое упрямство?..

Холодно глядя на герцога, принц шевельнул плечом в сторону опустевшего кресла и увидел, как во взгляде, устремленном на него из-под кустистых бровей, промелькнуло всё то же непонятное, пугающее выражение загнанной обреченности. Данстен эль Гроув опустил голову.

— Что ж, — без выражения обронил он, — поступайте как знаете, ваше высочество.

Рауль развернулся к Первому маршалу.

— Думаю... — начал он, но фразы своей так и не закончил. Неприметная дверца в углу, за которой только что исчезли Бервик и его подручный, с треском распахнулась, явив взору присутствующих Франко Д'Ориана. Гвардейцы ближнего круга его высочества стояли на приемке депеш в смежных покоях: сигнальные гонцы прибывали туда, а доставленные ими донесения Франко передавал адъютантам его высокопревосходительства — ни гонцам, ни ему самому в малом зале делать было нечего. Однако теперь он был здесь, и за плечом его, судя по форменному камзолу, топтался очередной вестник. Наверяд ли добрый. «Опоздали!.. — стрелой пронеслось в голове Рауля. — Данзар опрокинул юг!..» Судя по

лицам близстоящих, все они подумали ровно же самое. И лишь один Первый маршал, прищурившись, вдруг подобрался — сигнальный гонец был в обычном для штатных магов сером камзоле, но на черном шевроне его правого рукава вместо языка пламени цвел эдельвейс.

Это был символ хранителей запада.

Опыт вновь восторжествовал над молодостью — предчувствие верховного мага не обмануло, и его мрачные пророчества всё же сбылись. Оттянув внимание Геона к южной границе, Данзар нанес соседу второй, куда более сокрушительный удар — по цепи его западных бастионов. Флот числом без малого в триста кораблей, беспрепятственно миновав пролив Саари, пересек Алое море, достиг рубежей северо-западной оконечности континента и, укрыв паруса, в четвертом часу утра словно из воздуха возник у входа в Китовую бухту. По счастливому стечению обстоятельств, как раз перед этим в бухту вошли три корабля пограничной стражи, возвращавшиеся из рейда и ведущие с собой два взятых на абордаж контрабандистских парусника: обнаружив за спиной флот неприятеля, командир патруля принял решение встретить его грудью. Судна контрабандистов затопили на входе в бухту, оставшиеся корабли развернули, а один из штатных магов, сопровождавших рейд, ушел воронкой в порт. Сообщил коменданту, передал по цепочке на заставы и той же воронкой вернулся к своим — увы, на верную смерть. Никто из тех, чей подвиг дал западной границе несколько драгоценных минут времени, не выжил в короткой ожесточенной схватке — включая контрабандистов, храбро сражавшихся плечом к плечу с теми, кто всего час назад надел на них кандалы. Однако продвижение данзарского флота, пусть ненадолго, было замедлено. Комендант порта успел зажечь склады и доки, затрудняя высадку и лишая врага возможных трофеев, а всем заставам дан был красный сигнал. Наездники запада успели выстроить драконов в боевом порядке, успели отправить гонца в ближайший военный лагерь и дать знать второму резервному гарнизону, стоявшему в ожидании между линией застав и поместьями — но больше они не успели ничего. Застрявшие в горловине бухты данзарские корабли распахнули трюмы, и плотная серая туча накрыла прибрежную полосу: первая сотня мачт, идущая во главе флота, оказалась с секретом. Лавина штурмовиков хлынула через стену. И было их пусть не без счета, но всё равно неизмеримо больше, чем заставных драконов. Западные хранители, предупрежденные о возможном вторжении, были готовы — но не к такому.

— Граница взята, — торопливо докладывал Первый маршал, скользя взглядом по неровным, сползающим к краю листа строчкам донесения. — Ее смели единым духом в четверть часа. Подсчет примерный, но Данзар привел на запад около тысячи хвостов. В основном штурмовики... Одновременное радиальное наступление по всем заставам... Предали огню... Оставшиеся хранители отступают к поместьям под прикрытием второго резервного...

— «Оставшиеся»? — подал голос принц.

— Точно ничего не известно, ваше высочество, но на четыре центральные был нанесен основной удар, и оттуда не ушел никто, вероятно... вероятно, как минимум четыре хранителя...

Рауль Норт-Ларрлайн сжал кулаки. Четыре — из десяти! Почти половина!

— Резервный гарнизон стрелков?.. — хрипло спросил он, уже зная, что услышит в ответ.

— Уничтожен вместе с заставами практически полностью.

— Второй резервный?..

— Пока цел, прикрывает хранителей. Сигнал в лагерь отправить успели, ответ получен: обе воздушных группы снялись немедленно. Четыре крыла, ваше высочество, по сотне хвостов — плюс двадцать бомбардиров и сотня второго резервного. В атаке на стену Данзар потерял около трех сотен только штурмовиками, так что учитывая скорое подкрепление из лагеря в Динсморе, дальше поместий враг вряд ли прорвется. Следом за крыльями идут кавалерия и пехота.

Принц отстраненно кивнул. «Пехота против полутысячной драконьей армии — ничто, — подумал он. — И от кавалерии мало проку, разве только усилить оборону поместий. Но четыре крыла — это четыре сотни драконов, еще сто уже на месте, а от лагеря Динсмор до западных бастионов один пеший переход, и тот неполный. Вот только Данзар не одних драконов привел!»

Рауль нахмурил брови.

— Что с флотом? — спросил он, исподлобья взглянув на верховного мага. Данстен эль Гроув, всё так же не поднимая головы и заложив руки за спину, молча внимал Первому маршалу. Вся его застывшая в неподвижности приземистая фигура словно говорила: «Я предупреждал — но вы не захотели слушать».

Первый маршал заглянул в конец листа.

— Неизвестно, ваше высочество, — сказал он. — Данных нет. Комендант сжег порт и стянул к пристани весь наличный состав морской пограничной стражи, но там двадцать-тридцать легких кораблей, стало быть...

Он не закончил фразы, да это уже и не требовалось. Два-три десятка против трех сотен? «Скорее всего, уже все отправились вслед первому патрулю. И Данзар вот-вот высадится на побережье», — подумал Рауль, нервно дернув щекой, — только чтобы не заскрипеть зубами. Да, Птицелов и здесь оказался прав. Бойцы магистра щита западу были нужнее.

— Литтон! — отрывисто позвал принц. Еще один из буревестников Бервика, номер Шестой, с готовностью шагнул к столу. — Лети в боевой корпус. Найди графа и передай, чтобы остановил отправку боевиков на южную границу. Если уже ушло больше полсотни — остаток вернуть и послать на запад. Скажи, заставы пали, пусть идут через резервные точки в поместьях хранителей.

— Будет исполнено, ваше высочество, — коротко склонился в поклоне тот, исчезая за дверью. Наследный принц Геона, сделав над собой усилие, медленно повернул голову в сторону верховного мага.

— Приношу свои извинения, мэтр, — после паузы произнес он. — И за недоверие к вашему опыту, и за обвинение в том, к чему вы не имели касательства.

Герцог эль Гроув, помедлив, поднял голову.

— Я понимаю ваше волнение о судьбе Геона, ваше высочество, — мягко ответил он, глядя в лицо наследному принцу. — И всецело разделяю его. Поверьте, я бы тоже хотел ошибиться...

«Все-таки не удержался, — с досадой подумал Рауль. — Что за человек!..» Верховный маг ткнул принца носом в его ошибку, и все, разумеется, это поняли. Но не тот был момент, чтобы выяснять отношения, — а такого союзника, как Птицелов, и вовсе терять не стоило.

— Рад это слышать, мэтр, — проговорил Рауль, смирив раздражение. — Однако ваше беспокойство о западной границе оказалось не напрасным — теперь мы зажаты между

молотом и наковальней. Рискну предположить, что и это не стало для вас сюрпризом?

— В некотором роде, ваше высочество. Хотя, признаться, я всё же не предполагал такого массивного наступления на юге.

Это был реверанс в сторону будущего короля, частично извиняющий недавнее «тыканье носом». Очевидно, терять союзника верховному магу не хотелось тоже. Рауль, приняв это к сведению, кивнул.

— Однако, — ненадолго умолкнув, продолжил герцог, — нам не дано проникнуть в замыслы богов. И ваше решение все-таки оставить югу уже отправленные ему полсотни боевых магов я поддерживаю, ваше высочество. Надеюсь, хранителям это хоть скольконибудь поможет. Но что касается запада... Нельзя допустить, чтобы драконы Данзара смели вслед за заставами еще и поместья. Враг не должен прорваться в долину. Нужно помочь западным хранителям продержаться эти несколько часов до подхода воздушных частей из Динсмора. Двух с половиной сотен магистра щита не хватит.

Наследный принц сощурился на мгновение.

— Согласен, — сказал он. — Значит, придется изыскивать резервы. Еще около сотни боевиков, полагаю, королевский магический корпус дать сможет. По десятку-другому можно подтянуть с ближних перевалов...

Он, задумавшись, умолк. Верховный маг открыл рот, собираясь что-то сказать, но тут дверь в углу зала снова хлопнула.

— Срочное донесение с южной границы! — громко провозгласил запыхавшийся адъютант, вручая Первому маршалу очередную депешу. Его высокопревосходительство развернул свиток, пробежал глазами — и хмурое лицо его изумилось.

— Быть не может! — вырвалось у него. Рауль резко передернул плечами:

— Что еще, господин маршал? Очередная граница пала?

— Никак нет, ваше высочество, — промычал тот, не отрываясь от донесения. — Но одному из защитников юга удалось пробраться во вражеский тыл и... и...

— И? — подал голос верховный маг. — Доложите по форме! Что нашел лазутчик?

Его высокопревосходительство нетвердой рукой протянул лист наследному принцу.

— Ничего, — словно бы сам себе не веря, выдохнул он. — Ничего! Глобальное наступление на юге — липа! Пользуясь туманом, передовые данзарские части ввели хранителей в заблуждение, полковые штандарты идут без полков, от дивизий одни знамена да несколько сотен пехотинцев, боевых магов всего ничего, бомбардиров нет вообще, а большинство осадных орудий — наскоро сколоченные муляжи! Всё это видимость! Реальны только драконы, которых первыми спустили на бастионы!

Эль Гроув метнул быстрый взгляд на его высочество, поймал в ответ короткий кивок, и лицо его просветлело.

— Значит, — медленно протянул он, выпрямляясь, — юг отобьется сам.

— Должен, — сказал принц. — Господин маршал! Мы отзываем с южной границы бойцов магистра щита — всех, кто на ногах и может сражаться. Их нужно немедленно перенаправить на запад. Хранителям юга отдайте приказ перейти от обороны к наступлению — командующим операцией назначьте подполковника Д'Освальдо, если еще жив. Если нет, пусть хранители выберут сами.

— Так точно, ваше высочество. А резерв из Разнотравья?..

— Пусть следует утвержденным курсом.

— Будет исполнено, ваше высочество, — вытянулся маршал и шагнул в сторону,

мановением руки подзывая к себе кого-то из адъютантов. Верховный маг с некоторым сомнением кашлянул.

— Я полностью поддерживаю ваше решение относительно южной границы, ваше высочество, — осторожно сказал он. — Но что касается резерва — не лучше ли будет развернуть его на запад?

Рауль Норт-Ларрлайн качнул головой.

— Нет, мэтр, — сказал он. — Это бессмысленно, до западной границы полки Разнотравья доберутся в лучшем случае через несколько недель, а защитники юга понесли большие потери. Мы обязаны их прикрыть — кроме того, еще неизвестно, что скрывается по ту сторону Туманного хребта. Горные крепости взяты. Хорошо, если малыми силами, а если нет?

— Резонно, — вынужденно согласился эль Гроув. И пытливо заглянул в прищуренные глаза принца: — Но, полагаю, это не единственная причина, ваше высочество?

— Нет, мэтр, — повторил тот. — Не единственная. Вы оказались правы в отношении нашей западной границы — а раз так, не удивлюсь, если это только первая ласточка. Бар-Шабба пропустила через пролив триста мачт, пропустит и больше. А держать по обе стороны континента две равные по силе армии Данзар не может, обман на южной границе это только подтверждает. Полки Разнотравья уже в пути. Они поддержат хранителей юга, зачистят пустошь и вернут Геону его горные крепости — и если по ту сторону границы они не найдут соразмеримой армии, уже не нам, но Мэйнард Второму придется сражаться на два фронта сразу!

За окном понемногу занимался рассвет. Он был бледный, по-зимнему серенький и неторопливый, но пустынная подъездная аллея с каждой минутой всё больше выступала из темноты. Нейл вгляделся в конец аллеи, вздохнул и отнял заледеневшие ладони от подоконника. Потом обернулся на дремлющую в кресле мать и протяжно зевнул. Его тоже клонило в сон. Молодой человек прислушался к тишине, бросил взгляд на часы — половина седьмого, скоро начнут собираться слуги, а отца всё нет и нет. «Неужели правда? — который раз за эту долгую ночь подумал он. — Неужели война?..» Хмурясь, Нейл вернулся к камину, поворошил кочергой едва тлеющие угли и подбросил в очаг еще три полешка. Щелкнул пальцами, помогая пламени разгореться, задумчиво качнул головой...

Он родился в конце последней войны, но был слишком мал, чтобы помнить ее, да и Белой усадьбы она совсем не коснулась. Конечно, Нейл читал о ней и немало слышал — в основном от магистра щита, что любил за кофе и бренди вспоминать дни былых сражений. Герцог эль Хаарт этим воспоминаниям не препятствовал, но свои собственные держал при себе. «Ничего в той войне нет хорошего, Нейлар, — как-то сказал он сыну. — Только кровь да смерть. Человечество не желает учиться на своих ошибках, а жажда власти и золота, боюсь, неискоренима — останься на всем белом свете последний десяток людей, они и тогда найдут повод сцепиться в драке... Может, и впрямь такова наша природа, не мне судить. Но одно я знаю твердо — худой мир лучше доброй войны, потому что доброй она не бывает». Нейл вспомнил слова отца, и перед глазами его вновь встал охваченный пламенем берег Бар-Шаббы и разлетающиеся в щепки корабли. А ведь это была еще не война!

Кочерга, глухо лязгнув, царапнула каминную решетку, и в кресле за спиной сына потревоженно зашевелилась Вивиан эль Хаарт. Подняла упавшую на грудь голову, несколько раз моргнула, просыпаясь, и с трудом подавила зевок.

— Нейл? — пробормотала она. — Который час?

— Почти семь, — сказал он, поднимаясь. И подойдя к герцогине, взял ее за руку. — Ты бы ложилась, мама. Отец, может быть, еще нес скоро вернется, а ты уже и сидишь с трудом...

Упоминание о муже заставило Вивиан беспокойно нахмуриться. Выпрямившись в кресле, она взглянула в серьезное лицо сына и сжала пальцами его руку:

— Так до сих пор никаких вестей? И даже записки?

— Нет, — Нейл, качнув головой, ободряюще улыбнулся. — Но это не повод так себя изводить, мама. Мало ли зачем первый алхимик мог понадобиться во дворце?.. Случись что из ряда вон выходящее, отец обязательно сообщил бы, ты ведь его знаешь! Иди отдыхай, я дождусь его сам.

Вивиан тихонько вздохнула в ответ. Она действительно чувствовала себя совершенно разбитой. Ночной гонец от верховного мага поднял на ноги весь дом в начале второго ночи — сначала главу караула, а потом и самих хозяев. Ничего не объясняя, он ненадолго уединился в библиотеке с его светлостью, но о чем они там говорили, для всех прочих осталось тайной. Из библиотеки герцог эль Хаарт вышел построжевший и очень собранный, на встревоженные расспросы домашних коротко отговорился «служебной необходимостью», сменил халат на черный камзол магистра и вместе с гонцом исчез в воронке. Что случилось, Вивиан с Нейлом так и не поняли. Но, не сговариваясь, оделись и друг за другом спустились в гостиную — с твердым намерением дождаться возвращения отца и мужа. «Однако уже

утро, — подумала Вивиан, взглянув на часы. — И ничего!..»

— Что-то случилось, Нейл, — сказала она. — Я чувствую. Нет, лучше уж я все-таки дождусь твоего отца!

— Право же, мама...

— Нет, и не уговаривай. Я знаю, он не захочет меня будить после бессонной ночи, а мне нужно знать!

Она упрямо тряхнула головой, и Нейл растерянно умолк — ему еще не приходилось видеть мать в таком взвинченном состоянии. Однако выглядела она плохо, а отец в последнее время так беспокоится о ее здоровье и всё время повторяет, что ее нельзя волновать... Только поди переспорь эль Хаарта! «Мы иной раз еще хуже всех Д'Алваро вместе взятых, — подумал он. — Как там отец говорит — не умеем проигрывать?» Молодой человек вздохнул про себя и опустился на корточки возле кресла.

— Ты не спала почти сутки, мама, — терпеливо сказал он, глядя на нее снизу вверх. — Как хочешь, но так нельзя. И отца твоя бледность совсем не обрадует — а ночь у него, похоже, и без того не задалась... Пожалуйста, поспи хоть немного. Если отец не захочет тебя будить — я сам разбужу. Обещаю!

Вивиан, колеблясь, посмотрела на сына. Вид у него был уставший и сонный, но обещания свои он всегда держал. Его так учили. «Где же Кендал? — подумала герцогиня. — Только бы всё было благополучно!» Мимолетно нахмурившись, она подавила вздох и склонилась к сыну.

— Тебе тоже не помешает прилечь, — все-таки сдавшись, сказала Вивиан, целуя его в лоб. Нейл улыбнулся.

— Дождусь отца и лягу, — пообещал он, поднимаясь и протягивая матери руку. — Не беспокойся, мама. Отдыхай. Добрых снов.

Она улыбнулась в ответ утомленной улыбкой и вышла из гостиной. Нейл, стоя в дверях, проводил ее взглядом, дождался, когда за матерью закроется дверь спальни — и зевнул во весь рот. Оглянулся было в сторону широкого дивана у стены, но вовремя вспомнил хитрый маневр госпожи Делани, тот, полуторагодичной давности, и взял себя в руки. Нужно взбодриться, сам себе сказал он. Крепкий кофе как раз подойдет. А если отец не появится и после завтрака, всегда можно подняться в детскую — уж Мелвин с его неумной энергией мертвого разбудит!.. Одобрительно кивнув своим мыслям, Нейл прошел по темному коридору в кухню, сварил кофе и, отнеся его в жарко натопленную гостиную, вновь подошел к окну. Утро уже разгорелось. Где же отец?..

Часы в холле гулко и торжественно пробили семь раз, а следом в конце заснеженной подъездной аллеи показалась закутанная в плащи вереница слуг. Молодой человек, подавшись вперед, пристально взгляделся в их румяные от мороза лица: кухарка, недовольно хмурясь, за что-то отчитывала двух своих помощниц, по совместительству родных племянниц, а статный лакей, придерживая под локоток хихикающую горничную, с самой умильной физиономией что-то нашептывал ей на ушко. «Кажется, — отстраненно заметил Нейл, глядя на эту парочку, — скоро нам понадобится новая горничная. Вон как Анре разобрало!» Насмешливо фыркнув, старший сын герцога эль Хаарта отошел от окна. Судя по той же прислуге, что бы ни случилось во дворце прошлой ночью, столица об этом еще не знает. А значит есть шанс, пусть небольшой, что угроза войны пока так и останется просто угрозой...

Придвинув кофейный столик поближе к камину, Нейл опустился в отцовское кресло,

закинул ноги на пуф и взял в руки чашечку с кофе. Сделал большой глоток, поморщился — он больше любил чай — и устоял в огонь. Что же все-таки стряслось во дворце посреди ночи? И сочтет ли нужным отец рассказать ему об этом? «Может, стоит скататься к Райану? — подумал молодой человек, хмурясь. — Что-то всё же неладно, тут мама права... А Райан знать должен: если не как сын магистра щита, то уж как буреветник — точно!»

Опустошив чашечку, Нейл вновь наклонил над ней кофейник. Номер Второй, получивший при бегстве из Бар-Шаббы серьезное ранение в грудь, на поправку шел медленно и отчего дома пока что не покидал. Ему только неделю назад разрешили вставать с постели — однако остальным «номерам» повезло больше, и Нейл, заезжая проведать товарища, каждый раз встречал у него кого-то из буреветников. Чаще всего — Шестого с Четвертым. Иногда Пятого. Третий в лице Зигги обычно приезжал вместе с Нейлом, но никогда не оставался надолго, торопился домой. «Теперь уж скоро, — говорил он другу, глядя на него своими добрыми, печальными глазами, и Нейл опускал голову, понимая, что он имеет в виду. — А когда гром грянет, всех буреветников, наверное, пошлют на фронт — пускай даже в штаб, но какая разница? Я хочу подольше побыть с родными». Зигги был единственным магом в семье, но отец с матерью, как и сестры, души в нем не чаяли. Он отвечал им тем же, лишь пару раз в неделю в компании Нейла выезжая проведать Райана, а будь его воля, так, верно, и вовсе не казал бы носу на улицу — но увы. Как товарищ Райан бы его понял, а вот как номер Второй — нет... Нейлу, в отличие от Зигги, не вменялись в обязанность регулярные посещения, но он ездил тоже. Скорее из чувства вины, нежели по дружбе — вернуть утраченное доверие оказалось не так-то просто. Однако Райан пострадал там, на берегу, из-за него: не отстань тогда Нейл от группы, вполне возможно, адепты Геона успели бы уйти тихо. И пусть сам Рексфорд только отмахивался всякий раз, стоило младшему товарищу заикнуться об этом, сознание, что друг едва не заплатил жизнью за его неуместную инициативу, тяготило Нейла. Поэтому дважды в неделю, как по расписанию, он являлся в дом магистра щита и сидел там по несколько часов кряду, давая из себя дружеское участие — нет, ему правда было жаль Райана, и совесть его грызла тоже непритворно, но с гораздо большим удовольствием он, по примеру Зигги, остался бы дома.

Нейл сделал еще глоток крепкого черного кофе и, прикрыв веки, откинулся затылком на высокий подголовник кресла. В памяти его опять встали черные скалы Бар-Шаббы, затянутое облаками небо, цепь кораблей морской пограничной стражи — и два дракона, накрывшие ее тенью распахнутых крыл. Он не был уверен, что у него получится, однако получилось — фантомы разбили строй, и адептам Геона удалось прорваться за купол, к неровной гряде полускрытых водой мелких островов, где их уже ждали. Как и обещал Райан, дорога домой не заняла много времени: сначала их всех переправили на побережье, потом — в Аморет, а оттуда уже напрямик в столицу. Воронками, по резервным каналам от одной точки выхода к другой они пересекли континент и закончили свой путь в королевском госпитале Мидлхейма. Там тоже ждали — агенты тайной канцелярии, бойцы магистра щита с ним самим во главе — о состоянии сына графу уже сообщили — и, конечно, взвод лекарей с батареей эликсиров наперевес, предводительствуемый первым алхимиком Геона. Адепт эль Хаарт, вслед за предыдущим соучеником шагнувший из воронки, болезненно сощурился от яркого света и почти сразу почувствовал, как чьи-то руки стиснули его плечи.

— Нейлар! — услышал он голос отца. В нем сквозила радость и неприкрытое облегчение. Нейл поднял вверх слезящиеся глаза.

— Отец, — сказал он, глядя в серое от пережитых волнений лицо его светлости. — Я

вернулся.

Герцог, на краткий миг прижав сына к себе, чуть отстранился и окинул его быстрым, внимательным взглядом:

— Что с лицом? У тебя синяк во весь лоб.

— Так, камнем задело. Не беспокойтесь, отец, всё в порядке.

— Голова кружится?..

— Самую малость, больше болит.

Первый алхимик обернулся к шеренге врачей.

— Лешан! — позвал он. — Займитесь этим молодым человеком. Проверьте, нет ли контузии, — он перевел взгляд на сына и добавил: — Как мэтр закончит, подожди меня там, у окна, я скоро. Последний десяток остался, и поедем домой.

Закончили с приемкой адептов и вправду быстро. Несколько человек осталось в госпитале, включая Райана Рексфорда, а прочих, как Нейла, отправили по домам. Мэтр Лешан диагностировал сильный ушиб, голова у Нейла в тряском экипаже разболелась еще сильнее, так что расспросы пришлось отложить на потом: приехав домой, беглый адепт с порога отправился в постель и проспал целые сутки, придя в себя лишь ранним утром воскресенья. До завтрака оставался добрый час с четвертью, у прислуги был выходной, герцогиня, госпожа Делани и младший брат еще спали — но Нейл не сомневался, что отца он найдет бодрствующим. Герцог эль Хаарт всегда поднимался с рассветом.

На цыпочках прошмыгнув мимо детской, молодой человек остановился у двери в спальню отца и негромко постучал.

— Входите, — немедленно донеслось с той стороны. — А, Нейлар! Проснулся, наконец! Как твоя голова?

— Доброе утро, отец, — Нейл шагнул через порог и плотно прикрыл за собой дверь. Герцог, судя по мокрым волосам, только закончил утренний туалет и как раз застегивал домашний камзол. — С головой всё хорошо.

— Присядь, я тебя осмотрю, — сказал его светлость, кивнув на стул у окна. Размотал повязку на лбу сына, удовлетворенно кивнул, вернул ее на место и поднял руку: — Следи за пальцами. Только глазами, Нейлар, головой вертеть не надо... Так... Так... Хорошо. Милостью богов, ты отделался легким испугом. Кто же это такой меткий, хотел бы я знать?

Нейл потупился.

— Я, — смущенно признался он. — «Небесным громом» мост обрушил, а про щит забыл, вот и прилетело... Отец! А Райан? С ним совсем плохо?

— Ранение тяжелое, — кивнул герцог, выпрямляясь, — но, слава Танору, жизни твоего друга ничего не грозит. Думаю, дня через три отцу позволят забрать его домой. Не волнуйся, Райан человек крепкий, поправится.

Нейл, выдохнув про себя, улыбнулся. Первая новость была хорошая. Еще бы вторая оказалась не хуже, подумал он, прикидывая, как бы так аккуратнее перейти к диверсии в Даккарае.

— Отец!.. — начал молодой человек и, оробев, умолк. Первый алхимик вопросительно шевельнул бровью:

— Ты хочешь узнать еще о ком-то, Нейлар?

Нейл поднял голову и, встретившись взглядом с отцом, кивнул. Но спросить не успел — ответ пришел раньше.

— С ней всё в порядке, — услышал он спокойный голос его светлости. — В списках

убитых кадета Д'Элтар нет, в списках раненых — тоже.

Конец фразы ушел в пустоту, и Нейл, едва успевший повторно выдохнуть, насторожился. Как оказалось, не зря.

— Жаль, эти списки не были единственными, — помолчав, сказал герцог. — Но еще один, последний, огласке было решено не предавать. Нет-нет, юная баронесса жива, даже относительно здорова, однако... Видишь ли, Нейлар, многих из тех, кого не задело сталь и огонь, нашла иная сила.

— Маги? — обмирая, выдохнул Нейл. Лицо его светлости помрачнело.

— Всего один, хвала богам, иначе Даккараю пришлось бы куда как хуже. Но, к сожалению, кадету Д'Элтар и того хватило. Их обоих, баронессу и мага-диверсанта, нашли на одной из крыш в какой-то паре локтей друг от друга — его мертвым, а ее без чувств и выпитой на две трети. Пока неясно, что там произошло, девушка еще не пришла в сознание, но, полагаю, всему виной трагическая случайность. Поле боя было окутано густым дымом, и ни зверь, ни его наездник вовремя не заметили угрозы: скорее всего, дракон, внезапно почуввав в опасной близости от себя открытый источник силы, разнервничался и сбросил девушку, а та угодила прямо в руки магу. Не знаю, почему он не убил ее сразу — может, решил сначала пополнить резерв, но так или иначе промедление оказалось для него фатальным. Судя по рваным ранам от когтей, полученным покойным незадолго до смерти, дракон кадета Д'Элтар, вернувшийся за ней, сбил мага с ног в паре шагов от его предполагаемой жертвы и отшвырнул в сторону — на один из стальных шипов крыши. К счастью для баронессы, смерть диверсанта была мгновенной. Сейчас она находится в школьном лазарете под надлежащим присмотром, и силы ее потихоньку восстанавливаются.

Нейл, обессиленно прикрыв глаза, откинулся на спинку стула.

— Слава Танору, — пробормотал он. Его светлость задумчиво качнул головой.

— Да, — обронил он. — Хотя за свое чудесное спасение баронесса в первую очередь должна благодарить своего дракона — и тебя.

— Меня?..

Герцог развел руками.

— Сопротивляемость магии, Нейлар, — напомнил он. — Я ведь уже говорил тебе. Врожденной она не бывает, но, благоприобретенная, сохраняется надолго — даже в отсутствие привычного раздражителя. То, что убило бы другого наездника, лишь погрузило госпожу Д'Элтар в глубокий сон. А не расстанься вы перед этим на целый год, она бы и двух дней не провела в лазарете.

— Если б можно было сохранить барьер на всю жизнь!.. — вырвалось у Нейла. Его светлость понимающе склонил голову:

— Это было бы замечательно. Но увы. Хотя история помнит такие примеры, они слишком редки и все как один связаны с Запретным островом — куда, по совести, ни магу, ни лишенному дара соваться не следует.

Снизу, из холла, донесся приглушенный бой часов. Герцог оправил манжеты и улыбнулся сыну.

— Твоя мать вчера весь день не отходила от твоей постели, — сказал он. — И, думаю, будет рада, если ты заглянешь к ней перед завтраком. Наверняка она уже проснулась... Только прошу, постарайся не слишком расстраивать ее своими недавними подвигами на поле брани. Они и меня чуть не довели до могилы.

Нейл уперся сконфуженным взглядом в пол.

— Простите, отец, — неловко пробормотал он, оставляя стул. — Конечно, я понимаю. Я что-нибудь придумаю.

Герцогине эль Хаарт была рассказана байка о некстати подвернувшейся ноге и злонамеренных прибрежных валунах, сын был прижат к материнскому сердцу, пострадавший лоб в утешение поцелован, и всё обошлось...

А теперь? Обойдется ли?

Со стороны кухни аппетитно потянуло обжаренными в масле гренками и грудинкой с дымком. В животе заурчало. Нейл, с отвращением покосившись на поднос, заставил себя все-таки опрокинуть еще пару чашечек и, зевая, поднялся с кресла — в его мягких объятиях да у камина бороться с дремотой выходило плохо. «Прогуляюсь по саду, — решил молодой человек. — Хоть немного взбодрюсь до завтрака — а то на полный желудок меня уж точно сморит без всяких диванов... Да где же отец? Почему так долго? Боги-хранители, только бы не война!»

Герцог эль Хаарт вернулся домой лишь к обеду, и все надежды Нейла на то, что «служебная необходимость» имела отношение лишь к работе алхимического корпуса, пошли прахом. Смертельно уставший, бледный от недосыпа и нервов магистр с трудом осилил тарелку супа, ненадолго поднялся к супруге, а после, перед тем как уйти к себе, все-таки внял молчаливой мольбе в глазах сына.

— Твоей матери я рассказал не всё и без подробностей, — сказал он, повернув ключ в двери библиотеки и для верности накрыв ее защитным куполом. — Хотя, конечно, скоро и они станут достоянием общественности... Сядем, Нейлар. Признаться, я почти не чувствую ног, а к половине шестого мне нужно вернуться во дворец.

«Опять?!» — про себя возмутился Нейл, с любящей жалостью глядя в осунувшееся, с запавшими щеками, лицо отца. Но в ответ только кивнул. И, подвинув его светлости кресло, следом за ним опустился в соседнее.

— Боюсь, мне нечем тебя порадовать, — помолчав, вновь заговорил герцог. — Сегодня после полуночи Данзар нарушил все соглашения, уничтожив наши горные крепости на Туманном хребте и едва не взяв южную границу. Хвала богам, сил на это у него все-таки не хватило, юг отбил, пускай и не без потерь. А вот западу не повезло: его заставные бастионы пали все как один, в живых из десяти хранителей осталось только четверо, поместья устояли чудом. Если бы не резервный гарнизон, корпус магистра щита и подкрепление из Динсмора, успевшее подойти едва ли не в последний момент, долина Клевера сейчас была бы вся занята неприятелем. Данзар привел флот в три сотни кораблей, набитых пехотой, и почти тысячу драконов.

— Тысячу!.. — меняясь в лице, потрясенно выдохнул Нейл. Герцог устало опустил веки.

— Около трети они потеряли при штурме застав, — сказал он. — Но и с тем, что осталось, защитникам запада пришлось повозиться. Сейчас ситуацию более или менее удалось стабилизировать, обе армии стоят друг напротив друга на подступах к долине — силы примерно равны, а бойцы одинаково измотаны... Но порт и вход в Китовую бухту достались врагу, и есть все основания предполагать, что со дня на день к нему придут подкрепления. Пролив Саари, через который пришел данзарский флот, полностью под контролем Бар-Шаббы.

Его светлость умолк, а Нейл медленно выпрямился.

— То есть, — пробормотал он, — вы хотите сказать...

— Да, Нейлар. Мы очень вовремя успели вывезти вас — наш дипломатический корпус в Бар-Шаббе взят под стражу, а выставленная Геоном нота протеста осталась без ответа. Архимаг ясно дал понять, на чьей он стороне.

— Немыслимо!

— Увы, как раз напротив, — герцог растер пальцами виски. — Мы ожидали чего-то подобного, разве что не так скоро. Ответные меры приняты, представители Бар-Шаббы, равно как и Данзара, отправлены в Последний предел, жаль только, делу это уже никак не поможет. Это война, Нейлар. Сегодня перед вечерней службой его высочество объявит об этом всенародно.

Нейл, сосредоточенно хмуриющий брови, моргнул.

— Его высочество?..

— У ее величества нынешней ночью был второй удар. К несчастью, на этот раз шансов подняться боги ей не дают: я говорил с главным дворцовым лекарем, и его прогнозы весьма неутешительны.

— Боги-хранители!

— Мы уповаем на них, — протяжно вздохнул первый алхимик, — но, рассчитывать, как всегда, можем лишь на себя... Информация о тяжелом состоянии королевы пока не разглашается, так что ни твоей матери, ни кому-либо еще об этом знать не нужно — надеюсь, я могу на тебя положиться, Нейлар?

— Конечно, отец, — с готовностью кивнул тот. И тут же сникнув, добавил тихо: — В голове не укладывается. Война! Это витало в воздухе, но...

Он, умолкнув, бессильно всплеснул руками. Кендал эль Хаарт невесело усмехнулся. А потом, тяжело опершись на подлокотники, встал.

— В такое всегда трудно поверить, мой мальчик, — сказал он, коснувшись ладонью плеча сына. — Но я рад, что хотя бы ты теперь дома.

— Да, отец, — сказал Нейл. — Я тоже... И даже если б нас не вывезли из Бар-Шаббы, всё равно бы оттуда сбежал!

Это прозвучало с такой наивной самоуверенностью молодости, что по лицу его светлости непроизвольно скользнула улыбка.

— Сбежал? И как же? — спросил он, чуть приподняв брови. — Верхом на овеществленном фантоме?..

Почувствовав, как напряглось под рукой плечо сына, герцог добродушно качнул головой и щелкнул пальцами, снимая с библиотеки защитный купол.

— Я устал, Нейлар. О фантомах и прочем поговорим как-нибудь потом. Вели Анре разбудить меня в половине пятого.

— Да, отец, — повторил Нейл. И уже глядя в спину его светлости, тихо напутствовал, как недавно напутствовал мать: — Отдыхай. Добрых снов...

О нападении ближайшего соседа на южные и западные рубежи Геона было объявлено тем же вечером. Рауль Норт-Ларрлайн в присутствии послов союзных держав обратился к своему народу с крыльца главного храма Танора, и его короткая речь произвела впечатление на каждого, кто ее слышал. Наследный принц говорил о мире как о величайшем благе для всего человечества — и о соглашениях, которые в одночасье были грубо разорваны. Он говорил о ценности каждой жизни для себя лично и для всего Геона — и о том, как Данзар пренебрег этой ценностью, послав своих же солдат умирать на чужой земле. Говорил о

потерях — не называя конкретных цифр, однако давая понять, что будь они даже во сто крат меньше, Геон всё равно не оставил бы их без ответа... О королеве, чьего отсутствия нельзя было не заметить, его высочество в своей речи упомянул тоже.

— Ее величество потрясена вероломством того, кого полагала равным себе в единственной миссии истинного монарха — служении своему народу, — с оттенком душевной печали сказал Рауль Норт-Ларрмайн. — Весть о вторжении явилась для государыни глубоко личным горем, и сегодня она не нашла в себе сил даже покинуть дворец — поэтому говорит сейчас моими устами, вместе со мной скорбя о потерянном мире... Война, которой никто из нас не хотел и которую нам навязали, объявлена — но не Геон нарушил слово, ударив в спину тому, кто ему доверился, а значит, наше дело правое! Доблестные хранители юга с честью отбили атаку на свои заставы, щит наших крыльев сдержал штурм на западе, и если завтра враг пойдет с севера или востока, мы найдем, чем его встретить. Геон никогда не брал чужого — но и своего он никому не отдаст!

Нейл прочел об этом в вечерней газете: герцогу эль Хаарту пришлось открыть жене, какая угроза нависла над всем Геоном, и он попросил сына в этот вечер остаться с матерью. Нейл не очень понял, зачем — герцогиня восприняла дурную весть на удивление спокойно, но возразить отцу не решился. Хотя ему, конечно, хотелось своими глазами увидеть запруженную людьми площадь, так красочно описанную в передовице «Огней Мидлхейма», и самому услышать речь принца. Однако пришлось ограничиться газетной статьей.

«Вокруг яблоку было негде упасть — к храму Танора нынче стекло, кажется, всё население столицы, — прочел Нейл не без зависти. — Люди, затаив дыхание, ловили каждое слово, слетавшее с губ его высочества, а на обращенных к нему лицах я видел одно и то же выражение — тревоги, беспокойства и вместе с тем негасимой надежды. Да, никто не хочет новой войны! Но мы еще помним те, что были до нее, — и ни в одной из них Геон, ведомый твердой рукой Норт-Ларрмайна, не остался с клеймом проигравшего!..» Нейл, вздохнув про себя, закрыл газету. Дальше автор статьи пространно и довольно пафосно живописал доблесть защитников юга и запада, а об этом сыну первого алхимика и так было известно. Он только просмотрел список убитых хранителей южной границы (имени маркиза Д'Алваро в нем не значилось) и, памятуя о матери, отправил газету в камин. Правда, эта предосторожность оказалась бессмысленной — следующим утром уже все столичные издания пестрели словом «война». Прислуга ходила тихая, словно пришибленная, герцог эль Хаарт, вернувшийся домой за полночь, вновь исчез еще до завтрака, госпожа Делани печалилась, лишь герцогиня эль Хаарт, чье спокойствие так оберегали домашние, выглядела скорее задумчивой, чем встревоженной. Нейлу в какой-то момент даже пришло в голову, что ожидала мать совсем другой вест, в сравнении с которой война была не такой уж и катастрофой...

На третий день своего заточения во благо непонятно чего Нейл, пользуясь отсутствием его светлости, скатался в город, к Райану. Больше уже по привычке и без особого толку — в доме магистра щита всё так же толклись «номера», сам Райан, хмурый и неразговорчивый, едва заметил друга, а Зигги так и вовсе не было. Просидев у товарища с полчаса, Нейл не без внутреннего облегчения откланялся. Думал заехать к де Шелоу, но от идеи этой в конце концов отказался — зная Зигги, общение наверняка быстро бы свелось к монологу, сплошь состоящему из одних причитаний. Нейл служить жилеткой сейчас не был готов, так что просто вернулся домой.

В конце недели, уже с разрешения отца, он снова оставил восточный пригород ради

столицы — и был неприятно удивлен произошедшим в ней переменам. Мидлхейм знакомо гудел, по его улицам всё так же сновали люди, однако среди них всё больше встречались военные мундиры. Щегольских экипажей на мостовых поубавилось, ленивые городские, взбодрившись в одночасье, обходили свои владения, чеканя шаг, а в Печатном квартале, где располагались редакции всех столичных газет, было не протолкнуться. Последнее, правда, объяснялось просто: пусть дыхание войны здесь, в самом центре Геона, еще не чувствовалось, однако на западе две армии всё так же стояли друг напротив друга, изредка схлестываясь малыми силами на пограничной меже, а на юге резервные войска Разнотравья, укомплектованные свежим корпусом стрелков, штурмовали Туманный хребет, и Мидлхейм напряженно прислушивался к эху, долетавшему то с одной стороны, то с другой... Невесело было в столице.

К Райану Нейл не поехал, но к Зигмунду в этот раз всё же завернул. Нынче вечером первый алхимик не планировал задерживаться во дворце, они с сыном уговорились в семь часов встретиться на Парковой аллее, чтобы вместе поехать домой, а на часах было только начало пятого, так что времени у Нейла в запасе оставалось еще предостаточно. Он думал, Зигги составит ему компанию у Лусетиуса, в его знаменитой курильне, однако де Шелоу предпочел остаться дома.

— Нет у меня настроения, Нейл, — кисло сказал он другу. — Ни на что, веришь ли? Я и к Райану уж неделю не ездил... Эта война! Этот Данзар!..

Зигги всплеснул своими пухлыми ручками и отвернулся, но чуткое ухо товарища уловило в его голосе знакомую тоску, относящуюся совсем к иному предмету. Окинув взглядом поникшую фигуру де Шелоу, Нейл качнул головой.

— Что, Зигги, — сочувственно спросил он, — от ее светлости до сих пор никаких вестей?

Зигмунд глухо, потерянно вздохнул.

— Нет, — отозвался он, так и не повернув головы. — Да уж, верно, теперь и не будет. Та диверсия... Ты ведь знаешь, что там были маги, с той, другой стороны... Райан сказал, герцогиня не была ранена, но силой ее задело. И теперь она боится меня, Нейл! Я знаю, я чувствую — боится! А ведь я... разве я хоть когда-нибудь, даже в мыслях...

Голос его предательски дрогнул. Нейл, тронутый горем товарища, принялся было его утешать, но не преуспел и вскоре откланялся. По его мнению, которое, разумеется, он Зигги озвучивать не стал, герцогиня эль Тэйтана поступила правильно. Да, может быть, жестоко — но правильно. «Взять бы кое-кому с нее пример!» — пасмурно подумал Нейл, вспомнив подругу.

Ворота городской резиденции маркиза де Шелоу затворились у него за спиной, и молодой человек, оказавшись на тротуаре, поднял руку, призывая наемный экипаж. Был еще разгар буднего дня, так что ждать долго не пришлось, почти сразу напротив остановился маленький крытый возок с фонарем на облучке. Нейл сел, велел ехать на Парковую, к дому Лусетиуса, и вновь вернулся мыслями к Сандре — со дня диверсии в Даккарае она совсем не шла у него из головы. Даже несмотря на уверения отца в том, что с кадетом Д'Элтар всё в порядке (теперь лазарет был уже позади, и она давно вернулась в строй), тянущее беспокойство никак не желало оставить Нейла. А с объявлением войны стало еще хуже. Разумеется, он понимал, что Кассандра лишь месяц назад перешла на второй курс военной школы, а неопытных, едва вставших на крыло кадетов никто не пошлет на фронт, но спокойствия ему это понимание отчего-то не приносило. «Лучше бы замуж за того дуболома

вышла, ей-богу! — думал Нейл, невидящим взглядом уставившись в окошко экипажа. — Что я был за дурак — и с этим фантомом, и с этими бревнами!..»

Экипаж остановился у крыльца длинного беленого дома с зелеными ставнями, молодой человек кинул вознице монету и взбежал по ступенькам. Обедал он дома, так что есть ему пока не хотелось, а отца придется подождать — за шааширом время пройдет быстрее. Кивнув узнавшему его швейцару в передней, Нейл поднялся по лестнице на второй этаж и спросил себе отдельный кабинет. В общей зале, несмотря на понедельник, полно было народу. Шустрый распорядитель курильни кивнул, осведомился насчет заказа и препоручил гостя кому-то из подавальщиков; Нейла проводили в небольшую комнатку, всю усыпанную мягкими подушками, принесли шаашир на молоке и пряных травах, графин фруктовой воды — и оставили одного.

Зигги жаль, думал Нейл, откинувшись на подушки и покусывая мундштук, но ведь он всё понимает. Конечно, сейчас он несчастен, но это пройдет. Герцогиня была права, оборвав переписку. А Сандра? Ее ничему не научил тот случай в библиотеке, есть ли надежда, что диверсия все же научит? «Одно дело я, — вдыхая горячий пар, размышлял Нейл. — И совсем другое — чужая сила, чье прикосновение не было случайным! Может, хотя бы теперь она поняла?..» Темные брови молодого человека неясно нахмурились. Он год за годом пытался втолковать подружке, что такое дар и насколько он опасен — однако сейчас, когда сама жизнь всё расставила по местам, вместо радости он ощущал лишь всё то же грызущее беспокойство.

Отец предположил, что диверсант хотел пополнить резерв за счет не способного сопротивляться кадета. Слава Танору, Антару и тому решительному дракону, у мага ничего не вышло — но неужели так вообще можно? Не в честном бою, защищая свою или чужую жизнь, а просто чтоб незначительно поднять уровень — взять и выпить беспомощного человека как стакан воды?.. Кем надо быть для этого? Нейл, прикусив зубами мундштук, запрокинул голову к потолку и прикрыл глаза. «А темное серебро?» — подумал он. Ан Фарайя назвал его «жизнью, которую забирают силой». Разве это по сути не то же самое? Несчастные, опустившиеся женщины ходят по краю от безысходности, но те, кто их покупает — разве они не понимают, что совершают убийство? Отложенное, опосредованное, но убийство! С серебром или нет, с согласия жертвы или против ее воли... И это не просто низко, это бесчеловечно. Даже если речь идет о войне. Неужели и ему, как боевому магу, придется когда-нибудь поступить так же?

Нейл выпустил вверх длинную струйку пара и чуть шевельнул головой, уловив вдруг легкое, почти неощутимое движение воздуха по ту сторону шаашира. Ноздрей коснулся знакомый запах с нотками пряной горечи белого нуиса, и губы молодого человека дрогнули в ироничной полуулыбке. Легок на помине, подумал Нейл. И сказал, не открывая глаз:

— Здравствуй, Фаиз...

Фаиз ан Фарайя объявился в Мидлхейме пару недель назад. Нейл несколько раз встречал его у Райана — алмарец, не изменяя своим привычкам, являлся в дом магистрата без приглашения, уходил тоже когда хотел, а в промежутке успевал достать до печенок даже невозмутимого Четвертого, которого, пожалуй, и конец света не мог выбить из колеи. Вел себя Фаиз в своей обычной манере, будто все кругом по гроб жизни ему обязаны, нос задирает до крыши, слов не выбирал, а от его высокомерного ехидства уже через пять минут у всех начиналась изжога. Но хуже всего приходилось Рексфорду. Стоило алмарцу появиться на пороге его гостиной, как все наличные «номера» вспоминали о службе, Нейл, из солидарности потерпев с четверть часа, тоже спешил откланяться, Зигги увязывался за ним — и лишь одному Райану деваться было некуда.

— Не понимаю, — как-то сказал товарищу Нейл, — почему ты просто не откажешь этому змею от дома?

— Не могу, — хмуро ответил номер Второй. — Не так всё просто, дружище. Алмара — наш союзник, и Фаиз сюда не только развлекаться ходит.

— Да что тебе, прямо приказали его терпеть?..

— Прямо не прямо, а контакт обязали поддерживать. Думаешь, мне оно в радость? Эта сволочь из кого угодно душу вынет! Но я в некотором роде человек казенный... Да и ан Фарайя, если на то пошло, тоже. Иногда даже он бывает полезен — вспомни хоть Бар-Шаббу, демона лысого мы бы оттуда ушли без него.

— И что теперь, до самой смерти гадости от него выслушивать? — возмутился Нейл. — Еще и в собственном доме!

— А у меня есть выбор? — невесело хмыкнул Райан. — Фаиз работает только на своих условиях — или ты собственное веселое обучение позабыл? Так что тут не до жиру, старина! С паршивой овцы, как говорится, хоть шерсти клок...

Нейл в ответ только передернул плечами. Конечно, ему было проще, номера он не имел и буревестником не был, но явись ан Фарайя со своим гонором в дом не к магистру щита, а к магистру алхимии — уж там его точно терпеть бы не стали!..

Однако здесь был не дом. «И будет мне сейчас на орехи, — уныло подумал Нейл, не поднимая век. — Посидел часок в тишине, называется! Что за демон принес Фаиза сегодня к Лусетиусу?»

Напротив тихо зашуршала парча подушек. Потом раздался короткий смешок — очевидно, мысли Нейла слишком явственно проступили у него на лице — и пыхтение раскуриваемой трубки. Этого еще не хватало! «Отца удар хватит вслед за ее величеством, если он от меня запах нуса учует, — подумал Нейл. — А сколько Фаиз этой дряни курит — так за версту же потом будет нести, не выветришь!..»

— Взял бы вторую трубку к шаашуру, — сказал он, выпрямляясь и все-таки открывая глаза. — Я недавно пришел, угли еще горячие, уж угостил бы, не жалко. Убери ты эту гадость, во имя богов! Двух часов без неё не можешь.

Сидящий напротив в россыпи подушек алмарец пожал плечами.

— Не мочь и не хотеть — разные вещи, — обронил он. И сунув в рот мундштук короткой курительной трубки, насмешливо фыркнул: — Расслабься, святоша. Всё в рамках закона.

Со своей всегдашней ехидной ухмылкой Фаиз потянул из трубки и выпустил прямо в лицо собеседнику неплотное облако дыма. Что удивительно, дурмана в нем действительно не ощущалось: приняхавшись, сын первого алхимика распознал лишь терпкий аромат полыни, чуть отдающий мятной свежестью.

— Надо же, — сухо сказал он. — Не иначе как все медведи в лесу передохли.

— Тебя не поймешь, эль Хаарт, — лениво протянул алмарец, подгребая к себе свободной рукой еще подушек и устраиваясь на них полным царем горы. — И дурман не по вкусу, и полынь не угодила...

— Да кури ты что хочешь, — раздраженно поморщился Нейл, — лишь бы подальше!

— У тебя забыл спросить, где мне быть и что делать, — равнодушно зевнул в ответ ан Фарайя. Пару раз приложился к трубке, пуская колечки к потолку, и добавил: — Где де Шелоу потерял? У Рексфорда вас обоих который день не видно.

— Соскучился? — не удержался от шпильки Нейл. Алмарец фыркнул. — Зигги не в духе. И у нас тут война, если ты вдруг забыл.

— А! Это разве война?

— Ну конечно. Уж ты-то тех войн за свою жизнь повидал — как бы со счета не сбиться, — саркастически заметил Нейл. Отнял от губ мундштук и тоже попытался выдуть колечко, но не сумел — как только они у Фаиза так ловко получают?

— Практика, эль Хаарт, — назидательно донеслось с горы подушек. — Практика! И вкати глаза обратно, чтобы понять, о чем ты думаешь, менталистом быть не надо — у тебя же всё на лице написано. Что к Рексфорду-то носу не кажешь? Он о тебе спрашивал.

— У кого? — вздернул брови Нейл. — У тебя?

Фаиз согласно хохотнул:

— И не говори. Сам не понял, когда это я тебе нянькой сделаться успел. Завтра поедешь?

— Нет.

— А что так? Всё детские обиды на горло дают? Так ты вроде реванш уже взял — на берегу Рексфорду знатно прилетело... И не ему одному, кстати. Где ты шлялся, пока нас в клещи брали? Нет, что с мостом стало, я видел, но ты-то что там делал, герой доморощенный?

Нейл передернул плечами. Одним из безусловных талантов Фаиза было умение с полтычка найти чью-то большую мозоль — и надавить от души.

— Себя спроси, — набычившись, буркнул он. — Меньше надо было в чужой голове копать — я после этих твоих «граней» по темноте за порог спокойно выйти не могу! Через раз кто-то в затылок дышит. Вот я тогда и отстал, чтоб проверить — кажется или нет... Не показалось, как видишь.

Смутное лицо алмарца приняло удивленное выражение. Он опустил трубку, перевернулся на бок и уткнул локоть в подушку.

— погоди, — глядя в сердитые глаза Нейла, недоверчиво уточнил он. — Хочешь сказать, ты чувствуешь слезку? А раньше такое случалось?

— Нет. Говорю же — после тебя началось. И ты как хочешь, но мне это совсем не нравится! Я скоро собственной тени пугаться начну!

Ан Фарайя задумчиво потер мундштуком подбородок. Судя по всему, услышанное его всерьез озадачило.

— Вообще так быть не должно, — хмуря брови, обронил он. — Или я в спешке какую-то

грань не закрыл?..

— Вот спасибо! — возмущенно чихнул Нейл. Фаиз метнул на него раздраженный взгляд:

— Ты-то уж молчал бы. Не спусти ты на меня эту тварь, я вышел бы как положено, и все остались бы при своих. Однако, занятный эффект! И, кстати говоря, небесполезный — но можно попробовать еще разок заглянуть, если уж так тебе это жить мешает.

Нейл представил себе повторение того кошмарного сна и весь передернулся. «Нет уж, благодарю покорно, — подумал он. — Одного раза хватит».

— Мешает, — вслух сказал он. — Но я как-нибудь переживу. Моей голове без тебя есть о чем болеть...

Он вновь откинулся на подушки, сунув в рот мундштук, и они замолчали. Ан Фарайя пускал к потолку колечки дыма, Нейл пытался ему подражать — без особого толку.

— Ты что в Геоне-то позабыл, Фаиз? Дома не сидится?

— Служба. Я теперь в дипкорпусе, младшим письмоводителем. Конверты из одной стопки в другую перекладываю.

— Непыльная работенка.

— Угу. Опухну скоро со скуки. И у Рексфорда всё то же самое, ты-то хоть иногда зубами щелкаешь, а эти... — в голосе алмарца мелькнуло пренебрежение. — Сидят с кислыми рожками и политес из себя по капле давят.

— А ты с ними по-людски общаться не пробовал? — хмыкнул Нейл. — Можешь же. Глядишь, повеселей бы стало.

Ответом ему был высокомерный смешок. Ну само собой, философски подумал Нейл. Из «людей» во всем белом свете есть только Фаиз ан Фарайя, остальные — мусор и пыль под ногами. И откуда в нем столько спеси?

— Сочувствую, — сказал он, — но, видно, придется тебе еще поскучать, Фаиз. Зигги у Райана вряд ли теперь скоро появится, а мне так и вовсе там делать нечего.

— А чего ж таскался тогда весь месяц, как нанятый?

— А тебе что за дело? — недовольно проскрипел Нейл. И неожиданно для себя самого вдруг признался: — Да как было не ездить? Ведь я его подвел, получается. И ранение это...

— Совесть замучила, значит, — не без ехидства резюмировал алмарец. — Понятно.

Подушки потревоженно зашуршали — ан Фарайя потянулся к низкому столику, где рядом с шааширом стоял графин. Как всегда не озаботившись разрешением, он плеснул в стакан Нейла фруктовой воды, сделал пару глотков и поморщился:

— Опять лимонная. Ты в курсе, эль Хаарт, что есть и другие фрукты? Да и вино у Лусетиуса, говорят, недурное — или ты всё пай-мальчика из себя корчишь? Не надоело? Ладно мне вера не позволяет, а тебе-то кто?

Нейл закатил глаза. «Далось им всем то вино, — подумал он. — Мало мне Райан с Зигги кувшин в руки пихали, так теперь и этот туда же!» Он покосился в сторону алмарца, что с видом мученика цедил лимонную воду, и, не сдержавшись, буркнул:

— Вера! Пить она тебе не позволяет, а как...

Не договорив, он смешался и сунул в зубы мундштук. Фаиз склонил голову набок. Его угольно-черные глаза весело блеснули.

— Ну?.. — с живым любопытством протянул он, глядя в лицо собеседнику. — «А как» что? Вслух сказать опять духу не хватило?.. Ханжа ты, эль Хаарт, и кислятина, на все пуговицы застегнутая, — как самому не тошно? — он умолк на миг, а потом добавил

демонстративно задумчиво: — Хотя из таких скромников, говорят, обычно самые пылкие любовники получаются...

Нейл возмущенно дернулся и, подавившись горячим паром, зашелся в долгом приступе кашля. Фаиз, хохоча, подвинул ему стакан.

— Вот что тебя вечно демон под руку толкает? — кое-как совладав с кашлем и сердито булькая лимонной водой, выдохнул Нейл. — Нормально же сидели, так нет! Обязательно нужно гадость ляпнуть!

— Ты первый начал, — заметил ан Фарайя. — И потом, почему сразу «гадость»? В твоём случае это скорей комплимент.

— Фаиз!

Алмарец, широко улыбаясь, вновь откинулся на подушки. К потолку одно за другим поплыли мягкие дымные колечки. Нейл опрокинул в себя еще один стакан фруктовой воды и сунул руку за лацкан. Вынул часы, щелкнул крышкой: стрелки показывали без четверти семь, отец вот-вот подъедет. «Слава богам, — подумал молодой человек, бросив косой взгляд на лопающуюся от самодовольства смуглую физиономию напротив. — А то еще немного — и я бы точно в него шааширом запустил. Ну что за ехидна, боги свидетели!» Убрав часы назад в нагрудный карман жилета, он приложил к губам мундштук, выдохнул к потолку струйку бледного пара и сказал:

— Мне пора. Угли почти прогорели, но еще минут на десять их хватит.

Ан Фарайя в ответ насмешливо фыркнул — спасибо, хоть молча. Нейл, порывшись в кошель, бросил на стол пару монет и поднялся.

— Приятного вечера, Фаиз, — уже от двери сказал он. Алмарец, прикрыв глаза, в ответ чуть шевельнул головой:

— И тебе не хворать...

Когда Нейл ушел, в кабинет заглянул подавальщик. Фаиз, едва удостоив его взглядом, заказал себе свежий шаашир и кофе, оплатил вперед и велел не беспокоить. В доме на Парковой его знали, так что поняли без уточнений — подавальщик, закрыв за собой дверь, плотно заткнул щель над полом влажным шерстяным ковриком и повесил на ручку ярко-красный шелковый фестон. Дурман в Геоне был запрещен, но деньги и здесь оставались деньгами — Лусетиус не собирался их упускать...

Оставшись один, Фаиз аккуратно раскрутил колбу, добавил в смесь добрую щепоть голубовато-серого порошка из небольшой жестянки, что до поры пряталась в кармане его камзола, собрал шаашир заново и раздул угли. Потом удобно устроился в своем парчовом гнезде из подушек и приложил к губам мундштук. «Так-то лучше», — подумал он, глубоко вдохнув горячий терпкий пар с чуть солоноватыми вяжущими нотками. После второго вдоха в голове зашумело, после третьего веки потянуло книзу — но четвертый это исправил. Порошок белии был неплохой альтернативой нуису. Фаиз вдохнул еще раз, медленно выпустил дым из ноздрей и запрокинул лицо к потолку. Голова немного кружилась, но ничего, минут через пять отпустит. И на ближайшие пару дней о дурмане можно будет забыть. «Убери ты эту гадость, во имя богов! Двух часов без нее можешь» — всплыл в памяти недовольный голос Нейлара эль Хаарта, и губы алмарца изогнулись в саркастической ухмылке. Этот святоша даже не представляет, насколько он прав. Гадость, конечно, и нуис не лучше, но что делать?.. Фаиз закрыл глаза. Первое посвящение, первый шаг на пути к сокровенным тайнам ордена Длинной тени, дарило страждущему силу и

возможности, недоступные для других, — однако брало свою плату. И держаться на грани без средств, расширяющих сознание, было невозможно... Почувствовав легкую дурноту, молодой человек сделал глоток крепкого несладкого кофе и вновь сунул в рот мундштук. Ничего. Цель оправдывает средства. Так или иначе, но я своё возьму, подумал он.

Изгнанный с Дворцового холма и вынужденный одним днем покинуть Тигриш, Фаиз ан Фарайя вернулся под кров отчего дома, где ему ожидаемо не обрадовались. Но то, что рождало отчаяние в душе двенадцатилетнего юнца, ничего не значило для лучшего ученика шафи ан Махшуда, даже утратившего высочайшее расположение. Тем более, что о последнем пока еще никто не знал. До провинции Хизам, где располагалось поместье ан Фарайя, Фаиз добрался через три дня — измученный, с опухшей несмотря на все старания Гаяра рукой и злой как целая стая демонов. Бывая в Хизаме по долгу службы, он иногда останавливался на пару ночей в отцовском поместье, в том самом ветхом домике на задворках — детскую обиду и разочарование он в себе давно задавил, а где спать, ему, в сущности, было без разницы. Тогда, но не теперь. Чувствовал Фаиз себя скверно, с рукой было неладно, немилость у шафи вот-вот грозила обернуться крахом всех его надежд — и провести, возможно, последние недели жизни в темной развалюхе с видом на пустырь он не хотел. В конце концов, он был ан Фарайя по крови и по закону, и родовое гнездо было его домом тоже, что бы там сам эмуке об этом ни думал. Впрочем, мнение отца на сей счет Фаиза заботило в последнюю очередь — поэтому вместо того, чтобы как обычно от ворот свернуть через ров и сады направо, он осадил коня прямо у белого мраморного крыльца. Спрыгнул на землю, окинул мрачным взглядом струхнувшую охрану и кивнул своей двойке:

— За мной.

Бойцы эмуке ан Фарайя, нерешительно переглядываясь между собой, расступились. Их было вдесятеро больше только у дома, но никто из них не имел дара — зато о том, кто есть Фаиз ан Фарайя и чей он ученик, знали все как один. Связываться с боевым чародеем, да еще приближенным к железному шафи, да еще с двумя рослыми магами-шарарцами за спиной могло прийти в голову только сумасшедшему. К тому же, охрану эмуке держал не из рабов, а из наемных солдат: не ладит отец с сыном, так его дело! Не убивать же его пришли? Пусть разбираются сами...

Стража убралась с дороги, но хозяину о прибытии сына доложили немедленно, так что в доме Фаиза ждал еще десяток бойцов, уже из числа личной охраны Анзора ан Фарайя — во главе с ним самим. Когда гости вошли в переднюю, эмуке стоял на середине лестницы, опершись рукой на перила; ему было уже за семьдесят, но выглядел он лет на двадцать моложе — высокий, поджарый, с военной выправкой и черными как смоль волосами, едва тронутыми сединой на висках. На смуглом, костистом лице его с крючковатым носом и брезгливо поджатыми губами застыло уже знакомое Фаизу выражение холодного недовольства.

— Что ты здесь делаешь? — скользнув взглядом по трем молодым людям в одинаковых шерстяных хламидах и остановив его на лице младшего сына, процедил Анзор. Фаиз поднял голову, будто лишь сейчас заметив его.

— Я приехал домой, — ровно отозвался он. — Не знал, что для этого нужен повод, эмуке.

Намеренное пренебрежение словом «отец» заставило старика тяжело нахмуриться. Такое обращение позволялось только вышестоящим, а уж никак не сыновьям, тем более таким, как Фаиз. Однако указывать ему на это, требуя уважения к себе, значило лишь

попусту терять лицо — не говоря уж о благосклонности железного шафи. А ни первого, ни второго Анзор лишаться не хотел.

— Что ж, — смилив раздражение, только и сказал он. — Приехал так приехал. Надолго?

— Как получится.

— Ясно. Ибрагим! — эмуке шевельнул левым плечом, и стоящий ближе всех постельничий, его доверенное лицо и второй человек в доме, сделал короткий шаг вперед. — Проводи шахи ан Фарайя и его спутников в...

— В гостевое крыло, — закончил за Анзора сын, ставя ногу на первую ступень лестницы. — И пришли мне туда пятерку рабов, еды и воды. Мы устали с дороги.

Ибрагим, колеблясь, метнул вопросительный взгляд на своего господина. Эмуке беззвучно скрипнул зубами, но в ответ лишь чуть прикрыл глаза, словно говоря: «Делай как он сказал». Фаиз вел себя непочтительно, перебивая родителя, диктуя свои условия тем, кто ему не служил, и там, где ему было не место, — но он пока еще держал себя в рамках. Что могло кончиться в любой момент. Младшего своего отпрыска эмуке совсем не знал, зато его старший сын служил в столичной гвардии, на Дворцовом холме, а там Фаиз был хорошо известен — не только как любимый ученик шафи ан Махшуда, но и как человек крутого нрава, не выбирающий средств. К тому же, он был магом. И пусть сам эмуке не испытывал трепета ни перед сыном, ни перед его даром, доводить ситуацию до открытого столкновения он не считал нужным. Пусть забирает гостевые покои, лишь бы скорее убрался с глаз, подумал Анзор. Он собирался отправить гостей в северное крыло, много лет не используемое и находящееся в самой дальней части дома, но гостевое тоже сгодится — оно ненамного ближе. О том, что сила воздействия дара зависит от расстояния, эмуке знал. И пусть жить с магом под одной крышей не желал по-прежнему (а уж с тремя сразу — так тем более!), но здраво рассудил, что повлиять он, увы, на это не может, а значит, уже хорошо, что Фаизу не приглянулись основные покои. С него бы случилось, подумал Анзор, глядя в спину младшему сыну и в очередной раз жалея, что когда-то сохранил ему жизнь...

Постельничий, посланный с Фаизом, возвратился скоро.

— Проводил? — спросил эмуке. Тот кивнул.

— Да, мой господин. Хотя скорее меня провожали — не знал, что шахи ан Фарайя уже приходилось бывать в большом доме.

Анзор нахмурился. Он тоже полагал, что до нынешнего дня младший сын порога не переступал — но, похоже, напрасно. Магия! Что ей замки да стены?..

— Отправь бойца в крепость, Ибрагим, — подумав, сказал он. — Пусть пришлют мне шестерку боевых магов из гарнизона.

Постельничий кивнул. Приказ эмуке был исполнен без промедления, и уже к вечеру в поместье ан Фарайя прибыло шесть боевых чародеев. Они расположились в смежных покоях, получив приказ денно и ночью отслеживать передвижения тройки гостей, отчитываясь об этом лично эмуке ан Фарайя, — и не подпускать их к нему слишком близко.

Фаизу распоряжение отца стало известно еще до приезда магов, но ему не было до этого дела. Разгуливать по поместью он не планировал, а то, что хотел, уже получил — человеческие условия, пятерку рабов, пусть не лучшего разбора, но вполне годных, и долгожданный отдых. Сундук свой он оставил на Дворцовом холме, но деньги у него были — в отличие от Нейла, кошель свой он Бар-Шаббе не подарил — так что Салим был отправлен на рынок, купить всем троим одежды и пополнить запас дурмана, а Фаиз, смыв с себя дорожную пыль и наскоро утолив голод, отправился в постель. Он так устал, что почти

не чувствовал боли, пока Гаяр занимался его рукой, — даже без всякого опия...

Рана на предплечье мокла, гноилась и никак не хотела заживать, однако покой, долгий сон и упорство врачевателя в конечном итоге одержали верх: к концу первой недели, проведенной Фаизом в стенах отчего дома, дело пошло на лад. Опий, что Салим привез из города, уже почти не требовался, к изнуренному телу возвращались силы и бодрость, и одно только не давало Фаизу покоя — молчание его господина. Шафи, прогнав ученика от себя, не торопился вернуть его обратно. Прошла неделя, за ней другая, но вестей из Тигриша не было, и Фаизом день ото дня всё сильнее овладевало беспокойство. Он понимал, что виноват и, по сути, еще дешево отделался: разочаруй он шафи по-настоящему, он сейчас удобрял бы собственным пеплом землю в одном из садов Дворцового холма. Но облегчения это не приносило. Фаиз ждал, мрачней с каждым новым закатом и срываясь из-за любой мелочи то на рабов, то на собственную двойку, ел себя поедом за глупость и проклинал Геон такими словами, что имей они реальную силу, от него уже не осталось бы камня на камне — а тот, кто был главной причиной всех бед, и подавно скончался бы в муках дня через полтора...

Если бы люди могли выбирать, кого им любить, жизнь была бы намного проще. Но получилось как получилось. Мурад ан Махшуд не ошибся в причине, побудившей ученика нарушить его приказ, однако теперь вместо любви Фаизом владела столь же горячая ненависть. «Знал ведь, чем кончится, — скрипя зубами, думал он. — И всё равно вляпался. Как можно быть таким идиотом?»

Фаиз действительно свалил дурака там, в Бар-Шаббе, понимал это и раскаивался как никогда, но не мог уже ничего изменить. Он не предавал своего господина, но обманул его доверие, и теперь за это расплачивался. Время шло, а шафи молчал. Тихо сходящий с ума от бездействия и неопределенности, к концу третьей недели своей опалы Фаиз уже лез на стену. Не помогал даже дурман. Рабы жались по углам, шарарцы не смели глаз на него поднять — но их это всё равно не спасало. Злой на весь свет и в первую очередь на себя самого, Фаиз метался по гостевым покоям, опротивевшим ему не меньше былой развалюхи, и любой звук выводил его из себя. Здоровье его шло на поправку, рана хорошо затягивалась, но всё еще требовала перевязок — и отвечавший за них Гаяр получал больше всех. Он всё делал не так, не так сидел, не так смотрел, не так бинтовал и, похоже, бесил господина одним только своим присутствием, однако терпел, молча делая свое дело. А Фаиз, видя его спокойствие, ярился еще сильнее. Он стал настолько невыносим, что даже самому себе, верно, теперь не подал бы руки.

Эмуке ан Фарайя о происходящем в гостевом крыле неизменно докладывали, и он всё больше мрачнел, начиная догадываться — вернуться домой сына заставила отнюдь не служба. Фаиз прогневил шафи, думал Анзор, это уже очевидно, однако насколько сильно? И не выйдет ли это боком всем ан Фарайя, включая его самого?.. Верный Ибрагим, от которого у его господина не было тайн, высказывался с осторожностью. Может, между шахри ан Фарайя и шафи действительно пробежала черная кошка, говорил он эмуке, но вряд ли уж так длинна ее тень, раз учитель отпустил ученика живым. Кроме того, его братьев это никак не коснулось, оба все так же служили — один в гвардии, второй на границе с Шараром, и оставались на хорошем счету. Да и на Дворцовом холме о том, что любимый ученик шафи ан Махшуда вдруг впал в немилость, слышно не было. «Проявите терпение, мой господин, — увещевал Ибрагим. — Еще неясно, чем дело кончится, и как бы вам самому не вышло разгневать шафи». Эмуке сердито хмурился, но понимал, что постельничий прав...

Так они и жили, отец и сын — под крышей одного дома, не видя и не желая видеть друг

друга, один как загнанный зверь мечась по своей норе, а второй затаившись в предчувствии беды, пока на исходе четвертой недели, почти в середине декабря, у ворот поместья не объявился гонец из столицы. У него было письмо к Фаизу. Ибрагим лично проводил гонца к младшему ан Фарайя и видел, как тот сломал печать на свитке — а потом, едва заглянув в него, отрывисто бросил: «Гаяр! Седлай лошадей!» и сорвал с плеч халат. Постельничий, про себя вознося хвалу Четырем, вернулся к эмуке с благой вестью. А вскоре в поместье уже не было никакого Фаиза.

Спустя неполных три дня, на закате, тройка молодых людей в одинаковых черных хламидах въехала в западные ворота Дворцового холма. Двое остались внизу, во дворе, а третий вслед за молчаливым широкоплечим шарарцем прошел галереей, поднялся по узкой лестнице и, шагнув через порог знакомой маленькой комнатки с забранным косою решеткой окном, молча упал на колени перед своим господином. В письме, что Фаиз получил от него, было всего одно слово: «Возвращайся». Шафи сменил гнев на милость. И даже если не простил, то, очевидно, все же решил подумать об этом.

— Встань, — произнес над головой спокойный голос, но Фаиз не шевельнулся.

— Не смею, мой господин. Я слишком виноват перед вами.

Шафи с усмешкой качнул головой:

— Рад, что ты это понял... Встань же.

Ученик, не поднимая глаз, подчинился. Он был весь в дорожной пыли — верно, гнал лошадей от самого Хизама без остановок, подумал шафи. Это хорошо. Значит, и вправду понял. Но всё равно лучше проверить как следует. Мурад ан Махшуд отошел к маленькому столику у окна, где его уже дожидался кофе.

— Сними эту пыльную тряпку, — не оборачиваясь, сказал он, — и выброси за порог. Рашид уберет.

Позади него тихо зашуршала ткань и скрипнула дверь. Шафи разлил кофе по двум чашечкам-наперсткам и обернулся. Фаиз стоял посередине комнаты с низко опущенной головой, в ожидании дальнейший приказаний.

— Садись, — шафи кивнул в сторону лежанки у стены и, дождавшись, когда воля его будет исполнена, опустил на вышитую подушку напротив. Скользнул взглядом по ученику, отметил повязку на его предплечье, выглядывающую из короткого рукава сорочки, и добавил: — Мне жаль, что пришлось причинить тебе боль.

— Я заслужил её, мой господин, — отозвался Фаиз. Мурад ан Махшуд протянул ему один из фарфоровых наперстков.

— Держи. Пей не торопясь, горячий.

Фаиз поднес к губам чашечку и, сделав первый глоток, почувствовал, как с души медленно сползает камень. Кофе, даже самый крепкий, не мог дать такой дерущей горло горечи. Сок тацинты. Ему все-таки дали последний шанс.

— Ты улыбаешься? — услышал он. — Отчего?

Молодой человек поднял голову. В черных глазах, уже подернутых пеленой скорого сна, шафи прочел благодарность. И улыбнулся тоже. Мурад ан Махшуд сам учил воспитанника ходить за грань, и вкус сока тацинты был Фаизу знаком — он понял, что будет дальше. Шафи одним глотком прикончил свой кофе.

— Смотри на меня, — мягко проговорил он, чуть наклоняясь вперед. — Не опускай век. Ты знаешь, что я хочу увидеть, — покажи мне это, мальчик...

Когда Фаиз пришел в себя, за решетчатым окошком в черном небе сияли звезды. Он

лежал там же, где и уснул — на набитой конским волосом лежанке, а во рту было сухо и горько. Что снилось ему, Фаиз не помнил. Шевельнувшись, он с трудом повернул тяжелую голову и встретился взглядом со своим учителем. Шафи ободряюще прикрыл веки.

— Всё хорошо, — сказал он. — Отдыхай. Скоро отпустит... Ты удивил меня своим выбором, Фаиз, — худшего и представить трудно, однако в этом есть свои плюсы. Быстрее пройдет. Сердце твое еще беспокойно, но разум всё же смог восторжествовать над ним, а это главное. Я прощаю тебя. Первый и последний раз, но ты и сам это знаешь. И больше не оступишься.

— Никогда, — выдохнул ученик. — Клянусь жизнью, мой господин!

— Это лишнее, — улыбнулся шафи. — Я был за гранью и видел больше, чем ты можешь сказать... Послезавтра из Джумы в Геон отплывают наши торговые корабли — я отдал приказ выделить тебе каюту. Данзар собирает войска, мне нужен в Мидлхейме доверенный человек, а ты хорошо знаком со столицей. Место в нашем дипломатическом корпусе уже ждет тебя. Что касается буревестников — держи с ними связь как прежде, и особенно с номером Вторым. Он нам пригодится. Темное серебро — это точно?..

— Да, мой господин. Не реже раза в сезон.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул ан Махшуд. — Но пока что держи свое знание при себе. И пригляди за фантомагом. Вербовать, к сожалению, его бесполезно — даже твоих воспоминаний было достаточно, чтобы это понять, однако... Он подвержен стороннему влиянию, а номер Второй сильно упал в его глазах — постарайся восполнить пробел, пока не опередили. И все-таки выясни до конца, откуда растут крылья у его драконов, и какое отношение имеет к ним Даккарай. Я чувствую, что-то там есть. Только будь осторожнее с первым алхимиком, он и его пасынок не одного поля ягоды... Впрочем, у нас еще будет время обсудить всё как следует! Джума примет тебя воронкой. А пока отдыхай. Как только сможешь встать, Рашид проводит тебя в западные комнаты. Гаяр уже ждет тебя там, в Геон вы отправитесь вместе.

— Вдвоем, мой господин? А Салим?..

Шафи усмехнулся, на миг прикрыв глаза.

— Салим останется здесь. Он не твоя тень, ты всё понял верно, но и его голова стоит недешево — мне не хотелось бы ее терять.

Фаиз растерянно моргнул.

— Не понимаю, мой господин. Я верен вам, вы это знаете. Я никогда бы...

— Ты нет, — согласно кивнул ан Махшуд. — Но твой верный пес избавится от него при первом же удобном случае и будет считать себя правым. Шарар, мальчик! Верность — его сила и его слабость... Даже твой личный приказ не уберезет Салима от возмездия: то, что ты принял как данность, для твоей тени — предательство. Такие, как он, не прощают. И себя им не жаль.

Фаиз вспомнил свою последнюю встречу с учителем в тех же западных комнатах, вспомнил то, чем она окончилась, — и спокойный негромкий голос над головой: «до рассвета еще есть время». Да, Гаяр не пожалел бы головы ради возможности всего лишь облегчить боль своего господина. И он знал, кто донес шафи о случившемся на берегу Бар-Шаббы. А раз так, Салиму действительно лучше остаться.

— Я буду с ним построже, мой господин, — пообещал Фаиз, хмуря брови. На сухом лице ан Махшуда мелькнула насмешливая улыбка.

— Попробуй, — обронил он, памятуя о собственной тени в лице молчаливого

Рашида. — Но поверь моему опыту, скорее всего ты просто зря потратишь время...

Еще по прошествии суток Фаиз ан Фарайя, снабженный всеми необходимыми бумагами для передачи послу Алмары в Геоне, отбыл из порта Джумы в Мидлхейм. По приезду, как и обещал шафи, его ждало место младшего письмоводителя при восточном дипломатическом корпусе, апартаменты с отдельным входом в одном из флигелей доходного дома позади здания посольства — и новая миссия, в которой Нейлару эль Хаарту было отведено своё место.

— Дымка, — сказал Мурад ан Махшуд, прощаясь со своим учеником на Дворцовом холме. — След ее ведет в Данзар, но мы должны быть в этом точно уверены. Мне нужны доказательства. К первому алхимику подобраться непросто, но я надеюсь на тебя, Фаиз.

— Благодарю, мой господин, — склонив голову, отозвался тот. — Я вас не подведу.

Он остутился однажды, но усвоил урок. И теперь, лежа в россыпи парчовых подушек в доме Лусетиуса, под тихое бульканье шаашира размышлял о том, как половчее взять в оборот сына герцога эль Хаарта, не вызвав при этом слишком пристального внимания со стороны его отца и всей толпы буревестников. Последнее, даже учитывая размолвку между Нейлом и Райаном, было, пожалуй, трудней всего. Номер Второй кто угодно, но не дурак, не говоря уж номере Первом. И заинтересованность алмарской разведки в новом фантоме Геона вряд ли останется незамеченной... Что ж, в таком случае необходим интерес второй стороны — уверенной в том, что ей самой это нужнее.

«Господин прав, — думал Фаиз, — эль Хаарт не из лидеров, его удел — вторая скрипка, и ему жизни нет без того, чтобы кто-нибудь не подталкивал его в спину. А с людьми он сходится неохотно. Рексфорда он до сих пор не простил, де Шелоу ровно такая же сопля, как он сам... И раз кроме меня рядом никого не осталось, он однозначно выберет знакомое зло. Тем более я, в отличие от Рексфорда, еще не успел его разочаровать».

Фаиз ан Фарайя поднес к губам мундштук. Трудно разочароваться в том, кем не был очарован, подумал он.

Первая неделя войны завершилась без новых потерь. Передовые части данзарской армии на западе, заняв порт и прибрежную территорию на двадцать пять миль вглубь страны, дальше пока не рвались — однако все понимали, что это лишь дело времени. Войска лагеря Динсмор стояли в глухой обороне вокруг поместий хранителей, а к долине Клевера со стороны Северных гор уже выступили подкрепления, но по зимнему времени двигались они медленно — пехота и кавалерия вязли в снегу. Немного сглаживали ситуацию еще четыре воздушных корпуса, которым сугробы были не помеха, однако даже они не планировали добраться до западного побережья раньше, чем через десять дней, — по самым смелым прогнозам. А время было дорого. Морские патрули у берегов Бар-Шаббы и резидентура Геона в Данзаре и Эйсере уже всю били тревогу: как и предполагалось, нападение на западные заставы было всего лишь разведкой боем...

На южной границе, всё-таки устоявшей и в сравнении с западной отделившейся малой кровью, ситуация была получше. Резервные полки Разнотравья, благополучно прибыв на место, зачистили пустошь и двинулись на Туманный хребет. Соппротивление, оказанное Данзаром в районе предгорий, не отличалось ни силой, ни особым упорством: хлипкий щит в два пехотных полка наступление смяло и уничтожило, почти не потеряв скорости. Горные крепости были отбиты, перевалы освобождены, и к восьмому января северная половина хребта вернулась под контроль Геона. Это была хорошая новость — однако, увы, единственная. Стефания Первая, чудом пережившая второй удар, угасала на глазах. Вердикт главного лекаря был неутешителен: государыне уже не подняться, и единственное, что тут можно сделать, — по возможности облегчить ее муки в преддверии последнего путешествия. Состояние ее величества до сих пор держалось в строжайшей тайне, но королевский дворец Мидлхейма, притихший и словно бы опустевший, понемногу погружался в траур.

Рауль Норт-Ларрлайн, покидая очередной военный совет поздним вечером девятого января, был молчалив и хмур. Несмотря на успех на юге, запад тревожил его, а мысли то и дело сворачивали к темной опочивальне на втором этаже, где в окружении лекарей доживала последние дни та, что, по сути, заменила ему мать. Он понимал, что никто не вечен, знал, что надежды нет, но каждый день готовился к неизбежному — и всё никак не мог его принять. Несколько раз на дню принц посылал справиться о здоровье ее величества, неизменно получая один и тот же ответ, по ночам засыпал с трудом, а открывая глаза на рассвете, больше всего страшился узнать, что уже опоздал. Но королева пока жила: она лежала в постели обложенная подушками, и внук, приходя навестить ее, каждый раз ужасался тому, что с ней стало. Сухонькая старушка, до самого подбородка укрытая гербовым покрывалом, на этой огромной кровати с массивным изголовьем казалась ему совсем крохотной и ничем не напоминала ту полную кипучей энергии женщину, которую он знал. Это была не Стефания, а ее восковая копия — и воск таял день ото дня... Королева почти не приходила в сознание, а в те краткие мгновенья, когда это всё же случалось, не узнавала стоящих вокруг. Второй удар лишил ее возможности говорить. Лицо ее страшно перекосилось на правую сторону, голубые глаза, всегда такие ясные и светящиеся умом, затянуло белесой пленкой — и глядеть на это у Рауля не хватало сердца.

Нынче совет закончился поздно, едва ли не около полуночи, и подниматься в

королевскую опочивальню сейчас уже не имело смысла. Рауль был там сразу после ужина, а на ночь ее величеству давали сильный болеутоляющий эликсир, и лекарь не рекомендовал ее беспокоить. Оно и к лучшему, подумал Рауль, сворачивая по пустынному коридору к своим покоям. Он устал. Тревоги последних дней вымотали его, за ужином — да и за завтраком, и за обедом — он почти ничего не ел и теперь еле стоял на ногах. Да и со сном стало плохо. «Может, принять на ночь каких-нибудь капель?» — подумал он, минуя заснеженную галерею. Подбитые железными подковками сапоги гвардейцев гулко и громко стучали по стылому мрамору, отдаваясь в висках. «Только бы не сегодня, — подумал принц, вновь возвращаясь мыслями к королеве. — Нет у меня на это сил». В кольце своей охраны его высочество прошел очередным пустым коридором, свернул налево, потом направо, пересек небольшой слабо освещенный холл, предвоявший его апартаменты, и у самых дверей, распахнувшихся перед ним, отпустил гвардейцев.

Оставшись один, Рауль медленно расстегнул мундир, стащил его с плеч, следом сбросил на ковер сапоги и опустился в кресло у растопленного камина. Возле окна на столе для него был сервирован поздний ужин, но есть не хотелось. Уткнув локти в колени, наследный принц Геона сидел и просто смотрел на огонь, не в силах даже о чем-то думать. Может быть, он бы там и уснул, не дойдя до постели, — но спустя четверть часа в двери его гостиной постучали. Тихо, словно бы извиняясь, но вместе с тем решительно и настойчиво. Рауль, сперва вздрогнув, резко выпрямился, но тут же понял, что случись самое страшное, стучали бы иначе.

— Натан? — обмякнув в кресле, спросил он. — Уже вернулся? Да не стой там, входи...

Створки дверей приоткрылись, тихо зашуршал шелк, и вместо графа Бервика принц увидел собственную жену. За ее спиной со сконфуженными физиономиями мялись гвардейцы ночного караула. Рауль с трудом выпрямил одеревеневшую спину.

— Амбер? — вяло удивился он. И сделав над собой усилие, поднялся навстречу, сделав знак караульным оставить их наедине. — Что случилось, дорогая?

— Простите, ваше высочество, — тихо сказала она, опуская глаза. — Мне, наверное, не следовало приходить так поздно. Но я пыталась застать вас утром, вчера и сегодня, и...

Рауль вздохнул. Застать его где бы то ни было в последнее время стало непросто. Он взглянул в осунувшееся лицо жены и вспомнил, что не виделся с ней уже, должно быть, больше недели. Нетрудно понять ее беспокойство — она не может не видеть, что происходит вокруг, о болезни ее величества ей, конечно, тоже известно, как и о войне, но кто станет волновать герцогиню подробностями, учитывая ее положение?.. «Значит, придется мне», — безрадостно подумал Рауль. Потом выдавил из себя тень виноватой улыбки и сказал:

— Садитесь к огню, дорогая. Здесь сквозит из всех щелей, а вам нужно беречь себя.

— Со мной все в порядке, ваше высочество, — отозвалась Амбер. И сделав шаг вперед, остановилась напротив, так близко, что принц уловил исходящий от ее волос знакомый запах еловой хвои и снега. — Я здорова и хорошо себя чувствую, но... Прошу вас, скажите, что слухи врут, и с ее величеством всё обойдется!

Рауль опустил глаза.

— К сожалению, — медленно вымолвил он, — этого я сказать не могу. Государыня при смерти. Надежды нет.

Серые глаза напротив чуть потемнели.

— Я не верю, — твердо сказала она. — Этого не может быть. И что бы там ни говорили

лекари, нельзя опускать руки, ваше высочество!

Рауль, всё так же не глядя на нее, улыбнулся криво. Боец, подумал он. И плоть от плоти такого же бойца — они не привыкли сдаваться... Но есть в жизни вещи, перед которыми бессилён даже самый нестигаемый дух.

— Сядьте, моя дорогая, — мягко сказал он, беря ее руки в свои. И все-таки усадив супругу в кресло, опустился в соседнее. — Клянусь именем Танора, я хотел бы, чтоб вы оказались правы, но увы. Дни ее величества сочтены. Быть может, если бы не война...

Он осекся, но Амбер только чуть шевельнула бровью.

— Значит, и это правда, — обронила она, сосредоточенно хмурясь. — Что ж, всё к тому шло, — герцогиня подняла голову и посмотрела в лицо мужу. — Мне никто ничего не говорит, но я все-таки боевой офицер, пусть не выдавший ни одного сражения. Прошу вас, ваше высочество! Неужели всё так плохо? Я знаю, юг выстоял, но долина Клевера... Она не могла быть взята! Лагерь Динсмора всего в одном переходе, а там стоит четыре воздушных крыла генералов Лери и Монтрея! Эти люди не знают поражений! А хранители запада своей доблестью могут поспорить с хранителями юга! Даже при условии внезапного нападения наши резервные полки...

Наследный принц, глядя на жену, мысленно крикнул. С воодушевлением, сейчас написанном на ее лице, мог бы поспорить весь боевой генералитет. Бледные щеки Амбер вспыхнули румянцем, серые глаза заблестели — ни дать ни взять ветеран, услышавший рев боевого рога!

— Моя дорогая, — не без труда вклинившись в перечисление возможных тактических ходов, терпеливо проговорил Рауль, — поверьте, мы делаем всё возможное. И обстановка на западе, стараниями наших генералов, не так плоха, как может показаться. Не волнуйтесь так. Вам это вредно.

Амбер, запнувшись на полуслове, взглянула в его усталое лицо и вся как-то словно потухла.

— Простите, ваше высочество, — сказала она, отводя глаза. — Об этом я не подумала.

Умолкнув на миг, герцогиня поднялась с кресла — и в почти в то же мгновение оказалась в объятиях мужа.

— Это вы простите меня, дорогая, — проговорил Рауль, обнимая ее за плечи. — Я знаю, вы хотите как лучше, и я благодарен вам за поддержку — но я уже слышать не могу ни о сражениях, ни о чьей-то доблести. Я совершенно выжат. Стыдно признаться, но я оказался не готов к этой войне — и к тому, что она принесет вместе с собой. Ваше участие греет мне душу, но прошу вас, давайте хоть на четверть часа забудем об этом!

Амбер, склонив голову к его плечу, опустила ресницы.

— Как скажете, ваше высочество, — совсем тихо отозвалась она. И добавила, помолчав: — Если хотите, я останусь здесь, с вами. Если вам это нужно. Господин главный лекарь, конечно, запретил нам...

Рауль улыбнулся. Помянутый господин был известный перестраховщик.

— На то, что он запретил, я все равно сейчас не способен, — негромко фыркнул он, зарываясь лицом в светлые локоны над ее правым ухом. — Но вы ведь можете просто остаться?..

Амбер, слабо улыбнувшись, подняла к нему лицо, и принц, прижав жену к себе, ласково коснулся губами ее губ. Они были мягкие, теплые и пахли лакрицей. Если бы не вся эта нервотрепка, не страх за жизнь государыни, не...

В двери гостиной громко, неровно ударили дважды. «Натан?» — едва успел подумать Рауль, как в ту же минуту тяжелые створки распахнулись словно от сильного порыва ветра. Обнаружившийся на пороге Франко Д'Ориан, прямой и серьезный, шагнул вперед.

— Ваше высочество, — выдохнул он, — скорее! Королева...

Королева Геона умирала. Об этом говорило всё — и печально-торжественное лицо главного лекаря у ее постели, и склоненные головы троих его помощников, и дрожащие губы госпожи де Вей, которые она безуспешно пыталась прикрыть такой же дрожащей ладонью, и сбившиеся испуганной стайкой у камина ближние фрейлины государыни, заплаканные и испуганные... Опочивальня была полна, в смежной с нею гостиной и вовсе было не протолкнуться от людей, но наследный принц не заметил их. Скорым шагом войдя в комнату, бледный, в не до конца застегнутом мундире, он прошел сквозь расступившийся молчаливый строй придворных и опустился на колени у смертного одра государыни. Спальня наполнилась шуршанием ткани и скрипом кожаных голенищ — придворные вслед за принцем один за другим преклоняли колена, и лишь одинокая приземистая фигура в густой тени балдахина у изголовья не шевельнулась, словно бы обратившись в камень.

— Ваше величество! — выдохнул Рауль, накрыв ладонью маленькую ручку, лежащую поверх одеяла. — Ваше величество!.. Я здесь!

Стефания Первая была в сознании. Она, чуть повернув голову, взглянула на внука, и в выцветших голубых глазах он прочел узнавание. Пальцы под его ладонью зашевелились, губы дрогнули, словно королева пыталась что-то сказать, — но вместо слов Рауль услышал лишь тихий одышливый хрип.

— Ваше величество, — вновь повторил он, молясь только, чтобы не подвел голос. — Прошу, не тратьте силы, они вам еще пригодятся...

Он не договорил. Во взгляде королевы, устремленном на него, стояла нежность. Стефания знала, что эта их встреча — последняя, она понимала, что внук это знает тоже, и в последний раз пыталась то ли утешить его, то ли приободрить. Губы ее снова дрогнули, и наследный принц, подавшись вперед, прочел в их движении своё имя. «Рауль» — и что-то еще, чего он не смог разобрать. Кажется, она просила его о чем-то. «Рауль... не... не поз... воляй...» Перекошенный рот свело судорогой, и королева обессиленно прикрыла глаза — всего на мгновение, но ее внуку оно показалось вечностью. Он сжал пальцами ее сухую ладошку и еще сильнее подался вперед.

— Ваше величество! — в отчаянии прошептал он. Стефания, вздохнув, подняла пергаментные веки и медленно обвела взглядом темную опочивальню — но не прощаясь, а словно ища кого-то. Краем глаза Рауль отметил короткое, едва различимое движение в тени балдахина, и тут же забыл о нем — государыня, еще раз вздохнув, вновь обратила к нему свой взор. Лицо ее на миг исказила судорога, когда-то бывшая улыбкой. «Рауль... ты теперь... король», — беззвучно прошептали иссохшие губы, а лежащая в его ладони рука вздрогнула и обмякла. Морщинистые веки сомкнулись. Его высочество, резко выпрямившись, впился взглядом в лицо королевы — и тут же, издав невнятное восклицание, уронил голову на покрывало. В комнате стало тихо. Только изредка со смолистым треском лопалась кора поленьев в очаге да глухо гудел в каминной трубе ветер: никто из тех, кто молчаливым караулом окружал сейчас массивную кровать в центре спальни, не смел шевельнуться или поднять взгляд. Медленно и тягуче текли минуты.

— Оставьте нас, — наконец произнес Рауль Норт-Ларрлайн, выпрямляясь. Тишина

всколыхнулась, вновь наполнившись торопливыми шорохами, тоненько всхлипнула первая статс-дама, закрипели плашки паркета... Спальня опустела. Мягко, неслышно затворились двери за спиной главного лекаря, что шел последним, и принц с королевой остались одни. Всё так же не выпуская руки государыни, ее внук присел на край постели.

Теперь, покинув юдоль земную, Стефания Первая казалась спящей. Смерть, словно умыв ее, стерла с чела королевы печать болезни, оставив только спокойствие — безмятежное, вечное как сам ее непробудимый сон. Разгладились морщины, исчезла тревожная складка между бровей, и она вновь стала собой. «По крайней мере, я успел с ней проститься, — подумал Рауль. — Пусть не наедине, но всё же». Кривая улыбка тронула губы. Участь королей! Ни света, ни тьмы, ни покоя — и вся твоя жизнь, с первого крика до последнего вздоха, не принадлежит тебе... Принц осторожно опустил еще теплую маленькую ладонь обратно на покрывало и, нагнувшись, коснулся губами высокого лба под белым кружевом чепца.

— Теперь вы свободны, ваше величество, — тихо сказал он. Даже сейчас он не смог назвать ее бабушкой. И никогда еще корона, пусть даже пока не надетая, не казалась ему столь тяжелой.

Рауль Норт-Ларрлайн вышел из королевской опочивальни спустя неполный час. Лицо его было бледным, измученным, но глаза так и остались сухими. Он плотно затворил за собою двери, кивнул гвардейцам, при его появлении вытянувшимся во фронт, и обвел взглядом погруженную в полумрак гостиную. Слава Танору, от всей той толпы, что недавно клубилась здесь, осталось всего несколько человек, не считая гвардейцев: заплаканная статс-дама, главный лекарь, верховный маг и Амбер.

— Франко, — без выражения сказал Рауль, — оставь двух человек у приемной и можешь идти, — он перевел взгляд на главного лекаря: — Приготовлениями займетесь на рассвете. Я погасил огонь в камине и приоткрыл окно. Не тревожьте покой королевы.

Лекарь покорно склонил голову. Статс-дама, сидевшая рядом с ним, отняла платок от искусанных губ.

— Ваше высочество! — умоляюще прошептала она. — Прошу, позвольте мне остаться с ней! Я не могу даже думать, что ее величество... там... совсем одна...

Не договорив, она глухо всхлипнула и вновь прижала к губам платок. Застывшее лицо наследного принца чуть смягчилось.

— Я знаю, госпожа де Вей, как вы были преданы королеве. И ее величество любила вас — но теперь она в лучшем из миров, а вы и так не отходили от нее целую неделю. Вам нужно отдохнуть.

Статс-дама возразить не посмела. Опустив плечи, она присела в поклоне и вышла, чуть слышно пожелав всем доброй ночи. Главный лекарь, повинувшись прощальному кивку принца, покинул гостиную следом за ней. Рауль, помолчав, повернулся к верховному магу.

— Благодарю, ваша светлость, что дождалась меня, — сказал он, глядя в стену над его правым плечом. — И отдельно за то, что избавили от толпы сочувствующих. Я бы этого сейчас не вынес. Преданность госпожи де Вей ее величеству — ничто в сравнении с вашей, я это знаю, и тем тяжелее мне просить вас о помощи в завтрашней церемонии, но, надеюсь, вы всё же пойдете мне навстречу. Граф Бервик в отлучке и вряд ли вернется даже к утру.

Данстен эль Гроув, также не глядя на принца, медленно склонил голову.

— Конечно, ваше высочество, — ответил он. — Я полностью в вашем распоряжении, — он сделал паузу и добавил: — Как завтра, так и в любой другой день.

— Рад это слышать, — в свою очередь признательно склонил голову Рауль. — Тогда не смею вас больше задерживать.

— Доброй ночи, ваше высочество.

— Доброй ночи.

Верховный маг Геона поклонился принцу, затем герцогине и, не размыкая сложенных за спиною рук, покинул гостиную. Двери за ним закрылись. Амбер, сидящая на низком диванчике у стены, поднялась навстречу мужу.

— Мне так жаль, ваше высочество, — тихо сказала она. — Ее величество... Это невосполнимая потеря для всего Геона. Не представляю, как вам сейчас тяжело, но если я могу хоть чем-нибудь облегчить вашу боль...

«Ваше высочество» — эхом пронеслось в голове Рауля. Как всегда — «ваше высочество», будто у него нет имени.

— Наверяд ли эту боль можно облегчить, — сказал он, не глядя на жену. Прошелся по гостиной, бездумно касаясь рукой знакомых предметов, что в полутьме казались чужими, провел ладонью по лакированной крышке клавесина и остановился у окна. «Ваше высочество»... Последняя, кто называл его по имени, ушла навсегда. Больше никому. Теперь он король. Почувствовав поползший к горлу тугой комок, Рауль тряхнул головой.

— Сыграйте что-нибудь, — отрывисто попросил он, не оборачиваясь. — Что угодно, погромче... Сыграйте «Шторм»!

Амбер, бросив взгляд на затворенные двери опочивальни, широко раскрыла глаза:

— Сыграть, ваше высочество? *Сейчас?*..

— Да!

Герцогиня хотела сказать еще что-то, но, подумав, лишь чуть нахмурила брови и села за клавесин. Откинула крышку, тронула пальцами клавиши, вспоминая мелодию... В пустой тишине гостиной раздались первые грозные раскаты. С каждым ударом становясь всё сильнее, они мешались с остервенелым ревом волн и свистом ветра, рвались вон из клетки каменных стен — и сердце рвалось за ними. Рауль Норт-Ларрлайн, Рауль Первый, стоял у окна, упершись сжатыми кулаками в подоконник и низко опустив голову. Плечи его вздрагивали.

А за стеной, в темной холодной комнате, у изголовья кровати, слишком большой даже для двоих, уткнувшись коленями в пол и спрятав лицо в складках измятого покрывала, молча, безутешно рыдал другой человек — чье имя было известно каждому, и которого на самом деле никто не знал. Кроме той, что ушла, оставив его одного в темноте.

Оттепель, накрывшая юг в первый день января, на десятый добралась и до столицы Геона. С хмурого неба летел мокрый снег, под копытами лошадей чавкала серо-черная грязь, высокие колеса катафалка то и дело застревали в колдобинах. Сырой студёный ветер пробирался под теплые плащи, но те, кто пришел проститься с королевой Геона, не чувствовали его дыхания. От самого навесного моста по всей кипарисовой аллее, растянувшейся на три сотни локтей, не было ни клочка свободной земли — слуги и мастеровые, конторские и нищая голытьба, мещане и дворянское сословие стояли плечом к плечу, не замечая соседства, и взоры их обращены были к длинной траурной процессии, медленно и торжественно плывущей от дворца к главному храму Танора. Не все из тех, кто провожал взглядами катафалк, помнили восшествие на престол Стефании Первой, но каждый ощущал сейчас неутолимую, сосущую пустоту в сердце — прежний мир с его

привычным укладом канул в небытие, а будущее было туманно, как само это ненастное, горькое утро... Черные плюмажи на головах лошадей, мокрые и обвисшие, неровно трепетали в такт шагам, и вместе с ними дрожали съезжившиеся головки алых роз, усыпающих гроб. Серыми вороньими крыльями трепетали под ветром полы гвардейских плащей, и снежно белыми казались лица тех, кто провожал покойную государыню в последний путь: герцога и герцогини Янтарного берега, верховного мага, тройки магистров, графа Бервика и прочих, прочих, кому было не счесть числа. Их коней вели в поводу. Пешком, по щиколотку в холодной грязи они шли за гробом, и тем, кто смотрел на них, оставалось только гадать, что было у них на сердце.

Рауль Норт-Ларрлайн, уже не принц, но еще не король, шел впереди своих подданных. Его красивое лицо, застывшее гипсовой маской, не выражало никаких чувств, а взгляд карих глаз был словно обращен внутрь себя. Его супруга, в мокром траурном бархате, держала его под локоть — прямая, строгая, словно не замечающая ни холода, ни слякоти под ногами, ни всей этой плотной толпы вокруг. Такие разные, сейчас они были похожи в своей отстраненности и в своем горе... Эту короткую ночь Рауль провел на узком диване в гостиной Стефании Первой — истощенный слезами, что так желал скрыть, в объятиях той, чьей любви ему не дано было изведать. Когда отзвучали последние раскаты грома, силы оставили и его. До рассвета, в каком-то полузабытии, он пролежал с закрытыми глазами, упершись щекой в бархатный валик и чувствуя, как тонкие пальцы скользят по его волосам. Амбер молчала. И впервые рядом с ней Рауль думал о другой — той, пред которой распахнулись чертоги Танора, той, что последним своим словом назвала его королем. Он желал этой короны, но цена, что он за нее заплатил, оказалась слишком высока. Так не должно было быть. «Не позволяй...» — что королева хотела сказать ему, от чего так стремилась уберечь? Кого искали ее глаза на пороге последней минуты — но так и не нашли?..

Верховный маг Геона, шагающий след в след за своим повелителем, не чувствовал ничего. Бессонной ночи, оставившей темные круги у него под глазами, он почти не помнил — а то, что помнил, не хотел вспоминать. Он до сих пор не знал, как у него хватило сил остаться в тени тогда, когда он был так нужен *ей*, как у него хватило выдержки покинуть опочивальню вместе со всеми, ни словом, ни взглядом не выдав того, что творилось в его душе. Но у него не было выбора. Королева должна была уйти королевой — не запятнанной малейшим подозрением, оплотом чести и веры... Как он хотел быть в эту минуту рядом с ней! И какой болью отдавался в его сердце каждый аккорд ненавистного «Шторма», когда он вернулся в опочивальню — воронкой, как приходил всегда, но зная, что теперь его некому ждать!.. Он не мог видеть ее мертвой — такую родную, такую любимую — и не мог отвести от нее взгляд, понимая, что больше уже никогда не увидит. Даже Геон мерк сейчас перед ней, но было слишком поздно. Как во сне, на рассвете он покинул опочивальню, в последний раз прижавшись губами к ее губам — уже совсем остывшим, а после, вернувшись к себе, отправил гонца к первосвященнику Танора. Король умер — да здравствует король!.. Данстен эль Гроув тоже умел читать по губам. И последняя воля королевы была для него превыше всего.

Спустя долгих два часа траурная процессия достигла крыльца главного храма Танора. Гроб, усыпанный розами, сняли с катафалка сам принц, Первый маршал, верховный маг и граф Бервик. Они растворились в дверях вместе со свитой, и по столице поплыл тягучий, заунывный плач колоколов — Геон прощался со своей королевой. Людская толпа,

сгрудившись на площади и заполонив собой ближние к ней улицы, молча внимала колокольному звону. Тот час, что длилась заупокойная служба по Стефании Первой, был самым тихим в столице за много лет. А после, когда умолк последний колокол, и будущий король Геона вновь переступил порог храма, Мидлхейм замер совсем.

Рауль Норт-Ларрлайн остановился на крыльце, обводя затуманенным взглядом площадь. Все, кто собрался на ней, ждали его слова.

— В сей скорбный час, — после абсолютно тихой минуты пронеслось над головами, — в миг нашего общего горя я должен сказать, сколь велика моя утрата и как тяжело мне думать о том, что уже нельзя изменить... Но я не стану. Потому что не боль царит в моем сердце, но ярость — священная ярость против того, кто лишил Геон его мудрости и силы! Сердце королевы не выдержало предательства, столь гнусного, что никто, имеющий душу, не способен постичь его и принять — как не могу и я. До последней минуты, до своего последнего вздоха ее величество просила богов об одном: укрыть своей милостью ее народ, не допустить разрухи и не позволить врагу надеть кандалы на тех, чье благополучие она призвана была охранять. Она молилась о вас!.. — принц, сделав шаг вперед, чуть нагнул голову, и его карие глаза сверкнули на бледном лице. — Именем светлейшего Танора, именем неукротимого Антара, именем благословенной Сейлан — я клянусь перед ними и своим народом, что последняя воля моей королевы будет исполнена! Пока пылает огонь в наших сердцах, пока мы живы, мы не позволим тьме взять верх над светом! На любую силу, обращенную против нас, мы ответим такой же силой, и спаси боги тех, кто не убоится её! Тот, кто пришел на наши земли, презрев узы крови и нарушив свое же слово, не стоит нашего милосердия! И ему не будет пощады!..

Последние слова его высочества пронесли над площадью, грозным эхом отдаваясь в душе каждого, кто слышал их. И не нашлось ни одного человека, кто в ту минуту не клялся себе вслед за принцем, что зло должно быть и будет наказано. Геон не хотел войны. Но он любил свою королеву. Толпа всколыхнулась, всем существом потянувшись к тому, кто стоял перед ней.

— Норт-Ларрлайн! — крикнул кто-то, и остальные подхватили. — Норт-Ларрлайн!.. Слава Геону!

Через два дня наследный принц был коронован. Геон обрел короля — и новую королеву, которая отныне не смела запятнать память той, что упокоилась под плитами главного храма, в усыпальнице правящей семьи. А еще спустя неделю флот Данзара под прикрытием купола Бар-Шаббы вошел в Алое море, уже никого не таясь.

Южная граница зализывала раны. Атака была отбита, пустошь свободна, а горные крепости и перевалы Геона на Туманном хребте заняты войсками резервного лагеря Кинли — однако победа была горькой. Ночь на второе января унесла много жизней. Заставные гарнизоны поредели на треть, часть наездников осталась без драконов, а часть драконов — без наездников, был убит граф Вэйделл, хранитель третьей заставы, его сосед, барон Лофтон, хранитель четвертой, стоял одной ногой в могиле. Стражам окраинных бастионов повезло больше, но им тоже было кого оплакивать...

Весть о прорыве границы на западе и следом — о скоростижной кончине Стефании Первой добавила печали. В домашних храмах молились за упокой души государыни, заставы, переведенные на военное положение, наполнились слухами, а из лагерей в Верхнем и Нижнем Предгорье понемногу прибывало пополнение: стрелками, наездниками и боевыми магами.

Первая застава потеряла всего троих человек — из числа тех, кого увел на помощь соседу ее хранитель. Сам подполковник Д'Освальдо милостью богов даже не был ранен. Согласно приказу Первого маршала возглавив наступление, он вышел из боя с честью — и победителем. Друга ему тоже не пришлось хоронить. Капрал Рамос полностью оправдал оказанное ему доверие и не только сумел-таки отыскать своего хранителя в тумане, но и отбить его, попавшего в окружение, от целого отряда данзарских штурмовиков и доставить обратно на вторую заставу — принесся при этом бесценные сведения о настоящем положении дел. Юг, собрав силы, обрушился на врага, в ходе яростной кровопролитной схватки отшвырнув его от своих стен, а граница устояла и дождалась подхода резервных полков Разнотравья, не потеряв более ни одного бойца. Барон Д'Освальдо вернулся в свое поместье на третьи сутки, к ночи, целым и невредимым. Он был представлен к ордену и повышен в чине, но главную свою награду получил, едва переступив порог родного дома, — когда навстречу ему рванулся светловолосый вихрь, и заплаканная баронесса упала ему на грудь с тихим всхлипом «Карлос!...»

— Ну, ну, — пробормотал барон, несколько смущенный таким приемом. С отъездом незаконной дочери в Даккарай жена его поуспокоилась, но отношения между ними двумя всё равно оставались натянутыми. — Будет, Абель. Слуги кругом... Ну, что ты?..

— И пусть слуги! — прорыдала она, крепко обнимая его за шею. — Пусть хоть всё пограничье... Ах, Карлос! Какая же я была дура! Я не понимала, что я делаю, прости меня, любовь моя, прости, прости!..

И, видимо не надеясь на силу слов, прижалась мокрыми солеными губами к губам мужа. Домашняя челядь, собравшаяся приветствовать героя, на цыпочках потянулась вон из передней. Чем кончаются все господские ссоры, даже самые затяжные, в поместье Освальдо каждому было известно...

Тем же кончилось и в этот раз. Карлос был не железный, искреннее раскаяние Абель и ее слезы тронули его, а искра былой страсти, всё еще тлевшая в его сердце, под ее губами вспыхнула пламенем. Барон взглянул в счастливое, омытое слезами и враз похорошевшее лицо жены, подхватил ее на руки и вместе с нею взбежал вверх по лестнице. Утром их едва добудились.

— Ты простишь меня, Карлос? — спросила Абель уже за завтраком, который им принесли прямо в спальню барона. — Правда, простишь?..

— Куда ж я денусь, — обгладывая куриную ногу, буркнул он добродушно-ворчливо. — Пооди, знал, на ком женюсь...

— Так уж и знал!

— А как иначе, когда только ленивый мне не говорил, что хлебну я лиха с такой-то женошкой! — барон хохотнул и, бросив на блюдо кость, потянулся к салфетке. — А я не слушал. Мол, что ни лихо, зато моё!..

— Твоё, — улыбаясь ему через стол, подтвердила баронесса. На миг прикрыла глаза, вспоминая минувшую ночь, и, вдруг погрузнев, тихо вздохнула. — Я так боялась потерять тебя, Карлос. Эта война... Опять война! Неужели Данзар никогда не успокоится? Каждый раз он терпит поражение — и всё равно снова и снова лезет на наши стены!..

— Потому и лезет, — мимолетно нахмурившись, обронил хранитель первой заставы. — И нам тут, на юге, еще повезло — про запад слышала?

— Да... Это такой ужас, Карлос! И всё правда?

Он кивнул. О том, что опрокинутая западная граница — еще только начало, барон жене говорить не стал.

— А Даккарай? — вновь спросила жена. — Ведь ему ничего не грозит?

— Ему-то уж точно. Слишком далеко, да и пустошь вот так запросто не накроешь — одно дело диверсия, но штурм?.. К тому же, там целый гарнизон стоит, причем столичный, уж им-то никто жертвовать не станет — а под это дело, глядишь, и детей оборонят... Ты не была в Алваро, Абель?

Она покачала головой:

— Тебя ждала, боялась шаг из дому сделать. Но вроде бы маркиз ранен? Серьезно?

— Контузило в голову, — поморщился муж. — Древком копья на излете — теперь, верно, совсем дурак-дураком станет!

— Право же, Карлос!..

— Да сама посуди — кем еще быть надо, чтоб в одиночку да под прицельным огнем за стену полезть? Если б не Рамос, небось там бы и сгинул! — хранитель первой заставы сердито раздул ноздри. — Уж эти мне Д'Алваро, вечно они лезут к демону в самую пасть... Однако на днях загляну, проведаю. Нынче недосуг — к обеду меня ждут на заставе, а вечером нам с тобой нужно к Вэйделлам, графа сегодня хоронят.

— Да, знаю, — опустила плечи баронесса. Лицо ее совсем опечалилось. — Графиня еще вчера прислала записку. Бедняжка, говорят, она просто убита горем! Ах, Карлос, стоит мне только подумать, что и я могла быть на ее месте...

— Ну, это уж ни к чему, — отозвался барон, поднимаясь из-за стола. — Рано еще Энрике в хранители, пускай сначала ума наберется! — он подошел к жене и, ласково потрепав ее по щеке, добавил: — А ты к маркизе всё же съезди. Многовато на нее свалилось, а ведь совсем ребенок еще, и никого родных рядом нет...

К соседям Абель заглянула в тот же день, перед похоронами, однако никакого «ребенка» в поместье Алваро не нашла — молодая маркиза спустилась к госте образцом спокойствия, и лишь бледность лица да усталый взгляд выдавали, что в последние дни ей действительно пришлось непросто. Она спросила о бароне, всё ли благополучно и не нужно ли какой помощи, уверила баронессу, что сама она и малыш Алонсо в полном порядке, а на вопрос о муже только вздохнула. В себя пришел еще позавчера, сказала она, но пока не встает. И доктор категорически запретил его волновать — так что барону Д'Освальдо, пожалуй, с визитом пока стоит повременить... «Передайте мои соболезнования несчастной

графине, — уже прощаясь с Абель на крыльце, сказала Лавиния. — Мы обязательно навестим ее, когда его сиятельству станет лучше». Баронесса, пообещав, откланялась. И супругу просьбу маркизы передала — на что тот только кивнул с облегчением. Дел у него без того хватало.

Десятого января Геон облетела печальная весть — ушла в чертоги Танора Стефания Первая, через пару дней на престол вошел ее внук, и спокойствие маркиза Д'Алvaro всё-таки пришлось нарушить. Согласно традиции, все хранители границ лично приносили клятву верности новому королю. Учитывая состояние маркиза, явившееся следствием его же героизма (которое барон Д'Освальдо за глаза называл не иначе как глупостью), Астору Д'Алvaro было позволено принести клятву письменно и передать через командира гарнизона, снабдив лишь подписью и печатью, однако на церемонию маркиз явился сам. Удержать его в постели не смогли ни контузия, ни врач — и пусть к трону хранителя второй заставы пришлось вести, долг свой он выполнил... Назад в поместье его сиятельство привезли без сил, с дикой головной болью, и он слег еще на неделю. Лежал бы и дольше, но не случилось. Двадцатого января флот Данзара числом около тысячи мачт беспрепятственно вошел в прибрежные воды Геона со стороны Алого моря, и вся страна вновь застыла в предчувствии неминуемого.

— Нет, что хотите со мною делайте, ваше сиятельство, а только никуда я вас не пущу!..

Денщик маркиза Д'Алvaro, раскинув руки, стоял в дверях с самым непреклонным выражением лица. Его хозяин замер напротив с лицом беспомощным и сердитым.

— Уйди с дороги! — повторил маркиз, но Гарет сдаваться был не намерен.

— Это чтоб вы уж наверняка себя в гроб вогнали? — возмущенно воскликнул он. — Да не бывать такому, пока я жив!

— Ну, это мы сейчас поправим, — прошипел Астор, шаря левой рукой по столу у двери. Нашупал канделябр, взвесил его в ладони и замахнулся. — Пошел вон, тебе говорят!

— Не пойду!

— Ах, ты...

Канделябр мелькнул у правого уха Гарета, чудом не повстречавшись с целью. Тяжелый, шельма, про себя подсадовал Астор, замахиваясь вновь.

— Опомнитесь, ваше сиятельство! — заголосил денщик, впрочем, не оставляя порога. — Ну что вам та застава?! Да неужто прямо сюда вам весточки не пошлют?.. Куда вам ехать, с вашей-то головой!

— Не твоего ума дело! — теряя терпение, рыкнул маркиз. — Уйди с дороги, идиотина, последний раз повторяю! Еще меня в собственном доме под замок не сажали! Уйди, сказал! Зашибу!

— Ваше сиятельство!..

Канделябр, пущенный рукой взбешенного хранителя, просвистел в полудюйме от головы денщика и врезался в стену коридора за его спиной. Раздался громкий треск, следом кто-то тоненько взвизгнул, и оба спорщика застыли на месте. «Нешто и правда зашиб кого?..» — мысленно ахнул Гарет. И обернувшись, увидел позади хозяйку. Маркиза, прижавшись спиной к стене, стояла зажмурившись — а в каком-нибудь локте слева от ее плеча торчал из стены злосчастный канделябр.

— Доволен? — рыкнул маркиз Д'Алvaro, отпихивая Гарета с порога. — Погляди, что ты наделал! Собственную госпожу едва на тот свет не отправил, олух!

— Это я-то?! — оскорбился денщик.

— Брысь с глаз, — отреагировал маркиз, успешно прорвавший оборону. И шагнул к едва дышащей супруге. — Вас не задело, дорогая? Простите, у нас тут, в некотором роде... Гарет, брысь, тебе сказано! И коня мне к крыльцу! Живо!

— А вот не подам! Сами седлайте, коль дела вам до себя никакого нет!

— Ну всё, — просвистел Астор, метнувшись рукой к канделябру, — кончилось моё терпение...

Денщик, взвизгнув не хуже своей госпожи, бросился наутек. Маркиз опустил руку. И встретившись взглядом с женой, почувствовал короткий укол совести: вид у Лавинии был порядком напуганный.

— В-ваше с-сиятельство, — с трудом обретя дар речи, выдохнула она. — Что случилось? З-зачем в-вы...

Маркиз, смутившись, торопливо выдернул свой снаряд из стены и спрятал его за спину.

— Простите, — повторил он. — Видят боги, это вышло случайно. С вами всё в порядке?

— Д-да... — не очень убедительно отозвалась жена. И заметив на муже мундир, беспокойно нахмурила брови. — В-вы куда-то собираетесь, ваше сиятельство?

— Да, — мрачно сказал он. — За заставу. И, очевидно, пешком.

— Н-но вам же... доктор сказал, в-ваша голова...

— Да всё в порядке с моей головой! — вспыхнул маркиз, которому этот робкий протест некстати напомнил упертого денщика. — Не отвалится! Мне надо ехать — и я поеду!

Лавиния, заморгав, уже подзабытым движением втянула голову в плечи, и Астор с трудом взял себя в руки. По совести, с головой его было вовсе не всё в порядке. Ныла она еще с ночи, а после ругани с Гаретом разболелась совсем, да еще эта проклятая слабость... «Знал бы, что так повернется, — мрачно подумал он, — обет трезвости принял бы! Лет пять назад!» Маркиз почувствовал, как его локтя коснулась дрожащая ладошка, и непримиримо вздернул подбородок.

— Если н-надо, — услышал он тихий, отчаянно заикающийся голос, — т-то поезжайте, к-конечно... Только в-возьмите хоть д-дрожки, нельзя в-вам верхом... д-доктор сказал, покой н-нужен... П-пожалуйста!

Астор передернул плечами, однако руки ее не сбросил. Хотя смотреть на жену поостерегся — из опаски дать слабинку и все-таки остаться дома. Странное дело, но Лавиния беспокоилась о нем всерьез, первые дни после контузии она совсем не отходила от его постели, и эта забота против воли трогала его. Да и чувствовал себя маркиз паршиво. Но не сдаваться же теперь, сам себя уважать перестанешь!..

— Как угодно, — сухо сказал он. — Если вам так будет спокойнее — я велю заложить дрожки. Но передайте этому подлецу, чтоб на глаза мне не смел показываться!

— Я п-передам, — сказала Лавиния, выпуская из пальцев его рукав. И помолчав, спросила: — В-вы ведь вернетесь к ужину?

— Не знаю, — Астор, всё так же не глядя на нее, поставил на комод уже оттянувший ему все руки канделябр. — Но на всякий случай не ждите.

Он деловито оправил мундир и зашагал по коридору в сторону лестницы, затылком ощущая печально-встревоженный взгляд жены. И что ей пришла за фантазия носиться с ним, как со вторым Алонсо? Ладно Гарет, его не переделаешь...

Маркиз Д'Алваро спустился по лестнице, набросил на плечи плащ и вышел на крыльцо. Он не хотел себе в этом признаваться, но участие супруги в глубине души было ему приятно.

А то, что она с ним не спорила, — приятно вдвойне. Распорядившись насчет дрожек и краем глаза заметив мелькнувшую в окне передней физиономию денщика, маркиз с досадой поморщился. «Кнут по нему плачет, мерзавцу, — подумал он. — Вернусь — точно выпорю, не сойти мне с этого места! Кто у кого служит, в конце концов?» Демонстративно отвернувшись к подъездной аллее, маркиз взглянул на серое небо и поднял воротник плаща. Снаружи было ветрено и холодно. Он сам уже был не рад, что настоял на своем, — по большей части лишь в пику обнаглевшему денщику, мнение которого относительно заставы Астор на самом деле разделял. Южной границе теперь ничего не грозило, а западная была за много тысяч миль от Туманного хребта: даже случись окончательный прорыв, и отожми Данзар у Геона долину Клевера, никто из хранителей юга не смог бы это исправить. А уж полковник Д'Алваро с его во всех смыслах ушибленной головой так точно. «Демон бы побрал Гарета! — внутренне плюясь, подумал маркиз. — Не пойди он голосить, я и мундир надевать бы не стал! Кому я на заставе нужен, когда есть Фабио? И что мне там сейчас делать? Ведь правда сообщат, случись что...»

Подали дрожки. Заколебавшись, его сиятельство украдкой бросил взгляд на окна родного дома — тащиться по раскисшей проселочной дороге под ветром и накрапывающим дождем ему не хотелось до смерти. Однако в окошке передней вновь мелькнула скорбная усатая физиономия, и маркиз, воинственно фыркнув, упал на сиденье.

— Трогай! — сердито велел он кучеру. — Да шевелись, пока под дождь не попали! Сидит он, глазами хлопает!

— Виноват, ваше сиятельство...

Астор Д'Алваро, жертва родового проклятия, тоскливо вздохнул про себя и натянул на голову капюшон.

Капитан Гуэрра, которого всё пограничье, исключая разве что собственных солдат, привыкло называть по имени, прищурился и вздернул брови: в ворота второй заставы въезжали мокрые дрожки со знакомой нахохлившейся фигурой на сиденье позади кучера.

— Клянусь Антаром! — тоном мученика выдохнул Фабио. — Да он, верно, решил здесь и помереть!.. Ну ладно еще клятва верности — сейчас-то что?!

Капрал Хоук, занятый сменой дозорных, оглянулся через плечо:

— Хранитель пожаловал?

— Во плоти... Брент! Загони дрожки в сарай да сведи лошадь на конюшню, льет как из ведра!

— Так точно, — донеслось снизу. Командир гарнизона, хмурясь, заторопился к лестнице. Объективных причин для приезда полковника он не видел, а субъективную нашел только одну — дорогой друг и командир просто бесится с жиру. Фабио был из безземельных дворян Белфита, стертого Данзаром с лица земли еще в прошлую войну, дом его сторел вместе с городом, а родных давно не осталось. И будь он на месте маркиза — боги уж с ним, с титулом! — он и носа не высунул бы на улицу в такую хлябь. Вот что неймется человеку? «Верно говорят — не ценим мы, что имеем, — подумал он, сбегая вниз. — И здоровье своё — в первую очередь!»

Хранителя капитан нагнал уже возле караулки. Тот, услышав сквозь шум дождя знакомые шаги, обернулся и сдвинул со лба капюшон.

— А, Фабио! — хмыкнул он, оценив выражение его лица. — Погоди пыхтеть, давай хоть в тепло пойдем. Чуть не околел, пока ехал — в спешке не тот плащ схватил...

— А торопился куда? — без улыбки поинтересовался друг. — На тот свет?

— Хоть ты-то не начинай, — скривился Астор. — Что со мной делается? Ну, дали по голове разок — так не отвалилась же!

— Экая радость, — проскрипел командир гарнизона. И, подумав, махнул рукой: — Пойдем ко мне. Караулка по самую крышу набита.

Маркиз благодарно кивнул. Голова его, пусть и не отвалившаяся, раскалывалась от боли, а тишины в караулке ждать было нечего — не выгонять же бойцов на улицу?.. Следом за другом Астор поднялся по лестнице на второй этаж бастиона, кивнул попавшемуся навстречу капралу Хоуку и перешагнул порог жарко натопленной комнатухи.

— Садись, — сказал Фабио, закрывая дверь и вешая рядом на крюк мокрый плащ. Хранитель, шевельнув плечами, протянул ему свой. И бросив взгляд на табурет у стола, сказал:

— Я бы лучше прилег, если позволишь.

Командир гарнизона окинул его пасмурным взглядом:

— И стоило ради этого десять миль под дождем тащиться? Ложись уж, демон с тобой, сапоги только снять не забудь. Ты что на заставе забыл, Астор?

Маркиз, с блаженным вздохом опустив гудящую голову на подушку, прикрыл глаза. И здраво рассудил, что озвучив другу реальную причину, имеет все шансы повторно получить по загривку.

— Запад, — сказал он. — Хотел быть поближе, когда... Ну, сам понимаешь. На заставы сообщат сразу, а до поместий пока дойдет!

Фабио закатил глаза.

— Это я скоро с тобой дойду, — сердито обронил он. — До ручки. Делать тебе нечего, Астор!

Проверив дрова в печке, он подошел к столу и потянул на себя дверцу навесного шкафчика.

— Есть хочешь?

— Нет, спасибо. Кофе бы!

— Сейчас сварю... А с западом пока всё то же, мог бы не дергаться. Данзарский флот стоит на приколе у берега, наши — вокруг поместий. На стены пока что никто не лезет.

— Странно. Я слышал, тысяча кораблей...

— Так крылья севера в аккурат к самой раздаче подойти успели, — пожал плечами Фабио. — Пехота и кавалерия запаздывают, но с тем, что есть, у нас уже две тысячи хвостов! И это еще без бомбардиров — а их почти три десятка пригнали, — он поставил кофейник на огонь и оседлал табурет. — Видно, Данзар с насока запад хотел взять, по накатанной, да понял, что в этот раз мы его обскакали. А пока новую стратегию выстроишь...

Хранитель второй заставы, задумчиво морща брови, качнул головой — и скривился от боли. Друг, заметив это, сочувственно крякнул:

— Совсем беда? Хочешь, пошлю к штатному магу, пусть в эликсирах своих пороется — обезболивающее у него точно есть.

— Давай...

К магу было послано, эликсир доставлен и выпит, кофе сварен и разлит по кружкам, так что вскоре настроение у обоих товарищей заметно улучшилось.

— Как Саэта? — спросил Астор, с наслаждением прихлебывая кофе. Даже без сливок и сахара он сейчас казался ему напитком богов — так давно маркиз не пил ничего кроме

желудевой бурды. — Летать будет?

— Лучше прежнего, — уверил Фабио. — Крыло заштопали, бока залатали... Правда, едва без фельдшера не остались в процессе — ну да ты эту фурию знаешь! Чуть стойло не разнесла, вдесятером держали.

— Пятеро Саэту, еще пятерка — фельдшера?.. — хохотнул маркиз. Эликсир подействовал быстро, сверлящая боль в голове утихла и он вновь почувствовал себя человеком. Командир гарнизона фыркнул в ответ.

— Почти... Кстати, ты Рамоса еще не видел?

— Мельком, перед клятвой, но я там и короля плохо запомнил. А что с Рамосом?

— Как что? Теперь уж трижды капитан! — со значением произнес Фабио, и друзья, переглянувшись, захохотали. Капрал Рамос, первый разгильдяй на все пограничье, бойцом был от бога, но, что говорится, без руля и ветрил: не раз отличившись в сражениях прошлой войны, он дважды становился капитаном — и дважды понижался в чине за какой-нибудь очередной свой фортель. Что, правда, наотрез отказывался признавать. По его словам, капитанский чин на нем просто «не держался» по причине невеликого веса, собственно, звания.

— Ходит весь в образе, — веселился Фабио, — и клянется, что уж в этот-то раз без двух крыльев на рукаве с войны не воротится. Вчера Кэйдунос расквасил — за недоверие... Одна радость — с начала января ни капли в рот не берет.

— Да у него без всякого вина дури немерено. Месяца не пройдет, как опять залетит! Может, и впрямь капитанство — не его, а?

Они дружно фыркнули в свои кружки. И, снова переглянувшись, в два голоса выпалили любимую присказку бедового капрала:

— «Вот если бы сразу полко-о-овника»!..

Отсмеявшись, хранитель второй заставы допил кофе и поставил кружку на пол.

— Я подремлю тут у тебя, ладно? — зевнув, спросил он. — Ночью толком не спал, голова трещала, да еще Гарет, зараза, до самых печенок допек, хоть выгоняй... Толкни меня часов в семь, как раз к ужину домой успею.

— Ладно. Дома-то как, Астор?

Маркиз, уже устроившись щекой на подушке, сонно улыбнулся, закрывая глаза.

— Дома хорошо...

Друг добродушно качнул головой, но ничего не сказал. Тоже допил свой кофе, убрал посуду и, взяв из шкафа сухой плащ, погасил свечи.

— Отдыхай, болезный, — напутствовал он, открывая дверь. — В семь разбужу!

Но пробуждение пришло раньше. Мирно спящего хранителя его командир гарнизона растолкал в начале седьмого. И по одному выражению его лица Астор, едва разлепив веки, понял — на заставу он ехал не зря.

— Началось? — коротко спросил он. Фабио кивнул:

— Только что первые сводки прислали...

Свою стратегию на западе Данзар выстроил заблаговременно, и менять старую на новую ему не понадобилось. Флот его стоял на приколе в сожжённой гавани не из опасений ввиду превосходства противника — он ждал, когда подтянутся все участники. Стоило пехоте и кавалерии севера миновать перевал и вступить в долину Клевера, как взвились на мачтах тысячи кораблей алые флаги с когтистым отпечатком драконьей лапы, а трюмы распахнулись, выпуская в небо трепещущий крыльями рой. Десять тысяч драконов, в

противовес двум тысячам, что собрал Геон, облаком накрыли павшую границу. Пронесшись серым смерчем над изготовившейся к атаке пехотой, они обрушились на линию защитников, прикрывавших поместья, — и если бы не бомбардиры, вовремя распахнувшие щит своих крыл, исход боя был бы решен в самом его начале. Наездники двух воздушных корпусов лагеря Динсмор приняли первый удар. Их штурмовики под прикрытием бомбардиров встретили врага грудью, а с земли в помощь им ударили всей своей мощью три сотни боевых магов королевского корпуса. Защитникам удалось замедлить и смять данзарский кулак — однако в ответ воспоследовало. Маги Данзара, те самые, которых не было на южной границе, — все они были здесь. Навстречу стянувшимся звеньям «ловчей сети» покатила «песчаная буря». Взметая снег, она накрыла холодной и плотной волной первую линию обороны, разбила строй по краям и схлынула, волоча за собой сбившихся с курса. А следом, не дав вздохнуть, ударил «звездопад». Огненный дождь пролился с небес, сея хаос и панику.

Запад сопротивлялся отчаянно. Перевес сил был на стороне противника, двух бомбардиров Геон потерял под огнем «звездопада» — их наездники только чудом успели отвести зверей от поместий. Первый рухнул на оставленную деревню, второму, уже подышающему, удалось на последнем рывке разбить строй данзарских драконов и похоронить под своим брюхом почти два десятка штурмовиков. Экипажи обоих не выжили. Защитники долины успели вовремя сомкнуть брешь, однако бой шел не только в воздухе: отдохнувшие и набравшиеся сил передовые пехотные части Данзара, что стояли на пограничной меже, перешли в наступление. А корабли под алыми флагами, ждущие своего часа у сожженных причалов, потянулись сходящими к земле, вслед за драконами выпуская из трюмов людей...

Собравшиеся у двери во вторую башню солдаты расступились, пропуская хранителя и командира гарнизона. Последний, уже переступая порог вслед за другом, хмуро оглянулся через плечо.

— Что столпились? — бросил он. — Или дел у вас других нет? Кэйд! Хватит почем зря мокнуть, разгони это собрание и марш на пост.

Капрал Кэйд опустил глаза.

— Так точно, — пробормотал он. Ему, как всем прочим, хотелось знать о ходе сражения, что разворачивалось сейчас на подступах к долине Клевера, но возразить он не осмелился. Про себя завидуя командиру, Кэйд обвел недовольным взглядом бойцов: — Приказ слышали? Разойтись!..

Солдаты нехотя потянулись со стены. Капрал, удостоверившись, что на ней остались только дозорные, покосился на дверь башни, вздохнул и тоже отправился восвояси...

— Сколько у них свежей пехоты? — спросил Астор, нависнув над разложенной на столе картой западного побережья. Штатный маг второй заставы воткнул в карту очередную булавку, сделал отметку на исчерканном листе бумаги по левую руку и заглянул в длинный свиток, лежащий по правую. Туда согласно протоколу вносились все поступающие сведения.

— Подсчет примерный, — сказал маг, — и высадка еще не окончена, но предположительно, если брать в расчет количество кораблей, — около ста тысяч.

— А кавалерия?..

— Пока не замечена.

Хранитель, переглянувшись с командиром гарнизона, раздумчиво кивнул. Лошади, как и драконы, темноту с качкой переносят не лучшим образом, да еще пехота — возможно,

кавалерию свою Данзар оставил дома. «Если так, — подумал Астор, — то здесь мы выигрываем. Четыре тяжелых эскадрона лагеря Динсмор, плюс весь кавалерийский корпус севера — а это почти шесть тысяч всадников...»

Отвлечшись на легкий хлопок за спиной, хранитель вслед за штатным магом повернул голову в правый угол комнаты. В отличие от остальных трех, тот бы очищен от мебели и совершенно пуст — там находилась резервная точка входа и выхода, через которую в Мидлхейм отправляли срочных гонцов. Во второй башне имелась еще одна, точно такая же. Их было по две на каждый бастион, и как раз ими в ночь первого штурма на заставы пришло подкрепление из столицы. Сейчас оно не требовалось, и резервную точку приспособили под почтовый канал связи.

— Сиди, — увидев лежащий на полу свиток, полковник Д'Алваро хлопнул по плечу привставшего мага и сам шагнул к стене. Поднял свиток, сломал печать, скользнул взглядом по плотным строчкам... — Демоны!

— Что?.. — напряженно подался вперед Фабио. Астор бросил свиток протянувшему руку магу и вернулся к столу.

— Еще три бомбардира, — мрачно сказал он, не глядя на друга. — И оба крыла генерала Лери. Напролом идут, твари. Север пытается обойти с флангов, но там корпуса данзарских боевых чародеев...

Командир гарнизона неразборчиво выругался.

— Высадку прикрывают? — спросил он. Хранитель кивнул, и оба посмотрели на карту: вместо одной из булавок с синей головкой на бумаге темнело теперь лишь крошечное пустое отверстие. Не первое и, увы, вряд ли последнее. Штатный маг, сверившись с донесением, взялся за красные булавки, и Фабио, дернув плечом, отвернулся. Враг тоже нес потери, но учитывая двойное преимущество в численности, радоваться этому было сложно. Заметив короткую гримасу боли, на миг искажившую лицо хранителя, он выдвинул из-за стола табурет.

— Сядь, Астор, — сказал он. — В ногах правды нет, а это, боюсь, надолго... Опять голова?

— Да, — поморщился тот, растирая пальцами виски. — Это тоже теперь надолго, ну да ничего, милостью богов не треснет.

— Может, эликсиру?

— Успеется, — отмахнулся маркиз, присаживаясь. — С обезболивающими частить нельзя... Пять бомбардиров! За неполные два часа! Что у них там за маги?!

Командир гарнизона, оседлав соседний табурет, молча пожал плечами. А штатный маг второй заставы, на мгновение оторвавшись от записей, сказал:

— Да такие же, как и у нас, ваше высокоблагородие, только большим числом.

— Так что ж резерв не увеличили?..

— Не могу знать, — вздохнул чародей, вновь склоняясь над столом. — Может, не успели просто...

Астор снова поморщился. Не успели? Да ведь у них неделя была в запасе! «Само собой, боевиков со всей страны на запад не сгонишь, — пасмурно подумал он, — но уж прикинуть хрен к носу они могли бы!..»

— Рано зубами скрипеть, Астор, — негромко обронил командир гарнизона, поняв, о чем он думает. — Бой еще не проигран. И маги магами, но своих бомбардиров Данзар на запад не притащил — всё же как-то полегче.

Тот хмуро кивнул, искоса бросив взгляд в пустой угол.

Новых сводок пришлось ждать долго. За окнами башни постепенно стемнело, зарядивший еще в обед дождь сменился мокрым снегом, из-за двери донеслась вечерняя переключка дозорных — и лишь в двенадцатом часу, когда уже всё пограничье опутала паутина дурных предчувствий, из угла наконец донесся тихий хлопок. Воздух в резервной точке сгустился серым пятном, помутнел и выплюнул на пол очередной запечатанный свиток.

Два последних воздушных крыла лагеря Динсмор, под командованием генерала Монреа, последовали за первыми всего спустя час. Еще почти десяток бомбардиров был уничтожен, пятеро выведены из строя и отодвинуты в тыл; сборный резервный полк-буфер между линией застав и поместьями был втопан в землю, а два западных хранителя из оставшихся четырех — убиты. Нескольким отчаянным командирам воздушных отрядов все-таки удалось прорваться к бухте, градом колб с горючей смесью уничтожив последнюю сотню кораблей, ожидавших разгрузки, но долину это уже не спасло. Потеряв почти половину бойцов людьми и драконами, защитники запада приняли решение оставить границу. Под крыльями бомбардиров, в кольце огрызающейся сталью конницы, поредевшей на треть, войска Геона отступали — в дыму, в огне, приказом короля сжигая за собой поместья и деревни. А враг, дышащий в спину, всё бил, не зная усталости: пядь за пядью армия Данзара выдавливала генералов Геона из долины Клевера, оттесняя к холмам...

К полуночи всё было кончено. Юг отбил границу, но запад своей удержать не сумел.

Даккарай не спал. Ночь уже опустилась, давно прозвучал сигнал к отбою, которого нынче никто не заметил, кадеты все-таки разошлись по казармам — но окна их не спешили гаснуть. В каждой комнате жарко пылали печи и горели настольные лампы, из-за каждой двери слышался тревожный шепот...

— Беда, — в очередной раз повторил рыжий Стрэттон и, получив от сидящего рядом товарища тычок под ребро, умолк. Энрике Д'Освальдо бросил взгляд через стол, туда, где сидел Рональд де Ласси. Неунывающий весельчак, всегда и во всем находивший смешное, сейчас он был сам на себя не похож. Ссутулившись и уткнувшись взглядом в столешницу, Рональд застыл в полумраке потерянным призраком.

Западное побережье Геона было занято неприятелем, и до северо-западного там было рукой подать. Тактика выжженной земли оправдывала себя лишь наполовину: не найдя пищи и крова в разоренной долине Клевера захватчики неминуемо должны были обратить внимание на соседние, а бухта Сирен, так же, как раскинувшаяся над ней Рыбачья долина, испокон веков принадлежала роду де Ласси — спокойная, обильная, со всех сторон укрытая скалистыми гребнями гор и, увы, теперь оказавшаяся ближе всех к театру боевых действий. «Данзар всегда заходил с юга, — опуская глаза, подумал Энрике. — Но не в этот раз. Бедняга Рон!»

Реджинальд Стрэттон шевельнулся. Обвел взглядом собравшихся за столом, подкрутил колесико лампы и сказал:

— Ну, довольно. В конце концов, пока обошлось одной долиной, к чему заранее хоронить остальные? Наши войска стоят на Волчьих холмах, да к тому же метель — быстро она не уймется, а это минимум ночь.

— Всего одна ночь, — еле слышно пробормотал де Ласси. Энрике от души пихнул Стрэттона под столом коленом.

— Да заткнешься ты или нет, Морковка? — чуть слышно прошипел он. — Без тебя тошно!

— От тебя, можно подумать, больше пользы, — огрызнулся рыжий, задетый его раздраженным тоном. Реджинальд был сухарь и прагматик до мозга костей, но и у него было сердце. Рона он считал другом и сейчас искренне ему сочувствовал — жаль только, облечь это сочувствие в слова не умел. Он отодвинулся от Энрике и посмотрел на бледного кадета де Ласси: — Рон, ну в самом деле...

Тот, не дослушав, отодвинулся от стола вместе со стулом, рывком поднялся на ноги и выскочил из комнаты.

— Молодец! — с чувством проронил Энрике, метнув свирепый взгляд на растерянно заморгавшего Стрэттона, и уже хотел было тоже подняться, но последний из четверых, сидящих у стола, коротко мотнул головой и встал.

— Я схожу, — сказал Клифф. Одернул мундир и вышел. Реджинальд, поймав очередной красноречивый взгляд соседа, нахмурил морковные брови:

— Еще раз меня толкнешь, Энрике, — получишь в морду. Тоже еще, заступник нашелся!

— Я хотя бы в душу не лезу, когда не просят, — не остался в долгу кадет Д'Освальдо. — И «похороны» не поминаю почем зря — совсем ты слепой, что ли? Рон, бедолага, из последних сил держится!

— Он такой не один, — уязвленно заметил Стрэттон. — И его родные живы, в отличие от...

На койке Энрике, позади спорщиков, зашевелился кадет Декстер.

— Да заткнитесь вы оба, — проговорил он. — Развели базар. Так-то Морковка прав, Энрике, и далеко не факт, что Данзар через хребты полезет, даже без всякой метели, — к чему флангами расплываться? А вот от Волчьих холмов до Черной долины меньше двух недель лёта по прямой. О Клиффе бы лучше подумали, ослы.

Энрике вспомнил веснушчатое лицо Вэдсуорта, застывшее в странном спокойствии, его прямую спину, исчезнувшую в темноте за дверью, его молчание — и уязвленно крикнул.

— А ты бы лучше о себе подумал, Вэл, — проскрипел он, не оборачиваясь. — И шел спать, пока новых швов не прибавилось! Ну что ты притащился сюда, скажи? Ведь еле ходишь!

Тот мимолетно поморщился.

— Главное, что хожу, — обронил он, с кряхтением переворачиваясь на другой бок. А потом добавил ворчливо: — «Спать»! Это в нашей-то обители скорби? Нет уж, благодарю покорно, — тем более, утешитель из меня еще хуже Реджи...

Виллем Декстер тоже делил комнату с тремя соседями. И как на грех все они были с запада — два сына и один брат хранителей, отдавших свои жизни в сражении за границу. Первый остался круглым сиротой, двое других не знали, где сейчас их семьи, и все трое в одночасье лишились дома. «Да, — мысленно признал Энрике, — пожалуй, есть с чем сравнить». Его собственный отец был жив и даже повышен в чине. А хранители запада полегли почти все на руинах своих бастионов.

— Беда, — опять без выражения повторил Реджинальд, и Энрике сердито раздул ноздри. Кадет Декстер за их спинами мрачно хмыкнул.

— Беда, — согласился он. — Но не катастрофа. Войну Геон еще не проиграл.

Никто ему не ответил. Геон не проиграл, но где он выиграл? На южной границе, атакованной лишь для отвода глаз?..

Рональд де Ласси вернулся четверть часа спустя — один. Не глядя на примолкших товарищей, он разделся, повесил мундир в шкаф и лег, с головой накрывшись одеялом.

— А где Клифф? — спросил Декстер. Ответа не последовало. Реджинальд с Энрике переглянулись. Да, Черная долина... Кадет Д'Освальдо, подумав, отодвинул свой стул и встал. Утешитель из него тоже был не ахти, но уж всяко лучше Реджи с Вэлом. А то, что их дружба с Клиффом порядком разладилась еще в прошлом году, из-за Кассандры, пожалуй, сейчас было даже к месту. «Может, двинет мне в челюсть сразу за всё, — думал Энрике, выходя из комнаты, — да его и попустит?..»

Зла на соседа будущий хранитель не держал, а кость у него была крепкая. Прикрыв за собой дверь спальни, Энрике прошел коротким коридорчиком и, достигнув передней, вопросительно взглянул на дневального. Тому уточнений не понадобилось: сочувственно кивнув, он слегка шевельнул плечом в направлении уборной. Понятно.

— Клифф, приятель, — сказал Энрике, шагнув через порог и сразу увидев знакомую нескладную фигуру, застывшую у окошка в конце ряда рукомошников. — Вот ты где...

В комнате под лестницей на первом этаже женской казармы свет не горел, но спящих тут было не больше, чем во всем остальном кадетском городке. Девушки лежали в своих постелях и молчали. Кайя Освальдо, заложив руки за голову, смотрела в потолок, Сельвия,

свернувшись калачиком, тихонько всхлипывала, Кассандра отстраненно прислушивалась к этим жалобным всхлипам, скользя пальцами по ободку медальона, а Орнелла вертелась с одного бока на другой как уж на сковороде. Провозившись добрые полчаса, она сердито дернула ногой и приподнялась на подушке:

— Селли! Во имя богов, ну ты-то что хнычешь?! У тебя же никто не умер!

— У м-меня н-никто... — покорно согласились из противоположного угла, давясь слезами. — А у д-других... М-мне их так жалко, д-девочки...

— Себя пожалей, — нервно огрызнулась Орнелла, переворачиваясь на спину. Так тоже было неудобно. — Запад сдал границу. Такими темпами и мы скоро где-нибудь понадобится можем, а наездники из нас — курам на смех!

Сельвия, очевидно, представив такое развитие событий, зарылась лицом в подушку и зарыдала еще горше. Кадет Освальдо недовольно нахмурилась.

— Говори за себя, эль Тэйтана, — сказала она. Кайя не любила, когда ее чувствительную подругу кто-то расстраивал. — А лучше вообще молчи.

— Без тебя разберусь! — оцетинилась герцогиня. И снова дернув ногой, села в постели. — Кэсс! Ты спишь?

— Нет, — отозвались с койки справа. — Я думаю. О драконах. Интересно, сколько их у Данзара еще осталось?..

Орнелла закатила глаза.

— А десяти тысяч тебе мало?! — потрянув своей растрепанной гривой, воскликнула она. Кассандра проигнорировала вопрос. А Кайя раздумчиво повела плечами:

— Ну, уже не десяти. Минимум на четверть проредили. И зима Геону на руку — драконы юга к холодам да метелям непривычные. Сейчас, пока кровь не остыла, еще поскачут, а поглядим на них через пару недель!

— Думаешь, падёж начнется? — с оттенком недоверия уточнила Кассандра. — Генералы Данзара ведь тоже не дураки. Знали, куда идут.

— Знание не равно опыту. Они всегда начинали с южной границы, с самой первой войны — а юг он и есть юг, что по ту сторону Туманного хребта, что по эту. И наше отступление всю долину Клевера предало огню. Где им греться?

— Ну, если только так... Так сколько же их осталось? Там, в Данзаре?

— Спроси чего полегче. Но уж не всю армию сюда привели, дело понятное. Наверное, треть — кавалерию-то дома оставили. И бомбардиров тоже. А только ими Данзар с хребта не прикроешь.

— А! Полки Разнотравья!

— Они самые. И это ведь только один лагерь, а в Разнотравье их пять. Не говоря уже о Предгорье...

Кадет эль Тэйтана молча переводила растерянный взгляд с одной койки на другую.

— Да вы что, рехнулись обе следом за Селли?! — наконец взревела она, когда Кассандра с Кайей вслед за подсчетом вражеских штурмовиков принялись обсуждать их сильные и слабые стороны. — Что за офицерский совет?! Вы хоть понимаете... Кэсс! Ну ты же сама говорила, что в гробу видела всю эту войну!

Те примолкли, и в наступившей тишине жалко икнула ослабевшая от слез кадет Д'Ориан.

— Говорила, — после паузы спокойно сказала Кассандра. — И войны я не хочу, и воевать тоже. А разве у нас есть выбор?

— Мы приносили присягу, — добавила Кайя. — Ты тоже, эль Тэйтана, так что смиришься и не позорься — тебя отсюда уже никто не отпустит.

Орнелла что-то тихо прошипела себе под нос. Подруги не знали, но предостережение Кайи запоздало на целую неделю: еще после атаки на цепь южных застав герцогиня предприняла свою, на второго заместителя главы Даккарая. Позора удалось избежать, второй заместитель, исхитрившийся в отличие первого все-таки удержаться на должности, человеком был тертым — однако ничего для себя хорошего Орнелла от него не услышала. «Боюсь, вы не можете оставить школу, ваша светлость, — разведя руками, сказал он. — Объявлена война! И даже если бы вы пожелали проститься с Даккараем еще в прошлом году, вас всё равно бы призвали — присяга, вы ведь понимаете...» Орнелла ничего не желала «понимать», ей было страшно, ей хотелось домой, но что она могла сделать? Она сама себя заперла в эту клетку, и теперь только зря бросалась на прутья в бессильной ярости — выхода отсюда не было.

— Да шли бы вы со своим «смирением»!.. — не сдержавшись, буркнула она и, вновь упав на подушку, повернулась к подругам спиной. «Демоны б взяли Ричарда, — со злым отчаянием думала она, уставившись в беленую стену. — Зачем я только за ним потащилась в этот богами проклятый Даккарай! Ему плевать на меня, на всех, кроме его драгоценной Клариссы — а этой бледной моли ничего не грозит! Она так и будет сидеть себе спокойно в Предгорье, и станет графиней, и Ричард как собачонка будет таскаться за ней, а я... А меня *не будет?*..» Орнелла зажмурилась. Последняя мысль породила в ней вдруг такое возмущение и обиду, что отступил даже страх. Её, самой завидной невесты Геона, первой красавицы Верхнего Предгорья, такой молодой и любящей жизнь, — может не стать? Из-за этой никому не нужной войны, из-за того, что она, не подумав, принесла присягу? И ничего не будет — ни Каменного Лога, ни балов с пикниками, ни Ричарда, ни Сау?.. Да как же это? За что, почему?

Орнелла прислушалась к голосам подруг за спиной — Кайя с Кассандрой вновь завели разговор о Данзаре и его драконах, а Сельвия в своем углу, наикавшись, тихо шмыгала носом в подушку. Им не понять, подумала Орнелла. Даже Кэсс сдалась, а еще Д'Алваро! Ее светлость угрюмо насупилась. Сдаваться она не привыкла, смиряться не собиралась, но поддержать ее в этом сейчас было решительно некому. Разве что... Колеблясь, Орнелла медленно перевернулась на спину. Несмотря на ее молчание, Зигмунд де Шелу всё так же продолжал писать ей — и сжечь эти горькие письма у нее не поднималась рука. Ей было жаль его, несмотря на страх перед его даром. И каждый раз при виде конверта со штемпелем Мидлхейма кадет эль Тэйтана отводила глаза, чувствуя себя бессердечной дрянью. Все-таки, она поступила с беднягой дурно — нужно было хотя бы проститься по-человечески, а не трусливо прятать голову в песок. Темные брови герцогини задумчиво нахмурились. Соблазн облегчить муки совести и заодно излить душу тому, кто если не поймет, так выслушает, был слишком велик. «Напишу, — в конце концов решила она. — Прямо как есть! Умирать, так хоть без долгов».

Орнелла села в кровати. Потом, набросив на плечи плед, босыми ногами прошлепала к столу, зажгла лампу и полезла в свою тумбочку за письменными принадлежностями.

— Вот новости! — недовольно шурясь от света, проговорила Кайя. — Третий час ночи! Ты что, эль Тэйтана?

— Ничего, — буркнула в ответ та. — Что-то я не вижу, чтоб здесь хоть кто-нибудь спать собирался!

Воинственно передернув плечами, она запахла плед как полководец — плащ и уселась за стол, подобрав под себя ноги. Откинула крышку чернильницы, взяла из связки перо...

— Орнелла! — донесся до нее голос Кассандры. — Да ведь завтра же воскресенье! Брось ты эти тетради!

Герцогиня только отмахнулась от подруги, даже не взглянув в ее сторону. С пером в руке она уже склонилась над столом.

Воскресенье, дождливое и хмурое, кадеты Даккарая встретили со слипающимися после бессонной ночи глазами и серыми лицами. За завтраком они без аппетита ковыряли ложками кашу — даже вечно голодным первокурсникам она не лезла в горло. В столовой, всегда такой шумной и оживленной, висела тягостная тишина, никто не ёрзал на лавках, не толкал соседей локтями, и каждый кадет нет-нет да и обращался взглядом к преподавательскому столу. Мастера, сидевшие вокруг него, по сторонам не смотрели. Изредка обмениваясь ничего не значащими фразами, они спокойно завтракали, и лишь иногда кто-то из них, по примеру собственных учеников, вопросительно-тревожно взглядывал на Сезара Тайрина. Глава совета мастеров и временно исполняющий обязанности главы Даккарая мерно глотал ложка за ложкой кашу, не поднимая глаз. Он чувствовал напряжение, витавшее в воздухе, слышал звенящую тишину вокруг, знал, что ему всё равно придется ее нарушить, и внутренне собирался с силами.

Он тоже не спал этой ночью. А в седьмом часу, незадолго до горна, получил с запада известие, что Рыбачья долина вслед за долиной Клевера досталась врагу. Сжечь ее не успели. Пользуясь темнотой и метелью, одно из воздушных крыльев севера обошло по широкой дуге данзарские войска, миновало разделяющий две долины узкий горный хребет и заняло переправу к ущелью: через него им надлежало вывести мирное население. Отстоять саму долину у Геона не достало бы сил. Бой на подступе к Волчьим холмам дался защитникам запада нелегко, многих потеряли убитыми и ранеными, оставшиеся в строю валились с ног от усталости, а главное — попытка укрыть армейским щитом Рыбачью долину могла привести к прорыву неприятеля вглубь страны. Игра не стоила свеч. Поэтому спасали только людей, зерно и, по возможности, скот: та самая сожженная сотня данзарских кораблей в трюмах везла не солдат, но припасы, осадные орудия и обозный скарб. Всего этого захватчики лишились, а с ним и возможности успешного продвижения армии, однако в Рыбачьей долине им легко было восполнить потерю. И Геон забирал всё, что мог. Тянулись по снегу, одна за другой исчезая в ущелье, доверху груженные повозки, ревели коровы, которых почти не слышно было под воем ветра, вздувались мышцы на ногах тягловых лошадей и волов... Люди шли сами, как могли, посадив на возы лишь малых детей, стариков и женщин в большой тягости. Барон де Ласси покидал долину одним из последних: вместе с женой, старшим сыном, невесткой и малолетними внуками. Он не хотел уходить, несмотря на приказ короля, он не желал оставлять свою вотчину, взрастившую его прадеда, деда, отца и его самого; он умолял не сжигать поместье, но его не стали слушать. Не до того было. Командующий воздушного крыла, генерал Мэллори, торопил людей, чутье подсказывало ему, что время дорого, — и оно не обмануло. Еще не успела скрыться в снежной мгле за переправой последняя вереница повозок, не успела вспыхнуть первая стена господского дома, как на крыльях метели в Рыбачью долину ворвались данзарские штурмовики. Два крыла, вдвое больше, что прикрывали отход мирного населения, отшвырнули отряд

поджигателей от поместья и обрушились на переправу. Ущелье им было не по зубам, но защитникам, что остались снаружи, от этого лишь тяжелей пришлось — крыло генерала Мэллори, сутки не знавшее отдыха, приняло неравный бой. Уцелели и вслед за беженцами успели уйти лишь неполные три десятка наездников, сам генерал был тяжело ранен, а больше пяти дюжин возов с зерном досталась захватчикам. Вместе с поместьем, службами и содержимым тех закровов, что не смог вместить караван. В один день Геон потерял две долины сразу. А Данзар вернул себе то, что забрал у него огонь в Китовой бухте...

Сезар Тайрин отодвинул пустую миску. Сделал глоток жидкого кофе и, все-таки совладав с собой, поднял голову. Все мастера и преподаватели как по команде выпрямились, не сводя с него глаз.

— К полудню, — ровно сказал Сезар, — прошу весь наличный состав, включая кадетов, собраться в Большом загоне. Кураторы, обеспечьте явку.

— Так точно, — нестройным хором пронеслось над столом. Глава совета кивнул и поднялся. Он ничего больше не сказал, но все, кто собрался в столовой, провожали взглядами его спину до тех пор, пока он не скрылся в дверях. Историк, мастер Стром, молча качнул головой. Сидящая по правую руку от него капитан Рид, тоже не проронив ни слова, опустила ложку.

— Запад, — негромко обронил капитан де Гарр. — На рассвете пришли новые сводки.

— А в них... — прошелестел кто-то и умолк, не закончив фразы.

— Не знаю. Он не сказал. Но, кажется, ничего хорошего.

Мэтр Бенно, глава лазарета, взял в руки свою кружку и сделал большой глоток.

— Полагаю, — проронил он, — в полдень об этом будет объявлено.

Все промолчали, опуская глаза. Молоденькая капитан Дарроу, преподаватель географии, под столом коснулась руки мужа, заведующего драконариумом. Тот ободряюще сжал в ладони ее пальцы. И оглядев лица соратников, сдвинул брови:

— Как бы то ни было, господа, наше дело исполнять приказ, а не предаваться унынию. Быть может, милостью богов, не так уж всё и плохо.

Ему, как и мэтру, никто не ответил. За столом собрались офицеры, большей части которых было известно, что такое война. И все они без исключения знали Сезара Тайрина — будь в последних сводках хоть что-то хорошее, он не стал бы молчать.

...Из Большого загона кадеты выходили молча, глядя себе под ноги. Никто из них не проронил ни слова, пока мастер Тайрин освещал последние сводки с запада, но даже когда он умолк, шумнее не стало. Кадеты Даккарая вдруг словно разучились говорить. Вести были ужасные. А списки погибших в Рыбачьей долине и долине Клевера — еще страшнее. Прозвучала команда «Разойтись», и многие ученики, пряча глаза от товарищей, заторопились к дверям, чтоб где-нибудь в укромном уголке дать выход своему горю. Кто-то потерял отца, кто-то брата или сестру... Те, кому повезло, спешили убраться с дороги. Они всё понимали.

Орнелла эль Тэйтана покинула Большой загон одной из последних. Ей некого было терять, близкой родни у нее давно уже не осталось, но впервые в жизни она чувствовала себя такой одинокой. Письмо Зигмунду де Шелоу ушло с почтовой повозкой в столицу еще утром, но ответа она не ждала. Сельвия, молча глотая слезы, под присмотром Кайи вернулась в казарму — двое из четырех ее братьев, служившие под началом генерала Лери, были ранены прошлой ночью, и один не дожил до утра. Кассандра убежала вслед за Клиффордом

Вэдсуортом — хотя у него, вроде, никто из родных не был ни убит, ни ранен. А Орнелла осталась одна. Подождав, пока растает толпа у дверей, герцогиня вслед за остальными прошла коридором, спустилась по лестнице на первый этаж, бросила взгляд на гардеробную — к той было не подступиться — и свернула к окну. За ним был дождь. Положив руки на мраморный подоконник, хозяйка всего Верхнего Предгорья смотрела на катящиеся вниз по стеклу дождевые капли, и ей хотелось плакать. От собственного бессилия, от страха за свое будущее, от того, что некому было ее утешить... В носу отчаянно защипало, на глаза сами собой навернулись слезы, но Орнелла, вскинув лицо к потолку, заморгала, гоня их прочь. Не станет она рыдать, как Селли! Только не здесь, на глазах у всего Даккарая!

— Госпожа эль Тэйтана, — раздалось за спиной, но даже знакомый, такой любимый голос не всколыхнул сейчас ее тоски. Герцогиня отстраненно прикрыла глаза.

— «Госпожа эль Тэйтана», — эхом повторила она. — Разве мы с вами уже не друзья, Ричард, и не добрые соседи?..

— Простите, Орнелла, — сказал де Кайсар. И добавил, помолчав: — Я захватил и ваш плащ тоже, у гардеробной страшная давка. Возьмите — на улице дождь.

— Спасибо, — уже немного совладав с собой, она обернулась. Лицо Ричарда, протягивающего ей плащ, было печальным и сосредоточенным. Он, так же, как и она, никого из родных не потерял прошлой ночью, но скорбел сейчас вместе со всем Геоном. «Как это на него похоже!» — с нежностью подумала Орнелла. Краем глаза она заметила медленно спускающегося по лестнице Сезара Тайрина в окружении хмурых офицеров, и зябко передернула плечами.

— Запад!.. — вырвалось у нее. — Я до сих пор не могу поверить! Столько людей... и всё было напрасно, Ричард!

Безысходность, звучащая в ее голосе, тронула его. Молодой человек опустил плащ на подоконник и взял поникшую герцогиню за руку.

— Я понимаю ваше отчаяние, — тихо сказал он, глядя на нее своими красивыми карими глазами. — И вокруг нет ни одного человека, что сейчас не разделял бы его, — но нужно держаться, Орнелла. Нельзя падать духом — особенно теперь, когда от всех нас так много зависит!

— От нас? — пробормотала она. — Опомнитесь! Сотни бойцов, закаленных в сражениях, остались лежать на снегу долины Клевера — они не смогли защитить ее, как же мы сможем? Да и сколько нас?

— Больше, чем кажется. И если понадобится, мы все до последнего придем на смену ушедшим! — расправив плечи, горячо выдохнул де Кайсар. Потом поймал ее гаснущий взгляд и сказал виновато: — Простите. Вспоминая потери, я забылся и не подумал о ваших чувствах...

«Когда ты о них думал», — с горечью пронеслось в голове Орнеллы.

— Я не справлюсь, Ричард, — тихо вздохнув, сказала она. — Вы другое, вы, наверное, сможете, но не я. Это всё слишком страшно!

Голос ее предательски дрогнул, и де Кайсар коротко сжал ее руку. Это не было жестом сердечной приязни — Ричард, согласно своей благородной натуре, всего лишь пытался ободрить ее, как старого друга, и герцогиня это понимала, но тепло его ладоней все равно согревало ей душу.

— Конечно, вы справитесь, — мягко проговорил он. — Вы прекрасный наездник, Орнелла. Признаться, я никогда не думал, что военная служба может быть вам интересна, но

теперь я вижу... нет, знаю — вы вовсе не то хрупкое создание, каким вас привыкли считать! В вас есть и сила, и стойкость, и храбрость. И когда придет время...

Он говорил, говорил — что именно, Орнелла уже не слышала. Она смотрела на него снизу вверх, и сердце ее оживало с каждым новым словом, слетавшим с его губ. Он стоял перед ней, совсем рядом, он держал ее за руку, и его вдохновенный голос звучал в ее ушах божественной музыкой. Он не думал, что ей может быть интересен Даккарай, — но *о ней* он все-таки *думал!*..

Дождь кончился, и в прорехе меж облаков, сгустившихся над цитаделью, проглянуло солнце. Оно коснулось медных кудрей де Кайсара, позолотив их, и сделав еще теплее взгляд его карих глаз, устремленных куда-то поверх головы Орнеллы. Ах, Ричард! Как я только могла проклинать тебя, подумалось ей. Разве ты в чем-то можешь быть виноват?.. Прошлое и будущее были забыты, даже война словно бы отодвинулась в сторону, сделавшись чем-то пустячным. Ричард назвал ее «прекрасным наездником». Он восхищался ею! И пусть в голосе его не было любви, но это пока! «Я не эта бледная моль, — думала Орнелла. — Я могу больше, чем прятать за веером постную мину. К демонам тот Данзар и войну — я еще покажу, чего я стою! И когда Ричард это увидит, он поймет, как сильно он ошибался!»

Ричард де Кайсар не знал, о чем она думает. Устремив глаза к небу, он продолжал говорить, даже не замечая, что его не слушают, и не видя лица, обращенного к нему. Но другие глаза, тоже карие, только намного темнее, выдававшие в своем хозяине уроженца знойного юга, смотрели — и видели. Энрике Д'Освальдо, с плащом в одной руке и протянувший вторую к ручке двери главного корпуса, застыл у порога в странном оцепенении, глядя на девушку у окна. Он не узнавал в ней той дикой кошки, которую на дух не выносил: чудесное видение, всё окутанное мягким и теплым сиянием, словно сошло с небес вместе с лучами солнца. Золотые волосы, золотые глаза, золотисто-розовые губы, чуть приоткрытые в изменчивой, неясной улыбке... Не бывает таких на земле. Только за гранью Пятого неба.

В лицо ударил сырой холодный ветер, кто-то толкнул его плечом и прошел мимо, не извиняясь. Кадет Д'Освальдо пришел в себя. Сжал пальцами воздух, тряхнул головой и, со второго раза всё же поймав ручку медленно закрывающейся двери, шагнул через порог. Мокрое крыльцо всё было залито солнечным светом. Над головой ярко, победно синел кусочек неба, словно не замечая сужающих круг облаков. А пахло совсем по-весеннему, несмотря на январь.

— Энрике! — долетел от фонтана сердитый голос Реджинальда Стрэттона. — Да что ты там застрял?

— Иду, — отозвался тот, торопливо набрасывая плащ. И уже сбегая по ступеням вниз, к черным плитам площади, обернулся на окна главного корпуса. Все они были покрыты сверкающей чешуей дождевых капель, и разглядеть, что за ними скрывалось, было нельзя. Энрике вспомнил широко раскрытые глаза, искрящиеся расплавленным золотом, и ощутив вдруг прилившую к груди волну жара, передернул плечами. «Чуден промысел божий, — мрачно подумал он, гоня прочь ненужное воспоминание. — Такая красота — и кому досталась!..»

Оттепель, краем коснувшаяся и Даккарайской пустоши, не успела продвинуться дальше. На смену ей вновь пришли снег и мороз. Метели на западе всё так же лютовали, лишь изредка давая двум армиям короткую передышку, и генералы с обеих сторон не спешили бросаться на амбразуру.

В ту памятную ночь, когда пала Рыбачья долина, противники хорошо потрепали друг друга. Численный перевес был на стороне Данзара, но его драконы, которых бросили в бой, едва корабли успели причалить, еще толком не пришли в себя после долгой дороги — им нужно было время. Требовалось оно и Геону. Велики были потери, дурна погода, а новое подкрепление из северных военных лагерей на запад продвигалось медленно, ждали его лишь к началу февраля. Беженцев из Рыбачьей долины благополучно переправили в Хелвинд, крупнейший из городов запада, что стоял в самом центре Неспящей равнины. Со всех сторон Хелвинд был укрыт горами, под его крепостными стенами шумели бурные реки, не замерзавшие даже зимой, а три горных крепости, глядящие на него с высоты узкими бойницами башен, были полны и в любой момент готовы укрыть его щитом своих крыльев. Большой, сильный, хорошо укрепленный, Хелвинд был надежным убежищем. Даже прорвись враг к нему сквозь перевалы — он бы здорово обломал себе зубы... Впрочем, пока что об этом не шло и речи. Войска Геона, закрепившись на Волчьих холмах, стояли лагерем на выходе из долины Клевера, а войска Данзара, раскинув шатры, — в трех милях западнее, на пути к побережью. И те, и другие набирались сил в ожидании смены погоды.

Даккарай метели тоже не обошли стороной — придя в этом году раньше срока, они обрушились на пустошь не хуже данзарских штурмовиков, и добровольным пленникам цитадели пришлось несладко. С утра до ночи выл за окнами ветер, стены казарм дрожали от холода, и кадеты, возвращаясь по вечерам в свои спальни, первым делом бросались к печкам — за день комнаты выстуживались полностью. Правда, снаружи было куда как студеной, но мерзнуть будущим наездникам было некогда. Лекции в аудиториях преподавательский совет урезал почти в половину, ровно настолько же увеличив количество практических занятий. Летное дело, стрельба, рукопашный бой и уроки владения холодным оружием занимали теперь практически весь день. И кадеты, еще до отбоя без сил падая в кровати, славили богов, что хотя бы уборкой снега кроме них есть кому заняться: солдаты охранного гарнизона, все так же стоявшего в стенах школы, пришлись весьма кстати.

Однако и в том было мало радости. Учебные вылеты, на которые раньше допускались лишь старшие кадеты, теперь распространялись на всех: первый и второй курсы, до этого лишь с завистью вздыхавшие в спины третьему, получили право на свой «глоток свободы» и очень скоро поняли, что завидовать там было нечему. Холод, ветер, метель — видят боги, уже и они-то были не сахар, но всё остальное?..

— Да чтоб вас разорвало! — мученически простонала кадет эль Тэйтана, с трудом поднимая голову от подушки. Лампа на столе уже была зажжена, по комнате прыгали тени — остальные соседки, такие же встрепанные и сонные, толклись у шкафа, торопливо застегивая мундиры. А снаружи, по ту сторону заиндеветых окон, несмолкаемо ревел горн. — Опять! Смерти вы моей хотите, что ли?!

— Вставай, Орнелла, — донеслось от шкафа. — В наряде будет еще хуже.

Герцогиня, вполголоса поминая всех демонов нижнего мира, сбросила одеяло. На этой

неделе это был уже третий подъем по тревоге — третий подряд. И сил у кадета эль Тэйтаны едва хватило на то, чтобы одеться. Косу ей плела Сельвия — у Кассандры и расческа-то в руках с трудом держалась. «Ну почему мне не дали штурмовика?» — не сговариваясь, подумали подружки, тоскливо переглянувшись между собой. И Орнелла, и Кассандра были привязаны к своим драконам, отдавая должное их скорости и уму, но сейчас...

— Шевелитесь, — обронила Кайя, набрасывая плащ. — Опоздаем — все залетим. Чтс вы обе как мухи сонные?

— И правда, с чего бы? — сварливо огрызнулась Орнелла. — Не мы же вчера полночи по скалам шныряли, вместо того, чтоб в строю красоваться!..

Кадет Освальдо смущенно опустила глаза. Правда в словах соседки была — Кайя и Сельвия, как наездники штурмовиков, задачи имели другие.

— Ну, знаешь ли, — буркнула она, — в строю тоже не легче. Вчера вон сколько нам синяков насажали!

Орнелла лишь сердито фыркнула в ответ. Говоря за себя, она бы с куда большей охотой предпочла синяки выслеживанию в снежной круговерти чужих дозоров. Но кого это волнует?..

— Спасибо, Селли, — сказала она, тряхнув заплетенной косой, и следом за подругами заторопилась на выход. В передней уже было пусто.

— Так и знала! — недовольно нахмурилась Кайя. — Ходу!

Голос ее потонул в свисте метели и реве горна. Скатившись вниз по крыльцу, все четверо бросились догонять уже порядком ушедшую вперед колонну. Успели одним лишь чудом — ветер валил с ног — и почти у самых ворот кадетского городка тишком пристроились в хвост. Сверху летел снег, справа и слева, теснясь плечами, шагали другие кадеты, неотличимые друг от друга в темноте.

— Интересно, куда сегодня? — шепнула Кассандра, щурясь от ветра. — Хребет Орлана мы уже вдоль и поперек излазили.

— Какая разница? — вяло отмахнулась Орнелла, прикрыв зевающий рот рукавом. — Всё одно мерзнуть до самого рассвета, а потом снова в седло. И хорошо, если хоть завтрашней ночью выспимся!

Идущая впереди Сельвия согласно вздохнула. Наездникам тяжелых штурмовиков не приходилось носиться над скалами под самым студеным ветром, но и на земле тоже было несладко. Кайя, скосив глаза на подружку, ободряюще коснулась плечом ее плеча.

— Ничего, — сказала она. — До смерти не затаскают... Но лучше бы все-таки на старое место. Там хоть всё знакомо.

Несмотря на весь свой талант и фамильную выносливость Д'Освальдо, Кайя тоже была не железная.

Но измученным кадетам не повезло. Приказом мастера Тайрина их увели на Белый хребет, соседний с хребтом Орлана и пусть отчасти знакомым, но лишь старшекурсникам. Которые, положив руку на сердце, внезапную смену диспозиции тоже не оценили: Белый хребет местом был коварным, с целой россыпью сквозных коридоров и крайне неудобными площадками для лагерей — совершенно голыми, открытыми и продуваемыми со всех сторон. Палатки там было крепить практически не за что, костры гасли под ветром, а часовые примерзали к камням даже осенью. А уж в конце января, да в метель...

— Околеем к демонам, — проскрипел Реджинальд Стрэттон, соскальзывая с седла на

неровной заснеженной площадке с восточной стороны хребта. И зло сплюнул себе под ноги. Плевок замерз, двух дюймов не долетев до земли. — Что за погода!

— Да уж, — сказал Энрике. — Никогда бы не подумал, что буду завидовать Декстеру.

— Равнение на меня! — донеслось из вихрящейся снежной мути чуть впереди. — Собрать строй! Смир-р-на!

Голос у капитана де Гарра был на зависть сигнальному горну, но и он чуть не проиграл свисту ветра. Кадеты Стрэттон и Д'Освальдо, взяв под уздцы драконов, развернулись, вместе с другими выстраиваясь в линию. Ее конец и начало терялись во мгле. «Прав Реджи, — мелькнуло в голове Энрике. — Околеем как пить дать. Конечно, мастер Тайрин прав, нечего привыкать к хорошему, — на войне с нами никто носиться не будет... Но не пошлют же в бой первокурсников! Хоть зелень бы пожалели, к чему всех на вылет тащить?» В лицо кадету Д'Освальдо хлестнуло колючей снежной взвесью, и он выругался про себя. Первокурсником Энрике давно не был, мерзнуть на скалах ему тоже было не привыкать, но таких бурь, пожалуй, он до сегодняшнего дня не помнил. Так и свищет! И это на плато, а выше, у пиков, наверняка полное светопреставление. Условия, приближенные к боевым — оно, ясное дело, только на пользу, но так ведь к утру половины состава не досчитаетесь!..

Однако им со Стрэттоном пришлось куда легче многих. Их боевой задачей выпала охрана условных продовольственных складов — за которую сейчас убил бы любой кадет. Охрана пещеры, под защитой каменных стен, в запутанном лабиринте скальных коридоров была мечтой каждого, обреченного мерзнуть под ветром там, снаружи. Приятели заняли вверенный им пяточок, пристроили в каменном выступе над головами пылающий факел и расслабились. Учитывая хитросплетение внутренних галерей хребта, о вторжении можно было не беспокоиться. Два штурмовика, зевая, свернулись клубками у каменных арок друг напротив друга, кадет Стрэттон достал карты...

— Шулер!

Энрике ухмыльнулся. Обычно эта нелестная характеристика относилась к владельцу колоды, но сегодня был не его день.

— Зависть, дорогой граф, — обронил он. — Зависть... Умейте признавать свои ошибки.

Реджинальд недовольно передернул плечами.

— Ну? — спросил он. — Что за фант?

Играли на интерес, но с желанием Энрике еще не определился. И сделав вид, что задумался, возвел глаза к потолку:

— Даже не знаю...

— Может, на втором кругу решишь? — прищурился Стрэттон. Проигрывал он редко. Энрике насмешливо хмыкнул:

— Вот еще. Такой праздник не каждый день выпадает!

Товарищ сердито раздул ноздри. Он знал по опыту, что от будущего хранителя пустяком не отделаешься. К тому же, так везло кадету Д'Освальдо последний раз еще в сентябре.

— Третьего дня Декстер мне четыре пинты красного продул всухую, — интригуяще напомнил проигравший. — Когда он там отобьется, бог весть... Крепленое, как ты любишь. Янтарный берег!

Энрике прищурился. Звучало и впрямь соблазнительно. Он взлохматил колоду и уже открыл было рот, чтобы принять откуп, но тут его штурмовик поднял голову и тихонько фыркнул. Наездник, выпрямившись следом, наострил уши.

— Ну? Ты знаешь, Энрике, я два раза не предлагаю.

— Ш-ш! Тише, Реджи. Кажется, у нас гости.

Стрэттон высокомерно прищурился:

— Брось! У них нынче в разведке одна зелень!..

— Зелень зелени рознь, — склонив голову к плечу, отозвался Энрике. Он уже уловил знакомый шорох хитина из левого коридора. — В тень, старина! Будет сейчас потеха!

Напарник, тоже прислушавшись, приподнялся. Его дракон вслед за Тьяго поднял голову, жадно раздувая ноздри, — похоже, и впрямь кому-то с младшего курса улыбнулась удача. Встретившись взглядом с Энрике, Реджинальд тихо хмыкнул:

— Ну, хоть разомнемся... Я слева.

— Я справа. Тьяго, в стену!

Штурмовик, поднявшись на лапы, встряхнулся и, отступив к стене, слился с ней черным сгустком застывшей породы. Дракон Реджинальда Стрэттона, повинувшись короткой команде наездника, повторил маневр по ту сторону арки. А оба наездника, убрав карты, растворились в темноте у входа в пещеру. Ждать им пришлось недолго.

— Ну вот же! — донеслось до них спустя неполные пять минут. — Факел!

— И что? Их по всему хребту несколько дюжин распихано, Кэсс!

— Нет. Яр завелся, это не обманка. Стоять!

Энрике, узнав голос Кассандры, одобрительно шевельнул бровью. В разведчики несбывшуюся супругу определили не зря... Он услышал, как по ту сторону арки ударились в пол подкованные железом сапоги, и взглядом просигналил напарнику: «будь готов». Стрэттон, на мгновение показавшись из темноты, кивнул и вновь слился с ней. А свет от факела, метнувшись в сторону, прочертил по неровному полу длинную желтую полосу.

— Орнелла, подожди!

— Да нет здесь никого, Кэсс. Твой дурень просто кураж поймал.

— Йар-р!..

— Орнелла!

— Ей-богу, Кэсс, так доверять дракону...

Застывшая тьма пещеры всколыхнулась под светом пламени факела. Тонкая фигурка, увенчанная золотой косой, вступила под каменные своды. Шаг, еще шаг. Энрике, сощурившись, весь подобрался.

— Ну, что я говорила? Пусто! — услышал он торжествующий голос. — И нет здесь... Кэсс? А белый крест на полу — это...

— Орнелла! Назад!

Кадет эль Тэйтана дернулась к выходу из пещеры — но было поздно. Проход заслонила сухая высокая фигура, и волосы ее пламенем вспыхнули в свете факела.

— Отставить, кадет, — насмешливо раздался в тишине голос Реджинальда Стрэттона. — Вы окружены.

— Кэсс!.. — взвизгнула кадет эль Тэйтана, и ей в унисон со стороны коридора хором откликнулся торжествующий рык двух штурмовиков. Энрике хмыкнул.

— Тьяго... — начал он, но не успел закончить. Новый рык, уже не драконий, эхом ударил в стены:

— Стоять!

Даже луженая глотка капитана де Гарра вчистую проиграла кадету Д'Элтар. Вздрогнули все — и оба штурмовика, и самочка-разведчик, и два третьекурсника.

— Кэсс! — порывисто обернувшись к выходу из пещеры, крикнула Орнелла. — Беги!..

Сау, прикрой!

Еще один рык, хриловато-растерянный, рассыпался эхом. «Йар-р!..» — донеслось до Энрике. А следом, сквозь недовольное драконье урчание, до него долетел затихающий шелест крыльев.

— Тьяго! Задержать!

Приказ ушел в пустоту. Штурмовик кадета Д'Освальдо, дернувшись было следом за скрывающимся в левом коридоре первым разведчиком, сдал назад под щелкнувшими челюстями второго.

— Фр-р!.. — выдохнула Сау, встопорщив гребень. И мягко, протяжно взрыкнула, словно предупреждая. Штурмовик прижал к голове короткие отростки гребней. Это была самка — своя самка. Трогать ее было нельзя. Энрике, правильно истолковав тишину по ту сторону, скрипнул зубами. «Да чтоб тебя! — подумал он. — Нет бы наоборот!»

— Реджи, — бросил он, оставляя нишу. — Держи фант. Догонишь — с тебя две пинты красного вместо четырех. Нет — сообщи нашим, что схрон обнаружен.

— Ладно... — раздосадовано донеслось уже из коридора. Кадет Стрэттон с куда большим удовольствием остался бы в обществе хорошенькой герцогини — вместо того, чтобы гоняться по лабиринту за шустрым разведчиком. Он знал Яра, и в том, что кадет Д'Элтар успеет добраться до своей группы раньше него самого, не сомневался. «Эту молнию к стене не прижмешь, — подумал он со смесью недовольства и восхищения. — Девчонке чистая ртуть под седло досталась».

Громко захлопали крылья, и кадет Стрэттон растворился во тьме каменной галереи. Кадет Д'Освальдо, шагнув на свет, шевельнул плечом.

— Тьяго! — велел он. — Закрыть горло!

Штурмовик согласно всхрипнул, и его громоздкая тень упала на пол пещеры. Кадет эль Тэйтана, застыв в центре начерченного белой краской креста, вскинула голову. Золотистые глаза сталью блеснули в свете одинокого факела.

— Какая встреча, — глумливо протянул Энрике, поворачиваясь к ней. — Напрасно вы не послушали друга, ваша светлость...

Она не ответила. Он был сильнее и опытнее, а деться ей было некуда.

— Природа, — обронил Энрике, бросив короткий взгляд в сторону коридора. — Вам повезло, герцогиня, — Тьяго не обидит самку, потому что знает ее запах. Но штурмовикам Данзара, боюсь, будет всё равно.

Орнелла вздернула подбородок.

— Они получают не больше вашего, — процедила она.

— Вы полагаете?..

Насмешливо хмыкнув, он шагнул ближе. Кадет эль Тэйтана машинально подалась назад, и кадет Д'Освальдо, заметив это, улыбнулся.

— Вы не протянете и недели на реальной войне, — сказал он. — Вы не наездник, герцогиня. Неужто вы сами этого не понимаете?

Та прищурилась.

— А вам не приходило в голову, что вы выдаете желаемое за действительное?..

— Нет, — рассмеялся Энрике. — И никому не придет, даже вашему обожаемому де Кайсару. Понять не могу, что вы в нем нашли?

— А вам что за печаль? — ощетибилась она. — Завидки взяли?

— Боги с вами, герцогиня, — фыркнул тот. — Такой жены я и врагу не пожелаю!.. Что,

ваш прекрасный принц всё держит оборону? Ну, не отчаивайтесь. Вы купили себе место в Даккарае, купите и мужа. Любопытно только, надолго ли хватит его благодарности?

Тонкая фигурка в центре белого креста застыла, будто схваченная морозом. Губы девушки скривились в презрительной гримасе.

— Лучше вообще никакого мужа, чем кто-нибудь вроде вас, — бросила она. И сделав паузу, усмехнулась: — Впрочем, у вас и на меньшее сил не хватило, не так ли? Ваша сестра стоит больше, чем вы! И доведись совету выбирать между вами двумя — сидеть бы вам на границе до старости!.. Даже у Кэсс хватило ума понять, что не стоит тратить на вас свое время, — а вы ведь уже размечтались на ее приданое, да? Соляные шахты Д'Элтаров! Большое подспорье для пустого кармана! Вы всерьез полагали, что ваши ужимки кого-то способны впечатлить? Смешно!

В темных глазах напротив зажглись злые мерцающие огоньки. Энрике неприятно усмехнулся.

— Допустим, — протянул он. Лицо Орнеллы, мраморно-бледное, в окружении ореола золотых волос, было теперь совсем близко. Искривленное злостью, уже не исполненное тем божественным светом, но еще более прекрасное — Энрике никогда не встречал настолько красивых женщин. И еще ни одну он не ненавидел так сильно, как эту. — А вы-то кто без отцовских денег и титула? Что в вас завидного? Смазливая мордашка, которая любому мужчине опротивеет через неделю, с вашей-то дикой спесью?

— А хоть бы и так, — сузив глаза, прошипела она. — У вас и того нет — и никогда не будет! Гольтьба с пограничья! Кому вы сдались, кроме ваших деревенских дур!

— Гольтьба, значит?..

Не отдавая себе отчета в том, что он делает, Энрике сделал еще шаг вперед и, обхватив руками упирающуюся девушку, одним движением притянул ее к себе.

— Наши деревенские дуры, — хрипло обронил он, — по крайней мере знают, когда стоит закрыть рот. Но вас, похоже, этому не научили. Что ж, лучше поздно, чем никогда!

Скользнув ладонью вверх по ее спине, Энрике зарылся пальцами в густые волосы у основания тяжелой косы и прижался губами к золотисто-розовым губам. Он целовал ее — грубо и больно, не думая ни о чем, кроме своей уязвленной гордости, а в груди его медленно разливался уже знакомый жар. Стройное тело извивалось в его объятиях, сжатые кулачки молотили его по плечам, но ему было всё равно. Оно дышало летом, это небесное создание, которое он держал в руках; оно пахло молоком и медом, и от этого запаха у Энрике кружилась голова. Он почувствовал, как герцогиня, еще минуту назад шипевшая дикой кошкой, вдруг обмякла и прильнула к нему, и мир вокруг поплыл знойной дымкой. Мягкие теплые губы, такие сладкие на вкус, приоткрылись ему навстречу... А следом острое колено со всей силы врезалось ему в пах, и маленький твердый кулачок впечатался прямо ему в лицо, заставив с воплем отшатнуться назад. По щеке хлестнул кончик косы, дробно зазвенели, удаляясь, подковки сапог.

— Гр-р...

— Прочь, животное! — донесся до Энрике дрожащий в холодной ярости голос. — С дороги!.. Сау, вверх! Ласточкой!

Глухо, разочарованно рыкнул Тьяго. Свет факела, задрожав, колыхнулся, сухо и жестко зашелестел хитин чешуи, захлопали крылья. Сбежала. Оно, может, и к лучшему, подумал кадет Д'Освальдо, утирая с лица кровь.

Под арку пещеры просунулась виноватая черная морда.

— Что, Тьяго? — гнусаво прокричал наездник, зажимая пальцами разбитый нос. — Опозорились?..

Разогнуться Энрике смог лишь через пару минут — удар у хрупкой герцогини поставлен был что надо. «Так-то, пожалуй, я еще дешево отделался», — мысленно признал он. И потянувшись за платком, вдруг застыл. Нет, не показалось. Со стороны коридора летел нарастающий шум множества крыльев. Ближе, ближе... Свой? Или Кэсс всё же обставила Стрэттона?

Тьяго зарычал.

— Вход взять на прицел! — услышал кадет Д'Освальдо. — Выставить часовых! Охрана склада — выходить с поднятыми руками!

— Гр-р...

— Отгоните дракона! Д'Элтар — в дозор на правый коридор! Эль Тэйтана — на левый! Вы двое — в пещеру, займитесь охраной... Берем флаг и дёру, ударная группа на подходе!

«Чтоб тебя демоны взяли, Марстон», — узнав голос, подумал Энрике. И плюнув на пол, шагнул вперед, поднимая руки. Напрасно он жалел «зелень» — она оказалась куда как прытче, чем кто-либо мог представить.

Назад в Даккарай вернулись с рассветом. Метель к утру не утихла, как все рассчитывали, но разыгралась в полную силу: уставшие за ночь и порядком подмерзшие драконы с трудом прорвались сквозь бурю. Кадеты, едва живые, выглядели не лучше. «Пусть отдохнут, — сказал их кураторам Сезар Тайрин. — Они стойко держались. Разведут зверей по ангарам, накормят — и свободны до завтрашнего утра».

Приказ был исполнен. Преподаватели и ученики, получив заслуженный выходной, после завтрака разбрелись по казармам и уснули мертвым сном, еле-еле продрав глаза к ужину, — на обед в этот день почти никто не пошел... Впрочем, вечером за столами тоже было немало свободных мест. Первый курс отсутствовал наполовину, второй на треть, старший в столовую явился весь, но тоже клевал носами, без интереса ковыряясь ложками в мисках. Усталость и недосып прошедших дней оказались сильнее голода.

— Где нос так расквасил, Энрике? — спросил Декстер, один из немногих, кто ужинал с аппетитом.

— В поворот не вписался, — не глядя на него, сказал кадет Д'Освальдо и потянул к губам свою кружку. Реджинальд Стрэттон на миг задумчиво сощурился, но промолчал.

— Да, — обронил, зевая, кадет Вэдсуорт, — Белый хребет то еще местечко... И коридоры там — демон рога обломает!

Рональд де Ласси, бросив взгляд на багрово-фиолетовый синяк, украшающий лицо соседа, сочувственно крикнул.

— Перелом? — спросил он. Энрике коротко качнул головой.

— Нет. Просто разбил.

Он был сегодня неразговорчив. «Хотя с такой-то красотой в поллица оно и понятно, — подумал Клифф. — Да небось болит еще. Вот не сvezло!» Он сочувственно вздохнул следом за Рональдом. С Энрике они помирились еще в тот день, когда пала Рыбачья долина, и даже несмотря на это печальное обстоятельство в душе кадета Вэдсуорта вновь установился мир. Они, все четверо, дружили еще с первого курса, и прошлогоднюю ссору Клифф переживал остро. Энрике тоже, пусть и старался этого не показывать, — но теперь между ними ничего не стояло, и можно было опять относиться друг к другу как прежде. Поговорив наконец без

обиняков и принесся взаимные извинения, товарищи сошлись на том, что оба были неправы. Тем более, на Кассандру кадет Д'Освальдо давно уже не претендовал. Что им было делить?..

Допив свой кофе, Клиффорд зевнул и поднялся с лавки.

— Глаза закрываются, — сказал он. — Так что вы как хотите, господа, а я обратно в постель. Кто его знает, вдруг опять ночью по тревоге поднимут...

— Это навряд ли, — рассудительно отозвался Стрэттон, впрочем, тоже поднимаясь. — Хорошо, если к ночи метель поутихнет, но на это я бы не рассчитывал. Рон?

— Иду, — кивнул тот, отодвигая миску. И посмотрел на присосавшегося к кружке Декстера: — Пошли, болезный. Не то ведь рухнешь где по дороге, только к весне откапаем!

Рональд уже немного пришел в себя после известных событий, и пусть то, что вотчина де Ласси досталась врагу, до сих пор не давало ему покоя, в конце концов он рассудил, что могло быть гораздо хуже. Дом его не сгорел, родные были живы и здоровы, а третьего дня он получил из Хелвинда письмо от матери и немного воспрянул духом. Рональд всей душой верил в то, что Геон не проиграет войны, а значит, Рыбачью долину он рано или поздно вернет — и себе, и ее законным хозяевам.

— Идите, — не поворачивая головы, сказал кадет Д'Освальдо. — Мне еще в лазарет надо.

Де Ласси и Декстер следом за остальными поднялись из-за стола, и четверка кадетов направились к выходу из столовой. Энрике вновь поднес к губам кружку. На самом деле, в лазарет он не собирался — однако то, к чему готовился, сидя в одиночестве за столом, было потяжелей сразу трех переломов...

Энрике, чуть повернув голову, бросил взгляд на стол у противоположной стены. Девушки-кадеты в казарму пока не торопились, и все обитательницы комнаты под лестницей сейчас были здесь — включая герцогиню эль Тэйтана. Она сидела к нему лицом, рядом с Кайей, очень бледная и очень спокойная, и мерно катала по столешнице хлебный шарик. Сидящая напротив Кассандра, судя по жестикуляции, что-то увлеченно рассказывала подругам, и Орнелла, изредка кивая, улыбалась одними губами. Вид у нее был отсутствующий. Энрике, опустив глаза, уткнулся взглядом в стол. Прошлой ночью он наломал таких дров, что теперь не знал, с какого боку к ним подступиться. Дав волю гневу, он повел себя недостойно мужчины и дворянина и получил по заслугам, причем куда меньше, чем следовало. При всей своей нелюбви к сводной сестре, узнай Энрике, что кто-то посмел при ней распусть руки, дело точно кончилось бы лазаретом — но за герцогиню эль Тэйтана вступиться было некому. «Что на тебя нашло, скотина?..» — мысленно спросил Энрике у своего отражения в кружке с кофе — и отвел глаза. Он знал, что, и от этого было еще паршивей.

Только вот самого себя на поединок не вызовешь! А о том, что случилось, герцогиня уж точно никому не расскажет — это его позор, однако ее он заденет не меньше... Что ж, тогда пусть казнь выбирает жертва.

Кадет эль Тэйтана, все так же рассеянно улыбаясь, достала из рукава платок и завернула в него булочку. Имея деньги, даже в военной школе нет нужды пухнуть с голоду, значит, не себе берегает на сон грядущий, подумал Энрике. Наверняка дракону понесет — это, конечно, против правил, но почти все наездники тишком зверей балуют, Кэсс тоже вечно таскала своему обормоту то хлеб, то яблоки... Как будто в подтверждение этой догадки, герцогиня сунула булочку в карман мундира и, что-то сказав подругам, поднялась. Энрике прищурился. Сейчас пойдет, понял он. И по такой погоде желающих составить ей компанию

уж точно не найдется. «Пристроюсь в хвост, — решил он, краем глаза следя за покидающей столовую девушкой. — Провожу заодно, погода лютая... В ангаре чужих глаз да ушей не будет. Отобьет последнее — ну, значит, и поделом». Дождавшись, пока кадет эль Тэйтана исчезнет в дверях, он вернул кружку на стол, поднялся и быстрым шагом вышел следом за ней.

Учебный городок, занесенный снегом, был безлюден и темен. Добравшись до него, закутанная в плащ герцогиня свернула от решетки ворот направо, а идущий след в след за ней кадет Д'Освальдо, помедлив, скользнул вдоль ограды. Здесь, среди плотно стоящих пристроек, ветер стал потише, за девушку можно уже было не беспокоиться — дойдет. А вот ему самому светиться у ворот третьего ангара не стоило. Обойдя зевающих дозорных, что вторые сутки дежурили без смены, Энрике миновал первый ангар, второй, и поравнявшись с нужным, скрылся в тени задней стены. Там была еще одна дверь, слава богам, запертая только на внешний засов, — для школьной обслуги. Выждав для верности минут пять, Энрике осторожно поднял его, чуть приоткрыл дверь и плечом вперед проскользнул в узкую щель. В ангаре было тепло и тихо — лишь изредка похрустывала солома лежанок да сонно взрыкивали по своим стойлам драконы. Беззвучно прикрыв за собой дверь, молодой человек задвинул щеколду и прислушался. Где-то совсем рядом глухо лязгнул засов, закрипела решетка — кадет эль Тэйтана опередила его всего на пару минут. И, к счастью, никто из караульных в ангар следом за ней не увязался.

— Привет, Сау, — услышал Энрике. — Смотри, что я тебе принесла...

В ответ раздалось мягкое драконье урчание. Неслышно ступая, кадет Д'Освальдо в три шага преодолел коридорчик заднего выхода и, увидев зажженный масляный фонарь над шестым стойлом слева, свернул к нему.

— Здесь даже есть немного изюма — больше для запаха, конечно... Погоди, обжора, дай хоть разверну!

Голос Орнеллы был тихий, ласковый, но какой-то безжизненный. Энрике чуть сбавил шаг. «И что я ей скажу? — вдруг подумал он. — «Простите, герцогиня, был не прав — двиньте мне коленом еще разок, да забудем про вчерашнее»? Нет, двинуть-то она, конечно, двинет...»

Уже достигнув открытой решетки он, колеблясь, остановился в тени соседнего стойла. Энрике был не Реджинальд Стрэттон, способный договориться с кем угодно о чем угодно, — дипломат из него, как из любого Д'Освальдо, был никакой. Они умели только драться. «И влипать в неприятности, — мрачно резюмировал он. — Причем по собственной же дури. Ну что мне стоило удержать при себе хотя бы руки!..» Подумав об этом, молодой человек дернул щекой. Что толку теперь сожалеть — дело сделано. И пусть простить его всё равно не простят, но по крайней мере...

— Вкусно? — донеслось из стойла. — Ну, ну, куда? У меня ничего больше нет, Сау... Совсем ничего...

Издав странный булькающий смешок, герцогиня умолкла. И уже поднявший ногу, чтобы шагнуть вперед, Энрике понял, что она плачет.

Метель стихла внезапно, в один момент — казалось, вот только что над головой остервенело выл ветер, а вокруг не было видно ни зги из-за снежной круговерти — и вдруг наступила тишина. Из черного ставший белым, Даккарай застыл, словно бы в ожидании подвоха, но буря уже ушла дальше, за перевалы.

Кадет Д'Освальдо, глядя себе под ноги, возвращался в казарму. Настроение у него было дрянь.

Прощения он не получил — да и просить не стал, побоялся, что сделает только хуже. Может быть, герцогиня плакала не из-за того, что случилось прошедшей ночью, но она не захотела показывать эти слезы даже подругам — что уж говорить о нём?.. Энрике бесшумно отступил в тень, вернулся к задней двери и покинул третий ангар несолоно хлебавши. «Завтра, — думал он, понимая, что чем дальше, тем тяжелее будет решиться вновь посмотреть в эти золотые глаза. — Перехвачу ее где-нибудь между занятиями!»

Оставив за спиной темный учебный городок, кадет Д'Освальдо спустился вниз по узкой улочке, миновал пост и свернул к родной казарме. Погруженный в свое невеселые думы, он даже не обратил внимания на странную тишину вокруг — метель улеглась, до отбоя было еще не меньше двух часов, однако улицы кадетского городка были пусты словно в полночь. Не толклись у крылечек стайки кадетов, не хлопали двери казарм и капитанских флигелей, а большинство окон были темны — но всё это прошло мимо Энрике. Не глядя по сторонам, он взбежал по ступенькам, толкнул дверь и ввалился в переднюю. Она была пуста, даже дневального поблизости не маячило, что Энрике только порадовало. На душе у него скребли кошки, в ушах до сих пор стояли тихие, горькие всхлипывания, и видеть кого бы то ни было ему сейчас не хотелось. Скинув плащ, он отряхнул снег с сапог и прошел в свою комнату. Она тоже была пустой и холодной. Кадет Д'Освальдо зажег лампу и занялся печкой, отстраненно прислушиваясь к окружающей тишине. Завтра, думал он. Завтра непременно — только бы уж тогда получилось!..

Снаружи послышался шум, а чуть погодя грохот сапог из передней и знакомый гомон голосов возвестил, что остальные жители казармы вернулись в свою обитель. Позади сидящего у печки на корточках Энрике с шумом распахнулась дверь.

— Вот он! — воскликнул Рональд. И, сбрасывая плащ, шагнул через порог. — Где тебя носит? Уже искать хотели! Реджи, Клифф!..

Энрике пожал плечами.

— Куда я отсюда денусь, — обронил он, захлопывая дверцу. Потом поднялся на ноги, обернулся к двери — да так и застыл с кочергой в руках. В комнату следом за де Ласси ввалились остальные и, судя по лицам, ничего хорошего они с собой не принесли.

— Туда и денешься, — входя последним, сказал Стрэттон. — Причем уже завтра. Нас переводят.

— Что?..

— Мы оставляем Даккарай, — вместо Реджинальда ответил Клифф. — Приказ короля. Первый курс отправляют в Предгорье, а второй и третий вместе с гарнизоном завтра днем выступают на Мидлхейм. Лагерь Райленд на Южной косе.

Энрике медленно стиснул в пальцах тяжелую кочергу.

— Запад?.. — глядя на Стрэттона, выдохнул он. Тот передернул плечами.

— Там всё по-прежнему. Жаль, ненадолго — Данзар вновь спустил на воду корабли, и в этот раз в авангарде флота движутся его бомбардиры. То, что идет сейчас к проливу Саари, армия запада не сдержит. Скоро на пустошь хлынут беженцы.

Энрике побледнел.

— А нас... — сильным голосом пробормотал он, — нас... отсылают? Зачем?! Мы ведь можем сражаться!

— Можем, — невозмутимо отозвался Реджинальд Стрэттон, снимая плащ и аккуратно

вешая его на крюк у двери. — И будем. Но уже не здесь.

Все private кабинеты в доме Лусетиуса на Парковой аллее имели окна — но их никто никогда не видел. Служившие лишь для проветривания комнат, всё остальное время они были занавешены тяжелыми портьерами, дабы никакое ненастье по ту сторону стекла не нарушило сонного уюта курильни. Это был отдельный мир, подчиненный лишь безмятежному отдохновению. Вот и теперь — по улицам Мидлхейма гуляла метель, а на втором этаже длинного дома с зелеными ставнями, за плотно прикрытой дверью, в теплом полумраке вился над парчовыми подушками голубоватый дым из шаашира, и четверо молодых людей, запрокинув головы к потолку, молчали, мыслями витая далеко от столицы.

— Надеюсь, — нарушил тишину Райан Рексфорд, — хотя бы с востока Данзар не зайдет. Шустры, сволочи. Как бы северянам к Волчьим холмам не опоздать — бомбардиры, конечно, зверье тихходное, но...

— Не беспокойся, — хмыкнули по левую руку. — Успеют к самой раздаче!

Голос Фаиза был хрипл и ехиден. Райан открыл глаза и повернулся к алмарцу:

— А ты и рад.

— Да мне-то что за дело? Где Алмара и где эти ваши холмы... — тот пожал плечами. — Расслабься, с востока они не полезут — еще не совсем страх потеряли. Хотя после того, как ваши горе-вояки сдадут им еще пару-тройку долин, может, и осмелеют. Ставлю на Хелвинд. Славная будет заварушка — и отличный трофей!

Напротив возмущенно зашелестела парча. Тихоня Зигмунд, обычно не лезущий в разговор, когда Фаизу ан Фарайя приходила охота позубоскалить, выпрямился на подушках. Он и так последние дни был весь на нервах, а известие о подходе к западному побережью очередного данзарского флота и вовсе лишило его покоя.

— Не видать им Хелвинда! — с наивной горячностью воскликнул Зигмунд. — Это одна из сильнейших цитаделей Геона, ее охраняют три горные крепости, а на перевалах...

— А что на перевалах? — прищутив один глаз, вкрадчиво уточнил Фаиз. Райан, метнув на де Шелоу сердитый взгляд, заставил приятеля умолкнуть. Нашел время патриотизмом размахивать, недовольно подумал он. Алмара тот еще союзник, с ним иные враги за друзей сойдут. Да еще ан Фарайя! Этому змею дай палец — руку по локоть откусит.

— Заткнись, провокатор, — обронил номер Второй, искоса взглянув на ухмыляющегося соседа. — Перевалы! А то ты сам не знаешь!..

— Откуда? — лениво изумился Фаиз, не дав себе труда хоть чуть-чуть изобразить неосведомленность. Конечно, он знал: союзы союзами, но разведка Алмары никогда не дремала, и в Геоне — впрочем, как и везде — ее агентов было достаточно. Фаиз приложил к губам мундштук, выдохнул к потолку струйку пара и снисходительно взглянул на де Шелоу.

— Не пыхти, пузырь, — фыркнул он. — А то, не ровен час, лопнешь, как в скором времени весь ваш запад. Хелвинд! Кого пугать этими смертниками? В долине Клевера вон так же подпрыгивали — и где они все теперь? Лежат в снегу потрохами наружу...

— Это другое! — опять не выдержал Зигги. — Долина и укрепленный город — разные вещи!

— Да? — вздернул брови алмарец. — А что же тогда весь Даккарай чохом снялся с насиженных мест? Даже от Неспящей равнины до него не одна неделя пути, не говоря о побережье... Или в столице настолько всё плохо, что кроме школяров её уже и прикрыть

некому?

— Да какое прикрытие!.. — побагровев, задохнулся Зигмунд, и номер Второй мысленно закрипел зубами. Ан Фарайя намеренно выводил добродушного простака на эмоции, норовя совместить приятное с полезным, и если в отношении запада это еще можно было спустить на тормозах, то с Даккарайской пустошью всё было не так просто. Райан опустил трубку шаашира и выпрямился вслед за уже вновь раскрывшим рот товарищем.

— Приди в себя, Зигги, — сказал он, вовремя предупредив новый поток возмущений. — Или не видишь, что ему просто скучно? А ты отстань от парня, Фаиз. Он и так сам не свой на сердечной почве, еще ты лезешь с Даккараем!

— А-а, — встрепенулся алмарец, блестя глазами. — Прекрасная герцогиня, свет во тьме, сошедший на нашу грешную землю напрямиком с горних высей Пятого неба? Как же, как же!..

Зигмунд, покраснев еще больше, бросил на Райана взгляд, исполненный негодования и обиды. «За что?» — прочел в этом взгляде номер Второй, но в ответ лишь передернул плечами. Он знал слабость номера Третьего к самой завидной невесте Геона, знал, что Зигги ровным счетом ничего там не светило, — и без сантиментов воспользовался своим знанием, лишь бы отвлечь Фаиза от опасной темы. «Сам виноват, — подумал Райан, протягивая руку к бокалу с вином и словно не замечая смущения друга. — Нечего было на провокации вестись почем зря — а еще менталист, называется!»

Он сделал глоток и краем глаза отметил расплывшуюся в ехидной улыбке смуглую физиономию слева. Похоже, ан Фарайя заглотил наживку.

— Так что, де Шелоу? — промурлыкал он. — Всё еще мечтаешь о взаимности? Нет, я, конечно, подозревал, что умом ты не блещешь...

— Ни о чем я не мечтаю, — только что не дымясь, буркнул Зигмунд. Вышло жалко и очень неубедительно.

— Ага, ага, — закивал алмарец. — За версту в глаза бросается!.. Нет, серьезно — ты впрямь на что-то рассчитываешь? С её-то деньгами, титулом и отсутствием дара? Не по рту ложка, толстячок, — к тому же, небось, там и без тебя очередь! Не боишься, что затопчут?

Тот вспыхнул.

— Много ты понимаешь! — огрызнулся он. — Особенно в женщинах!

Только крайняя степень смущения могла заставить Зигмунда всеу упомянуть о том, о чем он обычно стеснялся даже думать. Фаиз расхохотался.

— Уж поверь, — цинично проронил он, — разница там небольшая...

Четвертый товарищ, до сих пор не участвовавший в разговоре, поднял голову и отнял от губ мундштук.

— Да будет вам, — сказал Нейл.

— О, — сощурился ан Фарайя. — Кто это там проснулся?..

— Совесть твоя, — зевнул тот. — Что ты пристал к человеку, Фаиз? Совсем ошалел от своих конвертов, на случайных прохожих скоро бросаться начнешь.

Алмарец скорчил постную мину.

— Начинается, — недовольно обронил он, затягиваясь и выпуская из ноздрей белый дым. — Продрал глаза и пошел нудеть! Вот тебя трогали?

— Только этого мне не хватало...

Райан весело фыркнул. Зигги, поняв, что внимание ан Фарайя переключилось на другой объект, с облегчением выдохнул про себя и потянулся к кувшину с вином. Фаиз недовольно

поморщился. Ему и впрямь было скучно. «С другой стороны, — подумал он, — Рексфорд вовремя спохватился, и теперь из де Шелоу вряд ли что выжмешь...»

— Райан, — услышал он, — я сегодня без часов — сколько там уже?

Щелкнула крышка брегета.

— Половина седьмого.

— Пора выдвигаться, — снова зевнул Нейл. — Я обещал быть дома к ужину. Зигги, ты...

— Он остается, — качнув головой, ответил за приятеля Райан. Зигмунд, уже приподнявшийся было на подушках, нехотя кивнул. — Мы сегодня тут внизу ужинаем. И ты бы остался, Нейл! Не хочу обидеть вашу кухарку, но с поварами Лусетиуса ее не сравнить. Оставайся, старина! Я угощаю.

— Спасибо, — улыбнулся тот, поднимаясь на ноги. — Но как-нибудь в другой раз.

— Приезжай завтра к нам обедать, Нейл, — подняв голову, сказал Зигмунд де Шелоу.

— Непременно буду. А пока приятного вечера, господа. Ну и тебе, Фаиз, того же по возможности...

Ан Фарайя хохотнул.

— Премного благодарны, — насмешливо отозвался он, бросая трубку шаашира на столик и тоже поднимаясь на ноги. — Я с тобой. Подбросишь меня до дипкорпуса, всё равно по пути.

Нейл пожал плечами, кивнул друзьям и вышел. Фаиз, как всегда ни с кем не прощаясь, следом за ним исчез в темноте коридора.

Улыбка сползла с лица Райана Рексфорда вместе с тихим хлопком закрывшейся двери.

— Терпеть не могу эту змею скользкую! — прошипел он, вновь откидываясь на подушки. И добавил сердито: — А ты-то чего завелся, дурень? Будто Фаиза не знаешь!

Зигмунд виновато потупился.

— Прости, Райан, накатило что-то. Но ты же слышал, какие он гадости...

— Я их уже который год слушаю, — раздраженно перебил номер Второй. — И ничего, жив, как видишь. На ан Фарайя каждый раз срывать нервов не хватит. А про Даккарай он уже что-то пронюхал, сволочь, — и ты еще!..

— Прости, — глядя в пол, повторил де Шелоу. — Я больше не буду.

Райан лишь досадливо отмахнулся. Обещал Зигги не в первый раз, но где ему было тягаться с Фаизом? Тот ведь любого из себя выведет — да еще в двойном плюсе останется. И ведь никак не сквитаешь!

— Хоть за что бы его прихватить, — пасмурно пробормотал номер Второй. — Да поди попробуй. С какой стороны ни зайду, всё без пользы! И от тебя толку нет — а кто из нас менталист?

Зигги печально вздохнул и потянулся к своему бокалу.

— Я сто раз пытался, Райан, — сказал он. — Ты же знаешь. Но там как стена глухая — ничего не разберешь. На втором курсе еще проглядывало хоть что-то, а сейчас... Не понимаю, как он это делает, но я его не вижу.

— Да брось! Что он, не человек, что ли?

Номер Третий поежился.

— Иногда, — тихо отозвался он, — мне вот как раз так и кажется. Что-то с ним не то, Райан. Правда.

— Чушь! Плохо стараешься — еще и боишься его до кучи, — Рексфорд сунул в зубы мундштук. По совести, бояться Фаиза было за что, он и сам его опасался, однако другим

знать об этом было не обязательно. — Ну да ладно. Милостью богов, разберемся, нам еще долго в связке работать... А вот эль Хаарт мне не нравится. Видел, как он сейчас сбежал? Дома его ждут, как же! Еще и ан Фарайя с собой прихватил — куда уж как славно!

Он сердито раздул ноздри.

— Простая вежливость, Райан, — вступился за товарища Зигги. — Ты же знаешь, они друг друга терпеть не могут.

К потолку взлетела тонкая дымная струйка. Райан Рексфорд задумчиво прищурился.

— Не уверен, старина, — с неясной тревогой пробормотал он. — Не уверен...

Наемный экипаж пришлось подождать. Несмотря на то, что у дома Лусетиуса всегда дежурила пара-тройка возков, метель внесла свои коррективы, и за неполные четверть часа Нейл с Фаизом успели промерзнуть насквозь.

— Как вы здесь живете? — дрожа под плащом, сердито обронил алмарец, захлопывая дверцу и вжимаясь в сиденье. Сын первого алхимика Геона, у которого тоже зуб на зуб не попадал, поморщился в ответ:

— С трудом. Что за погода! Клянусь богами, сроду не видел таких метелей!

Ан Фарайя не ответил, и какое-то время оба молчали, согреваясь. Выходило так себе — даже утепленный зимний возок не справлялся с холодом. Однако Нейлу, выросшему на севере, всё-таки было проще.

— Фаиз! — спустя пару минут позвал он.

— Ну?..

— То, что ты говорил насчет запада, — это правда, или ты просто этих двоих решил позлить?

Их темноты донесся саркастический смешок.

— «Этих двоих»? А ты, стало быть, отдельно?

— Я не буревестник. И до политики мне дела нет — но Хелвинд... Так это правда?

— Откуда я знаю? Так, предположение. Но судя по тому, как быстро Рексфорд заткнул рот де Шелоу, — вполне может быть. Ты, кстати, испортил мне вечер, святоша.

— Переживешь. Тем более, что с Зигги ты и впрямь перегнул палку...

— Насчет его герцогини? Брось. Он сам знает, что я прав. И, кстати, дня через три сможет лично в этом удостовериться — по пути в лагерь Райленд кадетам будет дозволено повидаться с родными. Полагаю, им дадут от суток до ночи — уж будь уверен, де Шелоу на месте не усидит.

— Вот как, — после паузы отозвался Нейл. — Стало быть, кадетов распустят по домам?.. Не завидую бедняге Зигги. Одна надежда — что у него все-таки не хватит духу явиться в резиденцию эль Тэйтана с объяснением.

— Отчего же?

— Он маг, Фаиз. И да, ты прав — надеяться ему не на что, у нас тут не Данзар.

Ан Фарайя тихонько хмыкнул.

— Как это по-товарищески, — ехидно обронил он. Нейл усмехнулся в ответ:

— Да уж как есть.

Экипаж приостановился у поворота на Персиковую улицу, где располагался восточный дипломатический корпус, и алмарец, вновь закутавшись в плащ, растворился в метели. Нейл, обхватив себя руками за плечи, опустил веки. Покачиваясь на сиденье в такт движению повозки, он думал — но не о Зигмунде, не о Фаизе и даже не о войне. Он думал о Сандре

Еще вчера пополудни старшекурсники Даккарая выступили с пустоши на столицу. И кадет Д'Элтар была в их числе. Через два дня, максимум три, учитывая погоду, она будет здесь. «От суток до ночи»... Нейл задумчиво нахмурился. О том, что кадетам, имевшим дома в столице, позволили сделать остановку на пути в лагерь, Райан не мог не знать, раз уж это известно даже Фаизу. Однако номеру Третьему номер Второй почему-то не сказал ни слова — иначе тот выболтал бы всё Нейлу еще по пути в дом Лусетиуса. «Или как раз поэтому не сказал? — мелькнула тревожная мысль. — Может, догадывается? Может, я где-то при Зигги слишком расслабился?..»

Нейл повертел в голове это подозрение и так, и эдак и в конце концов решил, что вряд ли. Разгляди де Шелоу то, что ему видеть не полагалось, он быстро понял бы, откуда в его жизни взялась герцогиня эль Тэйтана — и скрыть этого точно бы не сумел. «Значит, что-то другое», — подумал Нейл. И, забыв о буревестниках, вновь вернулся мыслями к подруге. Скоро, совсем скоро... Вероятно, в четверг или в пятницу... Это даже хорошо — по будням отец работает допоздна и рано уходит к себе, есть шанс потихоньку исчезнуть из дома. Не днем, конечно, ночью — но ведь и тогда нет гарантии, что Нейл не столкнется в спальне Кассандры с кем-нибудь из ее родни! Даже если кадетов отпустят на целые сутки, что такое для их семей жалкие двадцать четыре часа?.. «Надо дать ей знать, что я приду, — хмурясь, размышлял Нейл. — Но как? Уж отцу-то о ее скором приезде точно известно! Да еще охрана... Разве что проскочить к тайнику во время смены караула и оставить записку?» Молодой человек покосился в окно экипажа и мысленно плюнул. Тайник у корней акации был хорош летом, а теперь мало было дорыться до него сквозь толщу снега — пробить мерзлую землю он сам, может, и сможет, а вот Сандра точно нет. «И к чему сажать нас привязь по обе стороны изгороди?! — в сердцах подумал Нейл. — Не понимаю!» Он зло передернул плечами и невидящим взглядом уставился в окошко. За ним вихрилась метель. От суток до ночи... Опять всего одна ночь! А потом — лагерь на Южной косе. А потом — война.

К половине восьмого, несмотря на пургу, сын герцога эль Хаарта успел вернуться домой и к столу спустился вовремя. Однако ел без аппетита, разговор поддерживал вяло, а в конечном итоге, извинившись перед родителями, сослался на усталость и ушел к себе. Герцогиня, пожелав сыну доброй ночи, вопросительно взглянула на мужа, но тот лишь пожал плечами. Однако за кофе все-таки попросил госпожу Делани уложить Мелвина спать пораньше — и, оставшись в гостиной наедине с супругой, ответил на ее невысказанный вопрос.

— Нейлару нечем заняться, Вивиан, — сказал герцог. — С учебой покончено, ни одна из столичных школ не может дать ему больше, чем уже дала Бар-Шабба, а все его друзья — на службе короны. одному ему некуда себя деть, и это его тяготит.

Герцогиня опустила глаза.

— Понимаю, — сказала она. Вивиан сама жила так много лет, и знала, какая порой человека берет тоска от сознания собственной бесполезности. — Значит, мне не показалось... Но ведь ты сам говорил, что Нейл перспективный алхимик. В твоём корпусе нынче много работы — почему бы не привлечь к ней сына, хотя бы частично? Я уверена, он тебе не откажет.

— Само собой, но что с того пользы? Алхимия Нейлару неинтересна. Война, очевидно, тоже. А свое дело он еще не нашел, вот и мечется, глядя на остальных, — его светлость взглянул в печально-задумчивое лицо жены и улыбнулся, словно желая ее приободрить. —

Но не огорчайся, дорогая. Жизнь всегда всё расставляет по местам, и рано или поздно наш сын себя найдет.

Вивиан невесело улыбнулась в ответ.

— Если успеет, — оборонила она. — Этот боевой факультет!.. Нейл ведь принес присягу, Кендал. Стоит мне только подумать, что в любой момент его могут забрать на фронт... Боги! Ведь тогда даже ты ничего не сможешь сделать!

— Да, — без эмоций отозвался муж. — Не смогу.

— И ты так просто говоришь об этом?..

— Я пытаюсь смириться, Вивиан, — устало сказал он. — Потому что я не в силах прекратить войну. И нет, это не просто. С тех пор, как Нейлар вернулся, не было дня, чтобы я не думал о том же, о чем и ты, и не корил себя за то, что не сумел объяснить сыну, какую ошибку он совершает. Я видел, что такое война, и я жизнь готов отдать, чтобы моих детей она не коснулась, — но если Мелвина я еще могу защитить, то Нейлар... С ним я уже опоздал.

Его светлость умолк и отвернулся к камину. По лицу его метались тени. Вивиан опустила голову.

— Прости, — сказала она. — Мне не стоило напоминать... Я знаю, как ты его любишь.

Муж не ответил, лишь коротко усмехнулся. «А что с того пользы?» — подумал он не без горечи. Откинулся затылком на подголовник кресла, прикрыл веки — и услышал тихий шелест платья.

— Тоже решила лечь пораньше? — не открывая глаз, спросил он.

— Нет, — отозвалась жена. И подойдя к его креслу, присела на подлокотник. Теплая узкая ладонь легла ему на плечо. — Да и Нейл, полагаю, спать еще не собирается. Поговори с ним, Кендал. Сам он не придет, ты же знаешь, но ты ему сейчас очень нужен. Понимаю, у тебя и без этого много забот, но все-таки...

Она вздохнула. Кендал накрыл руку жены своей и открыл глаза.

— Конечно, дорогая, — сказал он. — Я поговорю. Только чуть позже, если позволишь, — Нейлар всегда поздно ложится, а я порядком устал за сегодня.

— Так много работы?

— Непочатый край, — поморщился первый алхимик. — Фронт требует полной отдачи, да еще проклятая Дымка! Много я дряни повидал на своем веку — но эта!..

Пальцы Вивиан утешительно сжали его плечо.

— И с этой справишься, — сказала она. — Эль Хаарты не умеют проигрывать — ты же так говорил?

— Не умеют, — безрадостно кивнул он. — Жаль только, выигрывают отнюдь не всегда...

— Я уверена, это не тот случай. Тебе просто нужен отдых, дорогой.

Герцог поднял голову и посмотрел на жену. Ее светло-голубые глаза улыбались, а голос был мягкий и ласковый — она порой говорила так с сыновьями, но с ним никогда.

— Как ты себя чувствуешь, Вивиан? — несколько озадаченно спросил он. — Всё в порядке?

— Да, — она улыбнулась. И, наклонившись, поцеловала его в лоб — так спокойно и просто, как будто это было для нее в порядке вещей. — Всё в полном порядке, дорогой. Завтра вечером ты дома? Или поедешь в Последний предел?

— Дома, — медленно отозвался герцог, не сводя глаз с ее красивого лица. Оно было всё

тем же, до последней черты знакомым, но что-то в нем вдруг неуловимо изменилось. Что именно — Кендал не мог понять и оттого совсем растерялся. — Боюсь, это последняя спокойная неделя перед новой волной на западе, так что... А у тебя были на завтра какие-то планы, дорогая? Тебе что-то нужно?

— Нет, — она пожала плечами. — У меня всё есть.

И опять улыбнувшись какой-то новой для него улыбкой, легко соскользнула с шелкового подлокотника.

— Я хотела еще написать пару писем, — сказала она. — Как отдохнешь, поговори с Нейлом — а после загляни ко мне, хорошо?

— Хорошо, — эхом повторил Кендал, уже глядя ей вслед. Дверь за герцогиней мягко захлопнулась, оставив ее супруга в полнейшем недоумении.

Все учебники Нейл вынужден был оставить в Бар-Шаббе, но по возвращении домой Зигги, уже перешедший на пятый курс, отдал ему свои — и по крайней мере пищей для ума бывший адепт эль Хаарт был теперь обеспечен. Само собой, между боевым факультетом и факультетом наук существовала известная разница, но многие дисциплины по части прикладной и теоретической магии у них были общие, и Нейл, которому действительно некуда было себя деть, взялся за книги со всем усердием. Правда, сегодня энтузиазм ему изменил — молодой человек сидел за столом перед раскрытым учебником, что-то читал, что-то выписывал, но мысли его были далеки от школьной премудрости. Он всё никак не мог придумать, как же добраться до подруги, не попавшись с поличным: на тайнике ввиду зимы пришлось поставить крест, перехватить Сандру на полпути к дому тоже не представлялось возможным, а соваться к Д'Элтарам воронкой на свой страх и риск было чревато... Взгляд Нейла скользил по печатным строчкам, не вникая в смысл написанного, перо в руке давно уже жило своей жизнью, рисуя узоры на полях тетради, а в голове был только занесенный снегом соседский особняк — и никаких идей.

— Нейлар! Ты еще не спишь?

Негромкий стук в дверь и раздавшийся следом после короткой паузы голос заставили молодого человека вздрогнуть от неожиданности. Он выпрямился, приходя в себя, и обернулся к двери.

— Нет, отец, — отозвался он. — Входите!

Герцог переступил порог. Взглянул на заваленный учебниками стол и улыбнулся:

— Учишься?

— Пытаюсь, — вздохнул сын, опуская перо. — Но дома не то, что в школе... Вы что-то хотели, отец? Мне помочь вам в лаборатории?

Первый алхимик закрыл за собой дверь и подошел к столу.

— Нет, — сказал он. — Лаборатория подождет. Ты позволишь?..

Он кивнул на второй стул, занятый всё теми же книгами.

— Конечно, — улыбнулся Нейл, убирая учебники. — Садитесь. Простите, у меня тут не прибрано, всё руки не доходят, хотя вроде бы времени теперь полно.

Его светлость опустил на стул и, покосившись в сторону раскрытой тетради, склонил голову набок:

— Занятно...

— Магия вытеснения?.. — проследив за его взглядом, удивился Нейл. — Да, тема интересная, но вы ведь вдоль и поперек ее знаете. Это же четвертый курс школы.

— Нет, я о рисунках, — герцог развернул себе тетрадь и перелистнул страницы. На полях тесно было от чернильных узоров: по большей части абстрактных, но среди них встречались и вполне узнаваемые картинки — виноградная лоза, чей-то профиль, водная гладь в оправе из камышей... — Наш пруд? Очень похоже вышел.

— Да это так, — отмахнулся Нейл. — Бывает, задумаешься...

Его светлость неопределенно шевельнул бровью. Судя по дочерна изрисованной учебной тетради, «задумывался» сын в последнее время частенько. Герцог перевернул страницу и крякнул.

— А это кто? Уж не госпожа ли Делани?..

Нейл смутился.

— Просто свет интересно падал, — пробормотал он, избегая глядеть на отца, хотя говорил чистую правду. На воспитательницу младшего брата ему нравилось смотреть только из эстетического удовольствия — госпожа Делани, бесспорно, красивая женщина, но ей ведь почти тридцать лет!

— Не подумайте, отец, — торопясь объясниться, проговорил он, — я вовсе не...

— И в мыслях не было, Нейлар, — герцог эль Хаарт добродушно усмехнулся. — Однако, недурно! Весьма недурно — отчего ты не говорил мне, что рисуешь?

— Да это ведь так, не всерьез, — улыбнулся Нейл. — Все чиркают по полям от нечего делать. Мэтр Синанто называл это «синдромом беспокойной руки».

— А! Добрый мэтр Синанто! — рассмеялся герцог. — Помню, помню. Что, и тебе попадало по этой самой руке указкой?..

Нейл фыркнул.

— О да, — морща нос, кивнул он. И увидев, что отец, закрыв тетрадь, возвращает ее на стол, с облегчением выдохнул про себя. В задумчивости водя пером по бумаге, Нейл и сам нередко бывал удивлен тем, что из-под этого пера выходило. Ладно еще госпожа Делани! А пролистни отец тетрадь до конца... Нейл вспомнил о карандашном рисунке на одной из последних страниц, изображавшем Молли, — такой, какая она есть — и тишком потянул на себя тетрадь. «Сегодня же сотру к демонам, — пообещал себе он. — Пока не опозорился».

Его светлость закинул ногу за ногу и облокотился на край стола.

— Где ты сегодня был, Нейлар? У Рексфордов?

— Нет. Райан, как поправился, дома почти не бывает, наверстывает упущенное. Но я его видел, мы вместе были у Лусетиуса.

— В курильне?

— Да, и там тоже, — кивнул Нейл, и тут же, спохватившись, добавил: — Но я ничего такого не... Честное слово, отец!

Герцог сокрушенно вздохнул.

— Порой мне кажется, — обронил он, — что вместо живого человека ты видишь во мне непогрешимую статую. Боги с тобой, Нейлар! Что я, шаширов в глаза не видел? Или в веселых домах никогда не бывал?..

— Отец, — пробормотал Нейл, чувствуя, как горят уши, — да я вовсе не то хотел...

— То, то, — усмехнулся герцог. — И зря. Развлекайся, я ничего не имею против. Тем более у Лусетиуса приличное заведение, в свое время я и сам там был частым гостем. Разве что меня курильня никогда не вгоняла в тоску, — он посмотрел в лицо сыну. — Дело в войне, Нейлар, или в чем-то другом?

Молодой человек опустил глаза. «Прав Фаиз, — хмуро подумал он. — Вечно у меня всё

на лице написано». Нейл вздохнул про себя. Конечно, отец не слепой и видит, что сердце у него не на месте. О Сандре, понятно, не стоит даже заикаться — но ведь, по совести, не в ней одной дело. И не только в войне.

— От меня никакого толку, отец, — пробормотал он. — Я ничего не умею и нигде не могу пригодиться. Я бы хотел, как вы... Но ведь я не алхимик. И не воин — конечно, там я тоже что-то могу, но...

— Не хочешь? — пронизательно сощурился магистр, и сын печально кивнул. — Почему?

— Не мое это, — махнул рукой Нейл. — Вы были правы. Война — не тренировочный зал, жаль, я это поздно понял... Не будет от меня в строю никакого толку. Райан — да, он боец. Про Фаиза я так вообще молчу! Даже от Зигги и от того есть прок Геону. А я?

— Ты фантомаг, — спокойно сказал герцог. Нейл тряхнул головой.

— И на что мне эти фантомы? Топить корабли?.. Я вовсе этого не хочу, отец! Разве не вы учили меня, что человеческая жизнь священна?

— А разве не ты спасал эти жизни у берегов Бар-Шаббы?

Нейл, издав тяжкий вздох, уткнул локти в колени и зарылся пальцами в волосы над висками.

— Не знаю, — помолчав, сказал он. — Нет, понятно, что фантомов я тогда поднял в здравом уме и «небесный гром» вызвал тоже не по незнанию, только... Я больше так не хочу, отец. Я не хочу убивать.

— Так чего же ты хочешь?

— Не знаю, — безрадостно повторил Нейл. — Другого. Приносить пользу. Защищать, может быть. Но от защиты без нападения проку нет.

Герцог отстраненно повел плечом.

— Ну отчего же, — протянул он. — Смотря какая защита. И ты несправедлив к себе, Нейлар. Может, ты не алхимик — но ты разбираешься в предмете лучше многих. Может, бой — не твое, но и в защите ты знаешь толк, даже не принимая во внимание фантомы...

Нейл невесело рассмеялся:

— Ага! Там серединка на половинку, тут половинка на серединку! Вот уж мастер на все руки!

Первый алхимик улыбнулся в ответ.

— Если взять две половинки, — сказал он, — и сложить вместе — выйдет одно целое. Об этом ты не думал?.. Иногда чтобы найти себя, Нейлар, приходится как следует поискать. И глупо при этом не использовать то, что у тебя уже есть. Воевать ты не хочешь — что ж, признаться, я этому только рад. Но ты приносил присягу как боевой маг, и случись нужда — тебя призовут, хочешь ты этого или нет.

— И что же делать?

— Война — не только сражения и победы, сын. Это еще и потери. Убитыми, ранеными... Но если первым помочь нельзя, то вторым можно.

Нейл задумчиво сдвинул брови. Он понял, что герцог имел в виду.

— Да, я помню, вы ведь служили при госпитале, — помолчав, отозвался он, — на прошлой войне... Но вы были уже готовым алхимиком, отец. А я-то там кому сдался? Да и в лекарском искусстве я ничего не смыслю.

— Учиться никогда не поздно. Было бы желание. А даже если оно так и не возникнет — что ты теряешь, кроме времени, которое тебе всё равно не на что тратить? Попробуй! В

конечном итоге, для того, чтобы служить ассистентом кого-то из мэтров, не обязательно быть «готовым алхимиком» — а связей в королевском госпитале у меня достаточно. Где-нибудь да пригодишься.

— Само собой, — криво усмехнулся Нейл. — С такой-то протекцией. Не в обиду, отец, — но кто откажет первому алхимику Геона?

Его светлость и бровью не повел.

— Первый алхимик Геона, — спокойно ответил он, — не стал бы первым, разводи он кумовство вместо дела. Ты мой сын, Нейлар, и я люблю тебя, — но неужели ты думаешь, что мне пришло бы в голову кому-то тебя рекомендовать, будь ты в действительности ни на что не годным?..

Нейл, стушевавшись, уперся взглядом в пол. А герцог легонько хлопнул ладонью по столу и поднялся.

— В любом случае, — сказал он, — решать тебе. Подумай, я тебя не тороплю, время пока еще есть. Доброй ночи, Нейлар.

— Доброй ночи, отец, — всё так же не поднимая глаз, отозвался тот. Его светлость ушел, прикрыв за собою дверь, а Нейл еще долго сидел, уставившись себе под ноги, хотя не от кого уже было прятать глаза. «Время пока еще есть» — сказал отец, но они оба понимали, что не так уж много его осталось. И все были при деле: и первый алхимик, и Райан с Фаизом, и Зигги, и даже Сандра, один только Нейл, по меткому выражению егеря Белой усадьбы, болтался «как кобылий хвост», сам не зная, чего он хочет. Но это не могло длиться вечно.

Мело всю ночь, но к утру буря улеглась, оставив после себя легкий приятный морозец, чистое небо и укрытые снегом дороги. Расчищали их до полудня. Нейл, помня о приглашении Зигги, благоразумно выехал загодя, однако в столичную резиденцию де Шелоу всё равно поспел лишь ко второму удару гонга. Впрочем, маркиз и его семейство отнеслись к этому с пониманием.

— Мы уж не чаяли вас сегодня увидеть, герцог, — сказал его сиятельство, усаживаясь во главе стола. — Я слышал, все пригороды замело — верно, зима в этом году будет на зависть прошлой!

— Вполне вероятно, — отозвался Нейл, опускаясь на стул по правую руку от маркизы де Шелоу и повязывая салфетку. — По крайней мере, в Мидлхейм мне пришлось прорываться с боем. Но воспоминание о талантах вашего повара придало мне сил — и вот я здесь!

Он улыбнулся, маркиз ответил ему дробным залиvistым смехом, и все собравшиеся за столом охотно последовали его примеру: нынче обедали узким кругом, по-семейному, из гостей были только Нейл да жених старшей сестры Зигмунда, и за строгостью соблюдения застольного этикета никто особенно не следил. Де Шелоу, несмотря на длинное родословие и громкий титул, люди были простые и веселые; Нейлу нравилось бывать у них, а они всегда принимали его тепло, с неизменным радушием и так хлебосольно, что у него каждый раз едва хватало сил встать из-за стола. «Опять сегодня объемя, — подумал он, глядя, как от дверей к маркизу несут огромное блюдо с запеченным в сухарной крошке мерлангом, а перед маркизой ставят гигантскую фарфоровую супницу. — Слава богам, хотя бы не званый обед. Там бы мне точно конец пришел». Пророчество не было лишено оснований — званые обеды и ужины в резиденции де Шелоу были в столице притчей во языцех, и редко кому из приглашенных удавалось на них избежать обжорства. Собственно, теперешний обед исключением не стал: за мерлангом и сливочным супом со сладким миндалем и телятиной последовали бараньи отбивные, запеченные овощи, олений филей, салат из омаров и сладкий омлет с абрикосовым джемом, а поданный на десерт тминный кекс довершил дело — хотя Нейл и без него уже дышал с трудом. По окончании обеда дамы перешли в гостиную, оставив мужчин наслаждаться кофе с ликерами, и маркиз де Шелоу завел с будущим зятем пространную беседу о политике. Зигмунд с интересом внимал, время от времени вставляя в разговор фразу-другую, а Нейл, сидя рядом с товарищем в кресле, изо всех сил боролся с собой, чтобы не уснуть. Политика была ему неинтересна, прошлой ночью он до самого рассвета ворочался в постели с боку на бок, думая о Сандре и о том, что сказал отец, — и потерпел поражение на обоих фронтах, вдобавок не выспавшись. Сдерживая зевоту, Нейл вполуха прислушивался к скучному разговору, мысленно подыскивая благовидный предлог, чтобы откланяться, когда в столовую впорхнул один из лакеев. В руках у него был поднос с дневной почтой.

— Вы просили, ваше сиятельство, — почтительно склонившись в поклоне за правым плечом маркиза, прогудел лакей. — Вот, доставили наконец. С извинениями. Погода...

— Да, да, — рассеянно закивал тот. — Погода ужасная! Снеси в кабинет, я просмотрю позже...

— Как прикажете, ваше сиятельство.

Лакей, ссызна поклонившись, выпрямился и уже собирался выйти, но его остановил Зигмунд.

— Погоди, — сказал он, протягивая руку к подносу. — Может, для меня что-нибудь есть.

Он поворошил конверты и вдруг изменился в лице. Нейл, лениво наблюдавший за другом из-под полуприкрытых век, шевельнулся.

— Зигги?.. — удивленно-встревоженно позвал он.

Тот не услышал. Выхватив из груды писем одно, порядком потрепанное по углам и с густыми кляксами многочисленных штемпелей, Зигмунд поднес его к глазам, словно не веря тому, что видит, и одним движением поднялся с кресла.

— С вашего позволения, — как-то придушенно пробормотал он, ни на кого не глядя, и быстрым шагом покинул столовую. Маркиз де Шелоу едва успел кивнуть.

— Верно, важное что-нибудь, — добродушно обронил он, глядя вслед сыну. И опять повернулся к своему гостю, возвращаясь к прерванной беседе. Нейл молча обернулся на двери столовой. Видеть Зигги в таком волнении последний раз ему доводилось еще в Бар-Шаббе, после диверсии в военной школе Даккарая. «Не оттуда ли письмо? — беспокойно ерзая в кресле, подумал молодой человек. — И если так, то с чего бы? Ведь герцогиня давно писать перестала!»

С трудом высидев подле маркиза еще с четверть часа, Нейл откланялся.

— Благодарю за гостеприимство, ваше сиятельство, — сказал он. — Ваш дом из тех, что не хочется покидать, но, увы, мне пора...

Он попрощался с маркизом и его будущим зятем, после — с ее сиятельством и пятью смешливыми девицами де Шелоу, что распевали романсы в гостиной у рояля, и, поколебавшись, взбежал вверх по лестнице в комнату Зигги. Уехать, не попрощавшись с тем, кто тебя пригласил, было по меньшей мере неучтиво, к тому же Нейла смутно тревожило то загадочное письмо. Вдруг все-таки из Даккарая? Вдруг что-то важное?..

— Зигги, дружище, — проговорил Нейл, входя в комнату с высокими потолками и окном в полстены, выходящим в сад. Ночевал Зигмунд в дальнем крыле особняка, но дни проводил здесь. — Я уже собираюсь...

Де Шелоу, сидящий у письменного стола, вздрогнул, словно очнувшись.

— Нейл? — вяло пробормотал он, оборачиваясь. И лишь взглянув в это широкое добродушное лицо, подернутое дымкой печали, Нейл понял, что оказался прав в своих предположениях. Без прекрасной герцогини тут явно не обошлось.

— Куда ты исчез? Мы и глазом моргнуть не успели, — сказал он, подходя. И не удержался, бросил взгляд на разорванный конверт, лежащий с краю. «Отправитель... Даккарайская пустошь... отослано... переслано...» Нейл, придвинувшись ближе, будто невзначай скользнул взглядом по исписанному крупным округлым почерком листу письма, что лежал перед другом. «Дорогой Зигмунд! — так оно начиналось. — Простите мне моё молчание и мою трусость...» Нейл, смутившись, отвел взгляд. Читать чужие письма было стыдно. «Но Даккарай, — мелькнуло в голове. — Всё-таки Даккарай!»

— Зигги, — помолчав, снова сказал он. — Ты в порядке?

Товарищ, ссутулившись, отвернулся.

— Нет.

— Её светлость?..

— Да.

Зигмунд де Шелоу поднялся со стула и, подойдя к окну, нервным движением заложил руки за спину. Нейл, призвав к ответу всю свою совесть, решительно повернулся к столу спиной.

— Так что, Зигги? — спросил он.

От окна долетел горестный смешок.

— Ничего, — отозвался тот. И после долгой паузы передернул плечами. — Письмо потерялось. Его отправили почти месяц назад, но, видно, завалилось куда-то... Я ведь не дурак, Нейл. И не слепой, чтобы на что-то надеяться. Кто я — и кто она? Ты не видел ее, не знаешь, но таких девушек больше нет.

— Понимаю, — осторожно отозвался Нейл.

— Нет, не понимаешь, — Зигмунд покачал головой. — И я бы хотел, да не получается... Я был прав, Нейл. Она боится меня. Боится моей силы и... да вон письмо. Можешь прочесть. Нейл нахмурился.

— Оно адресовано не мне, — сказал он. — И я не Райан, Зигги, передо мной отчитываться не надо. Я зашел сказать, что уезжаю. Извини, если не вовремя.

Он развернулся к двери и услышал за спиной тихий прерывистый вздох.

— Это другое, Нейл, — пробормотал Зигмунд. — Не обижайся, я знаю, что ты мой друг просто мне ужас как плохо.

— Понимаю, — повторил Нейл. — Но это пройдет.

— Да, наверное...

Еще один вздох, больше похожий на всхлип, догнал его почти у самого порога. Нейл, уже взявшись за ручку двери, обернулся.

— Может, я и не прав, — помолчав, сказал он, — но на твоём месте не торопился бы так убиваться. Она ведь все-таки тебе написала, верно?

— В последний раз, — глухо ответил Зигмунд. — Это ее слова. Конечно, и так было понятно, но... Я знаю, она меня не любит, да о взаимности я и мечтать не смел, я помню, кто я, — не говоря уж обо всем прочем. Мне бы хватило и писем, правда, хватило бы! А теперь...

Он умолк, не договорив, и опустил плечи. Потом смахнул что-то с лица и обернулся.

— Так ты домой, Нейл? Или у тебя еще какие-то дела в городе?

— Да нет, — пожал плечами гость. — А что?

Зигмунд одернул сюртук и отошел от окна.

— Тогда подожди меня внизу, — сказал он. — Я прокачусь к Лусетиусу, это в ту же сторону... А то, если хочешь, возьмем нашу коляску — я выйду на Парковой и велю кучеру отвезти тебя домой. Ему всё равно, а тебе меньше мерзнуть.

Нейл с сомнением взглянул в бледное лицо товарища. Что понабилось вдруг Зигги у Лусетиуса, можно было даже не гадать. Он был в жутком расстройстве, сердце его было разбито, и другого способа облегчить страдания, кроме как напиться вусмерть, бедняга, конечно же, не нашел...

— Знаешь, дружище, — задумчиво протянул Нейл, — если ты не против, я лучше составлю тебе компанию!

Де Шелоу тускло улыбнулся.

— Как хочешь. Я не против, да вдвоем оно всяко повеселее, — он покосился на стол и махнул рукой. — Ты тогда подожди внизу, Нейл, я переоденусь и поедем... Надеюсь только, ан Фарайя туда демоны не принесут с его гадостями! Что за змея подколодная, как вспомню

— придушить хочется!

— Даже не пробуй, — фыркнул Нейл, открывая дверь. — Я, было дело, рискнул и до сих пор не понимаю, как жив остался. Фаиз, конечно, редкая сволочь — но лучших бойцов я не еще встречал.

— Я тоже, — с сожалением отозвался товарищ. — И как ты его не боишься!

— Не знаю, — пожал плечами Нейл. — Наверное, просто уже привык... Так я тебя жду, Зигги. Собирайся.

Он шагнул через порог, и дверь захлопнулась у него за спиной. Зигмунд де Шелоу, потянувшись к верхней пуговице своего домашнего сюртука, растерянно наморщил брови. Потом обернулся к двери и, чуть сощурившись, неопределенно качнул головой. Нейл ушел, но что-то еще витало в воздухе — тающее с каждой минутой, почти неосязаемое, пойманное случайно лишь краем глаза. Показалось? Или все-таки?.. Зигмунд прикрыл веки, ловя ускользящее видение. Тонкая серебристая нить, почти прозрачная, коротко блеснула во тьме. Нет, она была. «И тянулась совсем не ко мне», — понял Зигмунд. Потом вспомнил задумчивое лицо Райана Рексфорда, его хмуро брошенное: «Не уверен, старина... Не уверен» — и, подумав, тряхнул головой.

— Полная ерунда! — сам себе сказал он, решительно принимаясь за пуговицы.

В ночь на четверг опять разыгралась метель, и Нейл снова спал плохо. Оконные стекла, дребезжа, мелко тряслись под ветром, в дымоходах утробно выло, и заснуть под весь этот концерт оказалось непросто. К тому же, воскресный обед у де Шелоу дал о себе знать: в доме эль Хаартов таких пиршеств не закатывали даже по большим праздникам, и переполненный жирной тяжелой пищей желудок «спасибо» хозяину не сказал. До самого рассвета, пока не стихла метель и не успокоилась внутренняя буря, сын герцога ворочался в постели, тяжело вздыхая, а утро встретил со слипающимися глазами, без сил и аппетита. Завтракал Нейл одним кофе — даже от вида еды его воротило. «И ведь уже который раз так, — кисло думал он, борясь с зевотой. — Знаю, что будет плохо, а всё равно ем как не в себя, будто дома меня не кормят!»

Он с сомнением покосился на молочник, поморщился и вздохнул. Кофе Нейл вообще не любил, особенно черный, но от чая бодрости ждать было нечего. А день предстоял хлопотный.

— Так что, Нейлар, — через стол спросил герцог, взглянув на старшего сына. — Ты точно решил?..

— Да, — кивнул тот.

Еще вчера, вернувшись домой из столицы, он подошел к отцу и сказал, что не имеет ничего против королевского госпиталя. После долгих размышлений Нейл счел, что как от помощника кого-нибудь из алхимиков пользы от него явно будет больше, чем как от бойца-недоучки. Тем более, на фронт его призывать не спешили, а сам он туда не рвался.

— Хоть делом займусь, — сказал он. — А то бью баклуши с утра до вечера, самому уже тошно.

— Это правильно, — согласился его светлость. И поймав удивленный взгляд жены, пояснил: — Королевский госпиталь, дорогая. Я предложил Нейлару все-таки найти себе занятие, и, думаю, там он придется ко двору. В свой корпус, увы, я его взять не могу — и обстановка не та, и магистерских грамот нет... Все-таки полного высшего курса алхимии Нейлар не проходил.

— Жаль, — сказала герцогиня. — Но ведь это еще не поздно?

Она с улыбкой обернулась к сыну. Тот в ответ неопределенно хмыкнул.

— Учиться никогда не поздно, — сказал герцог. — А школ в Мидлхейме достаточно — думаю, если Нейлар захочет, за грамотами дело не станет. Ну а пока начнем с малого! Письмо главному алхимику королевского госпиталя я написал еще вчера, Нейлар. Оно на столе в библиотеке — если с завтраком ты закончил, походи переоденься, возьми его и поедем. Экипаж за мной вот-вот прибывает. Главный алхимик человек занятой, и чем раньше ты к нему придешь, тем лучше — а нам с тобой все равно по пути.

— Да, отец, — Нейл допил свой кофе и встал. — Спасибо.

Он вышел. Вивиан эль Хаарт, отодвинув тарелку, задумчиво склонила голову набок и взглянула на мужа:

— Госпиталь... Полагаешь, он справится, Кендал?

— А почему нет? Нейлар человек ответственный и способный, да и с алхимией он всегда был на «ты». Лабораторию, конечно, никто ему с порога не доверит, но год-другой под началом опытного алхимика — и кто знает?..

— Хорошо бы. В любом случае, госпиталь лучше, чем фронт! Но ведь ты говорил, алхимия ему неинтересна — с чего вдруг такие перемены?

— Война, Вивиан, — вздохнул он, снимая с шеи салфетку. — И Нейлар хочет быть полезным своей стране. Что же до алхимии — ну, порой аппетит приходит во время еды! А если даже этого не произойдет, не беда. По крайней мере, сейчас он будет при деле.

— Тоже верно, — подумав, кивнула герцогиня. — Тебя ждать к ужину, Кендал?

Герцог, на миг нахмурив брови, обернулся к двери.

— Да, — после паузы ответил он. — Сегодня я задерживаться не планирую.

— Хорошо, — улыбнулась жена. Его светлость допил свой отвар, поднялся из-за стола, и Вивиан подставила ему щеку. — Я велю кухарке приготовить индейку с каштанами.

— Было бы замечательно, — сказал муж. Индейка, фаршированная каштанами, была одним из его любимых блюд. Он поцеловал супругу, выпрямился — и, бросив взгляд на двери столовой, улыбнулся тоже: — Правда, боюсь, Нейлар угощения не оценит. Он вчера обедал у Зигмунда де Шелоу и, полагаю, до сих пор есть не может.

Вивиан рассмеялась.

— Бедный мальчик, — сказала она. — То-то он вчера и ужинать не стал! Обеды у де Шелоу — то еще испытание. Помнишь последний, в честь праздника урожая?

— О да, — отозвался Кендал, глядя на нее сверху вниз. Жена смотрела на него, улыбаясь всё той же мягкой, ускользающей улыбкой, причин которой он не понимал. — Ты хорошо спала сегодня, Вивиан? Метель была страшная, едва стекла не трескались от ветра.

— Да? — она пожала плечами и поднялась. — Я не заметила. Уснула, едва легла!.. Полагаю, Нейл вернется домой раньше тебя — пока вы не уехали, попрошу его кое-что купить в городе. — Вивиан привстала на цыпочки, чмокнула мужа в гладко выбритый подбородок и улыбнулась снова: — Хорошего дня, дорогой. Увидимся вечером. Помни об индейке!..

И вышла. «Нейл, — спустя мгновение донеслось до герцога из холла. — Задержись на минутку! Я дам тебе небольшой список...»

Его светлость, не двигаясь с места, молча глядел на приоткрытую дверь столовой. Нет, он решительно ничего не понимал. Что вдруг стало с Вивиан? Эта улыбка, эти поцелуи, эта неожиданная забота... Герцог вспомнил позапрошлую ночь и несколько смущенно крякнул.

Поговорив с Нейларом, он, помня о своем обещании, заглянул к жене — да так и остался у нее до утра. «Ты давно не приходил ко мне, Кендал, — сказала Вивиан, когда он, пересказав недавнюю беседу с сыном, уже собирался пожелать ей доброй ночи. — Понимаю, служба, ты устаешь, но мне тебя не хватает» — и прежде чем он успел ответить, обвила руками его шею. Это была чудесная ночь, и утро оказалось не хуже, однако... С чего бы? Прошлой зимой в объятия мужа герцогиню привели тоска и одиночество, но сейчас Вивиан вовсе не выглядела несчастной. Да и с госпожой Делани они, судя по всему, прекрасно ладили. «Ради Нейлара так стараться ей смысла нет, — озадаченно подумал Кендал, — она знает, как сын для меня важен. Но что тогда?»

Часы в холле пробили восемь. Его светлость, бросив ломать голову, встряхнулся. Что происходит с Вивиан, лучше спросить у нее самой, и для этого будет еще целый вечер — а сейчас его ждет служба. Экипаж, верно, давно уже подали. Герцог оправил камзол и заторопился вон из столовой.

Королевский госпиталь, вытянувшийся вдоль всей Кипарисовой улицы, занимал собой почти целый квартал. Он был похож на отдельный город — с многочисленными корпусами и службами, двумя обширными скверами, теплицами, конюшнями и большим каретным ангаром. Главное здание, величественное и строгое, неприступной цитаделью возвышалось в конце длинной подъездной аллеи, что вела от ворот к самому крыльцу. Нейл поднялся по его крутым серым ступеням не без трепета — в королевском госпитале ему бывать доводилось лишь однажды, в ночь возвращения из Бар-Шаббы, и кроме длинных пустых коридоров он совсем ничего не запомнил. Но теперь было утро, госпиталь раскинулся перед соискателем во всей красе, а вокруг сновали десятки людей. Нейл вошел в огромный гулкий холл, справился у зевающего за конторкой юноши, где можно найти главного алхимика, получил ответ и поднялся на третий этаж.

Достопочтенного мэтра он не застал.

— Его милость на совещании, — сказал Нейлу деловито перебирающий какие-то бумаги секретарь. — Полагаю, будет к половине десятого. Вы можете пока подождать в приемной, сударь.

Нейл поблагодарил и скромно присел на стул возле двери, от нечего делать глаза по сторонам. В приемной смотреть было не на что, но примыкающий к ней коридор, несмотря на раннее утро, был полон людей. Врачи, штатные алхимики, такие же просители, как он сам, ерзающие у дверей на длинных деревянных лавках... Больных и персонала из числа госпитальной obsługi здесь не было — весь третий этаж занимало руководство госпиталя. Нейл, позевывая в рукав, лениво скользил взглядом по спинам и лицам, когда одна из белых дверей напротив приемной распахнулась, и в коридор вышли двое мужчин.

— ...нет времени на всю эту волокиту! — очевидно, продолжая разговор, начатый еще в кабинете, сердито говорил первый, сухощавый коротко стриженный человек в форменном камзоле военного врача. — На мне целый госпиталь, милостивый государь, — или прикажете всё там бросить и разбить шатер под вашими окнами? Весь январь я только и делаю, что обиваю пороги, потому что с моим заместителем никто говорить не желает, — и что в результате? Одни обещания! Я до сих пор не увидел ни коек, ни новых рам в общих палатах...

— Я понимаю, полковник, — терпеливо кивал второй, круглолицый господин с золотым пенсне на носу. Судя по тоске в его глазах, он уже не чаял избавиться от своего

собеседника. — Но и вы меня поймите! Ведь я тоже человек подневольный! Военное ведомство...

— Военное ведомство только и знает, как скидывать ответственность на других! — не забываясь от тоне, перебил тот, кого назвали полковником. — А другие, вроде вас, милостивый государь, сплошь «подневольные», которым дела нет ни до чего! У нас не хватает инструментария, не хватает людей — и это сейчас, а что будет в разгар войны?.. Вы прикажете мне одной рукой держать ланцет, а второй смешивать порошки, потому что больше некому? Или бросить больных и самому конопатить окна? Мне положен штат в дюжину фельдшеров, не говоря уже о врачах и младшем персонале, включая лабораторию, — где это всё? На бумаге?

— Прошу вас, полковник!..

— Нет, это я вас прошу — уже которую неделю и всё без пользы! Как я могу обеспечить нормальное функционирование госпиталя, если...

Секретарь главного алхимика, убрав свои бумаги в стол, бросил на Нейла извиняющийся взгляд и закрыл дверь приемной.

— Прошу прощения, сударь, — сказал он. — Полковник Рейли — гениальный врач, но очень непростой в общении человек. Боюсь, барону сегодня не избежать мигрени!

Нейл склонил голову набок. Судя по всему, означенный барон и был тем «милостивым государем» в пенсне, на которого только что наседали боевитый полковник. Правда, сочувствовал Нейл отчего-то скорее последнему.

— Если всё так, как он говорит, — протянул молодой человек, — и если этот Рейли такой гениальный, почему бы не выполнить его требования? Вроде бы золоченых карет он не просит.

Секретарь утомленно махнул рукой:

— Откуда мне знать, сударь? Может быть, нет возможности. Но скорее всего полковник слишком сгущает краски — пятый солдатский госпиталь всегда был одним из лучших! По крайней мере, его предыдущий глава не жаловался...

Он пожал плечами и вернулся к своему столу. Нейл оттопырил ухо в сторону двери, но кроме ровного гула голосов за ней ничего больше не услышал. Спустя еще четверть часа главный алхимик королевского госпиталя вернулся с совещания и принял просителя у себя в кабинете — а по прочтении письма его светлости уверил Нейла, что место для него непременно найдется.

— Конечно, жаль, что вы не успели закончить курс, герцог, — приятно улыбнувшись, на прощание сказал он. — Однако ваш батюшка характеризовал ваши знания алхимии в самых лестных выражениях — и, зная его светлость, эта рекомендация стоит магистерской грамоты! Приезжайте завтра к десяти. Уверен, любой из наших мэтров будет рад такому ассистенту.

Нейл поблагодарил, пообещал завтра быть к назначенному времени и откланялся. Покинув госпиталь, он прошел до конца Кипарисовой улицы, пешком прогулялся до Кленового сквера и, вспомнив о списке, что дала ему мать, свернул на Центральную — откуда, нагруженный свертками, взял экипаж. В восточный пригород Нейл вернулся еще до полудня. А в начале третьего к белому особняку по соседству подкатил большой зимний экипаж с гербом Д'Элтаров на дверце и двумя дорожными сундуками на запятках.

Охрана, что выделил другу магистр щита, дело свое знала, однако за год спокойной службы при первом алхимике слегка порасслабилась. Ночью бойцы прилежно обходили

периметр, глядя в оба, но днем по большей части толклись у дома, точа лясы друг с другом и стараясь не попадаться на глаза хозяевам. Нейл не преминул этим воспользоваться. Два часа кряду он слонялся вдоль изгороди, вглядываясь сквозь нее в конец длинной подъездной аллеи, что вела к особняку Д'Элтаров, промерз до костей, извелся от ожидания — но в конечном итоге был вознагражден. Кассандра приехала. Не одна — следом за ней, опершись на подставленную руку барона, из экипажа выпорхнула незнакомая Нейлу девушка с длинной светлой косой и в таком же, как у Кассандры, коричневом мундире. «Хорошенькая», — отметил Нейл и перевел взгляд на подругу. Вид у нее был бледный, уставший, но она улыбалась — и Нейл, затаившийся под хлипкой защитой изгороди, улыбнулся тоже. Кучер на облучке тронул поводья, экипаж скрылся на заднем дворе, а барон Д'Элтар вместе с дочерью и ее гостьей — в распахнувшихся дверях дома. Прежде чем они вновь сомкнулись, сын герцога эль Хаарта успел увидеть еще два женских силуэта, скользящих из холла навстречу Кассандре. Мать и сестра, понял он. А та незнакомка с золотыми волосами — уж не герцогиня ли эль Тэйтана, собственной персоной? Сандра говорила, что она круглая сирота, стало быть, прощаться перед отъездом в лагерь ей не с кем. «Но дом-то в столице у нее есть, — подумал Нейл. — Без того к Сандре сквозь толпу родни не подступишься, так еще и подруга на мою голову!» Сердито хмурясь, он переступил с одной ноги на другую. Был уже третий час дня. Соваться к Д'Элтарам сейчас — чистой воды самоубийство, от тайника под акацией никакого проку... «А к половине восьмого приедет отец, — мысленно плюнул он, — и мне даже на собственное крыльцо будет не выйти. Демоны! Как же дать ей знать?..» Он бросил прощальный взгляд на белый особняк и, вздохнув, поплелся к дорожке. Миновав беседку, поклонился по саду, окончательно замерз и бесславно вернулся домой, так ничего и не придумав. Вздремнул пару часов, после попробовал было сесть за книги, но скоро дело это бросил — учеба не лезла в голову. Не зная, чем себя занять, и занятый исключительно мыслями о подступающей ночи, Нейл в конечном итоге явился в гостиную на первом этаже: с учебником алхимии под мышкой и с тоской в глазах.

В гостиной обнаружилась герцогиня эль Хаарт. Она сидела в кресле у камина с пальцами на коленях, и когда сын вошел, как раз склонилась над шкатулкой, задумчиво перебирая плотные катушки шелка.

— Нейл? — подняв голову на звук шагов, улыбнулась она. — Решил составить мне компанию?

— И это тоже, — молодой человек опустился в отцовское кресло напротив и вытянул ноги. — Вроде бы с завтрашнего дня меня берут в чьи-то ассистенты, вот, решил освежить память.

Он помахал учебником в воздухе.

— Алхимия?

— Да. Правда, всего лишь за третий курс...

— Ну, — сказала герцогиня, вдевая нить в иголку, — скоро вернется отец, попроси у него что-нибудь посложнее. Наверняка найдется в библиотеке.

— Угу, — без энтузиазма отозвался Нейл, открывая книгу и мусоля страницы. Вивиан, взглянув в хмурое лицо сына, качнула головой.

— Если алхимия тебе не в радость, — мягко пожав плечами, сказала она, — зачем же было соглашаться? Конечно, никто тебя не неволит, ты можешь передумать в любой момент, но...

Нейл усмехнулся.

— А смысл? Королевский госпиталь не лучше и не хуже других мест. Какая разница!.. Всё равно я без толку дома штаны протираю, а так хоть чем-то займусь, — он скользнул взглядом по странице, зевнул и уткнул локоть в шелковый валик. «Освежать» знания за третий курс не было ни желания, ни смысла — он и забыть-то еще ничего не успел. — Ты не хочешь кофе, мама? Слуги уже ушли, но я сварю.

— Это было бы хорошо, — улыбнулась Вивиан, опуская иглу и с сомнением глядя на свою вышивку. — Как считаешь, левое крыло не больше правого?..

Она развернула пяльцы. Нейл задумчиво прищурился, глядя на незаконченный родовой герб эль Хаартов: черный ворон на сером фоне, сложивший крылья и сжимающий в когтях перевернутые песочные часы. Вышить герцогиня успела только птицу, прочее, включая девиз, было лишь намечено мелом.

— Да вроде бы всё в порядке, — не очень уверенно высказался Нейл. — Правда, живых воронов я никогда не...

Он вдруг умолк. Герцогиня, так и не дождавшись окончания фразы, удивленно вскинула глаза на сына.

— Нейл? — позвала она. — Что с тобой, милый? Ну неужели это настолько ужасно?..

Тот моргнул и, захлопнув учебник, пружинисто поднялся на ноги.

— Это прекрасно, мама, — с чувством проговорил молодой человек, сверкнув улыбкой. — Клянусь богами, твой ворон — лучший из всех!.. Так я сварю кофе?

И, не дожидаясь ответа, почти бегом покинул гостиную. Вивиан, удивленно глядящая ему в спину, вздернула брови. Потом перевела взгляд на вышивку и вздохнула.

— Нет, — пробормотала она, морща лоб, — все-таки левое больше...

Кофе герцогиня так и не дождалась: оставив гостиную, ее сын вместо кухни направился в библиотеку. Он долго рылся на полках, но всё же в конце концов нашел — большой орнитологический альманах, невесть как затесавшийся среди научных трудов его светлости. Нейл пролистнул книгу и удовлетворенно прищурился. Иллюстраций в альманахе хватало, причем подробных и даже цветных. Молодой человек, закрыв шкаф, взбежал вверх по лестнице в свою комнату. Хорошо, что слуги уже ушли, думал он, запирая дверь изнутри и стаскивая амулет. Потом присел к столу и зашелестел страницами. Зяблик, сова, пересмешник... Аист, цапля... А, вот! «Семейство врановых».

— Ворон слишком велик, — бормотал он, листая страницы. — Лучше попроще что-нибудь, вроде обычной вороны... Да, ворона! Белая! Тогда точно поймет!..

Идея, посетившая его благодаря матери, была проста и исключала все возможные риски. Если сам Нейл не может явиться к соседям — пусть за него это сделает фантом! На птицу за окном никто не обратит внимания, особенно на ворону, которых полно что в столице, что в пригородах. Белые, правда, в природе редки, но это не помеха, даже наоборот — сейчас, зимой, когда всё вокруг засыпано снегом, она не будет бросаться в глаза. Да и делать ее, кроме как из того же снега, больше не из чего, вода замерзнет по такому холоду через несколько минут. «Фантомаг я или кто?» — про себя улыбнулся Нейл, глядя на книжный разворот. Ворона там была изображена самая обычная, но это было легко исправить. «Еще бы заставить ее говорить!.. — подумал он, закатывая рукава. — Хотя, впрочем, и так сойдет. Потренируюсь немного, пока отец не вернулся, а потом дождусь полуночи и отправлю фантом к Д'Элтарам. Птица не дракон, смогу держать долго. И как только Сандра останется одна...»

Он улыбнулся снова. Потом распахнул окно, оценил десятидюймовую шапку снега на подоконнике и, вызвав в памяти картинку из альманаха, прикрыл глаза.

Герцог эль Хаарт вернулся со службы ровно в половине восьмого. Воронкой — к вечеру вновь разыгралась метель, а время было дорого. Конечно, его светлость помнил об индейке, но дело было не в ней. И даже не в просьбе жены. Кадеты Даккарая еще третьего дня покинули школу, и первому алхимику Геона было известно, что по пути в военный лагерь тем из них, чьи родители имели дома в столице, было разрешено встретиться с семьей. Кассандра Д'Элтар, одна из таких счастливиц, уже прибыла в восточный пригород. И герцог не сомневался, что его старший сын, несмотря на все обещания, нынешней ночью дома не усидит. Допустить этого было нельзя.

После ужина вся семья перешла в гостиную. Мелвин со своим воспитателем привычно устроился на диване: госпожа Делани что-то вязала, а Мелвин читал ей по складам о приключениях неугомонного поросенка Пиля. Это была его любимая книжка. Герцог, герцогиня и их старший сын втроем сидели у камина.

— Лиллиан Бэнтон прислала сегодня записку, — говорила Вивиан, — она ждет нас в будущий вторник на именины его сиятельства. Что мне ей ответить, Кендал? Мы будем?

— Я посмотрю в графике, — отозвался тот, из-под полуопущенных век наблюдая за сыном. Нейл, вытянув ноги к огню, лениво листал страницы учебника, но, судя по лицу, читать даже не пытался. — Вполне может быть, что у меня получится вырваться на пару часов пораньше. Ты бы хотела поехать, дорогая?

— Пожалуй.

— Тогда я очень постараюсь. Мы редко где-то бываем, в конце концов, почему бы и нет?.. Напиши графине, что мы будем. А если вдруг служба меня все-таки не отпустит, есть Нейлар.

Вивиан, кивнув, повернулась к сыну:

— Что ты об этом думаешь, Нейл?

— Как скажешь, мама, — пожал плечами тот. — Можно и к Бэнтонам. У меня пока нет планов на следующую неделю.

И бросил взгляд на часы. От его светлости это не укрылось. Мимолетно нахмутив брови, герцог заглянул в свою чашечку, поставил ее на стол и, коснувшись ладонью серебряного бока кофейника, покачал головой:

— Совсем остыл. Нет ничего хуже холодного кофе! Да и отвар мой весь вышел.

Оставив кресло и взяв в руки поднос, он ласково улыбнулся приподнявшейся было следом жене:

— Нет-нет, сиди, дорогая. Должен же я отблагодарить тебя за прекрасный ужин? Индейка была бесподобна — и, кажется, я догадываюсь, кто готовил к ней соус...

Вивиан улыбнулась в ответ. Соус она действительно готовила сама, и ей было приятно, что муж это оценил.

— Тогда свари кофе с пряностями, Кендал, — сказала она. — Как ты умеешь. У меня так всё равно не получается. Госпожа Делани, вы любите кофе с корицей и мускатным орехом?..

Воспитательница подняла взгляд от своего вязания:

— Не знаю, ваша светлость, я никогда такого не пробовала.

— Ну, — весело сказал герцог, — тогда и говорить не о чем — теперь я просто обязан

блеснуть своими умениями!

Герцогиня рассмеялась, глядя вслед выходящему мужу. Нейл перевернул страницу, снова покосился на часы и перевел взгляд на мать: он давно не видел герцогиню эль Хаарт в таком солнечном настроении. И кого-то она вдруг напомнила ему сейчас — только кого?..

— Ты выглядишь счастливой, мама, — сказал Нейл. Ее светлость, обернувшись, повела плечами.

— Отчего же мне быть несчастной?.. — с улыбкой спросила она, и сын не нашел, что ответить.

Кофе стоял на плите, распространяя по кухне ароматы пряностей. Он был уже готов. Кендал эль Хаарт, ополоснув кофейник и пристроив сверху мелкое сито, процедил напиток, отделив гущу с кусочками корицы, и закрыл кофейник крышкой. Вымытые и уже обсохшие на полотенце у горячей плиты чашечки вернулись на блюда — все, кроме одной. Последнюю герцог поставил на стол и, обернувшись на дверь, вздохнул. Его мучила совесть, но мог ли он поступить иначе?..

Поколебавшись, его светлость нырнул пальцами в карман домашнего сюртука и, вынув небольшую узкую склянку, выдернул пробку. Четыре капли густой прозрачной жидкости упали на дно чашечки, растекшись по нему и почти сразу высохнув, слившись с белым фарфором. Новый снотворный эликсир, последняя разработка экспериментаторов шестого отдела, готовящийся прийти на смену настойке лурии, — четырех капель хватит до самого утра. Безвредный, почти безвкусный и не оставляющий после себя тяжелой головы наутро, эликсир действовал не так быстро, как лурия, но этого сейчас и не требовалось. Герцог заткнул склянку и убрал ее обратно в карман.

«Прости, мой мальчик, — подумал он, возвращая чашечку к остальным и вновь беря в руки поднос. — Но сегодня тебе лучше остаться дома».

Нейл проснулся, когда уже начало светать. С тихим стоном пошевелился на стуле и, морщась, выпрямился. Тело всё затекло. Зевая, он растер помятую щеку — на пальцах остался синий налет — и опустил взгляд на разворот раскрытой тетради. Судя по смазанной кляксе, еще недавно бывшей каким-то рисунком, уснул он прямо за столом и с пером в руке. «Как же это меня угораздило? — вяло подивился молодой человек, нашаривая в кармане платок. — Ведь едва ли не целый кофейник вчера в себя влил...»

Вчера?

Его словно молнией ударило. С грохотом опрокинув стул, он вскочил и метнулся к окну. За стянутым морозным узором стеклом тихо занимался рассвет.

— Нет, — пробормотал Нейл, в ужасе глядя на серое небо. — Да как же... Ведь я же не мог... Сандра!

Рука, дрожа, скользнула в карман жилета. Щелкнула крышка часов — без четверти шесть. «Может, еще успею», — подумал Нейл, распахивая окно. Ночью, похоже, снова мело — снежная шапка на подоконнике, еще вчера сильно просевшая, успела вернуть себе прежние размеры. Маг вывел ладонями в воздухе перевернутую восьмерку и вскинул руки. От локтей к запястьям побежали стремительные желто-зеленые искры.

Минуту спустя крупная белая ворона, бесшумно распахнув крылья, слетела с карниза. Набрав высоту, она поднялась до уровня крыши и устремилась вперед — к спящему в рассветных сумерках такому же белому особняку. Мелькнул внизу заснеженный чахлый сад, линия изгороди и одинокий храм Танора в окружении плакучих кипарисов. Птица, хлопая крыльями, опустилась на ветку клена у знакомого окна на втором этаже. Занавеси на нем не были задернуты, и жидкий свет нарождающегося утра проникал в комнату — увы, она была пуста. Ворона перескочила с ветки на узкий карниз и прижалась клювом к стеклу. Закрытая дверь, кровать с аккуратно расправленным покрывалом, старое кресло, придвинутое к самому окну, смятый клетчатый плед и крошечный огарок свечи в подсвечнике на подоконнике. Он не смог предупредить ее, но она ждала. Она знала, что он здесь, — и верила, что он придет... Белый загнутый клюв ударил в стекло, оставив на нем тонкую паутину трещин. Птица с хриплым карканьем взмыла к небу. Стрелой мелькнув мимо окон третьего этажа, она описала дугу вокруг узорчатой башенки с закрытыми ставнями, поднялась над заиндевевшим куполом крыши и зависла в воздухе, трепеща крыльями. Внизу расстилалась пустынная подъездная аллея со змеиными отпечатками полозьев, бегущими к воротам. Опоздал! Увезли!.. Контуры распахнутых крыльев поплыли, осыпаясь вниз белой пылью, — и тут же вновь до последнего пера проступили на фоне неба. Там вдалеке, за аллеей, за воротами, по дороге из пригорода к столице катился за шестеркой лошадей большой зимний возок. Из трубы его тянулась сизая ленточка дыма. Белая ворона вытянула шею. А после, расправив по ветру крылья, ринулась по дымному следу — вперед и вниз.

Экипаж, поставленный на полозья, шел ходко, но лошадям было не сравниться с птицей. Скоро фантом нагнал их. Описав круг над упряжкой, он обогнул кучера и, хлопая белыми крыльями, опустился вровень с окном. Уже совсем рассвело — сквозь заиндевевшее по краю рамы стекло стали видны высокие, обитые кожей сиденья, на одном из которых в такт движению экипажа покачивался хмурый барон Д'Элтар. Рядом, прижавшись к отцу и уронив голову ему на плечо, сидела Кассандра. Глаза ее были закрыты. Всю ночь она

провела у окна в ожидании друга, и теперь крепко спала. Призывное карканье за стеклом не разбудило ее. Барон, погруженный в свои мысли, тоже его не услышал. Одна только герцогиня эль Тэйтана, откинувшись на спинку второго сиденья, взглянула в окно и удивленно приоткрыла рот. Снаружи, едва не касаясь крылом стекла, бок о бок с возком летела большая белая ворона. Очень большая и очень белая — с удивительно яркими для альбиноса голубыми глазами, в которых стояло отчаяние. И взгляд этих глаз, совсем не птичьих, был намертво прикован к склонившейся к отцовскому плечу темноволосой головке напротив. Осененная невероятной догадкой и словно сама еще не до конца поверив в нее, герцогиня подалась вперед, но было поздно. Кучер подхлестнул лошадей. Выбивающаяся из сил птица за стеклом, трепеща крыльями, клубком закружилась во встречном потоке воздуха, щелкнула загнутым клювом — и с хриплым надрывным клекотом рассыпалась в прах облаком снежной пыли.

Камин давно прогорел, а распахнутое настежь окно выстудило последние остатки тепла, но Нейл, сидящий на полу у подоконника, не чувствовал холода. Подтянув колени к груди и обхватив их руками, он сидел, уставившись в одну точку, и единственное, что билось в его голове, — он опоздал. Может быть, уже навсегда. Война шла где-то далеко на западе, но будь так уж велики шансы Геона на победу, разве бросили бы Даккарай пустым?.. А будь это лишь перестраховкой, разве отправили бы в Предгорье одних первокурсников?.. Нет и еще раз нет. Кадеты, что скоро будут на пути в лагерь Райленд, больше пригодятся в бою. По лицу молодого человека скользнула кривая улыбка. Еще недавно он сетовал на несправедливость судьбы, оставившей им с Кассандрой всего одну ночь, — что ж, видно, не стоило гневить богов. Они и ночи этой ему не дали.

Фантом Нейл дотянул лишь до середины восточного пригорода — слишком велико было расстояние. Конечно, он мог бы еще тогда броситься на почтовую станцию в трех милях от дома и взять курьерскую тройку до столицы, но что в том было пользы? Пока он добрался бы до станции, пока нашлись бы свободные лошади... Раньше баронского экипажа он к Южным воротам всё равно не успел бы, а даже если б догнал его, что потом? Сандру к месту сбора повез отец. А там, уж верно, и без них была толпа народу — другие кадеты, их родня, их командиры... Напрасный риск. И к Сандре он всё равно на полсотни локтей подойти не смог бы. Поздно!

«Как же я мог заснуть? — неотступно думал Нейл, уткнувшись подбородком себе в колени. — Как? Я спал днем. И кофе... Много кофе! Я никогда его столько не пил — чуть не стошнило — но всё равно уснул?..» Он тряхнул головой, и словно в насмешку желудок скрутило тягучим противным спазмом. К горлу подкатила тошнота. Прижав ладонь ко рту, молодой человек неуклюже вскочил на затекшие от долгого сидения ноги и едва успел добежать до умывального столика, как его вырвало. «Похоже, с кофе я и впрямь перестарался», — подумал он, тяжело дыша. Подождал, пока отступит дурнота, взялся за ручку кувшина, чтобы прополоскать рот, — и застыл, глядя вниз. Содержимое собственного желудка, исторгнутое им в медный таз, почему-то было густо-зеленого цвета. Ни индейка, ни каштаны, ни тем более кофе такого дать не могли. Хмуря брови, Нейл поставил уже поднятый было кувшин обратно на столик. Потом утер губы полотенцем и медленно обвел взглядом спальню. Он не мог заснуть — но заснул. Прямо за столом, склонившись над рисунком, и при зажженной свече — которая, в отличие от жалкого огарка на подоконнике в спальне Сандры, осталась почти целой. И он не замерз до рассвета без одеяла — хотя когда

вечером вернулся к себе, пламя в камине уже едва теплилось. А эта странная зелень и целый кофейник крепкого черного кофе, что вместо бодрящего дал почему-то снотворный эффект?..

Лицо Нейла, без того бледное, сравнялось цветом с бумагой. К горлу опять подступила тошнота.

Это не могло быть простым совпадением. Кто-то добавил в его кофе что-то еще, то, что заставило его уснуть с пером в руке. Кто-то потом вошел в его комнату, запертую изнутри, погасил свечу, чтоб не случилось пожара, и заново разжег камин, чтобы он не замерз, — даже не попытавшись его разбудить или уложить в постель, поняв, что не выходит... Кто-то, кто не хотел быть пойманным за руку. Тот, у кого были ключи от всех дверей, кто разбирался в зельеварении и кто точно знал, что Кассандра Д'Элтар проведет эту ночь под крышей отчего дома.

«Нет, — мысленно простонал Нейл, осененный страшной догадкой. — Он же не мог!..»

И тут же вспомнил отца, торжественно вносящего в гостиную поднос с кофейным сервизом. Потом вспомнил руку с гербовой печаткой на безымянном пальце, протягивающую ему наполненную чашечку, аромат пряных специй... Мог, безжалостно подтвердил догадку голос разума. Мог и сделал — больше было некому. Нейл стиснул в руках полотенце.

— Ваша милость, — как во сне услышал он стук в дверь и знакомый голосок служанки. — Половина восьмого, завтрак уже на столе, и ее светлость просила вас разбудить...

Нейл медленно повернул голову.

— Я не буду завтракать, Тина, — хрипло отозвался он. — Передай Анре, чтобы к девяти вызвал экипаж до столицы и разбудил меня через час.

— Как прикажете, ваша милость.

Она ушла. Нейл, постояв над тазом еще немного, намочил полотенце и растер им лицо. Потом набил рот снегом с подоконника, подождал, пока растает, прополоскал горло талой водой, сплюнул в таз и закрыл окно. И опустившись на край постели, бездумно уставился себе под ноги. «Всё-таки ты редкий идиот, эль Хаарт, — всплыл в памяти насмешливый голос Фаиза. — Тащишь в рот что ни попадя, и ничему тебя жизнь не учит».

— Да, — пробормотал Нейл. — Ничему...

К девяти утра прибыл наемный экипаж. Он отвез Нейла в Мидлхейм, на Кипарисовую улицу, и ворота королевского госпиталя вновь распахнулись перед ним. Нейл прошел длинной аллеей, поднялся по высоким ступеням крыльца и, оказавшись в наполненном людьми шумном холле, поднял взгляд к лестнице. Он сам не знал, зачем он приехал. Наверное, только потому, что обещал — пусть и понимал, что никто не расстроится, если он не сдержит слова. Таких, как он, здесь наверняка был не один десяток: чьих-то сыновей, пристроенных отцами на теплое место, где они точно так же, как дома, били баклуши — с десяти до трех, пять дней в неделю, именуя это ничегонеделанье «службой». Но на самом деле никому они тут не были нужны, даже сами себе. «И я тоже не нужен, — подумал Нейл с какой-то усталой безысходностью. — К чему мне этот госпиталь? Что я буду здесь делать? Бумажки перекладывать, как Фаиз в своем дипкорпусе?» Подумав об алмарце, он мысленно усмехнулся. Пусть Нейл ничего не понимал в работе разведки, но даже ему было понятно, что должность младшего письмоводителя, которую с недавних пор занимал Фаиз ан Фарайя, по факту являлась ширмой. Служил он совсем другому делу, и служил всерьез. «А я?» — в

очередной раз подумал Нейл.

— Я могу вам чем-то помочь, сударь?.. — раздался голос у него за спиной, и сын первого алхимика Геона обернулся. Давешний юнец в форменном камзоле, что сидел у дверей за конторкой, вежливо улыбнулся и повторил свой вопрос.

— Нет, спасибо, — пробормотал Нейл. Вздохнул, сделал шаг к лестнице — и, вдруг развернувшись, тряхнул головой: — Хотя погодите! Пожалуй, можете. Не подскажите ли, по какому адресу находится пятый солдатский госпиталь?

— Охотно, сударь, — всё с той же вежливой улыбкой отозвался юнец. — Северная окраина, улица Ткачей, двадцать второй номер. Вам записать?

— Благодарю, — сказал Нейл. — Я запомню.

Пятый солдатский госпиталь — длинное одноэтажное здание красного кирпича, с узкими окнами и проржавевшей оградой — располагался в самом конце улицы Ткачей. Выглядел он запущенным и старым. Нейл отпустил экипаж и вошел в покосившиеся ворота. У одной из створок сидел боец в наброшенной на плечи шинели, что-то вырезающий из деревяшки перочинным ножом, — на незваного гостя он даже не взглянул. Нейл миновал недлинную, всю в колдобинах, подъездную аллею, окинул взглядом пустынный двор со службами и, поднявшись на три ступени вверх, потянул на себя ручку высокой двери.

В открывшемся за нею холле было сумрачно и пахло карболкой. Еще один боец, уже в солдатском мундире, дремлющий за столом у входа, поднял голову на скрип дверных петель. Лицо у него было опухшее и сонное.

— Чем могу служить? — спросил он, глядя на Нейла.

— Доброе утро, — несколько смущенно ответил тот. — Мне... Я бы хотел увидеть полковника Рейли.

— Вам назначено, сударь? — с сомнением уточнил боец. Нейл покачал головой. — Тогда как прикажете доложить?..

Нейл назвал себя. Боец раскрыл лежащую перед ним потрепанную конторскую книгу, сделал короткую запись и снова поднял голову.

— Сэм! — позвал он, обернувшись к темному коридору за своей спиной. — Эй, Сэм!.. Поди сюда!

Полминуты спустя из коридора появился еще один солдат.

— Тут вот, — кивнув в сторону Нейла, сказал ему дежурный, — посетитель к его высокоблагородию. Ему не назначено, так уж будь другом, сведи к капитану в приемную, пусть он решает. Капитан ведь у себя?

— Был у себя, — пожав плечами, отозвался солдат. — В город собирался, но пока вроде еще не уехал... Покорнейше прошу за мной, сударь.

Он сделал приглашающий жест рукой и направился через холл в коридор напротив. Нейл шел следом, втихомолку вертя головой по сторонам. Да, пятый солдатский госпиталь был не чета королевскому и определенно знавал куда лучшие времена: несмотря на царящую вокруг чистоту и порядок, обветшалость его бросалась в глаза. Беленые стены во многих местах шли трещинами, рассохшиеся доски пола, скрипя, гуляли под ногами, а от окон сквозило так, что только держись. Похоже, полковник Рейли не преувеличивал, говоря о бедственном положении дел. «Неужели и в палатах то же самое?» — ежась от холодного сквозняка и неодобрительно хмурясь, подумал Нейл. Вслед за своим провожатым он свернул в следующий коридор, потом еще в один, и остановился перед закрытой дверью,

выкрашенной зеленой краской.

— Как прикажете доложить, сударь? — обернулся к нему солдат. Нейл снова назвал свое имя, и боец скрылся за дверью. Вернулся он быстро.

— Капитан Фоссет примет вас, сударь, — сказал он. — Покорнейше прошу...

Нейл, благодарно кивнув, переступил порог скудно обставленной приемной. Секретаря здесь не было — лишь длинная лавка у одной стены, несколько закрытых высоких шкафов у другой, пыльное окно и еще одна дверь напротив. Она была открыта.

— Капитан Фоссет? — потоптавшись у порога, подал голос Нейл.

— Входите, входите, милостивый государь, — отозвался из смежной комнаты чей-то энергичный голос. Молодой человек вошел и поклонился стоящему над заваленным бумагами столом высокому подтянутому офицеру лет тридцати, в синем мундире и наброшенном поверх теплом плаще. Тот улыбнулся, приветственно склонив голову, и указал посетителю на стул.

— Прошу, — сказал он, сдвигая бумаги и тоже усаживаясь. — Его высокоблагородие сейчас на операции, так что, боюсь, в ближайшее время никак не сможет вас принять. Но как его заместитель я к вашим услугам, герцог, — или рядовой Ланс неправильно запомнил имя, и королевский магистр алхимии вам не родственник?..

— Родственник, — помедлив, сказал Нейл. — Он мой отец, всё верно.

— Весьма польщен. Так вы прибыли по поручению его светлости?

— Нет. Я в некотором роде... — Нейл запнулся. И, робея под устремленным на него взглядом живых умных глаз, признался как на духу: — Я, можно сказать, доброволец. Слышал, что в госпитале не хватает рук, и... вот, решил предложить свои.

Капитан Фоссет на миг прищурился.

— С добровольцами нынче у нас негусто, — сказал он, задумчиво глядя на Нейла. — Однако — простите за прямоту, герцог, — меня несколько удивляет такой выбор. Служба в солдатском госпитале не сахар, людей и впрямь катастрофически не хватает, а работы много, причем тяжелой.

— Работать я и пришел, — ответил Нейл.

— Очень хорошо. Но позвольте узнать — кем? Штатным алхимиком?

Молодой человек смутился.

— К сожалению, — неловко проговорил он, опуская глаза, — я не успел закончить полный курс обучения. Бар-Шабба... Да вы, полагаю, знаете. Магистерской грамоты у меня нет, а единственная рекомендация осталась у главного алхимика королевского госпиталя...

— Вот как, — протянул капитан. — Королевский госпиталь? Стало быть, там вы не пригодились?

— Меня готовы были принять ассистентом, но их там и без меня слишком много, — сказал Нейл, глядя себе под ноги. — И мне хотелось бы действительно что-то делать, а не... Бар-Шаббу я покинул адептом боевого факультета, но до четвертого курса полагал пойти по стезе алхимии. Мои преподаватели говорили, что в этом есть смысл.

— А его светлость?

— Насколько мне известно, он с ними согласен. Конечно, знаний моих недостаточно, а опыта так и вовсе нет, но...

Он умолк, сам понимая, как жалко это звучит. Однако капитан Фоссет лишь коротко пожал плечами.

— Алхимик при госпитале имеется, — сказал он. — Но, увы, у него только две руки и

всего один помощник, что уже месяц работает без смены. А высшая школа Бар-Шаббы известна высоким уровнем своих преподавателей, полагаю, для ассистента будет довольно и среднего курса алхимии. Что ж, герцог, мы пойдем вам навстречу — если мэтр де Берни сочтет это возможным. Люди нужны.

Капитан поднялся из-за стола.

— Не вижу причин откладывать дело в долгий ящик, — сказал он. — Мэтр у себя в лаборатории. Пойдемте.

Молодой человек кивнул и следом за деятельным капитаном покинул кабинет. Вдвоем они миновали еще один коридор, прошли неширокой закрытой галереей, продуваемой всеми ветрами, и остановились у белой двустворчатой двери.

— Лаборатория, — сказал Нейлу капитан Фоссет.

Он постучал, с той стороны донесся чей-то сухой кашель, короткое «Да-да?..», и они вошли. Капитан представил Нейла главному алхимику госпиталя, добродушному плотно сбитому старичку в пенсне, объяснил цель прибытия и, препоручив ему соискателя, откланялся.

— Буду после обеда, — на прощание сказал он и добавил: — Попробую всё же выбить вам новый пресс!..

— Вот уж было бы славно, — вздохнул мэтр де Берни. — Милостью Танора, может, хоть на этот раз вы до них достучитесь, капитан. Удачи!

Тот кивнул и вышел. Алхимик потер озябшие руки и посмотрел на Нейла.

— Ну-с, молодой человек, — весело сказал он, склонив голову к правому плечу, — вы, стало быть, хотите ко мне в помощники?..

Нейл против воли улыбнулся.

— Если только я вам подойду, мэтр. К сожалению, рекомендаций у меня нет, и табели я с собой захватить не догадался, но по алхимии у меня три года подряд был высший балл.

— А! — махнул рукой тот. — Табели, грамоты — всё это бумажки! Главное — оно в голове... Пойдемте в лабораторию. Проверим, так сказать, ваш багаж в деле!

Из маленькой приемной, в которой было не повернуться, они прошли через вторую пару дверей в большую светлую комнату, заставленную стеклянными стеллажами, на полках которых теснились ряды склянок, коробки с препаратами и прочий лекарско-алхимический скарб. У двери исходила жаром чугунная печь, на которой что-то кипело в большой железной кастрюле, а весь центр комнаты занимал лабораторный стол с мраморной крышкой. Возле единственного — правда, огромного, в полстены, окна за столом поменьше сидел молодой человек в серой робе и с таким же серым лицом. Он растирал что-то в медной ступке.

— Позвольте представить, — сказал, входя, мэтр де Берни. — Господин Пристли, мой бессменный помощник! Пристли, познакомьтесь — господин эль Хаарт, возможно, в скором ваш коллега.

Пристли поднял голову от своей ступки, взглянул на Нейла тусклыми глазами и неразборчиво пробормотал слова приветствия. Судя по унылому голосу, на то, чтобы в обозримом будущем стать не «бессменным», он не слишком надеялся.

В лаборатории было тепло, и Нейл, сняв плащ, повесил его на крюк у двери. Мэтр, порывшись в шкафу, вынул свежую защитную робу.

— Извольте, — сказал он, протягивая ее Нейлу. — Надевайте, я помогу с завязками. Увы и ах, но мы с Пристли трудимся здесь вдвоем, хотя по штату мне положены

лаборанты... Готово. Прошу сюда, господин эль Хаарт.

Нейл следом за алхимиком подошел к еще одному столу, у стены. С правой его стороны громоздился выдавший виды лабораторный инвентарь, а слева над пузатой горелкой нависал тронутый ржавчиной кронштейн. В тисках его была зажата колба, до половины наполненная прозрачной голубоватой жидкостью. Нейл машинально принюхался — и сморщил нос.

— Согласен, — заметив это, со вздохом кивнул мэтр. — Концентрат немии до второй перегонки — отнюдь не духи! Но ему надобно остыть, а отдельного чулана, как видите, у нас нет... Садитесь, молодой человек. Я как раз собирался немного помочь дорогому Пристли и смешать дюжину-другую порошков. Вот, пожалуйста, здесь и весы, и мерные ложечки, и препараты, а рецепты я вам сейчас дам...

Он выдвинул ящик с краю стола, достал лист бумаги и, отойдя к ветхому бюро у окна, зачеркал пером. Нейл покосился в сторону кронштейна со зловонной склянкой.

— Немия — средство проверенное, — с сомнением обронил он, — но разве оно не устарело, мэтр? Мне казалось, для обеззараживания поверхностей давно уже применяется эликсир Тилбота. У него и спектр шире.

— Так-то оно так, милостивый государь, — вздохнул алхимик, — да составляющие больно дороги! В солдатских госпиталях всё по старинке... Вот, держите.

Мэтр вручил Нейлу испещренный каракулями лист.

— Почерк у меня не ахти, — добавил он извиняющимся тоном, — так что спрашивайте, если будет неясно.

Соискатель, кивнув, положил лист на стол перед собой. Прочел, чуть нахмурил брови, перечитал еще раз и обернулся:

— Тут, кажется, ошибка, мэтр де Берни, — сказал он. — Во втором и седьмом рецепте... Вот, поглядите.

Алхимик с живым интересом заглянул ему через плечо. Палец Нейла скользнул по третьей строчке сверху.

— Вот здесь, — сказал он, — написано «одна десятая унции сублимированного порошка анитры на две капли сока реннеи» — но ведь это слишком много! Анитра в таком количестве совершенно забьет всё остальное. Может, имелась в виду одна сотая унции?..

Мэтр подслеповато прищурился.

— И точно! — горестно всплеснув руками, воскликнул он. — Вот уж верно говорят, поспешишь — людей насмешишь! Вы поправьте, господин эль Хаарт, вот вам перо. А что с седьмым рецептом?

— С ним совсем непонятно. Тут указана смола эрсилии — судя по остальным компонентам, это мазь для обработки ран? Но ведь эрсилию в любой концентрации нельзя наносить на открытые повреждения мягких тканей! Или я что-то неправильно понял?..

— Правильно, — отозвался тот с таким растерянным видом, что Нейл с трудом удержал улыбку. Опытный алхимик — а мэтр де Берни, без сомнения, как раз им и был — никогда не наделал бы таких ошибок. «Надеюсь, первую проверку я прошел», — подумал Нейл.

— И как я так оплошал? — бормотал тем временем старичок, качая головой. — Эрсилия! Верно, из другого рецепта вкралось... Вычеркните, господин эль Хаарт, уж будьте так добры. И впишите на ее место... м-м...

— Пыльцу нигеллы? — пришел ему на помощь Нейл. — Три сотых унции на двенадцать порций, я полагаю, будет достаточно.

Мэтр улыбнулся, выпрямляясь.

— Вполне, — сказал он, бросив ободряющий взгляд на своего замученного помощника. — Приступайте, молодой человек! Все компоненты уже готовы, вот они, осталось только смешать. А я, если позволите, пристроюсь тут с краю, заполню пару формуляров, — вечно на них не хватает времени!

Нейл кивнул, возвращая рецептурный лист на стол. И осторожно отведя к стене штатив с концентратом, потянулся к футляру с мерными ложечками.

В десятом часу вечера капитан Фоссет, заместитель главы пятого солдатского госпиталя, вошел в кабинет своего начальника.

— А, Тревис, — на миг подняв голову от бумаг, сказал полковник Рейли. И заметив в руках капитана пухлую папку, поморщился. — Опять отчеты? Видят боги, как надоела эта проклятая бюрократия!

Капитан философски пожал плечами:

— Что поделать, ваше высокоблагородие, без нее никуда.

— А заместитель мне для чего? — ворчливо буркнул полковник. — Сам бы и просмотрел, и завизировал — учить мне тебя, что ли?

— Уже сделано, ваше высокоблагородие. Но как бы хорошо я ни умел подделывать вашу подпись, увы — необходима печать!..

Тот хмыкнул и, отложив перо, потянулся к лежащему перед ним футляру. Капитан подошел к столу, раскрыл папку и вынул из нее аккуратную стопку листов.

— Отчета всего четыре, — сказал он. — Еще несколько запросов из лаборатории, на препараты, акт приемки оборудования и приказ о зачислении...

Глава госпиталя, уже склонившись с печатью в руке над первым отчетом, шевельнул бровью.

— О зачислении? Кого и куда?

— Второго помощника-лаборанта к мэтру де Берни. Собственно, он уже и работает, с самого утра, но можно оформить задним числом.

Полковник недоверчиво крикнул.

— Надо же! — всё тем же ворчливым тоном обронил он, протягивая руку за листом приказа. — Неужели у ведомства проснулась совесть?..

— Сомневаюсь, ваше высокоблагородие. Но не исключено, что вскоре проснется, — видите ли, у нас объявился доброволец. И милостью богов он носит имя первого алхимика Геона.

— Хм! — полковник пробежал глазами строчки приказа и качнул головой: — Надо же. Нейлар эль Хаарт, сын королевского магистра алхимии — добровольцем в солдатский госпиталь?

— Именно, ваше высокоблагородие. Похоже, удача наконец-то повернулась к нам лицом.

— Хм! Хм!

Капитан, правильно истолковав сомнения, проступившие на его лице, улыбнулся:

— Как я уже сказал, соискатель здесь с самого утра. И мэтр им доволен. К тому же, как я понимаю, господин эль Хаарт приносил присягу — хоть и успел проучиться на боевом факультете лишь несколько месяцев...

— А! Бар-Шабба?

— Так точно.

— Боец, стало быть?.. — одобрительно прищурился Рейли. Заместитель кивнул и добавил:

— Но по словам мэтра де Берни, в алхимии он знает толк. И, кстати, отказался от места ассистента при главном королевском госпитале — сказал, что, мол, хочет «действительно что-то делать».

— Хм! И делает?

— Еще как. До сих пор в лаборатории. Полагаю, взять его стоит — хотя бы на испытательный срок. Ко всему прочему, первый алхимик...

Глава госпиталя сердито передернул плечами.

— Первый алхимик! Где он и где мы?.. Не обольщайся, Тревис, магистру сейчас и без солдатских госпиталей есть чем заняться. А мне не протекция нужна, а люди — которые хотят и умеют работать!

— Ну, — тихо фыркнул капитан Фоссет, — по словам господина эль Хаарта, именно за этим он к нам и пришел. Так что, возьмем? На испытательный?

— Отчего же не взять, — подумав, сказал полковник. — Раз ко двору пришелся. Зачисляй в штат, поглядим, надолго ли его хватит.

Он обмакнул кончик пера в чернильницу и размашисто подписался внизу приказа. Следом за подписью поставил печать, вернул лист своему заместителю и, взяв в руки следующий, вздернул брови:

— Новый пресс в лабораторию? Да ты герой, Тревис! Как тебе это удалось?

Капитан Фоссет скромно опустил глаза долу. И, вздохнув, честно признался:

— С трудом, ваше высокоблагородие...

Нейл покинул госпиталь около десяти, за воротами уже стемнело. Вновь поднялся ветер, предвестник скорой метели, а улица Ткачей, и днем-то немногочисленная, совсем опустела — ни редких прохожих, ни экипажей, ни даже фонарей толком на ней не было, и новоиспеченному второму помощнику мэтра де Берни пришлось бы поплутать по окраине, но судьба над ним сжалилась. Один из штатных лекарей, живший в Шелковом переулке, подбросил его до главного храма Танора. «На Ткачей наемных экипажей днем с огнем не найдешь, — сказал он Нейлу. — Но на Центральной с этим полегче. Полковник выбил для сотрудников госпиталя казенную развозку, да вы нынче припозднились, сударь, — последняя уходит в половине девятого». Нейл, поблагодарив, сказал, что запомнит. Потом выпрыгнул из лекарского экипажа у храмовой площади, натянул пониже капюшон плаща и побрел в сторону Центральной улицы. Ветер крепчал с каждой минутой, в лицо летела колючая снежная взвесь, ныл затекший от долгого сидения в одной позе затылок... Он устал за этот день. Вслед за партией порошков и мазей пришел черед эликсиров, потом Нейл сменил у окна печального Пристли — до сих пор болело запястье от медного пестика — а после всё пошло по новой. Порошки, мази, перегонка вонючего концентрата немии, кипячение инструментов, сортировка просушенных трав и далее, далее, далее. В целом дело было знакомое и не сказать, чтоб такое уж трудоемкое, но к вечеру Нейл совершенно выдохся. «Ничего, — позевывая в воротник, думал он, шагая вперед по тротуару. — Это всё с непривычки. Неделя-другая — и станет полегче».

Лицо его под капюшоном тронула тень. На самом деле, никто не гонял Нейла до седьмого пота — он сам весь день хватался за любую работу, лишь бы хоть что-то делать и ни о чем не думать. Ни о Сандре, с которой им так и не пришлось встретиться, ни об отце.

Он и в госпитале-то допоздна задержался лишь потому, что просто не хотел ехать домой.

На Центральной улице, несмотря на погоду, наемных экипажей было вдоволь. Заметив сквозь белую вихрящуюся муть огонек фонаря на облучке, Нейл шагнул к мостовой, вытянул руку — и вскоре уже катил сквозь метель в направлении Восточных ворот. Хотя будь его воля, остался бы этой ночью в столице. Он не представлял, как сможет посмотреть в лицо отцу — после того, что тот сделал, но больше идти ему было некуда. К де Шелоу нельзя, учитывая менталиста Зигги, к Райану тем более, а денег у Нейла с собой было в обрез. Только-только доехать до дома. «Да и всё равно пришлось бы вернуться, — думал он, трясясь на сиденье. — Не сегодня, так завтра. Какая разница?..»

Экипаж добрался до верстового столба с гербом эль Хаартов в половине двенадцатого. Отпустив его у ворот, молодой человек прошел тисовой аллеей, медленно поднялся по заснеженному крыльцу, вошел в холл и потянул с плеч плащ, одновременно с опаской прислушиваясь. Вокруг было темно и тихо. Если ему повезло, и все уже разошлись по спальням... Пристроив плащ на вешалку и стараясь ступать как можно мягче, Нейл крадущимся шагом направился в сторону лестницы. Но едва успел занести ногу над нижней ступенькой, как позади него скрипнула дверь, и голос, который он сейчас меньше всего желал бы услышать, произнес:

— Добрый вечер, Нейлар.

— Добрый вечер, — не оборачиваясь, через силу вытолкнул из себя Нейл.

— Я ждал тебя. Зайди на минуту, нам нужно поговорить.

Молодой человек коротко стиснул пальцами перила:

— А это не может подождать до завтра?

— Вряд ли.

Мысленно скрипнув зубами, Нейл развернулся — в освещенном проеме двери в библиотеку стоял герцог эль Хаарт. Не глядя на него, Нейл прошел через холл, шагнул за порог и остановился у стола. Судя по оплывшим до середины свечам в канделябре, ждал его светлость долго.

— Где ты пропадал весь день? — спросил герцог, возвращаясь в библиотеку и закрывая за собой дверь.

— В госпитале.

— Там тебя не было.

— В пятом солдатском госпитале, — уставясь на носы своих сапог, сказал Нейл. — Меня взяли туда помощником главного алхимика. Так что во вторник к Бэнтонам я не поеду.

— Это последнее, что меня волнует, — отозвался герцог. Помолчал, глядя на склонившего голову сына, и обронил задумчиво: — Пятый солдатский госпиталь... Что ж, раз это твое решение, не мне его оспаривать. Но ты мог хотя бы сообщить, что удержишься, — мы уже не знали, где тебя искать и что думать.

— Извините. Было много работы, — он нетерпеливо шевельнул плечом. — Теперь я могу идти?..

Его светлость не ответил. Сын стоял перед ним, не поднимая глаз, и весь был как натянутая струна. Однако виноватым не выглядел, скорее наоборот. Знает, понял Кендал. Или как минимум догадывается.

— Посмотри на меня, Нейлар.

Молодой человек, дернув щекой, с явной неохотой поднял голову. Лицо у него было бледное, а в голубых глазах стоял холод.

— Я так понимаю, — после паузы невесело усмехнулся герцог, — спрашивать, в чем дело, уже нет нужды...

— Нет, — тоже помедлив, отозвался сын. — Не знаю, что вы там вчера в меня влили, но с таким количеством кофе оно не поладило. Ну и свечу, пожалуй, вам гасить не стоило. Вы всерьез полагали, что я ничего не пойму?..

Его светлость неопределенно шевельнул плечом.

— Надеялся, — обронил он. — И, похоже, очень тебя недооценил. Однако, я вижу, снотворное было не зря — а ведь ты обещал мне, Нейлар. Так-то ты держишь слово?

По лицу напротив прошла короткая судорога.

— Так я еще и виноват?.. В том, что *вы* сделали?..

— Боюсь, выбора ты мне не оставил. Я, в отличие от тебя, не бросаю слов на ветер. И я обещал барону...

— Барону? — не совладав с собой, вскинулся Нейл. — А я? Обо мне вы подумали?!

— В первую очередь.

— Чуть! Вас заботило только собственное спокойствие! И вы... Да лучше бы вы меня под замок посадили!

— Сомневаюсь, что помогло бы.

Нейл сжал кулаки.

— Это было низко, отец, — глухим голосом сказал он. — Низко и подло. Сандра — мой единственный друг, а вы даже не дали мне с ней проститься!

— Не дал, — его светлость, с честью выдержав испепеляющий взгляд сына, обошел стол и остановился позади кресла. — Кассандра Д'Элтар не маг. И вы уже не дети, какими были когда-то.

— Вы же знаете, Сандра мне как сестра!

— Но она тебе *не сестра*, — веско уронил герцог. — Когда ты уже это поймешь? И разве кроме нее у тебя нет друзей? Разве я тебе не друг, Нейлар?..

Молодой человек со странным смешком расправил плечи.

— Друзья так не поступают, — сказал он. — Так поступают буревестники. А их вокруг меня, поверьте, более чем достаточно.

Он развернулся и направился к двери. Герцог сжал пальцами спинку кресла.

— Нейлар!

Сын, уже стоя на пороге, обернулся.

— Как вы могли, отец?.. — тихо спросил он, вглядываясь в лицо его светлости, будто пытаясь что-то в нем отыскать. И столько горечи было в этих словах, что у Кендала защемило сердце.

Герцог шевельнул губами, но сын не стал дожидаться ответа. Круто развернувшись, он почти бегом пересек холл и взлетел вверх по лестнице. Чуть погода на втором этаже глухо захлопнулась дверь.

Граф Бервик шагнул через порог, и прохладная темнота королевского винного погреба привычно окутала его, сгустившись вокруг масляного фонаря, что он держал в руке. По привычке прислушиваясь, его сиятельство на миг застыл на верхней ступеньке, хотя знал, что опасаться ему сейчас некого — агенты верховного мага пока не пронюхали о тайном лазе из погреба к самому центру скалы, а ранним утром их активность обычно падала.

Что, впрочем, был еще не повод расслабляться.

Его сиятельство поднял фонарь повыше и принялся спускаться вниз. Он торопился: вчера и позавчера добраться до погреба ему так и не удалось, через час он должен был вернуться в свои покои, а найденные еще третьего дня в одной из заваленных комнат пыльные папки лишь множили вопросы, не давая ответов. Ясно пока было только одно — ход засыпали намеренно, со знанием дела и на века. А значит, было что прятать.

Оставив позади лестницу и пройдя меж рядами бочек, граф свернул к стеллажам. Поравнялся с нужным, перебросил фонарь из правой руки в левую и выбил по камню стены в узкой нише условную дробь. В ответ тихо закрипело дерево: стеллаж выдвинулся навстречу, открывая за собой неширокий темный проход. Плечом вперед Бервик скользнул в него.

— Всё тихо? — спросил он, очутившись внутри каменной клетки, где его встречал номер Двенадцатый. Буревестник кивнул. Потом отжал рычаг в стене — стеллаж медленно вернулся на место — и взял у его сиятельства фонарь.

— Ночью в архиве шуршало, — сказал он, — так, вполсилы, похоже на кого-то из архивариусов, но мы на всякий случай работы приостановили.

— Да, стена не скала, — согласился Бервик, сворачивая к узкой каменной лесенке. — Правильно... А точно архивариусы?

— Девятый сейчас проверяет.

Граф кивнул и спустился по лесенке в круглую комнату с тремя дверями. Те две из них, что были найдены заложеными кирпичом, уже расчистили вслед за первой — обнаружив, однако, лишь два новых завала. Их понемногу расчищали тоже, вслед за основным коридором, но дело шло медленно: камня бывшие хозяева не пожалели, а одних буревестников было мало для такой тяжелой работы...

Бервик, вздохнув про себя, бросил взгляд на стол. Папки с загадочным содержимым, найденные под завалом из камней и превратившейся за десятки лет в труху древесины, уцелели чудом и сейчас аккуратной стопкой были сложены с краю. Над первой, раскрытой, склонился еще один буревестник. Он усердно скрипел пером, перенося на бумагу длинные столбики символов. Найденные документы все были зашифрованы, а пергамент, на который сей шифр был нанесен, дышал на ладан. Желтый и ломкий, он крошился углами от любого прикосновения, и номер Первый велел переписать найденное, опасаясь, что в один далеко не прекрасный день содержимое папок может просто рассыпаться в прах.

— Как продвигается? — спросил он, остановившись за правым плечом писца. Тот, оглянувшись, чуть приподнялся на стуле и склонил голову в приветственном поклоне.

— Первая папка за середину перевалила, ваше сиятельство, — сказал он. — Но пергамент уж очень ветхий, как бы не опоздать. Мне бы в помощь еще пару рук!

— А лучше две пары, — кивнул Бервик и посмотрел на спустившегося следом за ним

Двенадцатого. — Посади рядом тех, кто посвободнее, заодно и быстрее пойдет.

— Так точно.

— С шифром разобрались?

— Пока нет. Но Седьмой говорит, что суть вроде как уже ухватил — видел, мол, где-то когда-то похожий принцип.

— А сам он где?

— Еще с ночи в секретном архиве, думаю, скоро будет.

Граф кивнул еще раз. На Седьмого, не только отменного бойца, но еще и талантливое дешифровщика, можно было положиться смело.

Его сиятельство отошел от стола.

— Как расчистка завалов? — спросил он, оглянувшись на Двенадцатого и кивнув в сторону еще недавно заложённых кирпичами дверных проемов. — Есть что-нибудь?

— Одни камни, ваше сиятельство. Похоже, просто соединительные коридоры. Но судя по кривизне пола, оба ведут наверх.

— Есть предположения, куда конкретно?

— Второй считает, что во дворец, — пожал плечами буревестник, — но это вряд ли. Иначе тайная канцелярия была бы здесь раньше нас.

— Скорее всего, — Бервик, задумчиво прищурившись, скользнул взглядом по двум темным провалам в стене и в сопровождении Двенадцатого направился к каменной арке с открытой настежь дверью.

— Четвертый докладывал, вы нашли кое-что любопытное. Там?..

Он, чуть пригнувшись, прошел под аркой и кивнул налево. В конце длинного темного коридора горел свет и шевелились на стенах неясные тени. Буревестники, подобно неутомимым кротам, расчищали лаз.

Двенадцатый покачал головой.

— Нет, ваше сиятельство. Здесь. В тупике.

— Мы же его первым очистили еще полгода назад!

Буревестник развел руками:

— Это всё Седьмой. Вы знаете, какой у него нюх, — и тот тупик ему с самого начала покоя не давал. Смысла в нём нет, говорил. Всё вертелся там, стены простукивал. А вчера... Да пойдёмте, я покажу.

Он свернул направо, граф за ним. Освещая себе путь, они скоро добрались до конца неширокого пустого коридорчика, и Двенадцатый, повесив фонарь на крюк, присел на корточки.

— Вот, — колупнув пальцем окаменевшую землю, сказал он. — Видите?

Бервик, тоже присев, сощурился.

— Похоже на шов.

— Он самый и есть, свинцом залито. Седьмой торопился, не успел расчистить, но говорит, внизу люк. Здесь был спуск куда-то или к чему-то... Я на рассвете, как в архиве поутихло, простучал пол — кажется, завала там нет. Четвертый хотел попробовать вскрыть, но Второй велел дожидаться вас. Сказал, ему этот люк не нравится.

Граф, по примеру подчиненного, тоже подковырнул ногтем край взрытой борозды с неровными краями и поднялся.

— Дождитесь Второго, — сказал он, — закройте периметр куполом и вскройте. Только осторожнее. Чутье Рексфорда обычно не подводит.

— Так точно.

Забрав фонарь, они вернулись в круглую комнату. Бервик отряхнул плащ, полы которого все были в каменной пыли, и вынул брегет. Стрелки показывали начало восьмого.

— Мне пора, — сказал он. — Более или менее освобожусь после полудня — отчет по люку пришлете со Вторым, в мои покои. Если с шифром прояснится, тоже приложите к отчету. Ну и с архивом разберитесь — что-то я не припомню, чтобы наши архивариусы страдали бессонницей.

— Будет исполнено, ваше сиятельство. Второй обещал быть к восьми, воронкой. Думаю, до полудня мы с люком управимся.

Бервик кивнул и, бросив задумчивый взгляд на стол, развернулся к лестнице. Он был не номер Второй, но чутье его тоже подводило редко. «Значит, еще и люк, — думал он, поднимаясь вверх по ступеням за номером Двенадцатым. — Залитый по шву свинцом... И два коридора, ведущие неизвестно куда. Демон его разберет, что за место! Может, все-таки не стоило его трогать?..»

Райан Рексфорд прибыл к восьми, как обещал. Двенадцатый, перед тем, как смениться с дежурства, передал ему распоряжение номера Первого и откланялся, а в тупике, теперь уже освещенном полудюжиной масляных фонарей, всюю закипела работа. Окаменевший за десятилетия пол следовало дробить и снимать аккуратно, чтобы не повредить люк, — к полудню буреветники не успели. Тупик был узкий, защитный купол растянуть дальше стен не представлялось возможным, а сколотые куски приходилось носить к тачке вручную — в крошечном коридорчике два человека и то расходились впритык, тачку пристроить было попросту некуда... До самых макушек покрытые каменной пылью, Второй, Восьмой и Десятый возились в тупике долго, но в конце концов до люка всё-таки добрались.

— Здоровый, подлец, — высказался Десятый, глядя на тронутый ржавчиной почерневший квадрат в полу. Потом постучал по нему и добавил: — Прессованная листовая сталь, толщина... — он еще раз постучал и на несколько мгновений прижался к металлу ухом. — Толщина дюймов шесть, не меньше. И швы хорошо залили, намертво.

— Ну, это мы еще посмотрим, — прищурился Райан. — Отойдите-ка оба!

Десятый с Восьмым подчинились. Номер Второй обошел люк, присел, поскреб края шва ногтями и, кивнув каким-то своим мыслям, поднялся. Потом стряхнул с ладоней серую пыль и закатал рукава.

— Восьмой, — позвал он, не оборачиваясь, — ты на подхвате. Как растоплю, вытягивай в сторону. Десятый, выстави щит и возьми люк на прицел — мало ли...

Буреветники молча кивнули. Райан шевельнул пальцами, по рукам его побежали яркосиние искры, и узкий горячий луч света, ударив в землю, пополз ко шву.

Люк оказался заперт изнутри. Пришлось вновь плавить металл — теперь уже в месте предполагаемой скобы, но с этим Второй справился играючи, опыт имелся. Из оплавленной неровной дыры, за которой была темнота, донесся звук жалко брякнувшего об пол навесного замка и пахнуло тленом.

— Не склеп ли? — морща нос, предположил Восьмой. Десятый пожал плечами.

— Склеп место тихое, — обронил он, не опуская щита. — Живых бояться надо, а не покойников. Второй, прицел зафиксирован, можете поднимать. Или сначала Первому доложим?

— О чем? — вздернул брови Райан. — Про люк его сиятельство уже знает, докладывать

— так по существу! Держи прицел и щит не опускай. Восьмой, взяли!

С ломами соваться не стали из осторожности — подняли тяжелую крышку вдвоем с дистанции, на летучих цепях. Подождали немного. Приблизились. И заглянули...

— Не видно ни зги, — высказался Восьмой и, выпрямившись, снял со стены ближайший фонарь. — Ага! Лесенка-то есть!

— Уже хорошо, — скользя взглядом по узкой винтовой лестнице, что нижними ступенями терялась во мраке, обронил Райан. — Тут фута четыре, не меньше. Погоди, еще фонарь возьму... Нет, всё равно мало. Десятый!

— Свету дать?

— Да побольше...

Буревестник, шагнув к краю люка, вытянул руку вперед. На его раскрытой ладони холодной искрой сверкнула крошечная песчинка. С каждым мгновением становясь все ярче, она росла — сначала до размеров дождевой капли, потом лесного ореха, потом яблока. Достигнув объема некрупной дыни, слепящий белым светом шар сорвался с ладони мага и, описав в воздухе дугу, мягко опустился в люк. Второй и Восьмой уткнулись коленями в землю.

— Ниже, — командовал Райан, свесив голову вниз. — Еще ниже... Еще... Теперь чуть повыше — и влево... Мягче, мягче! Вот, хорошо... Еще левее. Чуть подними... Назад... Стой! А теперь прибавь огоньку!..

Десятый шевельнул пальцами. Райан Рексфорд, навалившись грудью на край люка и уже почти свесившись из него к самым перилам лестницы, оценил открывшееся ему зрелище и крикнул.

— Склеп не склеп, — пробормотал он, выпрямляясь, — но всё же могила...

Комната внизу была просторной и почти пустой. У левой ее стены одиноко притулился стеллаж с голыми деревянными полками, правая бугрилась заржавленными колесами и рычагами какого-то непонятного механизма, а прямо напротив лестницы, за придвинутым к еще одной стене широким столом, сидел мертвец. Давным-давно высохший, в длинном, до самого пола, почти истлевшем одеянии — он сидел, неестественно выгнувшись на стуле и запрокинув голову к потолку. На полу под обвисшей левой рукой в слое пыли поблескивали осколки стекла. А на груди мумии покоилась почерневшая от времени серебряная цепь амулета с расколотым поперек камнем.

Утренний королевский совет, как всегда в последнее время больше похожий на заседание военного штаба, завершился около двух часов пополудни. Сказано на нем было немало, однако словами войну не выиграешь: флот Данзара, уверенно движущийся через Алое море в арьергарде целого воздушного крыла, вот-вот ожидался к высадке на западном побережье Геона, и замедлить его ход не представлялось возможным. Бар-Шабба, пусть не вступая открыто в военный союз, предоставила Данзару свободный проход через пролив Саари — и две дюжины кораблей военного охранения, каждый с отрядом боевых магов на борту. Только последних было за тысячу. А Мэйнард Второй послал к берегам Геона пятьдесят тяжелых фрегатов, четыре сотни легких маневренных парусников — наверняка вновь не с пустыми трюмами — и драконов. Снова. Только теперь это были бомбардиры. Согласно донесениям разведки, было их около сотни — в противовес тридцати пяти у защитников запада, и вместе с армией штурмовиков, что стояла на подступе к Волчьим холмам, это была сила. Несравнимая с тем, чем готовился ее встретить Геон. Первый маршал

не торопился отчаиваться, говоря о запасе времени, о мастерстве генералов, об устойчивости их позиций и о том, что группа армий севера уже на походе, однако больших надежд это не вселяло. Даже в верховного мага, что по большей части с маршалом был согласен.

— Хоронить запад рано, ваше величество, — сказал Данстен эль Гроув по окончании совета, оставшись наедине с королем. — Да, перспективы у нас не из лучших, но они отнюдь не провальные. Полагаю, подкрепления к Волчьим холмам в любом случае подойдут раньше, чем флот Данзара достигнет побережья. Это уже большая удача. Да, конечно, погода... Но она и врагу не на руку, кроме того, наши войска стоят на своей земле, тогда как армия Мэйнарда Второго с местностью знакома весьма условно. Опять же, флот, — бухта Сирен у входа Рыбачью долину почти втрое меньше Китовой бухты, а там не повернуться у причалов. Это если не осложнит, то сильно замедлит высадку... В нынешней ситуации каждый час, выигранный у противника, для нас бесценен.

Рауль Норт-Ларрлайн невесело улыбнулся.

— Мне кажется, — обронил он, — или вы просто пытаетесь меня утешить, ваша светлость?

— Если только отчасти, ваше величество, — с точно такой же улыбкой отозвался верховный маг. — И себя заодно, врать не буду, но тем не менее шансы у запада есть и немалые.

— Хотелось бы верить... — король Геона бросил взгляд на разложенную по столу карту. — Но уввы. Если бы дело было только во времени, мэтр! Данзар идет морем, а наши войска пробиваются к западной оконечности сквозь метель, по колена в снегу. И судя по донесениям разведки, к Волчьим холмам обе армии подойдут почти одновременно — много ли радости от пары суток форы? Лагеря севера шли пешим маршем не одну неделю!

— Осмелюсь заметить, ваше величество, что двухнедельная болтанка в трюмах по беспокойному морю — тоже не отдых. Сейчас самый сезон штормов. А драконы Данзара, если вспомнить о его бомбардирах, идущих своим ходом, привыкли к более мягкому климату.

Рауль отстраненно кивнул. Бервик говорил ему то же самое — и глупо было не верить наезднику.

— Допустим, — помолчав, сказал король. — Армия Данзара измучена качкой, наша — долгим тяжелым переходом. Но вряд ли усталость сравняет счет. В сражении за долину Клевера мы потеряли полтора десятка бомбардиров, армия севера приведет два, итого пятьдесят с небольшим хвостов против сотни — и не стоит забывать о штурмовиках. С ними, кстати говоря, расклад примерно такой же.

— Но в отношении пехоты и кавалерии мы на два корпуса впереди, ваше величество.

— Пожалуй, — без особенного энтузиазма кивнул король. — Только вот что насчет магов?..

Герцог опустил глаза. Несмотря на условное, пусть и с натяжкой, равенство сил, магическая поддержка армии Геона была ее самым слабым местом — и самой большой головной болью эль Гроува. Едва ли не четверть боевых магов, брошенных на защиту долины Клевера, осталась лежать в снегу вместе с другими солдатами, а те, что выжили и готовились сражаться сейчас за Волчьи холмы, числом своим никак не могли поспорить даже с магами Данзара. А если вспомнить о той тысяче, что подарила союзнику Бар-Шабба... «Конечно, навряд ли архимаг отдал лучших, — подумал эль Гроув, хмурясь, — но даже те, что есть, элементарно задавят наших числом».

— Даже если объявить всеобщую мобилизацию, — сказал Рауль Норт-Ларрлайн, словно угадав его мысли, — стянуть на запад всех отмеченных даром бойцов мы не успеем. Разведка дает нам неделю, если не меньше, да и так ослаблять гарнизоны не лучшая идея. А королевский корпус уже ничего дать не может.

— Да, — напряженно размышляя о чем-то, пробормотал герцог. — Увы, Геону десять сотен обученных боевиков никто с барского плеча не бросит... Разве что наемники?

Рауль принужденно рассмеялся.

— Боги с вами, мэтр! Где их взять столько и, главное, на что? Война без того предприятие недешевое, а тысяча боевых магов...

— Ну, — протянул собеседник, задумчиво шурясь, — если память мне не изменяет, Алмара ведь обещала нам две тысячи?..

— Но не магами же, ваша светлость!

— Разве? Насколько я помню, в приложении к известному договору о даре не говорилось ни слова — лишь о бойцах. Но боевых магов сей пункт тоже касается, не так ли?

Король Геона сдвинул брови. На память он тоже не жаловался, а известный документ со всеми его приложениями был им зачитан до дыр — и доля правды в словах герцога имелась, однако...

— Если восток припереть к стенке, мэтр, — сказал Рауль, — магов нам, может, и дадут, но Геону оно выйдет боком: Алмара останется в дураках, а она этого не любит. Мы без того с трудом склонили ее к союзу, и так рисковать... Нет, совершенно исключено!

— Даже за наш счет?..

Его величество взглянул на своего верховного мага с легким непониманием.

— Что вы имеете в виду, мэтр?

— Необязательно давить на Алмару, — сказал Данстен эль Гроув. — Даже опасно — тут я вас поддерживаю. Но согласно тому же приложению о единовременной помощи, восток передает под наши знамена две тысячи бойцов, оплаченных им из собственных средств. Мы можем попросить половину — пока что — и да, магами, но уже на других условиях. Если платить наемникам будет Геон, Алмара явно не уйдет обиженной.

— Но и выгоды не получит.

— Отчего же? При желании, подкрепленном увесистой благодарностью...

— Опомнитесь, ваша светлость, даже если Алмара согласится на это — вы хоть представляете счет, который она нам выставит? Это будет целое состояние, которого у нас нет. Или вы собирались занять его где-нибудь под проценты?

Он с иронией усмехнулся, но верховный маг в ответ лишь пожал плечами.

— Милостью богов, ваше величество, кланяться в ноги Лессину и влезать в долги короне не придется, — сказал он. — Общее состояние семейства Виаторов в пересчете на золото составляет около миллиона ларов — и около трехсот тысяч из этого миллиона принадлежит лично главе рода. Уверен, он будет рад отдать их на благое дело.

— Герхард эль Виатор? Да ведь он за медный грош удавится! Не говоря уж о том, что я и этакой малости просить у него не стану — или вы забыли о контрабанде, достопочтенный мэтр?..

— Не забыл, — тяжело качнул головой эль Гроув. — И он тоже помнит, уж будьте уверены. Да, это измена, ваше величество, — причем с отягчающими обстоятельствами, если принять во внимание диверсию на Даккарайской пустоши. Однако казнить эль Виатора мы всё равно не можем — зато наказать монетой...

Он многозначительно умолк, не договорив.

— Резонно, — задумчиво протянул Рауль. — Но корона и так обязала герцога вернуть семьям погибших кадетов оплату за их обучение — а это уже больше ста тысяч. Если мы потребуем еще, вы представляете, какую эль Виатор поднимет бучу?

— Не посмеет, — отрезал верховный маг. — Он жаден до денег, но он не дурак и, самое главное, трус. Он уже лишился должности, влияния и высочайшего расположения — поверьте, еще и жизнью он рисковать не станет.

Король Геона помолчал, раздумывая. В сущности, идея была недурна, а если поручить ее исполнение тому же эль Гроуву — казне выйдет большое подспорье. Глава тайной канцелярии выжмет изменника досуха, а если тот попытается взбрыкнуть, быстро найдет на него управу... Будь верховный маг Геона женат, он скорее простил бы супружескую измену, чем измену своей стране. А то, на чем попался глава рода эль Виатор, ничем другим назвать было нельзя.

— Предложение заманчивое, ваша светлость, не скрою. Но успеем ли? У нас всег неделя и та условная! Положим, за герцогом, в его нынешних печальных обстоятельствах, долго не задержится — но Алмара?.. Восток не любит спешки. А времени снаряжать очередное посольство и ждать с моря погоды у нас попросту нет.

Данстен эль Гроув сосредоточенно огладил бороду.

— Ну, — словно в мыслях прикинув все за и против, сказал он, — о нашем бедственном положении, думаю, в Тигрише прекрасно знают. А золото есть золото — можно ради такого случая и поступиться разок традициями! О том, чтобы вновь снаряжать корабли, само собой, не идет и речи. Однако посол Алмары, если будет на то ваша воля, найдет способ передать своему повелителю вашу просьбу незамедлительно.

— Да, почтовый двор...

Государь с сомнением прищурился. Восток оставался востоком даже в лице своего посла, и Алмаре было не впервой извлекать выгоду из чужих бед. «Справлюсь ли я?» — подумал Рауль. Данстен эль Гроув, правильно истолковав мимолетное движение его нахмуренных бровей, тонко улыбнулся.

— Алмарский посол будет здесь хоть через час, — сказал он. — Но вам вовсе необязательно беседовать с ним лично. Вы король Геона! Полагаю, граф Бервик при участии нашего незаменимого казначея справится с переговорами не хуже...

Рауль Норт-Ларрлайн улыбнулся в ответ.

— Да, — не без внутреннего облегчения отозвался он, — его сиятельство уже показал себя при дворе светлейшего аль-маратхи, и там его помнят. А уж из королевского казначея выжать лишний лар, пожалуй, не смог бы весь Лессин вместе взятый! Но что касается эль Виатора?..

— Если позволите, ваше величество, его я возьму на себя.

«И слава Танору», — подумал Рауль. А вслух сказал:

— Лучше вас с этим делом никто не справится, мэтр. Отдаю его светлость на ваш суд — и да помогут ему боги!

— Лучше уж нам, ваше величество, — со смешком отозвался верховный маг. И добавил, посерьезнев: — Займусь сегодня же. И гонца в алмарский дипломатический корпус немедленно отошлю — к которому часу ему назначить?..

— К шести, и сообщите казначею. Графа Бервика я уведомя сам.

— Как будет угодно вашему величеству, — эль Гроув почтительно склонил голову. —

Значит, всеобщую мобилизацию пока отложим?

Король Геона вновь обернулся к карте, и на лоб его набежали морщины.

— Пожалуй, — после некоторых размышлений все-таки сказал он. — Рубежи ослаблять нельзя, да и вчерашних выпускников в бой бросать смысла нет — потерь выйдет больше, чем пользы. В лагерях центральной части страны, думаю, найдутся опытные бойцы — может, не сотни и тысячи, но всё же... Их в любом случае стоит призвать, тем более, что уж они-то за неделю на запад добраться успеют! Подготовьте приказ, ваша светлость, и предоставьте мне к вечернему совету.

— Будет исполнено, ваше величество. И кстати, о выпускниках: кадеты двух старших курсов военной школы Даккарая благополучно прибыли в лагерь Райленд — относительно них будут какие-нибудь распоряжения?

— На западе им делать нечего, — поняв его невысказанный вопрос, отозвался Рауль Норт-Ларрмейн. — Так же, как и адептам боевых факультетов магических школ Геона. Они еще не готовы, мэтр. А нам, милостью богов, пока еще есть куда отступить...

Расставшись с верховным магом у дверей малого тронного зала, Рауль послал к Бервику. В личных апартаментах его сиятельства оногo сиятельства не нашлось, так что велено было разыскать графа и уведомить, что государь ждет его в своем кабинете — как можно скорее.

Став королем, Рауль оставил свои прежние апартаменты, переселившись в покои деда, много лет простоявшие пустыми, и до сих пор еще к ним не привык. Череда гулких просторных комнат, включавших в себя спальню, гардеробную, личную гостиную, рабочий кабинет, ванную и каминную, отличалась помпезной роскошью с налетом старины и до сих пор хранила следы присутствия покойного короля — обустроить их заново для нынешнего не успели, и Рауль чувствовал себя здесь неуютно. Оставив гвардейцев у дверей, а Франко Д'Ориана в компании адъютанта — в гостиной, его величество прошел в кабинет. Уселся за стол, с тихим вздохом вытянул ноги и откинулся затылком на высокий подголовник кресла. Оно было ему велико. «Надо велеть принести мое, — подумал Рауль. — Дед, однако, и впрямь был склонен к чревоугодию, бабушка не преувеличивала...»

Рассеянный взгляд короля скользнул по стенам кабинета. Темные дубовые панели на стенах, красный мрамор на полу, густая золоченая лепнина потолка — и яркое пятно герба правящего дома над громоздким камином. Лазурно-голубой фон в серебряной оплетке, серебряный дракон, распахнувший крылья на взлете, корона, меч, щит с гербовой лентой и змеящиеся по ней слова: «Выше только небо». Девиз Норт-Ларрмейнов. «Так-то оно так, — мелькнуло в голове безрадостное, — да как бы не упасть с той высоты. Обратнo не поднимешься». На лоб его вновь набежали морщины.

Запад падет, думал Рауль. И хорошо, если только он — даже при самом удачном раскладе вряд ли Геон удержит Волчьи холмы. Да, перевалы, ущелья, Неспящая равнина — всё это с наскоку не возьмешь, но армия? Люди устали. И еще эта зима! То оттепель, то метели, а на носу февраль, самый лютый месяц в году... Рауль Первый растер пальцами ноющие виски. Будущее рисовалось ему в самых мрачных красках, даже несмотря на недельную отсрочку и далеко идущие планы эль Гроува в отношении Алмары.

В дверь коротко постучали. Рауль открыл глаза и выпрямился в кресле.

— Его сиятельство граф Бервик, ваше величество! — доложил адъютант, почтительно придерживая дверь. Названный шагнул через порог.

— Прошу прощения, ваше величество, — сказал он, склоняя голову перед своим

королем. — Дела задержали. Спасибо, Честер.

Граф кивнул адъютанту, и тот исчез, прикрыв за собой дверь.

— Дела, — эхом повторил Рауль. — Да, их с каждым днем всё больше и больше... Не стой ты там, проходи, садись.

Его сиятельство подчинился.

— Вы искали меня, ваше величество, — опустившись в кресло напротив государя, сказал он. — Я так полагаю, в преддверии скорой встречи с алмарским послом?

Рауль Норт-Ларрлайн против воли улыбнулся:

— Есть во дворце хоть что-нибудь, Натан, о чем ты не знаешь?.. Да, всё верно. Аудиенция послу назначена на шесть часов, казначея эль Гроув уже уведомил, остаешься ты. И, прямо скажу, задача тебе предстоит не из легких.

Бервик раздумчиво кивнул.

— Мне доложили о вашем разговоре с его светлостью, — хмуря брови, сказал он. — И, боюсь, предложенный им вариант с наемниками — единственная возможность остаться на плаву в нынешних обстоятельствах... Вести с запада неутешительные. Разведка докладывает о значительном превосходстве сил противника, в том числе и магическом, а времени у нас всего ничего. Подозреваю, что уже к концу недели Данзар предпримет попытку выбить нас с Волчьих холмов — а там до Неспящей равнины рукой подать. Маги нужны как воздух.

— Да, — невесело усмехнулся король Геона, — Мэйнарда Второго мы недооценили. Как и его лояльность к носителям дара — пока мы добивались равновесия, Данзар год за годом складывал на вторую чашу весов всё, что у него было...

— Увы, ваше величество, — в тон королю откликнулся Бервик, — но не забывайте, что у любой медали две стороны. Да, магическая мощь Данзара несоразмерима с нашей. Но чародеев там всё равно куда меньше, чем обычных людей. И многие из последних, поверьте, от политики своего государя далеко не в восторге.

— Насколько многие? — пытливо сощурившись, взглянул на него Рауль. Бервик тонко улыбнулся:

— Настолько, что у нас есть реальный шанс подпилить пару ножек данзарского трона, пока Мэйнард Второй занят наступлением на западе...

— Хорошо, если так, — задумчиво протянул его величество. Потом бросил взгляд на часы в углу кабинета и легонько хлопнул ладонью по столу: — Однако это мы еще обсудим. Посол прибудет к шести, и в первую очередь нужно подумать, как убедить Алмару дать нам то, что требуется, — не дав при этом понять, насколько сильно мы нуждаемся в ее помощи. Состояние герцога эль Виатора, увы, имеет свои пределы. И забрать всё не сможет даже Птицелов — не говоря уж о том, что ссориться с родом Виаторов нам сейчас крайне невыгодно.

— Согласен, ваше величество. Ну да, полагаю, достопочтенный мэтр примет во внимание все нюансы — как и господин казначей, которому сегодня предстоит знатно поторговаться... А от меня требуется выбить из Селима Тринадцатого тысячу боевых магов в самые короткие сроки — я правильно понял?

— Да. И не пережать при этом.

— Стелить, стало быть, помягче?..

— Именно.

Граф опустил голову, мерно постукивая костяшками пальцев по подлокотнику кресла.

— Вы правы, ваше величество, — помолчав, наконец сказал он, — дельце не из

простых. Но, думаю, магов Геон получит. И даже не разорится при этом, вот только...

Он покачал головой, и Рауль Первый понимающе прикрыл глаза:

— Вот только Волчьи холмы это уже не спасет? — закончил за друга он. Его сиятельство кивнул. — Что поделаешь, Натан, иногда приходится чем-то жертвовать. И Волчьи холмы против Неспящей равнины, увы, в абсолютном проигрыше.

Хмурое лицо Бервика тронула тень.

— Потеряв Хелвинд, — обронил он, — мы отделаемся еще малой кровью, ваше величество. Но от него до Черной долины меньше недели лета по прямой. Хорошо укрепленная база в тылу — оно, конечно, прекрасно, но контроль над крупнейшими угольными карьерами севера, да еще зимой — куда более весомый трофей. Если враг к ним пробьется, Мэйнард Второй очень быстро поставит Геон на колени.

Рауль Норт-Ларрлайн сдвинул брови.

— Даже до Неспящей равнины Данзару еще нужно дойти. А Хелвинд еще нужно взять. Что же касается Черной долины — ее будущее не в последнюю очередь зависит от Алмары. — он помолчал и добавил: — И от тебя.

— Благодарю за доверие, ваше величество.

Рауль тихо фыркнул:

— Звучит как проклятие.

— Что вы, как можно!.. — граф, не удержавшись от улыбки, фыркнул в ответ. И посерьезнел: — Значит, алмарский посол прибудет к шести. Что ж, хорошо. Мне хватит времени утрясти все детали с казначеем и с его светлостью... В целом идея и впрямь недурна. А посол — не глава почтового двор Селима Тринадцатого! Милостью богов, справимся, ваше величество.

Король Геона кивнул.

— Не знаю, как насчет богов, — тоже улыбнувшись, обронил он, — но в тебе я уверен, Натан... Где пропал весь день? Тебя насилу разыскали.

— В колыбели Братства, — улыбнулся его сиятельство. Рауль, скользнув взглядом к порогу, обеспокоенно нахмурился, но Бервик лишь коротко качнул головой: — Не волнуйтесь, ваше величество, стоило нашему исполнительному Честеру покинуть кабинет, комнату накрыли куполом. Говорить можно без опаски.

— Хорошо, — немного расслабился тот. — Так и что там с «колыбелью»? Нашли что-нибудь интересное?

Бервик кивнул.

— До самого ядра еще не докопались, но тем не менее, — сказал он. — Лаз себя оправдал. И там воистину было что прятать, ваше величество!

Рауль Норт-Ларрлайн вопросительно приподнял брови.

— Мы нашли люк, — пояснил номер Первый. — Запертый изнутри и залитый по швам свинцом. А под ним — замурованную комнату с гигантским механизмом во всю стену — судя по всему, подъемным. Он порядком заржавел за многие годы, так что запустить его пока не смогли, но согласно найденным записям...

— Папки расшифровали?

— Только начали, — снова кивнул граф, — но Седьмой поработал на славу. Думаю, неделя-две... Впрочем, главное выяснить удалось. Лаз засыпали и «забыли» почти полтора века назад — вместе с тем, что было сокрыто в некоей подземной камере, спуск в которую ведет из замурованной комнаты. И если верить документам, это «что-то» имеет прямое

отношение к Запретному острову.

Рауль прищурился.

— А конкретнее?..

— Вам знакома теория Пятен Хаоса? — вопросом на вопрос ответил друг. Король Геона пожал плечами.

— Постольку-поскольку, — сказал он. — Без особых подробностей, но что-то я слышал. Любопытная версия происхождения магии, не спорю, но к чему она здесь?

— Сердце Хаоса, ваше величество, — помолчав, сказал Бервик. — Оно существует. И я готов поручиться, что один из его осколков сейчас покоится в недрах горы прямо под королевским дворцом.

Больше книг на сайте - Knigoed.net